

А.И. Строганов

НОВЕЙШАЯ
ИСТОРИЯ СТРАН
ЛАТИНСКОЙ
АМЕРИКИ

А.И. Строганов

**НОВЕЙШАЯ
ИСТОРИЯ СТРАН
ЛАТИНСКОЙ
АМЕРИКИ**

Москва
«Высшая школа»
1995

ББК 63.3(0)6
С86

Федеральная программа книгоиздания России

Рекомендовано Государственным комитетом
Российской Федерации по высшему образованию

Рецензент:

д-р ист. наук, проф. *Б.М. Мериш* (Институт Латинской Америки)

Строганов А.И.

С86 Новейшая история стран Латинской Америки: Учеб.
пособие.— М.: Высш. шк., 1995.— 415 с. •

ISBN 5-06-002830-5

Это первое учебное пособие, обобщающее историю стран Латинской Америки с 1918 г. до наших дней. Много внимания уделяется особенностям развития латиноамериканских государств, культуре, быту, традициям их народов.

С $\frac{0503010000-027}{001(01)-95}$ 23—95

ББК 63.3(0)6
9(М)7

ISBN 5-06-002830-5

© А.И. Строганов, 1995

ПРЕДИСЛОВИЕ

Проблемы новейшей истории стран Латинской Америки занимают видное место в отечественной исторической науке. Начиная с 50—60-х годов было опубликовано много работ по тем или иным вопросам истории региона и отдельных латиноамериканских стран в новейшее время¹. Здесь прежде всего следует отметить коллективные исследования Отдела (ныне Центра) истории стран Латинской Америки Института всеобщей истории РАН. Среди них — цикл очерков по истории Мексики, Аргентины, Бразилии, Чили, изданных в 1960—1967 гг., Кубы (1978), обобщающие труды по истории развития капитализма и политической системы общества в Латинской Америке, по внешнеполитическим аспектам развития региона в новейшее время, а также исторические разделы и статьи двухтомной энциклопедии «Латинская Америка» (1979—1982). Большой материал по современной истории региона дает журнал «Латинская Америка», издаваемый с 1969 г.

Однако до сих пор практически нет работ, которые бы освещали новейшую историю Латинской Америки в целом, в ее систематизированном изложении, с учетом современных достижений исторической науки и которые могли бы использоваться в качестве учебного пособия. Потребность в этом назрела давно. Изданные в 1963 и 1964 гг. учебные пособия В.Г. Ревуненкова и С.А. Гонионского по новейшей истории стран Латинской Америки², сыгравшие в свое время заметную роль, к настоящему моменту устарели. За их пределами оказались три последующих десятилетия новейшей истории региона, насыщенные сложными процессами и массой событий. К тому же у С.А. Гонионского изложение начинается лишь с 1945 г. Обе книги написаны в то время, когда советская латиноамериканистика была на начальном этапе развития. Подавляющее большинство исследований по проблемам новейшей истории стран региона появилось позже. За истекшее с тех пор время сильно

¹ См. список литературы в конце текста.

² Ревуненков В.Г. История стран Латинской Америки в новейшее время. М., 1963; Гонионский С.А. Очерки новейшей истории стран Латинской Америки. М., 1964.

изменились, дополнились, стали более глубокими и многосторонними наши представления о развитии Латинской Америки в новейшее время. Существенно обновились исторические концепции. Наконец, в работах В.Г. Ревуненкова и С.А. Гонионского не освещаются общие проблемы региональной истории (за исключением введения), излагается лишь история отдельных стран.

Настоящее пособие создано на основе читавшегося автором на протяжении последних 30 с лишним лет курса лекций по новейшей истории Латинской Америки на кафедре новой и новейшей истории исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, с учетом последних достижений российской и зарубежной латиноамериканистики. Хронологические рамки пособия соответствуют установившейся периодизации новейшего времени — от окончания первой мировой войны 1914—1918 гг. до начала 90-х годов XX в. В основу изложения материала положен проблемно-хронологический принцип. Автор не ставил своей целью дать систематический обзор истории отдельных (тем более всех) стран региона за три четверти века, что практически невозможно при ограниченном объеме текста. Это лишило бы пособие целостности, превратило бы его в подобие справочного исторического издания и затруднило усвоение его содержания студентами. Автор стремился по возможности представить прежде всего общую картину исторического развития Латинской Америки как единого процесса, выделяя некоторые наиболее существенные, по его мнению, события и стараясь учесть по возможности и конкретные особенности истории отдельных республик. При этом основное внимание было уделено Аргентине, Бразилии, Мексике, Чили и Кубе — странам, играющим важную роль в жизни, истории всего региона, заметным и на международной арене. На их долю приходится $\frac{2}{3}$ населения и $\frac{3}{4}$ территории Латинской Америки. Отражение в тексте нашли также значительные события и явления в других странах, насколько это позволил объем и замысел работы.

Освещая определенные исторические процессы, явления и события, автор старался отойти от ряда устаревших и тенденциозных подходов к их оценке и вместе с тем избежать «модернизации» прошлого.

ВВЕДЕНИЕ

ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ.

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА В НАЧАЛЕ XX В.

К региону Латинской Америки относятся обширные территории Западного полушария к югу от США — Мексика, Центральная и Южная Америка с прилегающими островами общей площадью 20,6 млн. км² (15 % обитаемой суши). На рубеже 20-х годов XX в. здесь проживало 5 % населения земного шара (95 млн. человек).

Название «Латинская Америка» произошло от латинской основы романских языков, на которых говорит большая часть населения региона. Оно отражает влияние культуры и обычаев латинских (романских) народов Иберийского полуострова — испанцев и португальцев, колонизовавших эту часть Америки и затем составивших важнейший компонент сформировавшихся здесь наций.

К началу новейшего времени Латинская Америка в своем историческом развитии прошла три больших этапа. Первым и наиболее длительным из них была эпоха доколумбовой Америки, длившаяся до конца XV—начала XVI в. В ту пору население региона было представлено индейцами. К моменту прихода сюда европейцев большая часть территории Западного полушария была заселена индейскими племенами, жившими в условиях первобытно-общинного строя. В центре и на юге Мексики и в Гватемале, а также в Южной Америке вдоль Андского нагорья (от Венесуэлы и Колумбии до севера Чили, включая Перу, Боливию и Эквадор) сложились индейские цивилизации майя, ацтеков, инков, чибча. В ряде отношений их можно сопоставить с ранними цивилизациями Востока IV—II тысячелетий до н.э.

Первая заокеанская экспедиция Колумба (1492) положила начало открытию, завоеванию и колонизации Западного полушария европейцами¹. Основные территории Южной и Центральной Америки и Мексика в конце XV — первой половине XVI в. вошли в состав

¹ В последнее время термин «открытие Америки» часто заменяется другим — «встреча культур». Очевидно, обе формулы справедливы и дополняют друг друга. Это действительно встреча разных культур и цивилизаций — индоамериканской и европейской, с последующим их синтезом. Но это и открытие Америки для остального мира, и не просто «встреча», а драматическое неравное столкновение двух миров, завершившееся порабощением европейцами индейского населения.

колониальных империй Испании и Португалии (последняя завладела обширной Бразилией)¹. В истории Латинской Америки наступил трехвековой колониальный период (XVI — начало XIX в.). Был насильственно прерван естественный ход развития традиционного индейского общества, погибли древние индейские цивилизации, подверглась истреблению значительная часть местного населения, а уцелевшая была подчинена власти колонизаторов. В то же время европейцы (в частности, испанцы и португальцы) принесли в Новый Свет достижения европейской цивилизации и культуры, ставшие, наряду с индейскими традициями, достоянием и Латинской Америки. Европейские колонисты и их потомки — креолы превратились в важную и все более растущую часть населения региона. Завоз колонизаторами в Новый Свет с XVI в. негров-рабов привел к формированию здесь третьего, африканского по происхождению, компонента населения и культуры. Взаимодействие столь разнородных элементов сопровождалось ростом смешанного в расово-этническом и культурном отношении населения и формированием своеобразного этнокультурного симбиоза. Результатом таких сложных процессов и стало современное латиноамериканское общество. Именно колониальный период сыграл решающую исходную роль в его становлении.

С колониальным периодом связана начальная фаза вовлечения Латинской Америки в процессы мирового капиталистического развития в качестве его периферийной зоны, что привело к зарождению здесь раннекапиталистических элементов. К концу колониальной эпохи начинают складываться предпосылки для формирования латиноамериканских наций, пробуждаются первые ростки национального самосознания.

Война за независимость испанских колоний 1810—1826 гг. и провозглашение независимости Бразилией (1822) положили конец колониальному господству Испании и Португалии в регионе (кроме Кубы и Пуэрто-Рико, остававшихся под властью Испании до 1898 г.). Начался третий этап истории Латинской Америки — этап становления и развития политически независимых латиноамериканских государств и соответственно латиноамериканских наций. Все эти страны, за исключением Бразилии, сразу или вскоре после провозглашения независимости стали республиками. В 1889 г. была свергнута монархия в Бразилии. К 18 латиноамериканским республикам в начале XX в. присоединились Куба (1902) и Панама (1903). Из 20 государств региона 18 были испаноязычными. В Бразилии утвердился португальский язык, в Гаити — французский.

¹ Небольшие острова Карибского бассейна, а также Гвиана и Белиз в XVII—XVIII вв. оказались под властью Великобритании, Франции и Нидерландов.

На протяжении столетия — от достижения независимости до первой мировой войны — страны Латинской Америки значительно продвинулись в экономическом и социально-политическом развитии, которому были присущи свои особенности. При слабой заселенности большей части территории, неосвоенности обширных внутренних районов Латинской Америки (например, бассейна Амазонки и Патагонии), миллионные массы населения сконцентрировались в таких экономических центрах, как Буэнос-Айрес, Сан-Паулу, Рио-де-Жанейро, Мехико. Население Аргентины, Уругвая, юга Бразилии в конце XIX — первой половине XX в. заметно росло за счет иммиграции из Европы.

Наиболее крупными государствами Латинской Америки были Бразилия, Мексика и Аргентина. На долю этих трех стран приходилось около $\frac{2}{3}$ всей территории и почти 60 % населения региона. Одна Бразилия — страна-гигант — по площади (8,5 млн. км²) почти вдвое превосходила всю зарубежную Европу (без России и других государств СНГ). Значительные территории занимали Колумбия, Венесуэла, Перу, Чили. В то же время имелось более десятка небольших республик, в основном в Центральной Америке. В отличие от Азии и Африки, удельный вес колониальных владений, принадлежавших США, Великобритании, Франции и Нидерландам и сосредоточенных главным образом в Карибском бассейне, был невелик (2,5 % территории и 4,5 % населения региона).

Еще до первой мировой войны развитие капитализма в Латинской Америке достигло значительного уровня, особенно в Аргентине, Уругвае, Чили, Мексике и Бразилии, вступивших с 70—80-х годов XIX в. в фазу промышленного переворота. В этих странах в начале XX в. существовало фабричное производство, капитализм развивался и в деревне, в основном сформировались промышленная буржуазия и пролетариат. Рабочие обрабатывающей промышленности в Аргентине в 1914 г. составляли 14 %, а весь пролетариат не менее $\frac{1}{3}$ занятого населения. Важную роль в этих процессах сыграли европейские иммигранты (прежде всего в Аргентине и Уругвае). Крупная фабрично-заводская промышленность сосуществовала с массой мелких предприятий кустарного и ремесленного типа, практически отсутствовали отрасли тяжелой промышленности. В Аргентине, Уругвае и Чили более половины населения проживало в городах. Меньшим, чем в этих странах, уровень развития капитализма был в Колумбии и Венесуэле. В более отсталых республиках Центральной Америки, а также в Боливии и Парагвае капиталистическое развитие до первой мировой войны еще не привело к созданию значительной промышленности и оформлению классов капиталистического общества. Правда, удельный вес стран последней категории в территории, населении и экономике региона был невелик.

Специфика экономического и политического развития Латинской Америки во многом определялась запоздалым по сравнению с Европой вступлением на путь буржуазного прогресса. Гигантский разрыв исходных уровней развития Старого и Нового Света, обусловленный объективными историческими причинами, предопределил включение латиноамериканских стран в единый мирохозяйственный комплекс сначала путем колонизации, а затем неравноправных отношений зависимости от передовых центров мирового капитализма. Основой ускоренного перехода региона к капитализму стало приобщение его к мировому капиталистическому рынку в качестве периферийного аграрно-сырьевого звена.

Характерной чертой буржуазного развития в подобных условиях было то, что здесь новые социальные, экономические и политические структуры не просто приходили на смену старым, а, тесня их, интегрировали в свою орбиту. В частности, колониальный режим для утверждения своего господства успешно приспособил хозяйственные и общественные структуры инкского общества, индейскую общину. Плантационное рабовладельческое хозяйство (в Бразилии, на Кубе), помещичьи латифундии, подневольный труд на рудниках послужили исходной базой для вовлечения Латинской Америки в товарное производство на экспорт, на мировой капиталистический рынок, для первоначального накопления капиталов и в конечном итоге для капиталистической эволюции самого латиноамериканского общества, в ходе которой традиционные формы хозяйствования также претерпевали изменения, «пропитывались» капитализмом. В латифундиях все большее распространение получал наемный труд, кабальные формы найма сочетались с капиталистическими. Этот процесс быстрее происходил в хозяйствах, наиболее интегрировавшихся в мировой капиталистический рынок, особенно в прибрежных провинциях Аргентины, в Уругвае, в Южной Бразилии, где к тому же был велик удельный вес в населении иммигрантов из Европы. В глубинных районах, в том числе на территориях со значительными массами коренного индейского крестьянского населения (в странах Андского нагорья, в Мексике, в большинстве центральноамериканских стран), данный процесс развивался медленнее, дольше сохранялся латифундизм традиционного типа с преобладанием кабальных форм эксплуатации сельских тружеников.

Способность к интеграции компонентов старых структур в новые облегчала и ускоряла приобщение данных стран к буржуазному прогрессу, делала их податливыми к восприятию входящих извне новых, передовых форм. То же можно сказать и в отношении культуры, социальной психологии, идеологии. В результате всего за четыре столетия — от начала XVI в. до начала XX в. — Латинская Америка осуществила исторический скачок от каменного века первобытно-общинного строя и от ранних цивилизаций древневосточ-

ного типа до стадии промышленного капитализма, на что Европе понадобились тысячелетия.

Оборотной стороной этих процессов стала необычайная живучесть интегрированных элементов старых, традиционных структур в рамках новых. Это вело наряду с ускорением буржуазного прогресса к преобладанию его консервативных вариантов, укоренению многоукладности, когда формирование и развитие капиталистического способа производства сочеталось с консервацией компонентов докапиталистических укладов, с наличием мелкотоварного, патриархального хозяйства и даже первобытно-общинного строя индейских племен (на неосвоенных «цивилизацией» территориях). Это усиливало противоречивость развития общества.

В начале XX в. экономика региона носила преимущественно интенсивный аграрно-экспортный характер (а отчасти базировалась, еще для этого были условия, на добывающей промышленности экспортной направленности). И формирование промышленного капитализма происходило на основе данной экономики, а не вопреки ей. Это усложняло общую картину социально-экономического развития. В деревне господствовал латифундизм. Хозяйствам площадью свыше 1 тыс.га принадлежало не менее 80 % сельскохозяйственных угодий в Аргентине, Бразилии, Мексике, Чили. Подобное положение наблюдалось и в других странах. Крупнейшие массивы земли сосредоточивались в немногих руках. В Аргентине 500 крупнейших помещиков владели 29 млн.га, а в Бразилии 460 помещиков — 27 млн.га. Фермерская прослойка, как правило, была невелика.

Тесная связь с мировым рынком ускорила капиталистическую трансформацию латифундистского хозяйства. Широкое распространение получили капиталистические формы эксплуатации трудящихся. Но в то же время они сочетались с кабальными формами аренды и найма. В Аргентине в 1914 г. из 970 тыс. человек, занятых в сельском хозяйстве, 620 тыс. были наемными работниками. В Мексике в 1923 г. насчитывалось 3,6 млн. сельскохозяйственных рабочих. Наемный труд преобладал на плантациях кофе в Бразилии, сахарного тростника на Кубе.

Во многих странах от производства одного-двух экспортных продуктов зависела вся экономика, хозяйство приобрело уродливый, монокультурный характер. Например, Аргентина превратилась в крупнейшего поставщика мяса и зерна на внешний рынок, Бразилия и Колумбия — кофе, Куба — сахара, Чили — меди и селитры, Боливия — олова, Уругвай — шерсти и мяса, республики Центральной Америки и Эквадор — тропических культур, Венесуэла — нефти.

Развитие агроэкспортного комплекса привело к созданию обслуживающей его торговой, транспортной и финансовой системы. На этой основе сформировалась крупная, преимущественно торгово-

финансовая буржуазия. Она стала частью помещичье-буржуазной олигархии, контролировавшей совместно с иностранным капиталом экономическую, а в большинстве случаев и политическую жизнь в странах региона.

Фактическая монополия латифундистов на землю порождала безземелье основной массы сельского населения, углубляла его нищету, тормозила развитие производства на внутренний рынок. Помещики были мало заинтересованы в интенсификации производства, в эффективном использовании своих угодий, значительная часть которых не вводилась в хозяйственный оборот. В обстановке долговременной благоприятной конъюнктуры внешнего рынка и благодатных природно-климатических условий монополия на землю и без этого обеспечивала крупным земельным собственникам высокие доходы, большая часть которых расходовалась на непроизводительные нужды. Ориентируясь на экспорт, латифундизм способствовал подчинению национальной экономики иностранному капиталу.

Переход латиноамериканских стран к промышленному капитализму совпал со вступлением мирового капитализма в стадию трестов и синдикатов, с империалистической экспансией европейских держав и США. Вторжение иностранных компаний в Латинскую Америку сочеталось здесь с формированием фабрично-заводской промышленности. В данном случае опять произошло совмещение разных фаз развития капитализма (при сохранении и докапиталистических элементов). Это также отличало латиноамериканский вариант капиталистического развития от «классического» западноевропейского и североамериканского образца.

Приток иностранных инвестиций в Латинскую Америку сыграл важную роль в ускоренном развитии капитализма, включая его передовые формы, в создании железнодорожной сети, в развитии сельского хозяйства, добывающей промышленности, торговли, финансовой системы. Результатом явилось утверждение иностранных компаний в этих отраслях. В 1914 г. иностранные капиталовложения в Латинской Америке превысили 9 млрд. долл. 5 млрд. из них составили британские инвестиции (60 % последних приходилось на Аргентину и Бразилию). Крупными капиталовложениями в регионе располагали Франция и Германия. Капиталовложения США в Латинской Америке накануне первой мировой войны превысили 1,2 млрд. долл. 86 % американских инвестиций было сосредоточено в Мексике и Центральной Америке, где США уже до войны в ряде стран оттеснили Великобританию на второе место. Иностранный капитал, чрезвычайно ускоряя развитие тех отраслей, куда он направлялся, в то же время способствовал усилению агро- и сырьезкспортной и монокультурной направленности развития стран региона, в определенной степени препятствуя местному производству, усугубляя диспропорции в экономике. Доминирующие позиции

иностранных компаний в решающих звеньях экономики, рост внешнеэкономической зависимости от ведущих капиталистических держав таили угрозу суверенитету латиноамериканских республик. Особенно это проявилось в отношении небольших стран Центральной Америки и Карибского бассейна, ставших с конца XIX в. объектом интервенционистской политики США.

Выйдя на первое место в мире по уровню экономического развития и превратившись в великую мировую державу, Соединенные Штаты претендовали на гегемонию в Западном полушарии. В первую очередь Вашингтон устремил взоры на близлежащие Центральную Америку и Карибский бассейн как зону своих непосредственных геополитических интересов. США стремились не только подчинить страны этого субрегиона экономически, но и распространить на них политическое влияние и обеспечить здесь свое военное присутствие. Территориальная близость, слабость и незащищенность расположенных тут небольших государств облегчали осуществление подобных планов.

Для обоснования своей экспансии в Латинской Америке Вашингтон использовал **доктрину Монро**, провозглашенную президентом США Монро еще 2 декабря 1823 г. В ней утверждалось, что США «намерены рассматривать в качестве враждебных акций любые попытки европейских государств осуществить политическое или иное вмешательство в дела стран Американского континента». В свое время доктрина Монро сыграла положительную роль в защите только что возникших государств Латинской Америки от угроз европейских держав. В конце XIX в. она стала истолковываться как право США выражать и защищать интересы стран Латинской Америки в международных отношениях (доктрина Олни — госсекретаря США, 1895 г.).

Интервенционистская экспансия Соединенных Штатов, особенно начиная с испано-американской войны 1898 г., создала угрозу политической независимости центральноамериканских республик. В результате этой войны США захватили остров Пуэрто-Рико и прилегающие мелкие острова из группы Виргинских островов и оккупировали Кубу. США согласились предоставить независимость Кубе в 1902 г., только после того как заставили принять в качестве дополнения к Кубинской конституции 1901 г. «Поправку Платта» (по имени предложившего ее американского сенатора), серьезно ограничившую суверенитет Кубы. Согласно этой «поправке», Кубе запрещалось заключать договоры с другими странами или получать иностранные займы, если с точки зрения США они могли нанести ущерб экономике и независимости Кубы. Узаконивались все акты оккупационных властей и приобретенные по ним Соединенными Штатами и американскими гражданами права. Самое главное ущемление суверенитета новой республики заключалось в пункте,

который официально закреплял право интервенции США на острове «для сохранения независимости Кубы и поддержания правительства, способного защитить жизнь, собственность и личную свободу». Определять такой момент должны были сами США. Кроме того, в 1903 г. на побережье Кубы в районе бухты Гуантанамо США отторгли участок кубинской территории для сооружения своей военно-морской базы. Глава американской администрации на Кубе в период оккупации (1899—1902) генерал Вуд признал: «Разумеется, Поправка Платта оставила Кубе немного или никакой независимости». В последующие годы Вашингтон не раз прямо вмешивался в политическую жизнь на Кубе. В 1906 г. США вновь осуществили интервенцию и ввели оккупационный режим на острове (1906—1909).

В 1903 г. США отторгли от панамской территории зону, в которой развернули строительство межокеанского Панамского канала, открытого в августе 1914 г. и ставшего собственностью США. Морская пехота США в начале XX в. не раз вторгалась на территорию государств Центральной Америки и Карибского бассейна.

Интервенционистская политика Вашингтона в Латинской Америке получила официальное обоснование в период президентства Теодора Рузвельта (1901—1909). В 1904 г. он заявил о праве США в соответствии с доктриной Монро на «выполнение международных полицейских функций» в Западном полушарии. Широкую известность приобрела его фраза: «Нужно выражаться мягко, но держать в руках большую дубинку». В связи с этим за латиноамериканской политикой Т. Рузвельта закрепилось прозвище «политика большой дубинки». Эту политику продолжали президенты США У. Тафт (1909—1913) и В. Вильсон (1913—1921). Политика «большой дубинки» при Тафте была дополнена «дипломатией доллара», согласно которой США, по словам Тафта, имели право на «активное вмешательство в целях обеспечения возможностей нашим капиталистам и нашим купцам выгодно инвестировать капиталы».

В результате экспансионистской политики США накануне первой мировой войны прочно доминировали в экономике Панамы, Доминиканской Республики, Гаити, Кубы и Никарагуа. Американская компания «Юнайтед фрут К^о», например, владела в Центральной Америке обширными территориями, банановыми и другими плантациями, перерабатывающими предприятиями, железными дорогами, портами и иными хозяйственными объектами, обладала мощными средствами воздействия на местные правящие элиты и их политику, так что малые страны Центральной Америки даже называли «банановыми республиками», а сама «Юнайтед фрут К^о» получила прозвище «Анаконды», «Зеленого чудовища». Эти страны превратились, по существу, в полукolonии США.

Усилилось проникновение американского капитала в Южную Америку, но здесь до первой мировой войны его позиции еще были

невелики: менее 0,2 млрд. долл. против 3,9 млрд. британских. И политическое влияние Вашингтона тут было слабее.

США вынашивали планы создания союза американских государств под своим главенством. С этой целью использовались идеи «панамериканизма», «континентальной солидарности», «общности судеб» (США и Латинской Америки. В 1889—1890 гг. в Вашингтоне состоялась I Международная конференция американских государств с участием США и латиноамериканских республик. США возлагали на нее большие надежды. Но идея панамериканского союза была встречена настороженно латиноамериканскими государствами. Было создано лишь Коммерческое бюро американских республик с функциями взаимного обмена торгово-экономической информацией. На II Межамериканской конференции в Мехико (1901—1902) Коммерческое бюро было преобразовано в Международное бюро американских государств, его функции расширены. Создавался Руководящий совет бюро из дипломатических представителей латиноамериканских стран в Вашингтоне во главе с госсекретарем США. IV Межамериканская конференция (Буэнос-Айрес, 1910 г.) переименовала Международное бюро в Панамериканский союз, но отклонила предложение США признать доктрину Монро основным принципом внешней политики американских государств.

Таким образом, были сделаны шаги по пути создания постоянно действующих структур сотрудничества США и латиноамериканских республик (межамериканские конференции и Панамериканский союз), хотя главная цель Вашингтона — оформление политического объединения американских государств под гегемонией США — достигнута не была.

Большое влияние на общественно-политическое и культурное развитие стран региона оказали особенности формирования латиноамериканских наций, которые явились продуктом смешения индейского населения с европейскими пришельцами и выходцами из Африки. Нации складывались из разнородных расово-этнических компонентов соответственно социально-экономической и территориально-государственной общности. В ряде случаев эти процессы в начале XX в. еще не завершились. Например, не сложилось единой нации из индейской и креольской части населения в Перу. Продолжалась иммиграция из Европы. Выходцы из Европы и их потомки составили подавляющее большинство жителей Аргентины, Уругвая и Коста-Рики, более половины бразильцев и кубинцев. Среди потомков европейцев преобладали лица испанского (в Бразилии — португальского) происхождения. Немало было прибывших в конце XIX-начале XX в. иммигрантов из Италии (Аргентина, Уругвай), из славянских стран и Германии (Аргентина, Бразилия, Чили). Индейцы и метисы оставались основным населением Парагвая, Гватемалы, стран Андского нагорья — Боливии,

Перу и Эквадора. Метисы — смешавшиеся потомки европейцев и индейцев — преобладали в Мексике, Чили, Венесуэле и Колумбии, в большинстве центральноамериканских республик. Негры и мулаты стали основным населением колониальных владений Великобритании и Франции в Карибском бассейне, а также Гаити и Доминиканской Республики. Из негров и мулатов состояло более трети населения Бразилии и Кубы. В Карибском бассейне имелись выходцы из Индии (Британская Гвиана, Суринам, Тринидад и Тобаго) и Китая.

Взаимодействие разных традиций, культур, обычаев, психологических складов — индейских, негритянских, европейских (в основном южной романо-иберийской ветви европейской цивилизации) дало своеобразный этнокультурный сплав. Латиноамериканцев отличала свойственная многим южным народам темпераментность, склонность к ярким, эмоциональным проявлениям жизни. Это отражалось и в общественно-политической борьбе, носившей бурный характер, тем более в условиях широкого спектра глубоких социальных и экономических противоречий, социальной нестабильности, наличия массы разоренного, неустроенного, обездоленного населения, то готового к бунтарству и революционным вспышкам, то впадающего в отчаяние и пассивность либо устремляющегося за реформистскими или консервативно-реакционными деятелями.

Нестабильное, «взбудораженное» состояние латиноамериканского общества, недостаточный уровень «политической культуры», отмеченные этнические и психологические черты порождали политическую неустойчивость, определяли большой вес насилия («виолентия») в политической жизни. Это проявлялось в частых мятежах, переворотах и контрпереворотах, убийствах политических и государственных деятелей, диктатурах и массовых репрессиях, партизанских, гражданских войнах, восстаниях и революциях, в бунтарско-анархистских тенденциях в народных движениях, в том числе в выступлениях рабочих, крестьян. Превалировали авторитарные, диктаторские режимы. Конституционные, демократические формы политической жизни, партийно-политические структуры были развиты слабо, отличались неустойчивостью и деформированностью либо просто отсутствовали.

Характерной чертой социально-политической жизни латиноамериканских республик являлась живучесть патриархально-патерналистских, каудильистских (от слова «каудильо» — вождь) традиций, клановости, сформировавшихся в эпоху колониализма, провинциальной замкнутости и гражданских войн XIX в. Исходным их моментом является превалирование «вертикальных» социальных связей между «хозяином», «патроном», «вождем» и подчиненной ему массой, или «клиентелой», над «горизонтальными» классовыми и социальными связями. Суть таких «вертикальных» связей — в

сключении того или иного круга лиц вокруг сильной, влиятельной личности в надежде выбиться наверх вслед за этой личностью на правах его ближайшей опоры в конкуренции с другими аналогичными «кланами». Такой путь в обыденной, повседневной жизни выглядел наиболее доступным и реальным. И соответственно в политической борьбе, в народных движениях массы объединялись не столько вокруг конкретных политических и идеологических платформ, сколько вокруг лидеров, которые в их глазах представляли яркими, волевыми, «харизматическими» личностями, способными увлечь за собой, добиться победы и власти и обеспечить затем сверху чаяния своих последователей. На первый план выходили личные качества лидера, его умение уловить психологию, настроения масс, «толпы», предстать перед ними «своим», близким им, воздействуя не столько на здравый рассудок, сколько на эмоции и чувства, на подсознание. «Сильные личности» утверждали свою авторитарную власть в политических движениях, партиях, в государстве, часто опираясь на собственную вооруженную силу и политическую клиентелу. Они претендовали на роль верховных «вождей», «отцов» нации, народа. Массы неграмотного или малограмотного населения, особенно вне крупных экономических и культурных центров, не могли еще составить собственно «гражданское общество» и социальную базу для представительной демократии. В большинстве случаев латиноамериканские государства были республиками скорее только по названию. На деле нередко республиканский и конституционный фасад прикрывал авторитарные и диктаторские режимы либо узкоэлитарные «демократии», с отчуждением основных масс населения от реального участия в политической жизни.

В ряде стран в начале века царили диктатуры консервативных (иногда «либеральных») каудильо, как, например, диктатура Х.В. Гомеса в Венесуэле (1909—1935). В период его правления идеологами режима была разработана концепция «демократического цезаризма». Она обосновывала надклассовый и надпартийный, «демократический» характер власти диктатора-«цезаря» как покровителя и благодетеля всего народа, выразителя его интересов в условиях, когда нация не готова к демократическому самоуправлению. Под властью диктатора П. Диаса в 1876—1911 гг. находилась Мексика. В Гватемале царила диктатура Эстрады Кабреры (1898—1920).

В некоторых странах формально существовали конституционные представительные режимы с сохранением реального контроля над политической жизнью в руках олигархических кругов при слабой оформленности партийно-политической системы. Так обстояло дело в Колумбии, Бразилии, Аргентине.

В Аргентине это был режим «элитарной демократии» (1880—1916), олицетворявший политическое господство помещичье-буржуазной элиты общества в либеральных, демократических одеждах.

Аргентинские олигархические круги, тесно связанные с развитием капитализма в стране и с британским рынком, апеллировали к принципам буржуазного либерализма и объявили себя сторонниками правового, конституционного государства. Указанные принципы, разделявшиеся и демократическими и интеллигентскими кругами, были воплощены в конституции 1853 г., ставшей юридическим фундаментом сплочения страны. Она, как и конституции других латиноамериканских государств, заимствовала такие положения конституции США, как сильная президентская власть, двухпалатный Национальный конгресс, федеративное устройство с сочетанием сильной федеральной власти и широкой автономии провинций, перечень традиционных демократических свобод. В соответствии с конституцией в республике регулярно избирались президенты на 6-летний срок, без права избрания на второй срок подряд. Действовали законодательные учреждения, политические партии. После окончания гражданских войн 10—60-х годов XIX в. аргентинская армия не вмешивалась в политику.

Однако форма правового конституционного государства прививалась обществу с господством олигархических кланов, которое по уровню социального и гражданского развития еще не было готово к этому. Основная часть населения оставалась вне политической жизни. В регулярно проводившихся выборах участвовало лишь несколько десятков тысяч избирателей, в то время как общее население Аргентины в 1895 г. насчитывало 4 млн. жителей, а в 1914 г. — 7,9 млн. Однако и такие выборы превращались в формальность. На деле исход их решался заранее, в закулисных сделках между лидерами соперничавших фракций и кланов помещичье-буржуазной верхушки. «Политические партии» представляли собой именно такие фракции, были персональной «клиентелой» той или иной «сильной личности» каудильистского склада. Эти «партии» держались на личных связях и обязанностях их активистов и лидеров. Они не имели определенных программ и организационной структуры, устойчивой массовой базы. На выборах царили подлоги, мошенничества, проявления насилия. При такой системе неугодные господствующим в политике кланам кандидаты не имели ни малейших шансов. Еще больший произвол местных властей царил в провинциях, особенно на селе.

Реальное содержание «элитарной демократии» состояло в том, что она давала значительную свободу и автономию отдельным фракциям помещичье-буржуазной верхушки, аристократической элиты, ее региональным и групповым кланам, право на большее или меньшее участие каждой из фракций в системе власти. Это содействовало их сплочению в единый консервативный блок на основе компромисса олигархии Побережья, особенно провинции Буэнос-Айрес, с олигархическими группировками внутренних провинций. Именно на базе «элитарной демократии» удалось покончить с

междоусобными гражданскими войнами, преодолеть раскол и укрепить единство страны и ее политическую стабильность, придать сложившемуся режиму определенную гибкость. По сравнению с предшествовавшей эпохой «беспорядочной» политической жизни, хаоса гражданских войн, сильных патриархально-консервативных тенденций, провинциальной замкнутости «элитарная демократия» была шагом вперед по пути консолидации Аргентины, конституирования форм буржуазной государственности и обеспечения благоприятных условий для развития капитализма.

Бурное экономическое и социальное развитие Аргентины в конце XIX — начале XX в., завоевание ею ведущих позиций в регионе по уровню экономики привели к тому, что в начале XX в. «элитарная демократия» перестала соответствовать изменившимся условиям. В общественно-политическую жизнь все настойчивее вторгались новые классы и социальные слои — предпринимательские круги, рабочий класс. Сильно выросли средние слои, интеллигенция. Повышению уровня зрелости гражданского общества содействовала массовая иммиграция из Европы. Иммигранты и их дети составили большинство населения Буэнос-Айреса и других крупных городов Побережья. Правда, на первых порах основная часть иммигрантов не имела избирательных прав, поскольку далеко не сразу обрела аргентинское гражданство.

Уже в 1889—1891 гг. оформилась новая, оппозиционная режиму партия **Радикальный гражданский союз (РГС)**, возглавившая широкое движение против власти олигархической элиты под лозунгами демократизации и обновления общества. Вокруг РГС сплотились разные слои населения — от либеральных помещиков до народных низов. Это была первая в республике действительно массовая, народная по составу партия. В то же время она не имела четкой программы и развитой организационной структуры и фактически была не столько партией, сколько движением, сплотившимся вокруг «харизматической» личности одного из основателей и с 1893 г. бессменного лидера РГС **Иполито Иригойена (1852—1933)**.

В 1896 г. в Аргентине возникла **Социалистическая партия**, ставшая первой в стране политической партией в собственном смысле этого слова — с четко оформленной программой, уставом, организационной структурой. Она также повела борьбу за демократические преобразования, опираясь на трудящихся и левонастроенную интеллигенцию.

Игнорирование перемен грозило правящему консервативному блоку превращением в замкнутую касту, все более изолирующуюся от общества и потому рано или поздно обреченную на поражение. Внимание этого привлекает в среде консерваторов. В начале XX в. намечается переход их левого крыла, тесно связанного с капита-

Ahborot-resurs markazi

Илмин кутубхонаси. 993

листическим прогрессом и интеллигентскими кругами, к учету новых реалий, к поискам компромисса с оппозицией, к расширению своей социальной опоры.

Результатом явилось издание в Аргентине в 1912 г. закона о всеобщем обязательном избирательном праве. Право голоса получили мужчины — граждане Аргентины с 18 лет, с постоянным местом жительства (в Аргентине был велик удельный вес иммигрантов, не получивших еще гражданства, а также сезонных рабочих и других лиц без постоянного места жительства, на которых закон не распространялся). В политическую жизнь включались сотни тысяч новых избирателей. Закон 1912 г. обеспечил переход аргентинского общества от «элитарной демократии» к режиму представительной демократии и победу радикалов и их лидера И. Иригойена на президентских выборах 1916 г.

Сходные с аргентинской «элитарной демократией» черты имел политический режим в Бразилии, установившийся после свержения в 1889 г. монархии. Конституция 1891 г. также предусматривала основные атрибуты представительной демократии: избираемые населением президент республики (с полномочиями на 4 года без права переизбрания на второй срок), Национальный конгресс, органы власти штатов, демократические свободы. Избирательное право имело аналогичные Аргентине начала века ограничения. Не допускались к выборам неграмотные, составлявшие $\frac{2}{3}$ взрослых жителей республики. Как правило, в голосовании участвовало не более 3 % населения. Характер «выборов» и политических «партий» во многом напоминали Аргентину периода «элитарной демократии». Но в Бразилии с ее 70-процентным сельским населением в низовом звене власти еще более прочными позициями обладали помещичьи кланы, сильнее были патриархально-патерналистские традиции. Крупные латифундисты-fazendeiros имели собственную полицию и суд и полновластно распоряжались в своей округе, опираясь на клиентелу зависимых от них крестьян. Объединяясь в клановые «партии», они выдвигали из своей среды губернаторов и контролировали администрацию штатов. При огромной, неравномерно освоенной и слабо интегрированной территории, большом разнообразии местных условий и интересов в Бразилии особенно сильно проявлялся регионализм. Каждый штат обладал широкой автономией. Политические партии тоже имели региональный характер, действуя в масштабах отдельных штатов. Общенациональные партии в начале XX в. отсутствовали. В Бразилии не было такой свойственной аргентинской «элитарной демократии» черты, как право на участие в общегосударственной власти различных фракций олигархии. Реальная политическая власть в центре сконцентрировалась в руках «паулистов» — кофейной олигархии штатов Сан-Паулу и Минас-Жерайс (в Сан-Паулу производилось 60 % бразильского кофе —

основного богатства страны), связанной с британским капиталом. Эти штаты имели крупнейшие фракции в Национальном конгрессе и играли решающую роль в выборах президента республики. «Паулисты» представляли собой узкую элиту господствующих классов, основная часть которых, не говоря уже о народных массах, не имела прямого доступа к центральной власти.

Политический режим Чили имел черты «элитарной демократии», но здесь была более развитая, чем в других странах, партийно-политическая структура, сложившаяся в XIX в. Начало ей положила конституция 1833 г., учредившая республику с авторитарной президентской властью и узким кругом лиц, допущенных к участию в политической жизни. По мере эволюции чилийского общества в конституцию вносились изменения, постепенно демократизировавшие ее. С 1891 г. в Чили установился режим, получивший название парламентской республики. Полномочия президента, избираемого на 5 лет без права повторного избрания, были ограничены в пользу Национального конгресса, получившего контроль над правительством. Расширение полномочий конгресса привело к увеличению роли партий и партийно-парламентской политической борьбы. Но политическую власть в конце XIX — начале XX в. удерживали представители буржуазно-помещичьей олигархии, традиционных аристократических семей, опиравшиеся на коалиции консерваторов и умеренных либералов — двух основных буржуазных партий Чили. Их различные фракции постоянно конкурировали между собой в парламенте. Подотчетность правительства конгрессу привела к частой смене министров и нестабильности правительств, к их пассивности и инертности. Но сам режим оставался стабильным почти три десятилетия, что во многом объяснялось как политической опытностью правящей элиты, так и экономическим процветанием страны благодаря стремительному росту доходов от экспорта селитры, увеличившегося с 0,3 млн. т в 1892 г. до 11,6 млн. т в 1906 г. Внешнеторговый оборот вырос за эти годы в 20 раз.

Крупнейшей партией демократической оппозиции в Чили была Радикальная партия, образованная в 1863 г. группой бывших либералов. В конце XIX — начале XX в. она получила до $\frac{1}{5}$ мест в палате депутатов. Основной социальной базой радикалов были средние слои, особенно интеллигенция, работники образования, служащие. В 1887 г. от левого крыла радикалов отделилась Демократическая партия. Демократы опирались на мелкобуржуазные и пролетарские слои, левую интеллигенцию, вовлекали рабочих в профсоюзную и политическую деятельность. В конгрессе фракция демократов стояла на левом фланге. Демократическая партия требовала отстранения от власти олигархии, демократических и социальных преобразований, но выступала за парламентские, конституционные формы борьбы, предпочитая реформы революции.

В 1912 г. возникла небольшая Социалистическая рабочая партия, отстаивавшая революционные принципы классовой борьбы и социалистические идеи.

Социальная эволюция чилийского общества и рост новых социальных и политических сил, как и в Аргентине, постепенно все более сужали эффективность режима «парламентской олигархии», приближая его крушение.

В Уругвае в начале XX в. почти столетняя эпоха междоусобных гражданских войн, мятежей и анархии сменилась установлением в период президентств Батлье-и-Ордоньеса (1903—1907, 1911—1915) стабильного и довольно демократического конституционного режима после проведенных им глубоких политических и социальных реформ. Это сделало Уругвай самым демократическим государством региона и закрепило за ним в дальнейшем репутацию «латиноамериканской Швейцарии».

В ряде районов Латинской Америки с компактным индейским населением вплоть до новейшего времени сохранились значительные элементы индейского традиционного общества, общинного устройства, особенно на территориях, мало затронутых современной цивилизацией (прежде всего в бассейне Амазонки, где до сих пор даже еще имеются племена, живущие в каменном веке). Среди индейского населения были сильны коллективистские, общинные традиции солидарности, совместной деятельности и взаимопомощи, неприятие ценностей и экономических устоев западного общества, основанного на принципах индивидуализма и предпринимательства. Общинные традиции афро-азиатского типа сохранились в некоторых менее развитых странах с преобладанием выходцев из Африки и Азии (Британская Гвиана, Гаити).

Еще одной важной особенностью Латинской Америки явилась заметная роль в общественной жизни католической церкви. Здесь проживает почти половина католиков всего мира. Католическая церковь была активным участником колонизации и формирования колониального общества. Позже иммиграция из Европы также шла в основном из католических стран. Католическая церковь имела в регионе широкую, разветвленную организацию, контролировала тысячи учебных заведений. Она сыграла огромную роль в развитии просвещения и культуры, в христианизации и приобщении к ценностям европейской цивилизации индейского населения. Через церковные приходы и общины католицизм распространил свое влияние на 90 % населения Латинской Америки, воздействуя на его социальное поведение. Традиции католицизма укоренились на местной почве и стали частью национального самосознания латиноамериканских народов, их духовной, культурной и общественной жизни. На эти традиции опирались консервативные партии и течения, часто блокировавшиеся с церковной иерархией. Но к христианской

идеологии апеллировали и патриотические, освободительные течения, народные движения. В англоязычных колониях Карибского бассейна возобладали протестантская христианская церковь, не получившая заметного распространения в романизированных странах региона.

Особенности исторического развития Латинской Америки привели к тому, что она стала к XX в. средоточием **широкого диапазона переплетающихся противоречий**, присущих собственно капиталистическому обществу, в том числе между передовыми капиталистическими формами и консервативными структурами, особенно в аграрном секторе, противоречий между олигархической буржуазно-помещичьей верхушкой общества и остальными слоями населения. К этому добавлялись региональные, этнические противоречия, проблемы политического устройства. Отсюда неоднозначность и калейдоскопичность социально-политических процессов, которые не всегда могут быть объяснены по аналогии со странами Европы и Северной Америки.

История Латинской Америки была наполнена борьбой сторонников **консервативной, реформистской и революционной альтернатив** общественного развития. В ходе их противоборства сталкивались и взаимодействовали интересы различных классов и слоев населения, политических партий, шли поиски решения острых экономических, социальных и политических проблем. В разные периоды и в разных странах эти процессы протекали неодинаково, изобиловали резкими поворотами и изменениями в соотношении сил.

Развитие капитализма в Латинской Америке сопровождалось возникновением рабочего и социалистического движения. Истоки латиноамериканского рабочего и социалистического движения восходят к XIX в. Еще в первой половине и середине XIX в. значительное распространение в Латинской Америке получил утопический социализм (Аргентина, Чили, Колумбия, Бразилия и другие страны). Многие его сторонники активно участвовали в революционно-демократических движениях. В середине XIX в. в Латинскую Америку начинают проникать произведения К. Маркса и Ф. Энгельса. В 70-е годы в Аргентине существовали секции I Интернационала, состоявшие в основном из рабочих — европейских иммигрантов. С 70—80-х годов XIX в., с началом формирования фабрично-заводского ядра пролетариата, постоянным фактором становится забастовочная борьба трудящихся, переросшая в начале XX в. в Аргентине, Чили, Уругвае, Бразилии в бурные всеобщие стачки. Возникают профсоюзы, социалистические организации марксистского, анархистского и анархо-синдикалистского направления. Жестокие формы эксплуатации, нищета и несправедливость, фактическое отсутствие политических свобод для основных масс населения часто толкали рабочих к боевым, бунтарским формам классовой борьбы против капитала и государства, к антибуржуазным настроениям. Среди вовлеченной в профсоюзы и

забастовочное движение части трудящихся преобладали анархизм и анархо-синдикализм. Оба течения скептически относились к борьбе за реформы, выступали за ниспровержение капитализма и государства с помощью всеобщей революционной забастовки. Их конечной целью было создание самоуправляемого социалистического общества в виде добровольной федерации автономных ассоциаций трудящихся с коллективной собственностью на средства производства. Анархисты настаивали на принятии в свои профсоюзы только правоверных сторонников доктрины анархического коммунизма. Анархо-синдикалисты же считали, что рабочие организации должны включать в свои ряды всех трудящихся, независимо от их идеологических и политических позиций. Для анархистов профсоюзы были лишь орудием борьбы за ниспровержение капитала и государства. Анархо-синдикалисты видели в профсоюзах зародыш будущих ассоциаций трудящихся и считали, что еще до победы всеобщей стачки завоевание уступок в пользу трудящихся и расширение полномочий и прав профсоюзов могут стать уже в недрах старого общества первыми шагами на пути к власти рабочих организаций. В дальнейшем это способствовало росту в рядах анархо-синдикалистских профсоюзов более умеренных, экономических и реформистских тенденций, тем более что анархо-синдикалистские профсоюзы были широко открыты для нового, неискушенного рабочего пополнения, в массе своей еще не вышедшего за пределы обыденного примитивно-экономистского сознания.

В Аргентине большую роль в развитии рабочего движения играли наряду с анархистами и анархо-синдикалистами социалисты марксистской ориентации. Здесь наиболее велика была европейская иммигрантская среда. Сюда прибыло немало немецких, французских, итальянских и испанских социалистов, спасавшихся от преследований властей своих стран и развернувших социалистическую пропаганду и деятельность на новом месте. На базе социалистических кружков в 1896 г. была создана Социалистическая партия Аргентины. Выдающуюся роль в ее организации, в выработке ее программы и политической линии сыграл аргентинец, врач по образованию Хуан Баутиста Хусто (1865—1928). 32 года, до конца жизни, он оставался бессменным руководителем и ведущим идеологом партии, страстным пропагандистом социализма, искренним противником эксплуатации трудящихся.

Коренной порок аргентинского общества Х.Б. Хусто усматривал в недостаточном развитии капитализма, в сохранении господства консервативной «креольской» олигархии. Суть общественного прогресса он видел в поступательной эволюции от низших, насильственных, «варварских» проявлений общественной жизни, к которым он относил и господство «креольской» олигархии, к высшим формам цивилизации европейского образа. Хусто солидаризировался с

основателем ревизионистского течения в марксизме Эдуардом Бернштейном. Он верил в возможность постепенной трансформации капитализма в социализм с помощью демократических и социальных реформ и завоевания социалистами большинства в парламенте.

Социалистическая партия Аргентины старалась вовлечь трудящихся в политическую борьбу, отстаивая их интересы, критикуя политику правящих кругов. Она добивалась утверждения демократических свобод, всеобщего избирательного права, законов в пользу рабочих. В 1904 г. в Аргентине (впервые на Американском континенте) депутатом конгресса был избран социалист. После введения всеобщего избирательного права в 1912 г. социалисты в столичном округе получили 26 % голосов и 2 мандата в палате депутатов, а в 1913 г.— уже 42,6 % и 7 мандатов, став влиятельнейшей политической силой в Буэнос-Айресе. В провинциях ее позиции были слабее. СПА была членом II Интернационала.

В Чили попытки создать социалистическую партию предпринимались неоднократно. Много сделал в пропаганде социалистических идей, создании рабочих газет и профсоюзов рабочий-типограф Луис Эмилио Рекабаррен (1876—1924), который приобрел большую популярность среди трудящихся. В 1906 г. он стал первым на континенте рабочим, избранным депутатом конгресса. Правда, его тотчас лишили мандата. Рекабаррен подвергался арестам, эмигрировал в Аргентину, где также участвовал в рабочем и социалистическом движении, ездил в Европу, где вступил в контакты со II Интернационалом. В июне 1912 г. усилия Рекабаррена и его единомышленников увенчались созданием Социалистической рабочей партии (СРП). С самого начала она стояла на революционных позициях классовой борьбы. СРП приобрела влияние на севере, в районе Икике, среди рабочих селитряной зоны.

Социалистическая партия возникла в Уругвае. Попытки создания социалистической партии предпринимались в Бразилии, на Кубе, но не привели к успеху.

В широких пролетарских и полупролетарских массах Латинской Америки, особенно вдали от крупных промышленных центров, в глубинных районах, в сельской местности сохранялись патриархальные настроения. Эти многочисленные и пестрые слои населения порой склонялись к стихийным бунтарским выступлениям против власть имущих, участвовали в каудильистских движениях и восстаниях разного толка, в том числе и под знаменами консервативного протеста, против утверждения капиталистической эксплуатации, разрушавшей традиционные патриархальные формы хозяйствования и общественной жизни. Все это усложняло общую картину социально-классовой и политической борьбы.

Раннее и довольно устойчивое распространение в Латинской Америке, в том числе среди прогрессивной интеллигенции, настро-

ений неприятия капитализма с его духом наживы и социальными контрастами, коллективистских устремлений, социалистических идей объяснялось как развитием противоречий капитализма, усугубленных тем, что в Латинской Америке он внедрялся часто в наиболее грубых, примитивных, консервативных и болезненных в социальном отношении формах, так и другими причинами. Распространение социалистических настроений, идей классовой борьбы стимулировалось восприятием (особенно благодаря иммиграции из Европы) достижений социалистической общественной мысли Европы с ее углубленной критикой пороков капиталистического общества, воздействием успехов европейского рабочего и социалистического движения. Немаловажное значение имела живучесть коллективно-общинных традиций, традиций социальной солидарности (в том числе в известной степени и в рамках патерналистских и клановых уз). Сама социальная психология латиноамериканских народов с их эмоциональным восприятием жизни, общительным характером, сильное влияние мировоззренческих и нравственных ценностей католицизма, связь идеалов христианства со стремлением к социальной справедливости также содействовали распространению идей и настроений социальной солидарности. В какой-то мере это было как бы антитезой возвеличению свободы личности, индивидуализма, духа предпринимательства, превалировавших как знамя прогресса в протестантских кругах англосаксонского общества в Северной и Северо-Западной Европе и в Северной Америке.

Крупнейшим социально-политическим потрясением в истории Латинской Америки на рубеже нового и новейшего времени явилась Мексиканская революция 1910—1917 гг., оказавшая решающее влияние на всю последующую историю одной из ведущих стран региона. Революция вовлекла в свою орбиту, в вооруженную борьбу за демократические и социальные преобразования миллионные массы крестьян и батраков, других слоев населения. Семь лет в стране бушевала народная революционная война. В итоге была сметена 35-летняя диктатура генерала Порфирио Диаса, сокрушено политическое господство помещичье-буржуазной олигархической верхушки, ориентированной на тесное сотрудничество с иностранным капиталом. Была принята демократическая конституция 5 февраля 1917 г., обещающая глубокую аграрную реформу, передовое трудовое законодательство, защиту национальных богатств и суверенитета страны.

Мексиканская революция 1910—1917 гг. поставила в повестку дня насущные вопросы, борьба за решение которых определила основное содержание новейшей истории как Мексики, так и Латинской Америки в целом. И сама революция стала лишь первым шагом на пути к их решению в Мексике.

Это была прежде всего борьба против диктаторских режимов, против политического господства элитарно-олигархической верхушки

имущих классов, за демократические преобразования, за создание правового конституционного государства, основанного на гражданских свободах для широких масс населения.

Это борьба за аграрную реформу, ликвидацию засилья латифундизма в деревне, за устранение докапиталистических пережитков в аграрном секторе, наделение крестьян землей, за интенсификацию сельского хозяйства и преодоление его односторонней экспортной направленности.

Это борьба против проявлений империалистической и интервенционистской политики со стороны ведущих мировых держав, прежде всего США, против привилегий иностранных компаний, в защиту национального суверенитета, за развитие национальной экономики и преодоление отсталости, периферийного, зависимого положения в мировой экономике.

Это борьба за решение социальных проблем, улучшение положения трудящихся, за их права, за социальную справедливость.

Мексиканская революция выявила сложный характер соотношения и взаимодействия революции и реформ, борьбы за демократию и социальный прогресс, движений народных низов с их стихийно-разрушительным порывом и деятельности либерально-демократических сил с их стремлением к преемственности и стабильности в обществе в процессе перемен. Все это с новой силой проявилось в последующей бурной социально-политической жизни латиноамериканских государств.

**ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА МЕЖДУ ПЕРВОЙ
И ВТОРОЙ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ
(с конца 10-х до конца 30-х годов XX века)**

**ВЛИЯНИЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
НА ЛАТИНСКУЮ АМЕРИКУ.
МАССОВЫЕ ДВИЖЕНИЯ И ЛИБЕРАЛЬНЫЙ РЕФОРМИЗМ
В КОНЦЕ 10-Х — НАЧАЛЕ 20-Х ГГ.**

Первая мировая война 1914—1918 гг. и Латинская Америка. С началом первой мировой войны (1 августа 1914 г.) государства Латинской Америки, как и США, заявили о своем нейтралитете. Вступление США в войну на стороне Антанты в апреле 1917 г., а также нападения германских подводных лодок на морские торговые коммуникации между Латинской Америкой и странами Антанты повлекли за собой объявление войны Германии странами Центральной Америки и Бразилией. Сразу после США, в апреле 1917 г., войну Германии объявили наиболее тесно связанные с Соединенными Штатами Панама и Куба. В октябре 1917 г. к ним присоединилась Бразилия, а весной и летом 1918 г., уже в конце войны, Гаити, Гватемала, Гондурас, Никарагуа и Коста-Рика. Остальные страны региона сохранили нейтралитет до конца войны (ноябрь 1918 г.).

Участие этих государств в войне ограничилось снабжением союзников, особенно США, стратегическим сырьем и продовольствием, охраной своего побережья. Бразилия участвовала в патрулировании союзников в водах Южной Атлантики и в некоторых военно-морских операциях англичан.

Война внесла осложнения в традиционные связи Латинской Америки с Западной Европой. Резко сократился приток европейских капиталов и товаров, что создало трудности для нормального функционирования экономики в регионе. Но одновременно на мировом рынке повысились цены на сырьевую продукцию латиноамериканских стран. На кубинский сахар, например, за 5 лет цены увеличились в 11 раз. Это привело к накоплению капиталов, росту местного производства, в том числе на внутренний рынок. За годы войны в Бразилии возникло около 6 тыс. новых промышленных

предприятий — больше, чем за предыдущие 25 лет. В Аргентине вдвое выросли золотые запасы, стала быстро расти нефтедобыча. Увеличилась добыча селитры и меди в Чили, олова — в Боливии, началась нефтяная лихорадка в Венесуэле.

Однако существенных перемен в сложившихся социально-экономических структурах не произошло. Развивались либо традиционные отрасли агроэкспорта и добывающей промышленности, углубляя диспропорции в хозяйстве, либо отрасли легкой промышленности. Наряду с ростом крупных фабрик множилось мелкое кустарное производство. К тому же мировой экономической кризис 1920—1921 гг. привел к падению спроса на продукцию латиноамериканских стран и нанес удар по их экономике. Многие предприятия разорились. В дальнейшем вновь усилился приток европейских товаров и капиталов, что не содействовало росту местного производства на внутренний рынок.

В годы первой мировой войны усилили свою экспансию в регионе США, воспользовавшиеся временным ослаблением внимания европейских держав к Латинской Америке. Выросли капиталовложения США в экономику латиноамериканских стран и удельный вес в их внешней торговле. В Центральной Америке гегемония Вашингтона стала практически безраздельной. В 1914 г. был открыт Панамский канал в зоне колониального анклава США на территории Республики Панама. В 1915 г. США в результате вооруженной интервенции установили оккупационный режим в Гаити, а в 1916 г. — в Доминиканской Республике. В 1916—1917 гг. произошла очередная вооруженная интервенция США в Мексике, в 1917 г. — на Кубе, где контингент американской морской пехоты оставался до 1922 г. В экономике ряда стран Южной Америки США также серьезно потеснили Великобританию, хотя она еще удерживала здесь преобладающие позиции.

Интервенционистская политика США обостряла антиимпериалистические настроения в регионе. Экономическое развитие Латинской Америки вело к усилению позиций местной буржуазии и росту ее противоречий с агроэкспортной олигархией и иностранным капиталом. Обострялись также противоречия между набравшим силу пролетариатом и господствующими классами.

Подъем борьбы трудящихся и народных масс. С 1917 г. в Латинской Америке происходит подъем рабочего движения. Причины его коренились в тяжелых условиях труда и жизни латиноамериканских трудящихся. Народные массы подвергались эксплуатации со стороны иностранных компаний, а также собственных предпринимателей и крупных землевладельцев. Произвол капиталистов фактически не был ограничен, трудовое законодательство практически отсутствовало (за исключением Уругвая). Помещичье-буржуазные правительства, как правило, предпочитали репрессии

уступкам рабочим. В годы войны положение трудящихся еще более ухудшилось вследствие роста дороговизны. На настроения рабочих и революционной части интеллигенции повлияли события 1917 г. в далекой России, которые воспринимались ими как освобождение трудящихся от власти эксплуататорских классов. Наиболее значительные масштабы забастовочная борьба приобрела в странах, где капитализм достиг большей степени зрелости и где пролетариат уже сложился как класс и имел опыт стачечных выступлений (Аргентина, Чили, Уругвай, Бразилия).

Подъем забастовочного движения начался в 1917 г. и продолжался до 1920—1921 гг., охватив одновременно ряд стран. Трудящиеся требовали сокращения рабочего дня, повышения заработной платы, улучшения условий труда. Наряду с ближайшими экономическими требованиями были выдвинуты и требования законодательного оформления 8-часового рабочего дня, прав профсоюзов, социального обеспечения. Нередко провозглашались лозунги свержения существующего строя и ликвидации эксплуатации.

В Аргентине уже в 1917 г. только в столичном округе (без пригородов) бастовали 136 тыс. человек, а в 1919 г.— свыше 300 тыс. (в 1916 г.— 24 тыс.). Массовые забастовки охватили Росарио, Кордову, другие города. Высшей точкой движения стала всеобщая стачка в Буэнос-Айресе 9—15 января 1919 г., во время которой уличные беспорядки и столкновения рабочих с двинутыми на их усмирение войсками длились целую неделю. Сотни человек были убиты, многие ранены. Однако экономические требования бастующих были удовлетворены, а арестованные рабочие освобождены. Эти события остались в памяти аргентинцев как «трагическая неделя».

В 1920—1921 гг. забастовочное движение в Аргентине оставалось активным. Борьба перекинулась в сельскую местность. Особенно упорным и длительным было движение арендаторов и батраков Санта-Фе и Патагонии в 1919—1921 гг. В Патагонии борьба батраков в 1921 г. переросла в восстание против латифундистов и иностранных скотоводческих компаний, жестоко подавленное войсками.

В Бразилии волна забастовок охватила в июне—июле 1917 г. крупнейший промышленный центр Сан-Паулу. Они переросли во всеобщую забастовку 80 тыс. трудящихся Сан-Паулу, сопровождавшуюся баррикадными схватками с войсками. В итоге бастующие добились удовлетворения своих требований. 18 ноября 1918 г. в столице Бразилии Рио-де-Жанейро произошло подготовленное «революционными синдикалистами» (левые анархо-синдикалисты) восстание рабочих, пытавшихся захватить оружейные склады и правительственные учреждения. После нескольких часов уличных боев восстание было подавлено. Волна забастовок в стране не спадала до конца 1920 г.

В Чили подъем рабочего движения начался в 1918 г. Упорная стачечная борьба, сопровождавшаяся уличными столкновениями с войсками, охватила в этом году город Икике на севере страны. В январе 1919 г. бастующие рабочие г. Магальянеса на юге республики на несколько дней оказались фактическими хозяевами города, пока присланные войска не подавили выступление. В 1920 г. 83 дня длилась забастовка 15 тыс. угольщиков в районе Консепсьона, оказавших сопротивление войскам и добившихся удовлетворения своих требований. В феврале 1921 г. было жестоко подавлено выступление 30 тыс. шахтеров селитряных рудников в районе Сан-Грегорио (провинция Антофагаста). В 1918—1919 гг. города Чили были охвачены многочисленными демонстрациями и митингами населения против дороговизны, голода и безработицы. В августовской манифестации 1919 г. в Сантьяго участвовали 100 тыс. человек. В 1918—1920 гг. в ряде районов происходили волнения крестьян и сельскохозяйственных рабочих.

Большого размаха достигла стачечная борьба трудящихся в 1917—1920 гг. в Уругвае. Столица Уругвая Монтевидео в августе 1918 г. была парализована трехнедельной всеобщей забастовкой, стычками с войсками.

На Кубе в 1917 г. также начался подъем рабочего движения. С июня до декабря 1917 г. бастовали рабочие сахарной промышленности. В забастовочную борьбу включились портовые рабочие, грузчики, железнодорожники. В 1918—1919 гг. в Гаване состоялись 4 всеобщие забастовки, в ходе которых происходили баррикадные столкновения с полицией и армейскими подразделениями. Забастовки не стихали и в 1920 г.

В Мексике борьба рабочих в эти годы велась в условиях только что победившей революции 1910—1917 гг. Конституция 5 февраля 1917 г. провозглашала основные демократические свободы, право рабочих на организацию, обещала осуществление трудового законодательства, аграрной реформы, мер по ликвидации засилья иностранных монополий. Это порождало определенные ожидания у трудящихся. Участие в революции мексиканской национальной буржуазии, гибкая социальная политика правящих кругов, их сотрудничество с реформистскими лидерами основного профцентра страны — Мексиканской региональной рабочей конфедерации (КРОМ), созданной в 1918 г., способствовали усилению реформистских, лояльных послереволюционному режиму настроений в массах. И тем не менее и в Мексике в 1917—1923 гг. развивалась забастовочная борьба рабочих ряда отраслей за улучшение условий труда и осуществление декларированного конституцией прогрессивного трудового законодательства, хотя она не достигла таких масштабов и остроты, как в Аргентине, Бразилии и других странах.

Подъем массового движения трудящихся с 1918 г. наблюдался также в Перу, где в это время стали создаваться профсоюзы. В мае—июне 1919 г. основные города страны охватила всеобщая забастовка, подавленная армией. В 1921 г. стачка на сахарных плантациях переросла в стихийное восстание, во время которого сельскохозяйственные рабочие захватили и в течение недели удерживали город Трухильо. При подавлении восстания сотни человек были расстреляны. В 1922—1924 гг. в горных районах восстали крестьяне-индейцы.

Рост забастовок в эти годы происходил в Колумбии и Эквадоре. В Гватемале в 1920 г. в результате народного восстания была свергнута реакционная диктатура Кабреры, просуществовавшая более 20 лет.

В 1919—1920 гг. во многих странах Латинской Америки прошли митинги, манифестации и стачки с требованием прекратить интервенцию против Советской России. На демонстрацию и митинг солидарности с Советской Россией в Рио-де-Жанейро 1 мая 1919 г. вышли 60 тыс. человек.

Среди участников стачек 1917—1921 гг. преобладали разрушительные, бунтарские анархистские и анархо-синдикалистские настроения. Нередко итогом таких выступлений, сопровождавшихся жертвами и репрессиями, было разочарование трудящихся в стачечной борьбе. Но подъем движения заставил правящие круги стран, охваченных волнениями, заняться решением социальных проблем. Рабочие и служащие Аргентины, Мексики, Бразилии, Чили, Уругвая добились сокращения рабочего дня (в некоторых случаях до 8 часов), повышения заработной платы, признания профсоюзов, введения пенсий для некоторых категорий работников. Это явилось важным завоеванием рабочего класса. Стачечное движение пошло на спад. Влияние анархизма и анархо-синдикализма среди трудящихся заметно уменьшилось. Распространились умеренные, реформистские настроения.

Некоторые активисты рабочего и социалистического движения перешли на позиции революционного марксизма и восприняли идеи Октябрьской революции 1917 г. в России. На этой почве в 1918—1922 гг. возникли коммунистические партии в Аргентине, Мексике, Бразилии, Чили и Уругвае, а позже и в других странах.

В Аргентине создание компартии явилось результатом раскола влиятельной в стране Социалистической партии, в которой возобладала сторонники социал-реформистской тенденции во главе с лидером партии Хуаном Б. Хусто. Левые социалисты вышли из партии и 6 января 1918 г. основали Интернациональную социалистическую партию, высказавшуюся за революционный марксизм и солидарность с Октябрьской революцией и большевиками. В 1919 г. эта партия присоединилась к Коминтерну, а в конце 1920 г. в соответствии с

решением II конгресса Коминтерна была переименована в Коммунистическую партию Аргентины.

В 1919 г. на базе небольших групп революционно настроенных рабочих и интеллигентов была создана компартия в Мексике. В Уругвае в Социалистической партии и в основном профцентре страны революционное течение оказалось в большинстве. В сентябре 1920 г. съезд социалистов высказался за вступление в Коминтерн и вскоре партия была переименована в Коммунистическую. Небольшая группа умеренных социалистов не признала этих решений и создала свою партию под прежним названием — Социалистическая.

В Чили в конце 1920 г. Социалистическая рабочая партия, созданная под руководством Л.Э. Рекабаррена еще в 1912 г., заявила о присоединении к Коминтерну, а в январе 1922 г. приняла решение о своем преобразовании в Коммунистическую партию Чили. Находясь в 1917—1918 гг. в Аргентине, Рекабаррен принял деятельное участие в создании партии аргентинских коммунистов и даже был избран ее первым руководителем. Возглавив Рабочую федерацию Чили, Рекабаррен добился в 1919 г. ее утверждения на позициях классовой борьбы и превращения в ведущий профцентр страны. В 1921 г. Рекабаррен был избран депутатом Национального конгресса Чили.

В Бразилии образование компартии произошло в процессе постепенной эволюции левых анархо-синдикалистских активистов рабочего движения в сторону революционного марксизма. Созданные ими в 1918—1919 гг. небольшие группы и кружки в марте 1922 г. на своем съезде учредили Коммунистическую партию Бразилии. Позже, в августе 1925 г., возникла компартия на Кубе и тогда же появилась руководимая коммунистами Национальная конфедерация трудящихся Кубы — первый национальный профцентр страны.

Латиноамериканские компартии вступили в Коммунистический Интернационал (Коминтерн), созданный в 1919 г. в Москве, и подчинялись его директивам и руководству. Поддерживая требования рабочих, коммунисты активно участвовали в их выступлениях, стараясь придать им революционный, антиправительственный характер. Они часто подвергались преследованиям. За компартиями пошла часть профсоюзов, революционной молодежи и интеллигенции. Но в целом их влияние было невелико. Им, как и вообще Коминтерну, были свойственны догматические, левосектантские позиции. Коммунисты абсолютизировали классовую борьбу, призывали к немедленной «социалистической революции» и «диктатуре пролетариата» по образцу России, игнорируя реальность. Они не понимали важности борьбы за общедемократические и общенациональные требования, резко критически относились к реформистским профсоюзам и партиям. Те, со своей стороны, отвечали коммунистам неприязнью и враждебностью.

Одновременно с подъемом рабочего движения в Латинской Америке развернулось широкое студенческое движение за университетскую реформу. Его начали в марте 1918 г. студенты Кордовского университета Аргентины. Они потребовали введения демократического самоуправления и полной автономии университета от государственной власти, изгнания консервативных профессоров, обновления программ и учебного процесса в соответствии с насущными потребностями общества, обеспечения доступа к университетскому образованию народных масс. В июне 1918 г. студенты — участники борьбы обратились с «Кордовским манифестом» ко всем студентам, общественности и народам Южной Америки, призывая к совместной борьбе против империализма, за обновление общества и ликвидацию социальной несправедливости, к союзу студенчества и демократической интеллигенции с трудящимися. Движение вылилось в бойкот занятий, захват университетских помещений, уличные манифестации и митинги. Оно охватило всю страну и было поддержано передовой интеллигенцией и рабочими организациями. В октябре 1918 г. правительство Аргентины декретировало университетскую реформу, удовлетворившую требования студентов об автономии и демократизации университетов. Из Аргентины движение за университетскую реформу перекинулось в Чили, Перу, на Кубу и в другие страны, где оно также добилось ряда важных успехов.

Либеральный реформизм. Характерной новой чертой политической жизни некоторых латиноамериканских республик в послевоенный период был приход к власти либерально-реформистских правительств, сменивших консервативно-олигархические режимы и предпринявших меры по демократизации, экономическому и социальному развитию своих стран. Так проявлялся кризис традиционных консервативных политических форм господства правящих классов, когда развитие капитализма привело к усложнению социального состава общества, усилению новых классов и социальных слоев, в том числе промышленной буржуазии, пролетариата, средних слоев населения, претендовавших на участие в политической жизни.

Однако развитие капитализма в Латинской Америке происходило преимущественно в рамках сложившихся социально-экономических структур, на их основе. Отсюда недостаточная самостоятельность и относительная слабость местной промышленной буржуазии, противоречия которой с агроэкспортной олигархией и иностранным капиталом в основном вылились в умеренно-реформистские формы, в борьбу за частичные перемены, скорее за «место под солнцем» в системе и ее постепенную эволюцию, чем за ее ниспровержение. Эти противоречия часто выражались не прямо, а опосредованно, через более общие устремления к переменам широких буржуазных и мелкобуржуазных слоев, демократической интеллигенции и либераль-

ных помещиков. Быстро нараставшее рабочее движение также заставляло местную буржуазию, с одной стороны, поспешить с реформами, а с другой — действовать с оглядкой.

Либеральный реформизм в Латинской Америке развивался под влиянием западноевропейского и североамериканского буржуазного реформизма начала XX в. Однако природа латиноамериканского реформизма 10—20-х годов XX в. во многом была близка европейскому либерализму эпохи утверждения промышленного капитализма. Целью его объективно было обеспечить более благоприятные условия для развития местного капитализма, добиться реального осуществления правовых норм буржуазного общества. В нем имелись и черты национал-реформизма, поскольку речь шла о стимулировании национальной экономики и решении задач национального развития в условиях экономической зависимости от мировых центров капитализма, о стремлении ослабить эту зависимость.

Активизация либерально-реформистской деятельности наблюдалась в наиболее продвинувшихся по пути буржуазного развития государствах Латинской Америки, в условиях подъема массовой народной борьбы против олигархии и усиленного рабочего движения — в Аргентине, Чили, Уругвае, Мексике.

Характерным примером либерально-реформистской политики явилась деятельность правительства Иполито Иригойена в Аргентине. Иполито Иригойен (1852—1933), долгие годы возглавлявший массовое движение за демократизацию и обновление Аргентины, которое сплотилось вокруг руководимой им партии радикалов (Радикальный гражданский союз), в апреле 1916 г. победил на президентских выборах и 12 октября того же года вступил в должность президента Аргентины на 6-летний срок.

Правительство Иригойена (1916—1922) провело ряд мер по утверждению демократических правовых норм и подрыву политических позиций консервативных сил. Консерваторы были отстранены от власти не только в центре, но и в провинциях. Были приняты меры по стимулированию национальной экономики, по развитию под контролем государства нефтяной промышленности. У латифундистов было изъято 6 млн.га не использовавшихся ими угодий и за счет государственных земельных фондов роздано колонистам 7,6 млн.га.

Подавив боевые выступления рабочих, правительство Иригойена в то же время удовлетворило многие их требования. Был сокращен рабочий день, повышена заработная плата, введены пенсии для рабочих ряда категорий, ограничен труд подростков и детей. Получили свободу деятельности профсоюзы. Правительству удалось ослабить недовольство трудящихся и породить среди значительной их части надежды на возможность классового сотрудничества при посредничестве государства.

Прогрессивный характер имела политика правительства в области образования. Были открыты тысячи новых школ в сельской местности, осуществлена уже упоминавшаяся университетская реформа.

Правительство Иригойена отстаивало национальный суверенитет Аргентины. Оно осудило первую мировую войну и Версальскую систему, высказалось против интервенции в Советской России, с которой позднее установило торговые связи. Аргентина выступила с осуждением интервенционистской политики США в Центральной Америке. Иригойен пытался, правда, тщетно, создать союз латиноамериканских республик, который бы противостоял экспансии США.

Иригойен был искренним противником олигархии, социальной несправедливости, насилия, в том числе революционного насилия, гражданской войны и классовой борьбы, видя в них лишь разрушительные начала для цивилизованного общества. Он осуждал войны между народами и выступал за мирное равноправное сотрудничество всех стран и наций в мире. Путь к созданию процветающего и справедливого общества он усматривал прежде всего в нравственном совершенствовании самой человеческой личности, в поднятии образовательного, культурного и морального уровня населения, в экономическом и социальном прогрессе общества, в искоренении насилия и утверждении демократических норм в политической жизни, в преодолении раскола нации на враждебные классы на основе постепенного сглаживания классовых противоречий и налаживания сотрудничества всех классов во имя общенациональных интересов. Это дало повод некоторым последователям Иригойена даже называть его «аргентинским Ганди».

Однако реальная жизнь была далека от таких идеалов, что Иригойен как опытный политик должен был учитывать в своей практической деятельности. Он добивался осуществления прогрессивных перемен в той мере, в какой это могло быть реализовано, без открытого раскола общества и насильственного противодействия власти имущих, без подрыва экономической, социальной и политической стабильности в стране, устоев общества. Сам Иригойен не всегда действовал демократично, порой использовал авторитарные, каудильистские методы, популистские приемы. Растущее сопротивление олигархии и иностранного капитала, относительная слабость местной национальной буржуазии, неоднородность самбй правящей партии сковывали действия правительства, снижали позитивный эффект его политики.

В Чили во многом сходную деятельность предприняло правительство «Либерального альянса» — блока буржуазных и мелкобуржуазных оппозиционных олигархии партий, возглавленное лидером либералов Артуро Алессандри (1868—1950). А. Алессандри, известный в прошлом своей острой критикой олигархии, победил в результате бурной избирательной кампании 1920 г., получив на

заключительном ее этапе поддержку и левых сил. Став президентом, Алессандри умерил свой былой радикализм. Основные меры правительства А. Алессандри (1920—1924, 1925) были аналогичными осуществленным в Аргентине Иригойеном, особенно в рабочем вопросе.

Наиболее глубокие прогрессивные преобразования и притом гораздо раньше других стран были осуществлены в Уругвае президентом Хосе Батлье-и-Ордоньесом еще в 1903—1907 и 1911—1915 гг. и затем, после первой мировой войны, продолжены его последователями. В итоге национализаций и создания государственных предприятий в Уругвае был создан обширный государственный сектор в банковской сфере, в отраслях инфраструктуры и промышленности с отчислением части прибылей занятым в нем рабочим и служащим. Государство стало проводить протекционистскую политику в пользу местных предпринимателей. В стране были введены 8-часовой рабочий день, официальный минимум заработной платы, всеобщее пенсионное обеспечение для рабочих и служащих с 55—60-летнего возраста, пособия по безработице, бесплатное образование на всех уровнях. Развернулось строительство учебных и медицинских учреждений, дешевых жилищ для бедноты. Была введена довольно демократичная избирательная система, ограничены полномочия президента в пользу Национального конгресса и избираемого конгрессом коллегиального Национального административного совета из 9 человек (из них 3 — от оппозиции). Была также отделена церковь от государства и отменена смертная казнь.

Преобразования, проведенные Батлье-и-Ордоньесом и его преемниками, опередили по времени буржуазный реформизм в других странах своим радикализмом и превзошли его. Это была довольно оригинальная попытка найти свой путь развития, который призван был заранее «упредить» проявившиеся уже в других странах острые социальные, экономические и политические противоречия. И действительно, реформы Х. Батлье-и-Ордоньеса заложили основы длительного стабильного развития небольшой республики, отличавшейся до того непрерывными гражданскими войнами, а в XX в. получившей прозвище «латиноамериканской Швейцарии».

В Мексике победа революции 1910—1917 гг. создала особенно благоприятные условия для проведения реформистской политики в интересах местной национальной буржуазии и во имя национального развития. Этому содействовали разгром консервативных сил, активная роль народных масс и в то же время ведущие позиции национальной буржуазии в революции, укрепившиеся после поражения самостоятельной борьбы революционного крестьянства. В 1919 г. был убит легендарный крестьянский генерал Эмилиано Сапата. В 1920 г. прекратил вооруженную борьбу другой руководитель крестьянской

повстанческой армии — Панчо Вилья, в 1923 г. также убитый из-за угла. Доверие к официальным «вождям» победившей революции было свойственно рабочим, которым конституция 1917 г. обещала прогрессивное трудовое законодательство. Таким популярным «вождем», «революционным каудильо», как его называли, многим представлялся генерал Альваро Обрегон (1880—1928). Во время революции он командовал армией «конституционалистов». В 1920 г. Обрегон выступил против правительства В. Каррансы, выражавшего интересы блока либеральных помещиков и умеренного крыла буржуазии. В результате восстания Карранса был свергнут и убит. 1 декабря того же года, победив на выборах, А. Обрегон стал президентом республики (1920—1924).

При Обрегоне в условиях формального соблюдения демократических свобод в стране установился своеобразный режим «революционного каудильизма». Обоснованием его стала концепция надклассового единства нации во имя продолжения революции. Объективно режим «революционного каудильизма» выражал интересы слоев населения, заинтересованных в капиталистическом прогрессе страны, — прежде всего национальной средней и мелкой буржуазии. Но он имел относительную самостоятельность, одновременно опираясь на разные силы и играя на их противоречиях. Обрегон стремился завоевать репутацию защитника интересов трудящихся, добивался поддержки крестьян, имел опору в «конституционалистской» армии. Он установил тесное сотрудничество с национальным реформистским профцентром — Мексиканской региональной рабочей конфедерацией (КРОМ). В послереволюционной Мексике, где отсутствовали традиции представительной демократии, которая бы опиралась на развитую партийно-политическую структуру, еще не утихли революционные страсти и брожение. Режим «революционного каудильизма», с сильной президентской властью, призван был обеспечить социальную и политическую стабильность и проведение реформ.

Правительство Обрегона приступило к осуществлению обещанной конституцией 1917 г. аграрной реформы, передав крестьянам 60 тыс. га помещичьих земель. Правда, для Мексики, где миллионные массы сельского населения не имели земли, а помещики владели более 100 млн. га сельскохозяйственных угодий, это было скромное начало. Была повышена заработная плата трудящимся. Принимались меры по выполнению положений конституции о 8-часовом рабочем дне, признании профсоюзов, о коллективных трудовых договорах, о компенсации за производственные травмы. В 1924 г. Мексика стала первой страной Западного полушария, установившей дипломатические отношения с Советским Союзом.

Гибкая реформистская политика и умелая пропаганда позволили режиму «революционного каудильизма» укрепить свою социальную базу.

СТРАНЫ РЕГИОНА В СЕРЕДИНЕ И ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 20-Х ГОДОВ

Экономическое и политическое развитие латиноамериканских республик. Середина и вторая половина 20-х годов в Латинской Америке характеризовались относительно стабильными темпами экономического развития. Благоприятная конъюнктура мирового рынка обеспечивала более или менее устойчивые доходы от экспорта. Экономическому росту способствовала реформистская политика буржуазно-либеральных правительств Аргентины, Чили, Уругвая и некоторых других стран. Началась новая значительная волна иммиграции «избыточного» трудового населения Европы в Аргентину, Уругвай и Бразилию, главным образом из Польши и стран Юго-Восточной и Южной Европы.

Экономический рост происходил по-прежнему на основе преимущественно экстенсивных факторов, на базе социально-экономических структур, характерными чертами которых оставались засилье латифундизма в сельском хозяйстве, ориентация на внешний рынок и зависимость от иностранного капитала. Вновь усилившийся приток в Латинскую Америку иностранных товаров и капиталов тормозил развитие пока еще слабой местной промышленности. К концу 20-х годов резервы эффективного роста экономики на экстенсивной основе оказались в значительной мере исчерпанными. Стала проявляться тенденция к стагнации сельскохозяйственного производства.

В 20-е годы произошло дальнейшее усиление позиций иностранного капитала в Латинской Америке. К 1929 г. общая сумма иностранных капиталовложений здесь возросла до 15 млрд. долл., т.е. более чем в полтора раза по сравнению с довоенным уровнем. Свыше $\frac{3}{4}$ из них приходилось на долю США и Великобритании. При этом инвестиции США в Латинской Америке увеличились в 4,5 раза, в то время как английские — только на 18 %. В итоге они практически сравнялись друг с другом на уровне свыше 5,5 млрд. долларов. Это послужило причиной обострения англо-американских противоречий в Латинской Америке. К концу 20-х годов США прочно доминировали в экономике стран Центральной Америки и опережали Великобританию по сумме капиталовложений в большинстве других стран, за исключением Аргентины, Бразилии и Уругвая, где сохранилось преобладание английского капитала. Но и здесь североамериканский капитал превратился в серьезного конкурента английских монополий. Республики Центральной Америки находились фактически в полуколониальной зависимости от США. В некоторых из них США долгое время сохраняли оккупационный военный режим (в Доминиканской Республике до 1924 г., в Гаити до 1934 г.). Продолжалась практика вооруженных интервенций (Никарагуа, 1927 г.).

Политическая обстановка в латиноамериканских республиках в 20-е годы складывалась по-разному, в зависимости от конкретной ситуации и расстановки классовых и политических сил. В некоторых из них продолжали действовать либерально-реформистские правительства (Аргентина, Уругвай), в других их сменили диктаторские режимы (Куба, Чили), в третьих власть удерживали консервативные круги, выражавшие интересы помещичье-буржуазной олигархии, с соблюдением конституционных форм (Бразилия, Колумбия) либо в форме диктатуры (Венесуэла). Особой оставалась ситуация в Мексике, где существовал режим «революционного каудильизма».

Особенности социально-политического развития отдельных стран. В середине 20-х годов в Аргентине правящая партия радикалов — Радикальный гражданский союз (РГС) — оказалась расколотой на две группировки. Правое крыло выражало интересы либеральных помещиков и умеренных кругов буржуазии и стремилось к компромиссу с консервативными силами, к приостановке реформ. Сторонники Иригойена, за которым пошло большинство радикалов, настаивали на дальнейшем проведении реформ, рассчитанных на ослабление позиций иностранного капитала и помещичье-буржуазной олигархии. Находившийся в 1922—1928 гг. на посту президента республики радикал Т. Марсело Альвеар занимал промежуточную позицию, но по ряду вопросов солидаризовался с правым крылом радикалов. На президентских выборах 1928 г. главная борьба развернулась между Иригойеном и правыми радикалами. С решающим перевесом в $\frac{2}{3}$ голосов победил Иригойен, в возрасте 76 лет вновь занявший пост президента.

Второе правительство Иригойена (октябрь 1928 г.— сентябрь 1930 г.) добивалось национализации нефти, нефтеперерабатывающей промышленности, протестовало против вмешательства США в дела Латинской Америки, в том числе в Никарагуа. Это привело к конфликту с американскими нефтяными компаниями и обострению отношений с Вашингтоном. В сложившихся условиях правительство Иригойена стремилось сохранить традиционные связи с Великобританией — конкурентом США. Исходя из национальных интересов, оно пошло на развитие торговых и экономических отношений с СССР, заключив соглашение о поставке нефти и оборудования для нефтяной промышленности. Был принят закон о 8-часовом рабочем дне.

В Чили в середине 20-х годов внутривнутриполитическая обстановка обострилась. Усилилось давление правых сил на либерально-реформистское правительство А. Алессандри. Консервативное большинство Национального конгресса саботировало законодательные инициативы правительства. Не прекращались забастовки трудящихся, среди которых крепло влияние коммунистов, возглавлявших круп-

нейший профцентр страны — Рабочую федерацию Чили. В стране сложилось неустойчивое равновесие противоборствующих сил, ни одна из которых не могла добиться решающего перевеса. В разных слоях общества распространились настроения разочарованности в либеральном реформизме.

В сентябре 1924 г. группа офицеров осуществила военный переворот под лозунгом создания сильного националистического правительства. Среди участников переворота оказались как сторонники установления твердой авторитарной власти, так и националисты реформистского и левого толка, выдвигавшие антиимпериалистические и радикальные социальные лозунги. Отсюда противоречивый характер пришедшей к власти военной хунты, которая выступила против демократических форм правления и подвергла преследованиям рабочее движение, но одновременно приняла довольно передовое трудовое законодательство (8-часовой рабочий день, пенсии для трудящихся, право на создание профсоюзов и коллективные договоры).

Военная хунта не смогла обрести устойчивой опоры. Обострившиеся разногласия среди сторонников переворота привели к их расколу и новому военному перевороту в январе 1925 г., в результате которого был восстановлен конституционный режим и возвращен на президентский пост Алессанри до истечения срока его полномочий. В сентябре 1925 г. была принята новая конституция Чили, подтвердившая законодательные основы демократического режима и отделявшая церковь от государства. Конституция 1925 г. усиливала президентскую власть в ущерб конгрессу и увеличивала срок полномочий президента с 5 до 6 лет.

Однако реальная власть в республике все более сосредоточивалась в руках активного участника обоих переворотов полковника (а затем генерала) Карлоса Ибаньеса дель Кампо (1877—1960), занявшего пост военного министра и жестоко подавившего в июне 1925 г. упорную забастовку рабочих селитряного рудника «Ла Корунья».

Президентские выборы в октябре 1925 г. ознаменовались активизацией левых сил, сумевших выдвинуть единого кандидата и получивших 28 % голосов. Это встревожило господствующие классы и усилило в их среде настроения в пользу авторитарных методов правления, чем воспользовался Ибаньес. В 1927 г. он добился своего внеочередного избрания на пост президента, установив личную диктатуру (1927—1931).

Находясь под влиянием итальянского фашизма, Ибаньес надеялся искоренить классовую борьбу и добиться сплочения общества в рамках авторитарного корпоративного государства. Режим Ибаньеса выражал в первую очередь интересы националистических кругов местной буржуазии, имевшей определенные разногласия с традиционными кругами олигархии. Поначалу он приобрел массовую

опору в средних слоях и среди части трудящихся. Его правительство использовало антиимпериалистические и антиолигархические лозунги, в некоторых случаях пыталось противостоять иностранным монополиям, стимулировать развитие национальной экономики. Однако оно старалось не задевать экономические позиции олигархии и продолжать сотрудничество с американским капиталом.

Внутренняя политика Ибаньеса характеризовалась подавлением демократических свобод, полицейским террором против рабочего движения, разгулом «антикоммунизма» в сочетании с социальной демагогией, определенными экономическими уступками трудящимся, пропагандой классового сотрудничества и насаждением корпоративного синдикализма. Такая политика привела к временному ослаблению позиций сторонников классовой борьбы. В компартии Чили к тому же усилились сектантские позиции.

На Кубе избранный в 1925 г. президентом республики генерал Херардо Мачадо-и-Моралес, в прошлом участник войны за независимость (1895—1898), установил террористический диктаторский режим, обрушив на рабочее и демократическое движение жестокие репрессии, за что получил прозвище «президента тысячи убийств». Преследуя независимые организации рабочих, Мачадо создал проправительственную федерацию трудящихся. Режим Мачадо действовал в интересах буржуазно-помещичьей верхушки и ориентировался на сотрудничество с американским капиталом. Как и Ибаньес, он вдохновлялся примером итальянского фашизма, называя себя «антильским Муссолини». Национальный конгресс был превращен в послушный придаток диктатуры, полномочия президента были продлены на ряд лет вперед, в стране насаждался культ «вождя». Используя экономический подъем, Мачадо выдвинул широкую программу строительных работ. Это сократило безработицу и на первых порах ослабило социальную напряженность, но одновременно обогатило строительные фирмы и государственную администрацию, которые встали на путь злоупотреблений и коррупции. Вырос внешний долг Кубы.

Прогрессивные силы страны в сложных условиях вели борьбу против диктатуры. В декабре 1925 г. Кубу охватило движение солидарности с брошенным в тюрьму и объявившим голодовку Хулио Антонио Мельей — лидером студенческого движения и одним из основателей компартии Кубы. Диктатор вынужден был освободить его. Эмигрировав в Мексику, Мелья продолжал революционную деятельность. В январе 1929 г. он был убит агентами Мачадо. С 1927 г. на Кубе усилились антидиктаторские и антиимпериалистические выступления студентов и интеллигенции.

В Мексике во время президентства преемника Обрегона, тоже участника революции 1910—1917 гг. генерала Плутарко Элиаса Кальеса (1924—1928) укрепился режим «революционного ка-

удильизма». Аpellируя к тезису о «продолжающейся революции», правительство Кальеса заявило, что целью нового, «конструктивного» ее этапа станет строительство развитой экономики и общества социальной справедливости на основе сотрудничества рабочих, крестьян и национальных предпринимателей. На деле речь шла о реформистской программе с революционными лозунгами.

Правительство Кальеса использовало рычаги государственного регулирования экономики (налоговые, финансовые, таможенные), чтобы ускорить ее развитие и поддержать национальный капитал. Среди крестьян было распределено 3,2 млн.га земли — в три с лишним раза больше, чем в предыдущие годы. Главной целью аграрной политики правительства было создать прослойку зажиточного крестьянства и ускорить капиталистическое развитие деревни. Массы безземельного сельского населения не получили доступа к земле.

Были ограничены позиции иностранного капитала, прежде всего в нефтяной промышленности, что вызвало конфликт мексиканского правительства с компаниями и правительством США. Правительство Кальеса широко использовало антиимпериалистические лозунги, осуждало интервенционистскую политику США в Центральной Америке. Существенно затронуть позиции иностранного капитала Кальес, однако, не решился.

Стремясь отвлечь массы от нерешенных проблем и укрепить «революционный» престиж правительства, Кальес начал гонения на католическую церковь. Конфликт с церковью в 1926—1927 гг. перерос в вооруженную борьбу, в которой отряды «кристерос» — сторонников церкви нашли поддержку религиозного населения, особенно в деревне. Это использовала в своих интересах консервативная оппозиция.

Рабочая политика правительства Кальеса характеризовалась сочетанием умелой социальной пропаганды с реальными уступками трудящимся (8-часовой рабочий день, признание прав профсоюзов, коллективные договоры, арбитраж). Мексиканская региональная рабочая конфедерация (КРОМ) при Кальесе являлась официальным профцентром, лидеры которого заняли влиятельные посты в правительственной администрации, включая пост министра промышленности, торговли и труда, заседали в конгрессе республики. Это пропагандировалось как участие рабочего класса в управлении страной. Классовое сотрудничество рекламировалось как путь, обеспечивающий эволюцию капитализма к социализму. Политика режима и его союз с КРОМ способствовали распространению реформизма среди широких масс трудящихся, большинство которых искренне верило в намерение правительства осуществить антиимпериалистическую и социальную революцию.

К концу 20-х годов режим «революционного каудильизма» в значительной мере выполнил свои задачи. Местная, национальная

буржуазия несколько укрепила свои позиции. Теперь она все более тяготилась его ограничительными рамками, чрезмерной «революционностью» и сотрудничеством с рабочими организациями. Сами деятели режима, выходцы из мелкобуржуазной среды, постепенно интегрировались в ряды имущих классов. С 1927 г. наметилась эволюция правительственной политики вправо: замедлено распределение земель, урегулирован конфликт с американскими нефтяными компаниями на основе значительных уступок, взят курс на прямое подчинение профсоюзов контролю правительства. Утратив поддержку режима, КРОМ постепенно распалась.

Вооруженные антиимпериалистические и антиолигархические выступления в Бразилии и Никарагуа. В Бразилии и Никарагуа в 20-е годы борьба против местной олигархии и империализма приняла форму вооруженных выступлений. В Бразилии при формальном функционировании конституционного режима широкие массы населения по-прежнему были отстранены от участия в политической жизни. Недовольство засильем помещичье-буржуазной «кофейной» олигархии штатов Сан-Паулу и Минас-Жераиса, связанной с британским капиталом, все сильнее ощущалось в стране. Однако либеральная оппозиция не решалась на открытую борьбу с режимом, а рабочее движение с начала 20-х годов переживало спад. Борьба крестьянства развивалась стихийно, в форме разрозненных бунтов. В этих условиях инициативу взяли на себя демократически настроенные молодые офицеры — «тенентисты» (от «тененте» — «лейтенант»), вставшие на путь открытой вооруженной борьбы с правительством. «Тенентисты» не имели четко сформулированной программы. Они требовали замены олигархии подлинно демократическим конституционным режимом. Объективно этот лозунг в сочетании с вооруженной борьбой имел революционное значение, ибо речь шла о ликвидации олигархического режима и переходе власти в руки сил, которые выражали бы интересы большинства народа.

5 июля 1922 г. «тенентисты» подняли восстание в Рио-де-Жанейро, захватив столичный форт Копакабана. Восстание было сурово подавлено. Но «тенентисты» продолжали борьбу, создав сеть тайных организаций в армии. 5 июля 1924 г. они подняли восстание в гарнизоне Сан-Паулу и после нескольких дней боев захватили этот крупнейший промышленный центр Бразилии. Однако руководители восстания не решились вовлечь в борьбу население и заняли выжидательную позицию. Это позволило правительству стянуть большие силы, заблокировать восставший город и 27 июля овладеть им. Повстанцы, прорвав кольцо окружения, отошли в глубь страны, преследуемые правительственными войсками. В октябре 1924 г. вспыхнуло восстание «тенентистов» в нескольких небольших гарнизонах штата Рио-Гранди-ду-Сул на юге страны, откуда колонна

восставших во главе с молодым капитаном Луисом Карлосом Престесом (1898—1990) двинулась на север и в марте 1925 г. соединилась с повстанцами из Сан-Паулу. Соединенная колонна «тенентистов» под руководством Престеса начала свой поход, совершая с боями стремительные рейды по внутренним, часто труднодоступным, просторам огромной страны, не раз пересекая ее из конца в конец. За два с лишним года колонна прошла 25 тыс. км, нанося ряд поражений правительственным частям. За это она получила прозвище «непобедимой колонны». Ее численность колебалась от 1,3 тыс. человек до 4 тыс. Слухи о «непобедимой колонне» будоражили население, но ее рейды все же не привели к широкому восстанию, поскольку условия для него не созрели. Руководители колонны не осознали необходимости выдвижения конкретных социальных лозунгов для вовлечения масс в борьбу. Кроме того, маневренный характер борьбы не позволял закрепиться и установить устойчивые тесные связи с населением. В феврале 1927 г. колонна покинула территорию Бразилии и была интернирована в Боливии, так и оставшись непобежденной. «Тенентисты» не прекратили своей деятельности и готовились возобновить борьбу.

Движение «тенентистов» с их романтическим ореолом оставило глубокий след в истории Бразилии. Оно сыграло важную роль в расшатывании олигархического режима, в пробуждении активности других оппозиционных сил.

В Никарагуа борьба против интервенционистской политики США приняла характер повстанческого движения под руководством Аугусто Сесара Сандино (1895—1934). Выходец из крестьянской семьи, Сандино в 1926 г. возглавил один из отрядов либералов, поднявших восстание в Никарагуа против правительства консерваторов — партии помещицкой олигархии. В мае 1927 г. либералы под давлением вмешавшихся в конфликт США прекратили борьбу и согласились на оккупацию Никарагуа американской морской пехотой. Сандино с 30 своими сторонниками отказался сложить оружие и в июле 1927 г. начал партизанскую войну в горах на севере страны против американских оккупантов и поддерживаемого ими правительства. За несколько месяцев отряд Сандино вырос до 1 тыс. человек. В его рядах была установлена строгая дисциплина. Повстанческая армия Сандино развернула успешные боевые действия, нанося поражения правительственным частям и отрядам американской морской пехоты. Целью борьбы Сандино объявил изгнание американских оккупантов из страны, восстановление подлинного суверенитета Никарагуа и передачу власти никарагуанскому народу. Он высказывался за удовлетворение социальных требований рабочих и крестьян.

Борьба никарагуанских повстанцев во главе с Сандино получила отклик в Латинской Америке и за ее пределами. Во многих странах возникли комитеты «Руки прочь от Никарагуа!», организовавшие

митинги и демонстрации в поддержку Сандино, против интервенции США в Никарагуа, сбор средств и оружия для никарагуанских повстанцев, посылку добровольцев-интернационалистов в Никарагуа.

Поиск новых концепций освободительной борьбы: Х.К. Мариатеги и В.Р. Айя де ла Торре. Апризм. На левом фланге общественно-политической жизни Латинской Америки продолжали действовать коммунистические партии, входившие на правах секций в Коммунистический Интернационал. До конца 20-х годов новые компартии появились в Эквадоре, Перу и Парагвае. Но они оставались малочисленными и продолжали отстаивать левосектантские позиции. Правда, в 1929 г. на I Конференции компартий Латинской Америки в Буэнос-Айресе был сформулирован вывод о том, что перед странами региона стоят задачи не социалистической, а антиимпериалистической и антиолигархической, аграрной революции, и лишь их осуществление откроет путь к социалистическим преобразованиям. Однако в конкретной интерпретации эта революция сводилась к утверждению власти советов, руководимых коммунистами, по образцу России, что мало отличалось от прежнего курса на «социалистическую революцию» и «диктатуру пролетариата». Подобные установки поддерживались и насаждались сверху руководством Коминтерна. Лидер чилийских коммунистов Л.Э. Рекабаррен уже в 1920 г. выдвигал идею о возможности и важности использования выборов в условиях конституционного режима не только для агитации и пропаганды, но и с целью отстранения от власти консервативных сил. Этого можно было добиться, по его мнению, поддержав широкую демократическую коалицию. Однако в те годы подобные идеи не нашли понимания даже в ближайшем окружении Рекабаррена¹.

Тем временем в рядах участников революционного движения шли поиски новых подходов к проблемам освободительной борьбы, которые бы учитывали особенности Латинской Америки. Эти поиски в 20-е годы связаны с именами Х.К. Мариатеги и В.Р. Айя де ла Торре. Свообразием отличалась разработка теоретических проблем латиноамериканского освободительного движения перуанским революционером Хосе Карлосом Мариатеги (1895—1930), умершим в 35-летнем возрасте от туберкулеза. С его именем связаны основание Коммунистической партии Перу в 1928 г. (до 1930 г. она называлась социалистической) и Всеобщей конфедерации трудящихся Перу (1928). Он был блестящим журналистом, автором ряда теоретических работ, в том числе фундаментального исследования «Семь очерков истолкования перуанской действительности» (1928). Х.К. Мариатеги

¹ Возможно, это было одной из причин его внезапной трагической гибели в декабре 1924 г. Согласно распространенной версии, он застрелился, ибо свидетельств его убийства обнаружено не было. Но в этой истории не все ясно.

стремился определить характер, цели и задачи освободительного движения в Латинской Америке, и в частности в Перу, исходя из реальной действительности, во многом, по его мнению, иной, чем в Европе. Он одним из первых выдвинул и обосновал положение о том, что в Латинской Америке речь должна идти о решении задач буржуазно-демократической революции, выступил за привлечение на сторону «революционного пролетариата» других демократических и антиимпериалистических сил. Особое внимание он обратил на огромную важность крестьянского и индейского вопроса, индейских общинных традиций в освободительном движении Латинской Америки, за что в дальнейшем подвергся критике со стороны Коминтерна как проповедник «народнических» взглядов. В самой компартии Перу после его смерти возобладали догматизм и сектантство. Деятельность Мариатеги и его идеи (в разной трактовке) обрели популярность среди последующих поколений участников освободительного движения в Перу и в Латинской Америке.

Оригинальную концепцию освободительной антиимпериалистической борьбы в Латинской Америке выдвинул другой видный перуанский общественно-политический деятель — Виктор Рауль Айя де ла Торре (1895—1979). С ним долго и активно сотрудничал Мариатеги, но в конце 20-х годов их пути разошлись. В.Р. Айя де ла Торре, выходец из аристократических кругов, в 1919—1923 гг. возглавил студенческое движение в Перу за университетскую реформу, против диктаторского режима Легия (1919—1930), за что в 1923 г. был выслан из Перу и обосновался в Мексике. В эмиграции в 1924 г. он создал Американский революционный народный альянс (АПРА). По аббревиатуре движение, основанное и на протяжении 55 лет возглавлявшееся Айя де ла Торре, вскоре стало называться просто «апристским», или «апризмом». Поначалу оно создавалось в континентальных масштабах, с секциями по странам. Но апризм укоренился и стал серьезной политической силой только в Перу, хотя идеи Айя де ла Торре и программа АПРА оказали влияние на ряд националистических, реформистских и революционных течений, возникших впоследствии за пределами Перу. Выдвинутая в 1926 г. программа АПРА имела революционно-демократическую и антиимпериалистическую направленность. Главными врагами и эксплуататорами трудящихся Айя де ла Торре считал империализм и его союзника в лице местной олигархии и призывал сплотиться на борьбу с ними пролетариат, крестьянство и средние слои, отводя ведущую роль в предстоящей демократической и антиимпериалистической революции средним слоям, прежде всего интеллигенции. Как и Мариатеги, Айя де ла Торре огромное значение придавал индейскому вопросу, защите интересов индейского населения и их традиций. Индейскому компоненту он отводил важную роль в формировании латиноамериканской общности как продукта синтеза

индейского и европейского начал и предпочитал называть регион Индоамерикой.

Отдавая дань уважения марксизму и признавая его значимость для Европы, для стран «классического» капитализма, Айя де ла Торре считал его неприменимым для Латинской Америки, где, по его мнению, действовали иные закономерности общественного развития. Здесь с империалистической эпохой связано начало капиталистического прогресса, и потому, утверждал он, «империализм является первым, или низшим, этапом капитализма». Отсюда следовал вывод: самостоятельно, без сотрудничества с «империализмом», с передовыми капиталистическими державами, Латинская Америка не сможет преодолеть свое отставание от них. Разрыв с империализмом привел бы к изоляции и консервации отсталости региона. Исходя из таких оценок, Айя де ла Торре выступал за сочетание борьбы против империалистической, интервенционистской политики ведущих капиталистических держав с сотрудничеством с ними в целях индустриализации и развития. Путь к ликвидации империалистической зависимости он видел в осуществлении антиолигархических, демократических преобразований в создании правового государства, опирающегося на органы самоуправления населения, в преодолении экономической отсталости (в том числе с помощью иностранного капитала) и на этой основе в постепенном преобразовании отношений зависимости в равноправное взаимовыгодное сотрудничество с передовыми державами мира. Успех такого «конструктивного антиимпериализма» зависел от единства всех народных сил внутри страны — от трудящихся до национальных предпринимателей — и от объединения экономических и политических усилий латиноамериканских республик.

Неоднозначное отношение Айя де ля Торре к империализму отражало реальные противоречия действительности, осознание того, что преодоление зависимости вместе с отсталостью будет постепенным и долговременным процессом. Но это придавало противоречивость и самому апризму как антиимпериалистическому движению, поскольку апризм отодвигал полное осуществление своих антиимпериалистических целей в неопределенное будущее. Это предопределило переход апризма в последующие годы с революционно-демократических на умеренные национал-реформистские позиции, временами обрекало движение на пассивное выжидание момента, когда «плод созреет», на конформизм в отношении империализма США и правых сил.

Свой «конструктивный антиимпериализм» Айя де ла Торре противопоставлял «разрушительному» радикально-революционному варианту антиимпериалистической и классовой борьбы, который выдвигали коммунисты. Те, со своей стороны, обвиняли апризм и его лидера в игнорировании классовых противоречий капиталистического общества и принижении роли пролетариата в Латинской

Америке, в соглашательстве по отношению к империализму. Взаимная полемика Айя де ла Торре и коммунистов, вспыхнувшая во второй половине 20-х годов, приобрела острый характер и продолжалась многие десятилетия, препятствуя поискам взаимопонимания и сотрудничества между обоими течениями.

Концепции Айя де ла Торре во многом предвосхитили реальные противоречивые тенденции последующего развития Латинской Америки вплоть до конца XX в. В той или иной мере они нашли воплощение в теории и практике латиноамериканского национал-реформизма, десаррольизма, «импортзамещающей индустриализации», интеграции стран региона — важнейших явлений в жизни Латинской Америки середины и второй половины XX в.

«ВЕЛИКАЯ ДЕПРЕССИЯ» 1929—1933 ГГ. И ОБОСТРЕНИЕ ОБСТАНОВКИ В РЕГИОНЕ

Влияние мирового экономического кризиса на Латинскую Америку. Вслед за ведущими центрами капиталистического мира экономический кризис 1929—1933 гг. втянул в свою орбиту и страны Латинской Америки, экономика которых в решающей степени зависела от конъюнктуры мирового рынка. Резко упал спрос на традиционную экспортную продукцию латиноамериканских республик. Своей протекционистской таможенной политикой капиталистические державы в годы кризиса воздвигли дополнительные преграды экспорту латиноамериканских государств, чем еще более усугубили их бедственное положение. Общая стоимость экспорта стран региона с 1929 по 1933 г. уменьшилась почти в 3 раза. Падение доходов и валютных поступлений от внешней торговли привело к серьезному ухудшению торгового и платежного балансов, к финансовому кризису и бюджетному дефициту, вызвало резкое сокращение импорта промышленных товаров и свертывание производства. В Чили, например, объем производства селитры сократился в 12 раз, а меди — в 3 раза. На Кубе выработка сахара уменьшилась с 5 млн. до 1,9 млн. т, а его общая стоимость — с 200 млн. до 43 млн. долл. Объем национальной продукции в Аргентине и Бразилии упал на одну треть. На складах скопились громадные запасы нереализованной аграрно-сырьевой продукции. Миллионы тонн кофе, зерна, плантационных культур уничтожались. Тысячи фабрик и заводов оказались парализованными, разорялись массы сельскохозяйственных производителей. В главном промышленном центре Бразилии — городе Сан-Паулу в 1930 г. закрылось более половины промышленных предприятий. В Чили из 32 селитряных рудников уцелело только 6. В Аргентине разорились 36,5 % сельских собственников. Аналогичная картина наблюдалась повсюду в регионе.

Массы обездоленного сельского населения устремились в города, но и там не находили работы. Количество безработных в Латинской Америке за 1930—1932 г. возросло с 2 до 7 млн. человек, в том числе в Бразилии — до 1,5 млн., в Мексике — почти до 1 млн., в Аргентине — до 500—600 тыс., на Кубе — до 500 тыс. К этому необходимо добавить многие миллионы не полностью занятых тружеников, а также неучтенных безработных. Ухудшились общие условия работы и жизни трудящихся, сократилась заработная плата.

В годы кризиса практически прекратился приток в Латинскую Америку иностранных капиталов и европейских иммигрантов.

«Великая депрессия» 1929—1933 гг. ускорила вступление Латинской Америки в полосу хронического кризиса сложившихся здесь социально-экономических структур, со всей очевидностью обнаружив пагубные последствия экстенсивного капиталистического развития, базой которого были агросырьевой экспорт и приток иностранных капиталов и товаров.

Экономический кризис подорвал материальную и социальную базу правящих режимов и привел к росту социальной нестабильности, бурным политическим встряскам. В 1930 г. произошла буржуазная революция в Бразилии. В том же году в Колумбии на смену многолетнему правлению консерваторов пришли либералы, выступившие с реформистской программой. В Аргентине в 1930 г. в результате военного переворота было свергнуто либерально-реформистское правительство. В Мексике кризис режима «революционного каудильизма» сопровождался в эти годы усилением позиций демократических и антиимпериалистических сил. Подъем рабочего и народного движения смел диктаторские режимы в Чили (1931) и на Кубе (1933), где развернулись революционные события.

В Перу в августе 1930 г. в обстановке роста рабочих и крестьянских волнений военные во главе с полковником Санчесом Серро свергли диктатуру Легиа. В стране активизировалась деятельность апристов, вернулся из эмиграции их лидер Айя де ла Торре. В сентябре 1930 г. было объявлено о создании апристской партии, выдвинувшей кандидатом в президенты Айя де ла Торре. Программа апристской партии (август 1931 г.) требовала установления демократического режима с органами местного самоуправления, национализации ряда предприятий, осуществления мер по стимулированию экономики, принятия передового рабочего законодательства, развития кооперации, проведения аграрной политики в интересах крестьянства и с его участием, поддержки индейских крестьянских общин. На президентских выборах в октябре 1931 г. Айя де ла Торре получил внушительную поддержку, набрав 105 тыс. голосов и заняв второе место. Президентом стал Санчес Серро (150 тыс. голосов), поддержанный умеренными и правыми кругами и подвергшийся преследованиям левые силы. Со своей стороны,

апристы, не получив легального доступа к власти, встали на путь террористических акций и вооруженных выступлений против правительства и армии. Из движения, ориентированного на массовую борьбу, партия апристов превратилась в подпольную террористическую организацию, действия которой противоречили утверждениям Айя де ла Торре об осуждении апризмом насилия в политике. В июле 1932 г. апристы подняли восстание в городе Трухильо, на родине Айя де ла Торре, где они имели наибольшую поддержку населения. Они разгромили местный гарнизон и овладели городом. Правительство направило против восставших крупные воинские силы с авиацией. Борьба с обеих сторон приняла ожесточенный характер. Апристы расстреляли сотни пленных солдат. Армия в отместку, ворвавшись в город, устроила массовую резню. Восстание было потушено в крови. Однако апристы продолжали организовывать новые путчи и террористические акты, пока 30 апреля 1933 г. не убили президента. К власти пришло консервативное правительство генерала Бенавидеса (1933—1939). В ноябре 1934 г. апристы подняли восстание против него, но снова потерпели поражение, оставшись на нелегальном положении. В дальнейшем их деятельность пошла на спад.

В начале 1932 г. вспыхнуло восстание против олигархического режима в Сальвадоре, возглавленное созданной незадолго перед тем (в 1930 г.) компартией. Его организатор, бывший сподвижник Сандино, основатель компартии Сальвадора Фарабундо Марти был схвачен и казнен накануне выступления. Восстание было жестоко подавлено.

В Никарагуа после некоторого перерыва повстанческая армия Сандино в июне 1930 г. возобновила активные боевые действия против 6-тысячного корпуса морской пехоты США и национальной гвардии поддерживаемого Соединенными Штатами режима. Численность армии Сандино достигла 2 тыс. человек. Повстанцы предприняли в 1930—1932 гг. рейды по районам, где действовали американские компании, нанеся им большой урон. В октябре 1932 г. отряды Сандино приблизились к столице. Власти Манагуа вынуждены были вступить в переговоры с Сандино. В январе 1933 г. последние подразделения морской пехоты США покинули Никарагуа, после чего Сандино распустил свою армию, поверив обещаниям правительства обеспечить политический и экономический суверенитет республики и демократические права населения. Это была ошибка, стоившая Сандино жизни: 21 февраля 1934 г. он вместе со своими соратниками был коварно схвачен и убит по приказу командующего гвардией Анастасио Сомосы. Этим преступлением Сомоса расчистил себе путь к власти. Одиозная диктатура клана Сомосы, установленная в 1936 г., просуществовала свыше 40 лет.

Героическая борьба горстки никарагуанских патриотов во главе с Сандино против американских интервентов в 1927—1933 гг. вызвала подъем патриотических, антиимпериалистических настроений на континенте и широкое движение протеста против интервенционистской политики Вашингтона. Эта борьба заставила США вывести свои войска из Никарагуа и отказаться с 1933 г. от прямой вооруженной оккупации центральноамериканских республик.

Военный переворот в Аргентине и буржуазная революция в Бразилии. В 1930 г. почти одновременно острый политический кризис охватил две крупнейшие республики Южной Америки — Аргентину и Бразилию. В обоих случаях речь шла о кризисе не только конкретных правительств, но и самой политической структуры, о неспособности господствующих классов удерживать власть под своим контролем прежними методами, об изменении соотношения сил в их среде. Однако сам характер событий 1930 г. в Аргентине и Бразилии существенно различался. В Аргентине имело место свержение реформистского либерального правительства, свертывание режима представительной демократии, в Бразилии — свержение консервативного, хотя и в конституционных формах, режима «кофейной» олигархии. Соответственно и к власти пришли разные силы, хотя в обоих случаях использовались националистические лозунги.

Вступление Аргентины в полосу экономического кризиса лишило эффективности политику либеральных реформ и классового сотрудничества, проводившуюся правительством Иригойена. Против него сплотились американские компании, помещичье-торговая и финансовая олигархия, крупный промышленный капитал, правонационалистическая военная верхушка. К оппозиции примкнули и правые радикалы. В то же время политика правительства Иригойена не удовлетворяла народные массы, особенно остро ощутившие на себе негативные последствия кризиса. Правительство радикалов оказывалось все в большей изоляции как справа, так и слева. К свержению правительства Иригойена призывала и компартия, обвинявшая его в «фашизации». 6 сентября 1930 г. армейские части под командованием генерала Хосе Урибуру совершили военный переворот. 78-летний Иригойен был арестован и сослан. Урибуру объявил себя временным президентом с диктаторскими полномочиями. Были отменены конституционные гарантии, распущен конгресс, введено осадное положение. Начались репрессии, был создан «специальный отдел» по борьбе с «коммунистической деятельностью».

Урибуру вдохновлялся фашистскими идеями. Непосредственной опорой диктатуры были правонационалистическое офицерство и националистически настроенные буржуазные круги. Правительство Урибуру стремилось твердой рукой обеспечить «порядок» и «классовый мир» в стране. С помощью жестких протекционистских

таможенных мер в интересах местного крупного капитала и для ликвидации бюджетного дефицита оно намеревалось вывести Аргентину из кризиса, не затрагивая непосредственно иностранный капитал; пыталось несколько потеснить традиционную агроэкспортную олигархию, ориентируясь на британский рынок. В этих же целях Урибуру старался усилить торгово-экономические связи с США, что, впрочем, в годы кризиса не имело успеха из-за протекционистской таможенной политики самих США и ввиду того, что США не нуждались в аргентинской аграрной продукции.

Урибуру натолкнулся на сопротивление широкого спектра левых и демократических сил. Вновь стал быстро расти престиж партии радикалов в массах. Традиционные «либеральные» круги помещичье-буржуазной олигархии также были недовольны политикой диктатуры, ущемлявшей их интересы. Они к тому же не были готовы на полное свертывание правового государства и предпочитали иметь большую автономию от государственной власти. Круг сторонников Урибуру оказался довольно узким, что заставило его согласиться на восстановление атрибутов конституционного режима. В ноябре 1931 г. состоялись всеобщие выборы. Крупнейшая оппозиционная партия радикалов в них не участвовала ввиду отсутствия конституционных гарантий. Победил кандидат созданной накануне выборов Национально-демократической партии, объединившей в своих рядах консервативные силы страны, генерал Агустин Хусто, в прошлом правый радикал, затем активный участник переворота 1930 г. 20 февраля 1932 г. Урибуру передал полномочия новому президенту на 6-летний срок и через два месяца умер. Формально конституционный режим был восстановлен, но новое правительство, выражавшее преимущественно интересы агроэкспортной олигархии, проводило политику ограничения демократических свобод и преследования рабочего и демократического движения.

В Бразилии экономический кризис способствовал подрыву позиций правящей «кофейной» помещичье-буржуазной олигархии штатов Сан-Паулу и Минас-Жераис. Нарастанием общего недовольства решили воспользоваться оппозиционные «кофейной» олигархии буржуазно-помещичьи группировки, сплотившиеся в Либеральный альянс. На мартовских выборах 1930 г. кандидатом в президенты от Либерального альянса был выдвинут Жетулио Варгас (1883—1954), помещик-скотовод из южного штата Рио-Гранди-ду-Сул, бывший министр и губернатор, оказавшийся незаурядным политическим деятелем. Чтобы завоевать поддержку масс, Либеральный альянс привлек на свою сторону «тенентистов», ставших к этому времени популярными благодаря своей героической борьбе с режимом. В программу альянса были включены требования демократизации страны и «общенациональной революции в интересах всего народа». Подавляющее большинство «тенентистов» поддержало альянс, рас-

считывая с его помощью добиться свержения олигархии и осуществления демократических преобразований. Лишь небольшая группа левых «тенентистов» во главе с Л.К. Престесом выступила за независимые от «либералов» революционные действия совместно с трудящимися и компартией.

В условиях олигархического режима надежды на победу оппозиционных сил на выборах не оправдались. Это побудило Либеральный альянс взять курс на вооруженную борьбу. Решающую роль в подготовке и проведении восстания сыграли «тенентисты», завоевавшие на свою сторону ряд армейских частей. Восстание началось 3 октября 1930 г. сразу в нескольких штатах. Завязались упорные бои с правительственными войсками. Действия восставших встретили поддержку населения, слились с массовыми народными выступлениями против «кофейного» режима. В ряде мест народ одержал победу еще до подхода повстанческих частей. Восставшие установили контроль над всей страной. 3 ноября 1930 г. в Рио-де-Жанейро было сформировано правительство Либерального альянса во главе с Жетулио Варгасом, установившее временный военный режим. Верховная власть в штатах была передана чрезвычайным военным комиссарам, многие из которых были «тенентистами».

События октября — ноября 1930 г. означали победу буржуазной революции, которая при участии населения смела режим «кофейной» олигархии. К власти пришел блок националистически настроенной буржуазии и мелкобуржуазных демократов («тенентистов»), в нем участвовали также оппозиционные «кофейной» олигархии помещичьи группировки. Военно-диктаторская форма правления позволила новому режиму укрепиться у власти, обезопасить себя от попыток «кофейной» олигархии вернуть утраченные позиции, а также удержать в повиновении народные массы. Наконец, такая форма власти позволяла правительству, играя роль сильного автономного арбитра, поддерживать единство разнородных участников блока.

Правительство Варгаса ввело протекционистский таможенный тариф, отменило торговые пошлины между штатами и приняло другие меры по укреплению позиций национального капитала и развитию экономики. Было разработано трудовое законодательство (законы о 8-часовом рабочем дне, об отпусках, о минимуме зарплаты, об ограничении труда женщин и подростков, о трудовом арбитраже). Стали создаваться корпоративные профсоюзы с участием предпринимателей. Одновременно подавлялись забастовки трудящихся. Целью рабочей политики правительства было искоренить классовую борьбу и подчинить трудящихся своему влиянию, распространив среди них веру в возможность установления под эгидой нового режима «социальной гармонии».

Тем не менее обстановка в стране оставалась беспокойной. То там, то тут вспыхивали стачки рабочих, восстания отдельных

воинских гарнизонов с поддержкой их местным населением, волнения крестьян. В 1932 г. правительству пришлось подавлять мятеж «кофейной» олигархии штата Сан-Паулу.

Революционный кризис 1931—1932 гг. в Чили. Центром бурных революционных событий в начале 30-х годов стала Чили, где в обстановке глубокого экономического кризиса диктатура Ибаньеса быстро теряла свою материальную и социальную опору. Нарастали революционные настроения среди трудящихся и разоряемых мелкобуржуазных масс. В оппозицию к режиму перешли и буржуазно-либеральные круги, а также недовольные его политикой группировки традиционной олигархии, стремившиеся использовать народное брожение и лозунги восстановления конституционных свобод для собственного продвижения к власти и предупреждения революционного взрыва.

Попытки либеральной оппозиции добиться своих целей путем соглашения с Ибаньесом успеха не достигли, тот не хотел уступать власть. В июле 1931 г. в Чили началась волна забастовок, уличных демонстраций, студенческих волнений с требованиями отставки диктатора, восстановления демократических свобод, принятия мер по выходу из кризиса и улучшению положения масс. На 26 июля была назначена всеобщая забастовка против диктатуры. В тот же день Ибаньес бежал из страны. Было сформировано временное правительство во главе с представителем либеральной профессуры университета Х.Э. Монтеро. В его лице к власти пришли оппозиционные буржуазно-помещичьи круги. Было объявлено о восстановлении демократических свобод и конституционного режима.

Однако новое правительство ничего не сделало для улучшения положения масс и не смогло предотвратить дальнейшего нарастания революционных выступлений. 23 августа состоялась всеобщая забастовка в защиту требований трудящихся. 1 сентября 1931 г. вспыхнуло революционное восстание военных моряков. Восставшие матросы и унтер-офицеры завладели флотом, избрали судовые комитеты и предъявили правительству требования немедленно осуществить аграрную реформу, национализацию иностранного и крупного местного капитала, принять меры по улучшению положения народа. Рабочая федерация Чили, возглавляемая коммунистами, провела в Сантьяго забастовку солидарности с моряками. Однако восставшие заняли выжидательную позицию, вступили в переговоры с правительством. Это позволило властям выиграть время, стянуть войска, артиллерию и авиацию в порты. После этого они прервали переговоры и атаковали восставший флот. В итоге двухдневных боев 6 сентября восстание было подавлено.

Восстание моряков показало шаткость позиций правительства. В октябре 1931 г. правящие круги организовали президентские выборы, на которых Монтеро был избран конституционным президентом. Но

это не успокоило страну. Забастовки, волнения крестьян и студенчества продолжались. 11 января 1932 г. состоялась новая всеобщая забастовка. В условиях глубокого экономического кризиса в капиталистическом мире ширились антикапиталистические настроения. 4 июня 1932 г. группа офицеров и гражданских лиц во главе с полковником Мармадуке Грове свергла правительство Монтеро и провозгласила Чили «социалистической республикой». Была создана Временная правительственная хунта, в которую наряду с революционерами-социалистами (группа Грове) вошли и представители буржуазно-националистических кругов (полковник Карлос Давила), понимавшие под «социализмом» развитие государственного капитализма.

Программа правительства предусматривала созыв Учредительного собрания, национализацию банков, установление государственного контроля над рядом ключевых отраслей экономики, меры по развитию экономики, повышение налогов на крупных предпринимателей, контроль над распределением в интересах малоимущих, размещение безработных на государственных и неиспользуемых помещичьих землях. Программа носила ярко выраженный революционно-демократический, антиолигархический и антиимпериалистический характер, хотя и была трудноосуществима в силу ее радикальности.

В первые же дни правительство «социалистической республики» успело осуществить ряд мер. Были распущены прежние центральные органы власти, национализирован Центральный банк, ликвидирована чилийско-американская селитряная компания, в которой доминировали американские монополии, предприняты шаги по облегчению положения безработных и малоимущих слоев, предоставлена демократическая автономия университету. Коммунисты и Рабочая федерация Чили в Сантьяго создали Совет рабочих депутатов, или Революционный комитет, который с вооруженной охраной расположился в помещении университета. Аналогичные советы возникли в других городах.

Развитие событий встревожило привилегированные слои населения. Буржуазные попутчики «социалистической республики» во главе с К. Давилой 12 июня вышли из правительства и стали готовить переворот. В то же время не удалось достичь взаимопонимания между правительством и руководимым коммунистами Советом. Компартия требовала передачи власти советам, вооружения пролетариата и немедленного осуществления «настоящей социалистической революции», отказываясь сотрудничать с «псевдосоциалистическим» правительством. Не имея прочной опоры, правительство колебалось с принятием мер по пресечению заговора. 16 июня 1932 г. Давила поднял военный мятеж. Запоздалые попытки правительства и коммунистов организовать сопротивление тру-

дящихся военному перевороту потерпели неудачу. Просуществовав 12 дней, «социалистическая республика» пала.

В Чили установилась буржуазно-националистическая диктатура Давилы. Рабочее движение и сторонники «социалистической республики» подверглись репрессиям. После устранения революционной угрозы господствующие классы, однако, предпочли освободиться от услуг новоявленного «Кавеньяка». В сентябре 1932 г. в результате нового военного переворота диктатура Давилы, просуществовавшая 100 дней, была свергнута. Было восстановлено действие конституции 1925 г., легализованы все политические партии и рабочие организации, провозглашена амнистия. В октябре 1932 г. прошли президентские выборы, на которых победил кандидат блока буржуазно-помещичьих партий Артуро Алессандри Пальма, бывший президентом в 1920—1925 гг. Обстановка в стране стабилизировалась в пользу господствующих классов.

Революционный кризис 1931—1932 гг. и «социалистическая республика» имели важные последствия. В стране были восстановлены демократические свободы и конституционный строй. Герой «социалистической республики» М. Грове на президентских выборах 1932 г. получил 60 тыс. голосов (18,3 % голосовавших), заняв второе место, за кандидата коммунистов было отдано 4 тыс. голосов — 1,2 %. На волне революционного подъема 1931—1932 гг. в Чили сложилось иллиятельное социалистическое движение, действовавшее параллельно с компартией, которая понесла ущерб из-за проведения сектантской линии. Различные социалистические группы и фракции — от реформистских до революционных и левацких — в апреле 1933 г. объединились в Социалистическую партию Чили (СПЧ). Признанным лидером партии в 30-е годы стал Грове. Ее социальную базу составили разоренные, пролетаризировавшиеся мелкобуржуазные и средние слои, а также рабочие. Несмотря на пестрый состав, в СПЧ возобладала тенденция превращения ее в революционную партию с преимущественной опорой в дальнейшем на трудящихся.

В ПОИСКАХ ПЕРЕМЕН (1933—1939)

Усиление роли государства в экономике. Экономический кризис 1929—1933 гг. выявил уязвимость и все более очевидное несоответствие новым условиям сложившихся в странах региона социально-экономических структур, чрезмерную зависимость их экономики от внешнего рынка. Среди господствующих классов росло понимание необходимости перемен в экономической политике в сторону большей мобилизации внутренних возможностей при помощи активного вмешательства государства в экономику, чтобы таким образом ослабить негативные последствия кризиса и депрессии.

Вмешательство государства в экономику в латиноамериканских странах в 30-е годы выразилось прежде всего во введении протекционистских таможенных тарифов, призванных обеспечить доходы казны и правящих классов и означавших отход от концепции свободы международной торговли. Протекционистские мероприятия, затруднив доступ зарубежных товаров на внутренний рынок, создали более благоприятные условия для развития местной промышленности. Получили распространение и другие меры стимулирования государством экономического прогресса: предоставление кредитов, субсидий, финансовых и налоговых льгот. Развивался государственный сектор (государственные банки, государственные компании в базовых отраслях экономики).

Данные мероприятия совпали по времени с аналогичными мерами в развитых капиталистических государствах и осуществлялись не без их влияния. Аргентинское правительство Хусто даже заимствовало термин «новый курс», пытаясь сравнить свою политику с политикой «нового курса» Ф. Рузвельта в США. Но характер этих мер в Латинской Америке имел существенные отличия. Здесь речь шла о государственном вмешательстве в экономику с целью ускорить развитие местного капитализма, когда он в целом еще не достиг высокой степени зрелости и не имел достаточного простора для развития ввиду относительной слабости промышленной буржуазии и засилья агроэкспортной олигархии и иностранного капитала. Рост госкапиталистических тенденций мог стать средством противодействия этому засилью. Но реализация таких мер зависела от конкретной ситуации.

Активизация экономической роли государства в Латинской Америке была связана с усилившимся влиянием местной буржуазии и ростом буржуазно-националистических тенденций. Поэтому она была характерна главным образом для наиболее капиталистически развитых стран региона (Аргентина, Мексика, Бразилия, Чили, Уругвай), хотя затронула и некоторые другие государства (Колумбия, Боливия, Куба). Государственное регулирование экономики в Латинской Америке имело разные варианты и масштабы. В Аргентине, например, оно проводилось при правительстве А. Хусто (1932—1938) прежде всего ради поддержания доходов агроэкспортной олигархии. Поступления от протекционистских тарифов и возросших внутренних налогов использовались здесь для субсидирования крупных землевладельцев, для закупки государством по завышенным ценам их продукции с помощью «регулирующих хунт», координировавших сельскохозяйственное производство и сбыт. По договору 1933 г. с Великобританией правительство обеспечило стабильный рынок для аргентинской говядины, предоставив взамен ряд новых льгот и привилегий британским монополиям. Основная тяжесть государственных расходов перекладывалась на народные

массы. Это был консервативный вариант государственного вмешательства в экономику. Но и в таком случае местный промышленный капитал получал стимулы вследствие протекционистских тарифов и сокращения притока иностранных товаров, восстановления доходов от экспорта, а также в результате жесткой социальной политики и наличия рынка многочисленной и дешевой рабочей силы.

В других странах (Бразилия, Мексика, Чили, Колумбия) новые тенденции более непосредственно выразили возросшую активность местных национально-буржуазных кругов. Государственно-капиталистические мероприятия в большей мере были направлены здесь на поощрение местного капитала и промышленного развития. Они привели к созданию значительного государственного сектора в базовых отраслях, задевая порой интересы землевладельческой элиты и иностранного капитала. Эта политика сочеталась с уступками трудящимся.

В некоторых случаях вмешательство государства в экономику отразило активность более широких национально-патриотических и демократических сил и сопровождалось серьезными мерами антиолигархического и антиимпериалистического характера, в том числе национализацией отдельных отраслей. Так было в Мексике при Карденасе (1934—1940), в Чили в годы Народного фронта (1938—1941), на Кубе во время революции 1933—1934 гг., в Боливии в 1936—1940 гг.

Изменения в экономической политике привели в последующем к развитию в латиноамериканских странах «импортзамещающей индустриализации», т.е. к росту местного производства промышленных товаров, которые прежде импортировались. Это содействовало промышленному развитию и укреплению позиций местной буржуазии. Однако, за исключением Мексики, указанные процессы остались под контролем господствующих классов и в итоге привели лишь к некоторому «подновлению» традиционных социально-экономических структур, но не к их радикальному преобразованию.

В 30-е годы приток иностранного капитала в Латинскую Америку сократился, главным образом вследствие экономического кризиса и отчасти в результате мер местных правительств. Общая сумма иностранных капиталовложений в регионе уменьшилась за 1929—1938 гг. с 15 до 9 млрд. долл. Из них 7,5 млрд. долл. приходилось на США и Великобританию (по 3,7—3,8 млрд. на каждую из этих стран). Англо-американское соперничество в Латинской Америке временами приобретало острый характер, в особенности в период войны между Боливией и Парагваем в 1932—1935 гг. из-за обширной территории Гран-Чако. Нефтяные компании США поддерживали Боливию, стремясь получить концессии, а на стороне Парагвая выступали британские нефтяные корпорации. Война закончилась переходом $\frac{3}{4}$ территории Гран-Чако под контроль Парагвая. В целом

же соотношение сил между США и Великобританией в Латинской Америке в 30-е годы мало изменилось.

Усилились позиции Германии в экономике и внешней торговле Латинской Америки. В 1938 г. германские инвестиции здесь приблизились к 1 млрд. долл. В латиноамериканском импорте Германия вышла на второе (после США) место. Основными объектами германской экспансии в регионе стали Аргентина, Бразилия, Чили.

Стремясь упрочить влияние США в Латинской Америке в обстановке обострения межимпериалистических противоречий и особенно роста антиамериканских настроений в регионе, правительство Ф. Рузвельта в 1933 г. провозгласило новую политику в отношении стран Латинской Америки — политику «доброе соседство», или добрососедского сотрудничества. Она означала переход к более гибким формам экспансии. Было заявлено об отказе США от интервенций и других форм прямого вмешательства в дела латиноамериканских государств, о признании Вашингтоном равенства и суверенных прав всех народов. Американские войска в 1934 г. были выведены из Гаити, где они находились долгие годы, отменена «Поправка Платта», ущемлявшая суверенитет Кубы. Со многими государствами были заключены новые торговые соглашения, более благоприятные для них. Политика «доброе соседство» явилась позитивным сдвигом во взаимоотношениях между США и странами Латинской Америки. Она привела к ослаблению антиамериканских настроений, росту авторитета и влияния США в регионе.

В декабре 1933 г. VII Международная конференция американских государств в Монтевидео приняла пакт, запрещающий агрессию и интервенцию, и высказалась за невмешательство американских государств в дела друг друга.

Усиление экономических функций государства в Латинской Америке в условиях начавшегося кризиса традиционных структур сочеталось с некоторыми изменениями и в политическом механизме власти. Разрастались функции государственного аппарата, репрессивных служб, умножались ряды и усиливалось влияние чиновничьей бюрократии. Возросла роль армии, предпринимательских организаций как факторов власти. Структура политической власти господствующих классов усложнялась за счет развития ее внеконституционных рычагов. Это ставило перед прогрессивными силами новые, более широкие задачи в борьбе за демократические преобразования.

Революция 1933—1934 гг. на Кубе и ее последствия. Важнейшим событием середины 30-х годов в Латинской Америке стала революция на Кубе. Объективными ее задачами были свержение диктатуры Мачадо, восстановление демократических свобод, удовлетворение ближайших требований трудящихся и осуществление

антиимпериалистических и антиолигархических преобразований. К революции привели кризис и растущая изоляция диктаторского режима, подъем антидиктаторских выступлений рабочего класса, крестьянства, студенчества, националистических групп буржуазии. В восточных районах острова начали действовать партизанские отряды, насчитывавшие сотни человек. Партизанское движение возглавил Антонио Гитерас (1906—1935).

Волна забастовок, начавшаяся в июле 1933 г. в Гаване и переросшая 4 августа во всеобщую политическую забастовку, положила начало революции. Бастующие требовали отставки Мачадо, восстановления демократических свобод, введения социального законодательства, отмены «Поправки Платта» и проведения других антиимпериалистических мер. Вскоре заколебалась армия. 12 августа 1933 г. Мачадо бежал в США. Власть поспешили захватить праволиберальные буржуазные круги, попытавшиеся предотвратить дальнейшее развитие народного движения. Новое правительство ввело военное положение и запретило демонстрации, пообещав в то же время восстановить конституционный режим.

Со второй половины августа в стране стала нарастать новая волна народного движения. Рабочие захватывали сахарные заводы, поселки, создавая свои органы управления — советы. В этом движении активно участвовали коммунисты и возглавляемая ими Национальная рабочая конфедерация Кубы (НРКК). В сентябре 1/3 сахарных заводов страны оказалась в руках трудящихся. Крестьяне захватывали землю. В революционное движение включились студенты. В ночь на 5 сентября 1933 г. восстали солдаты и сержанты столичного гарнизона, установившие связь с лидерами студенчества и демократической интеллигенции. Они арестовали офицеров, заняли ключевые пункты Гаваны. Было объявлено о создании **Временного революционного правительства** во главе с временным президентом **Рамоном Грау Сан-Мартин** — университетским профессором.

Временное революционное правительство не было однородным. Значительное влияние в нем имели либерально-реформистские круги (в том числе сам Грау Сан-Мартин), имелись и правые элементы. Но решающей фигурой в правительстве стал популярный лидер студенческого и партизанского движения 27-летний Антонио Гитерас, занявший ряд министерских постов, в том числе пост министра внутренних дел. Гитерас был революционным демократом, сторонником решительных антиимпериалистических и демократических преобразований. Он мечтал о ликвидации капиталистической эксплуатации и социалистическом будущем Кубы.

Революционное правительство восстановило демократические свободы, легализовало рабочие организации. По инициативе Гитераса были введены 44-часовая рабочая неделя, система коллективных договоров, повышена заработная плата рабочих и служащих,

облегчено положение безработных. Началась чистка администрации от мачадистов и конфискация их земель в пользу неимущих. Разрабатывались планы аграрных преобразований. Куба отказалась признавать «Поправку Платта». Были ограничены привилегии иностранных монополий, введен правительственный контроль над рядом предприятий и филиалов американских компаний, некоторыми сахарными заводами.

Деятельность революционного правительства встревожила правые круги, вставшие на путь организации заговора при содействии посольства США. Заговор возглавил командующий армией Фульхенсио Батиста (1901—1973), недавний сержант, сыгравший видную роль в сентябрьском революционном восстании. Теперь он перешел на сторону правых сил, надеясь организацией контрреволюционного переворота обеспечить себе путь к власти. Гитерас и его сторонники, не сумев подчинить армию и не успев создать собственной массовой организации, оказались изолированными. Коммунисты и НРКК, влияние которых преобладало в рабочем движении, выдвигали лозунг «советской рабоче-крестьянской власти». Они характеризовали правительство в целом как буржуазно-реформистское и на этом основании отказывали Гитерасу в поддержке. В такой обстановке попытки Гитераса противостоять заговору успеха не имели. 14 января 1934 г. Батиста совершил переворот. Новое правительство Мендиеты Батисты ввело диктаторский режим, обрушило репрессии на рабочее и демократическое движение, выступило за тесное сотрудничество с иностранным капиталом.

Однако революционная борьба на Кубе не прекратилась. В марте и октябре 1934 г. произошли всеобщие забастовки с участием 200 тыс. человек, подавленные властями. В районе «Реаленго-18» на востоке острова в 1934 г. несколько тысяч крестьянских семей с оружием в руках поднялись на защиту своей земли от посягательств иностранных компаний, создав собственное управление на занятой территории. Их борьба вызвала солидарность трудящихся и левых сил страны и продолжалась ряд лет.

Коммунисты и НРКК, уйдя в подполье, начали подготовку новой всеобщей забастовки с целью свержения диктатуры, надеясь использовать опыт августа 1933 г. Сторонники Грау Сан-Мартина в 1934 г. организовали Кубинскую революционную партию («аутентики» — «подлинные», «истинные» последователи революции 1933 г.) с широкой мелкобуржуазной базой и влиятельную среди интеллигенции и студенчества. «Аутентики» выдвинули лозунги верности антиимпериалистическим и демократическим целям революции 1933 г., но все более переходили на умеренно-реформистские позиции и предпочитали пассивную выжидательную тактику. Гитерас за короткое время успел создать довольно многочисленную тайную рево-

диционную организацию «Молодая Куба», которая начала подготовку вооруженной борьбы.

В марте 1935 г. на Кубе вспыхнула всеобщая забастовка против диктатуры, охватившая около 700 тыс. человек и парализовавшая страну. Власти бросили на ее подавление войска. После нескольких дней упорной борьбы сопротивление бастующих было сломлено. Вскоре, в мае 1935 г., был убит Гитерас, благодаря предательству одного из его помощников, после чего организация «Молодая Куба» распалась. Революционное движение пошло на спад.

Поражению мартовской всеобщей забастовки 1935 г. содействовало то, что она вспыхнула раньше, чем была завершена подготовка к ней, а также отсутствие согласованных действий рабочих организаций с «Молодой Кубой» Гитераса. Лишь после мартовских событий компартия осознала необходимость совместных действий, но было уже поздно.

Несмотря на поражение, революция 1933—1934 гг. имела важное значение в истории Кубы. Она смела диктатуру Мачадо, заставила США в 1934 г. отменить «Поправку Платта».

Уже в 1936 г. наметилось новое оживление демократических сил. Этому благоприятствовали разногласия внутри господствующих классов, среди которых устремления Батисты к личной власти встретили противодействие. Батиста считал более перспективным перекраситься в «демократа» и «либерала» и добиться сотрудничества с демократической оппозицией. Благодаря сближению Батисты с демократическими силами наиболее консервативные группировки были изолированы и отстранены от власти. В 1937—1938 гг. на Кубе были восстановлены демократические свободы, легализованы политические партии, в том числе коммунистическая, численность которой к началу 1939 г. достигла 23 тыс. человек. К этому времени компартия избавилась от ряда сектантских позиций и стала сотрудничать с другими левыми и демократическими силами. Возобновили активную деятельность профсоюзы. В январе 1939 г. был образован единый профсоюзный центр страны — Конфедерация трудящихся Кубы (КТК), возглавленный коммунистами и объединивший 300 тыс. человек, а к 1942 г. — полмиллиона. В ноябре 1939 г. состоялись выборы в Учредительное собрание, где коммунисты получили 6 мест (из 81). Учредительное собрание 1 июля 1940 г. приняло новую конституцию, которая утверждала демократические свободы, социальные права трудящихся, провозглашала необходимость коренной аграрной реформы.

Демократические и антиимпериалистические преобразования правительства Карденаса в Мексике (1934—1940). В Мексике экономический кризис способствовал обострению классовых и социальных противоречий и дальнейшему нарушению баланса сил, составлявших опору режима «революционного каудильизма». Обур-

жуализирующая, коррумпированная группировка Кальеса все более тяготела вслед за крупной буржуазией к сотрудничеству с помещичьими кругами и иностранным капиталом. В 1930 г. были разорваны дипломатические отношения Мексики с СССР.

Рабочий класс, крестьянство, мелкая и средняя буржуазия, серьезно ущемленные кризисом, проявляли растущее недовольство политикой режима и все настойчивее требовали глубоких преобразований. Кальесу и его сторонникам все труднее было сохранять влияние в массах. В конце 1928 г., после истечения срока его президентских полномочий, Кальес сохранил положение «верховного вождя революции» и контроль над часто менявшимися правительствами. Чтобы предупредить распад блока сил, составлявших базу режима «революционного каудилизма», Кальес выступил инициатором их объединения в марте 1929 г. в разношерстную Национально-революционную партию (НРП). В нее вошли большинство буржуазных политических группировок, военные, мелкобуржуазные течения, крестьянские организации, часть рабочих.

Однако это не остановило процессов развала режима и радикализации масс. В октябре 1933 г. была создана Всеобщая конфедерация рабочих и крестьян во главе с профсоюзным деятелем Висенте Ломбардо Толедано, выступившим против профсоюзных боссов. Новый профцентр, объединивший большую часть профсоюзов Мексики, не был свободен от влияния реформизма и идей «продолжающейся революции», но он занял боевые позиции в защите прав и социальных требований трудящихся, в борьбе за демократические, аграрные и антиимпериалистические преобразования.

Радикализация широких масс населения проявилась и в рядах правящей партии, где усилилось левое крыло. Влияние «верховного вождя революции» на ход событий падало. За 6 лет (1928—1934) в Мексике сменилось 4 правительства. На съезде НРП в декабре 1933 г. Кальес вынужден был согласиться на выдвижение кандидатом в президенты от НРП представителя левого крыла партии генерала Ласаро Карденаса (1895—1970), участника революции, и на включение в его избирательную программу обещаний решить в пользу крестьян аграрный вопрос, принять меры против иностранных монополий, улучшить положение трудящихся. На президентских выборах 1 июля 1934 г. Карденас, энергично проводивший кампанию, одержал внушительную победу и 1 декабря того же года вступил в должность президента на 6-летний срок (1934—1940).

Приход к власти Карденаса знаменовал вступление Мексики в период прогрессивных преобразований, поддержанных широкими народными массами. Правительство Карденаса заботилось об утверждении и расширении демократических свобод, прав трудящихся. Забастовочное движение в 1935—1937 гг. охватило сотни тысяч человек, чего раньше Мексика не знала. Правительство поддержало

рабочих в их требованиях улучшения условий труда, высказалось за регулирование экономики государством в интересах эксплуатируемых классов. Это вызвало противодействие местного крупного капитала и иностранных компаний, недовольство правого крыла Национально-революционной партии во главе с Кальесом. Профсоюзы предприняли массовые демонстрации против Кальеса, за отпор правым и империалистическим силам. Опираясь на поддержку масс, Карденас удалил многих сторонников Кальеса из правительственной администрации и из армии, с постов губернаторов, а его самого в апреле 1936 г. выслал в США. Это укрепило положение Карденаса и его сторонников в правительстве и в правящей партии.

При содействии правительства трудящиеся добились существенного повышения заработной платы, установления в ряде отраслей 40-часовой рабочей недели, утверждения системы коллективных договоров. По настоянию рабочих правительство экспроприировало ряд местных и иностранных предприятий, хозяева которых не желали идти на уступки. Эти предприятия были превращены в кооперативы трудящихся, действовавшие под контролем и при финансовой помощи государства. В феврале 1936 г. на конгрессе рабочего единства в Мехико был создан единый национальный профцентр — Конфедерация трудящихся Мексики (КТМ), в который вошли основные профсоюзы страны, в том числе и левые. Лидером КТМ стал Ломбардо Толедано. КТМ высказалась в поддержку правительства Карденаса, за антиимпериалистические и аграрные преобразования, против сил реакции и фашизма и за установление в перспективе бесклассового общества. Ряды КТМ быстро выросли с 200 тыс. в момент ее создания до 1,5 млн. членов в 1940 г.

Правительство Карденаса экспроприировало у местных помещиков и иностранных компаний 18 млн. га земли — в 2,5 раза больше, чем за предыдущие 17 лет, передав их 1 млн. крестьянских семей. При этом ставилась цель расширить и укрепить эхидо (крестьянские общины), хотя осуществлялась и раздача земель мелкими участками индивидуальным крестьянским хозяйствам. Государство поощряло кооперативные эхидо, где земля и техника использовались сообща. Но наряду с ними существовали и «парцеллированные эхидо», где обрабатываемая земля была разделена на индивидуальные участки и лишь остальные угодья использовались совместно.

В итоге аграрных преобразований удельный вес крестьян-эхидатариев увеличился к 1940 г. с 15 до 43 % сельского самостоятельного населения, а занятой эхидо земли — с 6 до 21 % сельскохозяйственных угодий (в том числе более половины обрабатываемой земли). Всего в руках эхидо и кооперативов в 1940 г. было сосредоточено 29 млн. га, у остальных крестьян-собственников — около 20 млн. га. В то же время в руках крупных землевладельцев еще находилось около 80 млн. га сельскохозяйственных угодий (более 60 %). Большая

часть помещичьих земель не обрабатывалась, 1,9 млн. крестьян остались безземельными. Внутри самих эхидо, несмотря на поощрение правительством кооперативно-общинных форм хозяйствования, по мере втягивания их в рыночные отношения усиливался процесс расслоения крестьянства. Тем не менее осуществленные аграрные мероприятия нанесли сильный удар помещичьему землевладению. Аграрную реформу предполагалось продолжить. В 1938 г. при содействии правительства была создана Национальная крестьянская конфедерация (НКК), объединившая к 1940 г. до 2 млн. сельских тружеников.

Карденас повел борьбу с засильем иностранного капитала, национализировав ряд иностранных фирм. В 1937 г. были экспропрированы и переданы профсоюзам железные дороги. 18 марта 1938 г. правительство объявило о национализации нефтяной промышленности — основного рычага мексиканской экономики, контролировавшегося англо-американским капиталом. Нефтяная промышленность была передана государственной нефтяной компании «Пемекс». Это вызвало обострение отношений с Великобританией и США, объявившими экономический бойкот Мексике. С Великобританией были разорваны дипломатические отношения. Начались диверсии на нефтепромыслах. В мае 1938 г. вспыхнул реакционный мятеж генерала Седильо. Но правительство быстро подавило его и, используя патриотический подъем в стране, сумело наладить работу на национализированных предприятиях.

Многое сделало правительство Карденаса по развитию и демократизации системы народного образования, по сокращению неграмотности, особенно среди индейского населения. Значительно возросло число школ и технических училищ, был создан Рабочий университет.

Во внешней политике Мексика отстаивала национальный суверенитет, постоянно выступала в защиту мира, против сил реакции и фашизма на международной арене. Она оказала большую помощь республиканской Испании, в том числе оружием и добровольцами. В 1939 г. Мексика приютила тысячи испанских эмигрантов и республиканское правительство Испании, вынужденное покинуть свою страну. В Мексике в 1937 г. нашел убежище Л.Д. Троцкий и провел здесь с семьей свои последние годы. Правда, сталинская агентура и тут сумела добраться до него: в августе 1940 г. он был убит в своем доме в Мехико.

Преобразования правительства Карденаса сплотили вокруг него широкие народные массы. В марте 1938 г. Карденас и его сторонники объявили о создании вместо прежней Национально-революционной партии новой массовой Партии мексиканской революции (ПМР), объединившей всех, кто поддержал перемены в стране. В ПМР вошли Конфедерация трудящихся Мексики, Национальная крестьянская

конфедерация и другие общественные организации. В общей сложности ПМР к 1940 г. насчитывала до 4 млн. человек. Программа партии — «За демократию трудящихся» — высказывалась за дальнейшее развитие преобразований вплоть до «подготовки народа к утверждению рабочей демократии и к установлению социалистического строя». Фактически тем самым было оформлено создание Народного фронта с участием рабочего класса, крестьянства, средних слоев, мелкой и средней национальной буржуазии в специфической форме единой массовой правительственной партии.

Деятельность правительства Карденаса значительно продвинула Мексику по пути революционно-демократических преобразований. Сам Карденас и его окружение стремились с помощью этих преобразований подготовить страну для постепенного перехода в перспективе к социализму — обществу социальной справедливости. Однако необходимых для этого условий не сложилось. Подрыв позиций помещичьей верхушки и иностранных компаний, забота правительства о развитии национальной экономики объективно расчищали почву для местного национального капитала. Специфические формы объединения народных сил в рамках контролируемой правительством партии, патерналистские методы руководства массами и процессом преобразований в конкретной обстановке Мексики тех лет облегчали сплочение неоднородной массовой базы вокруг прогрессивного руководства республики, быструю организацию и приобщение к начавшемуся процессу широких слоев прежде пассивного, неискушенного в политике населения. Объединенные вокруг правительства и контролируемые им сверху народные массы стали мощной опорой и ударной силой преобразований. Но они не были способны к самостоятельным действиям. Реформистские и патерналистские настроения нередко даже усиливались благодаря прогрессивной направленности правительственной политики, которая определялась во многом личностью президента. После истечения 1 декабря 1940 г. срока полномочий Карденаса (конституция не позволяла избрание президента на второй срок) ему не нашлось адекватной замены и начатый им процесс преобразований был приостановлен, инициатива перешла к более умеренным, буржуазно-реформистским кругам.

Тем не менее деятельность правительства Карденаса обеспечила условия для ускорения капиталистического прогресса Мексики, ослабила ее зависимость от иностранного капитала, укрепила суверенитет республики, привела к улучшению положения народных масс, расширению прав трудящихся. Его реформы явились реализацией тех преобразований, за которые шла борьба во время революции 1910—1917 гг. Тем самым были созданы более благоприятные возможности для последующего национального развития, что заметно отличало Мексику от других стран региона.

Борьба за народный фронт. Важным явлением в жизни латиноамериканских республик в середине и второй половине 30-х годов было движение народного фронта, возникшее в Европе, первоначально во Франции, и затем распространившееся на другие страны и регионы. Движение ставило целью объединение левых и демократических сил в борьбе с реакцией и фашизмом, за укрепление демократических свобод и расширение прав трудящихся. Наибольших успехов в Европе оно достигло во Франции и Испании, где левым и левоцентристским партиям удалось создать широкие коалиции под названием «Народный фронт» с общей программой и добиться победы на выборах. Правительства народного фронта находились у власти во Франции в 1936—1938 гг. и в Испании в 1936—1939 гг.

Движение народного фронта в Латинской Америке имело свои особенности. Это прежде всего его антиимпериалистическая и антиолигархическая направленность. Несколько иначе, чем в Европе, стояли и задачи борьбы с фашизмом, поскольку в Латинской Америке, в силу значительной экономической зависимости от империалистических держав, отсутствия сложившегося местного зрелого монополистического капитализма, не могло быть фашизма европейского типа. Здесь речь шла об активизировавшихся в условиях структурного кризиса реакционных профашистских течениях среди имущих классов, вдохновленных примером европейского фашизма и перенимавших многое из его идеологии и террористических методов, хотя собственно фашистскими по своей природе они не были. Отсутствовали массовые фашистские партии германского и итальянского типа, за исключением бразильских «интегралистов». Часто фашистские тенденции были представлены правонационалистическими группировками традиционалистских консервативных сил либо местной национальной буржуазии, профашистские настроения которой сочетались с национализмом с реформистскими и антиимпериалистическими чертами. С другой стороны, угрозой для стран региона представляло усилившееся проникновение фашистских держав «оси», стремившихся к мировому господству, особенно в Аргентине, Бразилии и Чили. Оно выражалось в экономической, внешнеторговой и дипломатической экспансии, в росте военных связей, в активизировавшейся деятельности нацистской агентуры, в попытках использовать в этих целях местные колонии немецких иммигрантов. Сочетание такой деятельности с ростом активности местных реакционных сил представляло реальную опасность.

Участниками движения народного фронта вместе с другими левыми силами как в Европе, так и в Латинской Америке были и коммунисты. Это оказалось возможным благодаря повороту коммунистов от сектантских, догматически-революционных установок к большему учету реальной действительности. Поворот наметился в 1934—1935 гг. и был закреплен решениями VII конгресса Коминтер-

на, состоявшегося в Москве в июле — августе 1935 г. Конгресс признал ошибочным и несвоевременным курс на осуществление «социалистической революции» и установление «диктатуры пролетариата» как ближайшей цели, учитывая неготовность к этому большинства трудящихся и изменение обстановки в результате наступления реакции и фашизма в Европе и угрозы войны. Главной задачей коммунистов в капиталистических странах на ближайшее будущее конгресс признал объединение всех левых и демократических сил, партий и течений, как революционных, так и реформистских и буржуазно-демократических, в единый народный фронт вокруг общей демократической и антифашистской программы. Эти положения были восприняты и компартиями Латинской Америки.

Однако сотрудничество разнородных левых и демократических сил было делом нелегким из-за взаимного недоверия, разногласий, соперничества. Многие демократические партии продолжали видеть в коммунистах противников демократии, поскольку те не отказались от «диктатуры пролетариата» как своей конечной цели и подчинялись директивам московского руководства Коминтерна. В новом курсе коммунистов часто усматривали лишь тактический маневр, намерение компартий навязать свою гегемонию народному фронту и использовать его как орудие осуществления собственных партийных целей. Действительно, сектантские и догматические настроения среди коммунистов, в том числе в Латинской Америке, были преодолены лишь частично, и часто проявлялась подобная трактовка народного фронта как средства расширения позиций компартий и навязывания их целей всему движению. Тезис Коминтерна о необходимости утверждения решающей роли рабочего класса в народном фронте внушал подобные настроения и соответствующие опасения. Проявления недоверия к потенциальным союзникам были и у коммунистов, часть их усматривала в курсе на народный фронт оппортунистическую тенденцию.

Борьба за народный фронт приняла в некоторых странах Латинской Америки значительные масштабы. В каждом конкретном случае она имела свои особенности. В Мексике в период президентства Л. Карденаса можно говорить о создании народного фронта и правительства народного фронта в специфической форме. Здесь удалось осуществить наиболее глубокие прогрессивные преобразования. На Кубе к концу 30-х годов демократические силы добились некоторых успехов, хотя народный фронт как таковой создать не удалось.

В Бразилии эта борьба приняла форму Национально-освободительного альянса, оппозиционного режиму Варгаса с его буржуазно-националистической политикой. К 1934 г. в политике правительства определился поворот к отказу от сотрудничества с «тенентистами» и к компромиссу с консервативно-олигархическими

силами. Одновременно Варгас объявил о восстановлении конституционных форм правления. На деле речь шла о сохранении диктатуры, но в завуалированном виде. Такими мерами Варгас стремился стабилизировать ситуацию в стране. В 1933—1935 гг. широкие масштабы приняло движение фашистской партии «интегралистов», призывавших к созданию «интегрального и сильного бразильского государства» по образцу Германии и Италии, с которыми они установили тесные связи. «Интегралисты» старались подчинить своему влиянию правительство Варгаса.

В такой обстановке и был создан в марте 1935 г. Национально-освободительный альянс, в который вошли коммунисты, левые «тенентисты», левые профсоюзы и общественные организации. Почетным председателем был избран Луис Карлос Престес, руководитель «Непобедимой колонны» 20-х годов, вступивший в 1934 г. в компартию. Руководимый коммунистами и левыми «тенентистами» Альянс приобрел характер массовой революционной организации, поставившей целью борьбу с правыми силами, свержение диктаторского режима и проведение радикальных антиолигархических и антиимпериалистических преобразований. Уже через два месяца действовало 1500 ячеек Альянса, в сферу влияния которых было вовлечено до 1,5 млн. человек.

Однако руководство Альянса, переоценив достигнутые успехи, взяло курс на подготовку вооруженного восстания. Это привело к отходу от Альянса многих его участников и дало повод властям к преследованиям. В июле 1935 г. правительство Варгаса запретило Альянс, перешедший на нелегальное положение.

Несмотря на неблагоприятную ситуацию, Альянс в ноябре 1935 г. начал вооруженное восстание в Рио-де-Жанейро, Ресифи и некоторых других местах с участием левых «тенентистов» и трудящихся. Восставшие овладели городом Натал на северо-востоке страны, где создали Народно-революционное правительство Бразилии. Однако правительственные войска сумели изолировать и подавить разрозненные очаги восстания. Начались репрессии против его участников. Был брошен в тюрьму и провел там более 9 лет Л.К. Престес.

Скатившись на левосектантские, заговорщические позиции, Национально-освободительный альянс не смог превратиться в движение народного фронта и был разгромлен.

В ноябре 1937 г. Варгас установил в Бразилии режим «нового государства». Это была националистическая диктатура, обрушившая репрессии на левые и демократические силы. Но одновременно в 1938 г. Варгас разгромил партию «интегралистов». Были запрещены все политические партии. По примеру фашистской Италии вводилась корпоративная система. Террор против оппозиции правительство сочетало с социальным маневрированием, с уступками трудящимся.

В экономической области режим «нового государства» стимулировал развитие национальной промышленности, государственного сектора, ограничивал привилегии иностранных компаний. Был национализирован ряд предприятий нефтяной промышленности, приняты меры по созданию тяжелой промышленности.

В режиме «нового государства» Варгаса проявилась двойственность буржуазного национализма в зависимой от иностранного капитала стране.

В Аргентине борьба за народный фронт явилась ответом на наступление на демократические права и условия жизни трудящихся, репрессии против рабочего движения, которыми характеризовался период президентства генерала Агустина Хусто (1932—1938). Эта политика стимулировала крайне правые группировки, в том числе внутри правящей Национально-демократической партии, симпатизировавшие фашистским режимам в Европе и стремившиеся к установлению открытой террористической диктатуры. С 1933 г. активизировалась агентура фашистской Германии в Аргентине, опиравшаяся на многочисленные колонии немецких иммигрантов, среди которых она имела сильное влияние.

Такая обстановка вызвала подъем рабочего и демократического движения. Уже в июле 1933 г. похороны опального бывшего президента Иригойена, многолетнего лидера радикалов, превратились в грандиозную антиправительственную демонстрацию. В 1934—1936 гг. нарастает стачечная борьба. В феврале—мае 1935 г. в ходе народных выступлений в Санта-Фе, Ла-Плате и Тукумане совместно действовали коммунисты, социалисты и радикалы. 1 мая 1935 г. в Буэнос-Айресе состоялась многолюдная демонстрация под лозунгами единства трудящихся и демократических сил.

В октябре 1935 г. вспыхнула забастовка 60 тыс. строителей Буэнос-Айреса, руководимая коммунистами и поддержанная 7—8 января 1936 г. двухдневной всеобщей забастовкой трудящихся столицы. Произошли столкновения бастующих с войсками и полицией, имелись жертвы. Трудящиеся требовали прекращения «политики голода и нищеты», принятия мер против иностранных монополий. Они выступали за сплочение народных сил против реакции. После 96 дней борьбы требования строителей о повышении зарплаты и улучшении условий труда были удовлетворены. В конце марта — начале апреля 1936 г. состоялся съезд созданной в 1930 г. Всеобщей конфедерации труда (ВКТ), в которую входили основные профсоюзы страны (около 300 тыс. человек). В руководстве ВКТ преобладали социалисты, придерживавшиеся реформистских позиций и выступавшие за участие трудящихся в борьбе в защиту демократии, а также синдикалисты — сторонники умеренного экономизма. Ряд крупных отраслевых профсоюзов, входивших в ВКТ, к этому времени возглавили коммунисты, влияние которых среди рабочих заметно

увеличилось благодаря их активному участию в забастовках и отказу от ряда прежних сектантских позиций. Съезд ВКТ принял отвечающую насущным задачам рабочего класса программу действий и высказался за единство трудящихся независимо от идеологических разногласий.

Успехи рабочего движения содействовали активизации демократической оппозиции, одержавшей в марте 1936 г. победу на выборах в Палату депутатов Национального конгресса. 25 апреля радикалы, социалисты и несколько мелких партий образовали единый парламентский блок под многозначительным названием «Народный фронт», завоевавший большинство в Палате депутатов. Он потребовал от правительства соблюдения демократических свобод и принятия мер по обузданию сил крайней реакции. 1 мая 1936 г. радикалы, социалисты, коммунисты и ВКТ организовали единую 100-тысячную демонстрацию в столице под лозунгом народного фронта. Однако руководители радикалов и социалистов не решились принять предложение о создании народного фронта и вынести борьбу за стены парламента. В сентябре 1936 г. из-за межпартийного соперничества и колебаний его участников парламентский блок «Народного фронта» распался. В ноябре 1937 г. на президентских выборах радикалы и социалисты выступили раздельно друг от друга, что обеспечило относительное большинство кандидату правящей Национально-демократической партии.

Хотя создать народный фронт не удалось, активизация рабочего и демократического движения заставила господствующие классы приостановить наступление на условия жизни и права трудящихся. Ставший президентом в феврале 1938 г. представитель либерального крыла Национально-демократической партии Рикардо Ортис пошел на уступки демократическим силам и принял меры по укреплению конституционных свобод.

В Чили движение народного фронта добилось наибольших (за исключением Мексики) успехов. Второе правительство Артуро Алессандри (1932—1938) отличалось от первого более консервативным характером. Проводя некоторые протекционистские и реформистские мероприятия, оно стремилось укрепить позиции крупного капитала и земельной олигархии, опиралось на сотрудничество с иностранным капиталом. Предпринимались репрессии против рабочего движения. В 1934 г. было жестоко подавлено восстание сельских тружеников на юге Чили. В стране действовали террористические профашистские группы. Влияние профашистских элементов проявилось во внешней политике правительства, в развитии связей Чили с Германией.

В сложившихся условиях в рабочем и демократическом движении Чили возобладала тенденция к единству. В 1935 г. парламентскими фракциями социалистов, радикалов, демократов был создан «Левый

блок». Поначалу компартия отнеслась к нему с предубеждением, но затем пошла на сближение с его участниками. Расправа правительства Алессандри с забастовкой железнодорожников в феврале 1936 г., введение осадного положения и преследование демократических сил послужили непосредственным толчком к созданию Народного фронта. Народный фронт был образован в марте 1936 г. В него вошли партии радикалов, социалистов, коммунистов, демократов, профсоюзные организации. Программа Народного фронта предусматривала защиту и расширение демократических свобод и прав трудящихся, меры по развитию национальной экономики и ограничению позиций иностранного капитала, усиление роли государства в экономике, аграрные преобразования в пользу крестьянства, поднятие уровня жизни, образования и культуры народных масс, защиту национального суверенитета и борьбу за мир, против фашизма на международной арене.

В декабре 1936 г. произошло объединение основных профсоюзов страны в Конфедерацию трудящихся Чили (КТЧ), в которой преобладали социалисты и коммунисты, что сыграло важную роль в укреплении единства рабочего класса и Народного фронта.

На президентских выборах 25 октября 1938 г. Народному фронту удалось одержать победу. Его кандидат — радикал Педро Агирре Серда — получил 50,2 % голосов (против 49,8 % за кандидата правых сил) и был избран президентом. 24 декабря 1938 г. он сформировал правительство Народного фронта в составе радикалов, социалистов и демократов. Коммунисты предпочли отказаться от вхождения в правительство, поддерживая его извне, с тем чтобы не дать повода упрекнуть их в стремлении к власти. Впервые в истории Чили левые и демократические силы сумели объединиться и мирно, с помощью выборов, прийти к власти.

Правительство Народного фронта (1938—1941) расширило демократические свободы, права трудящихся, приняло меры против крайне правых организаций. Была повышена заработная плата, снижены цены на продукты питания, расширена система социального обеспечения. Правительство поощряло развитие национальной экономики. Особо важное значение имело создание в 1939 г. Корпорации развития производства (КОРФО), которая ввела в строй ряд новых промышленных предприятий, увеличила производство электроэнергии, топлива, содействовала зарождению тяжелой промышленности. Деятельность КОРФО привела к созданию государственного сектора экономики. Была оказана помощь мелким и средним сельским собственникам, часть пустующих земель передана безземельным крестьянам. Значительные успехи были достигнуты в сфере народного образования, медицинского обслуживания. Позитивные перемены в духе программы Народного фронта произошли во внешней политике.

По мере осуществления намеченной программы усилились разногласия внутри Народного фронта. Преобладавшие в правительстве и в руководстве Радикальной партии умеренные буржуазно-демократические круги стремились не допустить дальнейшего углубления преобразований. Они опасались социальных перемен, усиления позиций рабочих организаций, обострения отношений с иностранным капиталом и помещичьей верхушкой. В результате не была затронута собственность иностранных компаний, фактически не была проведена аграрная реформа. Рабочие организации, левые силы настаивали на развитии и углублении начатого процесса. Положение осложнили и международные события: заключение в августе 1939 г. советско-германского пакта о ненападении (и затем в сентябре договора СССР с Германией о дружбе) и начало в сентябре того же года второй мировой войны. Дезориентированная этими событиями, следуя новой, резко изменившейся линии Коминтерна, компартия Чили практически перестала говорить о демократически-антифашистской направленности народного фронта, сосредоточив весь огонь на борьбе с американским и британским империализмом, требуя более радикальных преобразований внутри страны. Радикалы и социалисты, напротив, выступили за сотрудничество Чили с США в защите демократии в Западном полушарии от возросшей фашистской угрозы, акцентируя внимание на антифашистском, демократическом содержании Народного фронта. За это коммунисты обвиняли своих союзников по фронту, особенно тогдашних лидеров социалистов — ближайших конкурентов компартии в рабочем движении, — в оппортунизме и в сговоре с американским империализмом. Социалистические лидеры, со своей стороны, усилили атаки на компартию. В итоге в январе 1941 г. Народный фронт развалился, хотя правительство П. Агирре Серды осталось у власти.

Сам факт создания и победы Народного фронта в Чили, опыт его пребывания у власти имели большое значение. Деятельность правительства Народного фронта преградила путь реакции в Чили, упрочила и расширила демократические достижения, привела к улучшению положения народных масс, стимулировала прогресс национальной экономики. За эти годы сильно выросло влияние чилийской компартии, получившей на парламентских выборах в марте 1941 г. 11,8 % голосов (в 1937 г. — 4,1 %). В сумме коммунисты, социалисты и радикалы на этих выборах получили более половины всех голосов (социалисты — 16,7 %, радикалы — 21,7 %).

В Колумбии сложилось широкое сотрудничество демократических сил в поддержку прогрессивных реформ леволиберального правительства Альфонсо Лопеса (1934—1938), которые были направлены на укрепление демократии и развитие национальной экономики. Были повышены налоги на доходы иностранных компаний, издано социальное законодательство, вводившее 8-часовой рабочий день,

оплачиваемые отпуска, пенсионное обеспечение, право трудящихся на создание профсоюзов и коллективные договоры. В 1936 г. создана Конфедерация трудящихся Колумбии, объединившая почти все профсоюзы страны. В ней установилось сотрудничество либералов и коммунистов. Было введено бесплатное обучение в начальной школе, церковь отделена от государства. В 1936 г. принят аграрный закон, по которому необрабатываемые земли через 10 лет должны были перейти к государству. Крестьяне, занявшие пустующие земли и обрабатывающие их не менее 10 лет, получили бы в 1946 г. право собственности на них. Закон имел целью побудить землевладельцев в оставшиеся 10 лет вовлечь в сельскохозяйственное производство как можно больше земель. В 1935 г. было объявлено об установлении дипломатических отношений Колумбии с СССР.

В Венесуэле смерть в декабре 1935 г. диктатора Гомеса, правившего страной долгие 26 лет, открыла путь к переменам. В 1936 г. была принята конституция, провозглашавшая демократические права и запрещающая переизбрание президента, издан трудовой кодекс, предусматривавший 8-часовой рабочий день и право трудящихся на забастовку, получили возможность действовать легально профсоюзы.

В Боливии военные националисты, стоявшие у власти в 1936 — 1940 гг., осуществили национализацию нефтяной и ряда предприятий других отраслей добывающей промышленности.

Успехи рабочего и демократического движения в Латинской Америке в предвоенные годы, рост профсоюзов, развитие сотрудничества в их рядах различных течений позволили в сентябре 1938 г. созвать Межамериканский рабочий учредительный конгресс в Мехико, на котором была создана Конфедерация трудящихся Латинской Америки (КТЛА), объединившая большинство профсоюзных организаций региона на основе общей программы социальных и демократических требований трудящихся. Председателем Исполнительного совета КТЛА был избран лидер Конфедерации трудящихся Мексики Ломбардо Толедано. Декларация принципов КТЛА признавала классовую борьбу и высказывалась за ликвидацию капиталистической эксплуатации.

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА ВО ВРЕМЯ И ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (ОТ РУБЕЖА 30—40-Х ДО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 50-Х ГОДОВ XX В.)

УЧАСТИЕ СТРАН ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ В ВОЙНЕ И РАЗВИТИЕ МЕЖАМЕРИКАНСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В 1939—1945 ГГ.

1 сентября 1939 г. нападением фашистской Германии на Польшу началась вторая мировая война. 3 сентября в войну против Германии вступили Великобритания и Франция, имевшие небольшие колониальные владения в Карибском бассейне. Вслед за Великобританией войну Германии объявили все британские доминионы, среди них и расположенная в Западном полушарии Канада. Перед республиками Латинской Америки встала задача определить свою позицию в связи с начавшейся войной и потенциальной угрозой ее распространения на Западное полушарие. С успехами Германии связывали свои надежды наиболее реакционные элементы латиноамериканского общества, стремившиеся к утверждению террористических профашистских режимов. Но и гораздо более широкие националистические, отчасти и антиимпериалистически настроенные круги подчас склонны были видеть в нацистской Германии и ее союзниках противовес империализму США и Великобритании на мировой арене, а в фашистской идеологии — сплывающую нацию начало в борьбе с западным империализмом и с раскалывающим нацию классовым антагонизмом. Демократические силы, напротив, усматривали в европейском фашизме главную угрозу свободе народов всего мира и выступали в поддержку антигитлеровской коалиции.

Латинская Америка представляла интерес для воюющих держав прежде всего как важная сырьевая база. Здесь было сосредоточено $\frac{2}{3}$ минеральных богатств капиталистического мира, среди них в большом количестве стратегическое сырье — медь, олово, железо, другие металлы, нефть. Латинская Америка давала 65 % мирового экспорта мяса, 85 % кофе, 45 % сахара. Находясь в сильной экономической зависимости от США и Великобритании, страны региона, особенно Аргентина, Бразилия и Чили, имели значительные связи и с

державами «оси» — в первую очередь с Германией, а также с Италией и Японией. Местные господствующие классы были заинтересованы в том, чтобы извлечь максимальные выгоды из роста потребности в аграрно-сырьевой продукции в воюющих государствах обеих коалиций и в то же время избежать прямого участия в войне. Сохранение нейтралитета вместе с определенными защитными мерами в отношении территории своих стран в наибольшей степени отвечало их интересам и сближало их позиции с позицией Вашингтона. В начале войны США соблюдали нейтралитет в ней, хотя солидаризировались с Великобританией и Францией в их борьбе с германской агрессией и оказывали им растущую помощь сырьем и оружием. Правительство Ф. Рузвельта выступило инициатором сплочения стран Западного полушария в совместной защите Американского континента от возможного военного вторжения сюда Германии или других внеконтинентальных держав. Для США это был и удобный случай, чтобы усилить свои экономические, политические и военные позиции в Центральной и Южной Америке. Росту сотрудничества латиноамериканских республик с Вашингтоном способствовало и то, что военные действия в Европе и на морских коммуникациях привели к резкому сокращению объема их торговых и экономических связей с Европой.

Отказ правительства Ф. Рузвельта от интервенций и провозглашение политики «добраго соседа» создали благоприятную атмосферу для осуществления планов США. Первые шаги были предприняты еще в предвоенные годы. Чрезвычайная межамериканская конференция в Буэнос-Айресе в декабре 1936 г. высказалась за взаимопомощь американских государств в случае угрозы их общей безопасности или безопасности одного из них. В такой ситуации предполагалось провести консультации друг с другом о тех или иных совместных мерах. Было принято решение о строительстве Панамериканской автострады, которая бы пересекала всю Латинскую Америку с севера на юг от США до южной оконечности континента.

В декабре 1938 г. VIII Международная конференция американских государств (США и 20 республик Латинской Америки) в Лиме приняла «Декларацию принципов американской солидарности» («Лимская декларация»), которая в более определенной форме провозгласила решимость стран Западного полушария в случае угрозы миру, безопасности или территориальной целостности какой-либо из них координировать свои действия по ликвидации такой угрозы. Было решено отныне ежегодно проводить консультативные совещания министров иностранных дел американских республик.

После начала войны вслед за США все государства Латинской Америки объявили о своем нейтралитете. 23 сентября — 3 октября 1939 г. в Панаме состоялось I Консультативное совещание министров

иностранных дел американских государств, принявшее «Общую декларацию о нейтралитете». Для защиты нейтралитета континента и прилегающей к нему морской акватории Тихого и Атлантического океанов вдоль всего побережья США и Латинской Америки устанавливалась 300-мильная «зона безопасности», которая должна была совместно патрулироваться и охраняться. Запрещалось вторжение военных кораблей и самолетов воюющих стран в пределы этой зоны. Было решено также создать Межамериканский финансовый и экономический консультативный комитет.

Разгром Германией в мае — июне 1940 г. Франции и Нидерландов поставил под вопрос судьбу их владений в Карибском бассейне. В связи с этим II Консультативное совещание министров иностранных дел американских государств, состоявшееся в Гаване 21—30 июля 1940 г., провозгласило право американских государств на оккупацию владений европейских стран в Америке в случае угрозы захвата их какой-либо внеконтинентальной державой. Была принята также «Декларация о взаимной помощи и сотрудничестве в обороне американских государств», в которой говорилось, что «всякое покушение на территориальную целостность, неприкосновенность или независимость любого американского государства будет рассматриваться как акт агрессии против всех государств, подписавших данную декларацию». Участники совещания обязались пресекать подрывную деятельность неамериканских держав на континенте. Выполняя решение Гаванского совещания, США совместно с Бразилией в ноябре 1941 г. оккупировали Нидерландскую Гвиану (Суринам). Соединенные Штаты оккупировали также острова Нидерландской Вест-Индии (Аруба, Кюрасао) у Венесуэльского побережья. Что касается владений Франции в Карибском бассейне (острова Гваделупа и Мартиника и Французская Гвиана), то они остались под контролем французского вишистского правительства.

Победы Германии в Европе, захват нацистами и их союзниками новых стран, вовлечение в войну все большего круга государств, нападение Германии 22 июня 1941 г. на Советский Союз и быстрое продвижение войск агрессора в глубь советской территории — все это вело к росту осознания в странах Латинской Америки грозящей всеми миру опасности. Ширилось массовое движение солидарности с участниками антигитлеровской коалиции.

Нападение Японии на американскую военно-морскую базу Перл-Харбор на Гавайских островах в Тихом океане 7 декабря 1941 г. привело к вступлению США в войну против держав «оси». Вместе с США войну державам «оси» 8 и 9 декабря 1941 г. объявили все страны Центральной Америки — Гватемала, Гондурас, Сальвадор, Никарагуа, Панама, Куба, Гаити, Доминиканская Республика, а также Эквадор. 1 января 1942 г. эти республики совместно с другими участниками антифашистской коалиции подписали Декларацию

Объединенных Наций об освободительных и антифашистских целях войны. Мексика, Колумбия и Венесуэла разорвали дипломатические отношения с Германией и ее союзниками.

15—28 января 1942 г. в Рио-де-Жанейро состоялось III Консультативное совещание министров иностранных дел американских государств, рекомендовавшее всем остальным странам региона разорвать дипломатические отношения с державами «оси» и прекратить с ними всякие торговые и экономические связи. Совещание высказалось за мобилизацию стратегических и агросырьевых ресурсов стран континента на совместную оборону Западного полушария. Важнейшим решением совещания была резолюция о создании Межамериканского совета обороны в составе представителей всех стран Латинской Америки и США под председательством представителя США с местопребыванием в Вашингтоне, что стало шагом на пути к оформлению военно-политического союза латиноамериканских республик с Соединенными Штатами.

Вскоре войну Германии и ее союзникам объявили Мексика (22 мая 1942 г.) и Бразилия (22 августа 1942 г.) — крупнейшие страны региона, позднее Боливия (апрель 1943 г.) и Колумбия (ноябрь 1943 г.). Остальные южноамериканские республики (Парагвай, Перу, Чили, Уругвай и Венесуэла) присоединились к антифашистской коалиции лишь в феврале 1945 г. Дольше всех отказывалась от вступления в войну и поддерживала сотрудничество с Германией и ее союзниками Аргентина, где были сильны прогерманские и антиамериканские настроения. Она объявила войну державам «оси» только 27 марта 1945 г., накануне разгрома Германии, и то под сильным давлением США и других американских государств.

Непосредственное участие в боевых действиях на фронтах второй мировой войны на ее заключительном этапе приняли воинские подразделения только двух стран региона — Бразилии и Мексики. В июле 1944 г. в Италию прибыл бразильский экспедиционный корпус в составе пехотной дивизии и авиаотряда. Он участвовал в боях на итальянском фронте с сентября 1944 г. до капитуляции германских войск в Северной Италии в апреле 1945 г., потеряв 2 тыс. человек. Мексика в феврале 1945 г. направила авиаэскадрилью (300 человек) на Тихий океан, где она участвовала в воздушных боях в районе Филиппин, затем в районе Тайваня против Японии. 14 тыс. мексиканских граждан сражались в рядах американской армии.

В основном участие латиноамериканских республик во второй мировой войне выразилось в поставке стратегических материалов, сырья и продовольствия воюющим участникам антифашистской коалиции, главным образом США, — меди, олова, ртути, каучука, сахара и др. Страны региона предоставили свою территорию для создания на ней военных, военно-морских и военно-воздушных баз США во исполнение решений о совместной обороне Западного

полушария. Такие базы появились в Панаме, на побережье Чили, Перу, Бразилии, Уругвая, на Кокосовых (Коста-Рика) и Галапагосских (Эквадор) островах, в Карибском бассейне. В 1945 г. на территории латиноамериканских республик находились 92 крупные военные базы США. Страны региона проводили и собственные оборонительные мероприятия на своей территории, охраняли побережье, участвовали в конвоировании судов в Атлантике и на Тихом океане, в боях с германскими подводными лодками. В латиноамериканских республиках действовали военные миссии США. Вашингтон поставлял им военную технику и снаряжение, помогал в подготовке местных офицерских кадров.

В конце войны, 21 февраля — 8 марта 1945 г., состоялась Чапультепекская (по названию резиденции в г. Мехико) конференция американских государств по вопросам войны и мира. Принятый ею «Чапультепекский акт» закреплял сохранение и после войны принципа взаимопомощи и солидарности стран континента, их совместной обороны в случае нападения или угрозы агрессии против любой из них. Решено было наряду с ежегодными консультативными совещаниями министров иностранных дел по срочным и важным вопросам регулярно, раз в 4 года, созывать межамериканские конференции на уровне глав государств. По предложению госсекретаря США Клейтона была принята «Экономическая хартия», предусматривавшая постепенную отмену таможенных барьеров, препятствовавших росту международной торговли, предоставление гарантий иностранным капиталовложениям, недопущение экономической дискриминации. На этих условиях США обещали содействовать индустриализации стран Латинской Америки. «Экономическая хартия» создавала благоприятные перспективы для расширения торгово-экономических связей США с республиками к югу от Рио-Гранде-дель-Норте, для экспансии в Латинскую Америку североамериканского частного капитала.

В апреле — июне 1945 г. 19 латиноамериканских государств участвовали в работе Учредительной конференции Организации Объединенных Наций в Сан-Франциско, принявшей Устав ООН. Об их значительном удельном весе на конференции свидетельствовал тот факт, что всего на ней было представлено 42 страны. Из 50 первоначальных членов ООН в 1945 г. 20 были латиноамериканские страны.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВ РЕГИОНА В 40—50-Е ГОДЫ

Некоторые общие черты эволюции латиноамериканского общества после второй мировой войны. В послевоенное время наиболее развитыми капиталистическими государствами Латинской Америки

оставались страны Южного конуса — Аргентина, Уругвай и Чили¹, раньше других вступившие на путь буржуазного промышленного прогресса. Это были урбанизированные страны с развитой социальной структурой, многочисленным, хорошо организованным и активным рабочим классом. Аргентина и Уругвай отличались значительным уровнем капитализма в сельском хозяйстве.

К данной группе относились и крупнейшие (наряду с Аргентиной) по территории и населению республики региона — Бразилия и Мексика. Развитие этих двух государств в послевоенные десятилетия отличалось динамизмом, что позволило им обогнать Аргентину по общему объему производства, хотя по продукции на душу населения и степени урбанизации Аргентина оставалась впереди. В дальнейшем к группе наиболее развитых государств присоединились Венесуэла и Колумбия — страны Андского субрегиона². На долю 7 государств данной группы приходилось $\frac{3}{4}$ населения, $\frac{4}{5}$ территории и 80—85 % экономики Латинской Америки и, следовательно, они в решающей степени определяли облик региона.

Вторую группу составляли три андские республики — Перу, Эквадор, Боливия и небольшие государства Центральной Америки (на Центральноамериканском перешейке). В них была слабее развита обрабатывающая промышленность, преобладали сельское хозяйство или добывающая промышленность, заметнее были докапиталистические, патриархальные пережитки, хотя эти страны уже прошли определенный путь капиталистической эволюции. Некоторые из них приближались к первой группе (Коста-Рика), другие отставали больше (Никарагуа, Гондурас).

В третью группу — наиболее отсталых стран региона в послевоенный период можно включить Гаити, Парагвай, ряд мелких территорий Карибского бассейна (некоторые из карибских стран могут быть отнесены ко второй группе, например, Ямайка, Тринидад и Тобаго, а владение США — Пуэрто-Рико — к зоне развитого капитализма)³. Здесь доминировало сельское хозяйство со значительными докапиталистическими пережитками, отсутствовала зрелая промышленность, была высока неграмотность, нищета и патриар-

¹ Южный конус — обращенная в виде конуса к югу часть южноамериканского континента. К странам Южного конуса часто причисляют также Бразилию и Парагвай.

² Андскими странами называются 5 южноамериканских стран, расположенных вдоль Андского нагорья: Венесуэла, Колумбия, Эквадор, Перу и Боливия. Иногда к Андским странам относят и Чили.

³ Малые острова и страны побережья (Гайана, Суринам, Французская Гвиана и Белиз) Карибского моря и прилегающей к нему акватории (Багамские острова), являвшиеся колониями Великобритании, Франции, США и Нидерландов, в 60—80-е годы в большинстве получившие независимость, в последнее время выделяют в особый субрегион — Карибский бассейн. К странам Карибского бассейна можно отнести также Кубу, Гаити и Доминиканскую Республику, расположенные на Больших Антильских островах.

хальная забитость большей части населения, особенно в Гаити. Страны третьей группы по своим реалиям и проблемам были ближе к афроазиатским странам колониального и зависимого мира, но их удельный вес в регионе был очень мал.

Преобладающая группа более развитых государств Латинской Америки по степени зрелости капитализма и социально-политической жизни приближалась к странам Южной Европы. Но все же в целом страны региона заметно отставали от передовых капиталистических государств Западной Европы и Северной Америки и находились в сильной зависимости от иностранных компаний и внешнего рынка, на котором они занимали неравноправное положение. Это обстоятельство сближало латиноамериканские страны с афроазиатскими, несмотря на существенные различия между ними (за некоторыми исключениями) в уровне капиталистического развития.

Нестабильность политической жизни, большой вес в ней насилия оставались характерной чертой в послевоенное время для большинства республик Южной и Центральной Америки. Важную политическую роль арбитра и гаранта порядка и стабильности приобрела армия. Вооруженные силы оказывали давление на конституционные правительства, вмешивались в политическую борьбу, совершали государственные перевороты, сменяя одно правительство другим или устанавливая на длительное время военную диктатуру. Приход военных к власти сопровождался ростом привилегий армейской верхушки, упрочением ее связей с имущими классами и иностранным капиталом, с государственной бюрократией. Чаще всего вмешательство армии в политическую жизнь обуславливалось прямо или косвенно интересами тех или иных группировок господствующих классов. Но у военного руководства имелись и свои корпоративные интересы, которые порой не совпадали с желаниями и намерениями буржуазно-помещичьей верхушки и профессиональных политиков. В рядах вооруженных сил находились и патриотически настроенные круги, особенно среди младшего и среднего офицерства, стремившиеся ослабить позиции консервативных сил и иностранных монополий, обновить общество, решить острые социальные вопросы. Иногда им удавалось повлиять на поведение армии. Но даже сочувствовавшие обездоленным слоям населения офицеры обычно уповали на военно-авторитарные методы преобразований и с недоверием относились к политическим партиям, к рабочим и общественным организациям, в том числе левого толка, тем более к коммунистам, в которых они видели чуждое Латинской Америке начало.

В странах с устойчивыми конституционными режимами и более развитыми партийно-политическими структурами (Чили, Уругвай, Мексика, Коста-Рика) армия в послевоенное время оставалась в

стороне от прямого участия в политике. Чили отличалась давними конституционными традициями (с 1833 г. здесь постоянно существовал конституционный строй, за исключением периода 1924—1932 гг.), зрелой многопартийной системой и высокой политизацией населения. По уровню политического развития она была гораздо ближе к европейским странам Франции и Италии, чем к соседним латиноамериканским республикам.

В Уругвае стабильный конституционный режим держался с начала XX в., со времен реформ Батлье-и-Ордоньеса. Здесь на долгие десятилетия укоренилась своеобразная и довольно гибкая двухпартийная система, которая допускала наличие различных автономных течений в рамках двух главных буржуазных партий, но не оставляла шансов попыткам создать влиятельную политическую силу за их пределами. На выборах любая группировка этих двух партий могла выставить собственного кандидата, не нанося ущерба общим позициям своей партии, ибо при подведении итогов выборов все голоса за данную партию суммировались в пользу того из ее кандидатов, который по числу поданных за него голосов опередил своих конкурентов внутри партии. Полномочия президента в Уругвае были сильно ограничены в пользу коллегиального Национального правительственного совета. В 1951 г. должность президента вообще была ликвидирована и восстановлена лишь с 1967 г.

В Мексике стабильность конституционного режима держалась на фактической монополии на власть в государстве и в обществе правящей партии. Коста-Рика по конституции 1949 г., принятой после гражданской войны 1948 г., стала уникальной республикой Западного полушария, в которой отныне отсутствовали вооруженные силы.

40—50-е годы в истории Латинской Америки в экономическом плане характеризовались быстрым ростом местной промышленности, особенно в ведущих странах, стимулируемых протекционистской государственной политикой. На этой основе происходили укрепление национальной буржуазии, монополизация ее верхушки, увеличение рядов промышленного пролетариата. Одновременно усилились позиции США в регионе в ущерб европейским державам. Политическое развитие латиноамериканских республик в конце войны и в первые послевоенные годы характеризовалось успехами демократических сил. Однако с конца 40-х годов, с наступлением «холодной войны» и ростом военно-политического сотрудничества стран Центральной и Южной Америки с Вашингтоном, наблюдается усиление реакционных тенденций в политике правящих классов, значительно расширилась зона диктаторских режимов. В то же время в некоторых странах были предприняты попытки реформистских и революционных преобразований, натолкнувшиеся на противодействие консервативных и империалистических сил.

«Импортзамещающая индустриализация» и ее последствия. Вторая мировая война привела к резкому сокращению притока промышленных товаров и иностранных капиталов в Латинскую Америку, особенно из Европы. Объем латиноамериканского импорта упал к 1943 г. до 64 % от довоенного уровня, который был превышен только в 1946 г. Одновременно сильно выросли цены на мировом рынке на аграрно-сырьевую продукцию стран Южной и Центральной Америки. Благоприятная для них внешнеэкономическая конъюнктура сохранялась и в первые послевоенные годы. Стоимость латиноамериканского экспорта увеличилась с 1938 по 1948 г. почти в 4 раза при росте его объема на 16 %. Это позволило государствам региона накопить значительные средства и направить их на развитие местного производства, стимулируемого нехваткой импортных товаров.

В таких условиях большие масштабы принял начавшийся еще с 30-х годов процесс «импортзамещающей индустриализации» — замены импорта многих промышленных товаров их производством на месте. Был дан толчок более широкой индустриализации. В первую очередь получили развитие отрасли легкой и пищевой, а также цементной, нефтяной, строительной промышленности. В ведущих по уровню экономического развития странах (Аргентина, Бразилия, Мексика, Чили, Уругвай) с этим периодом связано и становление новых отраслей: металлургической, нефтеперерабатывающей, энергетической, химической. Выпуск промышленной продукции в регионе в 1958 г. превысил довоенный уровень почти в 3 раза. Добыча нефти выросла в 4 раза, достигнув $\frac{1}{5}$ мирового производства (172 млн. т, из них около 80 % — в Венесуэле). В несколько раз увеличилось производство электроэнергии (до 62 млрд. кВт · ч). Выплавка стали возросла в 13 раз (с 0,24 до 3,1 млн. т).

По уровню промышленного развития первое место в Латинской Америке удерживала Аргентина. Имея 10 % населения, она давала в 1950 г. $\frac{1}{4}$ всей промышленной продукции региона, в то время как Бразилия с 30 % населения — $\frac{1}{6}$ часть. Но Бразилия и Мексика развивались более быстрыми темпами. Это привело к концу 50-х годов к уменьшению доли Аргентины и выходу Мексики на первое место в регионе по общему объему промышленного производства ($\frac{1}{5}$ от всей Латинской Америки), хотя по производству на душу населения Мексика и еще более Бразилия отставали от Аргентины.

Был сделан заметный шаг по пути превращения ведущих стран Латинской Америки в промышленно-аграрные. Удельный вес сельского хозяйства в общественном продукте региона (при росте сельскохозяйственного производства) в среднем за год сократился с 30,7 % во второй половине 30-х годов до 21,6 % во второй половине 50-х годов, а удельный вес промышленности соответственно увеличился с 19,1 до 26,1 %.

Важным фактором промышленного роста стала усилившаяся роль государства в экономике, особенно в создании новых производств, предприятий тяжелой промышленности. Политика «импортзамещающей индустриализации» сознательно стимулировалась государством. На долю государства в послевоенные годы в Мексике приходилось более трети всех инвестиций, в Бразилии — от $\frac{1}{6}$ до $\frac{1}{3}$.

«Импортзамещающая индустриализация» в 30—50-е годы охватила главным образом более подготовленные к этому страны — Аргентину, Мексику, Бразилию, Чили и Уругвай. В нее включились также Венесуэла и Колумбия, в меньшей степени Перу. Страны Центральной Америки и Карибского бассейна, а также Парагвай и Боливия были пока слабо затронуты этим процессом.

Возникло много новых промышленных предприятий. В Аргентине и Бразилии их число за 40-е годы удвоилось. В благоприятной обстановке происходил рост мелкого и среднего промышленного и кустарного производства на местный рынок. Но одновременно мощный стимул получила концентрация производства. Был построен ряд крупных современных заводов. Более четверти промышленных рабочих Бразилии и Мексики в 50-е годы трудились на предприятиях с количеством занятых свыше 500 человек. Усилились новые динамичные группы местной промышленной буржуазии, требовавшие своего «места под солнцем» за счет традиционных группировок буржуазно-помещичьей олигархии. В наиболее развитых государствах происходила монополизация верхушки промышленной буржуазии, что создавало предпосылки для ее интеграции в качестве нового влиятельнейшего звена в состав элиты господствующих классов.

«Импортзамещающая индустриализация» привела и к другим социальным сдвигам. При общем росте населения Латинской Америки со 131 млн. чел. в 1940 г. до 213 млн. в 1960 г. удельный вес горожан вырос с 34 до 46 %. В Уругвае и Аргентине он превысил 70 %, в Чили и Венесуэле — 60 %. В большинстве стран Центральной Америки, в Парагвае, Боливии и Эквадоре от 70 до 90 % населения все еще проживало в сельской местности.

Занятость в сельском хозяйстве экономически активного населения в целом по Латинской Америке к 1960 г. уменьшилась до 47 % (1950 г. — 53 %). Занятость же в промышленности, строительстве и на транспорте в 1960 г. приблизилась к 24 %, а в торговле и сфере услуг превысила 28 % (1950 г. — 23 %). В 40-е годы почти вдвое возросли ряды промышленного пролетариата, достигнув в 1950 г. 10 млн. человек. Наиболее крупные его отряды находились в Бразилии, Аргентине, Мексике. Особенно заметно выросли кадры фабричного пролетариата. Но около половины промышленных рабочих трудились на мелких предприятиях. Всего латиноамериканский рабочий класс (вместе с сельскохозяйственными рабочими) в 50-е годы насчитывал более 20 млн. человек — треть экономически

активного населения. Удельный вес лиц наемного труда к 1960 г. достиг 54 % экономически активного населения (в Чили — 70 %).

В 40-е годы несколько уменьшилась зависимость латиноамериканских республик от иностранного капитала, чему способствовала протекционистская националистическая политика некоторых правительств, национализация собственности иностранных компаний (Аргентина, Бразилия). Во время войны практически полностью лишилась своих капиталов в Латинской Америке на сумму 1 млрд. долл. Германия. Капиталовложения Великобритании сократились с 3 млрд. долл. в 1938 г. до 1,3 млрд. — в 1948 г. Инвестиции США в годы войны увеличились, но незначительно.

Однако «импортзамещающая индустриализация» не смогла создать достаточные условия для самостоятельного экономического развития латиноамериканских государств. Сохранилась высокая степень зависимости их экономики от экспорта продукции сельского хозяйства и сырья и соответственно от конъюнктуры мирового рынка, которая в 50-е годы стала меняться в неблагоприятную для Латинской Америки сторону. Зависимость от импорта потребительских товаров сменялась зависимостью развивающейся промышленности от импорта дорогостоящих машин и оборудования. Иностраный капитал также начал перемещаться в местную обрабатывающую промышленность.

В условиях ослабления позиций европейского капитала в регионе США стали основным инвестором и в тех странах, где до того преобладал британский капитал (Аргентина, Бразилия, Уругвай). В послевоенные годы приток американских инвестиций в Латинскую Америку усилился. Капиталовложения США здесь увеличились с 3,8 млрд. долл. в 1940 г. и 4,3 млрд. в 1945 г. до более 12 млрд. долл. в конце 50-х годов. На долю США после войны приходилось около половины латиноамериканского импорта и до 40 % экспорта. В 50-е годы возобновляется приток европейских капиталов. Всего за 1946—1960 гг. поступления в виде новых капиталовложений и займов в Латинскую Америку составили 10 млрд. долл., вывоз прибылей — 19,5 млрд. долл.

Определенный прогресс наблюдался в сельском хозяйстве Латинской Америки. За полтора послевоенных десятилетия в 6 с лишним раз увеличился тракторный парк. Но по уровню технической оснащенности и производству продукции на одного занятого в сельском хозяйстве страны региона далеко отстали от передовых капиталистических государств. За исключением Мексики, где после проведенных аграрных преобразований сельскохозяйственное производство за 20 лет (1940—1960) выросло в 3,5 раза, в других странах индустриализация не сопровождалась заметным ростом сельскохозяйственной продукции. Почти повсеместно (кроме Мексики и Боливии) по-прежнему преобладал латифундизм. По данным переписей 50-х годов 47 % всех хозяйств региона (размером не более

5 га) имели лишь 0,9 % сельскохозяйственных угодий, а 100 тыс. крупных помещиков (1 % всех хозяйств), владельцев поместий площадью свыше 1 тыс. га, распоряжались 62 % сельскохозяйственного земельного фонда, значительную часть которого они не использовали. Засилье агроэкспортного латифундизма с сохранением экстенсивных форм ведения хозяйства, недостаточным вовлечением земельного фонда в оборот, с нищенскими условиями существования миллионных масс безземельного и малоземельного населения ограничивало емкость внутреннего рынка и эффективность «импорт-замещающей индустриализации».

Усиление демократических тенденций в конце войны и в первые послевоенные годы. Обстановка, сложившаяся в мире в результате разгрома фашизма в ходе второй мировой войны, благоприятствовала демократическим и левым силам, тем более что США, доминировавшие в Западном полушарии, в годы войны стали одним из основных участников антифашистской коалиции. Решающая роль Советского Союза в победе над державами «оси», активное участие в антифашистской освободительной борьбе коммунистов усилили симпатии к СССР, к социалистическим идеям, подняли авторитет компартий. Социальные последствия «импортзамещающей индустриализации» также вели к сдвигам в соотношении классовых и политических сил. Наиболее консервативные и реакционные группировки оказались в определенной изоляции.

В результате народных восстаний с участием демократически настроенных военных в 1944 г. были свергнуты диктатуры в Сальвадоре, Гватемале и Эквадоре. В Гватемале началась революция. В 1945 г. были восстановлены демократические свободы в Бразилии и Аргентине. Консервативные диктаторские режимы сохранились лишь в нескольких небольших, сравнительно отсталых странах (Доминиканская Республика, Никарагуа).

В Чили в 1946 г. к власти пришло правительство блока демократических сил с участием коммунистов. В Колумбии в 1946—1948 гг. активизировалось массовое движение под лозунгами антиимпериалистических и демократических преобразований во главе с популярным левым либералом Х.Э. Гайтаном. В Аргентине правительство Перона в 1946—1948 гг. национализировало ряд иностранных компаний, улучшило положение трудящихся. Меры по стимулированию национальной экономики, упрочению демократических свобод и расширению прав трудящихся осуществило правительство партии «Демократическое действие» в Венесуэле в 1945—1948 гг. В 1945 г. добилась легализации и успешно выступила на выборах в Перу апристская партия.

К концу второй мировой войны все страны Латинской Америки оказались участниками антифашистской коалиции. В 1942—1946 гг. большинство из них установило дипломатические отношения с

Советским Союзом. До 1942 г. только одна Колумбия имела договоренность с СССР о дипломатических отношениях, и то без обмена миссиями. В 1946 г. такие отношения имели или объявили об их установлении 14 из 20 республик региона, в том числе все крупные страны, кроме Перу.

Значительно расширились позиции коммунистов в политической жизни. Общая численность латиноамериканских компартий с 1939 по 1947 г. увеличилась более чем в 4 раза — с 90 тыс. до 370 тыс. человек. Новые компартии в годы войны возникли в Никарагуа и Доминиканской Республике. Массовыми стали компартии Бразилии (150 тыс. членов), Чили (50 тыс.), Кубы. В 1947 г. коммунисты заседали в парламентах 12 республик региона. В Чили, Бразилии, Эквадоре, на Кубе, в Коста-Рике за компартии голосовало до 10 % и более избирателей. Помимо Чили (1946—1947) коммунисты входили в правительства Кубы (1943—1944) и Эквадора (1944—1945), сотрудничали с правительством Коста-Рики в 1942—1948 гг.

В профсоюзном движении Латинской Америки ведущие позиции завоевала созданная в 1938 г. Конфедерация трудящихся Латинской Америки (КТЛА). Она объединяла в 40-е годы до 4—5 млн. человек. В нее входили национальные профцентры 13 стран (Мексики, Чили, Кубы, Колумбии, Перу, Уругвая и др.). Имелись и автономные левые профсоюзы. В ряде стран трудящиеся в эти годы добились важных успехов в разработке трудового законодательства и улучшения своего положения (Аргентина, Гватемала, Коста-Рика, Венесуэла).

Наступление правых сил в годы «холодной войны» (конец 40-х — середина 50-х годов). В 1947—1948 гг. обстановка в Латинской Америке меняется в пользу правых сил. В первую очередь это было связано с общим поворотом в мировой политике к «холодной войне», с противоборством СССР и США и возглавляемых ими военно-политических блоков, двух олицетворяемых ими социальных систем на мировой арене. США, опираясь на завоеванные в экономике региона позиции, стремились подчинить латиноамериканские страны своему политическому влиянию, превратить их в надежный стратегический тыл. Развитие межамериканского сотрудничества в годы второй мировой войны, решения о взаимопомощи в отражении потенциальной внешней угрозы странам континента, создание в Латинской Америке сети военных баз США, учреждение Межамериканского совета обороны, подготовили почву для реализации этих намерений. С наступлением «холодной войны» необходимость сохранения и дальнейшего развития военно-политического сотрудничества государств континента мотивировалась угрозой со стороны «международного коммунизма». 2 сентября 1947 г. на межамериканской конференции по поддержанию мира и безопасности на континенте в предместье Рио-де-Жанейро США и 20 латиноа-

американских республик подписали Межамериканский договор о взаимопомощи (Договор Рио-де-Жанейро). Его участники обязались сотрудничать друг с другом в вопросах обороны и принимать коллективные меры вплоть до использования вооруженных сил в случае угрозы военного нападения на одного из них или при возникновении угрозы миру в Западном полушарии. Тем самым был оформлен первый военно-политический блок в послевоенном мире. Межамериканский совет обороны, созданный в 1942 г. и состоявший из представителей генеральных штабов во главе с представителем США, стал главным органом военного сотрудничества участников договора.

Договор Рио-де-Жанейро в 1951—1955 гг. был дополнен системой двусторонних договоров о военной помощи между США и 12 странами Латинской Америки (Бразилия, Колумбия, Чили, Перу, Куба, Эквадор, Уругвай и страны Центральной Америки, за исключением Коста-Рики). Подписавшие договоры республики обязались обеспечивать внутреннюю безопасность от происки «подрывных сил», участвовать в совместной обороне континента, снабжать США стратегическим сырьем. Взамен они получали от Вашингтона военную помощь, включая поставки вооружения и обучение военных кадров.

IX Межамериканская конференция в Боготе (апрель — июнь 1948 г.) завершила создание политического союза участников Договора Рио-де-Жанейро в виде Организации американских государств (ОАГ), устав которой был принят 30 апреля 1948 г. Целями ОАГ были объявлены поддержание мира и безопасности в Западном полушарии, урегулирование споров между участниками, организация совместных действий против агрессии, развитие политического, экономического, социального, научного и культурного сотрудничества. Верховным органом ОАГ стали межамериканские конференции на высшем уровне, созываемые раз в 5 лет. Для решения текущих вопросов должны были проводиться совещания министров иностранных дел. Постоянным исполнительным органом ОАГ стал Совет ОАГ в Вашингтоне, состоявший из представителей стран-участников. Межамериканский совет обороны и другие органы межамериканского сотрудничества стали действовать в рамках ОАГ.

Конференция в Боготе приняла «Декларацию о сохранении и защите демократии в Америке», давшую право ОАГ предпринимать акции против «коммунистической опасности» в той или иной стране региона. Подписанное на конференции соглашение об экономическом сотрудничестве обязывало правительства государств—членов ОАГ не создавать препятствий деятельности иностранного капитала.

В 1951 г. Консультативное совещание министров иностранных дел стран—членов ОАГ рекомендовало законодательные ограничения «коммунистической деятельности» и высказалось за усиление военных приготовлений. В марте 1954 г. на X Межамериканской конференции в Каракасе была принята резолюция, дававшая право на кол-

лективную интервенцию ОАГ против любого американского государства, если оно окажется «под контролем со стороны международного коммунистического движения». Одна Гватемала голосовала против резолюции. Мексика и Аргентина воздержались. На основе этой резолюции в июне 1954 г. была осуществлена вооруженная интервенция против революционной Гватемалы.

Оформление военно-политического союза США и стран Латинской Америки на антикоммунистической основе закрепило гегемонию США в Западном полушарии и создало благоприятные условия для перехода правых сил в наступление по всему континенту. Начались гонения на коммунистов. Предлогом для этого служили обвинения в адрес компартий и их членов в том, что они являются агентами Москвы и международного коммунизма. Стремление сталинского руководства компартии СССР, несмотря на роспуск Коминтерна в 1943 г., сохранить командные позиции в международном коммунистическом движении, навязать свои установки компартиям капиталистических государств, использовать их для подрыва позиций США и мирового капитализма наносило большой ущерб деятельности и престижу этих партий и создавало почву для подобных обвинений. Антикоммунистические и антисоветские настроения, опасения советской и коммунистической угрозы в атмосфере «холодной войны» охватили значительную часть населения. В 1947 г. была запрещена компартия Бразилии. В апреле 1947 г. удалены из правительства и затем подверглись репрессиям коммунисты Чили. «Закон о защите демократии» (1948) запретил чилийскую компартию. Начались преследования коммунистов и левых активистов в рабочем движении других стран, распространившиеся и на представителей иных левых течений рабочего и демократического движения.

В 1947 г. в Парагвае в ходе гражданской войны были разгромлены прогрессивные силы. В апреле 1948 г. в Боготе был убит лидер антиимпериалистического движения Колумбии Х.Э. Гайтан. Его убийство вызвало стихийное народное восстание в Боготе и других городах, подавленное войсками. Трагические события в Боготе совпали с проходившей там в это время межамериканской конференцией, на которой была создана ОАГ. В ответ на массовые репрессии и убийства участников восстания и сторонников Гайтана началось партизанское движение в сельской местности под руководством либералов и коммунистов. Почти на 10 лет Колумбия оказалась втянутой в «виоленсию» — состояние гражданской войны. За эти 10 лет в итоге репрессий и военных действий погибло свыше 200 тыс. колумбийцев.

В Перу вооруженные силы, подавив в октябре 1948 г. восстание апристов, совершили переворот. В стране установилась диктатура генерала М.А. Одриа (1948—1956). Деятельность апристов вновь была запрещена, а их лидер Айя де ла Торре 5 лет скрывался в

колумбийском посольстве в Лиме. В ноябре 1948 г. в Венесуэле было свергнуто военными конституционное правительство Ромуло Гальгоса, известного венесуэльского писателя, избранного в 1947 г. президентом республики от партии «Демократическое действие» и пытавшегося осуществить некоторые прогрессивные демократические мероприятия. Здесь также утвердился военный диктаторский режим. В 1949 и 1951 гг. произошли перевороты в Панаме, в 1951 г. в Боливии, в 1952 г. — на Кубе. В 1954 г. в Парагвае власть захватил генерал Стресснер, жестокое диктаторское правление которого длилось целых 35 лет. В том же 1954 г. была подавлена революция и установлена диктатура в Гватемале, произошел переворот в Гондурасе, пало в результате реакционного заговора правительство Варгаса в Бразилии. В 1955 г. было свергнуто военными правительство Перона в Аргентине.

В результате в большинстве стран региона утвердились диктаторские режимы. Но и там, где сохранились конституционные правительства, часто ущемлялись демократические свободы и права трудящихся, подвергались преследованиям левые силы.

«Холодная война» и установление военно-политического союза с США отразились и на внешней политике Латинской Америки. Стали разрываться отношения с Советским Союзом. В октябре 1947 г. были разорваны дипломатические отношения с СССР Бразилии и Чили, в 1948 г. — Колумбии, в 1952 г. — Кубы и Венесуэлы. В середине 50-х годов нормальные дипломатические отношения с СССР поддерживали лишь Мексика, Аргентина и Уругвай (еще 6 стран из объявивших ранее об установлении дипломатических отношений с СССР фактически их не поддерживали). В ООН представители латиноамериканских государств, как правило, голосовали в поддержку США и стран НАТО, обеспечивая принятие угодных западным державам решений.

Сложившаяся на континенте обстановка привела к распространению в латиноамериканском обществе теории «географического фатализма». Согласно ей, само географическое положение Латинской Америки и ее тесная зависимость от могущественного северного соседа, имеющего здесь важные экономические и стратегические интересы, заранее обрекали на неудачу любую попытку противостоять США. Отсюда делался вывод, что позитивные перемены в странах региона возможны лишь на основе компромисса и сотрудничества с США. Теория «географического фатализма» абсолютизировала реальные трудности, стоявшие перед демократическими и прогрессивными силами Латинской Америки, подрывая веру в возможность радикальных перемен и успешной борьбы против гегемонии США. Эта теория дополнялась соображениями о том, что только тесное сотрудничество с США — ведущей мировой державой и противостояние вместе с ними подрывной деятельности мирового

коммунизма способны обеспечить прогресс, благосостояние и безопасность латиноамериканских народов.

Атмосфера «холодной войны», военные перевороты 1948—1955 гг. и утверждение во многих республиках военных диктатур усилили роль армии в политической жизни как гаранта интересов имущих классов и сотрудничества с США.

Однако в ряде случаев наступление правых натолкнулось на упорное сопротивление прогрессивных национальных и демократических сил. Более того, именно в годы «холодной войны» развернулись революционные процессы в Гватемале и Боливии, началась борьба кубинских революционеров во главе с Ф. Кастро. Давлению США и иностранных монополий пытались противостоять правительства Перона в Аргентине и Варгаса и Бразилии. Стремление к самостоятельности во внешней политике проявляла Мексика.

Рабочее движение в годы «холодной войны». Рост антикоммунизма и преследований поставил в особо трудные условия компартии и левые рабочие организации Латинской Америки. Тысячи коммунистов и рабочих активистов были убиты или замучены в тюрьмах. Легальными компартии оставались в очень немногих странах (Мексика, Уругвай). Численность компартий в регионе сократилась с 370 тыс. в 1947 г. до 135 тыс. в 1957 г.

Положение усугубляло поведение самих компартий. Поначалу, в конце войны и в первые послевоенные годы, коммунисты нередко высказывались за сотрудничество с демократической буржуазией своих стран и США и иногда проявляли готовность отказаться от классовой борьбы ради общедемократических целей. С наступлением «холодной войны», напротив, среди коммунистов вновь усилились левосектантские настроения недоверия ко многим другим участникам борьбы против империализма и реакции, негативное отношение к умеренным демократическим и национал-реформистским силам, которые обвинялись в «пособничестве» реакции и империализму США. В конце 40-х — начале 50-х годов подобные оценки и соответствующая линия поведения, напоминая позицию Коминтерна до его VII конгресса 1935 г., настойчиво навязывались всему международному коммунистическому движению сталинским руководством КПСС и СССР. Атмосфера «холодной войны», острого противоборства двух систем, преследования коммунистов, широкое распространение антикоммунистических и антисоветских настроений среди демократических и реформистских кругов стимулировали оживление сектантства в компартиях Латинской Америки.

Осложнилась обстановка в профсоюзном движении. Левые профсоюзы вслед за компартиями также подверглись преследованиям. Конфедерация трудящихся Латинской Америки (КТЛА) стала терять позиции, из нее выходили умеренно настроенные организации. В противовес КТЛА в январе 1951 г. при активном участии профсо-

южных лидеров США была создана реформистская Межамериканская региональная организация трудящихся (ОРИТ), примкнувшая к Международной конфедерации свободных профсоюзов (МКСП) — основному международному объединению реформистских профсоюзов. Наряду с латиноамериканскими профсоюзами в ОРИТ вошло мощное профобъединение США — Американская федерация труда (АФТ), занявшее в ОРИТ ведущие позиции¹. ОРИТ явилась проводником идей панамериканизма в рабочем движении — единства профсоюзов всего Американского континента. Она выступала за классовое сотрудничество, социальное партнерство труда и капитала. Главной своей целью в рабочем движении ОРИТ считала достижение взаимопонимания между рабочими и предпринимателями, которое должно было скрепляться заключением коллективных договоров, учитывающих интересы обеих сторон. В то же время профсоюзы ОРИТ добивались улучшения положения трудящихся, защищали их повседневные насущные экономические интересы. ОРИТ ориентировала рабочие организации на экономизм, отстаивала их независимость от политических партий и идеологических течений, придерживалась антикоммунистических позиций. Она утверждала, что ускоренное промышленное развитие и модернизация экономики латиноамериканских стран при сотрудничестве североамериканского капитала в сочетании с определенными реформами приведет к постепенному сглаживанию классовых противоречий в рамках будущего «индустриального общества». Профсоюзы ОРИТ выступали против террористических диктатур, за восстановление демократических свобод. Среди латиноамериканских участников ОРИТ в 50-е годы порой подвергались критике чрезмерные претензии иностранных монополий и империалистические аспекты политики США в регионе.

На протяжении 50-х годов ряды ОРИТ быстро росли. В нее вошли влиятельные реформистские профсоюзы Колумбии (два профцентра из трех крупнейших), Бразилии, других стран. В 1953 г. к ОРИТ присоединилась Конфедерация трудящихся Мексики (1,3 млн. членов), ранее входившая в КТЛА, в 1958 г. — Конфедерация трудящихся Перу. К концу 50-х годов общая численность латиноамериканских профсоюзов ОРИТ превысила 4 млн. человек (не считая АФТ — КПП).

В декабре 1954 г. возник еще один региональный профцентр реформистского направления — Латиноамериканская профсоюзная христианская конфедерация (КЛАСК), объединившая сторонников католической социальной доктрины, приверженцев христианского

¹ В 1955 г. АФТ объединилась с другим американским профцентром — Конгрессом производственных профсоюзов (КПП), после чего объединенный профцентр стал именоваться АФТ-КПП и также входил в ОРИТ.

синдикализма. КЛАСК вошла в Международную конфедерацию христианских профсоюзов. Как и ОРИТ, она выступала в поддержку реформистских сил, против диктатур, за демократические свободы и одновременно с антикоммунистических позиций. Но во многих аспектах она отличалась от ОРИТ своими особенностями. Это прежде всего христианская идеологическая окраска, близость в политическом плане к христианско-демократическим течениям. Путь к ликвидации социальных противоречий в обществе идеологи КЛАСК видели в превращении трудящихся в собственников и акционеров. Особое внимание КЛАСК обращала на крестьянство, маргинальные слои населения, молодежь, женщин, на их вовлечение в социальную деятельность. По влиянию КЛАСК значительно уступала ОРИТ, но ряды ее росли.

Создание двух новых региональных профсоюзных объединений привело к расколу латиноамериканского профсоюзного движения и еще более подорвало позиции КТЛА, которая к концу 50-х годов лишилась многих своих участников и фактически распалась и перестала функционировать, хотя номинально еще просуществовала до 1963 г. Многие крупные профсоюзы и национальные профцентры стали автономными, не примыкали ни к одному из региональных объединений. Автономными были 3-миллионная Всеобщая конфедерация труда Аргентины, Единый профцентр трудящихся Чили, Боливийский рабочий центр и др. В ряде из них сохранили влияние коммунисты.

Наступление правящих кругов и предпринимателей на права и условия жизни трудящихся в годы «холодной войны» вызвало постепенное увеличение числа забастовок. Если в 1945—1948 гг. ежегодно в Латинской Америке бастовало от 0,6 до 1,5 млн. человек, то в 1949—1951 гг.— до 2,5—3 млн., а в 1955—1956 гг.— более 9 млн. человек. В 1950 г. произошли крупные выступления трудящихся в Перу, забастовка нефтяников в Венесуэле. Нарастала стачечная борьба в Чили, Аргентине, Уругвае, на Кубе. В Аргентине в 1955—1957 гг. в забастовки были вовлечены миллионы тружеников. Здесь, а также в Чили и Уругвае не раз проводились всеобщие забастовки. Крупные забастовки рабочих банановых плантаций американской компании «Юнайтед фрут» происходили в 1953 и 1955 гг. в Коста-Рике, в 1954 г.— в Гондурасе. Рабочие сахарной промышленности бастовали в 1954 г. в Доминиканской Республике, в 1955 г.— на Кубе. В Колумбии в 50-е годы развивалось крестьянское партизанское движение в защиту освоенных безземельными крестьянами заброшенных или не использовавшихся прежде в сельском хозяйстве участков, за аграрную реформу, обещанную еще в 1936 г., против репрессий и террора со стороны армии и помещиков.

Развивалось движение против вовлечения стран региона в милитаристскую политику США. Выступления протеста помешали США привлечь латиноамериканские страны к участию в военных действиях в Корее в 1950—1951 гг., где армия США воевала на стороне Южной Кореи (Корейская республика) против Северной Кореи (Корейская Народно-Демократическая Республика), поддержанной Китайской Народной Республикой. Чтобы придать своим действиям характер коллективной санкции против Северной Кореи от имени ООН¹, США добились послышки на корейский фронт армейских подразделений некоторых других стран. Но из латиноамериканских республик только Колумбия направила в Корею небольшой воинский контингент.

РЕВОЛЮЦИИ В ГВАТЕМАЛЕ И БОЛИВИИ

Сопrotивление правым и проимпериалистическим силам в годы «холодной войны», стремление к преобразованиям наиболее наглядно проявились в Гватемальской и Боливийской революциях. По своему характеру это были демократические революции, направленные против империалистической зависимости и господства помещичье-буржуазной олигархии. В обоих случаях осуществлялись демократизация общественного строя, глубокие аграрные реформы, социальные мероприятия, национализация иностранной собственности. Участниками революций являлись рабочие, крестьяне, средние слои, мелкая и средняя буржуазия.

Гватемальская революция 1944—1954 гг. Засилье латифундизма и иностранных компаний, бедность и нищета большинства населения остро ощущались в Гватемале — небольшой центральноамериканской республике с 4-миллионным населением, более половины которого составляли индейцы. Промышленность была в зачаточном состоянии. В валовом национальном продукте в 1950 г. на долю промышленности (вместе с ремесленным производством) приходилось всего 12 %, а сельского хозяйства — 34 %. $\frac{3}{4}$ экономически активного населения проживало в деревне. В сельском хозяйстве было занято 480 тыс. наемных работников, в промышленности — 70 тыс., в торговле — 60 тыс. Производство кофе и бананов на экспорт являлось основным источником доходов. Более 230 тыс. га лучших земель принадлежало американской компании «Юнайтед фрут». Она контролировала ряд шоссе и дорог, портовые сооружения, суда, имела монополию на вывоз бананов, пользовалась налоговыми льготами. Значительную часть земельного фонда компания держала в резерве.

Более половины сельскохозяйственных угодий страны (50,4 %) принадлежало тысяче с небольшим собственников (0,3 % всех

¹ США удалось в 1950 г. добиться принятия соответствующей резолюции в ООН.

хозяйств), а 300 тыс. мелких хозяйств (88,3 % от общего количества) располагали лишь 14,3 % угодий. В годы диктатуры генерала Убико (1931—1944) осуществлялся сгон крестьян с земли. Безземельные сельские жители принудительно прикреплялись к хозяйствам помещиков и к иностранным плантациям. Трудовое законодательство в республике практически отсутствовало, профсоюзная деятельность запрещалась. Более 70 % населения оставалось неграмотным. Положение усугублялось господством в стране террористической диктатуры, недовольство которой в обстановке подъема демократических настроений в регионе в конце второй мировой войны быстро нарастало.

Инициаторами выступления против диктатуры стали студенты и средние слои населения. В июне 1944 г. забастовки и массовые волнения охватили Гватемалу. Диктатор Убико вынужден был передать власть группе офицеров из своего окружения. Но это не спасло режим. 20 октября 1944 г. в результате народного восстания под руководством патриотически настроенных молодых офицеров, поддержанных некоторыми воинскими частями, диктатура была свергнута. Власть перешла к Временному революционному правительству. Видная роль в организации восстания и в революционном правительстве принадлежала капитану **Хакобо Арбенсу** (1913—1971).

Временное революционное правительство провело чистку госаппарата и вооруженных сил от сторонников диктатуры, провозгласило демократические свободы. В декабре 1944 г. в стране впервые были проведены демократические президентские выборы, созвана Учредительная ассамблея, утвердившая 11 марта 1945 г. новую конституцию республики. Конституция учреждала демократический режим, предоставляла автономию университету, провозглашала право трудящихся на коллективные договоры, социальное обеспечение и профсоюзную деятельность. Политические права получали женщины. Декларировалась необходимость улучшить положение индейского населения, осуждался латифундизм и допускалась возможность экспроприации частной собственности. Все природные богатства страны объявлялись достоянием нации.

15 марта 1945 г. Временное революционное правительство передало полномочия первому конституционно избранному на 6-летний срок президенту республики, университетскому профессору, 20 лет проведшему в эмиграции, **Хуану Хосе Аревало** (1945—1951).

Революция привела к быстрой демократизации общественной жизни, росту активности политических партий и массовых общественных организаций. Численность профсоюзов увеличилась с нескольких сотен человек до 100 тыс. в 1951 г. В мае 1951 г. они объединились во Всеобщую конфедерацию трудящихся Гватемалы (ВКТГ). В 1950 г. была создана Национальная крестьянская конфедерация. Большим влиянием в этих организациях пользовалась

компартия, созданная в 1949 г. и переименованная в 1952 г. в Гватемальскую партию труда. В 1952 г. Гватемальская партия труда, другие левые организации и профсоюзы объединились в Национально-демократический фронт в поддержку революционного правительства.

В стране осуществлялись меры по развитию промышленности и сельского хозяйства, по повышению уровня жизни трудящихся. Валовой внутренний продукт увеличился за годы революции в 4 раза. В 1947 г. было издано трудовое законодательство, вводившее 8-часовой рабочий день, минимум заработной платы, оплачиваемые отпуска, коллективные договоры. Утверждались права профсоюзов. В 1948 г. издан закон об охране нефтяных ресурсов страны. Был создан государственный институт нефти, поставивший под контроль деятельность иностранных нефтяных компаний.

В марте 1951 г. президентом на следующий срок стал полковник Хакобо Арбенс, герой событий 1944 г., при котором революционные преобразования приняли более радикальный характер. Правительство Х. Арбенса разработало закон об аграрной реформе, принятый 17 июня 1952 г., который предусматривал национализацию (с выплатой компенсации в 25-летний срок) необрабатываемых земель, а также земель, сдаваемых в аренду и эксплуатируемых с применением кабальных форм наемного труда. Национализируемая земля должна была передаваться государством в пользование или собственность крестьянам и батракам за уплату ими ежегодно в течение 25 лет 1—5 % стоимости урожая. Предусматривалось также создание на государственных землях кооперативов. За 2 года правительство изъяло и распределило среди 100 тыс. семей сельских тружеников более 600 тыс. га земли. «Юнайтед фрут» лишилась 160 тыс. га из 230 тыс., которыми она владела.

Во внешней политике гватемальское правительство придерживалось принципов защиты национального суверенитета. Оно отказалось ратифицировать Договор Рио-де-Жанейро, участвовать в войне в Корее. Гватемала была единственной страной, проголосовавшей против антикоммунистической резолюции на X Межамериканской конференции в Каракасе (март 1954 г.).

Революционные преобразования в Гватемале вызвали нарастающее противодействие консервативных сил внутри и вне страны. Вашингтон и реакционные латиноамериканские режимы обвинили Гватемалу в том, что она превратилась в очаг коммунистической угрозы на континенте. Против правительства Арбенса была развернута враждебная пропагандистская кампания, сопровождавшаяся угрозами, экономическим и дипломатическим давлением. В стране неоднократно предпринимались попытки организации заговоров. Однако Арбенс отказывался отступать от взятого курса. Тогда США стали готовить интервенцию против Гватемалы. Для этого на

территории Никарагуа и Гондураса при активном участии США из бежавших из Гватемалы противников революции были сформированы и экипированы американским оружием отряды во главе с бывшим подполковником гватемальской армии Кастильо Армасом. В самой Гватемале был организован заговор среди высших офицеров армии.

18 июня 1954 г. отряды Армаса численностью в несколько сотен человек вторглись на территорию Гватемалы. Гватемальские города подверглись бомбардировке с воздуха. Правительственные части при поддержке населения дали отпор интервентам и стали теснить их к границе. Трудящиеся выражали готовность защищать революцию. Президент Арбенс согласился дать им оружие, но военное командование отказалось сделать это и 27 июня настояло на отставке Арбенса. Власть перешла к военным. 29 июня была сформирована военная хунта, вскоре передавшая власть главарю интервентов Кастильо Армасу. Начались расправы над коммунистами, активистами рабочих и крестьянских организаций. Сотни человек были убиты, тысячи арестованы. Многие были вынуждены покинуть родину. Были запрещены партии и профсоюзы, отменена конституция 1945 г., прекращено осуществление аграрной реформы, подтверждены льготы «Юнайтед фрут К^о». В октябре 1954 г. К. Армас был объявлен президентом (1954—1957). В Гватемале воцарился террористический диктаторский режим.

В условиях «холодной войны», засилья «антикоммунизма» и гегемонии США на континенте небольшая революционная республика не смогла устоять против объединившихся внешних и внутренних врагов. Важной причиной поражения революции было и то, что преобразования почти не затронули армию, установились напряженные отношения между нею и рабочими и крестьянскими организациями и в решающий момент вооруженные силы перешли на сторону контрреволюции. Отошли от революции и умеренно настроенные слои населения.

Боливийская революция 1952 г. В момент, когда Гватемальская революция была еще в разгаре, в 1952 г. вспыхнула революция в Боливии, развивавшаяся несколько иначе. Население этой высокогорной андской республики насчитывало 2,7 млн. жителей, преимущественно индейцев и метисов. 72% из 1,35 млн. человек самостоятельного населения Боливии было занято в сельском хозяйстве. Остро стоял аграрный вопрос. 5,5 тыс. крупных помещиков (0,2% всех хозяев) владели 92% сельскохозяйственных угодий. Лишь 0,3% из 80 млн. га земель, принадлежавших им, обрабатывалось. 51,2 тыс. беднейших хозяйств имели всего 74 тыс. га. Более 1/3 сельских жителей совсем не имели земли. В деревне преобладали полуфеодальные, внеэкономические формы эксплуатации, хотя и применялся наемный труд. 85% населения было неграмотно.

Ведущей экспортной отраслью и основным источником валютных поступлений Боливии была добыча олова, дававшая четверть валового национального продукта и находившаяся в монопольной власти трех могущественных семейств. «оловянных баронов» (Патиньо, Хохшильд и Арамайю). В их компаниях влиятельные позиции принадлежали североамериканскому капиталу. В этой ведущей отрасли производства было занято 45 тыс. рабочих, сосредоточенных на крупных рудниках. Горняки являлись ядром боливийского пролетариата, представляли внушительную силу и отличались боевыми настроениями. В городах развивалась обрабатывающая промышленность (15 % валового национального продукта). Всего в обрабатывающей промышленности, в строительстве и на транспорте было занято 150 тыс. рабочих, $\frac{2}{3}$ которых трудилось на мелких кустарных предприятиях. Значительной была в городах и численность служащих (130 тыс.).

Политическая жизнь Боливии отличалась особенной неустойчивостью, частыми переворотами и контрпереворотами, непрерывной сменой правителей. Неоднократно издававшиеся конституции не соблюдались. Вместе с тем уже с 30-х годов в Боливии растут националистические и патриотические настроения среди части офицерства, средних и мелкобуржуазных слоев, части трудящихся, предпринимателей. Эти тенденции проявились в деятельности правительств 1936—1940 гг. и особенно правительства полковника Вильярроэля (1943—1946), которое апеллировало за поддержкой к народным массам и способствовало созданию рабочих и крестьянских организаций. Однако в июле 1946 г. Вильярроэль был свергнут и убит. К власти вернулись традиционные консервативные силы.

В эти годы с требованиями антиимпериалистических и антиолигархических преобразований выступила партия Националистическое революционное движение (НРД), созданная в 1941 г. представителями интеллигенции и средних слоев и сотрудничавшая с правительством Вильярроэля. Эта партия распространила свое влияние на значительную часть населения. Оживилось рабочее движение. В 1944 г. возникла Профсоюзная федерация горняков Боливии, а в 1951 г.— Профсоюзная конфедерация фабричных рабочих Боливии. Забастовки и демонстрации горняков и городских рабочих, сопровождавшиеся столкновениями с полицией и войсками, в 40-е годы стали частым явлением. Особенно сильные выступления трудящихся, подавленные войсками и полицией, произошли в 1949 г. Боливийские рабочие организации отличались бунтарским духом, находились под сильным влиянием революционного синдикализма и троцкистских идей (в Боливии находился центр троцкистского IV Интернационала). Они выступали с позиций синдикалистского авангардизма (за ведущую роль революционных профсоюзов в политической борьбе и в осуществлении власти), за

«прямые действия» и «рабоче-крестьянскую революцию». НРД, со своей стороны, также пыталось распространить свое влияние среди трудящихся. В 1950 г. возникла Коммунистическая партия Боливии, но она не смогла приобрести заметный вес. Во второй половине 40-х годов оживилась борьба крестьян за землю, появились крестьянские организации. В 1947 г. произошло крупное восстание крестьян-индейцев, подавленное армией с применением авиации.

В августе 1949 г. НРД подняло восстание в ряде городов, в котором участвовали и рабочие, но оно потерпело поражение. В мае 1951 г. на президентских выборах победил лидер НРД Виктор Пас Эстенсоро (род. в 1907 г.), бывший министром в правительстве Вильярроэля. Однако результаты выборов были аннулированы. Власть захватила военная хунта во главе с генералом Бальивианом, начавшая преследования оппозиционных сил под лозунгами борьбы с коммунистической угрозой. Ответом явилось всеобщее народное восстание, вспыхнувшее 9 апреля 1952 г. в Ла-Пасе¹ и других городах. Активно участвовали в восстании НРД и профсоюзы. В борьбу с армией вступили отряды рабочей милиции. На помощь восставшим прибыли 10 тыс. вооруженных горняков. В трехдневных боях 9—11 апреля армия была разбита.

Решающая роль в победе революции горнозаводских и городских рабочих своеобразно отразилась на создавшейся после этого обстановке в стране. В результате победы народного восстания были разгромлены и перестали существовать вооруженные силы и репрессивный аппарат прежнего режима. Хозяином положения оказалась вооруженная рабочая милиция, созданная в ходе восстания. Новое правительство сформировал руководитель НРД Виктор Пас Эстенсоро, вернувшийся из эмиграции и ставший президентом республики на 4-летний срок (1952—1956). Но без поддержки рабочих правительство, в котором доминировало Националистическое революционное движение (НРД), не могло на первых порах обладать реальной властью. Через несколько дней после победы революции все профсоюзы страны объединились в Боливийский рабочий центр (БРЦ), руководство которого, опираясь на рабочую милицию, располагало более эффективной властью, чем правительство. Но БРЦ не был в состоянии выдвинуть самостоятельную альтернативу власти и пошел на сотрудничество с правительством В. Паса Эстенсоро. В состав правительства было включено 4 представителя БРЦ. Министром горнорудной и нефтяной промышленности стал лидер БРЦ Хуан Лечин.

Установившийся революционный режим олицетворял союз мелкой и средней национальной буржуазии, средних слоев, рабочего класса

¹ Юридически столицей Боливии считается г. Сукре, но фактически таковой является Ла-Пас, где постоянно находятся все правительственные учреждения.

и крестьянства под эгидой левонационалистических политиков, доминировавших в НРД и в правительстве. Зависимость правительства от рабочих организаций определила радикальный характер начавшихся преобразований. Были признаны завоеванные явочным порядком широкие права трудящихся и рабочих организаций, в том числе их право на участие в управлении производством, подтверждены полномочия вооруженной рабочей милиции. Было введено всеобщее избирательное право, провозглашен принцип всеобщего бесплатного образования (хотя до его реализации было еще очень далеко). По настоянию БРЦ в октябре 1952 г. были национализированы оловянные рудники, переданные созданной почти одновременно Государственной горнорудной корпорации Боливии (КОМИБОЛ). На государственных предприятиях вводился контроль профсоюзов.

2 августа 1953 г. был издан декрет об аграрной реформе, предусматривавший экспроприацию всех крупных земельных владений (за выкуп с рассрочкой на 25 лет), за исключением рационально организованных и высокопродуктивных хозяйств, и передачу земли тем, кто ее обрабатывает. Еще в июне 1953 г. была создана Национальная конфедерация крестьян Боливии и сформирована вооруженная крестьянская милиция. В итоге аграрной реформы, осуществление которой продолжалось ряд лет, вплоть до 60-х годов, с традиционным латифундизмом было в основном покончено. Землю получили 400 тыс. крестьянских семей. Возник многочисленный слой мелких земельных собственников, а также аграрная буржуазия, поднялся жизненный уровень сельского населения. Правда, преобладание в результате реформы малоимущих, часто примитивных крестьянских хозяйств затрудняло быстрый рост технической оснащенности и продуктивности в аграрном секторе.

Аграрная реформа и формирование крестьянских организаций проходили под контролем НРД и правительства. Это содействовало тому, что крестьяне, получив землю, стали их массовой опорой и отошли от активного участия в революции.

Революционные преобразования, особенно национализация оловянных рудников, задевавшая позиции американского капитала, беспокоили США. Возникла угроза экономического давления. Чтобы избежать осложнений, правительство Боливии согласилось выплатить компенсацию за национализированные предприятия.

Укрепив свои позиции, руководство НРД начинает оттеснять от власти рабочие организации. В июне 1953 г. было объявлено о создании новой регулярной армии. Опора на собственные вооруженные силы сделала правительство более независимым от рабочих. В 1956 г. представители БРЦ были удалены из правительства. Власти и руководство НРД в дальнейшем все более связывают свой курс с интересами растущей местной буржуазии. НРД постепенно консолидируется как национал-реформистская партия.

НАЦИОНАЛ-РЕФОРМИЗМ.
ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛ-РЕФОРМИСТСКОЙ
ПОЛИТИКИ В МЕКСИКЕ, АРГЕНТИНЕ И БРАЗИЛИИ

Национал-реформистские течения. «Импортзамещающая индустриализация» способствовала росту претензий окрепшей национальной промышленной буржуазии ряда стран Латинской Америки на участие в управлении, усилению ее стремлений потеснить иностранные компании и связанную с ними и экспортным хозяйством традиционную буржуазно-помещичью олигархию, создать благоприятные условия для роста национальной экономики. В определенной мере это было созвучно антиолигархическим и антиимпериалистическим настроениям широких масс населения — средних слоев, мелкой буржуазии, трудящихся, социальная активность которых выросла и которые особенно страдали от негативных последствий зависимого капиталистического развития. В различных кругах общества росли национально-патриотические чувства, стремление найти для латиноамериканских наций свои пути развития, которые позволили бы им занять достойное, особое место в мировой цивилизации.

На такой почве в 40-е — первой половине 50-х годов активизировались массовые национал-реформистские партии и движения. Они апеллировали к националистическим и патриотическим идеям, к лозунгам единства нации во имя экономического и социального прогресса и суверенитета своих стран, достижения социальной справедливости. Выдвигались требования отстранения от власти олигархии, проведения аграрной реформы, ограничения иностранного капитала, усиления роли государства в экономике, расширения социальных завоеваний трудящихся. Эти партии и движения объединяли и вовлекали в политическую борьбу под своим знаменем многочисленные массы трудящихся, крестьянства, средних слоев, предпринимателей, интеллигенции. Неоднородный, пестрый состав предопределял наличие в их среде различных течений — от умеренных и правых до довольно радикальных и левых, от приверженцев насильственно-авторитарных форм преобразований до поборников широкой демократии. Преобладали и контролировали руководство, как правило, сторонники консолидации этих партий и движений вокруг умеренной реформистской линии. Они противопоставляли единение нации и реформизм классово-борьбе и радикальным революционным преобразованиям, в которых видели лишь разрушительные последствия для общества, хотя сами употребляли революционную терминологию. Путь реформ, за которые выступали национал-реформисты, представлялся ими как «созидательная революция». Яркая революционная фразеология была привлекательна для

многих, кто жаждал перемен, и вообще была популярна в латиноамериканском обществе.

Наиболее влиятельными национал-реформистскими партиями в 40—50-е годы были Перуанская народная (апристская) партия, Демократическое действие в Венесуэле (основана в 1941 г.), Партия национального освобождения Коста-Рики (основана в 1945 г.), Институционно-революционная партия Мексики, Националистическое революционное движение Боливии. Находясь у власти (в Мексике все это время, в Венесуэле в 1945—1948 гг., в Коста-Рике в 50-е годы), эти партии осуществляли меры по развитию национальной экономики и ограничению прибылей иностранных компаний, по улучшению положения трудящихся. Их политике и идеологии часто были присущи социал-демократические тенденции. Они придавали большое значение социальной политике, искали опору в организациях трудящихся, старались подчинить их своему влиянию. Национал-реформистские партии выступали против диктаторских режимов, за конституционный путь развития и демократические свободы, одновременно осуждая революционное насилие. В годы «холодной войны» они высказывались за сотрудничество с США «в защите демократии и общих ценностей Запада» от «коммунистической угрозы», но критиковали «проявления империализма» в политике США.

Одним из важных исходных моментов национал-реформистской идеологии были концепции АПРА, выдвинутые ее лидером Айя де ла Торре еще в 20-е годы. Сам апризм, вначале выступив с революционно-демократическими позициями, к середине века в полной мере определился как национал-реформистское течение. В 50-е годы происходит важный поворот в стратегии и тактике апризма. Отныне Айя де ла Торре и апристская партия отказываются от заговорщических и террористических методов борьбы как бесперспективных и играющих на руку реакции и высказываются за утверждение демократического правового государства и приход к власти мирными, ненасильственными средствами, осуждая как реакционное, так и революционное насилие.

Другая разновидность национал-реформизма в Латинской Америке — массовые националистические движения популистского характера, аморфные в классовом и политико-организационном плане, объединенные вокруг «сильных личностей», авторитарных харизматических вождей и правителей. В этих движениях на первый план в качестве объединителя и знамени выступает сама личность основателя и руководителя движения, который выдвигает популярные лозунги, апеллирует к недовольным в разных слоях общества в кризисные, переломные периоды. Популизм унаследовал многие черты, свойственные каудильзму XIX в., но в социальном отношении стал сложнее, соответствуя более высокому уровню общественного развития. В националистических популистских движениях

особое значение приобретают взаимоотношения на эмоциональной основе «вождь—массы», умелое использование лидерами настроений и психологии «толпы», низов общества, сильнее ставится акцент на национализме, национальных, патриотических и антиимпериалистических чувствах. Они отличаются большой подвижностью политического курса, быстрым увеличением или уменьшением степени влияния на общество. Наиболее массовыми и сильными националистическими движениями такого рода в 40—50-е годы были движения сторонников Перона (перонисты) в Аргентине и Варгаса в Бразилии.

Наряду с основным, национал-реформистским, направлением в латиноамериканских националистических движениях имелись и более радикальные левые, а также правые течения. Сторонники левого и правого национализма находились в рядах перонистов и последователей Варгаса.

Самостоятельным массовым левонационалистическим движением было движение в Колумбии, возглавленное Хорхе Эльсесéром Гайтаном (1898—1948), лидером левых либералов — одной из двух главных партий страны. Период наибольшей активности движения Гайтана относится к 1946—1948 гг. При поддержке масс Гайтану удалось в 1947 г. завоевать ведущие позиции в Литеральной партии и стать реальным претендентом на пост президента страны. Гайтан призывал весь колумбийский народ сплотиться на решительную борьбу против империализма и олигархии, за демократические преобразования, за социальную справедливость. Идеалом общественного устройства для него был социализм. Средствами борьбы за свои цели Гайтан призывал массовые ненасильственные действия в рамках конституционного пути развития. Он выступал за солидарность латиноамериканских народов в борьбе с империализмом США, против военных пактов, в защиту мира, высказывался за сотрудничество с коммунистами. За поддержкой Гайтан обращался к городским рабочим, к пролетаризированным, маргинальным низам городского населения. Движению Гайтана были свойственны характерные для других националистических популистских движений персоналистские, каудильистские черты (вождь и идущие за ним массы). Убийство Гайтана в апреле 1948 г. и подавление вспыхнувшего после этого стихийного народного восстания привели к распаду движения.

Националистические тенденции были свойственны некоторым диктаторским режимам 50-х годов, в частности политике колумбийского диктатора Рохаса Пинильи (1953—1957), который широко использовал националистические лозунги, призывы к «социальной справедливости», намеревался установить корпоративный режим, основанный на классовом сотрудничестве. Опираясь на армию, он принял ряд мер, задевших позиции олигархии и иностранных компаний (увеличение налогов на прибыли, отказ от некоторых

торговых соглашений с США), пытался усилить роль государства в экономике. Подавляя деятельность левых и демократических сил, Рохас Пинилья одновременно шел на некоторые уступки трудящимся, старался подчинить их правительственному влиянию. Однако широкой массовой опоры и тем более массового националистического движения ему в те годы создать не удалось. Правда, уже много лет спустя после его свержения, к концу 60-х годов, такое движение вокруг его личности быстро обрело силу под более радикальными лозунгами и едва не привело его к президентской власти, и так же быстро наступил спад движения.

Национал-реформистскую политику в 40—50-е годы осуществляли правительства крупнейших стран Латинской Америки — Мексики, Аргентины и Бразилии. В каждом случае она имела свою специфику.

Мексика. Национал-реформистская политика в Мексике утвердилась после глубоких антиимпериалистических и антиолигархических преобразований, осуществленных правительством Л. Карденаса (1934—1940), и означала переход от них к более умеренному курсу. Деятельность правительства Карденаса создала благоприятные предпосылки для экономического прогресса и «импортзамещающей индустриализации». Мексику середины века отличал длительный и устойчивый рост экономики. За 20 лет — с 1938 по 1958 г. — общий объем промышленного производства в республике увеличился почти в 2,3 раза, а в обрабатывающей промышленности — в 2,7 раза. Среднегодовые темпы роста обрабатывающей промышленности в 50-е годы составляли 6,1 %. В результате к 1958 г. Мексика по общему объему промышленной продукции вышла на первое место в Латинской Америке.

Активную стимулирующую роль играл государственный сектор. После реформ Карденаса государству принадлежали железные дороги, нефтяная и нефтеперерабатывающая промышленность, 12—15 % обрабатывающей промышленности. На долю государства приходилось от 33 % до 43 % всех капиталовложений в стране.

Рост производства привел к увеличению численности промышленных рабочих за 40—50-е годы почти вдвое — с 420 тыс. до 800 тыс. человек. Около 30 % из них трудилось на крупных заводах и фабриках (с числом занятых свыше 500 человек). В 3,5 раза выросло количество рабочих на транспорте, в торговле и сфере услуг (до 370 тыс.). Сельскохозяйственный пролетариат увеличился с 1,2 до 2 млн. человек. На основе концентрации производства и капитала усилилась крупная промышленная и финансовая буржуазия.

Продолжало расти мелкое производство. К 1960 г. более 88 % всех предприятий были кустарно-ремесленными (без рабочих и менее 5 рабочих). В целом городская мелкая буржуазия (мелкие собственники в промышленности и кустарном производстве, на транспорте, в торговле и сфере услуг) к 1945 г. составляла 235 тыс., а к 1960 г. — 450 тыс.

человек. Общая численность служащих и интеллигенции за 50-е годы увеличилась с 0,9 млн. до 1,6 млн. человек.

В послевоенной Мексике доля промышленности в валовом внутреннем продукте превышала долю сельского хозяйства (соответственно $\frac{1}{4}$ и $\frac{1}{6}$ к 1960 г.). Страна постепенно превращалась в промышленно-аграрную. Но сельское хозяйство сохраняло важную роль в мексиканской экономике. Численность занятого в аграрном секторе населения за 40—50-е годы увеличилась с 3,8 млн. до 6,1 млн. человек, хотя удельный вес его в занятом населении страны уменьшился с 63,3 до 55 %. Занятость в промышленности пока оставалась гораздо меньшей (13,7 % в 1940 г. и 15 % в 1960 г.). Аграрная реформа способствовала быстрому и стабильному росту сельскохозяйственной продукции — в 50-е годы в среднем на 4,5 % за год.

Достижения в экономическом и социальном развитии Мексики были благодатной почвой для успешного осуществления национал-реформистского курса. На смену Карденасу 1 декабря 1940 г. пришло правительство Авила Камачо (1940—1946), сразу же начавшее отход от преобразовательной деятельности предшественника. В новом правительстве преобладание перешло к буржуазным и бюрократическим кругам, заинтересованным в том, чтобы использовать результаты осуществленных преобразований для ускорения капиталистического прогресса страны и упрочения собственного положения. Прежний лозунг «демократии трудящихся» был заменен лозунгом «индустриальной революции» и «национального единства». Началось вытеснение из аппарата левых элементов.

Осуществление аграрной реформы притормозилось. За 18 лет (1940—1958) крестьяне получили 12,3 млн. га земли, но это было гораздо меньше, чем за 6 лет при Карденасе, хотя еще десятки миллионов гектаров сельскохозяйственных угодий оставались в руках латифундистов (в 1950 г. — $\frac{3}{4}$ общего земельного фонда). Несколько миллионов крестьянских семей были без земли. За 40-е годы количество безземельных сельских жителей увеличилось на $\frac{1}{3}$. Заявив, что задачи аграрной реформы в основном решены, правительство Авила Камачо сделало упор на развитии сельскохозяйственного производства и стимулировании частного хозяйства. Уже в декабре 1940 г. был издан декрет о «парцеллизации» эхидальных общин, означавший отказ от стимулирования кооперативных форм хозяйствования в эхидо. Всего эхидальному сектору в 1940 г. принадлежало 29 млн. га — 22 % сельскохозяйственных угодий и 47,4 % обрабатываемых земель. Удельный вес его перестал расти и даже начал снижаться (до 43,3 % обрабатываемых земель в 1960 г.). Крупные землевладельцы стали получать от правительства удостоверения в неприкосновенности их земель.

В ноябре 1941 г. Мексика согласилась на выплату компенсации за экспроприированную собственность американских граждан. На этой основе в апреле 1942 г. было подписано соглашение с США о ликвидации американо-мексиканского конфликта, возникшего в связи с национализацией нефти. Мексиканская государственная компания «Пемекс» сохранила в своих руках нефтяную промышленность, но уже с 1941 г. иностранный капитал получил право на участие в «смешанных компаниях», в контрактах о техническом сотрудничестве.

Правительство активно стимулировало местный промышленный капитал, предоставляло ему налоговые льготы, кредиты. Буржуазия укреплялась и организационно. В декабре 1941 г. была создана Национальная палата обрабатывающей промышленности, объединившая мелких и средних предпринимателей.

Для сохранения своего влияния среди трудящихся правящие круги Мексики в период президентства Авилы Камачо и в последующем широко использовали идею «перманентной» (непрерывно продолжающейся) Мексиканской революции, представляя свою политику как «конструктивное» продолжение революционных преобразований 1910—1940 гг. Конечной целью «перманентной» революции объявлялось постепенное достижение на основе сотрудничества всех производительных классов экономического процветания и социальной справедливости. Правящая Партия Мексиканской революции (ПМР) в январе 1946 г. была переименована в Институционно-революционную партию (ИРП). Она по-прежнему состояла из трех основных массовых секторов — рабочего (профсоюзного), крестьянского и «народного». Последний объединял преимущественно организации средних слоев. В него входили также военные и предприниматели. В политической жизни страны ИРП заняла монопольное положение как организация, претендующая на объединение всех слоев общества и сросшаяся с государственной администрацией. Главой партии был президент республики. Ведущее положение в ИРП заняла партийно-государственная бюрократия, верхушка которой стала важной составной частью господствующего класса.

Организации трудящихся, в том числе влиятельнейший профцентр — Конфедерация трудящихся Мексики (КТМ), находились под контролем ИРП и правительства, опорой которых была профбюрократия. Государственный арбитраж производственных конфликтов ограничивал возможности забастовочной борьбы. В июне 1942 г., после вступления Мексики в войну (22 мая), профсоюзы Мексики приняли решение на период войны отказаться от забастовок. 7 апреля 1945 г. КТМ подписала пакт с предпринимательскими организациями о сотрудничестве во имя экономического развития. Реформистские концепции сотрудничества классов под опекой «революционного государства» и партии подкреплялись экономическими уступками,

участием представителей профсоюзов в арбитражных и других комиссиях, привлечением рабочих к участию в распределении прибылей. На долгие десятилетия влияние национал-реформизма стало преобладающим среди мексиканских трудящихся.

Отличительные особенности развития Мексики обеспечили ей начиная с 40-х годов длительную полосу экономической и политической стабильности, разительного контрастировавшую с бурным революционным прошлым этой страны и обстановкой в большинстве других латиноамериканских республик. В Мексике сложился устойчивый конституционный режим с регулярными выборами и сменяемостью властей, режим, обставленный социальными учреждениями. Но этому режиму были присущи авторитарные черты: бессменная монополия ИРП на гегемонию в обществе и в государстве, засилье партийно-государственной бюрократии. Всесильным главой партийно-государственных структур был президент. Армия стала составным элементом политической системы. Военная элита была включена в политический аппарат, получила возможность обогащения, но была лишена самостоятельной роли. Это также обеспечивало стабильность и отличало Мексику от многих стран региона, где армия играла роль автономной политической силы, постоянно вмешивавшейся в события.

С 1946 г. у власти в Мексике находилось правительство Мигеля Алемана (1946—1952), банкира, представителя правого крыла ИРП, в большей мере склонного защищать интересы финансовой и промышленной верхушки и выступавшего за развитие экономического сотрудничества с США. Проведение аграрной реформы почти прекратилось. Минимум неотчуждаемой земли был увеличен в 10 раз. В 1947 г. было разрешено расширять долю иностранного капитала в смешанных компаниях за пределы установленного ранее максимума в 49 %. Прямые капиталовложения США в Мексике выросли с 316 млн. долл. в 1946 г. до 787 млн. в 1957 г. США занимали монопольное положение во внешней торговле Мексики.

«Холодная война» в меньшей степени повлияла на внешнюю политику Мексики по сравнению с большинством латиноамериканских республик. Мексика сохранила нормальные дипломатические отношения с СССР, восстановленные в ноябре 1942 г. Она присоединилась, как и все остальные страны региона, к военному договору Рио-де-Жанейро, но отказалась заключить двустороннее соглашение с США и послать свои войска в Корею.

Правительство Руиса Кортинеса (1952—1958) внесло некоторые позитивные коррективы во внутреннюю и внешнюю политику. Были приняты меры против коррупции, в 1953 г. предоставлены избирательные права женщинам. В 1954 г. Мексика отказалась поддержать резолюцию Каракасской межамериканской конференции,

функционировавшую интервенционистские действия под флагом ОАГ в регионе, выступила против интервенции в Гватемале.

Национал-реформистский курс ИРП встречал в Мексике оппозицию и справа и слева, но оппозиционные партии имели ограниченные возможности для своей деятельности и не могли создать реальную угрозу монополии ИРП на власть. Правая оппозиция группировалась вокруг основанной в 1939 г. Партии национального действия (ПНД), выразившей интересы финансово-промышленных кругов (в основном «Монтеррейской группы») в г. Монтеррее, имевшей связи с американским капиталом). ПНД поддерживали также помещичьи и католические круги. ПНД добилась представительства в Национальном конгрессе и пыталась оказывать давление на правящие круги, хотя составить конкуренцию ИРП не могла.

Левая оппозиция была раздроблена на мелкие партии. Мексиканская компартия переживала длительную полосу кризисного развития, фракционной борьбы и расколов. Основатель и руководитель КТМ, председатель Конфедерации трудящихся Латинской Америки (КТЛА) и вице-председатель Всемирной федерации профсоюзов (ВФП), видный деятель левого крыла ИРП Висенте Ломбардо Толедано (1894—1968), недовольный отходом правящей партии от курса Карденаса, вышел из ИРП и из руководства КТМ и в 1948 г. основал собственную Народную партию. Эта партия приобрела влияние среди небольшой части интеллигенции, студенчества, крестьян и рабочих. Она критиковала правительственную политику, выступала за продолжение начатых Карденасом преобразований, высказывалась за приверженность социализму и марксизму. Ломбардо Толедано считал необходимым в условиях Мексики добиваться этих целей при сотрудничестве с национальной буржуазией, воздействуя на правительство слева, как извне, так и внутри ИРП, с тем чтобы оно вернулось к курсу Карденаса. Коммунисты, определив Народную партию как оппортунистическую и социал-реформистскую, отказались от сотрудничества с нею.

В условиях монополии ИРП в политической жизни многие оппозиционные правительству силы предпочитали оставаться и развивать активность в рядах правящей партии, тем более что в ИРП входили основные массовые организации, профсоюзы и она была далеко не однородной. В ИРП, наряду с правым крылом, отражавшим интересы финансово-промышленных кругов, и партийно-государственной бюрократии, имелись и левые течения, сторонники бывшего президента Л. Карденаса, надеявшиеся, опираясь на рабочие и народные силы внутри ИРП, добиться в ней своего перевеса и изменить политику ее руководства. Такие надежды не оправдались. Но все же неоднородный, многоклассовый состав ИРП заставлял ее руководство учитывать баланс интересов в партии и в стране и в

некоторых случаях считаться с настроениями и требованиями оппозиционных ему течений.

Аргентина. Формированию национал-реформистского режима в Аргентине предшествовали события военных лет. Благоприятная для Аргентины экономическая конъюнктура, сохранявшаяся с середины 30-х и до конца 40-х — начала 50-х годов, содействовала накоплению валютных резервов и ускорению процесса «импортзамещающей индустриализации». Промышленное производство увеличилось от довоенного уровня к 1948 г. на 65 %. В конце 40-х годов $\frac{1}{4}$ всей промышленной продукции и экспорта Латинской Америки принадлежала Аргентине, намного опережавшей остальные страны региона. На волне индустриализации выросли новые, динамичные группы национальной промышленной буржуазии. Количество занятых в обрабатывающей промышленности рабочих удвоилось по сравнению с 1935 г., превысив в 1948 г. 1 млн. человек, главным образом за счет разоренного сельского населения, устремившегося в поисках работы в столицу и другие прибрежные города.

Социально-экономические сдвиги вели и к политическим переменам. Власть традиционной буржуазно-помещичьей олигархии, связанной преимущественно с британским капиталом и рынком, имела узкую социальную базу и все меньше отвечала новым реалиям. Президент Роберто Ортис (1938—1940) пытался привлечь к сотрудничеству основную оппозиционную партию — радикалов (Радикальный гражданский союз — РГС), потеснить наиболее правое крыло правящей консервативной Национально-демократической партии, укрепить конституционный режим. В 1940 г. он отстранил от должности реакционного, профашистски настроенного губернатора провинции Буэнос-Айрес М. Фреско и аннулировал фальсифицированные выборы в провинции. В некоторых провинциях к власти пришли радикалы. Однако в июне 1940 г. Р. Ортис заболел и власть перешла к вице-президенту Р. Кастильо, известному своими реакционными взглядами. Вскоре Ортис умер и Кастильо официально стал президентом. При нем усилилась консервативная направленность правительственной политики, ужесточилось отношение властей к рабочему движению.

В связи с приближением назначенных на сентябрь 1943 г. президентских выборов политическое положение осложнилось. Оппозиционные партии — радикалы, социалисты и коммунисты вступили в переговоры о создании предвыборной коалиции — Демократического альянса. Это делало весьма сомнительными шансы на успех правительственного кандидата-консерватора, крупного латифундиста и сахарозаводчика, англофила Р. Костаса. Пребывая у власти с 1930 г., после свержения Иригойена, консерваторы настолько дискредитировали себя в общественном мнении откровенной защитой интересов проанглийской помещичье-буржуазной олигархии,

что эти годы (1930—1943) вошли в аргентинскую историю под девизом «позорное десятилетие». Но возможность прихода к власти единого кандидата демократической оппозиции с участием в ней коммунистов вызывало опасения и тревогу у определенной части населения, особенно у консервативных и реакционных сил, а также у националистических кругов. В то же время радикалы и социалисты, провозглашая общие антифашистские лозунги и требования защиты демократических свобод, не выдвигали конкретной программы решения назревших социальных и экономических проблем, что вызывало разочарование масс в партиях демократической оппозиции. Коммунисты тоже не смогли занять активной позиции.

Сложные процессы происходили в рабочем движении. Во второй половине 30-х и начале 40-х годов коммунисты стали внушительной силой в основном профцентре страны — Всеобщей конфедерации труда (ВКТ), насчитывавшей 300—350 тыс. членов, и вошли в ее руководство. Правда, преобладание в ВКТ сохраняли реформисты — умеренные синдикалисты и социалисты, контролировавшие крупные федерации железнодорожников, работников торговли, муниципальных служащих и др. Но явное большинство профсоюзов промышленных рабочих и многочисленную федерацию строителей возглавили в эти годы коммунисты. Переход значительной части организованных рабочих, особенно промышленных отраслей, на позиции классовой борьбы также внушал тревогу имущим классам и властям. В то же время в руководстве ВКТ постоянно шла борьба за влияние между различными течениями и группировками профбюрократии. На съезде ВКТ в декабре 1942 г. произошел ее раскол на два профцентра: ВКТ-1, возглавленную синдикалистами, и ВКТ-2, во главе которой были социалисты и коммунисты. Профсоюзное движение Аргентины оказалось расколотым.

В такой обстановке 4 июня 1943 г. в стране произошел военный переворот, радикально изменивший весь последующий ход аргентинской истории. Переворот был подготовлен и осуществлен тайной «Группой объединенных офицеров» (ГОУ) во главе с малоизвестным стране полковником Хуаном Доминго Пероном (1895—1974). К участию в перевороте группа привлекла несколько видных генералов. Один из них, А. Раусон, был провозглашен главой военной хунты, но уже через несколько дней заменен другим генералом — Рамиресом в качестве временного президента. В феврале 1944 г. и он ушел в отставку, уступив пост временного президента генералу Э. Фаррелю (1944—1946), более близкому Перону.

В результате переворота традиционная помещичье-буржуазная олигархия была отстранена от власти. Новое, военное правительство приступило к осуществлению националистической политики в интересах местной промышленной буржуазии с активным вмешательством государства в экономику и социальные отношения. Военные

власти отменили действие конституции, распустили конституционные учреждения, подвергли преследованиям левые и демократические организации, профсоюзы. В первую очередь были репрессированы коммунисты и руководимые ими профсоюзы. Взамен создавались новые профсоюзы под контролем правительства.

Особое значение рабочей политике военного режима придавал организатор переворота полковник Х.Д. Перон (позднее ставший генералом). В ноябре 1943 г. он возглавил секретариат труда и социального обеспечения, наделенный отныне полномочиями министерства. После провозглашения президентом генерала Фарреля Перон занял также посты военного министра и вице-президента, став решающей фигурой в правительстве.

Перон поставил целью создать широкое националистическое движение под своим руководством, которое было бы способно объединить различные классы и социальные слои — от рабочих до крупной промышленной буржуазии. Чтобы сплотить разнородные силы и привлечь трудящихся на свою сторону, Перон выдвинул концепцию «хустисиализма» («справедливости»). «Хустисиализм» проповедовал объединение аргентинской нации во имя ликвидации зависимости и отсталости и построения общества социальной справедливости с участием всех слоев общества, в том числе трудящихся, в экономической и политической жизни республики под эгидой надклассового государства. «Хустисиализм» выдавался за особый, третий, чисто аргентинский путь развития, отличный от капитализма и коммунизма. Перон и его сторонники критиковали империализм и олигархию, объявляли себя защитниками обездоленных. По настоянию Перона началась разработка социального законодательства, учитывавшего чаяния рабочих, были приняты меры по улучшению их положения, вовлекались в новые профсоюзы массы неорганизованных трудящихся. Новым профсоюзам предоставлялись определенные права и льготы, левые же профсоюзы подвергались репрессиям. Постепенно Перону удалось привлечь на свою сторону основную часть трудящихся, которые увидели в нем своего защитника и покровителя, борца за национальные интересы страны. Одновременно Перон заверял предпринимателей, что обеспечит их интересы и превратит профсоюзы в лояльную властям и предпринимателям силу.

В октябре 1945 г. противники Перона в верхних эшелонах власти и общества, обеспокоенные его возвышением и его действиями, при поддержке частей столичного гарнизона сместили и арестовали Перона. В ответ 17 октября многотысячные толпы возбужденных рабочих заполнили площади и улицы столицы и добились освобождения своего кумира, восторженно встреченного толпами народа. Этот день стал датой рождения перонистского движения (перонизма), названного так по имени его основателя и вождя.

Националистический военный режим занял позиции благожелательного нейтралитета в отношении фашистской Германии, видя в ней силу, противостоящую империализму США и Великобритании. Аргентинские националисты симпатизировали фашизму. Сам Перон заимствовал у германского и итальянского фашизма идеи национализма и сильной государственной власти, корпоративизма и антикоммунизма. Но в Аргентине, зависимой от ведущих держав мира, эти идеи приобретали национал-реформистское содержание. Они соединялись с социальной доктриной католицизма, с патерналистско-каудильистскими чертами и популизмом.

США обвиняли Аргентину в связях с Германией и угрожали экономическими санкциями. 26 января 1944 г. правительство Аргентины объявило о разрыве дипломатических отношений с Германией и Японией. Но при правительстве Фарреля—Перона прогерманские симпатии режима усилились, что привело в июне 1944 г. к отзыву из Буэнос-Айреса послов США, Великобритании и почти всех латиноамериканских республик. США предприняли в отношении Аргентины экономические меры (отказ в помощи по ленд-лизу, замораживание аргентинского золота в американских банках и др.). Аргентина не была приглашена на Чапультепекскую конференцию, которая 7 марта 1945 г. потребовала от имени всех американских государств, чтобы Аргентина порвала с державами «оси» и объявила им войну. Стремясь выйти из международной изоляции и ввиду очевидной близкой капитуляции Германии, правительство Аргентины 27 марта 1945 г. наконец присоединилось к решениям Чапультепекской конференции и объявило войну Германии и Японии. Это привело к восстановлению нормальных отношений Аргентины с США и другими американскими государствами и позволило ей воспользоваться выгодами принадлежности к коалиции стран-победителей, не затратив практически никаких усилий для победы Объединенных Наций. После войны правительство Аргентины дало приют многим тысячам бежавших от возмездия из Европы германских нацистов.

В новой, послевоенной ситуации, упрочив свои позиции, правительство Фарреля—Перона пошло на либерализацию режима власти. В августе 1945 г. были освобождены политзаключенные и объявлено о восстановлении демократических свобод и легальной деятельности политических партий. Началась подготовка к всеобщим выборам. Перон выставил свою кандидатуру в президенты. Все противники Перона — от консерваторов до коммунистов — объединились вокруг кандидата от радикалов в Демократический альянс. Госдепартамент и посольство США также развернули пропагандистскую кампанию против Перона. На выборах 24 февраля 1946 г. Перон, выступив практически один против всех традиционных политических партий, одержал, к изумлению многих, решительную

победу, получив 54 % голосов. Демократический альянс набрал 46 %. За Перона проголосовало подавляющее большинство трудящихся. Поддержку Перону оказал и национальный промышленный капитал. Большая часть средних и мелкобуржуазных слоев и консервативные группы населения проголосовали за Демократический альянс.

5 июня 1946 г. генерал Хуан Доминго Перон занял пост президента республики, на котором оставался более 9 лет (в 1952 г. переизбран на второй срок), установив фактически авторитарный режим.

Правительство Перона (1946—1955) выкупило у иностранных компаний и национализировало железные дороги, телефон, Центральный банк, некоторые другие компании и предприятия. Больше всего от национализации пострадали британские корпорации. В целом иностранные капиталовложения уменьшились более чем вдвое (до 1,5 млрд. долл. в 1955 г.). Первое место в иностранных инвестициях перешло от Великобритании к США. Перонистское правительство разработало пятилетний план экономического развития, построило ряд государственных предприятий, шоссейных дорог, стимулировало национальный капитал. Удельный вес государственного сектора в экономике Аргентины вырос до 15—18 %.

Были приняты меры по колонизации пустующих земель, но они имели ограниченные масштабы (было колонизовано менее полумиллиона гектаров государственных и частных земель). Перон не решился всерьез затронуть крупных землевладельцев: слишком тесно капиталистическое развитие Аргентины было связано с господством в сельском хозяйстве агроэкспортного латифундизма.

Правительство Перона повысило заработную плату рабочим, ввело всеобщее пенсионное обеспечение, оплачиваемые отпуска, запретило детский труд, открыло дома отдыха для рабочих. В то же время продолжали подвергаться преследованиям левые активисты рабочего движения, участники забастовок. Национальный профцентр страны — Всеобщая конфедерация труда (ВКТ), снова единый, всецело был в руках перонистов. Все трудящиеся предприятий поголовно включались в профсоюзы. Численность ВКТ увеличилась за несколько лет с 350 тыс. до 3 млн. человек, превратившись в могучую опору перонизма. Представители ВКТ — перонисты входили в правительство, заседали в Национальном конгрессе, в разного рода производственных комиссиях.

Чрезвычайной популярностью среди трудящихся пользовалась молодая и привлекательная жена президента Ева Перон, возглавившая женскую перонистскую организацию и «Фонд Евы Перон» — фонд сборов и пожертвований в помощь рабочим. Фонд сосредоточил большие средства, которые расходовались на строительство жилищ и домов отдыха для рабочих. Яркие, темпераментные выступления Евы Перон привлекали огромные толпы народа. В июле

1952 г. в возрасте 32 лет Ева умерла от рака. В стране был объявлен 30-дневный траур, еще при ее жизни были приняты законы о строительстве ей памятника и обязательном изучении в школах ее книги «Смысл моей жизни». Столица провинции Буэнос-Айрес город Ла-Плата был переименован в город Ева Перон¹.

Важнейшей составной частью и опорой режима стала созданная в 1947 г. Перонистская партия. В нее были включены автономные друг от друга и подчиненные верховному вождю Перону ВКТ, профессиональные, женские и молодежные организации.

В марте 1949 г. была провозглашена новая конституция в духе хустициалистской доктрины, декларировавшая право трудящихся на труд, на «справедливое распределение», охрану здоровья, социальное обеспечение, право на организацию и защиту своих профессиональных интересов. Конституция объявляла национальные богатства неотчуждаемой собственностью Аргентины. Декларировались демократические свободы, предоставлялись избирательные права женщинам, но чрезвычайно расширялись полномочия президента. Он имел право на неограниченное переизбрание, мог приостанавливать действие конституционных гарантий и объявлять незаконной деятельность неугодных режиму партий и организаций.

Во внешней политике Перон стремился укрепить суверенитет страны, пытаясь использовать межимпериалистические противоречия и противоречия между США и СССР. Через день после вступления в должность президента Перон 6 июня 1946 г. установил дипломатические отношения с СССР и в дальнейшем развивал с ним торговые и экономические связи. По обвинению во вмешательстве во внутренние дела Аргентины были высланы некоторые американские дипломаты. Перон добивался создания союза государств Южного конуса, чтобы расширить влияние Аргентины в этом районе и успешнее противостоять давлению США.

Репрессии и утверждение гегемонии перонистов в рабочем движении Аргентины в середине 40-х годов сильно ослабили позиции социалистов и коммунистов в рабочих организациях. Этому способствовали и ошибки обеих партий, отождествлявших перонизм с фашизмом и ради борьбы с ним пошедших на союз и совместные действия с дискредитировавшими себя в глазах масс традиционными буржуазными партиями. Только в августе 1946 г., с большим запозданием, на своем XII съезде компартия выдвинула курс на сотрудничество с трудящимися-перонистами. Оставшиеся еще под влиянием коммунистов профсоюзы были распущены и их члены вступили в перонистские профсоюзы. Внутри ВКТ коммунисты выступили против подчинения рабочих организаций правительству, против гегемонии перонистской профбюрократии. Социалистическая

¹ После свержения Перона прежнее название города было восстановлено.

партия, прежде одна из крупнейших в стране, превратилась в маловлиятельную организацию. Многие бывшие социалисты и синдикалисты перешли в ряды перонистов. Из противников перонизма только Радикальный гражданский союз (радикалы) сохранил влияние в средних и мелкобуржуазных слоях города и деревни, особенно среди студенчества и либеральной интеллигенции, хотя и он понес потери.

На рубеже 50-х годов начавшееся ухудшение внешнеэкономической конъюнктуры ограничило возможности продолжения широкой социальной политики. Поднялись цены, предприниматели усиливали интенсификацию труда. Рабочие ответили забастовками. В 1949 г. бастовали печатники, рабочие сахарной промышленности. С ноября 1950 г. по август 1951 г. бастовали 220 тыс. железнодорожников. Правительство ввело военное положение на железных дорогах, провело аресты и увольнения. Такие действия подрывали престиж режима среди рабочих. На какое-то время Перону удалось сбить волну забастовок. В некоторых случаях он заставил предпринимателей уступить рабочим. Но с 1954 г. забастовочное движение вновь стало расти.

Экономические затруднения и оживление рабочего движения усилили сомнения господствующих классов в способности перонистского режима обеспечить стабильность в стране. Многие группировки аргентинской буржуазии, укрепив с помощью режима свое положение, теперь все более тяготились «опекой» правительства и отходили от поддержки Перона и его внушавших опасения социальных экспериментов с рабочим классом. На сторону правой оппозиции перешла часть военных, недовольных возросшей ролью рабочих организаций. Авторитарный перонистский режим вызвал недовольство и в либеральных, демократически настроенных кругах. В 1954—1955 гг. обострились отношения Перона с католической церковью, прежде его поддерживавшей.

Растущей изоляцией Перона воспользовались его консервативные противники. 16 июня 1955 г. вспыхнул мятеж в военно-морских силах, окончившийся неудачей. 16 сентября начался новый военный мятеж в Кордове, возглавленный генералом Лонарди. Рабочие выражали готовность выступить с оружием в руках против мятежников. Подобную попытку они уже предприняли в июне. Но Перон не решился на вовлечение трудящихся в вооруженную борьбу и, опасаясь гражданской войны с непредсказуемыми последствиями, отказался от сопротивления. 20 сентября он бежал в соседний Парагвай.

Сентябрьский переворот 1955 г., официально названный «освободительной революцией», привел к власти военное правительство во главе с временным президентом генералом Лонарди, которого в ноябре того же года сменил другой генерал — Эухени Арамбурю

(ноябрь 1955 — май 1958). Новое правительство защищало интересы отстраненных Пероном от власти консервативных кругов имущих классов. Сразу после переворота Аргентина вступила в Международный валютный фонд и в Банк реконструкции и развития, приняла план поощрения иностранных капиталовложений, усилилось сотрудничество с США. В мае 1956 г. была отменена конституция 1949 г. Запретив Перонистскую партию, правительство Арамбуру ввело военный контроль над профсоюзами, приостановив деятельность ВКТ. Многие из профсоюзных руководителей были брошены в тюрьмы. Началась политика наступления на права и условия жизни трудящихся.

Бразилия. Послевоенный национал-реформизм в Бразилии явился продолжением и развитием в более либеральных и демократических формах соответственно изменившимся условиям националистической политики периода «нового государства» Жетулио Варгаса (1937—1945). «Импортозамещающая индустриализация», стимулируемая «новым государством», привела к быстрому росту промышленного производства в Бразилии (к 1955 г. в 3 с лишним раза по сравнению с 1938 г.). К 50-м годам на долю Бразилии приходилось $\frac{1}{6}$ промышленной продукции Латинской Америки (третье место после Аргентины и Мексики). За 40-е годы число промышленных рабочих увеличилось с 0,8 млн. до 1,3 млн. человек. Около полумиллиона из них было сосредоточено в Сан-Паулу. Наиболее быстро росли молодые отрасли промышленности. В 1941 г. началось строительство металлургического комбината «Волта Редонда», в 1942—1945 гг. построен завод авиамоторов, началось строительство гидроэлектростанций. Высокого уровня достигла концентрация труда. В 1950 г. на 323 предприятиях с персоналом свыше 500 человек на каждом было занято 26 % промышленных рабочих. Общее количество лиц наемного труда достигало 8,7 млн. человек — половина экономически активного населения. Все население Бразилии в 1950 г. равнялось 52 млн. человек — около 30 % латиноамериканцев. В результате активного вмешательства правительства Варгаса в экономику роль государства в ее развитии была велика. В послевоенные годы на долю государства приходилось от $\frac{1}{6}$ до $\frac{1}{3}$ валовых капиталовложений.

Тем не менее сельскохозяйственное производство еще преобладало. В нем в 1950 г. было занято 60 % экономически активного населения (10 млн. чел.), тогда как в промышленности — 13 %. Сельскохозяйственный пролетариат насчитывал 3,8 млн. человек. Более половины угодий принадлежало 32,6 тыс. помещиков (хозяйства свыше 1 тыс. га), а 460 тыс. беднейших собственников (до 5 га) владели лишь 0,5 % угодий. Уровень жизни основных масс населения оставался довольно низким. Национальный доход на душу населения в Бразилии был гораздо ниже среднего по Латинской Америке. Более половины населения было неграмотно.

В годы «нового государства» было разработано трудовое законодательство, сведенное воедино в 1943 г. и содержавшее положения о 8-часовом рабочем дне, минимуме заработной платы, оплачиваемых отпусках, социальном страховании, пенсиях, коллективных договорах. Профсоюзы были подчинены контролю властей и имели преимущественно корпоративный характер (единые организации на предприятиях с участием рабочих и предпринимателей). Запрещались забастовки и участие профсоюзов в политической борьбе.

В 1939—1941 гг. правительство Варгаса проводило политику лавирования между США и Германией, хотя присоединилось к решениям консультативных совещаний в Панаме (1939) и Гаване (1940). Среди высшего офицерства были сильны прогерманские настроения. Как и национализм Перона, национализм Варгаса имел некоторые исходные позиции, заимствованные от европейского фашизма, хотя с самого начала отличался от фашизма тем, что в Бразилии, как и в Аргентине, речь шла о национализме зависимой нации, с национал-реформистской направленностью. После вступления в войну США и стран Центральной Америки и совещания в Рио-де-Жанейро Бразилия заняла более определенную позицию, разорвав 27 января 1942 г. дипломатические отношения с державами «оси», а 22 августа того же года объявив им войну. К участию в войне Бразилию побудили и нападения германских подводных лодок на ее суда, в результате чего было потоплено 5 бразильских судов и погибло 600 человек. Бразилия приняла непосредственное участие в военных действиях в Европе в 1944—1945 гг. на итальянском фронте.

В феврале 1945 г. президент Ж. Варгас отказался от диктаторских методов правления и объявил о введении демократических свобод. В апреле была осуществлена амнистия политзаключенных, установлены дипломатические отношения с СССР. Возникли различные политические партии, вышли из подполья коммунисты.

В марте 1945 г. Варгас основал собственную Трабальстскую (Рабочую) партию, ведущее положение в которой заняли националистические круги средней и мелкой буржуазии и профсоюзная бюрократия, сформировавшиеся в период режима «нового государства». Массовой базой Трабальстской партии стали городские низы, рабочие, часть средних слоев. Партия призвала к национальному единству на основе сотрудничества классов, к защите национальной экономики и природных ресурсов, укреплению государственного сектора, улучшению положения трудящихся.

Недовольные курсом Варгаса и его обращением к трудящимся буржуазно-консервативные силы с помощью военной верхушки 29 октября 1945 г. добились его отстранения от власти после 15-летнего правления. На президентских выборах 2 декабря 1945 г. победил маршал Э.Г. Дутра, бывший военный министр при Варгасе, кандидат

от умеренной буржуазной Социал-демократической партии¹. 31 января 1946 г. он занял пост президента республики на 5-летний срок (1946—1951).

Одновременно с президентскими выборами состоялись выборы в Учредительное собрание, которое разработало и приняло 18 сентября 1946 г. новую конституцию. Конституция провозглашала демократические свободы, право трудящихся на 8-часовой рабочий день и другие уже санкционированные трудовым кодексом 1943 г. социальные завоевания, а также право на забастовку и коллективные договоры. Утверждалось право государства на защиту природных богатств, национализацию и контроль за деятельностью иностранных монополий.

В 1945 г. стала легальной компартия. Влияние коммунистов быстро выросло. Численность компартии в 1945—1947 гг. увеличилась с 3—4 тыс. человек до 150 тыс. На президентских выборах в декабре 1945 г. ее кандидат получил 10 % голосов. 14 коммунистов были избраны депутатами Национального конгресса, а лидер партии Луис Карлос Престес — сенатором. В сентябре 1946 г. под руководством коммунистов была создана Конфедерация трудящихся Бразилии, объединившая значительную часть профсоюзов.

С наступлением «холодной войны» правительство Дутры начало репрессии против левых сил. В мае 1947 г. были запрещены компартия и Конфедерация трудящихся Бразилии, мандаты коммунистов в представительных учреждениях аннулированы. Начались аресты. В октябре 1947 г. были разорваны дипломатические отношения с СССР.

Правительство Дутры перешло к политике поощрения иностранного капитала и тесного сотрудничества с Соединенными Штатами. Прямые капиталовложения США в Бразилии увеличились с 212 млн. долл. в 1946 г. до 803 млн. в 1951 г., превысив половину всех иностранных инвестиций в стране. В сентябре 1947 г. Бразилия стала активным участником военного Договора Рио-де-Жанейро на конференции в ее столице.

Политика правительства Дутры вызвала недовольство трудящихся и националистически настроенных слоев населения. В 1947—1950 гг. ежегодно бастовали 200—250 тыс. человек. Оппозиция сплотилась вокруг лидера трабалистов Ж. Варгаса, победившего на президентских выборах 1950 г. Правительство Варгаса (январь 1951 — август 1954 г.) возобновило национал-реформистский курс. В Бразилии развернулась массовая кампания в защиту природных богатств. Популярным стало требование: «Бразильская нефть — для бразильцев!» Борьба по вопросу о нефти разгорелась в конгрессе.

¹ В данном случае такое название приняла буржуазная партия, не имевшая отношения к социал-демократическому движению.

3 октября 1953 г. Варгас подписал закон о создании государственной компании «Петробраз» («Бразильская нефть»), получившей монопольные права на разведку, добычу и переработку нефти. В 1954 г. он представил законопроект о создании аналогичной государственной электроэнергетической компании («Электробраз»), предложил ввести дополнительные налоги на сверхприбыли иностранных корпораций. Был ограничен вывоз прибылей из страны.

В годы президентства Варгаса усилилась борьба рабочих и служащих за улучшение своего положения. Число бастующих в 1953 г. превысило 800 тыс. человек, а в 1954 г. — 1,2 млн. Правительство Варгаса шло на уступки — повысило минимум заработной платы, расширило права профсоюзов, в которых преобладали трабальисты. Но компартия оставалась нелегальной.

Национал-реформистская политика Варгаса, рост антиимпериалистического и рабочего движения вызвали противодействие правых сил и империалистических кругов. 24 августа 1954 г. генералы-заговорщики потребовали отставки президента. Не желая уступать и в то же время не рискуя обратиться к народу за поддержкой, Варгас покончил жизнь самоубийством. В предсмертном письме он обвинил в заговоре международные и местные финансово-экономические группы.

Завещание Варгаса вызвало волну народных выступлений против реакции и империализма. 2 сентября 1954 г. состоялась забастовка 1 млн. трудящихся штата Сан-Паулу с экономическими и политическими требованиями. Правые силы не решились на установление диктатуры. Были объявлены новые президентские выборы, состоявшиеся в октябре 1955 г. На них победил кандидат буржуазной Социал-демократической партии Жуселино Кубичек, поддержанный трабальистами — последователями Варгаса. Кубичек обещал отстаивать конституционные и демократические свободы, защищать национальные интересы и права трудящихся. В ноябре 1955 г. правые предприняли попытку аннулировать избрание Кубичека и закрепиться у власти. Но эта попытка окончилась неудачей благодаря действиям демократических сил, поддержанных лояльными конституции воинскими частями. 31 января 1956 г. Кубичек вступил в должность президента.

Между националистическими движениями Перона и Варгаса и в их реформистской политике было много общего. Их объединяло стремление превратить трудящихся в свою массовую опору. Но удельный вес организованного рабочего движения в перонизме и в общественно-политической жизни Аргентины был большим. Оба правительства в середине 50-х годов были свергнуты, но их политика оставила заметные последствия, а Перонистская и Трабальистская партии сохранили влиятельную роль в политической жизни.

Развитие Чили и Кубы в 40-е — первой половине 50-х годов имело свои особенности. Национал-реформистские тенденции здесь проявлялись в политике радикалов в Чили и «аутентиков» на Кубе в 40-е годы, но выражены они были слабее, чем в Мексике и других странах. Национал-реформистские и популистские черты можно обнаружить в Чили у Ибаньеса в 1952—1958 гг., но далеко не в такой степени, как в Аргентине и Бразилии. Кубу и Чили 40-х годов отличали влиятельные позиции левых сил, коммунистов в рабочем движении и в политической жизни. В Чили блок демократических сил стоял у власти. В обеих республиках коммунисты, правда, очень недолго, входили в правительство. Конец 40-х — начало 50-х годов и в Чили, и на Кубе характеризовались, как и в большинстве стран региона, усилением реакции, преследованиями коммунистов, поражениями и ослаблением левых сил. В дальнейшем в Чили возродилось на новой основе единство левых сил, на Кубе обострение социально-политического кризиса привело сначала к установлению диктаторского режима, а затем к назреванию революционных событий. В ходе этих процессов в обеих странах складывались предпосылки для возникновения двух наиболее значительных в истории Латинской Америки 50—70-х годов революционных всплесков, каждый из которых дал особый вариант развития революционного процесса и имел широкие отклики и важные последствия.

Чили. В результате «импортзамещающей индустриализации» объем продукции обрабатывающей промышленности Чили с 1938 по 1958 г. вырос в 2,4 раза. Наметились сдвиги в ее структуре: С помощью государства и, в частности, созданной в 1939 г. правительством Народного фронта Корпорации развития (КОРФО) были заложены основы тяжелой промышленности. В 1950 г. вступила в строй первая очередь государственного металлургического комбината Уачипато, была создана государственная нефтяная компания (ЭНАП), получившая монопольное право на разведку, добычу и переработку нефти. Производство электроэнергии за 20 лет (до 1958 г.) возросло в 5,5 раза. Получила развитие химическая промышленность. Постепенно складывалась чилийская промышленно-финансовая монополистическая верхушка. Под ее контролем оказались важнейшие банки, страховые компании, добыча угля, производство цемента. Она захватила ведущие позиции в ряде отраслей легкой и пищевой промышленности. Наряду с этим был довольно высок удельный вес мелких и средних предприятий и число их возросло.

Основная отрасль чилийской экономики — добывающая промышленность — не получила заметного дальнейшего развития. Общая ее продукция с 1938 по 1958 г. увеличилась всего на 20 %. Добыча меди, контролирувавшаяся американским капиталом, после войны

сократилась и не росла до середины 50-х годов. Это сказалось на общих темпах роста промышленного производства, оказавшихся ниже средних по региону.

В состоянии застоя пребывало сельское хозяйство, где по-прежнему господствовал латифундизм. В 1955 г. 3250 помещиков (немногим более 2 % хозяйств) владели 20,3 млн. га земли (73 % сельскохозяйственных угодий), а 55,8 тыс. мелких землевладельцев (37 % хозяйств) — всего 78 тыс. га (0,3 % угодий). Значительными были докапиталистические пережитки кабальных форм найма. Удельный вес сельского хозяйства в валовом национальном продукте сократился (в среднем за год) с 18,2 % в 1946—1950 гг. до 13,2 % в 1956—1960 гг. (на долю промышленности приходилось более 20%). Стагнация сельскохозяйственного производства при росте населения с 5,1 млн. человек в 1940 г. до 7,7 млн. в 1960 г. вела к увеличению импорта аграрной продукции.

Развитие обрабатывающей промышленности и других несельскохозяйственных отраслей при одновременном застое в деревне привело к росту городского населения с 51 % в 1940 г. до 66 % в 1960 г. Для Чили послевоенного периода был характерен высокий удельный вес наемного труда — 70 % экономически активного населения (1950 г.). В промышленности (без кустарного производства) в 1950 г. было занято 380 тыс. рабочих и служащих. Еще около 200 тыс. наемных трудящихся было занято в строительстве, электроэнергетике, на транспорте. Пролетарские и полупролетарские массы в деревне достигали почти полумиллиона. Общая численность чилийского рабочего класса в 1950 г. превысила 1 млн. человек, а в 1960 г. — 1,2 млн., что составляло половину экономически активного населения.

В политической жизни Чили в годы второй мировой войны тенденция к широкому единству левых и демократических сил преобладала. Этому способствовало выдвижение на первый план общедемократических задач. Нападение Германии на Советский Союз 22 июня 1941 г. и складывание антифашистской коалиции привели к переориентации чилийской компартии на общедемократические и антифашистские цели борьбы и создали почву для нового сближения позиций социалистов и радикалов с коммунистами. Смерть президента Педро Агирре Серды в ноябре 1941 г. поставила в повестку дня новые президентские выборы, что ускорило практические шаги к восстановлению Народного фронта. В январе 1942 г. он был воссоздан под названием Демократического альянса. Помимо партий прежнего Народного фронта (радикалы, социалисты, коммунисты, демократы) в Альянс вошла и часть либералов. Кандидат Демократического альянса умеренный радикал Хуан Антонио Риос на выборах 1 февраля 1942 г. получил большинство голосов и со 2 апреля стал президентом Чили (1942—1946).

Программа Демократического альянса предполагала продолжение общего курса Народного фронта: укрепление демократии, развитие национальной экономики, улучшение положения трудящихся, участие в борьбе против фашизма на мировой арене. Однако правительство Х.А. Риоса не спешило выполнять программу, медлило с присоединением к антифашистской коалиции, стремясь использовать материальные выгоды нейтралитета. Лишь в январе 1943 г. под давлением масс и по настоянию США оно разорвало дипломатические отношения со странами «оси». В декабре 1944 г. были установлены дипломатические отношения с Советским Союзом. И только в феврале 1945 г. Чили наконец объявила войну Германии и Японии. В годы войны усилилось экономическое сотрудничество с США, для которых Чили была важным поставщиком стратегического сырья (медь, селитра).

Парламентские выборы в марте 1945 г. показали ослабление позиций Демократического альянса и рост влияния правых партий — консерваторов и либералов. Укрепившая свое положение национально-промышленно-финансовая буржуазия все больше склонялась к сохранению статус-кво и к отказу от дальнейших реформ. Недовольная этим социалистическая партия в 1945 г. вышла из Демократического альянса, объявив об отказе от союза с радикалами и другими буржуазными партиями. Попытка выработать новый курс сопровождалась усилением фракционной борьбы в социалистической партии и ее расколом. Компартия осталась в рядах Альянса.

В январе 1946 г. в связи с болезнью президента Риоса его полномочия были переданы согласно конституции министру внутренних дел¹ правому радикалу А. Дуальде. Последний предпринял репрессии против забастовочного движения в селитряной зоне. 28 января 1946 г. был расстрелян митинг трудящихся в столице. Ответом стала 300-тысячная забастовка протеста. Обострение обстановки побудило участников Демократического альянса активизировать свою деятельность. В июне 1946 г. состоялся конвент (съезд) Демократического альянса с участием радикалов, коммунистов, демократов и небольшой фракции социалистов. Новая программа Альянса требовала расширения демократических свобод, предоставления избирательных прав женщинам, установления государственной собственности на нефтяные месторождения, электростанции, страховые компании, коммунальные услуги, решения аграрного вопроса, развития народного образования.

После смерти Риоса (июль 1946 г.) в Чили 4 сентября 1946 г. состоялись новые президентские выборы, на которых победил

¹ В Чили, в отличие, например, от Аргентины, пост вице-президента отсутствовал и вторым после президента лицом и его заместителем в случае необходимости являлся министр внутренних дел.

кандидат Демократического альянса радикал Рафаэль Гонсалес Видела. Он получил 40 % голосов и уверенно опередил следующего за ним по числу голосов (29 %) кандидата консерваторов. 3 ноября 1946 г. новый президент Р. Гонсалес Видела (1946—1952) сформировал правительство Демократического альянса с участием радикалов, либералов и коммунистов. Впервые в истории Чили в правительство вошли три министра-коммуниста. Ключевые посты в правительстве заняли радикалы. Министры-коммунисты добились издания декретов об экспроприации некоторых крупных латифундий, национализации двух железных дорог, введения государственной монополии на торговлю пшеницей и мукой. Они попытались добиться также создания государственного банка, ограничения привилегий американских меднорудных компаний, повышения налогов на крупный местный и иностранный капитал, улучшения положения горняков, закона о создании профсоюзов сельскохозяйственных рабочих. Но по этим вопросам коммунисты натолкнулись на противодействие в правящих кругах.

Влияние коммунистов быстро росло. Численность компартии с 10 тыс. человек до войны к концу 1946 г. увеличилась до 50 тыс. Стоявшая на левых позициях Конфедерация трудящихся Чили (КТЧ) насчитывала почти 400 тыс. членов. Ее генеральным секретарем к этому времени вместо правого социалиста Бернардо Ибаньеса стал коммунист Бернардо Арайя. На муниципальных выборах в апреле 1947 г. компартия получила 91 тыс. голосов (16,5 %), опередив остальные партии.

Участие коммунистов и их активность в правительстве, особенно их успех на выборах, внушили беспокойство правым и умеренным силам. Все более давала себя знать «холодная война». Либералы потребовали удаления коммунистов из правительства и сами вышли из него, пока коммунисты оставались на министерских постах. США отказывали в предоставлении экономической помощи Чили, если коммунисты не будут изгнаны из правительства. 16 апреля 1947 г. президент Г. Гонсалес Видела удалил министров-коммунистов из правительства. Был сформирован новый кабинет — «национальной концентрации» — в составе радикалов, либералов и консерваторов. Это был крутой поворот в политике президента и Радикальной партии, пошедшей на союз с правыми партиями.

Новое правительство начало репрессии против рабочего движения, руководимого коммунистами. В октябре 1947 г. было введено чрезвычайное положение. 21 октября отдано распоряжение об аресте руководителей компартии и профсоюзных активистов. Многие из них были сосланы на север, в Писагуа, где был оборудован концлагерь. Часть из них погибла. Забастовочное движение горняков было подавлено. Правительство Гонсалеса Виделы явилось одним из инициаторов военного Договора Рио-де-Жанейро (сентябрь 1947 г.)

21 октября 1947 г. оно разорвало дипломатические отношения с СССР. В апреле 1948 г. Гонсалес Видела внес законопроект «О защите демократии», вступивший в силу 2 сентября 1948 г. По этому закону объявлялась вне закона компартия и запрещалась Конфедерация трудящихся Чили.

Правительство Чили стало поощрять иностранный капитал. Американские компании, хозяйничавшие в горнодобывающей промышленности, получили новые концессии в этой отрасли и в обрабатывающей промышленности. В 1948 г. иностранные инвестиции в Чили составляли 793 млн. долл., из них 536 млн. (68 %) были американскими. В 1953 г. иностранные капиталовложения достигли 1020 млн. долл., из которых на долю США приходилось 813 млн. (80 %). Более половины экспорта Чили направлялось в США. Всего за 1946—1952 гг. американские медные и селитряные компании в Чили получили около 470 млн. долл. прибыли. В то же время добыча меди была ими значительно уменьшена. Это ухудшило финансовое положение республики, способствовало инфляции и девальвации песо, курс которого упал с 34,4 песо за 1 доллар в 1946 г. до 134 песо в 1952 г. В апреле 1952 г. Гонсалес Видела заключил с США двусторонний договор о взаимопомощи и совместной обороне.

Вместе с тем правительство Гонсалеса Виделы, объявив о начале «эры промышленной революции», продолжало стимулировать индустриализацию Чили с активным участием государства. Именно в президентство Г. Виделы были заложены основы чилийской металлургии и нефтяной промышленности, развивались электроэнергетика, отрасли обрабатывающей промышленности.

Правительственные преследования нанесли большой урон рабочему и демократическому движению, компартии Чили. События 1947 г. знаменовали конец Демократического альянса и в целом длительного периода политики Народного фронта. Она себя исчерпала. Чилийская промышленная буржуазия и широкие либеральные круги общества уже достаточно укрепили свои позиции и больше не нуждались в союзе с рабочим классом и левыми партиями. Их пугала растущая роль левых сил. Это было подоплекой резкого поворота руководства Радикальной партии от союза с левыми к антикоммунизму и блокированию с правыми буржуазными партиями консерваторов и либералов.

С 1949 г. намечается оживление рабочего движения. 17 августа в Сантьяго, Вальпараисо и других городах прошли демонстрации против повышения платы за проезд в городском транспорте. Войска и полиция разогнали демонстрантов, были убитые и раненые. Но повышение платы было отменено. В 1949—1950 гг. бастовали горняки, текстильщики, работники транспорта, портовые рабочие, государственные служащие. В конце 1949 г. был создан Националь-

ный комитет борьбы против роста цен и репрессивных законов и представителей профсоюзов рабочих и служащих, студентов. Правительство пошло на некоторые уступки. Были освобождены 200 профсоюзных руководителей. 1 мая 1951 г. созданный накануне Постоянный комитет единства действий рабочих и служащих организовал 60-тысячную демонстрацию под лозунгами единства трудящихся, улучшения условий труда, защиты национальных богатств, национализации меди, отмены репрессивного законодательства и освобождения политических заключенных. 27 июля 1951 г. состоялась всеобщая забастовка против роста стоимости жизни и политических преследований. В забастовке участвовало 800 тыс. человек. Вся страна оказалась парализованной. Правительство уступило рабочим, были разрешены свободные выборы в профсоюзах. В сентябре 1952 г. издан закон об амнистии политзаключенным. Легализованы профсоюзы. Компартия явочным порядком вышла из подполья, хотя закон «О защите демократии» отменен не был и юридически она оставалась под запретом.

Союз руководства радикалов с правыми буржуазными партиями подорвал позиции Радикальной партии среди населения. Число голосов за нее на парламентских выборах уменьшилось с 21,7 % в 1949 г. до 13,3 % в 1953 г.

Социалистическая партия в 1946 г. раскололась на две партии. Большинство ее членов объединились в Народно-социалистическую партию (НСП), резко выступившую против радикалов и правительства Гонсалеса Виделы, за классовую борьбу. НСП выдвинула лозунг создания Фронта трудящихся с участие только рабочих партий и с программой революционных социальных преобразований, которые должна была осуществить «диктатура трудящихся». Более умеренное крыло социалистов создало свою партию под прежним названием — Социалистическая партия (СП). В ней развернулась борьба между реформистами — сторонниками сотрудничества с правительством Гонсалеса Виделы на антикоммунистической платформе (группировка лидера партии Бернардо Ибаньеса) и противниками такого сотрудничества, выступившими за союз с коммунистами и другими оппозиционными правительству левыми и демократическими партиями. Эта борьба закончилась в 1951 г. победой второго течения и изгнанием группы Б. Ибаньеса из соцпартии. Значительное влияние в Социалистической партии приобрели сенатор Сальвадор Альенде и его сторонники, отстаивавшие курс на сближение с коммунистами и создание союза левых сил. Это позволило сделать первый шаг на пути к такому союзу: в ноябре 1951 г. на основе союза Социалистической и Коммунистической партий был образован Фронт народа, кандидатом от которого на президентских выборах 1952 г. был выдвинут социалист Сальвадор Альенде (1908—1973), медик по образованию, один из учредителей соцпартии в 1933 г., в

1939—1942 гг.— министр здравоохранения в правительствах Народного фронта и Демократического альянса, с 1945 г.— сенатор.

Народно-социалистическая партия (НСП) предпочла поддержать «независимого» кандидата в президенты, бывшего в 1927—1931 гг. правителем страны, генерала Карлоса Ибаньеса дель Кампо, которому в 1952 г. было 75 лет. К. Ибаньес дель Кампо выступил против буржуазных партий, с национал-реформистских позиций защиты природных богатств, с обещаниями провести аграрную реформу, отменить закон «О защите демократии» и военный договор с США. Он обещал сотрудничать с рабочими организациями. К. Ибаньес апеллировал ко всем недовольным политикам традиционных партий, призывая к созданию нового народного большинства, представляя себя в роли национального вождя. В обстановке разочарования народных масс в политике правящих партий и в условиях, когда рабочее движение и левые силы еще не вполне оправались от репрессий и были расколоты, кандидатура генерала К. Ибаньеса, пытавшегося подражать Перону, привлекла к себе надежды многих. НСП решила поддержать Ибаньеса, не видя иной реальной возможности нанести поражение радикалам и другим буржуазным партиям и надеясь в дальнейшем повлиять на политику «беспартийного» генерала, хотя это было явное отклонение от линии Фронта трудящихся в угоду конъюнктурным целям.

На президентских выборах 4 сентября 1952 г. Карлос Ибаньес дель Кампо победил, набрав 48,7 % голосов и далеко опередив конкурентов. Сальвадор Альенде получил всего 51 тыс. голосов (5,3 %). В условиях, когда недавно созданный Фронт народа объединил лишь небольшую фракцию левых сил, включая еще нелегальную компартию, а широкие слои народа устремились за Ибаньесом, на большее надеяться было трудно.

Политике правительства К. Ибаньеса (1952—1958) были присущи некоторые национал-реформистские черты. Оно старалось укреплять дальше позиции крупного национального капитала, поощрять промышленный прогресс, дополнить сотрудничество с США растущими связями с западноевропейскими странами и Японией. Ибаньес в 1953 г. предпринял попытку сблизиться с Пероном. Он подписал договор о сотрудничестве с Аргентиной, развивал отношения с другими латиноамериканскими республиками, выдвинул проект совместного финансирования экономического развития стран региона без прямого участия США. Но военное сотрудничество с США продолжалось, позиции иностранного капитала не были затронуты. Обещание аграрной реформы осталось на бумаге.

К. Ибаньес попытался привлечь профсоюзы к сотрудничеству с правительством и подчинить их своему влиянию. Но в этом он не преуспел. Левые силы имели прочные позиции в профсоюзном движении и сумели отстоять независимую линию рабочих

организаций, тем более что правительство не приняло эффективных мер в пользу трудящихся. Правительство Ибаньеса не смогло остановить инфляцию и рост дороговизны, принявших при нем большие масштабы, чем прежде. Инфляция увеличилась с 21,6 % в 1952 г. до 76,3 % в 1955 г. На рост забастовок правительство ответило применением силы, чем еще более восстановило против себя трудящихся. Ибаньес не спешил с отменой закона «О защите демократии» и с восстановлением легального статуса компартии.

Рабочее движение нарастало. В 1947—1950 гг. в среднем ежегодно бастовало 44,6 тыс. человек, в 1951—1954 гг. — 109,5 тыс., а в 1955 г. — 127 тыс. (не считая всеобщих забастовок). В феврале 1953 г. в Сантьяго на съезде чилийских профсоюзов был создан Единый профцентр трудящихся (КУТ) Чили, объединивший подавляющее большинство организованных рабочих и служащих (более 300 тыс. человек, затем его численность еще более возросла) на основе классовых принципов. В единый профцентр входили трудящиеся разных политических тенденций, но преобладали в нем и в его руководстве действовавшие совместно коммунисты и социалисты.

Успехи в объединении рядов рабочего движения стимулировали его дальнейшее развитие и придали ему внушительный вес в жизни страны. Под руководством КУТ и при поддержке левых партий 17 мая 1954 г. состоялась 24-часовая всеобщая забастовка с участием 700 тыс. человек с требованиями повышения заработной платы, национализации меди, аграрной реформы, отмены закона «О защите демократии». Правительство вступило в переговоры с КУТ, была повышена зарплата некоторым категориям трудящихся. Во второй половине 1954 г. поднялись на стачечную борьбу горняки. В сентябре К. Ибаньес объявил осадное положение и направил войска против бастующих. Однако после 60-тысячной демонстрации протеста (16 декабря) осадное положение было отменено и уволены в отставку министры внутренних дел и экономики. В июле 1955 г. Чили вновь охватила всеобщая забастовка с рекордным количеством участников — 1,2 млн. Бастующие потребовали очередного повышения заработной платы и улучшения условий труда, отмены закона «О защите демократии».

Совместные действия в рабочем и народном движении коммунистов и социалистов привели к дальнейшему их сближению. НСП уже в начале 1953 г. отказалась от поддержки К. Ибаньеса, обвинив его в нарушении предвыборных обещаний и признав ошибочность своей линии. Это облегчило сотрудничество обеих партий социалистов друг с другом и с коммунистами. Во Фронт народа вошло несколько небольших левых мелкобуржуазных партий, и он был переименован в Национальный народный фронт. НСП начала переговоры об объединении с его участниками, но поставила условием реорганизацию Фронта. 29 февраля 1956 г. со вступлением

НСП Фронт был преобразован в более широкий Фронт народного действия (ФНД), ставший влиятельным политическим объединением левых сил Чили.

Куба. Во время войны и в первые послевоенные годы в США повысился спрос на основной продукт Кубы — тростниковый сахар. Производство сахара-сырца на острове увеличилось с 3 млн. т в 1939 г. до 5,9 млн. т в 1948 г. и 7,1 млн. т в 1952 г. Выручка от его продажи возросла за 1939—1948 гг. почти в 6 раз. Львиная доля доходов досталась американским компаниям, контролировавшим более половины производства сахара на Кубе, и связанным с ними кругам помещичье-буржуазной верхушки. Но все же рост доходов от экспорта способствовал общему экономическому развитию страны, укреплению местной буржуазии, росту армии наемных трудящихся. Из полутора миллионов человек самостоятельного населения Кубы в 1943 г. около 30 % составляли городские рабочие (свыше 450 тыс. человек). Кроме того, в сельском хозяйстве по переписи 1946 г. насчитывалось полмиллиона наемных работников, из которых 445 тыс. были сезонными рабочими. Рабочий класс был самым многочисленным классом кубинского общества, хотя собственно промышленных рабочих было немного. В обрабатывающей промышленности преобладали мелкие и средние предприятия легкой и пищевой промышленности. Важнейшим отрядом кубинского пролетариата оставались рабочие крупных сахарных заводов-центральных и тростниковых плантаций.

Характерными чертами социально-экономического развития Кубы, как и прежде, были засилье иностранного (американского) капитала, господство латифундизма в сельском хозяйстве, тесная экономическая зависимость Кубы от США, ярко выраженная монокультурность, когда благополучие всего острова зависело от производства сахара на экспорт в США.

Избранный после принятия демократической конституции 1940 г. президентом республики генерал Фульхенсио Батиста (1940—1944), учитывая международную обстановку в годы войны и подъем демократических, антифашистских настроений в стране, предпочитал придерживаться либерального, демократического курса. 9 декабря 1941 г., почти одновременно с США, Куба объявила о вступлении в войну против держав «оси». В октябре 1942 г. были установлены дипломатические отношения с Советским Союзом. Руководимая коммунистами Конфедерация трудящихся Кубы (КТК) в декабре 1942 г. высказалась за отказ от забастовок в условиях войны, во имя национального единства всех демократических и антифашистских сил. В 1943 г. между коммунистами и Батистой было достигнуто соглашение о сотрудничестве. Коммунисты вошли в правительство Батисты, получив ответственный министерский пост (1943—1944). Партия кубинских коммунистов, называвшаяся с 1939 г. Рево-

люционно-коммунистическим союзом, в январе 1944 г. была переименована в Народно-социалистическую партию (НСП). КТК, численность которой достигла полумиллиона человек, добилась права официально участвовать в ежегодных соглашениях с США об условиях продажи кубинского сахара.

В июне 1944 г. на президентских выборах НСП поддержала кандидата блока правящих буржуазных партий. От оппозиции кандидатом в президенты был выдвинут лидер Революционной партии кубинского народа («аутентики») Грау Сан-Мартин, завоевавший популярность как глава революционного правительства 1933—1934 г. Партия «аутентиков» объединила широкие слои населения — интеллигенции, студенчества, мелкой и средней буржуазии, части трудящихся под лозунгами национализма, антиимпериализма и социальной справедливости. Грау Сан-Мартин обещал отстаивать независимое национальное развитие, провести аграрную реформу, защищать интересы трудящихся. Он высказывался за классовое сотрудничество. Партия «аутентиков» выступала с громкими революционными лозунгами, за которыми на деле скрывались более умеренные национал-реформистские позиции.

Грау Сан-Мартин одержал победу, вопреки ожиданиям коммунистов и сторонников Батисты, и в октябре 1944 г. возглавил правительство (1944—1948). Батиста на время отошел от политической деятельности и вскоре обосновался в США. Коммунисты и КТК постарались и с новым правительством наладить лояльные отношения. Поначалу это удалось. Грау Сан-Мартин поддержал требования рабочих о повышении заработной платы.

Однако широковещательные обещания президента провести аграрную реформу, осуществить «моральную революцию», т.е. утвердить здоровые моральные принципы в обществе и в государственной администрации, его националистические и антиимпериалистические заявления остались нерезализованными. Правительство и правящая партия все более сближались с буржуазно-помещичьими кругами, ориентировавшимися на лояльное сотрудничество с США. Вместо обещанной «моральной революции» правительство и государственная администрация подверглись коррупции еще больше, чем прежде. В стране стали нарастать разочарованность и недовольство. Народно-социалистическая партия осудила на съезде в январе 1946 г. свой прежний курс сотрудничества с правящими кругами и буржуазными партиями. На выборах в Национальный конгресс в 1946 г. НСП получила 196 тыс. голосов (10 %).

Успехи коммунистов, их руководящая роль в национальном профцентре беспокоили консервативные силы и правящую партию, которая сама стремилась подчинить своему контролю рабочие

организации. В 1947 г. в обстановке начала «холодной войны» правительство Грау Сан-Мартина повело наступление на позиции коммунистов в КТК. Для этого использовалась фракция сторонников правящей партии в КТК — Рабочая комиссия «аутентиков». Руководителем Рабочей комиссии стал Эусебио Мухаль — перебежчик из компании в ряды «аутентиков», ставший антикоммунистом. Э. Мухаль развернул кампанию против руководства КТК. При поддержке правительства и полиции Мухаль в июле 1947 г. организовал конгресс сторонников Рабочей комиссии, провозгласивший себя «истинной КТК». Полиция заняла помещения КТК и профсоюзов, были совершены налеты на помещения НСП. 11 октября 1947 г. последовал декрет правительства, объявивший прежнюю КТК вне закона и передавший ее права новой КТК, организованной Рабочей комиссией «аутентиков». В ответ 13 октября вспыхнула всеобщая забастовка, подавленная войсками. Было арестовано более тысячи активистов запрещенной КТК. В 1947—1948 гг. жертвами террора стали сотни коммунистов — руководителей и активистов рабочего движения, хотя формально НСП оставалась легальной и в стране существовал конституционный режим. От нанесенного удара НСП не смогла оправиться вплоть до победы революции, хотя и сохранила влияние среди части трудящихся, в том числе среди рабочих сахарной промышленности.

Отход правительства и руководства партии «аутентиков» от обещанного курса, поворот к репрессиям против рабочего движения, рост до скандальных размеров коррупции в правительственных сферах¹ привели к расколу самой правящей партии. Недовольных в ее рядах возглавил сенатор Эдуардо Чибас (1907—1951), с пламенными «филиппиками» обрушившийся на правительство, разоблачая коррупцию и продажность властей, политику репрессий, измену лидеров партии первоначальным идеалам. Он требовал оздоровления администрации, соблюдения демократических свобод, защиты национальной экономики от иностранных корпораций, осуществления земельной реформы. Потерпев неудачу внутри партии «аутентиков», Чибас и его сторонники вышли из ее рядов и в мае 1947 г. основали собственную Партию кубинского народа — «ортодоксов» (то есть верных прежним, «ортодоксальным» принципам освободительной борьбы кубинского народа). Вокруг Чибаса и партии «ортодоксов» стала сплачиваться значительная часть молодежи, студенчества, демократической интеллигенции, городских средних слоев, трудящихся. На президентских выборах 1 июня 1948 г. Э. Чибас, выступив самостоятельно, набрал 16 % голосов. Кандидат НСП Хуан Маринельо в трудных условиях получил более 7 % голосов. При

¹ Дело дошло до вооруженных столкновений между соперничавшими кланами в правительстве с применением воинских и полицейских подразделений.

правительственной поддержке на выборах победил кандидат «аутентиков» Прио Сокаррас, бывший министром труда в правительстве Грау Сан-Мартина. Но количество голосов за «аутентиков» уменьшилось с 54 % на предыдущих выборах до 44 %. Был избран сенатором Ф. Батиста, что позволило ему вернуться к политической деятельности.

Новый президент Прио Сокаррас (1948—1952) не скупился обещать индустриализацию, ограничение иностранного капитала, аграрную реформу, защиту демократических свобод. Но при нем получили дальнейшее развитие лишь негативные стороны деятельности его предшественника, усугубленные экономическими осложнениями. В 1949 г. Чибас обрисовал обстановку мрачными красками: «Банкротство торговли, закрытие фабрик, увольнение рабочих, сокращение фонда зарплаты, сгон армией крестьян с занимаемых земель, беспорядок в сфере обслуживания, хаос на транспорте, целая серия убийств рабочих лидеров и студентов». В 1949—1951 гг. нарастали забастовки; трудящиеся требовали повышения заработной платы, улучшения условий труда, прекращения преследований. Проходили антиамериканские демонстрации. Правительство отвечало полицейскими репрессиями. Но все же оно не решилось послать по настоянию США войска в Корею.

Быстро росла популярность основной оппозиционной партии «ортодоксов» и ее лидера. По мере приближения очередных президентских выборов становилась все более вероятной победа кандидата «ортодоксов», которого готовы были поддержать и другие силы оппозиции. Правительство Прио Сокарраса и «аутентики» все более себя дискредитировали и оказывались бессильными перед нараставшим социально-политическим кризисом. Назревал заговор правых сил с целью не допустить демократических выборов и, установив твердый, диктаторский режим, обеспечить стабильность в стране. Стремясь призвать народ к самоотверженной борьбе, Э. Чибас решил обречь себя в жертву. В августе 1951 г. он произнес пламенную речь, обращенную к партии и народу, которую закончил словами: «За экономическую независимость, политическую свободу и социальную справедливость! Долой воров из правительства! Совесть против денег! Кубинский народ, проснись!» Это были его последние слова, после чего он застрелился. Его похороны 16 августа 1951 г. вылились в массовую демонстрацию и митинг протеста.

Отчаянный поступок Чибаса лишил партию «ортодоксов» популярного, решительного лидера. После этого в ее руководстве верх взяли умеренно-реформистские силы. Возглавил партию и стал кандидатом в президенты университетский профессор Р. Аграмонте. НСП, не имея шансов на успех, согласилась поддержать кандидата «ортодоксов», хотя Аграмонте всячески отмежевывался от коммунистов. Но даже при более умеренном руководстве «ортодоксов»

перспектива их победы пугала правые силы. 10 марта 1952 г. генерал Фульхенсио Батиста поднял воинские части на мятеж и разогнал правительство Прио Сокарраса и Национальный конгресс. Прио Сокаррас бежал с Кубы. К власти пришла возглавленная Батистой военная хунта, присвоившая себе законодательные и правительственные функции. Конституция 1940 г., разработанная некогда при участии Батисты, была теперь им же отменена.

Переворот не встретил сопротивления. Господствующие классы Кубы и США его поддержали. Широкие слои населения встретили переворот пассивно, отчасти с облегчением и надеждой, ибо свергнутое правительство их сочувствия не вызывало, а с именем Батисты многие связывали воспоминания о его роли в революционном «восстании сержантов» 1933 г. и о его деятельности на посту президента в 1940—1944 гг., когда он выступал как поборник демократии. Сам Батиста постарался представить переворот как «революционное» выступление против одиозного, прогнившего правительства. «Цель нашего движения,— заявлялось в обращении хунты к народу,— избавить Кубу от позора кровавого, проворовавшегося режима... породившего в республике состояние беспорядка и анархии». Из всех партий только НСП в первый же день охарактеризовала новое правительство как проимпериалистическую, антирабочую тиранию, призвав к сопротивлению.

Придя к власти, Батиста присвоил себе диктаторские полномочия. Правда, 4 апреля 1952 г. он опубликовал «Конституционный статут республики» и позднее, в 1954 г. организовал свое «избрание» на пост президента, но выборы проводились в условиях террора и запрещения деятельности оппозиционных партий и практически не повлияли на диктаторский характер режима.

Диктатура Батисты (1952—1959) развернула преследования оппозиционных сил и рабочего движения. КТК и в целом профсоюзы были подчинены контролю нового правительства, на службу которому перешли Э. Мухаль и его сторонники, осуществлявшие политику тесного сотрудничества рабочих организаций с властями и предпринимателями.

Правительство Батисты намеревалось закрепиться у власти и стабилизировать положение в стране с помощью тесного экономического, политического и военного сотрудничества с США и обеспечения интересов буржуазно-помещичьих кругов. Капиталовложения США на Кубе увеличились с 756 млн. долл. в 1953 г. до 1 млрд. в 1958 г. Проводилась политика ограничения производства сахара, которое уменьшилось в 1954—1956 гг. до 4,4—4,8 млн. т в год, с тем чтобы сохранить высокие цены на него. Рост импорта из США привел к торговому дефициту. Выросли расходы на содержание армии и репрессивных служб. Широкое развитие получила «индустрия туризма» — строительство отелей, туристских трасс, других объектов.

Во внешней политике Батиста ориентировался на США. 3 апреля 1952 г. были разорваны дипломатические отношения между Кубой и СССР. В 1954 г. Куба поддержала интервенционистскую политику США в Гватемале. Вашингтон видел в Батисте своего верного союзника. Вице-президент США Р. Никсон в 1954 г. назвал Батисту «главным защитником принципов свободы и демократии».

Однако очень скоро диктаторский режим столкнулся с быстрым нарастанием революционного движения, с середины 50-х годов на Кубе стала складываться революционная ситуация.

Глава III

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 50-Х — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 70-Х ГОДОВ

Со второй половины 50-х годов Латинская Америка вступает в длительную полосу подъема борьбы против диктатур, империалистической зависимости и связанной с иностранным капиталом и традиционным экспортным производством верхушки господствующих классов. В этой борьбе за демократические преобразования, за решение насущных задач национального экономического, социального и политического развития участвовали различные классы и социально-политические течения, революционные и реформистские силы, рабочее и демократическое движение.

Первая волна подъема демократического движения приходится на вторую половину 50-х — первую половину 60-х годов. В эти годы центром бурных революционных событий оказалась Кубинская революция, которая дала пример радикальной революционной ломки устоев общества и приняла антикапиталистическую направленность. Нарастание борьбы, особенно победа Кубинской революции и ее эффект стимулировали активизацию реформистских течений и реформистскую политику правящих классов, содействовали переменам в латиноамериканской политике США с учетом новых реалий. В то же время рост активности поборников перемен встретил упорное противодействие консервативных и реакционных кругов. Усилилось противоборство сторонников революционной, реформистской и консервативной перспектив развития. В середине 60-х годов происходит частичный спад движения, в ряде стран утвердились военно-диктаторские режимы. Но в некоторых республиках демократические и реформистские процессы получили дальнейшее развитие.

В конце 60-х — первой половине 70-х годов Латинскую Америку охватывает новая волна борьбы и реформ. Движение за демократические, экономические и социальные преобразования в интересах широких слоев населения распространилось на многие страны. Теперь в центре событий оказалась Чилийская революция, выдвинувшая нетрадиционный мирный, демократический путь революционного развития и породившая в связи с этим большие надежды левых сил.

Другим своеобразным феноменом стали левонационалистические военные режимы. Характерная особенность этих лет — широкое распространение в регионе антикапиталистических настроений, симпатий к социалистическим идеям, в том числе в реформистских кругах.

Поражение революционных сил в Чили и в ряде других стран в середине 70-х годов знаменовало стратегическое поражение сторонников революционной перспективы развития в регионе. Однако результатом периода явился ряд важных необратимых позитивных перемен в латиноамериканском обществе, повлиявших на его последующую эволюцию.

КУБИНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Предпосылки революции. Кубинская революция стала главным очагом революционного движения в Латинской Америке во второй половине 50-х — первой половине 60-х годов. Революционный взрыв на острове был вызван как общими для Латинской Америки причинами, так и местными особенностями. Прежде всего, это кризис зависимой капиталистической системы развития, базировавшейся на отсталых социально-экономических структурах.

Нельзя сказать, что революция на Кубе возникла в связи с экономическим кризисом и особым ухудшением положения народных масс. Напротив, в целом экономика острова в 50-е годы, при Батисте, находилась в неплохом состоянии, даже на подъеме, хотя были и трудности. Общие экономические показатели были выше средних по региону. Но противоречия и негативные последствия традиционного для Латинской Америки пути развития здесь ощущались остро. Страна находилась в сильной и разносторонней зависимости от США, что препятствовало ее самостоятельному развитию и ограничивало ее суверенитет в большей степени, чем многих других республик. Это болезненно задевало национальное самосознание народа, в памяти которого еще свежи были воспоминания о десятилетиях тяжелой и самоотверженной борьбы за свободу, против колониального гнета в последней трети XIX в., и об унижениях, которые ему принесли навязанная США «Поправка Платта» и неоднократная американская оккупация острова. В 1958 г. на Кубу, занимавшую 0,5 % территории Латинской Америки, приходилось $\frac{1}{8}$ всех прямых инвестиций США в регионе (1 млрд. долл.). Американский капитал контролировал более половины производства кубинского сахара, свыше 90 % электроэнергетики, электрической и телефонной сети, добывающей и нефтеперерабатывающей промышленности, крупнейшие предприятия сферы обслуживания, туристского бизнеса, $\frac{1}{5}$ сельскохозяйственных угодий, доминировал в финансовой сфере и внешней торговле. Вся экономика острова была тесно, органически

привязана к экономике США. За 7 предреволюционных лет американские компании вывезли из страны 800 млн. долл. прибыли. В жертву производству сахара на рынок США были принесены другие отрасли хозяйства. В результате Куба превратилась в импортера важнейших для страны продовольственных, потребительских и сырьевых товаров. Куба была связана с США тесными узами военно-политического сотрудничества. На кубинской территории находилась военно-морская база США в бухте Гуантанамо. Американское влияние в области средств информации, просвещения, идеологии и культуры приняло такие масштабы, что под угрозой оказывалась национальная самобытность кубинского народа, национальный облик его культуры и образа жизни. Привлечение к обслуживанию американских туристов значительной части населения способствовало распространению психологии прислужничества, привычки жить на подачки, нездоровой атмосферы азартных игр, проституции. Накануне революции на Кубе насчитывалось 100 тыс. проституток, 21 тыс. человек была занята в игорном бизнесе.

Требовал решения аграрный вопрос. По переписи 1946 г. 0,5 % всех хозяйств владели 36 % земельных угодий, а 85 % хозяйств — менее 20 %. Из 160 тыс. хозяйств $\frac{2}{3}$ приходилось на арендованные. Более 60 % занятого в аграрном секторе населения были сельскохозяйственными рабочими. Были распространены издольщина и другие докапиталистические пережитки. Основная масса сельского населения, составлявшего почти половину из 6,6 млн. кубинцев в 1958 г., жила в примитивных, нищенских условиях. В стране остро стояли жилищный вопрос, проблема здравоохранения. Безработные и лица с неполной занятостью составили более $\frac{1}{3}$ экономически активного населения.

Особой причиной растущего недовольства стал террористический диктаторский режим Батисты (1952—1959), подавлявший демократические свободы и отстаивавший интересы связанной с американским капиталом помещичье-буржуазной верхушки.

Чрезвычайная степень зависимости Кубы и кубинского капитализма от США обусловили особую действенность здесь фактора «географического фатализма», ожесточенный характер борьбы на острове между силами революции и контрреволюции, резкую поляризацию и непримиримость сторон, приведшие к быстрой радикализации и перерастанию революции в антикапиталистическую. В условиях противоборства на мировой арене СССР и США, Куба по мере развития революции была втянута в орбиту противостоящих глобальных интересов двух сверхдержав и превратилась в «горячую точку» международной напряженности.

Начало революционной борьбы против диктатуры Батисты. Диктаторский режим Батисты не смог стабилизировать обстановку на Кубе. В стране происходили забастовки трудящихся, студенческие

выступления, сопровождавшиеся стычками с полицией. В декабре 1955 г. бастовали 400 тыс. рабочих сахарных заводов и плантаций. Но первое время не было влиятельной политической силы, которая могла бы возглавить борьбу против диктатуры. Основные буржуазные партии, в том числе «аутики» и «ортодоксы», были деморализованы и расколоты на фракции, доверие к ним масс было подорвано. Некоторые из них пошли на сотрудничество с диктатурой, другие заняли пассивную, выжидательную позицию, возлагая надежды на восстановление конституционного режима с помощью правящих кругов США и компромиссных соглашений с Батистой.

Народно-социалистическая партия (НСП) — партия кубинских коммунистов после понесенных потерь, в обстановке преследований и засилья в стране антикоммунизма оказалась в политической изоляции. Не видя перспектив близкого революционного взрыва, коммунисты возлагали надежды на длительную разъяснительную работу в массах, на выступления трудящихся в защиту ближайших требований и их перерастание в подходящий момент во всеобщую забастовку против диктатуры, как это было в августе 1933 г. Одновременно НСП призывала к широкому единству всех оппозиционных партий, чтобы совместными усилиями заставить диктатуру провести демократические выборы. Эти надежды оказались тщетными: Батиста не желал уступить власть, а буржуазная оппозиция не была способна на решительные действия против диктатуры.

В такой обстановке инициативу открытого выступления против диктатуры взяла на себя группа молодых революционеров во главе с Фиделем Кастро. Фидель Кастро Рус родился 13 августа 1926 г. в провинции Орьенте, на востоке острова, в семье зажиточного землевладельца. В 1950 г. он закончил юридический факультет Гаванского университета. Еще в студенческие годы Фидель приобщился к революционному движению в рядах левого, молодежного крыла партии «Ортодоксов». После мартовского переворота 1952 г. он стал искать путей борьбы с диктатурой. Убедившись в невозможности легальных действий и разочаровавшись в буржуазных партиях, он и его друзья создали самостоятельную подпольную организацию, целью которой стала подготовка вооруженного восстания.

На рассвете 26 июля 1953 г. 165 человек во главе с Ф. Кастро атаковали военную казарму «Монкада»¹ и некоторые другие объекты в Сантьяго — центре провинции Орьенте. Они намеревались, застав врасплох спящий гарнизон, завладеть казармой и складом оружия, вооружить и поднять на восстание против диктатуры население

¹ Названа в честь героя освободительной борьбы кубинского народа в последней трети XIX в. генерала Гильермо Монкада.

города. В случае неудачи предполагалось уйти в горы и начать партизанскую войну. Внезапно овладеть казармой не удалось. Нападение было отбито. Часть революционеров погибла, многие были схвачены. По стране прошли аресты, была запрещена НСП, хотя она не имела отношения к выступлению. Фидель Кастро и его товарищи были осуждены на длительные сроки заключения.

На суде 16 октября 1953 г. Ф. Кастро произнес речь «История меня оправдает», в которой обвинил диктатуру в преступлениях против народа и изложил программные цели участников выступления: свержение диктатуры и восстановление демократических свобод, ликвидация зависимости от иностранного капитала и утверждение суверенитета Кубы, уничтожение латифундизма и передача земли сельским труженикам, обеспечение промышленного развития и искоренение безработицы, поднятие жизненного уровня и осуществление широких социальных прав трудящихся, в том числе на труд, жилище, образование и здравоохранение. Речь получила известность как «Программа Монкады» и стала программной основой революционной организации «Движение 26 июля», созданной Ф. Кастро и его сторонниками в 1955 г.

Кампания солидарности с героями «Монкады» побудила Батисту в мае 1955 г. освободить Ф. Кастро и его друзей. Фидель уехал в Мексику, где приступил к подготовке вооруженной экспедиции на Кубу. В Мексике к нему присоединился аргентинский революционер Эрнесто Че Гевара (1928—1967), ставший видным деятелем Кубинской революции. Нелегальные организации «Движения 26 июля» создавались на Кубе.

Отряд Фиделя Кастро в составе 82 человек в ночь на 25 ноября 1956 г. отплыл из Мексики на яхте «Гранма»¹. 30 ноября, в день, назначенный для высадки экспедиции, руководитель «Движения 26 июля» в провинции Орьенте 22-летний Франк Паис поднял восстание в Сантьяго. Но «Гранма» в этот день не успела достичь берегов Орьенте и восстание пришлось прекратить. Лишь утром 2 декабря 1956 г. отряд Ф. Кастро высадился на побережье Орьенте, когда восстание уже было подавлено и воинские подразделения были сосредоточены в районе высадки. Три дня отряд пробирался сквозь заболоченные заросли и, выйдя 5 декабря на открытое место, был окружен и атакован правительственными частями. Участники десанта были разбиты и рассеяны. Батиста поспешил объявить об уничтожении экспедиции Ф. Кастро. Но часть бойцов общим числом более 20 человек, среди них сам Фидель Кастро, его младший брат Рауль, Че Гевара, Камило Сьенфуэгос, к середине декабря мелкими группами пробившись к условленному месту в горы Сьерра-Маэстра (западнее Сантьяго) и начали партизанскую войну.

¹ По-английски «Бабуля», частная яхта, закупленная революционерами.

Победа революции. Отряд Ф. Кастро совершал успешные нападения на подразделения правительственных войск и получал все растущую помощь населения. Ряды его увеличивались.

В 1955—1956 гг. на основе студенческого движения в Гаванском университете был создан Революционный директорат¹ — организация, близкая по программе и методам действия «Движению 26 июля», но предпочитавшая готовить восстание в самой Гаване. Организацию возглавил 20-летний студенческий лидер Х.А. Эчеверрия. 13 марта 1957 г. члены «Революционного директората» атаковали президентский дворец, намереваясь захватить Батисту, но потерпели неудачу. Многие участники восстания погибли, в том числе и Эчеверрия. Уцелевшие от расправ возродили организацию под названием «Революционный директорат 13 марта». Возглавил ее Фауре Чомон.

Революционное движение ширилось. После убийства 30 июля 1957 г. полицией в Сантьяго Франка Паиса, возглавлявшего революционное подполье в городе и много сделавшего для поддержки повстанцев в первые, самые трудные для них месяцы, в Сантьяго стихийно вспыхнула забастовка против репрессий диктатуры, распространившаяся и на другие города. Забастовка была подавлена, но она показала шаткость позиций режима. 5 сентября 1957 г. восстал гарнизон военно-морской базы в Сьенфуэгосе. Революционные моряки захватили город, вооружили население и несколько часов вместе с жителями оборонялись против стянутых к городу превосходящих правительственных сил.

В феврале 1958 г. Ф. Кастро посылает партизанскую колонну во главе с Раулем Кастро на восток от Сантьяго, где возник «Второй фронт имени Франка Паиса» с обширной освобожденной зоной. В других районах провинции Орьенте вскоре были созданы еще два фронта. В центре острова, в горах Эскамбрай (провинция Лас-Вильяс) начали действовать повстанцы «Революционного директората 13 марта».

Народно-социалистическая партия, солидаризируясь с целями Ф. Кастро, долгое время осуждала его методы борьбы как «путчистские», отстаивая свою прежнюю позицию. Но ход событий побудил коммунистов в начале 1958 г. признать ошибочными свои оценки и расчеты. НСП признала Повстанческую армию во главе с Фиделем Кастро главной силой революции и призвала всех коммунистов включиться в борьбу под его руководством. В провинции Лас-Вильяс стал действовать партизанский отряд, организованный коммунистами.

В мае — июле 1958 г. 300 бойцов Ф. Кастро в Сьерра-Маэстре разгромили генеральное наступление многократно превосходивших

¹ Назван в память студенческой организации с таким названием, действовавшей в период диктатуры Мачадо в 20—30-е годы.

их по численности и вооружению батистовских войск, потерявших 1 тыс. человек. Успехи Повстанческой армии заставили деятелей буржуазно-демократической оппозиции признать ее реальной силой и в июле 1958 г. заключить соглашение с Ф. Кастро о поддержке его борьбы. Они надеялись подчинить повстанческое движение своему политическому руководству и с его помощью прийти к власти. Для Ф. Кастро же это соглашение должно было изолировать диктатуру.

В августе Ф. Кастро направил на запад две колонны под командованием К. Сьенфуэгоса и Че Гевары, которые в октябре достигли провинции Лас-Вильяс и соединились с местными повстанческими силами. В ноябре Повстанческая армия в Орьенте спустилась с гор и начала общее наступление, в ходе которого все 4 фронта повстанцев на востоке острова соединились. Деморализованная батистовская армия разваливалась. Повсюду население с энтузиазмом присоединялось к повстанцам. К концу декабря почти вся провинция Орьенте оказалась в руках Повстанческой армии, блокировавшей в Сантьяго 5-тысячный гарнизон правительственных войск. Гевара начал штурм Санта-Клары — центра провинции Лас-Вильяс.

В ночь на 1 января 1959 г. Батиста бежал с Кубы¹. В Гаване была сформирована военная хунта. Но попытка правых сил верхушечными методами перехватить инициативу не удалась. 1 января капитулировал гарнизон Сантьяго и повстанцы заняли город. В тот же день пала Санта-Клара. По призыву Ф. Кастро в Гаване началась всеобщая политическая забастовка, народ заполнил улицы. Хунта не продержалась и дня. В течение 1 и 2 января 1959 г. вся страна оказалась под контролем Повстанческой армии и восставшего народа. Вечером 2 января передовые части Повстанческой армии во главе с Геварой достигли Гаваны, 8 января в Гавану вступили главные силы Повстанческой армии во главе с Фиделем Кастро, восторженно встреченные населением.

Движущими силами победившей 1 января 1959 г. революции были рабочий класс, крестьянство, студенчество, городские средние и мелкобуржуазные слои. Значительные круги местной, преимущественно средней, буржуазии поддержали борьбу против диктатуры, хотя активного участия в революции не принимали. Решающей формой борьбы революционных сил на Кубе стала партизанская война, а главной силой революции — Повстанческая армия. Важную роль в победе революции сыграла всеобщая забастовка трудящихся Гаваны в начале января 1959 г. Трудно приурочить начало революции к конкретной дате, поскольку начатая 26 июля 1953 г. революционная борьба переросла в революцию постепенно, развернувшись в полную силу в 1958 г. Несколько условно такой датой

¹ Сначала в Доминиканскую Республику, затем перебрался во франкистскую Испанию, где и умер в 1973 г. Оставил мемуары.

можно считать 2 декабря 1956 г.— день рождения Повстанческой армии, когда началась систематическая вооруженная борьба, переросшая в революционную войну.

Первый этап революционных преобразований (1959—1960). С победой революции начался этап демократических, антиимпериалистических и антиолигархических преобразований. 3 января 1959 г. было объявлено о вступлении в должность временного президента Кубы Мануэля Уррутии, представителя либеральных кругов. 4 января было сформировано Временное революционное правительство во главе с Хосе Миро Кардоной. Оно состояло из либеральных политиков, пошедших на соглашение с Ф. Кастро. Правительство на период преобразований получило законодательные и исполнительные функции. Но реальная власть по всей стране оказалась у Повстанческой армии во главе с утвержденным ее главнокомандующим Фиделем Кастро. Из ее состава и под ее контролем формировались первые кадры новой администрации. В первые же недели были осуществлены революционные преобразования: объявлено о восстановлении демократических свобод, ликвидированы прежняя армия и полиция. Их заменили Повстанческая армия, превращенная в Революционные вооруженные силы, и народная милиция. Главные виновники репрессий, сподвижники Батисты, были преданы суду революционных трибуналов, часть из них расстреляна, их имущество конфисковано.

Очень скоро начались разногласия между Временным правительством и победившими повстанцами, требовавшими дальнейших преобразований. Правительство ушло в отставку. Новым премьер-министром с 16 февраля 1959 г. стал Фидель Кастро, в правительстве преобладание перешло к его сторонникам. Правительство Ф. Кастро в марте повысило заработную плату трудящимся, внесло изменения в налоговую систему в пользу населения, резко снизило квартплату, плату за электричество и телефон, цены на медикаменты.

17 мая 1959 г. был подписан закон об аграрной реформе. Все земельные владения свыше 400 га экспроприировались (предполагался выкуп за них в течение 20 лет, но он так и не был реализован). Экспроприированная земля передавалась арендаторам и безземельным сельским труженикам.

Закон об аграрной реформе вызвал протесты и выход из правительства последних либеральных министров и президента. Новым президентом в июле 1959 г. стал сторонник Ф. Кастро Освальдо Дортикос Торрадо (1959—1976). Радикальное крыло революционеров, сплотившееся вокруг Ф. Кастро, стремилось к глубоким экономическим и социальным преобразованиям в интересах низших слоев общества. Обеспечить успех революции они намеревались с помощью революционной власти при опоре на массовые организации трудящихся. Умеренное крыло, в том числе в рядах

«Движения 26 июля», видевшее цели революции в ликвидации диктатуры Батисты и в демократизации страны, перешло в лагерь противников революционного режима. США, встревоженные быстрой радикализацией революции и опасавшиеся за свои интересы на острове, стали поддерживать противников Ф. Кастро. Центром скопления враждебной Ф. Кастро кубинской эмиграции в США стал курортный город Майами во Флориде. Лидером их организаций оказался Хосе Миро Кардона, еще недавно возглавлявший первое революционное правительство Кубы. При участии или содействии США на острове началась организация заговоров, мятежей, экономических диверсий, актов саботажа. Вашингтон засылал самолеты в воздушное пространство Кубы, пытался восстановить против Кубы членов ОАГ.

В ответ происходит консолидация революционных сил на Кубе и дальнейшая радикализация революционного режима. С конца сентября повсеместно стали возникать комитеты защиты революции, взявшие на себя охрану революционных преобразований и порядка. В них вступили основные массы трудящихся. С осени 1959 г. на предприятиях стал вводиться рабочий контроль. В ноябре 1959 г. X съезд Конфедерации трудящихся Кубы преобразовал ее в Революционный профцентр страны. Съезд прошел под девизом «Рабочий класс — становой хребет революции!» Происходило сближение трех политических революционных организаций — «Движения 26 июля», «Революционного директората 13 марта» и Народно-социалистической партии.

Революционная Куба стала выступать в ООН и ОАГ с обвинениями США во вмешательстве в дела Кубы. Правительство республики искало международной поддержки и помощи. Такая поддержка пришла со стороны социалистических стран и стран «третьего мира». В феврале 1960 г. были установлены торговые и экономические отношения с СССР, а 8 мая 1960 г. восстановлены дипломатические отношения с Советским Союзом, затем и с остальными социалистическими странами.

Убедившись в неэффективности политики угроз, заговоров и саботажа, правительство США перешло к экономическому давлению. Американские компании прекратили доставку нефти и ее переработку на Кубе. Это побудило кубинское правительство в ответ 29 июня 1960 г. национализировать нефтеперерабатывающую промышленность и обратиться к СССР с просьбой о поставке на Кубу советской нефти. Тогда США, в нарушение существовавших обязательств, сократили закупки кубинского сахара. В свою очередь, правительство Кубы 6 августа объявило о национализации сахарных заводов и большинства других американских предприятий на Кубе. После этого США к концу 1960 г. практически полностью прекратили торговлю с Кубой, подвергнув ее экономической блокаде. В критический

момент на помощь Кубе пришли социалистические страны, в первую очередь СССР, заинтересованный в укреплении здесь противостоящего США революционного очага и в превращении острова в форпост своего влияния в Западном полушарии. Они закупили кубинский сахар и стали снабжать Кубу всем необходимым, что позволило ей выстоять.

Дальнейшая радикализация революции. Стремительное нарастание конфронтации США с Кубой толкало революционное руководство гораздо дальше первоначальных намерений. Быстрой радикализации революции содействовали тесная связь кубинского капитализма с латифундизмом и иностранным капиталом, слом прежней государственности в результате вооруженного разгрома прежнего режима и его структур власти Повстанческой армией и восставшим народом, переход обеспокоенных имущих классов и умеренно-демократических и либеральных течений на антиреволюционные позиции. Кубинская революция в 1960 г. стала явно перерастать в антикапиталистическую. Революционная власть все больше определялась как «диктатура трудящихся». В ходе аграрной реформы, завершившейся к концу 1960 г., общественный сектор занял ведущие позиции в крупном аграрном производстве. Национализация иностранной собственности привела к завоеванию государством командных высот в промышленности и других сферах экономики.

На миллионном митинге в Гаване — «Народной ассамблее» — 2 сентября 1960 г. была провозглашена «Гаванская декларация», в которой от имени кубинского народа выражалась решимость идти дальше по пути революции, к ликвидации эксплуатации человека человеком и установлению социальной справедливости. 13 октября 1960 г. было объявлено о национализации всей местной крупной и средней промышленности, железных дорог, банков, крупных торговых предприятий.

США решились предпринять вооруженную интервенцию на остров с участием кубинских эмигрантов, экипированных и подготовленных в специальных лагерях в США, Никарагуа и Гватемале. 2 января 1961 г. США разорвали дипломатические отношения с Кубой. 15 апреля американские самолеты бомбили остров. На похоронах жертв бомбардировки 16 апреля 1961 г. Фидель Кастро сказал: «Нам не могут простить, что мы совершили социалистическую революцию». Так впервые открыто был декларирован социалистический характер Кубинской революции и с тех пор это утверждалось официально.

На рассвете 17 апреля 1961 г. на южном побережье Кубы в районе Плайя-Хирон с американских кораблей и под прикрытием американской авиации высадилось около полутора тысяч кубинских контрреволюционеров. Целью десанта было закрепиться на кубинской территории, сформировать здесь свое «правительство», которое затем

обратилось бы к США с просьбой о военной помощи. Однако Революционные вооруженные силы и народная милиция к вечеру 19 апреля полностью разгромили интервентов.

Провал интервенции не ликвидировал опасность для Кубы со стороны США. В январе 1962 г. Вашингтон добился исключения Кубы из ОАГ. Все страны Латинской Америки, кроме Мексики, по настоянию США разорвали дипломатические и экономические отношения с Кубой. В США обсуждалась возможность прямой интервенции на остров американских вооруженных сил. Конгресс США высказался за то, чтобы действовать против Кубы «любыми средствами, какие бы ни потребовались, вплоть до применения оружия». Растущая угроза заставила Кубу увеличить расходы на оборону. В июле — августе 1962 г. глава правительства СССР Н.С. Хрущев достиг тайного соглашения с Ф. Кастро о размещении на Кубе советских ядерных ракет среднего радиуса действия. В сентябре — октябре 42 такие ракеты были установлены на острове. В пределах их досягаемости оказывались жизненно важные центры США. Это опрометчивое решение едва не привело к мировой ядерной войне. Узнав благодаря воздушной разведке о наличии ракет на Кубе, президент США Дж. Кеннеди потребовал немедленного их удаления и 22 октября 1962 г. объявил о введении с 24 октября «строгого карантина на все виды наступательного оружия, перевозимого на Кубу». Вокруг Кубы в международных водах были сконцентрированы крупные американские военно-морские и военно-воздушные силы, подразделения парашютистов и морской пехоты, которые получили распоряжение не допускать к Кубе без досмотра суда других стран. Это было нарушением международного права.

Советский Союз и Куба отказались признавать «карантин» и право США на досмотр судов СССР и Кубы в международных водах, выразили протест и потребовали снятия морской блокады вокруг Кубы. Намерение США силой воспрепятствовать проходу к Кубе советских кораблей, команды которых откажутся допустить их досмотр, а со стороны СССР распоряжение советским экипажам игнорировать американский «карантин» в международных водах создали непосредственную опасность прямого военного столкновения двух сверхдержав. В полную боевую готовность были приведены американские войска в Европе, 6-й и 7-й флоты США, стратегическая авиация. Аналогичные меры приняли вооруженные силы СССР, Кубы, стран Варшавского Договора.

Стала очевидной реальная близость мировой ядерной войны. Между президентом США Дж. Кеннеди и главой советского правительства Н.С. Хрущевым начались интенсивные, напряженные переговоры. Обе стороны не хотели уступать. Наиболее воинственные круги в США оказывали давление на президента в пользу силового решения. Но Кеннеди занял более здравую позицию. После

нескольких тревожных для мира дней и ночей к 28 октября была достигнута договоренность между Кеннеди и Хрущевым об условиях мирного урегулирования кризиса. Советский Союз согласился вывезти ракеты с Кубы, а США — отменить «карантин» и дать обязательство уважать неприкосновенность границ и территории Кубы. Кроме того, США отказывались от намеченного размещения своих ракет в Турции у границ СССР. 20 ноября Кеннеди объявил о снятии «карантина». США не прекратили враждебной деятельности против Кубы, но прямой угрозы вторжения на остров уже не было. С помощью СССР Куба выстояла.

Революционные преобразования продолжались. В 1961 г. «Движение 26 июля», Народно-социалистическая партия и «Революционный директорат 13 марта» слились в одну организацию под названием «Объединенные революционные организации» (ОРО), официальной идеологией которой был признан марксизм-ленинизм. Национальное руководство ОРО возглавил Фидель Кастро. В руководство ОРО вошли от НСП Блас Рока — бессменный генеральный секретарь кубинских коммунистов с 1934 г. — и Карлос Рафаэль Родригес¹, от «Директората» — его лидер Фауре Чомон, в 1960—1962 гг. первый посол Кубы в СССР, и другие деятели трех организаций. Участники «Движения 26 июля» по численности намного преобладали в новом объединении. В мае 1963 г. ОРО были преобразованы в Единую партию Кубинской социалистической революции. В октябре 1965 г. она была переименована в Коммунистическую партию Кубы (КПК). Первым секретарем ЦК КПК стал Фидель Кастро.

Таким образом, единство левых революционных сил на Кубе оформилось в итоге в виде единой коммунистической партии. Отныне это была единственная партия в стране, обладавшая монополией на власть. Других партий уже не существовало. Это обеспечило сплочение революционных сил и прочные позиции революционного режима, облегчило осуществление преобразований. Но оборотной стороной партийного монополизма были рост авторитарно-бюрократических тенденций в партии и в стране, сращивание партийного и государственного аппаратов. К тому же в партии долгое время не было официально принятых программы и уставных норм, регулярно избираемых партийных органов, не проводились съезды партии.

На Кубе в 60-е годы сложился особый режим революционной диктатуры. Ее составными звеньями были Революционное правительство во главе с Ф. Кастро, сконцентрировавшее в своих руках законодательные и исполнительные функции и опиравшееся на назначавшуюся им государственную администрацию, Революционные

¹ Именно он в 1943—1944 г. был министром-коммунистом в правительстве Батисты, в 1958 г. НСП направила его в штаб Повстанческой армии в Сьерра-Маэстру для связи с Фиделем Кастро. В дальнейшем он стал влиятельной фигурой в кубинском руководстве.

вооруженные силы, партию, комитеты защиты революции, профсоюзы, молодежные, женские и другие массовые организации. Специфическим явлением стали «Народные ассамблеи» — миллионные митинги, созывавшиеся в Гаване для провозглашения от имени народа важнейших решений.

В этой системе присутствовали черты «прямого народовластия», революционной диктатуры вооруженного народа, трудящихся. Но длительное ее существование, без конституционного оформления выборных органов власти и правопорядка, при практически произвольных полномочиях партийно-государственного руководства, вело к усилению централизаторски-директивных начал, бюрократизации аппарата, к превращению системы массовых организаций из рычагов самоуправления трудящихся в бюрократизированные вертикальные структуры контроля над ними сверху, характерные для тоталитарного режима.

Большие заслуги перед революцией Фиделя Кастро, его овеянное романтическим ореолом революционное прошлое, ораторский талант, умение влиять на людей, владеть митинговыми страстями, организаторские способности послужили фундаментом для утверждения властного авторитета вождя революции, партии и государства, лидера, сконцентрировавшего в своих руках практически ничем не ограниченные бессрочные полномочия. Благодаря его авторитету крепло единство революционных сил, устанавливались взаимоотношения «вождь — массы», характерные для латиноамериканских популистских движений с каудильистскими чертами, с харизматической личностью во главе, в данном случае левого, революционного содержания. Это придавало режиму персоналистские черты. Первым заместителем Ф. Кастро в партии и правительстве и министром вооруженных сил бессменно был его брат Рауль Кастро.

В деревне специфика кубинского сельского хозяйства обусловила создание на месте прежних плантаций крупных товарных государственных хозяйств — «народных имений». То же произошло и с крупными экстенсивными животноводческими поместьями. Крестьяне же и арендаторы, получившие остальную землю в частную собственность, объединяться в коллективные хозяйства не изъявляли желания, да и материальных предпосылок к этому было мало. К 1968 г. на Кубе существовало лишь 158 мелких производственных сельскохозяйственных кооперативов с 1,9 тыс. членов. Была найдена иная форма приобщения 200 тыс. крестьян-единоличников к участию в едином народно-хозяйственном комплексе. 17 мая 1961 г. они были объединены в Национальную ассоциацию мелких землевладельцев (АНАП), через которую вовлекались в общенациональные планы развития народного хозяйства, в производственные связи с государством, в снабженческо-сбытовую кооперацию. В октябре 1963 г. была осуществлена вторая аграрная реформа. Максимальный размер

частных хозяйств был сокращен с 400 до 67 га. И на этот раз основная экспроприированная земля перешла к госсектору, сосредоточившему теперь в своих руках почти 60 % всех угодий.

В декабре 1962 г. и в марте 1968 г. в два этапа были национализированы все мелкие и индивидуальные предприятия кустарной промышленности, розничной торговли и сферы обслуживания. Это отрицательно сказалось на снабжении и обслуживании населения.

В результате складывалась, при некотором своеобразии, характерная и для СССР и других социалистических стран командно-административная система «государственного социализма». Огосударствление практически всей экономики при концентрации власти над государством и обществом в руках централизованного партийно-административного аппарата вело к отчуждению трудящихся масс от собственности и от управления вместо приобщения к ним, что по идее предполагает социализм.

С 1962 г. был взят курс на быстрое превращение страны в развитое аграрно-индустриальное государство. На этом пути пришлось столкнуться с большими трудностями, вызванными разрывом экономических связей Кубы с США, экономической блокадой и подрывными действиями Вашингтона, отвлечением больших средств и людских ресурсов на оборону. В стране пришлось ввести карточную систему снабжения населения. Встретились сложности и в налаживании экономического сотрудничества с СССР и другими социалистическими странами (отсутствие соответствующей базы, дальность расстояния). Сказывались нехватка квалифицированных кадров, недооценка серьезной хозяйственной политики, чрезмерные надежды на революционный энтузиазм.

В 1962—1963 гг. главные усилия были направлены на ускоренную индустриализацию, на преодоление зависимости кубинской экономики от монокультурного производства сахара и от внешнего рынка. Не было учтено отсутствие на острове необходимой материальной и сырьевой базы, а также то, что экспорт сахара давал основной доход стране. Производство сахара, достигшее в 1961 г. 6,8 млн. т, упало в 1963 г. до 3,8 млн. т.

Учтя неудачный опыт этих лет, Куба с 1964 г. отказалась от поспешной индустриализации. Был сделан вывод, что основой экономики останется производство сахара, рост доходов от которого позволит постепенно, без лишних жертв, наращивать другие отрасли экономики. Однако и теперь не обошлось без новых увлечений: была поставлена задача довести производство сахара к 1970 г. до 10 млн. т. Большие надежды возлагались на механизацию уборки сахарного тростника, осуществить которую за такое короткое время не удалось. Не учли и сокращение рабочей силы на плантациях, произошедшее в 60-е годы, особенно за счет сезонников, которых

стало гораздо меньше после ликвидации безработицы на острове. Несмотря на предпринятые усилия, в 1969 г. было произведено только 4,5 млн. т сахара. В 1970 г. ценой большого напряжения, массовой отправки горожан на уборку урожая удалось добиться почти двухкратного увеличения производства сахара — до 8,5 млн. т. Но это произошло в ущерб остальным отраслям. Опыт снова показал ошибочность надежд на быстрое решение экономических проблем с помощью ускоренного развития какого-то одного направления.

Серьезной утопией было усилившееся в середине и второй половине 60-х годов стремление на волне революционного энтузиазма ускорить осуществление «коммунистических» принципов труда. Это проявилось в игнорировании материальной заинтересованности, в распространении уравниловки в оплате труда, в широком применении добровольного бесплатного труда в сверхурочное время. Были отменены товарно-денежные, хозрасчетные отношения в народном хозяйстве, ликвидирован розничный рынок. В результате подрывалась заинтересованность в труде, снижалась его производительность, страдала производственная дисциплина, нарушался товарообмен.

Тем не менее некоторые достижения в экономике в 60-е годы имелись. С 1958 по 1970 г. в 2,3 раза увеличилась мощность электростанций, в 2—3 раза возросли добыча никеля и производство цемента, в 5 раз — стали. Получило развитие рыболовное хозяйство.

Большое значение для преодоления экономической блокады и для развития экономики Кубы имела помощь СССР и других социалистических стран — закупка ими по гарантированным льготным ценам продукции Кубы, поставка на остров техники, промышленных, сырьевых и продовольственных товаров, подготовка квалифицированных кадров.

Первостепенное внимание революционная власть уделила социальным проблемам. На Кубе была ликвидирована безработица, искоренены порочные профессии, созданы бесплатная система здравоохранения, сеть здравниц для трудящихся, детских учреждений, отменена квартплата. Развернулось жилищное строительство, стала благоустраиваться и электрифицироваться сельская местность. Исчезла нищета, сократилась смертность. В 1961 г., названном «Годом просвещения», 300 тыс. добровольцев отправились в деревню и обучили грамоте 700 тыс. взрослых. Куба стала страной всеобщей грамотности. Было введено всеобщее бесплатное образование, расширена система высшего образования. Двери университетов открылись для выходцев из семей трудящихся. На Кубе появилась своя Академия наук. Правда, социальные мероприятия осуществлялись часто в ущерб другим отраслям народного хозяйства, обеспечивающим экономический прогресс, и осложняли состояние финансовой системы страны, но они оправдывали социальные

ожидания обездоленной прежде части населения и создавали определенный престиж Кубе в глазах многих латиноамериканцев и в целом в «третьем мире», как и ее успешное противостояние могущественному северному соседу — США.

Куба стала активным членом Движения неприсоединения, созданного афро-азиатскими странами (с участием и Югославии) в 1961 г. для защиты общих интересов государств, не принадлежащих к военным блокам, в международных отношениях. Куба энергично солидаризовалась с освободительной борьбой народов Азии, Африки и Латинской Америки, предоставляла им помощь. Тесные связи Куба поддерживала с социалистическими странами. В 1963 и 1964 гг. состоялись визиты Фиделя Кастро в СССР. Когда он впервые приехал в Советский Союз, где он в те годы был очень популярен, москвичи на многолюдном митинге на Красной площади 28 апреля 1963 г. устроили ему беспрецедентный восторженный прием.

В 1965—1968 гг. усилились разногласия между Кубой и СССР по некоторым вопросам. Кубинские руководители упрекали советское руководство за недостаточную, по их мнению, твердость в отстаивании революционных принципов на мировой арене. Сама же Куба слишком большие надежды возлагала на скорую победу революционных сил в других странах Латинской Америки и активно помогала революционерам этих стран, за что ее нередко обвиняли в экспорте революции. Разногласия с СССР не нарушили советско-кубинского сотрудничества и к концу 60-х годов были сведены на нет.

Куба в первой половине и середине 70-х годов. После 1970 г. в республике начался процесс исправления волюнтаристских ошибок. Постепенно преодолевалось стремление форсировать построение социализма и переход к коммунизму, основываясь на революционном энтузиазме в ущерб экономическим факторам, абсолютизации одной, хотя и ведущей, отрасли хозяйства. Больше внимания стало уделяться внедрению элементов хозрасчета, материальной заинтересованности работников и оплате их труда с учетом проделанной работы. Была признана необходимость перспективного планирования и комплексного развития своего народного хозяйства. Первый такой план был разработан на 1973—1975 гг.

При выработке новых подходов к хозяйственной политике использовался опыт Советского Союза. Правда, это происходило в рамках командно-административной системы, «государственного социализма», но на первых порах осуществлявшиеся перемены позволили сделать шаг вперед. Среднегодовые темпы роста экономики в 1971—1975 гг., согласно официальным данным, достигли 10 %, промышленности — 11 %. Заметное развитие получили электроэнергетика, металлургия и металлообработка, машиностроение. На 30 % возросло производство продовольственных товаров.

Более благоприятными для Кубы стали международные условия. В 1972 г. Куба вступила в Совет Экономической Взаимопомощи (СЭВ), что придало стабильный характер ее сотрудничеству с социалистическими странами. Визит Фиделя Кастро в СССР в 1972 г. и ответный визит на Кубу генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева в 1974 г. упрочили тесные связи Кубы и СССР.

Успехи Кубы в отстаивании своего суверенитета, в социальной области, ее солидарность с другими народами в условиях роста освободительного движения в Латинской Америке и стремлений к сотрудничеству стран региона в первой половине 70-х годов оживили интерес к Кубе и к развитию связей с нею с их стороны. Куба стала занимать более гибкую позицию и выходить из состояния изоляции и блокады в регионе. В 1970 г. Куба оказала помощь Перу, пострадавшей от сильного землетрясения. Между обеими республиками установились дружеские связи, закрепленные в 1972 г. дипломатическими отношениями. В ноябре 1970 г. правительство Народного единства Чили также восстановило дипломатические отношения с Кубой. В ноябре — декабре 1971 г. состоялся визит Ф. Кастро в Чили, а в декабре 1972 г. Кубу с ответным визитом посетил президент Чили С. Альенде. Военный переворот в сентябре 1973 г. в Чили вновь привел к разрыву отношений между двумя странами. Куба проявила активную солидарность с чилийскими революционерами — жертвами репрессий. Многие из них нашли убежище на острове. В 70-е годы развивалось сотрудничество Кубы с Ямайкой и Гайаной. В 1973 г. дипломатические отношения с Кубой восстановила Аргентина, предоставившая кредит на закупку машин и оборудования. В 1974 г. дипломатические отношения с Кубой восстановили Венесуэла и Панама, в 1975 г. — Колумбия. В июле 1975 г. ОАГ по настоянию большинства латиноамериканских стран санкционировала их право свободно определять свои отношения с Кубой: тем самым коллективный бойкот Кубы со стороны членов ОАГ отменялся. В 1975 г. Куба стала одним из инициаторов и участников региональной Латиноамериканской экономической системы (ЛАЭС).

В середине 70-х годов был наконец завершен процесс формирования Коммунистической партии Кубы, разработана конституция и созданы постоянно действующие конституционные органы власти республики. В декабре 1975 г. состоялся I съезд партии, который принял устав, программную платформу и избрал ЦК. Первым секретарем ЦК КПК был избран Фидель Кастро, а вторым секретарем — его брат Рауль Кастро. Численность партии, насчитывавшей в 1965 г. 50 тыс. человек, увеличилась до 211,6 тыс. человек. I съезд КПК одобрил проект конституции республики и вынес его на всенародный референдум. 15 февраля 1976 г. конституция

получила поддержку 97,7 % участников референдума и 24 февраля 1976 г. вступила в силу. Согласно конституции, «Республика Куба является социалистическим государством рабочих, крестьян и других работников физического и умственного труда». Конституция закрепила осуществленные революционные преобразования, государственную («общенародную») собственность на основные средства производства, руководящую роль единственной в стране коммунистической партии в обществе. Утверждалось право на труд, отдых, образование, медицинское обслуживание и социальное обеспечение. По конституции народ осуществляет свою власть через выборные ассамблеи, которые образуют исполнительные органы власти. Был создан выборный Верховный народный суд.

В июле 1976 г. республика была разделена на 14 провинций вместо прежних шести и на 169 муниципий. Промежуточное районное звено ликвидировалось. В октябре — ноябре 1976 г. состоялись выборы в муниципальные, провинциальные и Национальную ассамблею народной власти. Население из своей среды на каждое место в муниципальную ассамблею выдвигало не менее двух и не более восьми кандидатов, с тем чтобы выборы имели альтернативный характер¹. Члены муниципальных ассамблей из своего состава выбирали депутатов провинциальных и Национальной ассамблей. В декабре 1976 г. состоялась I сессия Национальной ассамблеи народной власти — кубинского парламента в составе 481 депутата. Она избрала высший коллегиальный орган власти на периоды между сессиями ассамблеи — Государственный совет из 31 человека и правительство — Совет министров. Пост президента республики, который с 1959 по 1976 г. бессменно занимал Освальдо Дортикос Торрадо, упразднился. Председателем Государственного совета и Совета министров был утвержден Фидель Кастро, а его первым заместителем и министром вооруженных сил — Рауль Кастро.

Обрамление утвердившегося на острове революционного режима конституционными формами не меняло его тоталитарной сущности.

АКТИВИЗАЦИЯ ЛЕВЫХ И ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ СИЛ В ОСТАЛЬНЫХ СТРАНАХ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 50-Х — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 60-Х ГОДОВ

Кризис зависимого пути развития капитализма. Несмотря на успехи индустриализации в 30—50-е годы, сохранялось подчиненное, периферийное положение стран Латинской Америки в мировом хозяйстве как поставщиков аграрно-сырьевых товаров. Начавшееся

¹ В те времена это отличало Кубу с выгодной стороны от СССР и других социалистических стран, где выборы были вообще безальтернативными и сводились к пустой формальности.

в 50-е годы неуклонное падение цен на эти товары на мировом рынке болезненно отразилось на экономике стран региона, усилив проявления кризиса сложившихся в условиях зависимого капиталистического развития традиционных социально-экономических структур. Недостаточная эффективность сельскохозяйственного производства при преобладании латифундизма и сравнительно отсталом агротехническом уровне не позволяла латиноамериканским странам успешно конкурировать на мировом рынке с экспортерами дешевой аграрной продукции — США, Канадой, Австралией, Новой Зеландией. Объем сельскохозяйственного производства на душу населения в регионе оставался не выше довоенного. Доля Латинской Америки в мировом экспорте сократилась с 12 % в 1948—1950 гг. до 6,3—6,5 % в 1961—1963 гг. Цены же на машины и оборудование, в которых остро нуждалась Латинская Америка, увеличивались все более. Доминирующее положение ведущих индустриальных держав на мировом рынке позволяло им поддерживать выгодные для них и невыгодные для периферийных стран цены.

Сокращение доходов от внешней торговли вело к нехватке капиталов, финансовому кризису, инфляции, заставляло ограничивать импорт необходимых машин и оборудования, тормозило экономическое развитие. Среднегодовые темпы роста валового национального продукта уменьшились с 5 % в 1950—1954 гг. до 4 % в 1960—1964 гг., а на душу населения — с 2,2 до 1,1 %. Бюджетный дефицит в Аргентине, Бразилии, Перу и Чили в начале 60-х годов достигал 25—30 %. Нехватка финансовых средств побуждала во все больших масштабах привлекать иностранный капитал. Но вывоз прибылей по ним превышал приток новых средств, рос внешний государственный долг.

Положение осложнял «демографический взрыв». Темпы роста населения в Латинской Америке в 1955—1965 гг. достигли 2,8 % в год — рекордного уровня даже по сравнению с Азией и Африкой. За 20 лет (1950—1970) население региона увеличилось со 164 млн. до 284 млн. человек, а его доля в населении мира — с 6,5 до 7,6%. Более 40 % латиноамериканцев были моложе 15 лет. Это привело к уменьшению удельного веса экономически активного населения (с 35,4 % в 1950 г. до 31,6 % в 1970 г.).

В условиях инфляции быстро росла дороговизна жизни. За 20 лет до 1970 г. потребительские цены повысились в Колумбии, Перу, Мексике в несколько раз, в Аргентине — почти в 100 раз, в Уругвае — в 170 раз, в Боливии и Чили — в 200 раз, в Бразилии — в 250 раз. Заработная плата часто не поспевала за ценами. Приток разоренного сельского населения в столицу и другие крупные города усугублял положение. В 1960 г. 15 % населения Латинской Америки проживало в столицах. В Монтевидео в 1950 г. было сосредоточено

36 % жителей Уругвая, а в 1970 г. — уже 49 %, в Буэнос-Айресе — соответственно 26 и 35 % жителей Аргентины, в Сантьяго — 23 и 28 % населения Чили, в Лиме — 8 и 21 % жителей Перу. Скопление гигантских масс населения в крупнейших городах обостряло жилищную проблему и проблему занятости. До 25—40 % населения крупных городов проживало в «поселках нищеты». В целом по региону безработица достигала 5—10 %, а с учетом ее скрытых форм и неполной занятости — до 30—40 % рабочей силы. Острые социальные контрасты, нищенские условия жизни большей части населения города и деревни порождали социальную напряженность. К этому добавлялось господство в большинстве стран авторитарных, диктаторских режимов, постоянные нарушения или просто отсутствие элементарных политических свобод и гражданских прав, произвол и репрессии властей.

Нарастание освободительной борьбы. Недовольство существующим положением и осознание необходимости перемен охватило широкие слои населения и начиная со второй половины 50-х годов вылилось в мощный подъем революционного и демократического движения с участием трудящихся, крестьян, студенчества, средних слоев, либеральных кругов национальной буржуазии. На первый план встали задачи борьбы против диктатур, за демократические, аграрные и антиимпериалистические преобразования.

Волна освободительной борьбы стала нарастать с 1956 г. В этом году была свергнута диктатура генерала Мануэля Одриа в Перу и восстановлено конституционное правление. В Никарагуа 20 лет правивший страной генерал Анастасио Сомоса, виновник гибели Сандино, пал от пуль 19-летнего патриота Ригоберто Лопеса, пожертвовавшего своей жизнью ради освобождения страны от одиозного диктатора. Семейство Сомосы удержалось у власти, которая перешла к двум сыновьям убитого правителя. В конце 1956 г. началась революционная партизанская война на Кубе, возглавленная Фиделем Кастро и быстро переросшая в революцию.

10 мая 1957 г. в Колумбии в результате всеобщей забастовки, поддержанной как демократическими и левыми силами, так и консервативной оппозицией, пал диктаторский режим генерала Рохаса Пинильи. Власть перешла к военной хунте, которая объявила об освобождении политзаключенных, о прекращении карательных акций против партизанского крестьянского движения и о переходе страны к конституционному режиму. Почти 10 лет Колумбия находилась в состоянии «виоленсии» (господства насилия) — партизанской войны в деревне, карательных акций армии, военной диктатуры. Чтобы обеспечить стабильность в стране, главные партии страны — консерваторы и либералы — заключили между собой соглашение о Национальном фронте, которое должно было действовать 16 лет начиная с 1958 г. На этот период обе партии договорились

о паритетном распределении между ними мест в правительстве, в Национальном конгрессе и в других органах власти и о поочередной смене президентов каждые 4 года: в первые 4 года президентом должен был стать либерал, затем — консерватор, потом — опять либерал — и так 16 лет. Это соглашение действительно положило конец открытой вражде между основными партиями Колумбии, помогло прекратить гражданскую войну, отстранить армию от прямого участия в политике и открыть путь к длительному конституционному режиму. Но это был ущербный, выхолащенный конституционный режим, лишивший выборы их реального значения и отстранявший остальные партии, в том числе левые, от активного участия в политической жизни. Это был путь к стабилизации власти господствующих классов в конституционных формах. В мае 1958 г. состоялись президентские выборы, на которых президентом на 4 года был избран общий кандидат двух партий Национального фронта либерал А. Льерас Камарго (1958—1962). В августе 1958 г. военная хунта передала ему власть.

В 1957 г. была ликвидирована диктатура в Гондурасе, убит диктатор Гватемалы Кастильо Армас — руководитель контрреволюционной интервенции 1954 г.

В Венесуэле в 1957 г. все основные партии страны (включая и коммунистическую) создали Патриотическую хунту с целью борьбы против диктатуры Переса Хименеса. 21 января 1958 г. в Каракасе вспыхнула организованная хунтой всеобщая забастовка, переросшая в народное восстание. К восстанию примкнули подразделения армии и флота во главе с контрадмиралом Вольфгангом Ларрасабалем. 23 января восстание победило. Перес Хименес бежал из страны. Была сформирована Временная правительственная хунта под руководством В. Ларрасабалья, действовавшая при сотрудничестве с демократическими партиями. Она восстановила демократические свободы, освободила политзаключенных, подготовила всеобщие выборы, состоявшиеся в декабре 1958 г. На этих выборах победил лидер национал-реформистской партии Демократическое действие, бывшей у власти в 1945—1948 гг., Ромуло Бетанкур. За него проголосовало более 49 % избирателей. Поддержанный левыми силами, В. Ларрасабаль получил 34,6 % голосов и вышел на первое место в столице. Укрепила свои позиции компартия, численность которой достигла 40 тыс. человек. На выборах в парламент она набрала 6,6 % голосов, получив 7 мандатов. В феврале 1959 г. Р. Бетанкур стал конституционным президентом на 5-летний срок (1959—1964). Временной хунте и правительству Бетанкура пришлось в 1958—1960 гг. подавить несколько военных мятежей правых сил, недовольных демократическими преобразованиями.

В 1958 г. в Аргентине власть военных также сменилась конституционным правительством радикалов. Значительных успехов в том же году добились левые силы Чили.

Широко распространились антиамериканские настроения. Серьезной критике империалистическая политика США в Латинской Америке подверглась на межамериканской экономической конференции в Буэнос-Айресе в 1957 г. В мае 1958 г. визит вице-президента США Ричарда Никсона в страны региона был встречен массовыми протестами. Из Каракаса ему пришлось выбираться с помощью военных вертолетов, спасаясь от возбужденных толп демонстрантов. С 1956 г. в Панаме началось массовое движение студентов и трудящихся за возврат республике зоны Панамского канала. В 1958 г. движение приняло характер забастовок и демонстраций, сопровождавшихся столкновениями с американскими войсками.

Победа Кубинской революции в январе 1959 г. и революционные преобразования на острове явились важнейшим событием этих лет, оказавшим революционизирующее воздействие на другие страны. Большой размах приобрело движение солидарности с Кубинской революцией, охватившее континент и выразившееся в забастовках, митингах, демонстрациях и других формах.

Невиданных прежде масштабов достигла стачечная борьба трудящихся. Если на рубеже 50-х годов в Латинской Америке ежегодно бастовали 2,5—3 млн. человек, то в 1956—1958 гг. — 8—12 млн., а в 1959—1961 гг. — 18—21 млн. человек. Высоким оставалось число стачечников в 1962—1963 гг. — 14—17 млн. участников. Рабочие выступали не только за улучшение своего положения, но и с требованиями демократических, социальных и антиимпериалистических преобразований. Частым явлением стали всеобщие политические забастовки, сопровождавшиеся митингами и демонстрациями, ожесточенными схватками с полицией и войсками. Трудящиеся сыграли активную роль в свержении диктаторских режимов и защите демократических свобод.

Особым размахом отличалось забастовочное движение в Аргентине, Уругвае и Чили. В 1959—1960 гг. в Панаме и Коста-Рике рабочие банановых плантаций провели успешные забастовки против американской компании «Юнайтед фрут». Народные демонстрации в Панаме против хозяйничанья США в зоне канала приняли еще большие размеры, чем в предыдущие годы. В ноябре 1959 г. американские войска расстреляли панамских демонстрантов, когда те попытались поднять флаг в зоне канала. Упорством отличалась борьба боливийских горняков в начале 60-х годов против наступления правительства на их завоевания, достигнутые благодаря революции 1952 г. Важную роль сыграл рабочий класс Бразилии в поражении правых сил в августе — сентябре 1961 г. В Доминиканской Республике после убийства в мае 1961 г. долголетнего диктатора генералиссимуса Рафаэля Трухильо¹ массовые забастовки трудящихся

¹ В середине XX в. было в мире 4 генералиссимуса — Сталин в СССР, Франко в Испании, Чан Кайши на Тайване и Трухильо в Доминиканской Республике.

в октябре — декабре 1961 г. заставили власти ускорить переход к конституционному правлению. В марте — апреле 1962 г. в Гватемале антиправительственные выступления охватили всю страну и переросли в бурную всеобщую политическую стачку. В феврале — марте 1963 г. волнения возобновились.

На волне подъема рабочего и демократического движения укрепили и расширили свои позиции коммунистические партии и левые течения в профсоюзах. Численность компартий региона (не считая Кубы) превысила 300 тыс. человек. В январе 1964 г. в столице Бразилии на конгрессе представителей левых профсоюзов 18 стран был создан Постоянный конгресс профсоюзного единства трудящихся Латинской Америки (ПКПЕТЛА). Примкнувшие к нему организации объединяли до 4 млн. человек.

В конце 50-х — начале 60-х годов усилилась борьба крестьян и сельскохозяйственных рабочих за землю. Крестьянские выступления — захваты земель, демонстрации и митинги — охватили Венесуэлу и Перу. В Перу в 1960—1964 гг. в захватах земель участвовали сотни тысяч индейцев-общинников и безземельных крестьян. В Колумбии созданные крестьянами при участии коммунистов в горных районах отряды самообороны защищали занятые ими земли. На северо-востоке Бразилии в начале 60-х годов шла борьба крестьянских лиг за землю.

По примеру Кубы в ряде стран революционно настроенная молодежь уходила в сельские районы, в горы, создавая там партизанские очаги и поднимая население на вооруженную борьбу. 13 ноября 1960 г. в Гватемале подняли восстание воинские части, возглавленные революционными офицерами. Восставшие заняли города Пуэрто-Барриос и Сакапу, но после 4 дней боев потерпели поражение. В начале 1962 г. произошло новое революционное восстание военных в Гватемале. Оно также потерпело неудачу. Некоторые из участников обоих восстаний укрылись в горах и начали партизанскую борьбу, которая приняла затяжной характер. В Никарагуа молодые революционеры в 1961 г. создали Сандинистский фронт национального освобождения (СФНО), организовавший партизанские выступления против диктаторского режима. Очаги партизанской борьбы появились в Эквадоре, несколько позже — в Перу. В Колумбии в ответ на вторжение армии в районы, контролировавшиеся отрядами крестьянской самообороны, в мае 1964 г. также возобновилась партизанская война.

В Венесуэле во второй половине 1960 г. обострились взаимоотношения левых сил (коммунисты, отколовшаяся от основной правящей партии группировка «Левое революционное движение» — МИР, левые студенческие и профсоюзные организации) с правительством Р. Бетанкура. Левые обвиняли его в отказе от антиимпериалистического курса, во враждебной позиции в отношении

революционной Кубы, в ухудшении положения трудящихся. В октябре—ноябре 1960 г. они организовали антиправительственные забастовки и демонстрации, которые привели к уличным схваткам с полицией и войсками. В ответ правительство предприняло репрессии. В ноябре 1961 г. Венесуэла разорвала дипломатические отношения с Кубой, после чего произошли новые демонстрации и столкновения. В мае 1962 г. вспыхнули восстания революционно настроенных военных в городах Карупано и Пуэрто-Кабельо. После их подавления правительство запретило компартию и МИР. Сумевшие укрыться участники военных выступлений, коммунисты и МИР начали партизанскую войну. В конце 1962 г. они объединились во Фронт национального освобождения, а на базе партизанских отрядов в феврале 1963 г. были созданы Вооруженные силы национального освобождения. Однако переход коммунистов и их союзников к вооруженной борьбе против конституционного национал-реформистского правительства, пользовавшегося широкой поддержкой в стране, привел к утрате ими завоеванных ранее важных легальных позиций и не встретил понимания основной части населения. Партизанская война затянулась на несколько лет, сопровождаясь жертвами, но к успеху не привела. Правда, она побудила правительство ускорить аграрные преобразования, чтобы лишить повстанцев социальной поддержки в сельской местности.

В борьбе против диктатур, за демократические свободы, в антиимпериалистических выступлениях в конце 50-х — начале 60-х годов участвовали широкие слои населения. Активизировались национал-реформистские течения. Реформистскую политику проводили правительства Жоао Гуларта в Бразилии (1961—1964), Хуана Боша в Доминиканской Республике (январь — сентябрь 1963 г.), Ромуло Бетанкура в Венесуэле (1959—1964), Лопеса Матеоса в Мексике (1958—1964) и др. Реакционные диктаторские режимы сохранились в немногих странах (Парагвай, Никарагуа, Сальвадор, Гватемала). В 1957 г. была установлена мрачная диктатура «папы-дока» Франсуа Дювалье (1957—1971) в Гаити.

Начался процесс деколонизации владений Великобритании в Карибском бассейне. В августе 1962 г. добились политической независимости Ямайка (1,8 млн. жителей к 1970 г.) и Тринидад и Тобаго (0,9 млн. жителей). В крупнейшей по территории колонии Карибского бассейна Британской Гвиане (215 тыс. км² — почти вдвое больше Кубы, население к 1970 г. — 700 тыс.) борьбу за независимость возглавляла Народно-прогрессивная партия (коммунисты). Ее основатель и лидер Чедди Джаган в 1957—1964 гг. был премьер-министром колонии. Великобритания, однако, оттягивала предоставление независимости, пока к власти в колонии не пришли в декабре 1964 г. более умеренные силы. В мае 1966 г. Британская Гвиана получила независимость. Новое государство стало

называться Гайаной. В ноябре 1966 г. независимость приобрел Барбадос (235 тыс. жителей). К традиционным 20 латиноамериканским республикам Латинской Америки прибавились 4 новых небольших англоязычных государства с общим населением более 3,5 млн. человек.

Развитие социально-политической борьбы в Чили, Аргентине и Бразилии. Значительных масштабов достигло во второй половине 50-х — первой половине 60-х годов рабочее и демократическое движение в Чили, Аргентине и Бразилии. Рабочий класс стал влиятельной силой в социально-политической борьбе, развернувшейся в эти годы в Чили и Аргентине. В обеих странах действовали мощные единые национальные профцентры, активно развивавшие стачечное движение. В Чили в рабочем и демократическом движении ведущую роль завоевали революционные партии — коммунистическая и социалистическая, действовавшие совместно. В Аргентине рабочие организации контролировались перонистами, придерживавшимися националистических идей. И здесь массовые выступления рабочего класса оказали большое воздействие на эволюцию социально-политической обстановки в стране. В Бразилии трудящиеся также были активными участниками борьбы за прогрессивные преобразования, хотя общий уровень развития рабочего движения и его воздействие на ход событий были меньшими. В начале 60-х годов в Бразилии стала быстро нарастать волна антиимпериалистического и демократического движения, пестрого и аморфного по составу, в котором на первый план вышли левонационалистические течения. Страна оказалась в состоянии острого социально-политического кризиса, разрешить который в свою пользу левые и демократические силы оказались не в состоянии, что имело трагические для них последствия. Во всех трех странах активно проявили себя на политической арене сторонники реформистских преобразований. Предпринятые попытки реформ в каждом случае имели свои особенности.

Чили. По темпам экономического роста Чили отставала от ряда латиноамериканских стран. Ее удельный вес в валовом внутреннем продукте (ВВП) региона уменьшился с 7,4 % в 1950 г. до 5,4 % в 1970 г. Но достигнутый ею уровень развития был сравнительно высоким, если учесть, что население Чили в 1970 г. (9,3 млн. человек) составляло лишь 3 % населения региона. Доля промышленности и смежных с нею отраслей в ВВП страны за 60-е годы поднялась с 43,2 до 53 %, а сельского хозяйства — упала с 10,6 до 8,6 %. Соотношение в пользу промышленности здесь было большим, чем в Бразилии, Мексике и даже Аргентине. В определенной мере это объяснялось наличием значительной добывающей промышленности и меньшей ролью сельскохозяйственного производства, не обеспечивавшего внутренние потребности. В первой половине 60-х

годов обрабатывающая промышленность росла довольно высокими темпами (7,3 % в год), но затем темпы ее роста сократились вдвое.

Чили отличалась высоким уровнем концентрации и монополизации производства. В 1963 г. 190 предприятий обрабатывающей промышленности (с числом занятых выше 200 человек) располагали 44 % рабочей силы и 58 % капитала. В промышленно-финансовой сфере доминировали семейные монополистические группы Алессандри, Матте, Эдвардса, Ярура. Группа Алессандри — Матте контролировала 80 % производства бумаги, занимала ведущее положение в цементной промышленности, имела влиятельные позиции в банковской системе. Клан Эдвардсов располагал ключевыми позициями в стекольной, керамической, спирто-водочной промышленности, внедрился в текстильную и угольную промышленность, владел банком «Эдвардс», контролировал финансовые и страховые компании. Группа Ярура доминировала в текстильном производстве, а также владела банками. Компания Лота — Швагер контролировала 80 % добычи угля. На другом полюсе находилось 70 тыс. мелких предпринимателей и кустарей (до 5 занятых).

Иностранные капиталовложения в Чили к концу 60-х годов достигли 1,3 млрд. долл. На долю компаний США приходилось 80 % добычи меди — ведущей отрасли чилийской экономики, 90 % добычи селитры и йода, 60 % железной руды.

Активную роль в стимулировании промышленного прогресса играло государство, сосредоточившее в своих руках добычу и переработку нефти (за 1953—1965 гг. добыча нефти увеличилась в 10 раз — до 1,7 млрд. т), 80 % железных дорог, большую часть электроэнергии, ему принадлежали влиятельные позиции в металлургии и других отраслях.

В деревне сохранялось господство традиционного латифундизма с наличием докапиталистических пережитков. 1,3 % хозяйств (размером более 1 тыс. га) располагали 73 % земельных угодий, а 47,5% хозяйств (до 5 га) — 0,67 % угодий. Сельскохозяйственное производство отставало от нужд страны. В начале 60-х годов ежегодные затраты на импорт недостающего продовольствия превысили 120 млн. долл. Основная часть сельского населения имела низкий жизненный уровень, 34 % его были неграмотны.

В городах в 1960 г. проживало 66 % чилийцев, а в 1970 г. — более 75 %. В них быстро росли «грибные поселки» нищеты. За 60-е годы занятость в аграрном секторе сократилась с 30 до 24 %, в промышленности и смежных отраслях — увеличилась с 35 до 38,6 %, в торговле и услугах — выросла с 35 до 37,6 % экономически активного населения. Удельный вес лиц наемного труда остался на уровне 70 % — значительно выше среднего по региону. Рабочий класс по-прежнему был основным по численности классом чилийского общества (1 млн. человек, из них 400 тыс. в сельском хозяйстве),

хотя рост его прекратился в связи с уменьшением численности сельскохозяйственных рабочих, рабочих добывающей и некоторых других традиционных отраслей производства при росте новых. Наряду с сильным индустриальным ядром значительная часть пролетариата была занята в мелком производстве. Сохранялся большой удельный вес мелкобуржуазных слоев городского населения, особенно в торговле и услугах, где искало средств к существованию избыточное население городов. Значительно увеличилось количество служащих и специалистов.

Особенности социальной эволюции Чили сказывались и в партийно-политической борьбе, характеризовавшейся укреплением позиций левых партий и растущей поляризацией сил при сохранении многопартийности. Опорой коммунистов и социалистов был Единый профцентр трудящихся (КУТ), возникший в 1953 г. и объединивший основную часть профсоюзов страны (более 300 тыс. человек) на платформе классовой борьбы. Созданный в феврале 1956 г. коммунистами, социалистами и примкнувшими к ним несколькими мелкими демократическими партиями Фронт народного действия (ФНД) выдвинул программу революционных преобразований: национализация иностранных и крупных местных компаний, ликвидация латифундизма, социальные мероприятия в пользу трудящихся и др. В 1957 г. произошло объединение Народно-социалистической и Социалистической партий в единую Социалистическую партию Чили, которая подтвердила свою приверженность революционному марксизму и союзу с компартией. В 1958 г. левым силам удалось наконец добиться отмены закона «О защите демократии» 1948 г. и восстановления легального статуса компартии. На президентских выборах 4 сентября 1958 г. кандидат Фронта народного действия социалист Сальвадор Альенде получил 28,5 % голосов. Лишь на 2,5 % он отстал от победителя, кандидата правых партий консерваторов и либералов Хорхе Алессандри, набравшего 31 % голосов. Большой успех левых сил вселил в них надежду на возможность прихода к власти с помощью выборов.

Хорхе Алессандри был влиятельнейшим представителем промышленно-финансовой верхушки, человеком с технократически-консервативным образом мышления. Он был сыном знаменитого чилийского политика первой половины века Артуро Алессандри, дважды бывшего президентом в 20—30-е годы и умершего в 1950 г. 62-летний Хорхе Алессандри формально был беспартийным. Он старался предстать перед публикой деловым человеком, ведущим честный и добропорядочный образ жизни, стоящим выше партийных дрызг и междоусобиц, озабоченным благосостоянием и будущим всей нации. Правая пресса помогала формированию в общественном мнении такого облика нового президента. В ноябре 1958 г. он сменил на посту престарелого

президента К. Ибаньеса дель Кампо, который вскоре умер в возрасте 83 лет (в 1960 г.).

Правительство Х. Алессандри (1958—1964) стремилось обеспечить экономическое развитие страны поощрением крупного капитала и привлечением иностранных инвестиций и займов. В аграрной политике главное внимание уделялось агротехническим мероприятиям. Острота аграрного вопроса заставила правительство Х. Алессандри разработать закон об аграрной реформе, принятый в ноябре 1962 г. Закон предполагал некоторые меры по смягчению положения мелких земельных собственников и арендаторов и допускал в ограниченных пределах возможность выкупа у помещиков неиспользуемых угодий и распределения их среди крестьян. Итоги применения закона оказались мизерными: было выкуплено 120 тыс. га помещичьих земель, наделы получили 1354 семьи.

Во внешней политике Х. Алессандри сотрудничал с США, но одновременно установил торгово-экономические связи с СССР, долго отказывался присоединиться к антикубинским акциям США и ОАГ. Лишь в конце президентства, в августе 1964 г., по настоянию США правительство Х. Алессандри разорвало дипломатические отношения с Кубой.

Правительству удалось поднять темпы промышленного роста, но экономическое положение оставалось сложным. Возросли расходы на импорт машин, оборудования и продовольствия, увеличилась внешняя задолженность. Инфляция достигла 45 % в год. При правительстве Алессандри в 1960 г. Чили постигло сильное землетрясение, от которого пострадали южные районы страны, что создало дополнительные проблемы. Политика сдерживания заработной платы при росте дороговизны стимулировала забастовочную борьбу, охватившую основные категории рабочих и служащих. Неоднократно проводились организуемые КУТ всеобщие забастовки против социальной и экономической политики правительства.

Продолжали укрепляться позиции левых сил. На парламентских выборах в марте 1961 г. компартия набрала 11,8 % голосов и приобрела 16 депутатских мандатов (из 147) и 4 места в Сенате (из 45). Социалисты получили 11,1 % голосов (12 мест в Палате депутатов и 7 в Сенате).

Оживилась умеренная оппозиция, группировавшаяся вокруг Христианско-демократической партии (ХДП). Предшественницей ХДП была Националистическая фаланга, возникшая в 30-е годы на базе молодежного левого крыла Консервативной партии, воспринявшая социальную доктрину христианства и вскоре отмежевываясь от консерваторов. Основателем и лидером фаланги был Эдуардо Фрей (1911—1982), юрист по образованию, выпускник Католического университета. Долгое время Националистическая фаланга оставалась небольшой партией, занимавшей в политической жизни промежу-

точные позиции между левыми и правыми. В 40—50-е годы Э. Фрей основные усилия посвятил разработке идеологических и программных основ возглавляемого им течения как реформистской альтернативы правым и левым силам. В 1957 г. Националистическая фаланга объединилась с другой родственной организацией в Христианско-демократическую партию (ХДП). Лидером новой партии остался Э. Фрей. В короткие сроки ХДП удалось заполнить значительное промежуточное пространство между левым и правым флангами политической арены и превратиться в крупнейшую центристскую, реформистскую силу. ХДП приобрела влияние в средних слоях, студенчестве, либеральной интеллигенции и поддержку части трудящихся. Не имея возможности создать собственный профцентр, христианские демократы участвовали в КУТ, где они стали третьим по значению течением после коммунистов и социалистов и входили на правах меньшинства в руководство профцентра. В 1958 г. Э. Фрей, выдвинутый от ХДП кандидатом в президенты, собрал 20 % голосов, заняв третье место.

Острая политическая борьба развернулась в Чили в период президентской избирательной кампании 1964 г. Фронт народного действия снова, уже третий раз подряд, выдвинул кандидатом в президенты сенатора-социалиста Сальвадора Альенде. От ХДП вновь стал кандидатом Эдуардо Фрей, выступивший с программой реформ под лозунгом «Революция в условиях свободы!». Программа Фрея была рассчитана на то, чтобы привлечь революционизировавшиеся, ожидавшие перемен народные массы, отвлечь их от ФНД и в то же время не отпугнуть чрезмерным радикализмом умеренно настроенные слои населения. Многие положения его программы напоминали программу Альенде, так что рядовому чилийцу порой трудно было их различить. Но требования преобразований у Фрея были выражены в менее определенных и в то же время более привлекательных формулировках. Например, вместо национализации меди, которой требовал Альенде, Фрей говорил о ее «чилизации». Оба кандидата обещали покончить с латифундизмом. Во многом совпадали и обещания в области социальной политики. Но тут Фрей представил больше конкретных цифр в жилищном строительстве и других сферах, расписав по годам, когда, что и сколько сделает его правительство. Аналогичные цифры содержал и раздел по развитию экономики. Фрей делал акцент на том, что его правительство осуществит преобразования мирно, в условиях соблюдения правопорядка и дальнейшего расширения демократических свобод, при сохранении лояльных отношений с США. Э. Фрей выступал с проектом «коммунитарного общества», который выдвигала ХДП. По нему предполагалось вовлечение всего населения в различные массовые организации и через них приобщение рядовых чилийцев к управлению обществом на разных уровнях, начиная с местного

самоуправления. Сам Фрей придерживался осторожной, умеренной трактовки «коммунитарного общества» как цели ХДП. Левое же крыло христианских демократов (Рафаэль Гумусио, Жак Чончоль и др.) склонялось к тому, чтобы видеть в «коммунитарном обществе» реальное и даже решающее участие трудящихся, народных масс в управлении обществом и производством, широкое распространение коллективистских, кооперативных форм собственности, самоуправляемый демократический социализм.

Правые силы — консерваторы и либералы блокировались с Радикальной партией, предполагая выдвинуть общим кандидатом лидера правого крыла радикалов Хулио Дурана. Однако ход начавшейся избирательной кампании показал, что при наличии трех конкурирующих друг с другом кандидатов первое место явно мог получить Альенде. В преддверии выборов к ФНД примыкали все новые сторонники и попутчики. Тогда консерваторы и либералы предпочли отказаться от выдвижения собственного кандидата, не претендовать на сохранение власти в своих руках и призвали собственных сторонников голосовать за Фрея, лидера реформистской оппозиции, с тем чтобы помешать прийти к власти Альенде, выбирая «меньшее зло» и надеясь в дальнейшем повлиять на политику Фрея. Что касается радикалов, среди которых ширились настроения в поддержку Альенде, правое руководство партии решило выдвинуть Х. Дурана кандидатом от Радикальной партии, без всяческих шансов на успех, но чтобы не допустить голосования сторонников партии за Альенде или Фрея.

В результате основными конкурентами в борьбе за власть стали Э. Фрей и С. Альенде, ХДП и ФНД. США высказывали симпатии Фрею и обещали поддержку Чили в случае его победы. Правые силы и сторонники Фрея запугивали избирателей, что в случае победы Альенде Чили ждут диктатура, террор, экспроприации, блокада со стороны США, разруха и голод. Левые приложили много сил, чтобы добиться победы Альенде. На выборах 4 сентября 1964 г. он получил 38,6 % голосов — намного больше, чем прежде. Но Э. Фрей набрал абсолютное большинство голосов — 54 % и был избран президентом. Х. Дуран получил лишь около 4,5 % голосов. Большинство радикалов, вопреки распоряжению правого руководства партии, проголосовало за Альенде. Итоги выборов 1964 г. означали сдвиг влево в политической жизни Чили, который выразился как в дальнейшем расширении позиций левых сил, так и в переходе власти от правых сил к реформистской оппозиции в лице ХДП.

Аргентина. Социально-экономическое развитие Аргентины отличалось неравномерностью и противоречивостью. Рост валового внутреннего продукта (ВВП) в 60-е годы несколько увеличился по сравнению с 50-ми годами (в среднем за год с 3 до 4,4 %), но оставался ниже среднего уровня по региону. Доля Аргентины в ВВП

Латинской Америки продолжала снижаться (19 % в 1960 г. и 17 % в 1970 г.), хотя оставалась высокой (третье место после Бразилии и Мексики). По ВВП на душу населения Аргентина и к 1970 г. по-прежнему значительно опережала остальные страны (кроме Венесуэлы с ее доходами от нефти). Заметно увеличилось промышленное производство, среднегодовые темпы которого за 60-е годы составили 5,6 %. Из аграрно-индустриальной страны Аргентина превратилась в индустриально-аграрную. Доля промышленности и смежных отраслей в ВВП возросла с 44 % в 1960 г. до 49 % в 1970 г., а сельского хозяйства — сократилась с 16 до 13 %. Правда, аграрный сектор продолжал обеспечивать основную часть экспорта и инвалютных поступлений. Получили развитие сравнительно новые отрасли промышленности — машиностроение, автомобильная, атомная. Производство стали за 60-е годы увеличилось с 0,3 млн. т до 1,9 млн. т, парк легковых автомобилей — втрое, производство электроэнергии — более чем вдвое (до 21,7 млрд. кВт·ч). Традиционные же отрасли — пищевая, текстильная, деревообрабатывающая и др. — либо пребывали в состоянии застоя, либо развивались медленно.

Аргентинской промышленности были свойственны, с одной стороны, значительная концентрация труда на крупных заводах (в 1964 г. 1,8 % предприятий обрабатывающей промышленности сосредоточили свыше половины занятых в ней рабочих), с другой — наличие массы мелких кустарных предприятий (90 % их общего количества). Территориальное размещение промышленности также отличалось крайней неравномерностью. В 1964 г. в Буэнос-Айресе с пригородами находилось 53 % всех рабочих и служащих обрабатывающей промышленности страны.

В 40—50-е годы в Аргентине сложился местный монополистический капитал, захвативший влиятельные позиции в экономике и ставший ведущей составной частью буржуазно-помещичьей верхушки. Крупнейшими монополистическими объединениями были группы Васена, Мартинес-де-Ос, Альсогарай, Лануссе. Их представители часто занимали ключевые посты министров экономики и финансов в правительствах Аргентины 50—80-х годов, определяя основные направления социально-экономической политики. Аргентинские корпорации были тесно связаны с иностранным капиталом, в первую очередь с североамериканским. Прямые иностранные инвестиции в Аргентине увеличились с 1,3 млрд. долл. в 1955 г. до 3 млрд. в 1973 г. Иностранные и смешанные компании к началу 70-х годов контролировали до 40 % промышленной продукции и $\frac{1}{6}$ сельскохозяйственных земель.

Аргентину 60-х годов отличал высокий удельный вес наемного труда (70 % экономически активного населения — ЭАН) и пролетариата. Общая численность рабочего класса к 1970 г. достигала 4 млн. человек (из 9 млн. ЭАН, из которых более 2 млн. были заняты

в промышленности и связанных с нею отраслях, около 1 млн.— в сельском хозяйстве). Удельный вес наемного труда в аграрном секторе к 1970 г. достигал 53 %, а с учетом «батраков с наделом» — около $\frac{2}{3}$. Большой вес в сельскохозяйственном производстве имели крупнотоварные капиталистические и фермерские хозяйства, хотя развитие капитализма в деревне происходило при преобладании латифундизма. За полтора десятилетия (до 1970 г.) тракторный парк вырос в 3,5 раза, применение минеральных удобрений — почти в 6 раз. Но среднегодовые темпы увеличения сельскохозяйственной продукции (1,5 %) отставали от роста населения (1,8 %). На Аргентине тяжело отразились падение цен на мировом рынке на зерно и мясо и рост цен на импортируемую промышленную продукцию, а также возросший вывоз прибылей из страны иностранными монополиями. Утечка капиталов, неблагоприятный внешнеторговый баланс, дефицит бюджета, инфляция, рост дороговизны стали постоянными явлениями. В 1958 г. 1 доллар был равен 40 песо, а в 1970 г. — 400. Внешняя задолженность выросла с 1,5 млрд. долл. в 1960 г. до 2,5 млрд. — в 1970 г. Господствующие классы после свержения Перона (1955) пытались сохранить свои позиции и решить финансовые и экономические проблемы за счет трудящихся. Доля лиц наемного труда в национальном доходе сократилась с 47 % в 1952 г. (при Пероне) до 38 % в 1970 г.

Обострение социальных и экономических противоречий предопределило нарастание классовой и политической борьбы во второй половине 50-х и в 60-х годах. Реакционная политика военного режима генерала Э. Арамбуру (1955—1958) восстановила против него трудящихся. Запрет Перонистской партии и отмена достигнутых рабочим классом при Пероне завоеваний вновь усилили симпатии пролетарских масс к подвергшейся гонениям и преследованиям партии и ее опальному вождю, в котором они видели своего защитника. В свою очередь, лишённые власти и поддержки крупной буржуазии перонисты сами обратились к рабочему движению, видя в нем единственную оставшуюся на их стороне реальную силу и надеясь с его помощью восстановить свои позиции в стране. В результате перонизм оказался более тесно связанным с рабочими организациями, с борьбой трудящихся масс. Это сказалось на дальнейшей эволюции перонистского движения, способствовало развитию в его рядах левонационалистических настроений, хотя в целом идеологической основой перонизма остался национал-реформизм.

Несмотря на предпринятые усилия, правительству так и не удалось серьезно подорвать позиции перонистов в профсоюзах. Правда, в 1957 г. было создано объединение «32-х профсоюзов», позже получившее название «независимых», в которое вошли профсоюзы, оказавшиеся под влиянием неперонистских течений (синдикалисты, социал-демократы, социалисты, радикалы) и связан-

ные с Межамериканской региональной организацией трудящихся (ОРИТ). Но большинство профсоюзов вошло в созданное одновременно перонистское объединение «62-х профсоюзов». В него вступили и несколько усилившиеся профсоюзы, руководимые коммунистами. Однако антикоммунистические настроения и претензии на монопольное руководство рабочим движением со стороны перонистской профсоюзной верхушки побудили коммунистов в конце 1958 г. создать собственное Движение за единство и координацию действий профсоюзов (МУКС), которое контролировало некоторые профсоюзы и действовало также внутри перонистских и «независимых» профсоюзов.

В 1956—1957 гг. Аргентину охватили массовые стачечные выступления. Трудящиеся требовали изменения социальной и экономической политики и восстановления демократических свобод. Всеобщие забастовки трудящихся в сентябре и октябре 1957 г. с участием свыше 4 млн. человек вынудили правительство Арамбуру снять осадное положение и ускорить переход к конституционному правлению. 23 февраля 1958 г. состоялись президентские выборы при сохранении запрета на деятельность Перонистской партии. Победил Артуро Фрондиси, лидер Радикального гражданского союза «непримиримых»¹ — одной из двух партий, на которые раскололся в 1957 г. Радикальный гражданский союз — партия аргентинских радикалов, некогда возглавлявшаяся Иригойеном. Другая партия радикалов — Радикальный гражданский союз «народа»² заняла второе место. Исход выборов во многом решили перонисты, которые не могли выступать от своего имени. За обещание Фрондиси легализовать Перонистскую партию и восстановить национальный профцентр перонисты отдали голоса Фрондиси. Его поддержали и коммунисты.

Программы обеих партий радикалов были во многом сходны. В некоторых пунктах программа РГС «народа» даже выглядела решительнее. Многих привлекла личность Фрондиси. Ему было 50 лет, в прошлом он был известен как один из левых радикалов, последователей Иригойена. В 1955 г. вышла его книга «Нефть и политика», в которой он выступал в защиту национальных нефтяных богатств от посягательств иностранных компаний. Артуро Фрондиси обещал соблюдение демократических свобод и прав трудящихся, запрещение сгона арендаторов с земли, защиту национальной нефти и проведение независимой внешней политики.

1 мая 1958 г. состоялась передача полномочий генералом Арамбуру конституционному президенту. После длительного 28-летнего перерыва радикалы вернулись к власти.

¹ Принцип «непримиримости» радикального движения истолковывался как отказ от компромиссов и сделок с другими политическими течениями.

² Выступала под лозунгами широкого союза «народных» сил, оппозиционных перонизму и военному режиму.

Правительство Фрондиси (1958—1962) восстановило действие конституции 1853 г. и демократические свободы. Была значительно повышена заработная плата трудящимся в связи с ростом дороговизны. Аргентина заключила выгодные экономические соглашения с Советским Союзом.

Однако очень скоро Фрондиси натолкнулся на растущее давление буржуазно-помещичьих кругов и иностранных компаний и на рост экономических затруднений. Это заставило его в конце 1958 г. резко изменить политику. Ключевой фигурой в осуществлении экономического курса правительства стал Рохелио Фрихерио — приверженец технократических подходов к решению проблем страны. Отныне расчеты строились на том, чтобы в первую очередь осуществить ускоренное развитие Аргентины за счет жесткой экономии, интенсификации производства, широкого привлечения иностранного капитала и технологии. На этой основе предполагалось сократить отставание Аргентины от передовых стран, модернизировать ее экономику, что, по мнению правительства, позволило бы в дальнейшем преодолеть периферийное и зависимое положение страны в мировом хозяйстве и решить другие насущные проблемы, в том числе социальные. Правительство Фрондиси в декабре 1958 г. приняло план экономического развития, предложенный Международным валютным фондом (МВФ). План предусматривал сдерживание инфляции, «рационализацию труда» и сокращение расходов на заработную плату трудящимся, льготы иностранным вкладчикам капитала и участие экспертов МВФ в контроле над экономической политикой правительства. На этих условиях Аргентина добилась займов от МВФ и банков США. Иностранные нефтяные компании получили концессии на 5 млн. га аргентинских земель.

Такими мерами правительству удалось оживить экономику, повысить темпы промышленного роста и добиться быстрого увеличения добычи нефти с 4 млн. т в 1953 г. до 9 млн. в 1960 г. и 20 млн. в 1970 г. Это позволило резко ослабить зависимость страны от импорта нефти.

Но оборотной стороной подобного курса были захват иностранным капиталом важных позиций в экономике страны, ухудшение материального положения трудящихся и обострение социальных противоречий. На этой почве росло недовольство правительством, изменившим предвыборным обещаниям. Трудящиеся в январе и сентябре 1959 г. поднимались на всеобщие забастовки против нового курса социально-экономической политики. Правительство реагировало введением осадного положения, направлением войск против бастующих, запрещением деятельности компартии. Однако рабочее движение не стихало. Общее количество участников забастовок в 1960—1962 гг. достигло 25 млн. человек, т.е. каждый работник в среднем бастовал

по несколько раз. Аргентина превратилась в крупнейший центр стачечной борьбы.

В марте 1961 г. была возобновлена легальная деятельность вновь воссозданной в качестве единого национального профцентра Всеобщей конфедерации труда (ВКТ). Правда, сделано это было без созыва съезда и выборов руководящих органов ВКТ, путем передачи правительством полномочий руководства профцентром профсоюзным лидерам перонистов и «независимых». Правительство предпочитало поддерживать «независимых» в противовес перонистам. «Независимые» отстаивали умеренные традиционные реформистские и тред-юнионистские (экономистские) позиции и были настроены против участия профсоюзов в политической борьбе. Но влияние перонистов в профсоюзном движении было намного большим, с чем правительство не могло не считаться. В руководстве ВКТ «независимые» получили паритетную долю постов с перонистами, но перонисты удержали за собой пост генерального секретаря ВКТ, что обеспечило их перевес. Возглавляемый коммунистами МУКС тоже вошел в ВКТ, но не был допущен к участию в руководстве. Сохранившееся и после воссоздания ВКТ соперничество группировок, попытки перонистской профсоюзной верхушки превратить профцентр в орудие Перонистской партии, навязанная ею система жесткого вертикального подчинения низших звеньев профсоюзов высшим («вертикализм»), несоблюдение демократических норм внутри профсоюзов — все это осложняло обстановку в рабочем движении. Но был важен сам факт восстановления единого легального профцентра.

Во внешней политике правительство Фрондиси пыталось маневрировать. В январе 1962 г. Аргентина выразила несогласие с решением об исключении Кубы из ОАГ, однако уже в феврале под нажимом США разорвала дипломатические отношения с Кубой.

Политика правительства Фрондиси, разительно контрастировавшая с тем, что он писал еще совсем недавно в своей книге «Нефть и политика», вызвала недовольство и противодействие не только рабочего класса, но и широких народных сил, РГС «народа», в рядах собственной партии. Против политики Фрондиси выступил его родной брат Рисиери Фрондиси, ректор Буэнос-Айресского университета, и вице-президент республики Гомес, ушедший в отставку. 18 марта 1962 г. на частичных выборах внушительную победу при поддержке левых сил одержали перонистские политические группировки. Многие провинции должны были перейти под их контроль. Размах забастовочной борьбы и итоги выборов показали слабость позиций правительства Фрондиси, что и предreshило его участь. 29 марта 1962 г. оно было свергнуто военными, несмотря на то что Фрондиси согласился с требованиями военных аннулировать итоги выборов.

Сформированное после переворота временное военно-гражданское правительство (по сути, военная диктатура, прикрытая некоторыми гражданскими атрибутами) продолжило политику «стабилизации и развития», согласованную с МВФ, встало на путь подавления демократических свобод и усилило преследования левых сил, перонистов, ввело осадное положение.

Трудящиеся под руководством перонистов ответили новым подъемом борьбы. В 1962 г. состоялись две всеобщие забастовки против политики правительства и ряд других массовых стачек с общим количеством участников 12 млн. человек. В начале 1963 г. состоялся наконец «съезд нормализации» ВКТ, с избранием на нем руководства профцентра. Съезд закрепил и усилил гегемонию в ВКТ перонистов, получивших пост генсека и явное большинство в руководстве. «Независимые» сохранили лишь несколько мест в руководстве и не могли существенно повлиять на деятельность ВКТ. Съезд принял «План борьбы ВКТ» — программу действий против социально-й и экономической политики правительства, за улучшение положения трудящихся, восстановление демократических свобод, освобождение политзаключенных, за антиимпериалистические и антиолигархические преобразования. По этому плану в конце мая 1963 г. была проведена Неделя протеста, включавшая серию митингов, манифестаций и забастовок и завершившаяся 31 мая всеобщей забастовкой.

Среди самих вооруженных сил разгорелась междуусобная борьба двух группировок, приведшая в сентябре 1962 г. и в апреле 1963 г. к открытым боевым действиям крупных воинских контингентов друг против друга. Получилось так, что армия, взявшая на себя роль гаранта стабильности, сама поставила страну на грань гражданской войны. В ходе этих столкновений наиболее реакционная группировка военных, настаивавшая на ужесточении и долговременном сохранении военного режима, потерпела поражение. Тем временем ВКТ готовила новые выступления.

Власти пошли на проведение всеобщих выборов, которые состоялись 7 июля 1963 г. На них с 25 % голосов на первое место вышел Артуро Илья, кандидат от оппозиционного Радикального гражданского союза «народа». К этому времени РГС «народа» превратился в основную партию аргентинских радикалов. Что касается РГС «непримиримых», то после отхода от предвыборной программы 1958 г., дискредитации и провала правительства Фрондиси — лидера партии, эта партия потеряла влияние и раскололась. Одна ее часть сохранила прежнее название, но позднее стала называться просто «Партия непримиримости» и заняла более левые позиции. Другая часть под руководством Фрондиси в 1963 г. организовалась в новую партию — Движение за интеграцию и развитие, которая выступала за курс, осуществлявшийся Фрондиси

на посту президента. Обе эти партии на выборах 1963 г. получили мало голосов. Перонисты, а за ними и коммунисты призвали своих сторонников голосовать пустыми бюллетенями, чтобы тем самым продемонстрировать протест против запрещения своих партий. Таких бюллетеней оказалось 16 %.

Избранный президентом Артуро Ильиа, несмотря на свои 63 года, был мало известен стране. Сельский врач по профессии, родом из Кордовы, он почти всю жизнь провел там, вступил в партию радикалов и был политическим деятелем провинциального масштаба. В начале 1963 г. он был избран лидером РГС «народа» и стал кандидатом в президенты. Ильиа придерживался левоцентристских взглядов, был убежденным сторонником демократии и реформистских преобразований, последователем Иригойена. Технократический курс «рационализации и развития» из-за игнорирования социального и национального факторов не преуспел, привел к падению правительства Фрондиси и уходу военных от власти под напором народного недовольства. Ильиа намеревался возродить путь реформ.

12 октября 1963 г. новый конституционный президент Артуро Ильиа сформировал правительство «народных» радикалов при поддержке некоторых других сил (ввиду отсутствия абсолютного большинства). День 12 октября был избран не случайно: это был день открытия Колумбом Америки и день вступления в должность президента Иригойена в 1916 г. Правительство Ильиа (1963—1966) восстановило конституционные права и демократические свободы, были освобождены политзаключенные, прекращены репрессии. В ноябре 1963 г. Ильиа аннулировал все контракты 1958—1963 гг. о концессиях с нефтяными компаниями США, несмотря на противодействие Вашингтона. Были приняты меры в пользу национальной экономики.

Неоднородный состав правительства и самой партии «народных» радикалов, наличие в их среде как левоцентристского крыла, так и более умеренных и правых течений, давление со стороны буржуазно-помещичьей верхушки и военных заставляли правительство проявлять колебания и иногда уступать нажиму справа. Продолжались инфляция и рост цен. После некоторого перерыва ВКТ возобновила «План борьбы». В мае — июне 1964 г. 4 млн. трудящихся — практически весь рабочий класс республики — по всей территории страны в несколько приемов, организованно, по распоряжению ВКТ заняли 11 тыс. предприятий. Эта беспрецедентная по масштабам и эффективности акция трудящихся произвела сильное впечатление, продемонстрировав мощь рабочего движения. В августе — сентябре и декабре 1964 г., в мае — октябре 1965 г. ВКТ провела новые серии массовых выступлений трудящихся, с привлечением к ним других слоев населения.

Действия ВКТ, особенно массовое занятие предприятий рабочими, не на шутку встревожили имущие классы и военных, требовавших принятия репрессивных мер. Но правительство Ильяи отказалось выступить против трудящихся и удовлетворило многие их требования. В 1964 г. были повышены заработная плата и пенсии рабочим и служащим, введен подвижный минимум заработной платы — с регулярным его повышением пропорционально росту цен. Были отданы распоряжения о временном замораживании цен на продукты и предметы первой необходимости. Создавались комитеты с участием представителей властей, рабочих и населения по контролю над ценами и борьбе со спекуляцией и саботажем. Правда, большой эффективности в своей деятельности эти комитеты не достигли. Цены продолжали подниматься, товары припрятывались. Это вызвало новые выступления рабочих. В ноябре 1964 г. был отменен запрет на деятельность Перонистской и Коммунистической партий (некоторые ограничения их прав все же остались). В 1965 г. правительство Ильяи отмежевалось от интервенции США в Доминиканской Республике и во Вьетнаме.

Все это восстановило против президента армию, крупных предпринимателей и иностранные компании. В вооруженных силах зрел заговор против правительства, который возглавил командующий сухопутными силами генерал Онгания. Вокруг Онгания правыми создавался ореол «сильной личности», способной привести страну к стабильности. Ильяи в ноябре 1965 г. заставил Онгания подать в отставку. Но тот сохранил влияние в генералитете и продолжал подготовку заговора, к которому примкнули новый командующий сухопутными силами Пистарини и командующие военно-воздушными и военно-морскими силами.

Положение осложняло и стремление перонистских лидеров направить рабочее движение на конфронтацию с правительством Ильяи, что побудило «независимых» в 1964 г. уйти из руководства ВКТ, где остались одни перонисты. Перонисты рассчитывали, расшатав и свалив правительство Ильяи с помощью ВКТ, расчистить путь для возврата к власти Перона. Сам Перон жил в эмиграции в Испании и оттуда продолжал направлять действия своих приверженцев в Аргентине. В начале декабря 1964 г. Перон предпринял попытку без разрешения правительства вернуться в Аргентину. Но едва он самолетом прибыл из Испании в Бразилию, чтобы оттуда перебраться в Аргентину, как бразильские власти по настоянию аргентинского правительства отправили его обратно в Мадрид. 17—18 декабря 1964 г. перонистское руководство ВКТ организовало 48-часовую всеобщую забастовку с требованием разрешить Перону вернуться. Забастовка не увенчалась успехом. Эти события усилили враждебность лидеров ВКТ к правительству Ильяи. 21—22 октября 1965 г. ВКТ провела очередную всеобщую забастовку, обвинив

правительство в бездействии в связи с усилившимся ростом цен и отставанием от повышения цен уровня реальной заработной платы трудящихся. Забастовка проводилась под лозунгом 20-летия массового перонистского движения и с призывами к возвращению Перона. Произошли столкновения демонстрантов с полицией, появились баррикады. Имелись убитые и раненые, были проведены аресты участников стычек. В ноябре ВКТ организовала Неделю протеста против полицейских репрессий. Правительство Ильяи снова пошло на удовлетворение требований рабочих о заработной плате, которая была повышена. Это, в свою очередь, вызвало рост недовольства предпринимателей.

Перонистские лидеры не исключали и закулисных поисков соглашений о сотрудничестве с националистическими кругами армии, участвовавшими в антиправительственном заговоре. Эти расчеты не учитывали реальной ситуации и были явно авантюристичны. Усиливая конфронтацию с правительством, перонистские руководители ВКТ лишь облегчали задачу военных заговорщиков, целью которых было сокрушить правительство и тем более задавить рабочее движение.

7 июня 1966 г. ВКТ провела очередную 4-миллионную всеобщую забастовку. Через несколько дней генерал Пистарини от имени военного руководства предъявил ультиматум президенту Ильяи с требованием репрессий в отношении рабочего движения, коммунистов и других левых сил и проведения «твердого курса» во внешней политике. Ильяи отверг ультиматум и 27 июня объявил о смещении Пистарини с поста командующего. В ответ армия в ночь на 28 июня 1966 г. осуществила государственный переворот. Сторонники Ильяи не смогли организовать сопротивление. Перонистское руководство ВКТ призвало рабочих не вмешиваться в события и занять выжидательную позицию. Аргентина оказалась во власти военной диктатуры.

Бразилия. В 50—60-е годы экономика Бразилии развивалась довольно высокими, но неравномерными темпами. В валовом внутреннем продукте (ВВП) Латинской Америки удельный вес Бразилии вырос с 20,8 % в 1950 г. до 25,7 % в 1970 г. (первое место в регионе). Правда, по производству на душу населения Бразилия все еще значительно отставала от Аргентины и не достигала среднего для региона уровня. Сказывался и «демографический взрыв»: темпы роста населения поднялись до 3 % в год, количество жителей республики увеличилось с 52 млн. в 1950 г. до 93 млн. в 1970 г. (1/3 населения Латинской Америки). Но Бразилия уже превратилась в среднеразвитую промышленно-аграрную страну. За 50—60-е годы доля промышленности и смежных с нею отраслей в ВВП возросла с 31,6 до 41,5 %, а сельского хозяйства уменьшилась с 28,8 до 12,3 %, хотя аграрная продукция, как и в Аргентине, составляла

основу экспорта. Добыча нефти выросла со 120 тыс. т в 1953 г. до 8,1 млн. т в 1970 г., обеспечив 40 % внутренних потребностей в нефтепродуктах. Производство электроэнергии увеличилось за те же годы с 10,3 млрд. кВт·ч до 45,5 млрд., стали — с 1 до 5,4 млн. т. К середине 60-х годов тяжелая промышленность производила более половины всей промышленной продукции (по стоимости).

Государство контролировало ключевые позиции в банковской системе, железные дороги, добычу и переработку нефти, до $\frac{1}{3}$ промышленного производства.

На основе процесса концентрации производства в Бразилии сформировался местный монополистический капитал. В середине 60-х годов ведущие позиции в бразильской экономике занимали 274 компании, из которых 168 были национальными. Концерн «Мата-раззо», действовавший в ряде отраслей промышленности, имел 30-тысячный персонал и годовой оборот свыше 300 млн. долл.

Продолжался приток иностранного капитала. Прямые иностранные инвестиции увеличились с 1,8 млрд. долл. в 1955 г. до 3,6 млрд. в 1968 г. Около $\frac{2}{5}$ из них приходилось на США. В 60-е годы усилилась экспансия в Бразилию западногерманского и японского капитала.

Некоторый прогресс был достигнут в аграрном секторе. За полтора десятилетия до 1970 г. тракторный парк увеличился в 5,4 раза, применение минеральных удобрений — почти в 7 раз. Правда, $\frac{3}{4}$ хозяйств (в основном мелкие) по-прежнему использовали только ручной труд. Фонд сельскохозяйственных угодий за 60-е годы вырос на 44 млн. га, но обрабатывалось лишь 12 % угодий. Заметно выросли урожаи зерна и сахарного тростника, производство мяса. Бразилия продолжала занимать первое место в мире по производству и экспорту кофе, однако его урожай сократился.

Эволюционировала социальная структура бразильского общества. В 1950 г. в городах проживало 40 % населения, а в 1970 г. — 56%. Удельный вес занятых в сельском хозяйстве уменьшился за эти 20 лет с 60 до 45 %. Доля занятых в промышленности и смежных отраслях выросла с 17 до 26,6 %, в торговле и сфере услуг — с 22 до 28 %. Количество лиц наемного труда увеличилось с 8,7 млн. до 16,3 млн. человек (50 и 55 % экономически активного населения), в том числе в промышленности и связанных с нею отраслях инфраструктуры — с 2,5 млн. (28 %) до 5,5 млн. (34 %). Сельскохозяйственный пролетариат достиг 5 млн., а в целом рабочий класс (с близкими к нему категориями служащих) — примерно 13 млн. человек.

Большие массы населения в сельской местности и в «поселках нищеты» жили в чрезвычайной бедности. 40 % населения страны в 1960 г. были неграмотны.

Правительство Жуселино Кубичека (1956—1961) предприняло большие усилия по ускорению экономического развития Бразилии. Доля государства в инвестициях в основной капитал в 1960 г. достигла 45 %. Правительство отстаивало государственную монополию на добычу нефти, расширяло государственный сектор в промышленности. Одновременно привлекались иностранные капиталовложения. Всего за 1956—1961 гг. приток капиталов и кредитов из-за рубежа составил 2 млрд. долл., из них около 700 млн. долл. в виде прямых инвестиций. На долю иностранного капитала приходилось до $\frac{1}{4}$ всех инвестиций в стране в эти годы.

Правительству Кубичека удалось добиться роста ВВП на 8 % в год, а промышленного производства — почти на 11 %. Наиболее быстро развивались новые отрасли. Предпринимались усилия по оживлению экономики пришедшего в упадок северо-востока Бразилии, где строились электростанции, ирригационные сооружения, промышленные предприятия. Прокладывались шоссейные дороги через неосвоенные пространства страны-гиганта.

Чтобы ускорить освоение внутренних территорий, в глубине Бразилии, на расстоянии 1 тыс. км от побережья и на высоте более 1 тыс. м над уровнем моря, в 1957 г. началось строительство новой столицы республики, названной, как и страна, «Бразилия»¹. Строительство нового города велось на берегу живописного водохранилища по проекту известного бразильского архитектора Лусиу Косты, который предложил план городской застройки в виде самолета. В «фюзеляже», вдоль которого проходит трехъярусный путепровод с поперечным туннелем, цепочкой расположены площади города с необычными, причудливыми по формам общественными зданиями. Главным творцом этих зданий был другой выдающийся бразильский архитектор Оскар Нимейер. На площади Трех властей (в виде треугольника) он соорудил здания Национального конгресса, Дворца правительства и Верховного суда. Национальный конгресс представлял собой вытянутый плоский корпус с залами, увенчанными куполом и чашей, которые возвышаются над крышей-террасой. К корпусу примыкает двойная высотная многоэтажная «башня» в виде двух плоских «кирпичей», поставленных параллельно друг другу и устремленных вверх. На берегу водохранилища разместился Дворец со стреловидными колоннами — резиденция президента республики. В «крыльях» города-«самолета» размахом свыше 12 км разместились жилые кварталы с многоквартирными домами и индивидуальными коттеджами. Каждый микрорайон был четко спланирован и благоустроен, имел комплекс магазинов, школу, церковь, был удобно связан с центром. В городе почти не было транспортных перекрестков.

¹ По-русски иногда пишут «Бразилиа», чтобы отличить столицу от страны.

Вокруг городской застройки были расположены спортивные сооружения и лесопарковая зона, переходящая в лесные массивы.

Всего за 3 года новая столица, рассчитанная по проекту на полмиллиона жителей, была в основном построена. 21 апреля 1960 г. состоялось ее торжественное открытие. Сюда переехали государственные и правительственные учреждения. Рио-де-Жанейро утратил статус столицы, который ему принадлежал с 1763 г., еще с колониальных времен. Уже через год, в 1961 г. в городе Бразилия проживало 140 тыс. жителей, в 1968 г.— 300 тыс., а в 1988 г.— 1,7 млн.

Развернувшееся в стране строительство требовало немалых средств. При больших достижениях в экономическом развитии правительству Кубичека все же не удалось избежать дефицита платежного баланса и инфляции. Рост стоимости жизни в 1957 г. уменьшился до 10 %, а затем вырос до 52 % в 1959 г. Это стимулировало забастовочное движение. Во второй половине 50-х годов ежегодно бастовало 700—800 тыс. человек. Наиболее крупной была 9-дневная стачка 400 тыс. рабочих штата Сан-Паулу, увенчавшаяся повышением зарплаты бастующим. Свыше 1 млн. человек объединились в профсоюзы, хотя единого национального профцентра не было. Трудящиеся требовали мер против дороговизны, установления подвижного минимума заработной платы, совершенствования социального законодательства.

Правительство Кубичека выдвигало лозунги классового мира и социальной интеграции нации. Строительный и промышленный бум в стране позволил значительно расширить занятость, но «демографический взрыв» и наплыв населения в города не позволил существенно снизить безработицу. Правительство трижды повышало уровень минимальной заработной платы, в 1958 г. предприняло замораживание цен на предметы первой необходимости. Было расширено пенсионное обеспечение рабочих и служащих. В июне 1959 г. Кубичек прервал переговоры с Международным валютным фондом (МВФ) о кредите в 300 млн. долл., не согласившись с требованием МВФ об увеличении налогов и замораживании заработной платы. В 1960 г. удалось уменьшить инфляцию до 23,7 %. И тем не менее в 1960 г. бастовало 1,5 млн. человек.

Во второй половине 50-х годов на северо-востоке Бразилии, в штате Пернамбуку, зародилось движение арендаторов против сгона их помещиками, за снижение арендной платы, отмену кабальных форм аренды, за распространение трудового законодательства на аграрный сектор. Участники движения стали создавать свои организации — «крестьянские лиги», которые возглавил энергичный защитник крестьян адвокат из г. Ресифи Франсиско Жулиао (Жулиан).

Набирало силу патриотическое «националистическое» движение против привилегий иностранного капитала, в защиту национальной

экономики и суверенитета Бразилии, за решение аграрного вопроса. В нем участвовали национальные предприниматели, часть офицерства, парламентарии, студенческие и профсоюзные организации. Еще в марте 1955 г. 60 депутатов Национального конгресса подписали манифест о создании Националистического парламентского фронта. Ведущую роль в националистическом движении играла Трabalьистская партия, основанная в 1945 г. Варгасом, которая имела значительную фракцию в парламенте и влияние в профсоюзах. После гибели Варгаса (1954) партию возглавил Жоао Гуларт (1918—1976), выходец из помещичьей семьи, активный участник трabalьистского движения Варгаса с момента основания партии. В 1953—1954 гг. он был министром труда, промышленности и торговли в правительстве Варгаса, в 1955 г. избран вице-президентом Бразилии на период президентства Кубичека, с которым блокировались трabalьисты. Видным деятелем националистического движения и Трabalьистской партии стал Леонел Бризола (р. 1922 г.), лидер левого крыла трabalьистов, наиболее решительно настроенного на антиимпериалистические и антиолигархические преобразования и в защиту насущных требований трудящихся. В 1958—1962 гг. Л. Бризола был губернатором самого южного штата Рио-Гранди-ду-Сул.

Компартия Бразилии так и не была юридически легализована, хотя в марте 1958 г. ее генеральный секретарь Луис Карлос Престес и другие руководители добились отмены судом ордеров на их арест и явочным порядком партия возобновила свою открытую деятельность.

Во внешней политике Кубичек сохранял лояльные отношения сотрудничества с США. В конце 1959 г. Бразилия подписала торговое соглашение с СССР, хотя не восстановила дипломатических отношений с ним.

На президентских выборах 3 октября 1960 г. победил кандидат блока буржуазных партий Жанио Куадрос. Вице-президентом снова был избран лидер трabalьистов Жоао Гуларт. 31 января 1961 г. Ж. Куадрос сменил на президентском посту Кубичека. Новый президент попытался перейти к более независимому внешнеполитическому курсу. Он пошел на расширение связей с социалистическими странами, выступил в защиту Кубы. В августе 1961 г. он принял и наградил высшим бразильским орденом героя Кубинской революции, министра промышленности Кубы Эрнесто Че Гевару.

Такие шаги президента вызвали недовольство правых. 25 августа 1961 г. по требованию военной верхушки Ж. Куадрос вынужден был подать в отставку и передать власть представителям военных кругов. Военный переворот встретил массовое противодействие. Страну охватили митинги, демонстрации, забастовки с требованием восстановления законности и передачи президентских полномочий вице-президенту Жоао Гуларту, находившемуся в эти дни в зарубежной

поездке. Против заговорщиков, за передачу власти Гуларту энергично выступил лидер левых трабальистов, губернатор Рио-Гранди-ду-Сул Леонел Бризолла, поддержанный расквартированной на юге страны Третьей армией — крупнейшей из четырех армий Бразилии, а также трудящимися. Железнодорожники объявили всеобщую забастовку, сорвав попытки перебросить на юг воинские части, контролируемые заговорщиками. Всеобщую забастовку начали студенты. Гуларт прибыл из-за границы в Рио-Гранди-ду-Сул. Крупные города страны бурлили демонстрантами.

Угроза гражданской войны с непредвиденным исходом заставила заговорщиков отступить. 7 сентября 1961 г. Гуларт занял пост президента. Правда, не обошлось без компромисса: условием передачи власти Гуларту стало частичное ограничение его президентских полномочий введением должности премьер-министра. Было сформировано коалиционное правительство.

Став президентом, Ж. Гуларт поддержал требования в защиту национальной экономики, за ограничение привилегий иностранных компаний, аграрную реформу и уступки трудящимся. Он отказался пойти на разрыв связей с Кубой. В ноябре 1961 г. Бразилия восстановила дипломатические отношения с Советским Союзом.

Обстановка в стране оставалась напряженной. Сократился приток иностранного капитала, осложнилась экономическая ситуация. Темпы роста ВВП, достигнув в 1961 г. 10,3 %, упали до 1,5 % в 1963 г. Розничные цены повысились в 1961 г. на 39 %, а в 1963 г. уже на 71 %. Профсоюзы требовали расширения прав трудящихся, осуществления антиимпериалистических и антиолигархических преобразований. Число бастующих в 1961—1963 гг. увеличилось до 2—3 млн. человек в год. В июне и сентябре 1962 г. состоялись всеобщие забастовки с 1,5 млн. участников в каждой из них. Среди трабальистов, преобладавших в профсоюзах, усилились боевые настроения. В 1962 г. было создано национальное объединение профсоюзов — Всеобщее командование трудящихся, высказавшееся за преобразования в стране.

Крестьянские сельские лиги на северо-востоке во главе с Франсиско Жулиао повели борьбу за землю против помещиков. Участники лиг проводили демонстрации и митинги, осуществляли насильственные захваты помещичьих земель. В ноябре 1961 г. состоялся Первый национальный крестьянский конгресс, высказавшийся за радикальную аграрную реформу. В 1963 г. возникла Национальная конфедерация сельскохозяйственных трудящихся, объединившая 1,2 млн. человек. Но все же значительные массы городских и особенно сельских тружеников еще не стали активными участниками рабочего и крестьянского движения.

Левонационалистические силы сплотились вокруг Националистического парламентского фронта, объединявшего трабальистов и

других патриотически настроенных депутатов в конгрессе. Среди них на первый план выделились левые трабальсты во главе с Л. Бризолой. По их инициативе 24 октября 1961 г. на 50-тысячном митинге в Гоянии (штат Гояс) было объявлено о создании Фронта национального освобождения (позднее переименованного во Фронт народной мобилизации) — массового движения за пределами парламента с участием Националистического парламентского фронта, профсоюзов, крестьянских, студенческих организаций. Целью его было добиться образования широкого народного фронта для борьбы с империализмом и олигархией.

Под влиянием народного и левонационалистического движения Ж. Гуларт стал склоняться к более радикальным мерам. В январе 1963 г. он добился ликвидации поста премьер-министра, получив одобрение этого решения всенародным плебисцитом, что укрепило его позиции. В конце 1963 — начале 1964 г. реформистская деятельность правительства усилилась. Была наконец создана задуманная еще Варгасом государственная компания «Электробраз», объявлено о государственной монополии на ввоз нефти и нефтепродуктов, об ограничении вывоза прибылей иностранных компаний (не свыше 10 %), принят ряд других решений по ослаблению позиций иностранного капитала. Был повышен минимум заработной платы рабочих и служащих, введено социальное страхование для сельскохозяйственных рабочих. В марте 1964 г. президент издал декреты о национализации необрабатываемых земельных владений в поместьях размером свыше 500 га, расположенных в 10-километровой зоне по обе стороны железных дорог, автомагистралей и водных путей, о государственной монополии на переработку нефти и о регулировании цен на жилье. На 200-тысячном митинге 13 марта 1964 г. Гуларт поддержал требования глубоких антиимпериалистических и антиолигархических преобразований, в том числе коренной аграрной реформы, и высказался за создание Народного фронта. Он заявил о необходимости изменения конституции, которая узаконила «бесчеловечную и несправедливую экономическую структуру», предоставления права голоса неграмотным и солдатам, расширения законодательных полномочий президента. Гуларт предложил вопрос о коренных реформах вынести на общенародный референдум. 23 марта была опубликована предварительная программа будущего Народного фронта, содержащая весь комплекс выдвинутых требований. В Народный фронт должны были войти все патриотические и левые силы и массовые организации.

Однако сторонники преобразований и сам Гуларт допустили ряд ошибок, поспешных неоправданных действий. Многих оттолкнуло от поддержки правительства объявленное Гулартом намерение изменить конституцию и усилить власть президента, дополненное еще более радикальными призывами левых лидеров. Это породило опасения, что стране угрожает замена представительной демократии чрезвы-

чайным революционным режимом. Гуларт обвинялся правой оппозицией в «посягательстве на основы конституционного строя» и потворстве «коммунистическому заговору», в намерении разогнать Национальный конгресс и установить «синдикалистский социалистический режим». С другой стороны, компартия и некоторые другие левые и левацкие течения, явно переоценив свои возможности, упрекали Гуларта в колебаниях и нерешительности, настаивая на ускорении и радикализации начавшегося процесса преобразований. Левацкие элементы требовали «положить конец политике соглашения с правительством Гуларта» и немедленно начать «социалистическую революцию». Поддавшись настроению революционного нетерпения, ЦК компартии 27 марта 1964 г. заявил, что, если Гуларт не создаст немедленно новое правительство, которое положит конец политике соглашения, «пролетариат сам возьмет в свои руки исполнительную власть». Форсирование рабочими организациями стачечной борьбы в широких масштабах, с завышенными требованиями, имело негативные экономические и политические последствия. Призывы левых сил к реорганизации армии, поддержанные ими выступления сержантов и солдат против офицерского состава позволили правым усилить свои позиции в офицерском корпусе. Сам Гуларт, делая все более решительные заявления, не имел продуманной программы действий и надежной опоры, полагаясь на авторитет президентской власти и лояльность армии. Свою семью он на всякий случай отправил в Уругвай, туда же перевел деньги, не будучи уверенным в благополучном исходе событий. Тем временем правая оппозиция получала все большую поддержку имущих классов, промежуточных, колеблющихся слоев населения, умеренно и патриархально настроенной части трудящихся. Ей удалось организовать многотысячные уличные шествия в защиту «бога, семьи и свободы».

В такой обстановке в Бразилии созрел широкий антиправительственный заговор. На рассвете 31 марта 1964 г. в штате Минас-Жераис начался мятеж с участием провинциальных властей во главе с губернатором, местных гарнизонов и полиции. Затем мятеж распространился на штаты Сан-Паулу и Рио-де-Жанейро. В штате Пернамбуку против правительства выступили части 4-й армии. 1 апреля к мятежу присоединились основные силы армии. Гуларт бежал из столицы на юг, в Рио-Гранди-ду-Сул, оттуда 2 апреля перебрался в Уругвай, где и жил в эмиграции до своей смерти в 1976 г. Понадеявшись на свое влияние и на способность правительства противостоять попыткам мятежа, левые и демократические силы были застигнуты врасплох событиями и оказались не готовы к мобилизации масс на борьбу. Левые профсоюзные лидеры были арестованы в первый же день мятежа, не успев принять каких-либо мер. Быстрая и легкая победа правых сил радикально изменила ситуацию в стране и в значительной мере в регионе.

РЕФОРМИСТСКАЯ АЛЬТЕРНАТИВА.
«СОЮЗ РАДИ ПРОГРЕССА»

«Доктрина ЭКЛА» и программа «Союза ради прогресса» (1961). Растущее несоответствие социально-экономической структуры латиноамериканского общества новым условиям мирового развития, ограниченный эффект «импортзамещающей индустриализации» побудили усилившую свои позиции местную промышленную буржуазию и либеральных политиков искать более действенных путей модернизации экономики и социальных отношений на путях реформизма. Подъем освободительного движения, рост революционных тенденций, особенно победа Кубинской революции и преобразования на Кубе, заставили поспешить с выдвиганием реформистской альтернативы выхода из кризиса латиноамериканского общества и попытаться решить проблемы, вызвавшие к жизни революционный подъем.

Теоретическим обоснованием реформистской политики послужила «Доктрина ЭКЛА», разработанная в 50-е годы группой латиноамериканских экономистов и социологов — сотрудников созданной в 1948 г. Экономической комиссии ООН для Латинской Америки (ЭКЛА). Основные положения этой доктрины были изложены в трудах выдающегося аргентинского экономиста Рауля Пребиша (1901—1986), а также Альдо Феррера (Аргентина), Фелипе Эрреры (Чили), Селсо Фуртаду (Бразилия), Хосе Антонио Майобре (Венесуэла). Рауль Пребиш окончил университет Буэнос-Айреса, где затем с 1925 по 1948 г. преподавал политэкономю. Одновременно в 1930—1935 гг. он работал в министерстве финансов, а с 1935 по 1943 г. был директором Центрального банка Аргентины. Он принял активное участие в создании ЭКЛА в 1948 г. и с 1950 по 1962 г. возглавлял ЭКЛА, занимая пост ее исполнительного секретаря. В 1964 г. Р. Пребиш стал одним из инициаторов создания Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) и был ее генеральным секретарем с 1964 по 1969 г., затем возглавил Латиноамериканский институт экономического и социального планирования при ЭКЛА.

Рауль Пребиш и другие авторы «Доктрины ЭКЛА» исходили из концепции о принадлежности стран Латинской Америки к сырьевой периферийной зоне мировой экономики, что обрекает их на зависимость и эксплуатацию со стороны индустриальных центров, на хроническое отставание от развитых государств. Преодолеть это состояние страны региона могут только на путях ускоренной модернизации своей экономической и социальной структуры и завоевания на этой основе экономической самостоятельности и равноправного положения в мире. Чтобы добиться таких целей, нужно обеспечить индустриализацию и интенсивное развитие сель-

ского хозяйства, изменить структуру и географию внешнеэкономических связей. Необходимой предпосылкой успеха модернизаторской политики, по их мнению, является осуществление ряда экономических и социальных преобразований, прежде всего аграрной реформы, которая бы покончила с отсталыми аграрными отношениями. Большое значение придавалось региональной экономической интеграции и выработке новых, равноправных принципов мировой торговли и международных экономических отношений. Во имя осуществления намеченных целей и обеспечения на этой основе социальной справедливости выдвигался лозунг единства нации.

«Доктрина ЭКЛА» получила известность как теория «десаррольизма» (по-испански «развития»). Ее сторонники стали называться «десаррольистами». Это была национал-реформистская концепция. Среди десаррольистов наметились, наряду с общим направлением, более радикальное крыло, делавшее акцент на социальные и антиимпериалистические преобразования (С. Фуртаду), и правое крыло, ставившее на первый план собственно экономические цели развития (Р. Фрихерио в Аргентине, рецептам которого следовало правительство Фрондиси в 1958—1962 гг.). Правые десаррольисты большие надежды возлагали на привлечение иностранного капитала и режим экономии, в том числе за счет трудящихся.

Правящие круги США также стали осознавать необходимость определенных перемен в Латинской Америке и в политике самих США в отношении этого региона, особенно в условиях падения здесь престижа США и победы Кубинской революции, вызвавшей широкие отклики на континенте. Еще в 1958 г. президент Бразилии Кубичек выдвинул план ускорения экономического развития латиноамериканских стран на основе усиленного притока финансовых средств из США и других развитых государств. После победы революции на Кубе президент США Д. Эйзенхауэр предложил экономическую помощь в размере 500 млн. долл. и содействие латиноамериканским республикам в проведении необходимых экономических и социальных реформ. Но нужна была гораздо более широкая и эффективная программа.

Такая программа в рамках курса «новых рубежей» была выдвинута новым президентом США Джоном Кеннеди (1961—1963) в марте 1961 г. под названием «Союз ради прогресса». Она была принята 19 латиноамериканскими государствами на Межамериканской экономической конференции в курортном уругвайском городе Пунта-дель-Эсте в августе 1961 г. В программе «Союза ради прогресса» нашла отражение десаррольистская «Доктрина ЭКЛА». Р. Пребиш во главе комитета экспертов непосредственно участвовал в осуществлении программы.

Официальной целью «Союза ради прогресса» провозглашались ускорение экономического и социального развития стран Латинской Америки и сокращение разрыва в уровне жизни между Латинской Америкой и развитыми государствами. Программа «Союза ради прогресса» была рассчитана на 10 лет. Она предполагала обеспечить ежегодный рост валового национального продукта стран региона не менее чем на 2,5 % на душу населения, ускоренную индустриализацию, создание многоотраслевой экономики, уменьшение зависимости экономики от экспорта аграрно-сырьевых товаров и импорта машин и оборудования. Должны были осуществляться демократизация общественно-политической жизни, аграрная и налоговая реформы, меры по жилищному строительству, улучшению системы здравоохранения и просвещения, по экономической интеграции региона.

На выполнение программы США обещали предоставить латиноамериканским странам в течение 10 лет 20 млрд. долл. — в основном в виде государственных кредитов США, а также за счет кредитов международных финансовых институтов и частного капитала. 80 млрд. долл. латиноамериканские государства обязались выделить на программу из собственных ресурсов. Помощь предоставлялась конституционным правительствам. Предполагалось, что в ходе осуществления программы произойдет укрепление и дальнейшее развитие институтов представительной демократии.

«Союз ради прогресса» означал переход США к гибкой политике в Латинской Америке, рассчитанной на союз с широкими слоями местной буржуазии. Он преподносился как «мирная регулируемая революция», «революция в условиях свободы», способная решить насущные проблемы Латинской Америки без насильственной, разрушительной революции.

Осуществление программы «Союз ради прогресса». За 7 лет (1961—1967) США выделили на реализацию программы в виде кредитов, займов и других форм 7,7 млрд. долл. Значительную роль в осуществлении программы играл созданный в 1959 г. Межамериканский банк развития (МАБР), членами которого стали государства Латинской Америки, США и другие крупнейшие капиталистические страны. В задачи банка входило финансирование проектов развития в Латинской Америке, содействие привлечению иностранных капиталов.

Финансовая помощь США и международных финансовых организаций шла в основном на развитие производственной инфраструктуры — строительство портов, железных дорог, автомагистралей, электростанций, систем водоснабжения. На средства «Союза ради прогресса» за 1961—1967 гг. было открыто 186 тыс. новых школьных помещений и обучено 800 тыс. учителей, построено много медицинских учреждений, часть средств была предоставлена в виде продовольственных поставок.

Эта финансовая поддержка сыграла определенную роль в экономическом и социальном развитии Латинской Америки. Размеры полученных сумм были внушительными по сравнению с прошлыми периодами. Но все же их объем оказался меньше запланированного, и, распределенные на 19 стран и на ряд лет, они были совершенно недостаточны для достижения разрекламированных целей. Помощь явилась и новой формой экономической экспансии. Она давалась в первую очередь странам, наиболее лояльным США. Взамен от этих стран требовали совместных усилий в борьбе с революционными движениями и изоляции Кубы. Долларовая помощь нередко обуславливалась использованием ее для закупок товаров в США, предоставлением льгот иностранному капиталу. Часть помощи шла на погашение прежних кредитов и выплату процентов по ним.

В рамках «Союза ради прогресса» в начале 60-х годов оживилась реформистская деятельность латиноамериканских правительств. Первостепенная роль отводилась аграрным реформам. В 1961—1964 гг. были приняты законы об аграрной реформе в 14 странах. В Мексике, Боливии и Венесуэле аграрные преобразования начались раньше. Реформы не проводились лишь в Аргентине, Уругвае и Парагвае. Как правило, реформы предусматривали наделение крестьян землей путем колонизации неосвоенных государственных и пустующих помещичьих земель, которые государство выкупало у помещиков. Крестьяне должны были оплатить полученные участки с рассрочкой платежей на ряд лет (в Венесуэле земля предоставлялась бесплатно). Такие реформы не предполагали коренной ломки сложившейся структуры землевладения и наделения землей основной массы нуждающихся. Их целью было вовлечение в хозяйственный оборот неиспользуемых земель, насаждение и развитие фермерского хозяйства параллельно помещичьему, подрыв монополии последнего и ускорение его собственной трансформации в современное крупнокапиталистическое производство. Превращение части крестьянства в фермерскую прослойку должно было ослабить социальную напряженность и расширить социальную базу капитализма в деревне. Составной частью реформ явилось предоставление государством помощи землевладельцам в виде кредитов, поставок техники и удобрений. Предполагалось, что комплекс этих мероприятий приведет к повышению продуктивности сельского хозяйства и создаст более благоприятные условия для развития экономики в целом, поднимет жизненный уровень населения и ослабит угрозу революционных взрывов. Но и умеренные аграрные реформы встретили упорное сопротивление земельной олигархии и консервативно-буржуазных сил, не желавших поступиться своими позициями. Это заставило инициаторов преобразований в ряде случаев отступить, сократить их масштабы и темпы. Ограниченный, компромиссный характер аграрных реформ снижал их экономическую и социальную эффективность, не оправдывал ожиданий большей части сельского населения.

Проводились также налоговые реформы с целью стимулирования экономического развития. Разрабатывались программы территориального и социального развития.

Важная роль в привлечении трудящихся на сторону десаррольистских проектов и программы «Союза ради прогресса» отводилась реформистским профсоюзам, особенно объединенным в Межамериканской региональной организации трудящихся (ОРИТ). Она поддерживала тесные связи с ЭКЛА, призывала рабочих отказаться от классовой борьбы во имя общих национальных интересов, включиться в осуществление проектов экономического и социального развития. ОРИТ и входившие в нее профсоюзы добивались привлечения рабочих организаций и их представителей к разработке и реализации мероприятий по программе «Союза ради прогресса», большего внимания социальным аспектам.

Особое значение десаррольистами придавалось экономической интеграции стран региона. Несмотря на попытки США придать интеграции межамериканский характер, латиноамериканские страны настояли на региональной и субрегиональной интеграции, без прямого участия в ней США. Несомненное влияние на них оказал пример европейского общего рынка. Проекты интеграции государств региона были разработаны в конце 50-х годов. В феврале 1960 г. в Монтевидео был подписан договор о создании Латиноамериканской ассоциации свободной торговли (ЛАСТ) в составе Аргентины, Бразилии, Мексики, Уругвая, Чили, Парагвая и Перу. В 1961 г. к договору присоединились Колумбия и Эквадор, в 1966 г. — Венесуэла и в 1967 г. — Боливия. В результате в ЛАСТ вошли 11 государств. Вне ЛАСТ остались лишь небольшие государства Центральной Америки и Карибского бассейна. В декабре 1960 г. возник Центральноамериканский общий рынок (ЦАОР), в который вошли Гватемала, Гондурас, Сальвадор, Никарагуа и с 1962 г. Коста-Рика. В 1961 г. был создан Центральноамериканский банк экономической интеграции.

Верховными органами ЛАСТ были конференции стран-участниц и Постоянный комитет из их представителей, а в ЦАОР — Экономический и Исполнительный советы. В 1965 г. учрежден Совет министров ЛАСТ. В 1962 г. был создан Латиноамериканский институт экономического и социального планирования, а в 1964 г. — Специальная комиссия латиноамериканской координации (СЕКЛА), целью которой было налаживание сотрудничества и совместной защиты интересов стран региона в экономике и внешней торговле. Действовали другие комитеты, комиссии и институты, занимавшиеся проблемами регионального сотрудничества.

Целью ЛАСТ и ЦАОР было добиться постепенным снижением таможенных пошлин и расширением взаимной торговли создания общего рынка. Предусматривалось развитие экономического сотрудничества, специализации, с тем чтобы совместными усилиями

стимулировать общий экономический прогресс, уменьшить зависимость от мирового рынка, улучшить позиции на нем своих стран. Однако сходная структура внешней торговли, скудная материальная база, неразвитость внутрирегиональных связей, большие различия в масштабах и уровне развития отдельных стран не позволяли надеяться на быстрые успехи интеграции. Не давала интеграция и заметных преимуществ местному капиталу, ибо льготами интеграции пользовались и иностранные компании, внедрившиеся в экономику стран региона. И все же было положено начало оживлению внутрирегиональных экономических связей.

Тенденция к политической интеграции проявилась в создании в декабре 1964 г. в Лиме Латиноамериканского парламента в составе делегаций от национальных конгрессов латиноамериканских республик. Инициаторами его создания явились перуанская АПРА, христианские демократы и некоторые другие реформистские партии. Задачей его стало содействие интеграции стран региона вплоть до образования в конечном счете Латиноамериканского сообщества, принятие рекомендаций по вопросам экономического, социального и политического сотрудничества. Раз в год-два заседали сессии Латиноамериканского парламента с участием, как правило, около полутора десятков делегаций от национальных конгрессов. Между сессиями действовали Исполнительный комитет и постоянные комиссии. Решения Латиноамериканского парламента имели характер рекомендаций, реализации которых его участники должны были добиваться через свои национальные конгрессы.

Соединенные Штаты предпринимали усилия, чтобы сохранить свое влияние на интеграционные процессы в Латинской Америке. Для этого они активно использовали ОАГ и ее структуры, МАБР. Договор Рио-де-Жанейро 1947 г. и система двусторонних соглашений о военном сотрудничестве использовались для развития военно-политической интеграции США и стран региона. С 1960 г. ежегодно проводились совещания главнокомандующих сухопутными вооруженными силами государств — членов ОАГ. Развитие партизанского движения в ряде стран в начале 60-х годов подтолкнуло к активизации военного сотрудничества латиноамериканских государств с Вашингтоном. Расширялись деятельность военных миссий США, помощь США в подавлении партизанского движения и «подрывных действий» левых сил.

Новым направлением военной деятельности в рамках «Союза ради прогресса», предусмотренным планами регионального и социального развития отсталых сельских районов, особенно в зонах партизанского движения и аграрных волнений, стали «гражданские действия» вооруженных сил — их участие в строительстве дорог, мостов, школ, больниц и других гражданских объектов. Целью таких действий было вовлечь армию в осуществление созидательной программы «Союза ради прогресса», обеспечить этой программе и армии

поддержку населения и лишить социальной базы революционные силы.

Еще в 1951 г. при содействии США была создана военно-политическая группировка — Организация центральноамериканских государств (ОЦАГ) в составе Гватемалы, Гондураса, Никарагуа и Сальвадора (в 1966 г. в нее вступила Коста-Рика, не имевшая армии). В 1963 г. в составе ОЦАГ был создан Центральноамериканский совет обороны (ЦАСО), целью которого была организация совместной борьбы против «подрывной деятельности» в субрегионе.

Противопоставление реформистской «революции в условиях свободы» революционному пути, по которому пошла Куба, сопровождалось непосредственными акциями по созданию антикубинского фронта США и латиноамериканских республик с целью изоляции и подрыва Кубинской революции. В январе 1962 г. на Консультативном совещании министров иностранных дел государств — членов ОАГ в Пунта-дель-Эсте (Уругвай) США добились принятия резолюции о «несовместимости коммунистических принципов с принципами меж-американской системы». На основе этой резолюции Куба была исключена из ОАГ. Крупнейшие страны — Мексика, Аргентина и Бразилия, а также Чили, Боливия и Эквадор выразили несогласие с резолюцией и воздержались при ее голосовании. Однако позже правительства этих стран, за исключением Мексики, под давлением США присоединились к антикубинским акциям. Последними в августе 1964 г. разорвали дипломатические отношения с Кубой Чили и Уругвай. Одна Мексика сохранила дипломатические отношения с Кубой. В 1964 г. по решению ОАГ государства — члены организации ввели коллективные дипломатические и экономические санкции (блокаду) против Кубы. Мексика не подчинилась и этому решению.

Мексиканский реформизм и обстановка в Мексике в 1958—1970 гг. В Мексике политика реформ в этот период проводилась в более широких масштабах, чем в большинстве других государств региона. В стране сохранялась монополия на власть национал-реформистской Институционно-революционной партии (ИРП). Правительство президента Лопеса Матеоса (1958—1964) возобновило ускоренное проведение аграрной реформы, продолженное при Диасе Орласе (1964—1970). За 12 лет более 600 тыс. крестьянских семей, главным образом членов общин-эхидо, получили 32 млн. га земли (при Карденасе в 30-е годы — 18 млн. га). Удельный вес эхидального (общинного) сектора с 1960 по 1970 г. увеличился с 26 до 49,8 % сельскохозяйственных угодий¹. Государство оказало кредитную и агротехническую помощь крестьянству, вложило значительные сред-

¹ Как и прежде, в эхидо обрабатываемая земля обычно находилась в индивидуальном владении, остальные угодья использовались сообща, развивалась снабженческо-сбытовая кооперация. Существовали и кооперативные эхидо, с коллективным использованием земли и техники, но таких эхидо было немного.

ства в ирригацию, строительство в сельской местности дорог, школ, больниц. Это смягчило остроту социальных проблем, укрепило социальную базу правительства и правящей партии в деревне, открыло большой простор капиталистическому прогрессу сельского хозяйства. За полтора десятилетия до 1970 г. более чем в 2 раза увеличилось количество тракторов (правда, их все еще было для такой большой страны не так уж много), потребление минеральных удобрений возросло почти в 5 раз.

Осложняющие моменты в экономическое и социальное развитие Мексики внес демографический взрыв. Рост населения достиг 3,3 % в год. Всего за 10 лет с 1960 по 1970 г. население страны увеличилось с 37 до 51 млн. человек. Лица моложе 15 лет достигли почти половины всех жителей, а удельный вес экономически активного населения сократился до крайне низкого уровня — с 32,4 до 27 %. Городское население возросло с 50,8 до 59 %. Занятость в сельском хозяйстве заметно уменьшилась в процентном отношении — с 55 до 45 % экономически активного населения, хотя оставалась еще довольно велика.

Несмотря на быстрый рост населения, особенно городского, сельскохозяйственное производство развивалось опережающими темпами, увеличившись к 1970 г. в 2,8 раза по сравнению с 1950 г. Повысилась самообеспеченность Мексики продовольствием и сельскохозяйственным сырьем. Увеличился экспорт зерна, хлопка, кофе, фруктов. Развилось высокопродуктивное капиталистическое хозяйство. Латифундии традиционного, экстенсивного типа сохранялись, но число их было незначительно. Появление «нового латифундизма», капиталистического в своей основе, существование большого количества малоимущих крестьянских хозяйств с ограниченными возможностями использования достижений агротехники и низким ростом товарности, наличие избыточного сельского населения вели к дальнейшему развитию социальных противоречий. Вне общинного сектора $\frac{3}{5}$ угодий оставалось в руках владельцев хозяйств свыше 5 тыс. га, а более 60 % земельных собственников владели участками менее 5 га и имели в своем распоряжении всего 0,63 % угодий. Социальная дифференциация проникла и в эхидо. Часть эхидатариев искала дополнительную работу по найму. Безземельные сельские жители или нанимались на работу в крупные хозяйства, или уходили в города, пополняя городскую бедноту. Часть избыточного сельского населения нелегально пересекала границу США, чтобы там трудиться на плантациях или других подсобных работах. Общее количество «брасерос», так называли этих людей, к 1970 г. достигло 1,2 млн. человек.

Большое внимание правительства Л. Матеоса и Д. Ордаса уделяли промышленному развитию. В страну привлекались иностранные капиталы. За 20 лет, с 1950 до 1970 г., иностранные инвестиции

увеличились с 0,6 млрд. долл. до 28 млрд. На США в 1970 г. приходилось 79 % этой суммы и 70 % мексиканского экспорта. Иностранные компании давали до $\frac{1}{3}$ продукции обрабатывающей промышленности (в машиностроении, химической, резинотехнической отраслях до $\frac{2}{3}$ и более). В пищевой и легкой промышленности доминировал национальный капитал. Увеличение иностранных кредитов и займов привело к росту внешней задолженности Мексики с 1,2 млрд. долларов в 1960 г. до 3,8 млрд. в 1970 г.

Не отказываясь от иностранных инвестиций, правительства Л. Матеоса и Д. Ордаса укрепляли позиции государства и национального капитала. Государство взяло на себя развитие производственной инфраструктуры и базовых отраслей, способствуя формированию государственно-монополистического капитализма. Государство удерживало в своих руках железные дороги, ряд банковско-финансовых учреждений. Государственный сектор по-прежнему доминировал в добывающей, нефтяной и нефтеперерабатывающей промышленности, в черной металлургии, электроэнергетике. На государство приходилось $\frac{2}{5}$ всех инвестиций в стране и 12 % продукции обрабатывающей промышленности. Крепли связи между партийно-государственной бюрократией и промышленно-финансовой верхушкой частного капитала. В 1960—1961 гг. было ограничено участие иностранного капитала в электроэнергетической и добывающей промышленности, в 1965 г. запрещено участие иностранных фирм в финансово-кредитных учреждениях Мексики.

Получили дальнейшее развитие процессы концентрации и монополизации производства. К 1970 г. 1,7 % всех предприятий имели персонал более 200 человек. Они сосредоточили 42 % всей рабочей силы и 54 % продукции обрабатывающей промышленности. Шесть частных банков контролировали почти $\frac{2}{3}$ банковских депозитов частного сектора; 400 крупнейших компаний (половина из них национальные) имели 77 % всех доходов частных промышленных предприятий. Мексиканский капитал проникал в Центральную Америку. Параллельно значительное место в экономике сохраняли средние и мелкие предприниматели.

Правительственная политика способствовала стабильному динамичному развитию промышленности и экономики в целом. В 60-е годы ежегодные темпы роста валового внутреннего продукта достигли 7 % (в 50-е годы — 5,8 %). Доля Мексики в ВВП Латинской Америки увеличилась с 20,3 % в 1960 г. до 23,2 % в 1970 г. (второе место после Бразилии). Промышленное производство росло в среднем на 9 % в год. За 1958—1970 гг. добыча нефти увеличилась с 14 млн. до 21,5 млн. т, производство электроэнергии, стали, автомобилей — примерно в 4 раза. Доля тяжелой промышленности в общей продукции обрабатывающей промышленности за 60-е годы увеличилась с 44,7 до 58,5 %.

Мексика, как и Аргентина с Бразилией, стала индустриально-аграрной страной. Удельный вес промышленности и смежных отраслей в ВВП за 60-е годы вырос с 33,4 до 37,3%, а сельского хозяйства, несмотря на его высокие темпы развития, — уменьшился с 16,4 до 12,2%. Занятость в промышленности и связанных с нею отраслях инфраструктуры увеличилась с 22 до 28%, в торговле и сфере услуг — с 23 до 27%. Общее количество лиц наемного труда в 1970 г. превысило 8 млн. человек (62% экономически активного населения). В промышленности (со смежными отраслями) число рабочих и служащих за 60-е годы возросло с 2,1 до 2,7 млн. человек. Рабочий класс в целом достиг 5 — 6 млн. человек, из них промышленный пролетариат — 1,5—2 млн., а сельскохозяйственный — 2,7 млн. человек.

Лопес Матеос пришел к власти в момент оживления рабочего движения. В 1958—1959 гг. бастовали нефтяники, химики, учителя. С июня 1958 г. до марта 1959 г. длилась упорная забастовка 100 тыс. железнодорожников, требовавших повышения заработной платы и удаления из профсоюзного руководства «агентов правительства». В движении большую роль играли коммунисты. Правительство с помощью войск подавило забастовку, произведя аресты и увольнения.

Нанеся удар по независимым действиям рабочих, правительство Лопеса Матеоса стало больше внимания уделять социальной политике. Президент заявил, что «перманентная (непрерывно продолжающаяся) мексиканская революция» вступила в этап строительства общества социальной справедливости, и призвал рабочий класс к сотрудничеству с правительством. В этом духе были разработаны новая декларация принципов и программа ИРП в 1963 г. В начале 60-х годов правительство внесло изменения в конституцию и законодательство, расширившие права рабочих. Им было предоставлено право на участие в прибылях и на минимум заработной платы. С 1960 по 1964 г. почти вдвое было увеличено количество трудящихся, охваченных системой социального обеспечения (до 6,3 млн. человек), повышена оплата труда женщин, ограничен труд подростков. С 1958 по 1968 г. реальная заработная плата трудящихся повысилась на 54 %. При Диасе Ордасе в 1969 г. льготы трудового законодательства были распространены на работников сельского хозяйства и некоторых других категорий. Принимались меры по развитию народного образования и здравоохранения.

Такая политика помогла правящей партии удержать основные массы трудящихся под своим влиянием. В 60-е годы забастовочное движение было незначительным (не более 60—80 тыс. участников в год). В 1966 г. профсоюзы объединяли 1,4 млн. рабочих и служащих; $\frac{2}{3}$ из них входили в Конфедерацию трудящихся Мексики (КТМ), стоящую на проправительственных позициях. В феврале 1966 г. КТМ и подавляющее большинство других профсоюзов вошли

в Конгресс труда — координационный центр профсоюзов, созданный как «рабочий сектор» правящей партии. 1 млн. эхидатариев входили в Национальную крестьянскую конфедерацию Мексики, состоявшую в «крестьянском секторе» правящей ИРП.

Левые силы оставались малочисленными и разрозненными, как и раньше. В конце 1961 г. компартия, Социалистическая народная партия (СНП)¹ и некоторые другие левые организации трудящихся и интеллигенции создали Движение за национальное освобождение (ДНО), выдвигавшее требования расширения демократии, национализации иностранных компаний, завершения аграрных преобразований. Успехом левых было также создание в январе 1963 г. Независимого крестьянского центра (НКЦ), объединившего полмиллиона сельских тружеников под лозунгами углубления социальных преобразований в деревне с активным участием в них самих крестьян и сельскохозяйственных рабочих.

Появление и быстрый рост НКЦ побудили проправительственную Национальную крестьянскую конфедерацию воспринять ряд требований НКЦ. Это обстоятельство и продолжение аграрной реформы позволили сторонникам правительства удержать основные массы крестьян под своим влиянием и внести раскол в ряды НКЦ, значительная часть которого в конце 1964 г. перешла на позиции сотрудничества с правительством. ДНО также фактически распалось, превратившись в маловлиятельную группу.

В июле—октябре 1968 г. страну охватили массовые студенческие волнения. Студенты выступили с программой социальных и демократических требований, объявив всеобщую студенческую забастовку и организовав многолюдные митинги и демонстрации с участием сотен тысяч человек. Борьбу возглавил Национальный забастовочный комитет. Студентов поддержали часть рабочих, левая интеллигенция. Правительство направило на усмирение студентов войска. 20 октября 1968 г. демонстранты были расстреляны. Сотни человек убиты и ранены, многие арестованы. Движение было подавлено.

Несмотря на то что левым силам в 60-е годы не удалось достичь заметных успехов, их действия способствовали активизации реформистской политики правящей партии с учетом настроений масс.

Позитивные тенденции были свойственны внешней политике Мексики. Мексика отказалась поддержать решения ОАГ в отношении Кубы, отстаивая право каждого народа на самоопределение, выступая в защиту принципов суверенитета и невмешательства. После 1964 г. Мексика осталась единственной страной региона, сохранившей дипломатические и торговые отношения с Кубой. Правительство Диаса Ордаса протестовало против интервенции США в Доминиканской Республике в 1965 г. В ООН Мексика выступала в защиту

¹ Партия Ломбардо Толедано, до 1960 г. Народная партия.

мира и в поддержку мер по разоружению. Мексиканское правительство явилось инициатором Договора о безъядерной зоне в Латинской Америке (1967).

Поворот вправо в Латинской Америке. Интервенция США в Доминиканской Республике (1965). Провозглашение политики «Союза ради прогресса» расширило круг сторонников сотрудничества с США и способствовало отходу от революционного движения его неустойчивых участников. В то же время реформистские начинания вызвали растущее противодействие буржуазно-помещичьей верхушки, не желавшей поступиться своими привилегиями. Самой реформистской деятельности «сверху» были присущи противоречия: в ней наряду с осознанием необходимости перемен воплотилось и стремление воспрепятствовать революционным потрясениям. Курс на демократизацию сочетался с мерами против революционных сил. Опасаясь обострения обстановки, реформистские круги уступали давлению консервативных сил и искали компромисса с ними. Реформистские буржуазно-демократические режимы часто оказывались не в состоянии обеспечить социальную и политическую стабильность в обстановке острых противоречий. Национал-реформистский курс вызывал и опасения за свои позиции среди американских компаний, действовавших в регионе, а также у консервативных кругов в самих США. Активизация антикубинских действий и борьбы с «подрывной деятельностью», с партизанскими движениями также стимулировала правые силы. В 1963 г. в результате военных переворотов были установлены военно-диктаторские режимы в Гватемале, Эквадоре, Доминиканской Республике и Гондурасе. В этих странах были свергнуты конституционные правительства, объявившие себя сторонниками реформ в духе «Союза ради прогресса».

В Доминиканской Республике впервые за многие десятилетия в январе 1963 г. к власти пришел конституционно избранный президент Хуан Бош, лидер национал-реформистской Доминиканской революционной партии. Он был писателем и общественным деятелем, участвовал в борьбе против диктатуры Трухильо, 24 года провел в эмиграции. Х. Бош был искренним сторонником демократии и реформ. Его обещания следовать курсу «Союза ради прогресса» встретили одобрение правительства Дж. Кеннеди в США. Однако едва он попытался всерьез взяться за осуществление обещанных реформ (легализация партий и профсоюзов, установление контроля над экспортом сахара, принятие новой конституции, предусматривавшей аграрную реформу), как это вызвало яростную оппозицию правых сил, и уже 25 сентября 1963 г. он был свергнут. К власти пришла военная хунта, начавшая репрессии против своих противников.

1 апреля 1964 г. военный переворот в Бразилии прервал ее развитие по пути реформ. Поражение прогрессивных сил и утверждение в крупнейшей латиноамериканской республике террористической военной диктатуры изменило общую обстановку в регионе. В октябре 1964 г. обострилась ситуация в Боливии, где вспыхнул бурный конфликт между вторым правительством Виктора Пас Эстенсоро (1960—1964) и рабочими организациями, недовольными ужесточением социальной политики национал-реформистского правительства, его отходом от прежнего курса преобразований. Армия сломала упорное вооруженное сопротивление рабочих и оккупировала район шахт, а затем повернула оружие против правительства. В ноябре 1964 г. В.П. Эстенсоро был свергнут. После 12-летнего пребывания у власти после революции 1952 г. национал-реформистской партии «Националистическое революционное действие» в Боливии установился военно-диктаторский режим организатора переворота генерала Рене Баррьентоса (1964—1969). В июне 1966 г. наступил черед Аргентины, где также было свергнуто реформистское правительство и власть захватила военная хунта.

Надежды американского президента Джона Кеннеди на упрочение режимов представительной демократии в Латинской Америке в связи с осуществлением политики «Союза ради прогресса» не оправдались. После убийства Дж. Кеннеди в ноябре 1963 г. правительство его преемника Линдона Джонсона (1963—1969) внесло коррективы в осуществление «Союза ради прогресса». Оно отказалось от преимущественной поддержки конституционных правительств и осуждения неконституционных режимов. Лояльные США диктаторские режимы получили открытую поддержку. Большое внимание стало уделяться защите непосредственных интересов американского капитала и борьбе с «подрывной деятельностью» в регионе, расширению военно-политического сотрудничества США со странами Центральной Америки. 9 января 1964 г. американские войска жестоко расстреляли демонстрацию панамцев, проникших в зону Панамского канала и требовавших восстановления над зоной панамского суверенитета.

Наиболее откровенный интервенционистский характер политика США в Латинской Америке приобрела в связи с событиями 1965 г. в Доминиканской Республике. 24 апреля 1965 г. восстали два батальона доминиканской армии во главе с полковником Франсиско Кааманьо против военной хунты. Восставшие потребовали восстановления демократической конституции 1963 г. и возвращения к власти законного президента Хуана Боша, свергнутого военными в 1963 г. Участники восстания в связи с этим стали называться «конституционалистами». Население столицы — города Санто-Доминго — присоединилось к восстанию. Фр. Кааманьо возглавил временное правительство конституционалистов. Глава военной хунты

генерал Э. Вессин-и-Вессин, укрепившись в окрестностях столицы, предпринял 27 апреля наступление на столицу и ворвался в город. 28 апреля войска хунты были разбиты конституционалистами. Тогда в тот же день под предлогом защиты жизни и собственности американских граждан США начали высадку подразделений американской морской пехоты в районе Санто-Доминго, воспрепятствовав распространению власти конституционалистов за пределы столицы. В последующие дни высаживались все новые части.

Впервые с 30-х годов США провели прямое вооруженное вторжение своих войск на территорию латиноамериканского государства. В речи 2 мая 1965 г. президент США Л. Джонсон провозгласил «право США на вооруженное вмешательство в любой стране Западного полушария с целью помешать установлению «коммунистического правительства». Это заявление президента США получило известность как «Доктрина Джонсона». Позднее, 20 сентября 1965 г., палата представителей Национального конгресса США приняла соответствующую резолюцию.

В ночь на 3 мая американские войска расчленили оборону конституционалистов и блокировали их основные силы в юго-восточной части столицы. Через несколько дней общая численность американских войск в Доминиканской Республике достигла 30,5 тыс. человек, что многократно превосходило силы конституционалистов. В интервенции участвовали 50 американских кораблей и 275 самолетов.

США старались придать своей интервенции характер коллективной акции ОАГ. 6 мая 1965 г. Консультативное совещание министров иностранных дел — членов ОАГ 24 голосами против 5 при одном воздержавшемся приняло решение о создании «межамериканских вооруженных сил» и направлении военных формирований стран—участников ОАГ в Доминиканскую Республику. США пытались использовать эти события для создания постоянных «межамериканских вооруженных сил» под своим контролем.

Правительства Бразилии, Гондураса, Никарагуа и Парагвая направили для участия в интервенции свои воинские подразделения общей численностью 1700 человек. Остальные страны отказались участвовать в этой акции. Правительства Мексики, Перу, Боливии, Эквадора, Чили, Уругвая осудили интервенцию. По странам Латинской Америки прокатились массовые протесты против интервенции. Предложение США о создании «постоянных межамериканских вооруженных сил» не прошло.

Интервенция США заставила доминиканских конституционалистов 31 августа 1965 г. подписать соглашение о прекращении борьбы. В июне 1966 г. президентом Доминиканской Республики был избран лояльный США политический деятель Хоакин Балагер, после чего последние части интервентов покинули остров.

ОБСТАНОВКА В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 60-Х ГОДОВ

Экономическое положение. Итоги «Союза ради прогресса». Реформистская политика в рамках «Союза ради прогресса» дала определенные результаты, хотя и не могла радикально изменить ситуацию. В результате аграрных реформ в течение 60-х годов произошло частичное перераспределение земель. За счет государственного фонда и помещичьих земель в 60-е годы (не считая Кубы) почти полтора миллиона крестьянских семей получили более 56 млн. га земли. В различных странах итоги аграрных реформ оказались неодинаковыми. На Кубе были полностью ликвидированы не только латифундизм, но и капиталистическое сельское хозяйство. В Мексике и Боливии, переживших глубокие революционные процессы, с господством традиционного латифундизма было покончено, широкие массы сельского населения получили доступ к земле. На долю Мексики в 1958—1970 гг. пришлось более половины всей перераспределенной за это время в регионе земли и около половины получивших ее. В Боливии в результате аграрной реформы в 1953—1964 гг. около 240 тыс. семей получили 7 млн. га. Здесь аграрная реформа проводилась прежде всего в интересах крестьянства и носила революционный характер. Серьезно были подорваны позиции латифундизма в результате аграрной реформы 1960 г. в Венесуэле, где около 200 тыс. семей бесплатно получили 5 млн. га земли, притом большая часть из них — за счет помещиков. Радикальный характер имела аграрная реформа 1967 г. в Чили.

Аграрные реформы 1961—1964 гг. в Колумбии, Эквадоре и Перу имели более умеренные масштабы. В этих странах перераспределение земли шло преимущественно за счет государственного земельного фонда, помещичье землевладение было задето слабо. В Колумбии за 1961—1973 гг. 120 тыс. крестьянских семей получили 3,5 млн. га, в Эквадоре около 70 тыс. семей — 700 тыс. га, в Перу 150 тыс. семей приобрели до 1968 г. 1,9 млн. га.

В Бразилии и в Центральной Америке аграрная реформа практически не состоялась — здесь за счет колонизации неосвоенных государственных территорий и выдачи удостоверений на уже занятые крестьянские участки было наделено землей ничтожное количество семей. В гигантской Бразилии, например, землю получили в 60-е годы лишь 5 тыс. семей.

В Аргентине, Уругвае и Парагвае аграрных реформ вообще не было. В Аргентине и Уругвае это объяснялось в значительной мере тем, что тут латифундистское хозяйство было более активно втянуто в крупнотоварное капиталистическое производство. Поэтому в аграрной политике больший акцент был сделан на проблемах аренды, агротехнических и финансовых мероприятиях.

Аграрные реформы увеличили фермерскую прослойку, содействовали капиталистической эволюции латифундизма, расширили введенные в оборот земли, способствовали росту потребительского рынка. За полтора десятилетия до 1970 г. почти в 3 раза увеличился тракторный парк, более чем в 4 раза — потребление минеральных удобрений.

И все же аграрный вопрос и после реформ 60-х годов во многих странах оставался острым. В конце 60-х годов более 62 % сельскохозяйственных угодий (465 млн. га) в регионе удерживали в своих руках 100 тыс. помещиков (1 % хозяйств). Лишь $\frac{1}{6}$ часть их владений обрабатывалась. Одновременно 7,5 млн. мелких землевладельцев (76 % хозяйств) имели в своем распоряжении только 4,5 % угодий. Миллионы семей оставались без земли. Хотя сельскохозяйственное производство росло в 60-е годы ежегодно в среднем на 3 %, на душу населения его объем почти не изменился из-за высоких темпов увеличения числа жителей.

В 60-е годы «импортзамещающая индустриализация» постепенно распространялась на страны, ранее слабо ею затронутые. Для более развитых государств наступил ее второй этап, заключавшийся в переходе к производству более сложных промышленных товаров и предметов потребления (автомобили, электробытовая техника и радиоаппаратура), новых по технологии товаров. Более быстрое развитие получило производство средств производства. Среднегодовые темпы прироста ВВП в Латинской Америке в 60-е годы составили 5,6 % против 4,7 % в 50-е годы, а в обрабатывающей промышленности увеличились с 6,2 % в 1956—1960 гг. до 7,3 % в 1966—1970 гг. Притом доля тяжелой промышленности в общей продукции обрабатывающей промышленности выросла за 60-е годы с 41 до 52 %. Удельный вес сельского хозяйства в ВВП сократился с 17 до 14 %, а промышленности и смежных с нею отраслей инфраструктуры превысил 40 %. Добыча нефти за эти 10 лет увеличилась почти в полтора раза (со 194,3 млн. т до 269 млн. т), производство электроэнергии — более чем в 2 раза (до 143,6 млрд. кВт · ч), выплавка стали — почти в 3 раза, производство и сборка легковых автомобилей — в 4,5 раза.

На Латинскую Америку начала распространяться научно-техническая революция. В 1966 г. здесь уже имелось 200 ЭВМ, интенсивно импортировались оборудование и патенты. Научно-техническая революция в Латинской Америке делала первые шаги и наслаивалась на процесс индустриализации, механизацию и конвейеризацию труда, создание новых отраслей.

В 40—60-е годы в более развитых странах (Аргентина, Чили, Бразилия, Мексика, Уругвай, Венесуэла, Колумбия) формируется и крепнет промышленно-финансовая монополистическая верхушка. Спецификой Латинской Америки было то, что местный монополистический капитал развивался в тесной связи с иностранным и

нередко играл подчиненную роль. Другой особенностью была активная стимулирующая роль государства в становлении местного монополистического капитала. В связи с этим уже в начальной стадии развития монополистического капитала проявились государственно-монополистические тенденции. В 60-е годы наблюдалась экспансия капитала Бразилии, Аргентины, Мексики, Венесуэлы в соседние страны. Начинается проникновение бразильского капитала в Африку.

Первые местные компании появились в Латинской Америке давно, еще на рубеже XIX и XX вв. Но это были скорее монополии раннекапиталистического типа и поначалу имели больше общего с английскими монополиями XVI—XVII вв. В дальнейшем они подверглись эволюции. Эти компании выросли на основе крупнотоварного аграрно-сырьевого производства и финансово-торговых операций, к которым подключались смежные производства. В процессе же бурного роста импортзамещающей промышленности с середины XX в. формируются промышленно-финансовые компании и объединения нового типа. К концу 60-х годов в Латинской Америке было 3 тыс. промышленников и финансистов-миллионеров, 27 корпораций имели состояние свыше 100 млн. долл.

Монополистическая верхушка в Латинской Америке в итоге включила в свой состав представителей как собственно промышленного и финансового капитала, так и помещичьих кругов — крупных аграрных компаний («Менендес» в Аргентине, кофейный король Лунарделли в Бразилии). В руках этих компаний находились торговые предприятия, банки, транспорт, заводы и фабрики перерабатывающих отраслей. В Бразилии 4 компании доминировали в товарном производстве кофе. В Аргентине 15 скотоводческих компаний владели 6,6 млн. га земли, имели свои банки, флот, заводы. 5 крупнейших корпораций в Аргентине в 1960 г. контролировали почти $\frac{2}{3}$ экспорта пшеницы и половину экспорта кукурузы.

Для Латинской Америки было характерно также наличие крупных государственных монополий, нередко превосходивших по масштабам частные компании. Аргентинской государственной компании, например, принадлежала вся огромная, густая железнодорожная сеть страны. Численность ее персонала превышала 200 тыс. человек. На предприятиях аргентинской государственной нефтяной компании работало 37 тыс. человек. В Мексике также нефть и железные дороги принадлежали соответствующим монопольным государственным компаниям. В Бразилии крупнейшими государственными объединениями были нефтяная компания «Петробраз» и «Банку ду Бразил».

Концентрация и монополизация производства происходила одновременно с продолжавшимся ростом мелкого и среднего предпринимательства, игравшего существенную роль на местном потребительском

рынке. Питательной средой для него являлось наличие обильной дешевой рабочей силы и незанятого населения, вытесненных из аграрного и других секторов вследствие кризисных тенденций в традиционных отраслях и процессов модернизации экономики. В Аргентине и Чили около 40 % занятых в промышленности и строительстве в 1970 г. приходилось на кустарное производство. В Центральной Америке, в Эквадоре и Парагвае эта цифра доходила до 60—80 %. Большая часть мелких собственников с трудом обеспечивала свое существование. В таких условиях развитие крупного монополистического производства усиливало неоднородность экономического базиса, в котором современные формы предпринимательства соседствовали и взаимодействовали с раннекапиталистическими.

Недостаточная материальная и организационно-техническая база местного капитала привела к усилению роли иностранных корпораций в процессе индустриализации. Благоприятные условия для экспансии иностранного капитала создавала и политика «Союза ради прогресса». Прямые частные иностранные инвестиции в Латинской Америке за 60-е годы возросли в 2 раза, достигнув почти 18 млрд. долл., в том числе американские — 14,7 млрд. Общая сумма инвестиций и кредитов США увеличилась с 13,5 млрд. долл. до 28,7 млрд.

Ведущим орудием экспансии иностранного капитала стали транснациональные корпорации (ТНК)¹, в основном американские. Иностранные капиталы вкладывались теперь преимущественно в новые отрасли обрабатывающей промышленности — химическую, электротехническую, машиностроительную, автомобильную. Большую роль приобрело предоставление новой технологии, лицензий, технических и организационных услуг. Широкое распространение получили смешанные компании. Практиковалось участие иностранного капитала в национальных, в том числе государственных, компаниях, привлечение местного капитала в ТНК. С помощью субподрядов ТНК вовлекали в орбиту своего влияния часть мелких и средних производителей. Программа «Союза ради прогресса» способствовала росту кредитной экспансии. Государственные кредиты и займы международных финансовых организаций в 60-е годы составили 50 % внешнего финансирования. Ежегодный вывоз прибылей на вложенный капитал из Латинской Америки во второй половине 60-х годов достиг 2 млрд. долл. Внешняя задолженность стран региона увеличилась с 6,6 млрд. долл. в 1960 г. до 19,4 млрд. в 1970 г. Более гибкие формы экспансии иностранного капитала, его большая динамичность и эффективность, установление более тесных органических связей между местным и иностранным капита-

¹ Так стали называть компании, значительная, иногда и большая часть производственного капитала которых размещается в ряде зарубежных стран.

дом обеспечивали сохранение экономической зависимости Латинской Америки от мировых центров капитализма.

Интеграционные процессы в 60-е годы не оправдали возлагавшихся на них надежд. Либерализация внутрizonальной торговли проводилась с трудом, так что участники ЛАСТ в 1969 г. отложили создание общего рынка на более отдаленное время. Но все же некоторые позитивные сдвиги были. Удельный вес внутрирегиональной торговли в общем экспорте региона (при значительном увеличении его объема) вырос за 60-е годы с 8—9 до 13 %, притом доля промышленной продукции во внутрирегиональном экспорте возросла с 12,6 до 39,3 %. Улучшилась структура латиноамериканского экспорта в целом: удельный вес продовольствия и сырья в нем уменьшился с 90 до 80 %, а готовых промышленных изделий — увеличился с 2,2 до 6,4 %. Произошли позитивные изменения в географии внешней торговли, она стала менее зависимой от односторонней ориентации на США. В экспорте стран региона удельный вес США за 60-е годы уменьшился с 40 до 32,5 %, доля Западной Европы сохранилась стабильной (около 33 %), Японии — выросла с 2,6 до 5,4 %. Увеличилось присутствие в экспорте региона социалистических стран — с 3 до 6,5 % (в том числе СССР — с 1,3 до 3,5 %).

В 1968 г. Гайана, Ямайка, Барбадос, Тринидад и Тобаго совместно с зависимыми от Великобритании территориями в Карибском бассейне создали небольшой локальный третий центр интеграции (после ЛАСТ и ЦАОР) — Карибскую ассоциацию свободной торговли (КАСТ), сохранившую тесные экономические связи с Великобританией. В 1969 г. участниками КАСТ был создан Карибский банк развития.

Наблюдались дальнейшие изменения в социально-классовом составе населения. Городское население увеличилось с 48,8% в 1960 г. до 57,4% в 1970 г., достигнув в Аргентине, Уругвае, Чили и Венесуэле 70—80%. Менее 40% оно было в большинстве стран Центральной Америки, а также в Парагвае и Эквадоре, менее 20% — в Гаити. Процент занятых в сельском хозяйстве за 10 лет уменьшился с 48 до 41%. В Аргентине эта цифра сократилась до 16%, в Уругвае — до 18%, в Чили и Венесуэле — до 23—26%. В странах Центральной Америки, в Парагвае, Эквадоре, Боливии в аграрном секторе трудилось до 50—66%, а в Гаити — 71,5% экономически активного населения. Занятость в промышленности и смежных отраслях за 60-е годы увеличилась с 25,6 до 28 %, а в сфере торговли и услуг — с 26 до 30,3%.

Удельный вес лиц наемного труда к 1970 г. превысил 55 %. Свыше 70 %, т.е. на уровне, близком развитым странам, он был в Аргентине, Уругвае, Чили, Коста-Рике, Тринидаде и Тобаго и Барбадосе, свыше 60 % — в Мексике, на Ямайке и Суринаме. Менее

40 % наемных работников было в Боливии, Парагвае и Доминиканской Республике, а в Гаити — всего 16 %.

Рабочий класс (включая близкие к нему категории трудящихся) вырос за 60-е годы с 30—32 млн. до 38—40 млн. человек, в том числе промышленный пролетариат — до 13—14 млн., сельскохозяйственный — до 10 млн. Значительно увеличилось количество техников и специалистов (с 2,5 млн. до 4,5 млн.), почти в 3 раза — студентов (с 0,5 млн. до 1,5 млн.). Это вело к дальнейшему росту влияния в общественно-политической жизни, наряду с рабочим классом, средних слоев, технической и гуманитарной интеллигенции и студенчества.

Несмотря на определенные и порой важные позитивные результаты, реформистская политика «Союза ради прогресса» к концу 60-х годов вызвала рост разочарования в разных слоях населения. Она не оправдала первоначальных слишком радужных надежд, сию же разбуженных. «Революции в условиях свободы» не произошло. Экономические диспропорции и социальные контрасты сохранились, в ряде случаев даже возросли. Значительная часть трудового потенциала реально не использовалась. Среднедушевой доход 5 % наиболее богатых групп населения к 1970 г. был в 47 раз большим, чем 20 % беднейших слоев. Проблема развития, продолжения зависимости и отставания от ведущих государств мира, аграрный вопрос, задачи демократизации политической жизни, улучшения положения трудящихся оставались в повестке дня.

Социально-политическое развитие латиноамериканских республик. После серии переворотов 1963—1966 гг. военно-диктаторские режимы восторжествовали в Центральной Америке (кроме Коста-Рики) и на большей территории Южной Америки (Бразилия, Аргентина, Боливия и Парагвай). Военно-диктаторская форма власти признана была обеспечить условия для осуществления неоконсервативного варианта развития капитализма. К таким методам господствующие классы склонялись прежде всего в тех странах, где трудно было укрепить их позиции либерально-реформистскими методами, при сохранении демократических форм правления. Социальная природа военных режимов, установленных в 60-е годы, в большинстве случаев определялась интересами преимущественно промышленно-финансовой верхушки господствующих классов, которая стремилась к ускоренной модернизации экономики (этим они отличались от традиционных военных диктатур прошлого) и закреплению своего господства путем расширения репрессивных функций государства, ужесточения социальной политики, усиления эксплуатации трудящихся, активного привлечения иностранного капитала. Наиболее характерные примеры такой политики дали крупнейшие страны Южной Америки — Бразилия и Аргентина.

В Бразилии в результате переворота 1 апреля 1964 г. непосредственно у власти оказалась военно-технократическая элита. Идеологической основой режима стала «Доктрина национальной

безопасности», связывавшая модернизаторские планы превращения Бразилии в «великую нацию» с подавлением «подрывной коммунистической деятельности» и защитой «идеологических границ» Запада внутри и вне страны. Тем самым обосновывалось право на вмешательство в дела других государств в случае появления там такой «угрозы».

Первоочередной задачей новых правителей было утверждение авторитарных форм правления. Военное командование присвоило себе право издавать законодательные акты. Президентом с чрезвычайными полномочиями стал маршал Кастело Бранко (1964—1967)¹. Объявленные Гулартом реформы были аннулированы, отменена конституция 1946 г. Началась чистка Национального конгресса, администрации и армии от негодных элементов. Многие подверглись арестам, высылкам, лишению политических прав на 10 лет. Профсоюзы были поставлены под строгий контроль правительства. Тысячи активистов рабочего движения были арестованы, подверглись пыткам, были убиты. Жестоко преследовались коммунисты. Рабочие практически лишились права на забастовку.

В 1965 г. было объявлено о ликвидации всех партий и замене их двумя новыми: проправительственной — Национальный союз обновления (АРЕНА) и оппозиционной — Бразильское демократическое движение (БДД). Большинство трабальстов, партия которых была разгромлена, вступило в БДД. Обе партии, организованные режимом, имели весьма ограниченные функции. Военные власти контролировали их деятельность, программы и финансы. АРЕНА имела $\frac{2}{3}$ мест в Национальном конгрессе и большинство в законодательных ассамблеях 21 из 22 штатов.

В марте 1967 г. вступила в силу новая, разработанная военными, конституция, на словах провозглашавшая традиционные демократические свободы, на деле узаконившая военно-диктаторский режим, обставленный парламентскими формами. Права Национального конгресса как законодательного органа были сильно урезаны. Президент отныне избирался не населением республики, а коллегией выборщиков, составленной в основном из членов конгресса. Новым президентом, выдвинутым военными и «избранным» таким образом, стал маршал Коста-э-Силва (1967—1969)². При нем в декабре 1968 г. был издан акт, вручавший президенту неограниченные полномочия для борьбы с «угрозой внутренней безопасности» и право

¹ В 1944—1945 гг. в составе бразильского экспедиционного корпуса он воевал в Италии против германских войск.

² Бывший «тенентист». Любопытно, что многие деятели переворота 1964 г. и военного режима, как и Коста-э-Силва, были в 20-е годы в юности, революционерами-тенентистами, в зрелые годы национал-реформистами, сторонниками Варгаса, а в преклонные годы консерваторами (точнее, неоконсерваторами).

аннулировать депутатские мандаты. В 1969 г. президент получил также право издавать декреты-законы. Эти распоряжения завершили оформление режима.

Главную целью экономической политики военной диктатуры было создание максимально благоприятных условий для крупного частного, особенно иностранного, капитала во имя индустриального и технического прогресса. При этом государству отводилась важная роль не только гаранта, но и крупнейшего вкладчика капиталов и собственника ряда предприятий. Была урезана помощь государства средним и мелким предпринимателям, усилен налоговый пресс на основную часть населения. Реальная заработная плата трудящихся была сокращена в 1964—1969 гг. на 40 %. В 1969 г. $\frac{2}{3}$ из них получали зарплату ниже установленного минимума. В аграрной политике расчет делался на стимулирование экспорта, ускорение капиталистической эволюции латифундизма и расширение фермерской прослойки за счет освоения новых земель.

Ценой больших социальных издержек для населения правящим кругам удалось к концу 60-х годов стабилизировать экономику страны и обеспечить высокие темпы ее развития. Инфляция сократилась с 86 % в 1963 г. до 24 % в 1968 г., темпы роста ВВП увеличились с 1,5 % в 1964 г. до 4,8 % в 1967 г. и 11,2 % в 1968 г.

Репрессии и деморализация трудящихся привели к резкому падению их активности. Левым организациям приходилось действовать в глубоком подполье, неся тяжелые потери. И все же, несмотря на преследования, во второй половине 60-х годов ежегодно бастовало 50—100 тыс. человек. Некоторые группы революционеров предприняли попытки вооруженной борьбы — «городской герильи» (партизанской войны). Особую известность получил организатор и теоретик «городской герильи» в Бразилии Карлос Маригела. В 1968 г. произошло оживление оппозиционных выступлений левых и демократических сил. Но к 1969 г. ужесточением репрессий, подкрепленным стабилизацией экономики, диктатуре удалось добиться спада рабочего и демократического движения. Была разгромлена «городская герилья», Карлос Маригела погиб.

Во внешней политике военный режим, руководствуясь доктринами «национальной безопасности» и «идеологических границ», ориентировался на тесный союз с США и обосновывал «особую ответственность» Бразилии за безопасность в Южной Америке. В мае 1964 г. были разорваны дипломатические отношения с Кубой. В 1965 г. Бразилия присоединилась к интервенции США в Доминиканской Республике, высказалась в поддержку действий Вашингтона во Вьетнаме. В претензиях военного режима Бразилии на роль привилегированного союзника США и «блюстителя порядка» в Южной Америке отразились экспансионистские устремления бразильской монополистической буржуазии. Проникновение бра-

зильского капитала в соседние страны (Боливия, Парагвай, Уругвай) сочеталось с поддержкой в них Бразилией реакционных сил. Бразилия проявила интерес к сотрудничеству с салазаровским фашистским режимом Португалии, обосновывая концепцией «афро-португалобразильского сообщества» свои экспансионистские устремления в Африке (в первую очередь в португальских колониях) и в Южной Атлантике. Развивались связи с ФРГ и другими западноевропейскими странами, с Японией.

В Аргентине переворот 28 июня 1966 г. утвердил у власти военную диктатуру, возглавленную организатором переворота генералом Хуаном Карлосом Онгания (1966—1970). Был разогнан Национальный конгресс, запрещены деятельность всех партий, забастовки, объявлено о введении на неопределенное время внеконституционного «революционного» режима, призванного «реорганизовать» республику.

Новый режим выражал интересы правонационалистических кругов (прежде всего монополистической верхушки), ориентировавшихся на сотрудничество с США. Экономический курс нового правительства осуществлял министр Кригер Васена — непосредственный представитель монополистического капитала. В этом наблюдалось некоторое отличие от Бразилии, где военное правительство было более автономно от самих корпораций.

Целью руководителей переворота, как и в Бразилии, было подавить классовую борьбу, покончить с либеральным реформизмом, утвердить авторитарный режим, способный обеспечить капиталистическую модернизацию путем интенсификации эксплуатации трудящихся и притока иностранных капиталов. Здесь, в отличие от Бразилии, диктатура с самого начала выступила в неприкрытом виде, без партийно-представительной атрибутики. Идеологической основой военной диктатуры стали правый национализм, антикоммунизм, идеи «интеграции» классов, единства нации во имя развития, консервативный клерикализм. Сам Онгания был сторонником корпоративного режима, рассчитанного на перспективу. Другое течение в армии предпочитало со временем постепенно либерализовать режим и перейти к «контролируемой демократии» (т.е. к такому варианту «демократии», который бы исключал из реального участия в политической жизни левые силы). Это течение имело больше сторонников среди военных и было ближе к настроениям промышленно-финансовой верхушки. Но на первых порах данные расхождения отодвигались на второй план.

Онгания декларировал идею активного вмешательства государства в экономику. На деле же его правительство осуществляло денационализацию промышленности, сдавая иностранным компаниям позиции в нефтяной, мясохладобойной, молочной и других отраслях промышленности, проводило политику «рационализации труда»,

замораживания заработной платы при росте цен. Число безработных и не полностью занятых в 1968 г. достигло 1,5 млн. человек.

Правительство вмешалось в дела профсоюзов, установив контроль над теми организациями, где преобладали левые силы. Забастовки подавлялись. Многие активисты рабочего движения были арестованы. В 1967 г. был объявлен закон о борьбе с «коммунизмом», содействовавший усилению репрессий. Правительство Онгания намеревалось реорганизовать ВКТ и превратить ее в послушный ему орган. Военные власти подчинили своему контролю университеты, подавив студенческое движение и отменив университетскую автономию.

Во внешней политике правительство Онгания использовало доктрину «идеологических границ». Оно выступило в поддержку планов США по созданию межамериканских вооруженных сил, солидаризовалось с агрессией США во Вьетнаме, поддерживало диктаторские режимы в Латинской Америке.

Почти все партии страны первое время после переворота либо встали на сторону военного режима, либо заняли выжидательную позицию. Перонистские лидеры ВКТ попытались достичь соглашения о сотрудничестве с правительством Онгания, саботируя борьбу трудящихся против диктатуры. Компартия сразу же заявила об антинародном и антинациональном характере нового режима и призывала к борьбе с ним.

Несмотря на преследования и примиренческую линию руководства ВКТ, с первых месяцев военного режима начинаются забастовки. 14 декабря 1966 г. и 1 марта 1967 г. произошли первые всеобщие забастовки против социально-экономической политики правительства Онгания.

Внутри ВКТ соглашательский курс ее лидеров вызвал нарастание протеста. В рабочих организациях усилились левые тенденции. На съезде ВКТ в марте 1968 г. левые перонисты, сторонники решительной борьбы с диктатурой, поддержанные другими левыми течениями, одержали победу. Было избрано новое руководство профцентра. Приверженцы соглашательской тактики — основное ядро перонистской профсоюзной бюрократии, лидеры крупнейших столичных федераций — ушли со съезда и создали параллельную организацию — «ВКТ диалога», так как она, выдвигая ряд требований от имени рабочих к диктатуре, оставалась на позициях «диалога» с правительством, старалась избежать обострения отношений с ним. За обновленной ВКТ, имевшей перевес в низших и провинциальных звеньях профсоюзного движения, закрепилось название «оппозиционная ВКТ», или «ВКТ аргентинцев». Ее главным оплотом был крупный промышленный центр Кордова. Появилась и третья, небольшая по численности группа профсоюзов во главе с правоперонистскими лидерами некоторых федераций, вставшая на позиции прямого сотрудничества с военными властями и прозванная за это

«коллаборационистами». Левоперонистское руководство «ВКТ аргентинцев» стремилось к монопольному лидерству в ней, и в его деятельности стали проявляться революционаристские тенденции (злоупотребление призывами к немедленной революции). Эти недостатки, а особенно раскол ВКТ, ослабляли эффективность действий оппозиционной ВКТ. Но тем не менее впервые левые течения в перонизме сумели прорваться на поверхность в профсоюзном движении.

Образование оппозиционной ВКТ стало преддверием подъема борьбы против военной диктатуры. Мятежный профцентр начал подготовку активных выступлений. В день второй годовщины переворота в июне 1968 г. оппозиционная ВКТ организовала антиправительственную демонстрацию, к которой присоединились и некоторые другие демократические организации. В первых рядах демонстрантов шел свергнутый военными президент А. Илья.

В странах с более устойчивыми демократическими традициями имущие классы предпочитали либерально-реформистский вариант модернизации экономики и общества, с сохранением конституционного правления (Мексика, Чили, Уругвай, Коста-Рика, Венесуэла, Колумбия). Здесь при влиятельной роли промышленно-финансовой верхушки в политике правительств в той или иной мере находили отражение устремления более широких кругов буржуазии и других слоев населения. Осуществление модернизаторских планов в этих странах связывалось с широким развитием местного капитализма при активной роли государства, с расширением массовой базы режимов благодаря политике реформ и классового сотрудничества. Активными проводниками реформистского курса в 60-е годы были национал-реформистские и христианско-демократические партии. Наиболее успешной эта политика оказалась в Мексике, Венесуэле и Коста-Рике, где реформистские настроения преобладали, в том числе и среди трудящихся города и деревни. Реформистская политика здесь способствовала укреплению конституционного режима и позиций правящих партий. Определенные успехи на этом пути были достигнуты в Колумбии. В Уругвае поляризация классовых сил подорвала к концу 60-х годов давнюю стабильность конституционного режима. Не обрело устойчивости конституционное реформистское правительство в Перу, свергнутое военными в 1968 г. Возвращение в 1960 г. к конституционному правлению Эквадора также оказалось зыбким и непрочным.

В Чили активная реформистская политика христианских демократов стала преддверием более глубоких перемен и потрясений. Чилийское христианско-демократическое правительство Эдуардо Фрея (1964—1970) предприняло серьезную попытку решить насущные проблемы страны с помощью реформ. Сдвиг в пользу реформистских и левых сил и падение влияния правых партий, произошедшее во время президентских выборов 1964 г., были развиты

дальше и закреплены на мартовских выборах 1965 г. в Национальный конгресс, на которых ХДП оставила далеко позади остальные партии, получив 42,3 % голосов и абсолютное большинство в палате депутатов (82 места из 147). Представительство коммунистов и социалистов увеличилось с 28 до 33 мест. Количество мандатов правых партий (консерваторов и либералов) упало довольно резко — с 45 до 9.

Правительство Фрея обещало покончить с латифундизмом и отсталостью в деревне, наделить землей 100 тыс. семей, добиться постепенного перехода под контроль государства меднорудной промышленности, обеспечить ежегодный экономический рост на 6—7 % и прекратить инфляцию. Оно обязалось строить до 100 тыс. квартир в год, серьезно улучшить системы здравоохранения и народного образования, вовлечь все население в управление обществом через систему массовых организаций.

Реальные результаты деятельности правительства оказались скромнее, но все же произошли важные перемены. В июле 1967 г. был принят новый закон об аграрной реформе, который поддержали левые партии. Закон предусматривал экспроприацию за выкуп помещичьей земли сверх лимита, эквивалентного по продуктивности 80 га орошаемых земель, а также неэффективных хозяйств меньшего размера. Экспроприированные земли передавались в собственность работавшим в имении трудящимся с оплатой в рассрочку. Новые владельцы при участии и помощи государства создавали производственный кооператив («асентамьенто») сроком на 3—5 лет, после чего они могли разделить землю в индивидуальную собственность. Текст закона позволял помещикам в некоторых случаях избежать экспроприации, но в целом реформа имела радикальный характер. За 6 лет, используя сначала ограниченный закон 1962 г., а затем новый закон, правительство Фрея успело (в основном в 1968—1970 гг.) экспроприировать 3,4 млн. га помещичьих земель и организовать на них 910 асентамьенто с участием 29 тыс. семей. Латифундизму был нанесен ощутимый удар, хотя большая часть помещичьих земель еще оставалась у их владельцев. Были сняты ограничения на создание профсоюзов в деревне и расширены социальные права сельских тружеников, повышена их заработная плата. К середине 1970 г. профсоюзы в сельской местности объединяли 127 тыс. человек. Преобладающим влиянием в них пользовались христианские демократы и левые силы.

Правительство увеличило долю государства в общенациональных инвестициях до $\frac{2}{3}$. С 1966 г. началось осуществление «чилизации» меди — постепенного выкупа государством акций у меднорудных компаний США. С 1970 г. государство стало владельцем 51 % этих акций и в последующие 12 лет должно было выкупить оставшиеся акции. Но по договору о техническом сотрудничестве американские компании сохраняли административный контроль над рудниками.

Такая «национализация по соглашению» с компаниями, с высокой ценой выкупа при фактическом сохранении на длительный срок контроля американских компаний над меднорудной промышленностью, вызвала недовольство в стране.

Прирост добычи меди оказался меньшим, чем планировалось. Темпы роста ВВП в 1966 г. достигли 6,8 %, но в 1967—1969 гг. уменьшились до 2—2,5 % в год. Не удалось справиться с инфляцией. Поначалу она была сокращена с 45 до 17 % в 1966 г., затем увеличилась до 30—40 % в год.

Правительство значительно увеличило расходы на здравоохранение и народное образование. Было открыто много новых школ, особенно в сельской местности. Неграмотность сократилась за 6 лет с 16,4 % населения старше 15 лет до 11 %. Количество студентов возросло с 35 тыс. до 78,4 тыс. человек, расширена университетская автономия. Заметно увеличилось жилищное строительство, хотя в меньших размерах, чем было обещано. К 1970 г. 2,5 млн. чилийцев все еще нуждались в жилье (из 9 млн. населения страны).

В ноябре 1964 г. были восстановлены дипломатические отношения с СССР, развивались торгово-экономические связи с социалистическими странами. В июле 1970 г. было заключено торговое соглашение с Кубой.

Особое значение демокристическое правительство придавало «социальной мобилизации» населения — созданию под эгидой ХДП широкой сети организаций молодежи, объединению неорганизованных трудящихся города и деревни, жителей народных кварталов, домохозяек, матерей, с тем чтобы превратить прежде пассивные слои населения в массовую организованную опору реформистской политики ХДП и не допустить расширения позиций левых партий. «Социальная мобилизация» должна была олицетворять развитие общественного самоуправления — «коммунитарного общества». Движение «социальной мобилизации» приняло большие масштабы. В него включились и левые силы. Вопреки расчетам Фрея, рост этого движения привел к усилению левых тенденций в его рядах и в самой ХДП.

Правительству не хватило средств на выполнение намеченных планов. Большие суммы шли на выкуп акций меднорудных компаний. До 2,8 млрд. долл. выросла внешняя задолженность, выплаты по которой достигли трети выручки от экспорта. На 60 % увеличились расходы на импорт машин и оборудования. Разорвались мелкие производители. Полная безработица достигла 7 %.

В стране не прекращались забастовки, в том числе всеобщие. Столкновения бастующих с полицией и войсками приводили к жертвам, что вызывало возмущение трудящихся. Требования более радикальных преобразований, выдвигавшиеся левыми партиями, встречали все большую поддержку, в том числе среди самих

христианских демократов. Численность руководимого коммунистами и социалистами Единого профцентра трудящихся (КУТ) превысила полмиллиона человек. Одновременно росло активное противодействие реформам правительства со стороны правых сил, партий консерваторов и либералов, объединившихся в 1966 г. в единую Национальную партию.

Поляризацию сил и сокращение влияния ХДП показали парламентские выборы в марте 1969 г. Количество голосов за ХДП по сравнению с выборами 1965 г. сократилось с 42,3 до 29,6 %, а число мест в палате депутатов — с 82 до 55. Правая Национальная партия получила 20 % голосов (против 13 % в 1965 г.) и 34 места в палате депутатов (было 9). Число голосов за компартию увеличилось с 12,4 до 15,9 %, а депутатских мандатов — с 18 до 22. С 10,3 до 12,3 % выросло количество голосов за социалистов, получивших 15 мандатов. В Радикальной партии (получила 13 % голосов) возобладало левое течение, выступившее за сближение с коммунистами и социалистами и добившееся еще в 1967 г. перехода партии на социал-демократические позиции и вступления ее в Социнтерн. Не согласное с этим правое крыло радикалов и с ним треть массовой базы партии в 1969 г. вышли из ее рядов и создали Радикально-демократическую партию (РДП), блокировавшуюся с Национальной партией. Часть левых христианских демократов в мае 1969 г. вышла из правящей ХДП и образовала Движение единого народного действия (МАПУ), которое высказалось за единство всех левых сил. В условиях кризиса реформизма, консолидации правых и левых сил и нарастания противоборства между ними Чили приближалась к президентским выборам 1970 г.

Рабочее движение и левые силы. Реформистская деятельность в рамках «Союза ради прогресса», военные перевороты и последовавшие за ними преследования привели в середине 60-х годов к спаду волны рабочего и освободительного движения в Латинской Америке. Левые силы потерпели ряд поражений и понесли потери. Особенно ухудшило перспективы для них поражение левых и демократических сил в 1964 г. в Бразилии.

Несколько уменьшилась стачечная борьба трудящихся, но ее масштабы все же оставались значительными — от 8 до 16 млн. бастующих в год в 1964—1968 гг. Усилились позиции реформистских профсоюзов, входивших в Межамериканскую региональную организацию трудящихся (ОРИТ). Численность латиноамериканских профсоюзов в составе ОРИТ увеличилась с 4 млн. в конце 50-х годов до 6 млн. человек в середине 60-х годов. Национал-реформизм и экономизм привлекли на свою сторону широкие слои рабочих и служащих. Опорой ОРИТ были Конфедерация трудящихся Мексики (КТМ), апристская Конфедерация трудящихся Перу (КТП), два из трех профцентров Колумбии. В конце 1961 г. в ОРИТ вступила

Конфедерация трудящихся Венесуэлы (КТВ) — ведущий профцентр страны, находившийся под влиянием правящей партии «Демократическое действие». Укрепились позиции ОРИТ в Центральной Америке.

Поддерживая «Союз ради прогресса», ОРИТ выступала за бойкот Кубы, против сотрудничества с коммунистами и левыми профсоюзами. В 1962 г. под эгидой профцентра США — Американской федерации труда — Конгресса производственных профсоюзов (АФТ-КПП) был создан Американский институт развития свободного профдвижения (АИРСП), с финансовым участием американских компаний. Институт специализировался на подготовке профсоюзных кадров латиноамериканских стран и участии в реализации проектов социального развития по программе «Союза ради прогресса». АИРСП имел 18 филиалов в самих странах Латинской Америки. До 1968 г. он подготовил 100 тыс. профсоюзных активистов. Деятельность института способствовала формированию профсоюзной бюрократии латиноамериканских республик в духе идей и практики «свободного профдвижения».

В некоторых странах продолжалось развитие рабочего движения и освободительной борьбы по восходящей линии. На протяжении всех 60-х годов нарастала массовая забастовочная борьба в Уругвае, все более приобретающая политическую окраску. В многократных всеобщих забастовках в защиту условий жизни и демократических свобод участвовали основные массы уругвайских трудящихся — до полумиллиона человек (при общем количестве лиц наемного труда в стране 700 тыс.). Уругвай стал терять репутацию «латиноамериканской Швейцарии». К этому времени сокращение доходов страны от агроэкспорта снизило эффективность традиционного батльистского национал-реформистского курса. Усилившаяся монополистическая верхушка уругвайской буржуазии требовала переориентации правительственной политики в пользу крупного частного капитала, более широкого сотрудничества с иностранными компаниями. наступления на права и условия жизни трудящихся, чтобы таким путем решить осложнившиеся проблемы экономического развития республики. Наметившийся с конца 50-х годов поворот в политике правящих кругов Уругвая в пользу таких требований и вызвал в ответ подъем массовой стачечной борьбы рабочего класса.

Ведущую роль в забастовочном движении играли левые профсоюзы, руководимые коммунистами. Уругвайская компартия еще в середине 50-х годов была малочисленной организацией (1,5—2 тыс. членов), погрязшей в сектантстве и догматизме и утратившей влияние в 30—40-х годах позиции среди рабочих. Но со второй половины 50-х годов она стала быстро расширять свои ряды и влияние. Это было связано со сменой руководства в 1955 г. и переориентацией партии на единство различных слоев трудящихся и сотрудничество левых сил независимо от идеологических различий

в отстаивании интересов и требований рабочих и служащих, широких народных масс в защите демократических свобод. Большие заслуги в выработке новой политической линии партии и ее успехах принадлежали возглавившему компартию с 1955 г. Роднею Арисменди (1913—1989). В 60-е годы он получил известность и за пределами Уругвая как деятель и теоретик коммунистического движения Латинской Америки. С 1946 г. он постоянно избирался депутатом Национального конгресса Уругвая.

В 1961 г. коммунистам удалось добиться создания Профцентра трудящихся Уругвая, объединившего 200 тыс. человек и ставшего ведущим профцентром страны. На его основе, с привлечением ряда автономных профсоюзов, в 1966 г. был образован Национальный конвент трудящихся (НКТ) — единый профцентр Уругвая, в рядах которого сплотилось подавляющее большинство организованных рабочих и служащих страны — свыше 300 тыс. человек. Во главе НКТ встали коммунисты вместе с представителями других левых течений. НКТ руководил выступлениями трудящихся, всеобщими забастовками, которые не раз вынуждали правящие круги и предпринимателей отступать от своих намерений и идти на уступки требованиям профсоюзного движения.

Однако на уровне партийно-политической борьбы левым силам было очень трудно пробить брешь в укоренившейся в республике двухпартийной системе. В 1962 г. коммунисты и несколько небольших левых партий объединились в Левый фронт освобождения, который на всеобщих выборах 1966 г. получил более 70 тыс. голосов и 6 мест (почти из 100) в палате депутатов. Коммунисты считали Левый фронт освобождения лишь первым шагом на пути к созданию более широкого фронта левых и левоцентристских сил, который был бы способен превратиться в реального конкурента двух основных буржуазных партий. Пока этого не было, роль организатора массовых политических выступлений трудящихся против правительственного курса исполнял НКТ, функции которого фактически выходили за рамки собственно профцентра. Своей деятельностью он как бы восполнял отсутствие влиятельной левой силы в партийно-политической структуре. Само нетрадиционное для профцентра название «конвент» подтверждало его намерение выступать не только в качестве профсоюзного объединения, но и как массового политического движения. НКТ вовлек в политическую борьбу основные категории трудящихся, привлек к поддержке своих акций непролетарские слои населения. Но в этом проявились и определенные слабости рабочего и народного движения: НКТ превратился в мощный фактор давления на правительство, но он в силу своей специфики не мог вести борьбу на партийно-политическом уровне. Широкие массы трудящихся верили в то, что смогут добиться своих целей воздействием извне на правительство, не выдвигая собственной

политической альтернативы. За Левый фронт освобождения в 1966 г. проголосовала лишь небольшая часть членов НКТ. Остальные, пойдя за коммунистами и их союзниками в рядах профцентра, на выборах продолжали отдавать голоса тем или иным кандидатам от двух главных буржуазных партий — «Колорадо» (батльисты) и «Бланко» (Национальная партия). Разительное несоответствие степени влияния левых сил на профсоюзном и партийно-политическом уровне было особенностью Уругвая 60-х годов. Здесь сказались влияние анархо-синдикалистских тенденций (подмена партий профсоюзами), сохранение у значительной части трудящихся доверия к реформистским политикам в рядах основных партий, в частности к батльистам, сильное воздействие двухпартийной системы, неверие в возможность создания реальной собственной политической альтернативы буржуазным партиям. Коммунисты надеялись, однако, что быстрая политизация массового народного движения под руководством НКТ со временем создаст благоприятную почву для перенесения этой борьбы в более широких масштабах, чем прежде, на партийно-политический уровень.

Столкнувшись с ростом рабочего и народного движения, правящие круги Уругвая стали стремиться к усилению исполнительной власти. В 1966 г. было объявлено о восстановлении в республике с 1967 г. президентской формы правления.

В Чили вплоть до конца 60-х годов нарастала реформистская деятельность христианско-демократического правительства, росла активность трудящихся, укреплялись позиции левых сил. В 1965 г. произошло восстание «конституционалистов» в Доминиканской Республике и по многим странам прокатилась волна протестов против интервенции США в этой республике. В конце 1965 г. серия забастовок охватила Панаму. В марте 1966 г. всеобщая забастовка против военной хунты привела к восстановлению конституционного правления в Эквадоре.

Продолжалось партизанское движение в Никарагуа, Гватемале, Венесуэле, Колумбии. В 1965 г. партизанские действия предприняла группа революционной молодежи в Перу. В том же году деятель Кубинской революции, министр экономики и член руководства компартии Кубы аргентинец Эрнесто Че Гевара оставил все свои посты и покинул остров, чтобы принять участие в революционной борьбе в других странах. В конце 1966 г. он нелегально появился в Боливии, где организовал партизанский отряд. В марте 1967 г. отряд Гевары начал боевые действия против подразделений правительственных войск диктатора Боливии генерала Баррьентоса в сельской местности, рассчитывая поднять на борьбу местных жителей.

Активными участниками и пропагандистами партизанской борьбы были леворадикальные организации. Левый радикализм как обще-

ственно-политическое течение появился в Латинской Америке под влиянием Кубинской революции на базе революционизировавшихся, разочаровавшихся в реформистских рецептах групп интеллигенции, студенчества, молодежи, представителей средних слоев и трудящихся. Многие леворадикальные организации возникли на основе левых групп (чаще всего молодежи), вышедших из националистических движений и реформистских партий, а также фракций, отколовшихся от компартий, их молодежных организаций из-за разногласий по тактическим и стратегическим вопросам. Некоторые из них появились независимо от существовавших партий и движений.

Левый радикализм представлял собой пестрый конгломерат движений и организаций, пытавшихся заполнить политическое пространство слева от реформистских сил, в борьбе с ними и часто в конкуренции с традиционными левыми силами, в том числе с коммунистами. В большинстве случаев леворадикальные организации не были массовыми, но отличались революционными настроениями, часто крайней левизной. В их среде имелись маоистские, троцкистские и анархистские течения. Они стремились связать левонационалистические концепции с марксизмом и на этой основе выработать революционную теорию, которая бы, по их представлениям, отвечала условиям Латинской Америки. Левые радикалы выступали за «освободительную антиимпериалистическую революцию» на континенте, связывая ее с борьбой за социализм. Они склонны были преувеличивать степень зависимости Латинской Америки от ведущих капиталистических держав и видели в освободительном движении развивающихся стран главную антиимпериалистическую и антикапиталистическую силу в мире. Левые радикалы апеллировали в первую очередь к беднейшему сельскому и городскому населению, считая, что квалифицированные кадры промышленного пролетариата подвержены реформистским влияниям, «обуржуазиванию». Большинство левых радикалов главный или даже единственный путь революции в Латинской Америке видели в вооруженной борьбе, в партизанской войне. Вдохновляясь примером Кубы, они надеялись созданием партизанских очагов в сельской местности быстро разжечь пламя народной революции на континенте. Левые радикалы скептически относились к партийно-политической борьбе и традиционным левым, в том числе коммунистическим партиям.

Леворадикальная концепция «очагов партизанской войны» своими истоками восходит к определенным образом истолкованному опыту кубинских партизан-революционеров 1956—1959 гг., обобщенному в книге Э. Че Гевары «Партизанская война» (1960 г., издана в СССР в 1961 г.). Основные положения этой концепции в наиболее систематизированном виде были изложены французским публицистом Режи Дебре в книге «Революция в революции?», изданной в Гаване

в 1967 г. и ставшей предметом жарких дискуссий среди латиноамериканских левых. Сам Режи Дебре в те годы, побывав на Кубе, стал горячим сторонником Кубинской революции и пытался принять участие в деятельности латиноамериканских революционеров. В 1967 г. он прибыл в Боливию, где связался с отрядом Гевары, но был арестован боливийскими властями, предан суду и несколько лет провел в тюрьме¹.

В начале и середине 60-х годов наряду с леворадикальными организациями активно участвовали в партизанском движении и коммунисты. Но во второй половине 60-х годов стало очевидно, что надежды на быстрое присоединение к повстанцам широких масс населения не оправдались. На это повлияли общее изменение обстановки в регионе, последствия реформистской деятельности правительств, неготовность населения, тем более в отсталых сельских районах, к восприятию лозунгов и методов борьбы революционеров. Сказывались пренебрежение левых революционеров к работе в массовых легальных организациях и вообще к легальным методам борьбы, неопытность, разногласия среди левых сил, сектантство, максимализм и утопизм выдвигавшихся идей и требований, во многих случаях неоправданность избранных насильственных форм борьбы, сопровождавшихся жертвами, особенно в странах с конституционным режимом. В 1965 г. были разгромлены и погибли перуанские партизаны. В октябре 1967 г. был разбит в неравном бою измотанный долгими переходами, стычками с войсками отряд Гевары в Боливии, так и не нашедший поддержки у крестьян. Сам Гевара, раненный в бою, был схвачен карателями, среди которых были и американские офицеры, и убит. Имя Гевары в дальнейшем как символ революционного самопожертвования стало необычайно популярным среди латиноамериканской революционной молодежи. Терпели неудачи партизаны и в других странах.

В таких условиях часть левых радикалов, особенно в более развитых и урбанизированных странах, переориентировалась на перенесение партизанских методов борьбы в города, рассчитывая на поддержку студенческой и пролетарской молодежи, городских низов. Речь шла об организации нападений небольшими мобильными группами на военные и полицейские посты, банки и другие учреждения, диверсий, похищений заложников, террористических актов. Такие действия предприняли во второй половине 60-х годов леворадикальные группы революционеров в Бразилии, движение «Тупамарос» в Уругвае. Возникли подобные группы и в таких странах, как Аргентина и Чили, где, казалось, для этого не было

¹ Позднее Р. Дебре отошел от радикальных позиций и действовал в рядах французской социалистической партии. В 80-е годы был политическим советником президента Франции Ф. Миттерана.

никаких предпосылок. Но в более широкие массовые выступления эти действия также не переросли и сопровождались поражениями и гибелью революционеров.

В ряде случаев, особенно в странах с конституционным правлением (Венесуэла, Чили, Уругвай) партизанские действия нанесли ущерб легальным позициям левых сил и их влиянию в массах, вызвали усиление правительственных репрессий и активизацию сил реакции. Это заставило коммунистов Венесуэлы в 1967 г. отказаться от вооруженной борьбы и вернуться к легальной деятельности. Несвоевременность повстанческих форм борьбы признали и многие другие компартии. Компартии Чили, Аргентины, Уругвая и раньше осуждали вооруженные формы борьбы в своих странах. Коммунисты Латинской Америки сосредоточили усилия на пропагандистской работе, на участии в забастовках и профсоюзной деятельности, на легальных формах борьбы, на попытках создания широких коалиций левых и демократических сил, на участии в избирательных кампаниях, не отказываясь от революционных целей. В странах с диктаторскими террористическими режимами компартии признавали правомерность вооруженной борьбы, но и тут считали необходимыми длительную подготовительную работу, пропаганду в массах и поиски соглашения всех оппозиционных сил, включая буржуазно-демократическую оппозицию. В Колумбии, где существовал конституционный режим, коммунисты возглавляли Революционные вооруженные силы, созданные на основе крестьянских отрядов самообороны и действовавшие в зонах, где с 1964 г. возобновилась вооруженная борьба крестьян в защиту занятых ими территорий от посланной против них правительственной армии. Но поскольку эта борьба не вышла за пределы нескольких локальных очагов и конкретных целей крестьянского движения, на остальной территории и в общенациональном масштабе компартия Колумбии выступила за легальные формы массовой борьбы, добившись некоторых успехов в профсоюзах.

Во второй половине 60-х годов развернулась бурная полемика между леворадикальными революционерами и компартиями ряда стран. Компартии обвиняли левых радикалов в мелкобуржуазном революционаризме и левацком экстремизме, в несвоевременности и ошибочных методах вооруженной борьбы, а те, в свою очередь, упрекали компартии в догматизме и оппортунизме, в преувеличении легальных возможностей, в сотрудничестве с неревolutionными силами. Полемика шла и среди самих левых радикалов.

Леворадикальное течение в 60-е годы появилось и в латиноамериканском католицизме в связи с начавшимся со времени папы Иоанна XXIII (1958—1963) и продолженным при Павле VI (1963—1978) обновленческим процессом в католической церкви, распространившимся и на Латинскую Америку. Церковь стала

выступать с критикой негативных сторон капитализма, высказываясь против нищеты, угнетения и бесправия значительной части населения, за улучшение положения трудящихся и расширение их прав. Она признала правомерность социальных преобразований и борьбы против тиранических режимов, осудила неокOLONиализм и милитаризм, выступила за мир и разоружение. В то же время церковная иерархия осуждала революционное насилие и его сторонников, апеллируя в первую очередь к духовному началу, к моральному и нравственному совершенствованию самого человека. Обновленческие тенденции развивались и в протестантской церкви.

Левый радикальный фланг обновленческого движения в церкви составили многие рядовые христиане, священники, некоторые представители низшего и среднего звена церковной иерархии, выступившие с позиции «теологии освобождения», или «религии угнетенных». Под обновлением христианства они понимали превращение его в идеологическое знамя борьбы против империалистического и капиталистического угнетения. Наибольшее развитие «теология освобождения» получила в Латинской Америке в движении «народной», или «мятежной церкви». Ссылаясь на христианское учение, сторонники «мятежной церкви» подвергли резкой критике капитализм и империализм и призвали к активному участию церкви в освободительной борьбе, в борьбе за социальную справедливость, отстаивая право угнетенных на революционное насилие. Для «теологии освобождения» было характерно стремление соединить моральные и духовные ценности христианства как религии угнетенных с марксистской интерпретацией действительности и с левонационалистическими концепциями.

Одним из инициаторов и популярнейшим представителем «мятежной церкви» был колумбийский священник, капеллан Национального университета в Боготе Камило Торрес (1929—1966), выступивший с пламенными обличениями империализма и олигархии и призывами к сплочению борцов за социальное освобождение. В марте 1965 г. он создал организацию «Единый фронт колумбийского народа», которая выдвинула программу в духе его призывов к преобразованиям (радикальная аграрная реформа, национализация ключевых отраслей экономики и др.). Однако очень скоро он разочаровался в мирных средствах борьбы и в ноябре 1965 г. ушел в горы к партизанам. Вскоре, в феврале 1966 г., К. Торрес погиб в бою. Его призывы и пример нашли последователей. В Латинской Америке появился ряд организаций сторонников «религии угнетенных»: группа «Голконда» в Колумбии, «Движение имени Камило Торреса» и «Движение в защиту третьего мира» в Аргентине и др. Они обращались к бедным и угнетенным и выступали за «национальный» и «гуманный» социализм, основанный на активном участии масс в общественной

собственности и местном самоуправлении. Идеи социализма они связывали с Евангелием.

За ненасильственные массовые действия в пользу глубоких социальных преобразований высказалась группа священников в Бразилии во главе с архиепископом Эльдером Камарой (р. 1909 г.). В 1968 г. «Манифест епископов третьего мира», написанный в духе «теологии освобождения», был подписан 800 священнослужителями Латинской Америки. Под влиянием левого крыла конференция епископов Латинской Америки, собравшаяся в 1968 г. в Медельине (Колумбия), в присутствии папы Павла VI, хотя и осудила насильственные методы борьбы, высказалась за «освобождение народов континента от вековой нищеты, зависимости и угнетения», за ликвидацию условий, порождающих несправедливость и эксплуатацию.

В 60-е годы возникло и движение христианских низовых общин. Такие общины стали создаваться по инициативе приходских священников из самих прихожан с целью усилить влияние церкви на население отдаленных сельских районов, «поселков нищеты», среди индейцев. Во главе низовых общин становились представители верующих. Через эти общины отстальные, пассивные прежде слои населения приобщались к социальной активности. Движение низовых христианских общин быстро начало превращаться в массовое движение за социальные перемены. Наибольшее распространение оно получило в Бразилии и в странах Центральной Америки.

Леворадикальное течение возникло и среди протестантов. Оно оформилось еще в 1961 г. в региональную организацию «Церковь и общество в Латинской Америке» и высказалось за мобилизацию христианских масс на революционное преобразование общества.

Латиноамериканские страны в международной жизни. В 60-е годы проявилась тенденция к росту внешнеполитической активности латиноамериканских государств. США удалось добиться присоединения стран Латинской Америки, за исключением Мексики, к дипломатической и торгово-экономической блокаде Кубы, а в 1965 г. принятия решения Организации американских государств (ОАГ) о создании временных межамериканских сил для участия их в интервенции США в Доминиканской Республике. Но большинство стран не приняло в них участия и воспротивилось намерению Вашингтона создать постоянные межамериканские вооруженные силы. Латиноамериканские участники ОАГ добивались расширения роли организации в реализации планов экономического и социального развития региона. В 1967 г. была усовершенствована структура ОАГ. Ставшие к этому времени нерегулярными межамериканские конференции были заменены на ежегодные Генеральные ассамблеи ОАГ. Срок полномочий Генерального секретаря ОАГ сокращался с 10 до 5 лет. Решения вступали в силу с 1970 г.

Страны Латинской Америки поддержали процесс деколонизации. В 1967 г. Латиноамериканский парламент высказался за ликвидацию остатков колониализма в Западном полушарии. На Женевской конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) в 1964 г.¹ делегации латиноамериканских республик совместно с делегациями других развивающихся государств потребовали ликвидации дискриминационных для них условий международной торговли и внешнеэкономических связей и высказались за развитие сотрудничества между странами Азии, Африки и Латинской Америки. Латиноамериканские республики приняли участие в деятельности созданной с этими целями «Группы 77-ми», объединившей усилия развивающихся стран трех континентов.

Оживились отношения стран региона с западноевропейскими державами. В 1964 г. президент Франции Де Голль совершил поездки по 5 странам Латинской Америки, заявив о поддержке стремлений латиноамериканцев ускорить развитие своих стран и добиться лучших условий международного экономического сотрудничества. В том же году Латинскую Америку посетил президент ФРГ Любке, а в 1965 г. — президент Италии Сарагат. Произошло расширение связей с Советским Союзом, с которым помимо Кубы восстановили дипломатические отношения Бразилия (1961), Чили (1964) и Колумбия (1968).

Важной международной акцией стало подписание 14 государствами Латинской Америки в феврале 1967 г. Договора Тлателолко (по названию района мексиканской столицы, где он был подписан) о создании безъядерной зоны на территории подписавших его стран и в прилегающем водном пространстве. В дальнейшем число участников договора увеличилось до 23-х. Впервые обширный регион мира (после Антарктиды) был объявлен безъядерной зоной, которую в дальнейшем признали основные ядерные державы. Правда, США сделали оговорку в отношении собственных владений в Карибском бассейне. В 1966 г. Латиноамериканский парламент осудил испытания ядерного оружия в Тихом океане и потребовал демилитаризации морского пространства вокруг Латинской Америки.

БОРЬБА ЗА ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В КОНЦЕ 60-Х — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 70-Х ГОДОВ

Ограниченные итоги реформистских начинаний 60-х годов, не удовлетворившие возросшие ожидания более радикальных перемен, репрессивная политика диктатур, нерешенность и дальнейшее нарастание социальных, экономических и политических проблем

¹ В дальнейшем Конференция ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) стала постоянно действующим органом при ООН.

привели в конце 60-х годов к новому подъему освободительной борьбы. Начало его оказалось несколько неожиданным и не сразу осознанным: инициаторами перемен в нескольких странах стали военные режимы левонационалистической ориентации, пришедшие к власти в результате переворотов в октябре 1968 г. в Перу и Панаме, в сентябре 1969 г. в Боливии, в 1972 г. в Эквадоре и Гондурасе. Это было новым важным явлением в жизни континента.

Главным событием периода оказалась Чилийская революция 1970—1973 гг. Приход к власти в Чили в 1970 г. левых сил в результате выборов, конституционным путем, и мирное осуществление революционных преобразований, конечной целью которых был объявлен социализм, вызвали отклики во всем мире и стимулировали левые силы в других странах.

Число бастующих в Латинской Америке в 1969—1972 гг. достигло 20—25 млн. человек в год. Большая часть этой цифры пришлась на долю Аргентины, где подъем рабочего движения ускорил кризис военного режима. Активно выступали против правых сил в 1970—1971 гг. рабочие Боливии. Всеобщие забастовки в октябре 1969 г. и в июле 1970 г. и другие действия трудящихся в Чили в 1969—1970 гг. способствовали укреплению позиций левых сил в стране и приходу к власти правительства Народного единства. Впервые за ряд лет в 1969 и 1971 гг. произошли всеобщие забастовки с социально-экономическими требованиями в Колумбии с участием до 800 тыс. человек.

В Уругвае рост стачечной борьбы побудил правящие круги в конце 60-х годов от введения чрезвычайного положения и применения репрессивных мер против бастующих перейти к политике ограничения конституционных свобод. Национальный конвент трудящихся (НКТ) Уругвая, руководимый коммунистами и их союзниками, ответил дальнейшим наращиванием массовых действий — стачек, митингов, демонстраций, захватов предприятий, уличных схваток с полицией, все более принимавших характер открытого противоборства с правительством. В 1970—1973 гг. в Уругвае состоялось 16 полумиллионных всеобщих 24-часовых забастовок против наступления правительства на достижения трудящихся и демократические свободы. Проявляли активность студенты. Центром выступлений была столица — Монтевидео с пригородами, где проживало около половины из 2,7 млн. жителей Уругвая и было сосредоточено более 70 % лиц наемного труда. В других районах, особенно в сельской местности, население было вовлечено в борьбу в меньшей степени. Многократно возросла численность компартии, которая к 1973 г. насчитывала 50 тыс. человек, что для масштабов Уругвая было очень высокой цифрой.

Большой отклик в Уругвае вызвала победа в Чили в 1970 г. блока левых сил. В феврале 1971 г. коммунисты, социалисты, христианские демократы, а также вышедшие из основных буржуазных

партий Уругвая левые группировки объединились в Широкий фронт на основе единой антиимпериалистической и антимонополистической программы. Лидером Широкого фронта и кандидатом в президенты от него стал генерал Либер Сереньи, который за несколько лет до того, будучи командующим крупнейшим военным округом, в знак протеста против усиления реакционных тенденций в политике правительства ушел в отставку и присоединился к левым силам. На всеобщих выборах в ноябре 1971 г. Широкий фронт получил 304 тыс. голосов (18,5 %) — в 4 с лишним раза больше, чем Левый фронт освобождения в 1966 г. — и приобрел 16 из 100 мест в палате депутатов. Впервые после долгого господства двухпартийной системы в Уругвае появилась влиятельная третья политическая сила. В Монтевидео Широкий фронт вышел на второе место. Дальнейшее нарастание противоборства левых и правых сил в стране создало обстановку острого социально-политического кризиса.

К концу 60-х — началу 70-х годов, в условиях подъема рабочего движения в Латинской Америке, позиции в нем реформистской Межамериканской региональной организации трудящихся несколько уменьшились. Она практически полностью лишилась влияния среди рабочих Чили и Уругвая. Мощная аргентинская ВКТ также оставалась вне рядов ОРИТ. Сократилось ее влияние в некоторых других странах. В то же время окрепли позиции объединения левых профсоюзов — созданного в 1964 г. Постоянного конгресса профсоюзного единства трудящихся Латинской Америки (ПКПЕТЛА). Радикализировалась Латиноамериканская конфедерация христианских профсоюзов (КЛАСК), выросла ее численность. Не отказываясь в полной мере от реформистских позиций, КЛАСК в конце 60-х годов стала высказываться за усиление борьбы трудящихся против империализма США, диктатур и репрессий, за глубокую аграрную реформу и другие преобразования в пользу трудящихся. КЛАСК подвергла критике капитализм с его преклонением перед силой денег и игнорированием моральных ценностей и социальных прав личности. В 1968 г. она приняла «Хартию трудящихся Латинской Америки», призывавшую к национальному и социальному освобождению и единению народов региона. В 1971 г. КЛАСК была переименована в Латиноамериканский профцентр трудящихся (ЛАПТ), с тем чтобы отойти от конфессионального принципа в профсоюзном движении. Стало складываться сотрудничество между ПКПЕТЛА и ЛАПТ и входившими в них профсоюзами. В ходе аграрных преобразований и борьбы за землю возросла организованность сельских тружеников.

В некоторых странах в эти годы революционные организации вели партизанскую борьбу (Никарагуа, Гватемала, Сальвадор, Колумбия).

Широкое распространение в Латинской Америке получили как антиимпериалистические, так и антикапиталистические настроения.

С лозунгами социализма связывалось последовательное решение задач национального и социального развития. Сторонниками социализма объявили себя многие влиятельные реформистские и националистические партии и движения. Ряд национал-реформистских партий перешел на социал-демократические позиции и примкнул к Социнтерну (Демократическое действие Венесуэлы, перуанские апристы, Партия национального освобождения Коста-Рики и др.). В Колумбии популистская националистическая организация Национальный народный союз (АНАПО), созданная под руководством Рохаса Пинильи (бывшего диктатором в 1953—1957 гг.), взяла на вооружение идеи «национального социализма» и выступила с требованиями антиимпериалистических национальных и социальных преобразований. В условиях Национального фронта — соглашения, обеспечивавшего гегемонию двух главных партий страны — консерваторов и либералов, АНАПО на президентских выборах в апреле 1970 г. смогла получить более полутора миллионов голосов, опередив либералов и едва не завоевав первое место в острой конкуренции с консерваторами. Перонисты в Аргентине в 1973 г. пришли к власти также под лозунгами «национального социализма». Военное правительство Перу 1968—1975 гг. заявляло о намерении построить «перуанский социализм». В Чили в пользу социализма в период избирательной кампании 1970 г. высказывались не только участники блока левых сил, но и кандидат Христианско-демократической партии в президенты Р. Томич. В сумме за эти партии проголосовали почти $\frac{2}{3}$ всех избирателей.

В конце 60-х — середине 70-х годов прокатилась волна национализации собственности иностранных компаний, главным образом в добывающей и нефтяной промышленности (Чили, Перу, Венесуэла, Боливия, Гайана, Ямайка, Эквадор).

Широкую реформистскую деятельность предприняло в Венесуэле правительство Рафаэля Кальдеры (1969—1974), лидера Социал-христианской партии (КОПЕЙ). Партия КОПЕЙ, как и христианские демократы в Чили, выступала с лозунгами построения «коммунитарной демократии» («коммунитарного общества»), основанной на соединении представительной демократии с «социальной демократией» — с широким вовлечением населения через сеть общественных организаций в местное управление, в руководство хозяйственной жизнью, с тем чтобы было найдено оптимальное сочетание индивидуальных и коллективных интересов. Это представлялось как «третий путь» развития, свободный от негативных сторон либерального капитализма и тоталитарного «коммунизма». Партия КОПЕЙ отстаивала ведущую роль государства в экономических и социальных преобразованиях, призванных модернизировать традиционные устои венесуэльского общества, высказывалась за гармоничное

сочетание государственной, частной и «коммунитарных» (кооперативных) форм собственности.

Правительство Р. Кальдеры повело энергичное наступление на иностранные концессии в нефтяной и добывающей промышленности. В 1971 г. была национализирована добыча природного газа, издан закон о возвращении 80 % иностранных нефтяных концессий государству до середины 80-х годов. В конце 1971 г. правительство ввело контроль над производством и сбытом нефти иностранными компаниями, приняло меры по вытеснению транснациональных корпораций с внутреннего рынка нефтепродуктов, $\frac{1}{3}$ которого к 1974 г. находилась в руках государственной нефтяной компании. Государственные налоги в 1974 г. достигли 90 % от суммы прибылей иностранных нефтяных компаний. В 1974 г. была национализирована собственность американских железорудных монополий.

Меры правительства Р. Кальдеры вызвали конфликт иностранных нефтяных компаний с властями Венесуэлы. Тогда новое правительство социал-демократа Карлоса Андреса Переса (1974—1979), лидера партии Демократическое действие, которое продолжило реформистский курс, в январе 1976 г. национализировало всю нефтяную промышленность. Это была крупнейшая по масштабам национализация иностранной собственности в Латинской Америке.

В результате осуществленных обоими правительствами мероприятий доля госсектора в валовом внутреннем продукте Венесуэлы в 1975 г. достигла 15 %, а к 1980 г. — 43,6 %. Государственные инвестиции при Р. Кальдере превысили $\frac{1}{3}$ валовых капиталовложений, а к 1980 г. достигли 54 %. Помимо нефтяной и добывающей промышленности, государство доминировало в металлургии и производстве электроэнергии, в экспорте. Ему принадлежало более половины активов всех финансовых учреждений. Доходы государства от нефти, резко повысившиеся в середине 70-х годов и обеспечивавшие $\frac{3}{4}$ всех доходов госбюджета, позволили произвести крупные капиталовложения в отрасли тяжелой промышленности и обеспечить их преимущественный рост, в хозяйственное освоение новых обширных территорий, на социальную политику. Государство на льготных условиях предоставляло свою продукцию частным компаниям. Темпы роста обрабатывающей промышленности в 70-е годы достигли почти 7 % в год. Такая политика укрепила двухпартийную систему, не дав большого политического пространства другим партиям, и обеспечила стабильность конституционного режима.

Новые веяния распространились и на молодые страны Карибского бассейна, где в начале 70-х годов левые тенденции обозначились в Гайане в политике правительства партии Народный национальный конгресс во главе с ее лидером Форбсом Бернхемом. Правительство Бернхема в 1970 г. провозгласило Гайану «Кооперативной рес-

публикой», а своей целью объявило построение «кооперативного социализма». Были национализированы основные отрасли экономики, поощрялись коллективистские кооперативные формы хозяйствования при ведущей роли государства в развитии экономики, проводились социальные мероприятия в пользу трудящихся. В 1970 г. Гайана установила дипломатические отношения с СССР и в дальнейшем развивала связи с социалистическими странами.

На Ямайке в феврале 1972 г. к власти пришло правительство Майкла Мэнли (1972—1980), руководителя Национальной народной партии (ННП) социал-демократической ориентации, заявившее о своей приверженности принципам «демократического социализма». Правительство М. Мэнли также приступило к демократическим, антиимпериалистическим и социальным мероприятиям при поддержке большинства трудящихся. В 1972 г. Ямайка установила дипломатические отношения с Кубой, а в 1975 г. — с СССР.

Стали независимыми государствами британские владения: Багамские острова (1973 г., более 200 тыс. жителей), Гренада (1974 г., 110 тыс. жителей) и нидерландская колония Суринам (1975 г., около 400 тыс. жителей).

В Латинской Америке развивались интеграционные процессы. Помимо существовавших интеграционных объединений, в 1969 г. внутри Латиноамериканской ассоциации свободной торговли (ЛАСТ) возникла Андская группа — субрегиональный союз андских стран — Колумбии, Эквадора, Перу, Боливии и Чили, к которым в 1973 г. присоединилась Венесуэла. Сотрудничество андских стран приобрело антиимпериалистическую направленность. В 1971 г. участники Андийской группы приняли решение, ограничившее сферы влияния иностранного капитала и вывоз прибылей за границу. Предусматривались меры по стимулированию национальной экономики, а также постепенная трансформация иностранных компаний в компании с преобладанием национального капитала. Параллельно ЛАСТ в 1975 г. была создана в еще более широком составе Латиноамериканская экономическая система (ЛАЭС), в которую вступили 25 государств региона с целью содействия взаимному экономическому сотрудничеству.

Страны Латинской Америки выступили за переключение основных усилий в рамках межамериканских отношений с военно-политических вопросов на экономическое развитие. В 1973 г. ОАГ приняла резолюцию о допустимости членства в организации государств с различным социально-политическим устройством. В 1975 г. латиноамериканские страны добились отмены обязательного участия членов ОАГ в санкциях против Кубы. К этому времени ряд стран региона нормализовал отношения с Кубой, которая была принята и в состав ЛАЭС. Значительно расширился круг государств, налаживших регулярные дипломатические отношения с Советским

Союзом (Перу, Эквадор и Боливия с 1969 г., Венесуэла, Коста-Рика и Гайана с 1970 г., Тринидад и Тобаго, Ямайка, Суринам в 1973—1975 гг.).

В изменившейся ситуации правительство Р. Никсона в США (1969—1974) выдвинуло концепции «нового партнерства» и «нового диалога» со странами Латинской Америки, предусматривавшие перенесение центра тяжести в обеспечении социально-экономического прогресса и обороны региона на собственные усилия латиноамериканских государств при сотрудничестве их с частным иностранным капиталом.

В ООН, ЮНКТАД, «Группе 77-ми» латиноамериканские страны выступили в начале 70-х годов с резкой критикой деятельности транснациональных корпораций (ТНК), в защиту национального суверенитета над природными ресурсами, за новый международный экономический порядок с учетом потребностей развивающихся государств, за разоружение и разрядку международной напряженности и направление высвободившихся средств в помощь развивающимся странам.

Ряд латиноамериканских государств включился в Движение неприсоединения. Это движение оформилось в 1961 г. Первоначально в него вошли развивающиеся страны Азии и Африки, а также Югославия и Куба. Главными принципами Движения были провозглашены неприсоединение к военным блокам с участием великих держав, поддержка борьбы за национальную независимость, самостоятельная внешняя политика в духе мирного сосуществования всех государств. Движение неприсоединения высказывалось за ликвидацию экономического неравенства и за сотрудничество развивающихся стран. В последующие годы оно превратилось во влиятельную силу. В 1970 г. в его составе было уже 63 государства-участника и 9 наблюдателей. Членом Движения неприсоединения в 60-е годы из стран Западного полушария была одна Куба. В 1970 г. его участниками стали Гайана, Тринидад и Тобаго, Ямайка, а в 1973 г. — Аргентина, Перу и Панама. Кроме того, еще 7 латиноамериканских стран, в том числе Мексика, Венесуэла и Колумбия, присоединились к Движению в качестве наблюдателей.

Перуанская революция 1968—1975 гг. Левонационалистические военные режимы в других странах. Процесс революционных преобразований, имевший специфические черты «военной революции», развернулся в Перу после военного переворота 3 октября 1968 г. Ему предшествовало пребывание у власти конституционного буржуазно-реформистского правительства лидера партии «Народное действие» Белаунде Терри (1963—1968), который победил на выборах 1963 г. Он выдвинул программу индустриализации страны, национализации нефтяных ресурсов, осуществления аграрной реформы, улучшения социального обеспечения, широкого строительства

дорог, школ, больниц. Однако, не имея большинства в конгрессе, встретившись с противодействием консервативных сил и иностранных компаний, с экономическими трудностями и не желая обострять ситуацию в стране, правительство Белаунде Терри отступило от данных обещаний. Закон об аграрной реформе 1964 г. оказался очень ограниченным и не затронул основные массивы помещичьего землевладения. Правительство не решилось на национализацию нефтяных концессий, подписав после долгих оттяжек лишь соглашение с американской нефтяной компанией «Интернэшнл петролеум» о передаче Перу части ее имущества в районе г. Талары на севере Перу. Большая накопившаяся за многие годы задолженность этой компании по налогам осталась невыплаченной. Такое соглашение вызвало недовольство патриотически и националистически настроенных кругов, в том числе в армии. Обещанные социальные программы, строительство осуществлялись в незначительных масштабах. В 1965 г. власти жестоко подавили партизанские выступления леворадикальной молодежи.

В стране ощущалась нехватка продовольствия. Рост сельскохозяйственного производства отставал от роста населения (10,4 млн. жителей в 1960 г. и 13,4 млн. в 1970 г.), приходилось тратить значительные валютные средства на импорт продуктов. Огромные массы сельского населения, преимущественно индейцев, были безземельными, жили в нищете. Более трети взрослых перуанцев не умели читать и писать. Многие уходили в города, где быстро росли «поселки нищеты». Миллионы не имели постоянной работы. Узость внутреннего рынка и импорт иностранных товаров тормозили промышленное производство.

В таких условиях вооруженные силы Перу во главе с командующим армией генералом Хуаном Веласко Альварадо (1909—1977) в ночь на 3 октября 1968 г. осуществили бескровный военный переворот. Конституционный президент Белаунде Терри был арестован и отправлен самолетом в эмиграцию в Аргентину. Было сформировано Революционное правительство вооруженных сил, возглавленное Х. Веласко Альварадо в качестве нового президента (1968—1975). Выходец из крестьянской семьи, Веласко Альварадо всю жизнь посвятил службе в армии, где он прошел путь от низших чинов до главнокомандующего.

Пришедшая к власти группа военных еще до переворота разработала тайный «План Инка» (впоследствии он был опубликован), который лег в основу начатых новым правительством преобразований. «План Инка» предполагал ликвидацию господства олигархических групп, засилья латифундизма в деревне, преодоление зависимости и слаборазвитости, проведение широкой социальной политики, поощрение коллективистских форм собственности,

«уничтожение любых форм эксплуатации и построение «общества социальной демократии».

В осуществление намеченного уже 9 октября 1968 г. был издан и в тот же день осуществлен воинскими подразделениями декрет о национализации крупнейшего нефтяного комплекса в районе Талары, принадлежавшего американской «Интернэшнл петролеум К°». Нефтяная промышленность перешла в руки созданной государственной компании «Петроперу». День 9 октября был объявлен «Днем национального достоинства». Позже, в 1973 г., была национализирована американская компания «Серро де Паско» в горнодобывающей промышленности, где также была образована государственная компания «Минероперу». Под контроль государства перешло производство рыбной муки — важная отрасль перуанской экономики. В 1970 г. иностранным компаниям было запрещено иметь более 49 % акционерного капитала предприятий. К середине 70-х годов государственный сектор преобладал также в черной металлургии, электроэнергетике, железнодорожном и авиатранспорте. Под контролем государства оказалась часть торгово-распределительной сети, $\frac{4}{5}$ банковской системы и экспорта. На долю госсектора в 1975 г. приходилось 23 % ВВП страны.

Большое внимание было уделено аграрному вопросу. В сельском хозяйстве было занято свыше 40 % экономически активного населения Перу (1,6 млн. из 3,9 млн. человек). 0,12 % землевладельцев распоряжались 59 % сельскохозяйственных угодий. Изданный 24 июня 1969 г. закон об аграрной реформе предусматривал радикальное перераспределение земельной собственности. За 1969—1978 гг. у помещиков было изъято более 8 млн. га земли, которую получили 356 тыс. крестьянских семей. У крупных собственников осталось лишь 15 % сельскохозяйственных угодий. 140 тыс. крестьянских семей были объединены в производственные кооперативы, которым в 1979 г. принадлежало 36 % земельного фонда. Другие формы кооперации — с сохранением индивидуального землепользования — охватили 34 % земельного фонда.

В городе правительство также отдавало предпочтение коллективным и смешанным формам собственности. Параллельно с созданием сильного государственного сектора, в котором в 1975 г. было занято 118 тыс. рабочих, на предприятиях частного сектора промышленности по закону 1970 г. создавались «трудовые общины», в которые были вовлечены основные массы рабочих и служащих частных промышленных предприятий (более 200 тыс. человек). Трудовая община получала часть предпринимательской прибыли и со временем должна была стать коллективным собственником 50 % всего капитала предприятия и его совладельцем. Средства информации страны правительство передало в собственность занятых в них трудовых коллективов. В 1974 г. был издан закон о создании

особого сектора «общественной собственности» в промышленности. Вошедшие в него предприятия превращались в общую собственность всех трудовых коллективов сектора. Революционное правительство в своих планах дальнейшего преобразования перуанского общества придавало особое значение этому сектору. Но он не успел получить заметного развития: в 1975 г. он объединял 58 предприятий с 7 тыс. рабочих и служащих.

Преобразования собственности должны были, по мнению военных революционеров, привести страну к особому, «перуанскому социализму».

Правительству Веласко Альварардо удалось добиться заметных успехов в развитии национальной экономики. Прирост ВВП в Перу в 1971 г. достиг 5 %, а в 1974 г.— 7 %. Производство стали с 1970 по 1975 г. выросло почти в 5 раз. Развитие нефтяной промышленности превратило Перу к концу 70-х годов в экспортера нефти. Увеличились темпы роста сельскохозяйственной продукции, рыбной промышленности. Были приняты меры по расширению строительства, развитию систем здравоохранения и народного образования, особенно в районах, где проживало индейское население, составлявшее почти половину перуанцев (среди остальных преобладали метисы). Количество неграмотных сократилось среди взрослого населения до 27,5 % в 1972 г. и 17,4 % в 1981 г. В 1975 г. язык основной индейской народности Перу кечуа был объявлен официальным наряду с испанским.

Правительство Веласко Альварардо отстаивало национальный суверенитет республики. Страна вступила в 1973 г. в Движение неприсоединения, стала одним из инициаторов создания Андской группы (1969) и ее решений об ограничении позиций иностранного капитала. В феврале 1969 г. были установлены дипломатические отношения с СССР, в 1972 г.— с Кубой, с которой у Перу наладились дружеские связи, развивалось сотрудничество со странами Восточной Европы.

Поначалу политические партии, студенческие организации, профсоюзы негативно относились к свержению конституционного правительства и установлению военного режима. Однако обнаружившаяся очень скоро направленность его деятельности заставила часть из них изменить свою позицию. Компартия и действовавшая с 1968 г. под руководством коммунистов Всеобщая конфедерация трудящихся Перу (ВКТП), которая объединяла к середине 70-х годов полмиллиона человек (50 % организованных трудящихся), поддержали начавшиеся преобразования, добиваясь включения в революционный процесс профсоюзов и существовавших в Перу левых партий и организаций. Само военное правительство предприняло попытки привлечения рабочих и служащих на свою сторону. С этой целью в 1972 г. был создан проправительственный Профцентр

трудящихся Перуанской революции (ПТПР), объединивший около 250 тыс. человек, а в 1974 г. — Национальная аграрная конфедерация, численность которой превысила 1 млн. человек. В 1974 г. была учреждена специальная правительственная организация — Национальная система социальной мобилизации (СИНАМОС) для вовлечения масс в процесс преобразований.

Однако военные власти осуществляли преобразования сверху, авторитарными методами, отводя создаваемым ими массовым народным организациям роль послушных исполнителей воли правительства. Претендуя на монопольное руководство революционным процессом, военные лидеры отказывались от активного сотрудничества с существовавшими в стране левыми партиями, профсоюзами и демократическими организациями, видя в них конкурентов, а не союзников. В то же время Веласко Альварано и его сторонники не создали и собственной политической организации и не предприняли мер по переходу к демократическим, конституционным формам правления. Они возлагали надежды на эффективность вертикальной военно-административной власти и на институциональное единство вооруженных сил. В результате судьба военного правительства во многом зависела от неустойчивой расстановки сил в армии, которая, как и государственный аппарат, не подверглась заметным преобразованиям.

Авторитарно-диктаторские, военные методы осуществления «революции сверху», действенные и эффективные в краткосрочном плане, по мере их закрепления были чреваты негативными для общества последствиями, вели к деформации прогрессивного характера начавшихся перемен, вызывали неприятие их со стороны ряда партий и течений. Леворадикальные организации видели в военном режиме лишь враждебную народной революции буржуазно-реформистскую силу и призывали к борьбе с ним. Многие партии, в том числе апристы, демократически настроенные слои населения, особенно среди интеллигенции, выступали против диктаторских форм правления, требуя восстановления демократических свобод и правовых конституционных норм. Традиционные буржуазные партии, имущие классы, значительная часть мелких собственников были недовольны тем, что деятельность правительства подрывала устойчивость частного предпринимательства. Действительно, с одной стороны, преобразования военного правительства устраняли важные преграды на пути к дальнейшему капиталистическому прогрессу перуанского общества, с другой — возводили ему новые преграды, утверждая государственные и коллективистские формы собственности в ущерб частнопредпринимательскому хозяйству, формируя переход к «перуанскому социализму», как он был задуман лидерами военной

революции. Все эти обстоятельства деформировали революционный процесс в Перу и осложняли его перспективы.

В Панаме вслед за Перу 11 октября 1968 г. части Национальной гвардии (вооруженных сил республики) во главе с генералом **Омаром Торрихосом** (1929—1981) и некоторыми другими высшими офицерами также захватили власть, отстранив от управления страной традиционные буржуазные партии. Омар Торрихос поставил главной своей целью добиться решения самого болезненного для панамского народа вопроса — **установления национального суверенитета над зоной Панамского канала**, отторгнутой США от территории республики еще при ее рождении в 1903 г. Для этого он и его окружение постарались прежде всего укрепить свои позиции в стране, объединить разные слои населения вокруг национально-патриотической платформы и добиться активной международной солидарности с Панамой по вопросу о зоне канала. Была запрещена деятельность традиционных партий, отменена прежняя конституция. Полнота власти перешла к военному руководству. В 1969 г. Торрихос стал главнокомандующим Национальной гвардией. В 1972 г. военные власти провели выборы в **Национальную ассамблею республики на беспартийной основе**. По мнению Торрихоса и его последователей, это должно было заменить традиционные партии непосредственно народными кандидатами, выдвинутыми самим населением снизу, без посредничества тех или иных партий. Подавляющее большинство избранных депутатов действительно оказались представителями трудящихся слоев населения, не очень искушенными в политике, но готовыми поддержать Торрихоса. В 1972 г. — в год своего создания — Национальная ассамблея приняла новую конституцию, по которой аналогичным образом создавались органы власти среднего и низшего звена, избираемые населением. Омару Торрихосу был присвоен титул «**Высшего лидера Панамской революции**», и он возглавил новое правительство (1972—1978).

Заметную роль в социально-политической жизни республики приобрели массовые организации. Крупнейшими из них были руководимые коммунистами Национальный профцентр трудящихся Панамы и Национальная конфедерация крестьянских кооперативов. Коммунисты (Народная партия Панамы) на выборах в Национальную ассамблею в 1972 г. получили 14 % голосов. Привлечение к преобразованиям и политической деятельности народных масс, сочетание военного режима с элементами народного самоуправления во главе с объединяющей оба начала фигурой левопопулистского лидера отличало Панаму от Перу и других стран с националистическими военными режимами левого толка.

Необходимость консолидации всех сил в борьбе за возвращение зоны канала не позволяла форсировать социальные преобразования. И все же с 1970 г. в этом направлении было сделано немало. Среди

крестьян было распределено 500 тыс. га государственных, помещичьих земель, земель иностранных компаний и создано около 300 производственных кооперативов (асентамьентос), дававших 30 % производства зерна и получивших помощь государства. Сам Торрихос апеллировал за поддержкой к сельским жителям, часто выступал перед ними, разъезжая по стране, и пользовался среди крестьян и сельскохозяйственных рабочих большой популярностью.

Был национализирован ряд американских компаний, расширены и укреплены позиции государственного сектора в экономике. Под контроль государства перешли зарубежные финансовые операции. Новый кодекс о труде расширил права трудящихся, была повышена их заработная плата.

Правительство установило дружеские связи с Кубой, солидаризовалось с освободительной борьбой никарагуанских революционеров против диктатуры, с народами других стран, вступило в 1973 г. в Движение неприсоединения.

И все же основные усилия правительство О. Торрихоса уделило проблеме зоны канала. Ему удалось заручиться поддержкой в этом вопросе подавляющего большинства латиноамериканских государств, развивающихся стран Азии и Африки, социалистических стран. В марте 1973 г. в Панаме состоялась специальная выездная сессия Совета Безопасности ООН по панамскому вопросу, где также требования Панамы встретили поддержку большинства. Это позволило правительству О. Торрихоса с большим успехом отстаивать свою позицию на начавшихся в 1971 г. переговорах с США. После долгих дискуссий переговоры закончились подписанием 7 сентября 1977 г. нового договора между Панамой и США. Согласно договору, восстанавливался суверенитет республики над зоной канала. В несколько раз увеличивалась плата США Панаме за пользование каналом. По истечении 1999 г. управление самим каналом также полностью должно было перейти к Панаме и подлежали ликвидации все еще остававшиеся до того военные базы США в зоне канала. В дальнейшем правительство Панамы должно было гарантировать свободу международного судоходства по каналу и нейтралитет зоны канала в случае военных конфликтов. Договор 1977 г. носил компромиссный характер, ибо контроль США над каналом и их военное присутствие в зоне канала сохранялись до 1999 г. Но все же это был большой успех Панамы, добившейся от могущественной державы признания своих суверенных прав над зоной канала, что явилось осуществлением давних чаяний панамского народа. 23 октября 1977 г. договор был одобрен на состоявшемся в Панаме плебисците. В США правительству Картера стоило больших усилий преодолеть сопротивление договору в Национальном конгрессе. После длительных дискуссий и оттяжек Сенат США большинством голосов в апреле 1978 г. все же ратифицировал его, хотя и с некоторыми поправками

и оговорками, которыми Вашингтон мог бы воспользоваться для вмешательства в дела Панамы и после 1999 г. «при возникновении угрозы» каналу. После этого договор вступил в силу.

В Боливии переменам предшествовала гибель в авиационной катастрофе диктатора страны генерала Рене Баррьентоса в апреле 1969 г. 26 сентября 1969 г. к власти пришло новое военное правительство во главе с генералом А. Овандо Кандиа, прежде сотрудничавшим с Баррьентосом, но теперь повернувшим к левонационалистической политике. Были отменены репрессивный закон 1965 г. о «безопасности государства» и антипрофсоюзный закон 1966 г. В октябре 1969 г. правительство Овандо Кандиа национализировало собственность американской нефтяной компании «Галф ойл». В декабре была введена государственная монополия на сбыт продукции горнодобывающей промышленности.

Политика правительства встретила противодействие консервативных сил, в том числе в самой армии, организовавших в начале октября 1970 г. мятеж. Генерал Овандо вынужден был уйти в отставку. Однако против мятежников выступили воинские части во главе с генералом Хуаном Хосе Торресом, поддержанные профсоюзами, левыми партиями и студентами. Мятеж был подавлен. 7 октября Торрес стал новым президентом страны. Его правительство приняло ряд требований левых сил и разработало план преобразований, предусматривавший достижение экономической самостоятельности, привлечение трудящихся к участию в управлении экономикой, развитие государственной и кооперативной собственности и в перспективе переход к обществу без эксплуатации. Под контроль государства перешли металлургическая и сахарная промышленность, национализированы некоторые американские компании в горнодобывающих отраслях. Были приняты решения, направленные на улучшение положения рабочих и привлечение их к участию в управлении производством.

Торрес добивался сотрудничества левых военных с организациями трудящихся. Однако на Народной ассамблее, созванной в июне 1971 г. Боливийским рабочим центром (БРЦ), левыми партиями и студенческими организациями, возобладали авантюристические лозунги немедленной социалистической революции, введения диктатуры трудящихся и замены армии народной милицией. Такая позиция оттолкнула основную часть армии на правые позиции. Правительство Торреса оказалось в изоляции. 19 августа 1971 г. начался военный мятеж. Торрес попытался оказать сопротивление с помощью оставшегося верным ему небольшого подразделения вооруженных сил и обратился за поддержкой к рабочим и студентам. Трудящиеся объявили всеобщую политическую забастовку против мятежа и вместе со студентами вступили в уличные бои с мятежниками. Но было уже поздно, силы оказались неравными. 22 августа мятежники

победили. В Боливии установилась диктатура полковника (затем генерала) Уго Бансера, подвергшая репрессиям левые партии, рабочие и студенческие организации. Х.Х. Торрес эмигрировал в Аргентину, где в 1976 г. был убит правыми террористами.

Военные правительства генерала Г. Родригеса Лары в Эквадоре (февраль 1972 — январь 1976 г.) и О. Лопеса Арельяно в Гондурасе (декабрь 1972 — апрель 1975 г.) также осуществили национализацию собственности ряда иностранных компаний, меры по расширению государственного сектора и стимулированию национальной экономики, приступили к аграрной реформе. Десятки тысяч крестьян в обеих странах получили землю. Было несколько улучшено положение трудящихся. Но в целом здесь преобразования оказались более умеренными, чем в Перу и Панаме.

Чилийская революция 1970—1973 гг. Центральное место в освободительной борьбе в Латинской Америке конца 60-х — первой половины 70-х годов занял революционный процесс 1970—1973 гг. в Чили.

Прологом к нему стала избирательная кампания 1970 г. по выборам президента республики, проходившая в условиях нарастания недовольства реформистской политикой христианско-демократического правительства Эдуардо Фрея справа и слева и поляризации политических сил. В декабре 1969 г. левые силы объединились в блок Народное единство. В него вошли Коммунистическая, Социалистическая и обновленная Радикальная партии, Движение единого народного действия (МАПУ), отколовшееся от правящей партии, и еще две небольшие организации¹. Программа Народного единства предполагала национализацию иностранного и местного монополистического капитала, ликвидацию латифундизма, широкие социальные мероприятия в пользу трудящихся, вовлечение их в управление экономикой, меры в пользу мелких и средних предпринимателей, демократизацию государственного управления, армии, местной администрации, независимую внешнюю политику. Осуществление намеченных преобразований, согласно программе, должно было происходить при соблюдении конституционных правовых норм и демократических свобод, идеологическом и политическом плюрализме с сохранением многопартийной системы, при плюрализме форм собственности (государственной, кооперативной и частной). Итогом демократических преобразований должен был стать постепенный переход в перспективе к социализму. Выдвижение подобного преобразования общества мирным, конституционным путем было

¹ Социал-демократическая партия — осколок прежней Демократической партии, участника Народного фронта 30—40-х годов, и Независимое народное действие — группировка сенатора Рафаэля Таруда, в прошлом сторонника президента К. Ибаньеса. Обе эти организации были маловлиятельны.

необычным для революционных сил, важным прагматическим сдвигом в их стратегии. Единым общим кандидатом в президенты от Народного единства после долгих дискуссий в январе 1970 г. был выдвинут (уже в четвертый раз с 1952 г.) сенатор-социалист Сальвадор Альенде.

Правящая Христианско-демократическая партия (ХДП) вы- ставила своим кандидатом лидера ее левоцентристского крыла Радомиро Томича. Его программа обещала довести до конца аграрную реформу, осуществить национализацию медной и других отраслей добывающей промышленности, «покончить с империализмом и неокOLONиализмом». Конечной целью провозглашался социализм на основе системы экономического и политического самоуправления с широким участием народных масс. Довольно радикальный характер программы ХДП, ее сходство с программой Народного единства объяснялись подъемом антикапиталистических настроений в стране и желанием ХДП сохранить влияние на радикализировавшиеся массы, а также усилением левых тенденций в рядах самой партии.

Правые партии — Национальная и Радикально-демократическая (правые радикалы) выдвинули кандидатом 74-летнего Хорхе Алес- садри, бывшего президентом в 1958—1964 гг. Главными его лозун- гами стали обещания покончить со скатыванием к анархии, с «политиканством» и «демагогией», установить «законность и порядок» и наладить эффективную экономику. В этих призывах явно слышалось стремление к авторитарной власти в интересах имущих слоев населения.

Избирательная кампания началась задолго до выборов, изобило- вала острой полемикой, многочисленными митингами. Альенде включился в борьбу с запозданием из-за задержки с выдвижением его кандидатуры. Поначалу опросы давали большое преимущество Алессандри. Но Альенде энергично и умело повел избирательную кампанию и завоевал симпатии и поддержку значительной части избирателей. Предвыборная борьба сопровождалась забастовками трудящихся, волнениями сельскохозяйственных рабочих и крестьян. 12 мая 1970 г. состоялась всеобщая забастовка сельских тружеников против попыток правых сил воспрепятствовать осуществлению аграрной реформы. 8 июля на призыв Единого профцентра трудящихся (КУТ) Чили и левых партий провести 24-часовую всеобщую политическую забастовку в поддержку требований прог- раммы Народного единства откликнулось около 1 млн. человек, что подтвердило реальные шансы левых сил на успех на предстоящих выборах. Развязанная правыми кампания по дискредитации сто- ронников Альенде не достигла цели. Созданные левыми активистами 14800 комитетов Народного единства вели работу в жилых кварталах по привлечению населения на свою сторону.

На выборах 4 сентября 1970 г. первое место занял Сальвадор Альенде, получивший 36,3 % голосов. Его основной соперник Хорхе Алессандри набрал почти 35 % и Радомиро Томич — 27,8 % голосов. Поздно ночью, после объявления итогов выборов, толпы народа заполнили улицы, празднуя победу Альенде.

Однако левым силам еще предстояла упорная борьба за доступ к власти в течение следующих 60 дней, отделявших, согласно конституции, день выборов от дня вступления в должность избранного президента. Поскольку Альенде не получил абсолютного большинства, через 50 дней после выборов Национальный конгресс должен был окончательно определить, кто станет президентом из двух кандидатов, занявших первое и второе места. До 1970 г. в Чили не было прецедента, чтобы конгресс предпочел кандидата, занявшего второе место, поэтому сторонники Альенде требовали признания его победы. Однако на сей раз речь шла о признании победы кандидата-марксиста, сторонника революционных преобразований. В конгрессе левые имели 80 мест из 200, христианские демократы — 75 и правые — 45, т.е. многое зависело от того, на чью сторону встанут христианские демократы, кандидат которых проиграл выборы.

Правые попытались вызвать бегство капиталов из страны, дезорганизовать экономику, спровоцировать сторонников Альенде на беспорядки и столкновение с вооруженными силами, оспорить при проверке результатов голосования победу Альенде. Левым удалось нейтрализовать эти попытки. Главным же маневром правых стало их предложение к христианским демократам проголосовать в конгрессе за Алессандри. Взамен Алессандри обещал после решения конгресса в его пользу отказаться от власти, что открыло бы путь к повторным президентским выборам, на которых правые поддержали бы кандидата от ХДП и обеспечили бы ему победу. Правое крыло ХДП было не против такого маневра. Но массовые рабочие, крестьянские, молодежные организации христианских демократов, Р. Томич и его сторонники в ХДП требовали поддержать Альенде против Алессандри и не идти на сомнительную сделку с кандидатом олигархии. Левоцентристское крыло ХДП, преобладавшее в это время в руководстве партии, высказалось за поддержку Альенде при условии, что тот примет конкретные обязательства не проводить экспроприаций без санкции закона, не увольнять администрацию по идеологическим соображениям, не нарушать свободу средств информации и существующие права собственности на них, не вмешиваться в дела армии, которая должна была оставаться вне политики и выполнять лишь распоряжения правительства, предусмотренные конституцией. Запрещалось создавать любые вооруженные подразделения (вроде «рабочей милиции»), кроме существовавших вооруженных сил и корпуса карабинеров (воензированной полиции). Это существенно ограничивало власть будущего правительства, возмож-

ности осуществления намеченных преобразований, тем более что партии Народного единства не имели абсолютного большинства в конгрессе и в стране. Вместе с тем все эти пункты соответствовали конституции, соблюдать которую обязался Альенде, и способны были стать гарантией сотрудничества широких политических сил, позволяли обеспечить благожелательные позиции в отношении будущего правительства со стороны средних слоев, мелких и средних собственников, армии и тем самым открыть путь к мирному преобразованию общества. Альенде принял все эти требования, настояв лишь на праве президента самому назначать командующего сухопутными силами. На такой основе было достигнуто соглашение о поддержке ХДП в конгрессе кандидатуры Альенде.

Последней возможностью помешать приходу к власти Народного единства для правых сил был военный заговор. Но главнокомандующий сухопутными силами генерал Рене Шнейдер воспротивился использованию армии против конституции. Тогда группа заговорщиков во главе с генералом Вио Марамбио попыталась утром 22 октября, за 2 дня до решающего голосования в конгрессе, похитить Р. Шнейдера, чтобы осложнить политическую обстановку. Автомобиль Шнейдера был блокирован на улице заговорщиками. Но генерал оказал сопротивление, готовый пожертвовать жизнью, чтобы не стать орудием шантажа в руках заговорщиков. Смертельно ранив в перестрелке Шнейдера в голову, нападавшие растерялись и разбежались. Не приходя в сознание, Шнейдер через 3 дня умер в госпитале.

Попытка похищения и убийство командующего вызвали шоковую реакцию и широкое возмущение в чилийском обществе, не привыкшем к таким эксцессам, сплотив сторонников демократии и законности вокруг кандидатуры Альенде. 24 октября более чем $\frac{3}{4}$ голосов Национальный конгресс избрал Альенде президентом Чили. 3 ноября 1970 г. было сформировано и приступило к своим обязанностям правительство Народного единства во главе с Сальвадором Альенде, в которое, кроме него, вошли 3 социалиста, 3 коммуниста, 3 радикала и несколько представителей от других участников блока левых сил.

Правительство Народного единства не имело полной власти, его сторонники составляли меньшинство в конгрессе. Но его деятельность показала возможность успешного проведения революционных по сути преобразований даже в таких условиях мирным, конституционным путем. При поддержке христианских демократов был принят закон, на основе которого в июле 1971 г. были национализированы медная и другие отрасли добывающей промышленности. Были национализированы или поставлены под государственный контроль крупные промышленные предприятия, банковская система, внешняя торговля, вводился рабочий контроль на частных предприятиях. К

концу 1971 г. государственный сектор производил более 60 % промышленной продукции. В результате ускоренного проведения аграрной реформы (на основе закона 1967 г.) к 1973 г. было экспроприровано в 2 с лишним раза больше помещичьих земель, чем при предыдущем правительстве Фрея, и практически покончено с латифундизмом. На экспроприированных и переданных сельским трудящимся землях, составивших 35 % земельного фонда страны, были созданы производственные кооперативы.

В среднем на 18 % была повышена к 1972 г. реальная заработная плата трудящихся, существенно увеличен ее минимум. Доля заработной платы в национальном доходе повысилась с 51 до 59 %. Соответственно увеличилось народное потребление, что стимулировало рост производства, в том числе мелкого и среднего. В 1971 г. валовой внутренний продукт вырос на 8,5 %, а промышленное производство за 2 года (1971—1972) — на 20 %. Создавались новые рабочие места. Безработица уменьшилась с 8,3 до 3,8 % в 1972 г. Увеличились ассигнования на социальное обеспечение, жилищное строительство, здравоохранение и народное образование. Были расширены права рабочих и служащих на производстве, их организации участвовали в управлении государственными предприятиями. Возникли советы трудящихся по снабжению и ценам, по борьбе с саботажем и спекуляцией.

Правительство Альенде выступило за равноправные отношения со всеми странами, за сотрудничество латиноамериканских республик и развивающихся стран Азии и Африки, за активное участие Чили в Андской группе и в Движении неприсоединения. В ноябре 1970 г. были установлены дипломатические отношения с Кубой, Германской Демократической Республикой, Демократической Республикой Вьетнам, Монголией и Корейской Народно-Демократической Республикой (Северная Корея). Чили получила от социалистических стран кредиты на 446 млн. долл. В ноябре — декабре 1971 г. состоялся визит Фиделя Кастро в Чили, встреченного многоядным митингом, и в декабре 1972 г. ответный визит на Кубу Сальвадора Альенде. В декабре 1972 г. президент Альенде посетил Советский Союз.

Деятельность правительства Народного единства обеспечила на первых порах быстрое расширение его социальной базы, в значительной мере за счет средних, промежуточных слоев населения. На муниципальных выборах 5 апреля 1971 г. за левые партии проголосовало около 51 % избирателей (в сентябре 1970 г. — 36,3 %). Свыше 26 % голосов получила ХДП, в основном сохранившая свои позиции. Правые партии получили лишь 22,1 % голосов (вместо 35 % в 1970 г.). На долю коммунистов и социалистов пришлось $\frac{1}{5}$ всех избирателей — сторонников Народного единства. Особенно возрос электорат соцпартии — с 12,3 % в 1969 г. до 22,4 %. Число голосов за компартию увеличилось с 15,9 % до 17 %. Радикалы получили

8,1 %. Остальные участники блока Народного единства в сумме набрали лишь несколько процентов голосов. Впервые за долгое время соцпартия опередила компартию, притом значительно. Это объяснялось личной популярностью президента-социалиста Альенде, сохранением среди части нового электората левых партий предубеждений в отношении коммунистов, привлекательностью для молодежи и неустроенных слоев населения, пополнивших ряды сторонников Народного единства, радикального революционаризма, характерного для социалистов, и другими причинами.

За годы пребывания у власти правительства Альенде численность компартии Чили выросла со 108 тыс. до 250 тыс. человек, а соцпартии — с 68 тыс. до 310 тыс. (вместе с молодежными организациями обеих партий). Число членов профсоюзов увеличилось к 1972 г. в полтора раза (с 0,7 до 1,1 млн. человек). 70 % из них поддерживали партии Народного единства, в большинстве это были сторонники коммунистов и социалистов, 26 % — христианских демократов (особенно служащие), 4 % — правых.

Однако левым партиям не удалось развить достигнутые успехи. По мере углубления революционного процесса стало нарастать сопротивление его противников внутри и вне страны, которые использовали неполноту власти правительства, преобладание оппозиции в конгрессе, в государственной администрации, в судебных органах, средствах массовой информации, слабость его связей с армией. Враждебную позицию по отношению к правительству Альенде заняли США, предпринявшие экономическое давление на Чили.

В таких условиях особенно негативные последствия имели ошибки и разногласия среди левых сил. Приверженность государственного аппарата к административно-бюрократическим методам управления тормозила привлечение трудящихся к участию в руководстве хозяйственной и общественной жизнью. С другой стороны, активизировавшиеся левацкие элементы (Левое революционное движение — МИР и другие левоэкстремистские группы, в том числе и внутри Народного единства), отражая настроения революционного нетерпения части трудящихся, противопоставляли «реформистскому» правительству создававшиеся с их участием комитеты и организации как органы формируемой снизу параллельной «народной власти».

Обострились разногласия внутри Народного единства. Руководство компартии, президент Альенде, часть МАПУ и радикалов выступали, хотя и не всегда последовательно, за сотрудничество со средними слоями, мелкими и средними предпринимателями, за предоставление им гарантий и учет их интересов, за взаимопонимание с ХДП и армией, с тем чтобы обеспечить экономическую и политическую стабильность, изолировать правые силы и закрепить достигнутое. Большинство же социалистов во главе с избранным в начале 1971 г.

генеральным секретарем соцпартии сенатором Карлосом Альтамирано и некоторые другие участники блока настаивали на ускорении «социалистических преобразований», на дальнейших экспроприациях собственников (хотя уже было экспроприровано гораздо больше предприятий, чем планировалось на весь 6-летний период 1970—1976 г., на который был избран президентом Альенде), установлении «диктатуры трудящихся», создании народных вооруженных организаций и преобразовании армии в «народную», со смещением большей части офицерского корпуса. Участились незаконные захваты земель, мелких и средних предприятий, жилых зданий. Все это умело использовала правая оппозиция, чтобы настроить встревоженных мелких собственников и военных против Народного единства. Продуктивной деятельности левых сил мешало и соперничество в их среде.

Наметившееся в октябре 1970 г. сотрудничество Народного единства с преобладавшими тогда в ХДП левоцентристскими кругами этой партии, которое позволило Альенде прийти к власти, могло быть закреплено и развито дальше включением их представителей в правительство. В таком случае правительство Альенде опиралось бы на широкое большинство в стране, правые силы в республике, в армии и в самой ХДП оказались бы в изоляции. Альенде и руководство компартии во главе с Луисом Корваланом склонялись к такому варианту. Но большинство социалистов и некоторые другие участники Народного единства воспротивились этому, не желая делить власть с «реформистами», что негативно повлияло на дальнейший ход событий в стране, на обстановку в ХДП и на ее позицию. Первое время продолжались контакты между руководством Народного единства и ХДП, которая поддержала некоторые меры правительства Альенде. Однако после прихода к руководству соцпартии К. Альтамирано и огромного успеха ее на апрельских выборах 1971 г. соцпартия и сторонники ее линии заняли жесткую позицию в отношении ХДП как буржуазной, враждебной партии, соглашаясь на сотрудничество с левыми христианскими демократами лишь при условии их выхода из ХДП и вступления в ряды Народного единства. Часть левого крыла ХДП (среди них 12 депутатов конгресса) решила в июле 1971 г. на такой шаг, что ослабило позиции левоцентристов в ХДП. Провокационное убийство экстремистскими элементами в июне 1971 г. видного деятеля ХДП Переса Суховича, бывшего министром внутренних дел в правительстве Фрея, еще более осложнило взаимоотношения ХДП с левыми партиями. Со второй половины 1971 г. руководство ХДП оказалось у сторонников Фрея и она перешла к жесткой оппозиции правительству.

В сложившейся ситуации правым удалось постепенно привлечь на свою сторону колеблющихся. Усилился экономический саботаж. В октябре 1972 г. оппозиция организовала антиправительственную забастовку мелких собственников, предпринимателей, значительной части служащих. Но подавляющее большинство рабочих отказалось

присоединиться к забастовке. Не удалась и попытки правых восстановить против властей армию. В начале ноября командующие тремя родами войск по предложению Альенде вошли в правительство. Командующий сухопутными силами генерал Карлос Пратс, сторонник лояльности армии конституционному правительству, получил второй после президента по важности, согласно конституции, пост министра внутренних дел. Забастовка против правительства была прекращена. Во время заграничной поездки президента Альенде в декабре 1972 г. К. Пратс исполнял его обязанности.

Кончилась неудачей и попытка правых свергнуть правительство легальным путем. Для этого на состоявшихся 4 марта 1973 г. выборах в Национальный конгресс оппозиции, которая объединила свои силы, было необходимо приобрести $\frac{2}{3}$ мест. При неблагоприятной для правительства обстановке в стране это казалось возможным. Однако левые партии получили свыше 44 % голосов — меньше, чем в 1971 г., но почти на 8 % больше, чем на выборах 1970 г., приведших их к власти. Сокращение голосов за Народное единство по сравнению с 1971 г. произошло в основном за счет социалистов, потерявших почти половину приобретенного ими в 1971 г. пополнения: теперь соцпартия получила 18 % голосов. Коммунисты сохранили свои позиции (17 %).

Теперь главные усилия оппозиции, поддержанной Вашингтоном, были направлены на подготовку военного переворота. В марте 1973 г., вскоре после выборов, произошли события, которые оказались как нельзя более кстати для заговорщиков. Министр внутренних дел Карлос Пратс высказался против дальнейших экспроприаций, за гарантии мелким и средним собственникам и предпринимателям, за поиски широкого национального согласия (с участием и ХДП) на основе консолидации достигнутого. Это, по его мнению, позволило бы стабилизировать обстановку в республике в пользу правительства. Его предложения встретили поддержку у Альенде и руководства компартии. Но соцпартия во главе с Альтамирано категорически выступила против таких мер, усмотрев в них отход от революционных преобразований, и потребовала удаления из правительства Пратса и других военных, угрожая в противном случае открытым расколом Народного единства. Альенде и компартия не проявили настойчивости и уступили ультимативному давлению социалистов, чтобы избежать раскола. Военные, в том числе и Пратс, вынуждены были уйти из правительства, их предложения не были приняты. Это имело роковые последствия. Позиции дискредитированных сторонников лояльности президенту в армии были еще более ослаблены. Усилились тревога и антиправительственные настроения в мелкобуржуазных и средних слоях населения, в ХДП. Правительство Альенде оказалось в растущей изоляции, все более утрачивая власть и возможность влиять на ход событий в стране.

29 июня небольшая группа военных предприняла первую попытку мятежа, которая окончилась неудачей. Основные силы армии пока воздержались от выступления. В июле вновь вспыхнула всеобщая бессрочная забастовка предпринимателей, владельцев автотранспорта, мелких собственников и служащих, парализовавшая снабжение и экономическую жизнь. Положение стало с каждым днем ухудшаться. В августе Альенде вторично ввел военных руководителей в правительство, но теперь уже в армии преобладали заговорщики. Им удалось, развязав кампанию травли против генерала К. Пратса, добиться его отставки в конце августа с поста главнокомандующего сухопутными силами. Альенде заменил его 58-летним генералом Аугусто Пиночетом, до того бывшим начальником генерального штаба и считавшимся лояльным правительству сотрудником Пратса. В июне Пиночет вместе с Пратсом выступил против мятежников и принудил их к сдаче. На самом деле Пиночет был законспирированным главой готовившегося заговора. Теперь армия полностью оказалась под контролем заговорщиков и утром 11 сентября 1973 г. подняла мятеж, изолировав лояльные правительству элементы в своих рядах. Левые силы не имели возможности противостоять армии, хотя в рабочих и заводских кварталах были отчаянные попытки организовать сопротивление, беспощадно подавленные с помощью военной техники. Законный президент республики Сальвадор Альенде демонстративно отказался покинуть свой пост и с горсткой соратников несколько часов отбивал атаки мятежных воинских частей на президентский дворец Ла-Монеду, пока не погиб¹. Властью овладела военная хунта во главе с А. Пиночетом, развязавшая массовый беспощадный террор против сторонников Народного единства и ликвидировавшая демократические завоевания чилийского народа не только периода правительства Альенде, но и предшествовавших десятилетий.

В Аргентине подъем рабочего и демократического движения был связан с борьбой против военной диктатуры, установленной в 1966 г. В мае — июне 1969 г. страну охватили мощные антидиктаторские выступления, центром которых стала Кордова, где находились крупные автомобильные и металлургические заводы, были сконцентрированы значительные кадры квалифицированных рабочих. Инициатором борьбы стали профсоюзы оппозиционной ВКТ. 15—16 мая Кордову охватила всеобщая забастовка трудящихся, поддержанная студентами. 29—30 мая 1969 г. Аргентину парализовала всеобщая национальная забастовка против социальной и экономической политики диктатуры. В ней участвовало 5 млн. человек. В движение включилась и ВКТ «диалога». В Кордове забастовка и

¹ По одной версии, он был убит в перестрелке ворвавшимися во дворец мятежниками, по другой — покончил с собой в последний момент, исчерпав возможность сопротивления, не желая сдаваться.

уличные манифестации, начавшиеся утром 29 мая, быстро переросли в баррикадные схватки с полицией, пытавшейся разогнать демонстрантов. При содействии населения рабочие и студенты разгромили подразделения полиции и фактически овладели положением в городе. Правительство срочно бросило в Кордову воздушно-десантные и пехотные войска. Бастующие оказали упорное сопротивление. Лишь к вечеру следующего дня, 30 мая, армейские части подавили восстание. Итогом стали десятки убитых, много раненых, сотни арестованных. Эти события получили название «Кордобасо».

Массовые выступления против диктатуры не прекращались в июне и в последующие месяцы, несмотря на репрессии правительства, заявившего, что порядок будет восстановлен любой ценой. 30 июня в стране было введено осадное положение. 1 июля и 27 августа состоялись новые общенациональные забастовки. Правительство генерала Онгания пошло на некоторые уступки трудящимся: были освобождены многие арестованные профсоюзные деятели, повышена заработная плата. Но эти уступки не остановили борьбу. В конце 1969 — первой половине 1970 г. массовые выступления против диктатуры охватили Кордову, Мендосу, Санта-Фе, Тукуман. 23 апреля 1970 г. в Аргентине состоялась новая всеобщая забастовка. 29 мая, в годовщину «Кордобасо», бастующие рабочие Кордовы заняли автомобильные заводы. Снова на улицах происходили схватки с полицией под лозунгом «Долой диктатуру!». На сторону оппозиции перешли практически все политические партии Аргентины. Военный режим вступил в полосу кризиса.

8 июня 1970 г. Онгания был свергнут в результате военного переворота, участники которого устранением потерявшего престиж и влияние диктатора хотели предотвратить дальнейшее нарастание народного движения. Военная хунта, состоявшая из командующих тремя родами войск, назначила новым президентом генерала Левингстона. Однако это мало что изменило. В октябре — ноябре 1970 г. Аргентину охватили одна за другой три новые всеобщие забастовки. В середине марта 1971 г. вспыхнула очередная всеобщая забастовка в Кордове. Посылка президентом Левингстоном войск на ее подавление снова превратила Кордову в арену баррикадных боев и вызвала возмущение в стране. 23 марта 1971 г. генерал Левингстон был смещен с поста президента в результате очередного переворота. Президентом стал генерал Алехандро Лануссе, участник переворота 1966 г. и организатор переворотов 1970 и 1971 гг.

Президент Лануссе (1971—1973) проявил готовность к компромиссу с умеренной оппозицией, провозгласил начало либерализации режима и частично допустил легальную деятельность партий. Во внешней политике он отошел от доктрины «идеологических границ» на позиции «идеологического плюрализма» — сотрудничества латиноамериканских государств независимо от идео-

логических различий. Этот принцип был зафиксирован на встрече Лануссе с президентом Чили Альенде в 1971 г.

Трудящиеся продолжали борьбу против военного режима, требуя улучшения своего положения, скорейшего восстановления конституционного правления и демократических свобод, изменения социально-экономической политики. Стачки не прекращались, в том числе общенациональные. В Кордове в 1972 г. было проведено 9 всеобщих забастовок. В июле 1972 г. в Тукумане 150-тысячная стачка вылилась в баррикадные бои. Всего в Аргентине в 1969—1972 гг. ежегодное количество забастовщиков достигало 14 млн. человек (с учетом повторных выступлений) — почти $\frac{2}{3}$ всех участников забастовок этих лет в Латинской Америке.

В борьбе с диктатурой наибольший урон от репрессий понесла оппозиционная ВКТ, истощившая свои силы. В июле 1970 г. умеренные перонисты воссоздали единую Всеобщую конфедерацию труда (ВКТ) под своим руководством. Однако в 1971—1972 гг. внутри перонистских профсоюзов, среди молодежи, в перонистской Хустисиалистской партии активизировались левые течения.

Размах народного движения и изоляция диктатуры ускорили переход Аргентины к конституционному правлению. Правительство Лануссе назначило на 11 марта 1973 г. всеобщие выборы. Ведущей оппозиционной военному режиму силой на этих выборах стал созданный в декабре 1972 г. перонистами с участием примкнувших к ним нескольких небольших партий Хустисиалистский фронт освобождения (ХФО), выдвинувший лозунги «национального освобождения» и социальных преобразований. Самому Перону военные не разрешили выставить собственную кандидатуру в президенты, поэтому кандидатом ХФО на этот пост стал последователь Перона Эктор Кампора.

ХФО одержал уверенную победу, получив 49,6 % голосов, абсолютное большинство мест в обеих палатах Национального конгресса, почти все посты губернаторов. На втором месте с большим отрывом оказались радикалы (21,3 %). Созданный за полтора месяца до выборов блок левых партий с участием «непримиримых» радикалов, коммунистов, левых социалистов и христианских демократов — Революционный народный союз (РНС) набрал 7,4 % голосов и приобрел 14 мест в палате депутатов. По его списку впервые в истории Аргентины были избраны в конгресс 2 депутата-коммуниста.

25 мая 1973 г. власть в республике перешла к конституционному правительству Эктора Кампоры. После 18-летнего перерыва перонисты вернулись к власти. В правительстве Кампоры преобладали левые и левоцентристские течения перонизма. Левые перонисты получили ряд мест в Национальном конгрессе, были избраны губернаторами важнейших провинций (Буэнос-Айрес, Кордова, Тукуман и др.). Правительство Кампоры полностью восстановило

демократические свободы, сняло запрет на деятельность компартии, освободило политзаключенных. Началась разработка мер по улучшению положения и расширению прав трудящихся, поощрению национальных предпринимателей и ограничению деятельности иностранных монополий, введению государственного контроля над ценами и внешней торговлей. В июне 1973 г. был заключен «Социальный пакт» между правительством, ВКТ и предпринимателями, по которому повышалась заработная плата рабочих и служащих с последующим «замораживанием» на два года зарплаты и цен. Правительство Кампоры установило дружественные связи с Кубой, Чили, Перу и Панамой, высказавшись в поддержку их антиимпериалистического курса.

Ход событий встревожил правые силы и умеренное крыло в самом перонизме. На руку правым оказались левацкие тенденции, проявившиеся среди левоперонистских группировок. 20 июня 1973 г. в Аргентину из Испании после долгих лет изгнания на склоне лет с триумфом победителя вернулся Хуан Доминго Перон — верховный вождь перонистского движения. В столичном аэропорту его приветствовали многочисленные толпы восторженных сторонников. Во время встречи произошли вооруженные столкновения между левыми и умеренными перонистами из-за права быть распорядителями этого мероприятия. Это послужило поводом для дискредитации левых перонистов и правительства Кампоры, обвинений их в том, что они ведут страну к хаосу. Под предлогом передачи власти непосредственно вождю ХФО Перону умеренные перонисты заставили Кампору 13 июля подать в отставку с поста президента после 49 дней пребывания у власти. Временно полномочия президента были переданы председателю сената умеренному перонисту Р. Ластири. На 23 сентября были назначены новые президентские выборы, на которых кандидатом от ХФО был выдвинут Перон, призвавший к единству национальных и патриотических сил и обещавший продолжить выполнение программы ХФО. Перон получил поддержку как умеренных, так и левых сил, в том числе и коммунистов, не видевших иной альтернативы правым. Перон получил 62 % голосов, кандидат радикалов — 24 %. 12 октября 1973 г. в 78-летнем возрасте Хуан Д. Перон стал конституционным президентом, а его 43-летняя жена Мария Эстела Мартинес де Перон — вице-президентом.

В правительстве Перона преобладали умеренно-реформистские круги перонистского движения. Левые перонисты стали вытесняться из руководящих органов Хустисиалистской партии, с губернаторских постов, из руководства профсоюзов. Назначенный при Кампоре главнокомандующим вооруженными сухопутными силами генерал Р. Карканьо, активно отстаивавший национально-патриотические позиции, в декабре 1973 г. был смещен по настоянию умеренных кругов. В январе 1974 г. Перон добился отставки левоперонистского

губернатора провинции Буэнос-Айрес, передав власть в провинции умеренному крылу своей партии. В конце февраля — начале марта 1974 г. правые силы подняли вооруженный мятеж в провинции Кордова — главном оплоте левых перонистов в стране и в рабочем движении. Мятежники свергли конституционное левоперонистское правительство Кордовы, установили свой контроль над провинцией и подвергли репрессиям левых профсоюзных деятелей. Левые силы страны требовали принятия мер по подавлению мятежа в Кордове и восстановления полномочий законных властей провинции. Но Перон фактически санкционировал итоги мятежа, совершенного не без его ведома, передав власть в Кордове умеренному крылу своих сторонников с согласия участников мятежа.

Оттеснив левых перонистов с влиятельных позиций, Перон укрепил гегемонию умеренного крыла в своем движении. Но он продолжил реформистские преобразования. Было начато осуществление трехлетнего плана развития, предусматривавшего расширение госсектора, национализацию крупных банков, контроль над иностранным капиталом, меры по стимулированию национальной экономики. Подтверждался курс на сочетание экономического развития с перераспределением доходов в пользу трудящихся. Безработица в столице и пригородах уменьшилась с 6,6 % в 1972 г. до 3,4 % в 1974 г. В декабре 1973 г. был издан закон, наделявший профсоюзы широкими полномочиями и правом участия в политической деятельности, но вместе с тем закреплялись руководящие позиции перонистской профбюрократии в ВКТ.

Правительство Перона заявило о намерении развивать всесторонние связи со всеми народами и придерживаться антиимпериалистических позиций, выступило за пересмотр отношений между США и латиноамериканскими странами на равноправной основе. Оно развивало экономические отношения с западноевропейскими и афроазиатскими странами, с Кубой и СССР. В феврале 1974 г. было заключено соглашение о торгово-экономическом и научно-техническом сотрудничестве с СССР.

Смерть Перона после скоротечной болезни 1 июля 1974 г. прервала осуществление его политики. Страна погрузилась в траур. В последний путь Перона проводили миллионные толпы народа. Ставшая президентом его вдова М.Э. Мартинес де Перон обещала продолжать его деятельность. Но очень скоро ось правительственного курса сместилась вправо. Решающие позиции в правительстве приобрели крайне правые перонистские элементы во главе с министром социального обеспечения Лопесом Регой, пользовавшимся неограниченным доверием и личной благосклонностью М.Э. Мартинес де Перон. Экономическая политика была переориентирована в пользу крупного местного и иностранного капитала. Предприниматели стали взвинчивать цены, не считаясь с «социальным пактом». За 1975 г.

розничные цены выросли в 2,8 раза. Преследовались, арестовывались и физически устранялись левые профсоюзные деятели. В ответ нарастала волна забастовок. Левоперонистская организация «Монтонерос» и некоторые другие леворадикальные группы с 1974 г. перешли к вооруженной борьбе и террористическим акциям против реакционных представителей администрации, полиции и армии. Со своей стороны ультраправые организации, прежде всего созданный при негласном участии Лопеса Реги «Антикоммунистический альянс», развернули террор против левых сил, активистов рабочего движения. 7—8 июля 1975 г. республику охватила 48-часовая всеобщая забастовка с требованиями повысить зарплату вдвое в связи с ростом цен, удалить из правительства Л. Регу и изменить социально-экономическую политику. Забастовка увенчалась удовлетворением требований трудящихся о заработной плате и смещении Л. Реги, который бежал из страны.

Однако серьезных перемен в политике правительства не произошло, оно все более теряло престиж и контроль над страной. Темпы инфляции в годовом исчислении в начале 1976 г. достигли 440 %. За 1975 г. произошло 1100 забастовок с 28 млн. участников — рекордная цифра в истории Аргентины. Еще более усилился терроризм. Перонистское движение оказалось в состоянии глубокого кризиса и раскола. Раздробленными и ослабленными были и левые силы.

Навести порядок в стране вновь взялась армия. 24 марта 1976 г. военные свергли дискредитировавшее себя правительство М.Э. Мартинес де Перон, не встретив сопротивления ни с чьей стороны. Страна опять оказалась после трехлетнего перерыва во власти военной диктатуры.

Обстановка общего подъема освободительного движения в первой половине 70-х годов повлияла и на Мексику. Ставший в декабре 1970 г. президентом Луис Эчеверриа (1970—1976) попытался решить назревшие проблемы и укрепить позиции правящей Институционно-революционной партии (ИРП) усилением национал-реформистских преобразований. Он заявил о намерении проводить антиимпериалистическую политику и курс на построение общества «социальной демократии», апеллируя за поддержкой к рабочим и крестьянским организациям. Было объявлено о начале политической реформы, которая должна была демократизировать и упростить для населения процедуру выборов, облегчить регистрацию оппозиционных партий. Большие дополнительные средства были направлены на дальнейшее усиление государственного сектора (около 40 % всех капиталовложений). Численность занятых в нем увеличилась более чем в полтора раза. В 1973 г. был издан закон о содействии национальному производству и усилении регламентации иностранного капитала. Стимулировалось промышленное развитие отсталых районов. С

1970 по 1978 г. в 9 раз выросли расходы на науку и технику. Увеличились ассигнования на образование и социальное обеспечение, действовали комитеты и фонды с участием рабочих и служащих.

Намерение правительства Эчеверриа активизировать аграрную реформу натолкнулось на исчерпанность фонда подлежащих экспроприации земель. Ему удалось выявить и экспроприировать 2 млн. га пустующих земель. Были юридически подтверждены права 109 тыс. крестьянских семей на 6,2 млн. га земли. В результате аграрных преобразований предшествовавших десятилетий в деревне укрепилась аграрная буржуазия при сохранении малоземелья и низкой эффективности основной массы крестьянских хозяйств. Правительство старалось поддержать крестьянские хозяйства, стимулировать коллективные формы землепользования. В ответ на участвовавшие захваты крестьянами земель аграриев-капиталов в штате Сонора Эчеверриа в ноябре 1976 г., за 9 дней до окончания своих президентских полномочий, подписал декрет об экспроприации 74 владений этого типа площадью 100 тыс. га и передаче их 8 тыс. крестьянских семей.

Политика правительства Эчеверриа вызвала противодействие крупной буржуазии, утечку национальных капиталов за границу (до 10 млрд. долл. к концу 1976 г.). Была сорвана налоговая реформа, от которой правительство ожидало средств на осуществление программы развития экономики и социальных мероприятий. Власти были вынуждены обратиться к внешнему кредитованию и отказаться от ряда начинаний. Замедлились темпы экономического роста, особенно с наступлением мирового экономического кризиса середины 70-х годов (с 6,9 % в 1970 г. до 1,9 % в 1976 г.). Стала расти инфляция (с 5,3 % в год в начале 70-х годов до 20—30 % в середине десятилетия). При развитии крупного агроэкспортного производства выпуск сельскохозяйственной продукции для внутреннего потребления отставал от демографического роста, увеличился импорт продовольствия. Все это заставило преемников Эчеверриа отойти от его курса.

В период президентства Эчеверриа усилились антиимпериалистические тенденции во внешней политике Мексики. Она активно выступила за перестройку международных экономических отношений. В 1972 г. Эчеверриа выдвинул проект Хартии экономических прав и обязанностей государств. В 1974 г. она была принята Генеральной Ассамблеей ООН. В ней отражались насущные требования развивающихся государств. В ООН Мексика также выступила за выработку кодекса поведения транснациональных корпораций (ТНК) в развивающихся странах, отстаивала принципы суверенитета и невмешательства в международных отношениях, высказывалась за прекращение испытаний ядерного оружия, за создание безъядерных зон и

предлагала принять меры по разоружению. На правах наблюдателя Мексика активно сотрудничала с Движением неприсоединения. В 1975 г. Мексика явилась инициатором создания Латиноамериканской экономической системы (ЛАЭС) с участием Кубы и без присутствия США. Она добивалась перестройки ОАГ на основе идеологического плюрализма и выступила в защиту демократии, с осуждением диктаторских режимов на континенте. В 1970—1973 гг. правительство Эчеверриа оказало солидарную поддержку и предоставило экономическую помощь правительству Альенде в Чили. После контрреволюционного переворота в Чили Мексика добилась спасения многих чилийцев — сторонников Народного единства и в 1974 г. разорвала дипломатические отношения с чилийской военной хунтой.

Правительство Эчеверриа стремилось ослабить чрезмерную экономическую и торговую зависимость Мексики от США ростом связей с Западной Европой, развивающимися и социалистическими странами. В 1973 г. Эчеверриа совершил поездку в СССР, увенчавшуюся подписанием документов о торговом, экономическом, культурном и научном сотрудничестве двух стран. В 1974 г. было подписано соглашение о научно-техническом и культурном сотрудничестве Мексики с Советом Экономической Взаимопомощи (СЭВ) социалистических стран. Внешнеполитический курс правительства Эчеверриа привел к осложнениям в отношениях между Мексикой и США.

Переход правых сил в наступление и изменение ситуации в Латинской Америке в середине 70-х годов. Освободительная борьба и преобразования в Латинской Америке, принявшие наиболее широкие масштабы в первой половине 70-х годов, как многим казалось, открывали для стран региона новые перспективы развития. Недаром в эти годы за Латинской Америкой закрепилось образное название «Пылающий континент». Однако эти процессы натолкнулись на противодействие правых сил, которые сумели перегруппироваться и перейти в контрнаступление. Они использовали ошибки и трудности в действиях левых и демократических сил, наличие внутренних противоречий и разногласий в их рядах. Форсирование антикапиталистических преобразований, нигилистическое отношение к частному предпринимательству, чрезмерный акцент на экспроприаторские акции, на перераспределительные социальные мероприятия (часто не подкрепленные необходимой экономической базой) как панацею в решении наболевших проблем развития общества, склонность к упрощенным волевым решениям, проявления сектантства — все эти черты в большей или меньшей мере присутствовали в действиях сторонников революционных преобразований, подрывая их перспективы и содействуя изменению ситуации в пользу правых сил. На ход событий повлияли осложнения экономического положения также в связи с мировым кризисом середины 70-х годов

и подрывной деятельностью противников перемен и ТНК, усилившиеся колебания промежуточных слоев населения, тесные связи между армиями стран региона и США. Окончание войны США во Вьетнаме (январь 1973 г.) также позволило встревоженному Вашингтону уделить большее внимание обстановке в Латинской Америке. Союзником США и консервативных сил в регионе был бразильский военный режим, претендовавший на охранительную роль в Южной Америке и оказавший содействие правым силам в соседних странах.

За всеми этими явлениями скрывались и факторы более общего характера, связанные с серьезными глубинными сдвигами в мировой экономике и политике, новым этапом научно-технической революции, которые обозначились в 70-е годы и дали о себе знать в мировом энергетическом и экономическом кризисе 1973—1975 гг. Требовались новые подходы к роли государства в экономике, к определению приоритетов экономического и социального развития, к мирохозяйственным связям, к взаимоотношениям с иностранным капиталом и мировым рынком. Эти моменты не были вовремя осмыслены и учтены левыми и либеральными силами (и не только в Латинской Америке), вдохновлявшимися апробированным опытом предыдущих десятилетий подходами, которые начиная с 70-х годов нуждались в корректировке. Правые, неоконсервативные силы сумели раньше уловить объективные потребности нового этапа мирового развития, приспособить к ним свою политику, использовать их в собственных интересах, что содействовало их успеху в борьбе с левыми и реформистскими режимами и течениями.

Переворот в Боливии в августе 1971 г. был первым в 70-е годы, пока еще частным, успехом правых. 27 июня 1973 г. при участии самого президента Бордаберри, избранного в 1971 г., был осуществлен превентивный реакционный военный переворот в Уругвае, стране давних конституционных традиций, где господствующие классы уже не могли в рамках конституционного режима справиться с нараставшим рабочим и левым движением. На переворот Национальный конвент трудящихся (НКТ) Уругвая при поддержке партий Широкого фронта ответил всеобщей бессрочной забастовкой с занятием трудящимися всех основных предприятий страны. Армия не решалась насильственно подавить забастовку. Но и организации трудящихся, и левые партии не смогли превратить ее в общенародное выступление и повлиять на армию. После двухнедельного противостояния нарождавшейся военной диктатуре рабочие по решению НКТ 9 июля организованно прекратили борьбу. В Уругвае установился военный режим при сохранении в качестве номинального главы государства гражданского президента Бордаберри, ставшего послушным исполнителем воли военного командования (позднее, в 1976 г., военная хунта вообще сместила его с поста президента).

Радикально изменил обстановку в регионе контрреволюционный переворот 11 сентября 1973 г. в Чили, также известной своими конституционными традициями. Правые силы перешли в наступление и в других странах.

Осложнилась обстановка в Перу. Преобразования военного правительства генерала Веласко Альварado в отношении собственности в духе концепции «перуанского социализма» задели интересы широких слоев имущего населения. Авторитарные формы правления помешали правительству обрести прочную опору в массах и вызвали рост недовольства как справа, так и слева. К этому прибавилось и давление внешних факторов: негативное влияние мирового экономического кризиса 1974—1975 гг. и победа контрреволюционных сил в соседних Боливии и Чили. В феврале 1975 г. в столице произошли массовые антиправительственные волнения недовольного экономическими трудностями и неконституционными формами власти населения (в основном непролетарских слоев жителей столицы — от предпринимателей до маргиналов), подавленные военными властями. Веласко Альварado и его ближайшие сторонники оказались в растущей изоляции, стали терять опору и в армии. К тому же Веласко Альварado заболел, ему ампутировали ногу, но болезнь прогрессировала. 29 августа 1975 г. он был смещен с поста президента группой военных во главе с генералом Моралесом Бермудесом и вскоре, в 1977 г., умер. Новое военное правительство Моралеса Бермудеса (1975—1980) обещало продолжать революционный процесс, освободив его от проявлений волюнтаризма, в которых упрекался прежний президент. Но на деле начался постепенный отход от преобразовательной политики предыдущего правительства, особенно после удаления из правительственного состава в июле 1976 г. левых военных. Антикапиталистические, коллективистские тенденции в развитии преобразований постепенно были сведены на нет. Началась шаг за шагом приватизация ряда предприятий государственного и кооперативного секторов. Был ликвидирован сектор «общественной собственности», распущены «трудовые общины». Стало расширяться сотрудничество с иностранным капиталом, ужесточилась социальная политика. В аграрном секторе поощрялись капиталистические, частные формы хозяйствования. Трудящиеся ответили в 1977—1979 гг. серией всеобщих забастовок в защиту своих прав и уровня заработной платы. В то же время правительство Моралеса Бермудеса старалось закрепить результаты революционных преобразований, содействовавшие устранению препятствий на пути капиталистического развития и модернизации экономики Перу, и начало подготовку к восстановлению конституционных форм правления.

В Гондурасе в апреле 1975 г. власть перешла к правому крылу армии. В Эквадоре в январе 1976 г. левонационалистическое военное

правительство было заменено умеренным, которое в дальнейшем, как и в Перу, стало ориентироваться на возврат в перспективе к конституционному режиму. 24 марта 1976 г. террористический военный режим в результате переворота был установлен в Аргентине.

В Панаме генерал Омар Торрихос, добившись возвращения зоны канала республике, в 1978 г. объявил о своем намерении уйти с поста главы правительства. В сентябре 1978 г. были легализованы политические партии и объявлено о восстановлении гражданского правления. Сторонники Торрихоса объединились в Революционно-демократическую партию (РДП), кандидат которой А. Ройо Санчес был избран президентом и 11 октября 1978 г., в день 10-й годовщины прихода к власти военных, сменил Торрихоса в качестве главы правительства. Торрихос сохранил за собой титул «лидера революции» и командование Национальной гвардией, которая осталась влиятельной силой в республике. Отход Омара Торрихоса от прямого участия в правительстве, а затем его гибель в 1981 г. в авиакатастрофе при невыясненных обстоятельствах привели к постепенному отходу правящей партии (РДП), правительства Панамы и руководства Национальной гвардии от прогрессивных позиций. В стране активизировались оппозиционные традиционные буржуазные партии.

В середине и второй половине 70-х годов реакционные диктаторские режимы распространились на большую часть Латинской Америки. Под их властью пребывали Бразилия, Аргентина, Чили, Боливия, Уругвай, Парагвай, большинство стран Центральной Америки. В немногих странах сохранились конституционные правительства (Мексика, Венесуэла, Колумбия, Коста-Рика, Доминиканская Республика). Нигде, кроме Кубы, не восторжествовали левые режимы. Левые силы региона потерпели стратегическое поражение, имевшее долговременные последствия.

Однако осуществленные со второй половины 50-х до середины 70-х годов преобразования (национализация, аграрные реформы, стимулирование с помощью государства национальной экономики, меры в социальной области и др.) устранили ряд преград и создали более благоприятные условия для последующего развития государств региона и их капиталистической модернизации. В свою очередь, эти преобразования были бы невозможны без подъема освободительной и революционной борьбы, расчистившей им путь.

Глава IV

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА ПЕРЕД НОВЫМИ ПРОБЛЕМАМИ (от середины 70-х до начала 90-х годов)

В середине 70-х годов, после ряда тяжелых поражений и неудач левых и демократических сил, ситуация в регионе резко изменилась в пользу террористических военно-диктаторских режимов. В большинстве стран восторжествовал противостоящий революционной и реформистской перспективам развития неоконсервативный вариант модернизации общества на базе укрепления позиций монополистической верхушки господствующих классов, привлечения иностранного капитала, транснационализации экономики, жесткой социальной политики. Некоторые страны, особенно Бразилия, сумели значительно продвинуться в экономическом развитии. Обратной стороной такого курса стали обострение проблемы внешней задолженности, экономических, социальных и политических противоречий, маргинализация широких слоев населения. Это привело в 80-е годы к кризисным сбоям экономики, сужению социальной базы и падению диктатур в результате борьбы демократических сил. Впервые в латиноамериканской истории почти повсеместно установились конституционные режимы. Однако вплоть до начала 90-х годов латиноамериканским республикам не удалось найти эффективных путей решения наболевших проблем развития и обрести стабильность в быстро меняющемся, противоречивом мире.

НЕОКОНСЕРВАТИВНЫЙ ВАРИАНТ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ. ВОЕННЫЕ РЕЖИМЫ 70—80-х ГОДОВ

Новый этап в политике капиталистической модернизации. В 70—80-е годы господствующие классы латиноамериканских государств предприняли новые усилия по капиталистической модернизации экономики, с тем чтобы приблизиться к уровню развитых стран и устранить возможность революционных коллизий.

Долгое время политика модернизации, как правило, связывалась с усилением роли государства и госсектора в экономике, про-

текционистскими мерами и социальными преобразованиями. И это соответствовало определенному этапу национального и мирового развития, вплоть до 60—70-х годов. С середины 70-х годов (а в Бразилии и раньше), в условиях укрепления позиций местной крупной промышленно-финансовой буржуазии, правящие круги в большинстве стран континента берут на вооружение неоконсервативные концепции свободной рыночной экономики «Чикагской школы» (М. Фридман и др.)¹, стремясь не отгородить, а максимально подключить производственные мощности региона к мировому капиталистическому хозяйству и таким путем решить проблемы развития.

Перемены в политике правящих кругов латиноамериканских стран в значительной мере явились их реакцией на изменения в мировом развитии, обозначившиеся с 70-х годов. Новый виток научно-технической революции (НТР) в развитых капиталистических странах резко ускорил процесс обновления производства. Стали усиленно внедряться микропроцессорная и компьютерная техника, гибкие производственные системы. Это повысило эффективность малых и средних предприятий, небольших филиалов крупных компаний, способных мобильно приспосабливаться к переменам в производстве, к изменчивой потребительской конъюнктуре, к разнообразию индивидуальных запросов потребителей. Производственные процессы все более рассредоточивались на различные звенья по разным предприятиям.

Чрезвычайно усложнившаяся структура, возросший динамизм экономики затруднили ее регулирование государством на общенациональном уровне из единого центра. Гигантские, неповоротливые, часто монопольные государственные предприятия в ряде отраслей, с разросшимся, многостепенным, закосневшим бюрократическим аппаратом, все больше превращались из двигателя в тормоз экономического прогресса. На новом этапе главной экономической функцией государства должно было стать обеспечение условий для оптимального действия механизмов рыночного регулирования производства, без широкого прямого государственного вмешательства

¹ Часто эти концепции называют «экономическим неолиберализмом», поскольку речь идет о свободе рынка и демонтаже государственного вмешательства в экономику, т.е. как бы о возврате к идеям буржуазного экономического либерализма раннего капитализма. В таком смысле это правомерно. Но с точки зрения социально-политической вернее будет определить подобную политику как неоконсерватизм, тем более что призывы возврата к экономическому либерализму раннего капитализма во второй половине XX в. имеют явно консервативное звучание. Более того, как раз кейнсианское и неокейнсианское реформирование капитализма в духе усиления регулирующей социальной и экономической роли государства в 30—60-е годы XX в. получило определение как «неолиберализм», оппонентами которого выступали консервативные силы. Приставка «нео-» в обоих случаях свидетельствует о том, что речь идет не о возврате к прошлому, а о заимствовании определенных идей из прошлого, но в обновленном виде, применительно к новым реалиям.

в производство и рыночные связи, кроме тех сфер хозяйства, где присутствие государства оставалось необходимым (часть инфраструктуры, стратегические направления научно-технического и социального прогресса, общегосударственная бюджетно-финансовая, налоговая и социальная сфера). Во многих странах в таких условиях стали осуществляться приватизация разросшейся государственной собственности, сокращение государственных предприятий и учреждений, уменьшение государственных расходов, субсидий, социальных программ, переориентация налогов на стимулирование в первую очередь крупного частного капитала.

Важнейшими чертами нового этапа мирового развития стали быстрая интернационализация производства, рост его специализации и кооперирования, в том числе в производстве промежуточной продукции, и в итоге складывание единого мирохозяйственного комплекса, ядром которого оказалась разветвленная, взаимопроникающая сеть транснациональных корпораций развитых капиталистических стран. Государственное регулирование в национальных границах оказалось малоэффективным, плохо приспособленным к возросшей интернационализации производства. Оно все больше переориентировалось на межгосударственный уровень, воплощалось в интеграционных процессах. Интернациональных подходов требовало и решение обострившихся глобальных проблем, прежде всего связанных с экологической угрозой мировой цивилизации. В новых условиях экономический национализм, протекционистская политика противодействия проникновению иностранного капитала, ТНК были чреваты изоляцией от мирового хозяйства и соответственно от мирового научно-технического и экономического прогресса, консервацией отсталости. Теперь прогресс той или иной страны зависел от уровня ее интегрированности в мирохозяйственный комплекс, речь должна была идти о поисках наиболее оптимальных для данной страны вариантов такой интеграции.

Данные процессы охватили не только развитые капиталистические страны. В связи с интернационализацией экономической жизни они стали распространяться (со своими особенностями) и на развивающиеся государства Латинской Америки, Азии и Африки, на страны Восточной Европы, Советский Союз, социалистические страны Азии. Почти повсеместно в мире, где раньше и активнее, где позже, начали осуществляться меры по разгосударствлению и приватизации экономики, по сокращению государственных расходов, по развитию рыночного хозяйства, по привлечению иностранного, транснационального капитала, по интеграции в единый мирохозяйственный комплекс. Переориентация экономического курса распространилась на государства с разным уровнем развития, с различным общественно-политическим устройством, что свидетельствовало об общей объективной

основе подобных перемен. Но в то же время это происходило при многообразии конкретных проявлений таких процессов, разной степени их эффективности в различных условиях, имело неоднозначные последствия. Особенно сложно и болезненно протекали начавшиеся процессы в слаборазвитых странах. Здесь диапазон процессов модернизации и интеграции в мировое хозяйство был гораздо большим и более многоплановым, чем в высокоразвитых государствах, и требовал намного больших средств и долговременных усилий при крайне скудной исходной базе. Чрезвычайно ограниченными были и возможности для социального маневра в этих целях в условиях низкого уровня жизни и социальной незащищенности основных масс населения, маргинализации значительной его части.

Эти факторы отразились на неоконсервативной политике модернизации в Латинской Америке 70—80-х годов. Основными источниками накопления капиталов и ускоренного развития здесь стали широкое привлечение инвестиций, займов, кредитов, новой технологии из-за рубежа, развитие ориентированных на экспорт отраслей производства, снижение издержек на оплату труда. Поражение левых сил, установление террористических военных режимов в большинстве стран Латинской Америки создавали условия для проведения подобной политики за счет трудящихся. Особенно эффективной она оказалась в Бразилии, первой вступившей на такой путь. «Бразильская модель» в 70-е годы во многом послужила примером для других военно-диктаторских правительств (Чили, Аргентина, Уругвай, Боливия). В этих государствах политика модернизации проводилась в наиболее жесткой форме, авторитарными методами, сопровождалась резким ухудшением материального и правового положения трудящихся. В странах с реформистскими конституционными режимами (Мексика, Венесуэла, Колумбия, Коста-Рика) капиталистическая модернизация осуществлялась с меньшими социальными и политическими издержками.

Широкое привлечение иностранного капитала привело к быстрому увеличению общей суммы иностранных прямых частных капиталовложений в регионе с 18 млрд. долл. в 1967 г. до 80 млрд. в 1983 г. В конце 70-х годов от $\frac{1}{4}$ до $\frac{2}{5}$ промышленной продукции стран Латинской Америки контролировалось компаниями с участием в той или иной мере иностранного капитала. Удельный вес США в прямых частных иностранных инвестициях в регионе за период с 1970 г. до конца 1982 г. сократился с $\frac{2}{3}$ до $\frac{1}{2}$. Доля Западной Европы превысила 30 % (в том числе ФРГ — 7 %). Новым явлением был заметный рост вкладов капитала «малых» стран Западной Европы — Бельгии, Нидерландов, Швеции, Швейцарии, а также Испании. Резко усилились позиции Японии, выдвинувшейся на второе место после США (с 2,2 до 8,9 %). Свыше 60 % капиталовложений ФРГ и половина японских были сконцентрированы

в Бразилии. Новые иностранные инвестиции направлялись преимущественно на развитие наиболее динамичных передовых отраслей промышленности: машиностроительной, химической, электротехнической, электронной, а также в кредитно-финансовую сферу. Утрата ТНК господствующих позиций в сырьевом секторе компенсировалась сохранением контроля над сферой реализации продукции этого сектора, поставкой оборудования и технологии. Характерными чертами стали растущее участие в деятельности ТНК местного крупного капитала, преобладание смешанных акционерных компаний, продажа им акций государственных корпораций.

Небывалые масштабы приобрел приток в Латинскую Америку внешних займов и кредитов. Этому благоприятствовал избыток ссудного капитала, образовавшийся на мировом финансовом рынке в середине 70-х годов. Займы и кредиты стали ведущей формой иностранной экспансии. Около $\frac{4}{5}$ ссудного капитала на рубеже 80-х годов поставляли иностранные частные финансовые корпорации. Роль государственных займов и кредитов сократилась. В целом доля внешних источников в финансировании латиноамериканской экономики возросла с 8,2 % в 1970 г. до 26,3 % в 1980 г. Этот процент был намного выше на ведущих направлениях производственно-технического прогресса.

Стимулирование свободного рыночного хозяйства и сокращение государственных расходов сопровождались денационализацией ряда государственных компаний, сокращением социальных программ, уменьшением протекционистской функции государства в отношении национальной экономики. Но за государством и в новых условиях сохранилась значительная роль. Госсектор удерживал влиятельные позиции в инфраструктуре, в добывающей и нефтяной промышленности, энергетике, в финансовой сфере, в некоторых других отраслях. Росло его сотрудничество с крупным частным иностранным и местным капиталом. Сохранили свое значение косвенные кредитно-финансовые методы воздействия государства на процесс развития при изменении его направленности. Важную роль приобрели охранительные функции государства по обеспечению благоприятных политических и социальных условий для осуществления принятой модели.

Политика капиталистической модернизации привела к заметным сдвигам в экономике, к развитию крупного современного производства в машиностроении, энергетике, электротехнике, атомной и электронной промышленности, к ускоренному научно-техническому прогрессу в ряде производств. В несколько раз выросли расходы на научные исследования. Ежегодный рост продукции обрабатывающей промышленности в 70-е годы достигал 6—7 %. В 1980 г. ВВП региона превзошел уровень 1960 г. в 3,5 раза. Доля сельского хозяйства в ВВП уменьшилась в начале 80-х годов по сравнению с 1970 г. с

14—15 до 11 %, но при этом сельскохозяйственное производство в 1982 г. превысило уровень 1970 г. в полтора раза. Агросырьевая продукция продолжала преобладать в экспорте латиноамериканских стран. Экспортерами нефти были Венесуэла, Мексика, Эквадор, Тринидад и Тобаго, с конца 70-х годов Перу, меди — Чили и Перу, кофе — Колумбия, страны Центральной Америки и Бразилия, сахара и бананов — государства Центральной Америки и Карибского бассейна, мяса и зерновых — Аргентина. Но удельный вес готовых промышленных изделий в экспорте увеличился с 6,4 до 17—19 %, что было качественным сдвигом. В 80-е годы стала экспортироваться продукция электронной промышленности.

Выросли производственно-технические связи между модернизированными звеньями экономики латиноамериканских стран и соответствующими сферами мирового хозяйства. Возникли более благоприятные условия для интеграции усилившейся местной монополистической верхушки с международным капиталом. Некоторые страны, прежде всего Бразилия, а также Мексика, Аргентина, Венесуэла, стали выдвигаться в группу государств, претендовавших на заметную роль в мировом хозяйстве.

Но политика капиталистической модернизации обнаружила и негативные аспекты. Тогда как Бразилия, Мексика, Венесуэла значительно продвинулись вперед в экономическом развитии, другие страны преуспели в гораздо меньшей степени. Широкое привлечение иностранного капитала, усиление позиций ТНК в ведущих отраслях экономики, транснационализация наиболее динамичных ее звеньев подрывали национальный суверенитет, вели к углублению разрыва между модернизированными секторами и традиционными отраслями, оставшимися в состоянии застоя. Политика модернизации проводилась в ущерб этой основной части местной экономики. Значительная доля прибылей действовавших в регионе ТНК вывозилась ими за границу. В 1975 г. было вывезено за рубеж 7,7 млрд. долл., а в 1982 г. уже 36,8 млрд.

Обильный приток внешних займов и кредитов привел к стремительному росту внешней задолженности во второй половине 70-х — начале 80-х годов. В 1970 г. внешняя задолженность латиноамериканских государств составляла менее 20 млрд. долл., к концу 1983 г. достигла 360 млрд., а к концу 80-х годов — 410—420 млрд. долл. Крупнейшими должниками стали Бразилия (около 115 млрд. долл. к 1989 г.), Мексика (107 млрд.), Аргентина (56 млрд.), Венесуэла (34 млрд.) Полученные средства нередко расходовались неэффективно — на престижные цели, закупки вооружения, удовлетворение потребительских запросов имущего населения, обогащение правящей элиты. Часть займов носила характер спекулятивных сделок. При гигантски выросшей внешней задолженности особенно чувствительным было изменение ситуации на мировом финансовом

рынке, повлекшее рост учетных процентных ставок с 7—8 % во второй половине 70-х годов до 13—17 % в начале 80-х годов. Это привело к резкому увеличению выплат по процентам за полученные займы. Чтобы расплатиться, местные правительства вынуждены были добиваться новых займов и кредитов в еще больших размерах. Платежи по внешней задолженности возросли с 7,3 млрд. долл. в 1973 г. до 75,8 млрд. в 1982 г. и превысили новые поступления. Чтобы изыскать средства для оплаты долгов, правительства стран региона принуждены были выполнять требования международного финансового капитала по сокращению государственных расходов. Это вело к дальнейшему ужесточению социальной политики, снижению заработной платы, массовым увольнениям, свертыванию государственного сектора, передаче новых позиций иностранному капиталу. Усилилась инфляция. За 1971—1982 гг. цены подскочили в Перу и Бразилии в 40—50 раз, в Уругвае, Чили и Аргентине — в сотни раз.

Развитие новых отраслей и предприятий, основанных на современной технологии и экономии рабочей силы, не могло компенсировать сокращение занятости в традиционных сферах хозяйства. Процесс маргинализации населения принял массовый характер. Количество безработных, не полностью и не постоянно занятых лиц, пополнивших чрезмерно разбухшую сферу обслуживания и торговли и неспособных обеспечить себе достаточные средства для существования, достигло примерно 40 % экономически активного населения.

Особенно обострилась ситуация в 1981—1983 гг. в связи с мировым экономическим кризисом. Уменьшились доходы от экспорта, ухудшились торговый и платежный балансы. Страны региона оказались неспособными выплачивать долги. Пришлось сильно сократить импорт. Положение осложняли протекционистские меры стран — покупателей латиноамериканской продукции. Произошел спад производства, задевший и модернизированный сектор. В 1984 г. ВВП региона еще оставался ниже уровня 1980 г. Наиболее глубокий спад произошел в странах с диктаторскими режимами (Чили, Аргентина, Уругвай). С 1982 г. сократился приток новых средств из-за рубежа и одновременно вырос их отток. Всего за 1982—1988 гг. Латинская Америка получила новых ресурсов извне на 92,4 млрд долл., а перевела за рубеж около 180 млрд долл. Расстройство государственных финансов, инфляция, острая конкуренция с ТНК на внутреннем рынке, повышение процентных ставок в США вызвали массовый перевод частного национального капитала в США и другие развитые страны (до 120—140 млрд долл.).

Изменения в социальной структуре населения. Политика модернизации повлияла на социальную структуру латиноамериканского общества. Среднегодовые темпы роста населения в регионе продолжали оставаться высокими, хотя начали снижаться (с 2,7—2,8 % в

60-е годы до 2,5—2,6 % в 70-е и 2,4 % в середине 80-х годов). Население Латинской Америки в 1973 г. превысило 300 млн. человек, в 1985 г.— 400 млн., а к началу 90-х годов достигло 440 млн. Удельный вес региона в населении мира увеличился с 7,6 % в 1970 г. до 8,4 % в 1983 г. Продолжало быстро расти городское население (70 % в 1986 г. против 57 % в 1970 г.). В Аргентине, Уругвае, Чили и Венесуэле городское население достигло 80—86 %. На другом полюсе было большинство стран Центральной Америки и Карибского бассейна, Парагвай и Эквадор — менее 50 % (в Гаити — 26 %). В 1985 г. в 34 городах-миллионерах Латинской Америки проживало 43 % всех горожан. Столичные агломерации Мексики, Перу, Аргентины и Уругвая концентрировали от 23 до 50 % населения своих стран. Самыми крупными городами региона (с пригородами) стали Мехико (18 млн. жителей в 1985 г.), Сан-Паулу (16 млн.), Буэнос-Айрес (11 млн.), Рио-де-Жанейро (10,5 млн.). Скопление огромных масс населения в крупнейших городах обостряло здесь проблемы экологии, занятости, снабжения, коммунального хозяйства, транспорта, жилья. Экономически активное население (ЭАН) увеличилось с 84 млн. в 1970 г. до 135 млн. в 1985 г. Доля занятого в сельском хозяйстве населения за 70-е годы упала (42 % ЭАН в 1970 г. и 32 % в 1980 г.). Занятость в промышленности и смежных отраслях осталась примерно на прежнем уровне (28 %), в торговле и услугах значительно увеличилась (с 30 до 40 %).

В сложном положении оказались многочисленные мелкие и средние предприниматели, представлявшие до 90 % и более от общего числа предпринимателей. Интересы большинства их были принесены в жертву политике модернизации, многие из них разорались. Но их ряды вновь и вновь пополнялись за счет других слоев населения, благодаря наличию большой дешевой избыточной рабочей силы. Выросла группа предпринимателей «теневой» экономики, предприятия которых не были формально зарегистрированы. С другой стороны, возник целый слой мелких и средних фирм, оказавшихся связанными через систему субподряда с крупным модернизированным производством, контролируемым ТНК. В итоге аграрных реформ 60—70-х годов в деревне наряду с крупным капиталистическим хозяйством укрепилась фермерская прослойка.

Средние слои стали самой многочисленной категорией городского населения. Их быстрый рост был следствием как экономического, научно-технического и социального прогресса, так и издержек процесса модернизации, кризисных проявлений, которые вели к избыточному разбуханию категории мелких «самостоятельных хозяев» в торговле, услугах и в ремесленном производстве за счет населения, вытесненного из других сфер занятости. Большинство таких «хозяев» влачило жалкое существование. Но в то же время росли кадры административного и инженерно-технического персонала, научных

работников, творческой интеллигенции. С 1970 до 1987 г. численность студентов увеличилась с 1,5 до 7 млн. человек.

Количество лиц наемного труда выросло с 44—45 млн. человек на рубеже 70-х годов до 74 млн. в середине 80-х годов, но, поскольку в целом экономически активное население тоже сильно увеличилось, удельный вес наемного труда в ЭАН остался на прежнем уровне — 55—56 %, значительно варьируясь по странам. В 80-е годы в Аргентине, Чили и Уругвае доля наемного труда достигала 67—88 % ЭАН, в Боливии, Эквадоре, Перу и большинстве стран Центральной Америки — менее 40 %, в Гаити — 17 %.

Промышленный пролетариат (включая рабочих и близкие к ним категории служащих и технических работников промышленности, строительства, транспорта, связи, электрогазоснабжения, рабочих полуремесленных предприятий) увеличился с 1970 г. до середины 80-х годов с 13—14 млн. человек до 17—18 млн. (при уменьшении его доли в ЭАН примерно с 17 до 13 %). Крупнейшие его контингенты были сосредоточены в Бразилии (5,5 млн.), Мексике (3,5 млн.), Аргентине (2,5 млн.), Колумбии (2 млн.). Состав латиноамериканского рабочего класса стал более сложным и дифференцированным. На предприятиях ТНК, в модернизированном секторе производства сформировался наиболее квалифицированный «пролетариат филиалов». Персонал этих предприятий за счет более высокой производительности труда получал намного большую заработную плату и имел лучшие социальные условия, чем остальные трудящиеся. По разным оценкам, «пролетариат филиалов» в Латинской Америке в 80-е годы насчитывал от 2 до 5 млн. человек.

В странах с более зрелой экономической и социальной структурой (Аргентина, Уругвай, Чили) рост численности трудящихся в передовых капиталоемких отраслях не компенсировал вызванное политикой модернизации и ее последствиями сокращение численности рабочих традиционных трудоемких отраслей промышленности — пищевой, текстильной, швейной, добывающей, железнодорожного транспорта. Это сокращение приняло особенно ощутимые масштабы в первой половине 80-х годов в связи с экономическим кризисом, когда уменьшилась занятость и в модернизированных секторах экономики. В результате за десятилетие с середины 70-х до середины 80-х годов в этих трех странах сократилась и абсолютная численность промышленных рабочих. В остальных государствах модернизация сочеталась с еще продолжавшимся процессом индустриализации и развитием промышленности вширь, распространения его на ранее отсталые районы. Поэтому в целом по Латинской Америке общая численность промышленного пролетариата в абсолютных цифрах еще росла, хотя и медленнее, чем прежде, и уже при снижении его удельного веса в ЭАН.

Миллионы рабочих были заняты в «теневой» экономике, в кустарно-ремесленном производстве, где сильны были патриархальные традиции, примитивные формы труда и эксплуатации, правовая незащищенность трудящихся, распыленных по мелким предприятиям. В «теневой» экономике в 1980 г. было занято около $1/5$ всей рабочей силы.

Количество сельскохозяйственных рабочих увеличилось с 9—10 млн. человек в 1970 г. до 13—13,5 млн. в середине 80-х годов при сокращении их удельного веса в ЭАН. В Аргентине, Чили, Уругвае и Перу начала уменьшаться и их абсолютная численность.

Быстро росло количество наемных работников в сфере услуг и торговли. Усилилась концентрация трудящихся на крупных предприятиях этих секторов с современным оборудованием. Но одновременно увеличилась армия наемного труда на мелких предприятиях. Для Латинской Америки 80-х годов было характерно наличие многочисленной домашней прислуги (до 8—9 млн. человек), чему также способствовал избыток дешевой рабочей силы, не находившей себе более продуктивного применения. В целом усложнившаяся структура латиноамериканского общества отразила противоречивость процесса капиталистической модернизации.

Политика военно-диктаторских режимов Бразилии, Аргентины и Чили (до начала 80-х годов). Наиболее полное воплощение неоконсервативный вариант капиталистической модернизации получил в условиях террористических режимов в Бразилии, Аргентине и Чили. В Бразилии, где военно-диктаторский режим существовал с 1964 г., этот курс стал осуществляться еще в 60-е годы. На смену заболевшему и вскоре умершему Коста-э-Силве в октябре 1969 г. на пост президента Бразилии военными был выдвинут генерал Гаррастазу Медиси (1969—1974). Годы его президентства совпали с подъемом революционных и реформистских движений в Латинской Америке. Для Бразилии же это был период наибольших успехов диктатуры. Семь лет подряд (1968—1974) прирост ВВП в среднем за год превышал 11 %, а промышленной продукции — 12,4 %, что дало повод говорить о «бразильском чуде». В стране строились гигантские гидроэнергетические комплексы. В 1977 г. введена в строй первая атомная электростанция (АЭС). ВВП страны в 1980 г. превысил уровень 1970 г. в 2,3 раза, продукция промышленности — в 2,5 раза, сельского хозяйства — почти в 1,7 раза. По общему объему ВВП Бразилия передвинулась с 28-го на 8-е место среди несоциалистических стран мира. На ее долю в 1980 г. приходилось 18,8 % промышленного производства всех развивающихся государств трех континентов. Удельный вес готовых промышленных изделий и полуфабрикатов в экспорте Бразилии достиг 56 %.

Население Бразилии увеличилось с 93 млн. человек в 1970 г. до 142 млн. в 1987 г. Удельный вес в нем городских жителей возрос

с 56 % до 76 %. Занятость в сельском хозяйстве за эти 17 лет уменьшилась с 44,3 до 26 % ЭАН. Занятость в промышленности за 70-е годы возросла с 26,6 до 31,7 %, а в сфере торговли и услуг — с 27,8 до 38,8 %. Общая численность рабочего класса и близких к нему категорий трудящихся к началу 80-х годов достигла 20 млн. человек. Сильно возросла численность машиностроителей, металлостов, электротехников (за 70-е годы с 450 тыс. до 1,3 млн. человек). Основная их часть была сосредоточена на крупных предприятиях ТНК и местных компаний промышленного пояса Сан-Паулу и других индустриальных центров Юго-Востока. 37 % всех промышленных рабочих трудились на предприятиях с числом занятых более 500 человек.

Экономический подъем был обеспечен в значительной степени сокращением расходов на оплату труда и повышением нормы прибыли. За 1965—1974 гг. реальная заработная плата уменьшилась на 31 % при росте производительности труда на 56 %. Большие массы населения оказались отчужденными от пользования плодами экономического прогресса. Обильный приток иностранного капитала был не менее важным источником роста производства. Прямые иностранные капиталовложения увеличились с 3,6 млрд. долл. в 1968 г. до 19,2 млрд. в 1981 г. Десятки миллиардов долларов получила Бразилия в виде внешних займов и кредитов, что увеличило ее внешний долг с 5,2 млрд. долл. в 1970 г. до 100 млрд. в 1984 г. Военно-технократическая элита, непосредственно стоявшая у власти, большую роль отводила мобилизации ресурсов государства и госсектора на осуществление перестройки бразильской экономики.

Беспрецедентные экономические успехи помогли бразильскому режиму укрепить свои позиции и с начала 70-х годов большее внимание уделить социальному маневрированию. Репрессии стали сочетаться с некоторыми экономическими уступками трудящимся, с пропагандой идей «социальной интеграции», приобщением рабочих крупных предприятий к участию в прибылях и в решении производственных вопросов.

Мировой экономический кризис 1974—1975 гг. и рост цен на импортируемую Бразилией нефть осложнили для нее ситуацию и привели к замедлению среднегодовых темпов роста экономики до 6,5 % в 1975—1980 гг., хотя это еще были высокие темпы. Увеличилась инфляция (с 17,8 % в среднем за год в 1970—1973 гг. до 30—45 % в 1974—1978 гг.). Больше стали ощущаться социальные и политические издержки «бразильской модели». Правительство генерала Эрнесто Гайзела (1974—1979) встретилось с оживлением оппозиционных диктатуре настроений в разных слоях общества, в том числе со стороны церкви, интеллигенции, широких слоев местной буржуазии, недовольных стеснительными рамками режима. После устранения угрозы слева и укрепления своих экономических позиций

монополистическая буржуазия стала склоняться к либерализации режима. Сужение социальной базы военного правительства показали выборы 1974 г. и 1978 г. в Национальный конгресс, на которых единственная легальная оппозиционная партия «Бразильское демократическое действие» (БДД), объединившая всех недовольных, опередила правительственный Национальный союз обновления (АРЕ-НА). Национальная конференция епископов в 1975 г. потребовала восстановления прав человека. Правительство Гайзела решило приступить к либерализации режима. К этому его подтолкнули и международные факторы: революция 1974—1976 гг. в Португалии, процесс демократизации в Испании в 1976—1977 гг., усилившееся с 1977 г. давление на Бразилию со стороны правительства Картера (США), выступившего с осуждением диктаторских форм правления и с лозунгами защиты прав человека и демократических свобод.

В июне 1978 г. правительство Гайзела разработало программу либерализации, которая должна была проводиться сверху и постепенно. В качестве первых шагов была отменена цензура печати и часть репрессивных законов, аннулированы чрезвычайные полномочия президента. Но срок президентства был продлен с 5 до 6 лет.

Во внешней политике правительства Э. Гайзела усилилась тенденция, наметившаяся еще при его предшественнике, к отходу Бразилии от безоговорочной ориентации на США и «Доктрину национальной безопасности» в пользу приоритета торгово-экономических интересов Бразилии, с претензией на превращение страны в региональный центр силы, автономный от США. Бразилия отказалась подписать договор о нераспространении ядерного оружия и приступила к разработке собственной ядерной программы, заключив в 1975 г. соглашение с ФРГ о сотрудничестве в области ядерной энергии, что вызвало недовольство США. В 1978 г. в ответ на заявление президента США Картера о том, что в Бразилии нарушаются права человека, правительство Гайзела демонстративно обвинило США во вмешательстве во внутренние дела страны и отказалось от военной помощи США и военного сотрудничества. Бразилия объявила о введении 200-мильной зоны территориальных вод. Оживились торгово-экономические связи с развивающимися государствами Азии и особенно Африки. Бразилия все более солидаризировалась с ними в критике расизма, сионизма, неравноправных экономических отношений, претендуя на лидирующую роль в «третьем мире». Взамен на поставки оружия и техническую помощь Ираку и Ливии Бразилия добилась стабильного импорта ближневосточной нефти. Широко использовалась для развития отношений с африканскими странами, особенно с бывшими португальскими колониями, концепция расовой и географической близости Бразилии и этих стран. Стали расти торгово-экономические отношения с

Советским Союзом, товарооборот с которым за 70-е годы увеличился в 12 раз и достиг в 1983 г. 0,9 млрд. долл.

В Аргентине неоконсервативный вариант активно осуществлялся после переворота 24 марта 1976 г. В этот день вся полнота власти перешла к военной хунте в составе командующих тремя родами войск. Хунта назначила президентом командующего сухопутными силами генерала Хорхе Рафаэля Виделу (1976—1981). Действие конституции было отменено, конгресс распущен, деятельность всех партий «временно приостановлена», власть на местах передана военным губернаторам. Была распущена ВКТ, большинство профсоюзов поставлено под контроль военных.

Идеологической основой режима, выражавшего интересы реакционных кругов монополистической верхушки, как в Бразилии и Чили, стала «Доктрина национальной безопасности», дополненная концепцией «внутренней войны» с противниками диктатуры. Армия и репрессивные службы развернули беспощадную борьбу с лево-радикальными вооруженными организациями, в течение двух лет в основном разгромив их. Арестам, жестоким истязаниям, зверским убийствам подверглись многие тысячи участников рабочего и демократического движения.

Творцом экономической политики военного правительства стал виднейший представитель аргентинской монополистической верхушки Мартинес де Ос, министр экономики в правительстве Виделы с 1976 по 1981 г., сторонник монетаристских концепций М. Фридмана, которые он пытался приспособить к аргентинской реальности. Модернизация экономики, проводившаяся военным режимом, заключалась в сокращении государственного сектора и государственных расходов, отказе от протекционистской поддержки местной промышленности, в предоставлении приоритета крупному частному капиталу и свободной рыночной экономике, стимулировании конкурентоспособного экспортного производства, в активном привлечении иностранного капитала с надеждой на его преобразующую роль, а также в сдерживании роста заработной платы при свободе цен и сокращении расходов на социальные нужды. В полтора раза к началу 1977 г. были увеличены налоговые поступления. Увеличились доходы от экспорта и валютные поступления, уменьшился бюджетный дефицит и инфляция (до 120 % вместо прежних 440 % в годовом исчислении к середине 1977 г., хотя и эта цифра оставалась значительной). Прямые иностранные инвестиции увеличились с 2,2 млрд. долл. в конце 1974 г. до 5,6 млрд. в 1981 г. В Аргентину устремился поток внешних займов и кредитов.

Политика модернизации ускорила процессы концентрации крупного капитала, укрепление его связей с ТНК, влияние которых в экономике также усилилось. В 1981 г. 817 предприятий (с персоналом свыше 200 человек) сосредоточили почти 58 % всей промышленной

продукции и 44,5 % рабочей силы в промышленности. Крупнейшая и старейшая аргентинская монополистическая группа «Бунхе и Борн», тесно связанная с иностранным капиталом и сама превратившаяся в транснациональную корпорацию, распространившую свои филиалы на Бразилию и другие страны, владела в Аргентине 90 предприятиями с 20-тысячным персоналом, 552 тыс. га земельных угодий, влиятельными позициями в сфере финансов и торговли. В стране происходила техническая реконструкция крупных предприятий, возросла производительность труда на них. Как и в Бразилии, сооружались и вводились в строй новые гидроэлектростанции. Еще в 1974 г. в Аргентине вступила в строй первая в Латинской Америке атомная электростанция, в 1977 г.— вторая АЭС. Они стали давать 8 % всей электроэнергии в стране. В промышленности создавался ряд небольших специализированных предприятий с современным оборудованием, малым количеством занятых и высокой производительностью труда, связанных производственным циклом с крупным производством. Заметно увеличилась агроэкспортная продукция при некотором сокращении занятого в сельском хозяйстве населения.

Однако выход вперед группы модернизированных предприятий не возмещал упадка и разорения основной массы предпринимателей и сокращения производства традиционных промышленных отраслей. ВВП так и не превысил уровень 1973—1975 гг. после спадов производства в 1976 и 1978 гг., а с 1980 г. страна вступила в затяжной экономический кризис. К 1983 г. промышленное производство по общему объему оказалось отброшенным к уровню 1970 г. Уменьшилась численность рабочих и служащих в обрабатывающей промышленности и особенно в текстильной, швейной, обувной, пищевой, в металлургии, металлообработке и машиностроении. При росте экономически активного населения с 1974 по 1985 г. на 1,6 млн. человек численность рабочих и служащих, занятых в промышленности, уменьшилась с 1,6 до 1,4 млн., а в торговле и сфере услуг увеличилась с 1,8 до 2,3 млн. В начале 80-х годов насчитывалось свыше 1,6 млн. безработных и полубезработных (15—18 % ЭАН). Доля заработной платы лиц наемного труда в национальном доходе уменьшилась за годы военного режима с 45 до 28—30 %.

Большие внешние займы и кредиты были израсходованы малопродуктивно в надежде на то, что этот источник не оскудеет. А тем временем внешняя задолженность выросла с 9 до 44 млрд. долл. (1983), оплата по ней стала непосильным бременем. Осуществление модернизаторских планов застопорилось. Не удалось сдерживать инфляцию, остававшуюся на уровне 90—160 % в год, а в 1983 г. достигшую 434 %. Всего с марта 1976 г. по 1983 г. цены выросли в 410 раз. Несмотря на запреты, ежегодно бастовали сотни тысяч трудящихся.

В Чили после контрреволюционного переворота 11 сентября 1973 г. у власти также оказалась военная хунта в составе командующих тремя родами войск и корпуса карабинеров во главе с генералом Аугусто Пиночетом (р. 1915 г.), утвержденным хунтой президентом Чили с чрезвычайными полномочиями на неопределенный срок. Вся страна была объявлена в состоянии «внутренней войны» с «марксизмом», введено осадное положение (замененное в 1978 г. на «чрезвычайное»). Было отменено действие конституции и гражданских свобод, распущен Национальный конгресс, объявлены вне закона партии Народного единства, запрещены Единый профцентр трудящихся (КУТ) и ряд отраслевых профсоюзов. Деятельность всех остальных партий объявлялась «приостановленной», а в 1977 г. вообще была запрещена. Профсоюзы были поставлены под контроль властей. Десятки тысяч руководителей и активистов левых партий и профсоюзов подверглись арестам, пыткам, физическому уничтожению. Тюремны были переполнены, Национальный стадион и ряд других объектов спешно превращены в концентрационные лагеря. Воцарился произвол репрессивных служб, особенно созданной в 1974 г. тайной военной полиции (ДИНА). До миллиона чилийцев покинули родину.

Военно-террористическая диктатура выражала в первую очередь интересы монополистических групп, ассоциированных с ТНК. Хунта пришла к власти с лозунгами искоренения «раковой опухоли марксизма», призывами положить конец хаосу и анархии и на основе достижения национального единства реконструировать страну. «Декларация принципов» правительства Пиночета (март 1974 г.) упрекала «пришедшую в упадок» западную либеральную демократию за ее неспособность дать эффективный отпор марксизму. Участники хунты высказывались за построение националистического общества, в котором традиционные институты западной демократии были бы заменены «органической», «социальной демократией», основанной на корпоративных началах, под эгидой авторитарной власти, на моральных принципах христианства и испанских духовных традициях. Национализм сочетался с модернизаторскими технократическими идеями транснационализации экономики по рецептам «Чикагской школы», для чего предполагалось «перестроить» производственную структуру в соответствии с потребностями мирового рынка.

Частному капиталу были переданы сотни государственных предприятий, что привело к восстановлению и дальнейшему укреплению позиций местных и иностранных монополий. К концу 70-х годов 5 монополистических групп контролировали большую часть капитала 250 крупнейших частных предприятий. Но и после проведенных денационализаций госсектору принадлежали значительная часть добывающей промышленности, производство электроэнергии, нефтеперерабатывающие заводы, средства связи, военная

промышленность. Медные рудники, национализированные при Альенде, остались государственными, но за их национализацию была выплачена крупная компенсация, а к их эксплуатации и управлению вновь был привлечен иностранный капитал по соглашению о техническом сотрудничестве. Существенное снижение таможенных тарифов привело к увеличению доли импорта во внутреннем потреблении с 8,2 % в 1970—1973 гг. до 16,2 % в 1974—1980 гг.

За 1974—1978 гг. в чилийскую экономику было вложено 2,3 млрд. долл. иностранных, преимущественно американских капиталов. Увеличилось поступление займов и кредитов из-за границы, внешняя задолженность выросла с 3,3 млрд. долл. в конце 1973 г. до 21 млрд. в 1986 г.

В сельском хозяйстве из 10 млн. га экспроприированных в 1965—1973 гг. земель к 1978 г. 2,8 млн. га были возвращены прежним владельцам. Коллективная собственность на землю постепенно преобразовывалась в частную. Ставка делалась на укрепление сельской буржуазии и фермерства. Более трети крестьян, получивших землю, разорилось.

Была осуществлена частичная модернизация промышленности, повысилась техническая оснащенность, энерговооруженность и производительность труда на крупных предприятиях в экспортных отраслях — медной, железорудной, пищевой, деревообделочной, целлюлозно-бумажной. С 1971 по 1983 г. продукция крупной медной промышленности выросла на 70 % при уменьшении персонала на 1/3. Увеличилась сельскохозяйственная продукция. Но одновременно разорилось много национальных предприятий, ориентированных на внутренний рынок. Снизилась продукция машиностроительной, текстильной и некоторых других отраслей промышленности. Это отразилось на общем объеме производства. После кризиса 1974—1975 гг. ВВП лишь в 1978 г. достиг уровня 1973 г., в 1980 г. поднялся до 119,3 % от него, но в 1982 г. вновь сократился на 14,1 %. Продукция обрабатывающей промышленности в 1982 г. равнялась 74 % от уровня 1973 г. По производству на душу населения Чили оказалась отброшенной назад еще более. Очень высокой в первые годы военного режима была инфляция (504 % в 1974 г. и 375 % в 1975 г.), но затем она снизилась до 19,7 % в 1981 г.

Реакционный вариант модернизации в условиях торжества контрреволюции принес огромные лишения трудящимся. Реальная заработная плата в 1974 г. составила менее половины от уровня 1972 г. В последующем она медленно начала расти, но и в 1980 г. не превышала 2/3 от уровня 1972 г. Безработица с 3,8 % в 1972 г. выросла до 30,5 % в 1982 г. (включая безработных, охваченных программами минимальной занятости). Общая численность вытесненного из сферы стабильной занятости маргинального населения превысила 40 % ЭАН.

Происходившие процессы отразились и на социальной структуре чилийского общества. Все население Чили выросло с 9 млн. в 1970 г. до 12,7 млн. в 1988 г. В городах проживало в 1970 г. 75 % чилийцев, а в 1985 г. уже 84 %. Занятость в сельском хозяйстве уменьшилась с 23,8 % в 1970 г. до 14,6 % в 1984 г., в промышленности (со смежными отраслями) — упала с 38,6 до 26,9 %, а в сфере торговли и услуг возросла с 37,6 до 55,4 %. Соответственно снизилась и доля промышленного пролетариата, общая численность которого к середине 80-х годов осталась примерно на уровне 1970 г. (700—750 тыс. человек), а стабильно занятых — уменьшилась. Значительно вырос удельный вес трудящихся непроемких отраслей. Углубилась дифференциация между растущей высококвалифицированной и высокооплачиваемой прослойкой рабочих и служащих крупных модернизированных предприятий и традиционными кадрами рабочих, а также между теми и другими и многочисленной пестрой массой маргинализированных трудящихся, вытесненных из сферы постоянной занятости.

В обстановке тяжелого поражения левых сил диктатура репрессиями и запретами в сочетании с экономическим наступлением на трудящихся намеревалась не только обеспечить повышение уровня накопления капитала, но и ослабить, раздробить и подчинить своему контролю рабочие организации. Такая политика прикрывалась демагогическими рассуждениями об «освобождении» трудящихся от засилья «чуждых» им марксистских политических организаций, о создании «подлинно рабочих» профсоюзов, которые обеспечат «конструктивное» участие трудящихся в производстве совместно с предпринимателями. Отдельные категории рабочих и служащих привлекались к приобретению акций. Разработанный правительством в 1979—1981 гг. «Трудовой план» узаконивал низовые профсоюзы с очень ограниченными функциями и запретом избирать в руководство известных в прошлом активистов рабочего движения. Разрешались только экономические забастовки на частных предприятиях вне жизненно важных отраслей экономики на срок не более 60 дней и с рядом других ограничений, не позволявших эффективно использовать эту форму борьбы.

На международной арене военная хунта стремилась предстать защитником западной христианской цивилизации от коммунизма. Была выдвинута геополитическая концепция об историческом предназначении Чили на роль великой державы на юге Тихого океана. В стране развернулась шовинистическая пропаганда, обострились территориальные споры с соседними Перу, Аргентиной и Боливией. Хунта добивалась тесного экономического и военного сотрудничества с США, солидаризировалась с реакционными режимами, с политикой США в Центральной Америке. В 1976 г. Чили вышла из Андской группы, участники которой ограничивали деятельность ТНК.

Репрессивная политика чилийской военной диктатуры привела к ее изоляции на мировой арене. переворот и репрессии в Чили осудили парламенты и правительства ряда стран Латинской Америки (Мексика, Венесуэла, Колумбия, Перу и др.). Социалистические страны (за исключением Китая и Румынии) прервали дипломатические и экономические отношения с режимом Пиночета. Движение солидарности с жертвами диктатуры охватило весь мир. Чилийские беженцы нашли приют в Мексике, на Кубе и во многих других странах Америки и Европы. Международные профсоюзные федерации разных направлений предприняли акции бойкота чилийских товаров. Ежегодно в сентябре проводились недели солидарности с народом Чили — жертвой насилия. В 1974 г. приступила к работе представительная общественная Международная комиссия по расследованию преступлений военной хунты в Чили. В 1976 г. репрессии и ликвидацию демократических свобод в Чили осудила ОАГ. Аналогичные резолюции принимались в ООН. США в период президентства Картера присоединились к осуждению нарушений прав человека в Чили. Не прекращая сотрудничества с режимом Пиночета, в том числе в военной области, США пытались побудить его к либерализации, к компромиссу с умеренной демократической оппозицией. Международное движение солидарности с жертвами диктатуры и осуждение чилийского режима мировым сообществом помогли спасти жизни многих тысяч патриотов, заставили военную хунту занять оборонительные позиции, перейти к лавированию. В конце 1976 г. Советскому Союзу удалось добиться освобождения генерального секретаря компартии Чили Луиса Корвалана, арестованного хунтой в конце сентября 1973 г. (он был обменен на диссидента-правозащитника Буковского, находившегося в заключении в СССР).

Военные режимы Аргентины и Чили вплоть до первой половины 80-х годов меньше, чем в Бразилии, преуспели в осуществлении неоконсервативных планов развития экономики. Они гораздо позже пришли к власти и имели мало времени в своем распоряжении до наступления кризисной ситуации начала 80-х годов. Бразилия же к этому моменту успела далеко продвинуться от исходных рубежей. Процессы модернизации экономики в Бразилии сочетались с продолжением промышленного развития «вширь», что увеличивало масштабы общего экономического роста. В Аргентине и Чили, с их более высоким исходным уровнем экономического и социального развития, эти возможности были гораздо более ограниченными. Правительства Аргентины и Чили последовательнее осуществляли монетаристские концепции, курс на приватизацию государственной собственности. Бразильские же власти поощрение частного капитала сочетали с сохранением протекционистской роли государства и госсектора в определенных сферах экономики. Аргентина и Чили в

большей мере связывали проекты развития с ростом доходов от традиционного аграрного и сырьевого экспорта, что тормозило эффективное преобразование экономики. Большая поляризация классовых сил в Аргентине и Чили также делала обстановку в этих странах менее стабильной, чем в Бразилии. Своими масштабами и богатыми потенциальными возможностями, длительной стабильностью и устойчивыми темпами роста экономики Бразилия больше привлекала зарубежных вкладчиков капитала. Тем не менее в начале 80-х годов и бразильский военный режим не избежал нарастания кризисных явлений.

Политика капиталистической модернизации в Мексике и Венесуэле. Свои особенности политика модернизации имела в странах с конституционными реформистскими режимами, Мексике и Венесуэле. Правительства этих республик во второй половине 70-х — начале 80-х годов стремились обеспечить оптимальное сочетание планов обновления и развития экономики с активной ролью государства и эффективной социальной политикой в интересах широких слоев населения в национал-реформистском духе. В Мексике и Венесуэле — основных производителях нефти в регионе — надежды на успех масштабных комплексных проектов связывались с ростом государственных доходов от экспорта нефти, цены на которую на мировом рынке с 1973 г. резко взметнулись вверх. Но и в этих странах усилилось внимание к эффективности экономики, к стимулированию крупного частного местного и иностранного капитала, к поискам путей интеграции национальной экономики в мировое хозяйство.

В Мексике политика модернизации проводилась в условиях, когда сложившаяся в послевоенный период политическая система постепенно начинала утрачивать былую гибкость и эффективность и уже не вполне отвечала новым реалиям мексиканского общества. Длительная монополия Институционно-революционной партии (ИРП) на власть при неуклонном усилении обширного государственного сектора вела к чрезмерной централизации и бюрократизации управления республикой, сосредоточенного в руках разросшегося партийно-государственного аппарата, росту коррупции в его рядах, ослаблению связей ИРП с массами. В рамках государственно-монополистического развития окрепли позиции местного монополистического капитала. В середине 70-х годов 50 монополистических групп контролировали 45 % продукции обрабатывающей промышленности. Крупная промышленно-финансовая буржуазия стала более настойчиво требовать непосредственного участия в политической власти, оттеснения партийно-государственной бюрократии, ограничения и пересорIENTATION государственного вмешательства в экономику, обеспечения максимальных преимуществ крупному частному капиталу. Это проявилось в позиции предпринимательских организаций, в усилении оппозиционной Партии национального действия (ПНД),

влиятельным участником которой была динамичная Монтеррейская группа монополий, связанных с американским капиталом, а также в возросшем воздействии монополистических кругов на правые и умеренные течения в правящей партии. Трудящиеся классы и левые партии и течения, в свою очередь, выступая против политического монополизма руководства ИРП, авторитаризма, засилья партийно-государственной бюрократии, настаивали на дальнейшем развитии и углублении реформистской деятельности в интересах народных масс и демократизации политической системы.

Правительство Хосе Лопеса Портильо (1976—1982) сохранило лозунги «революционного национализма» и «социальной демократии», но на первый план выдвинуло призыв к «союзу ради производства» государства, трудящихся и предпринимателей. Был взят курс на расширение национальных и иностранных капиталовложений и сокращение государственных расходов и администрации, сдерживался рост заработной платы. В 1977 г. была завершена политическая реформа, позволившая оппозиционным партиям получить официально узаконенные права в избирательных кампаниях и в выборах.

Главные надежды в реализации планов экономического и социального прогресса страны правительство Х. Лопеса Портильо возлагало на открытые новые богатые запасы нефти. Под будущие доходы от нефти широко использовались внешние займы и кредиты. Добыча нефти увеличилась с 27 млн. т в 1973 г. до 133 млн. т в 1982 г., а экспорт ее — с 4,7 млн. т в 1976 г. до 54,8 млн. т в 1981 г. (немногим менее Венесуэлы). Доходы от экспорта нефти в 1981 г. достигли 15 млрд. долл. Под воздействием нефтяного бума в 1977—1981 гг. бурно росла экономика (в среднем на 7,5% в год). Доходы от нефти и полученные займы и кредиты использовались на техническое переоснащение промышленности, обширное строительство новых предприятий. Началось сооружение первой АЭС. В деревне вместо перераспределения земли упор был сделан на закреплении результатов аграрной реформы, техническом оснащении хозяйств и решении продовольственной проблемы за счет роста сельскохозяйственного производства. Укрепились лидирующие позиции Мексики (наряду с Бразилией) в Латинской Америке.

Большие изменения в 70-х — начале 80-х годов произошли в социальной структуре населения. Темпы роста населения Мексики оставались высокими (до 3% в год), несколько снизившись в 80-е годы. Население республики увеличилось с 51 млн. человек в 1970 г. до 84 млн. в 1989 г. Мехико к 1990 г. по числу жителей вышел на первое место в мире, в его районе проживало до 20 млн. человек. В целом городское население в стране выросло с 59% в 1970 г. до 70% в 1986 г. Экономически активное население в 1970 г. насчитывало 14,5 млн. человек, а в 1986 г. — 23,2 млн. Занятость

в сельском хозяйстве сильно сократилась — с 45 до 26 % ЭАН, в промышленности стабилизировалась на уровне 25—27 %, значительно увеличилась в сфере торговли и услуг (до 47 %).

По сравнению с предыдущим правительством правительство Лопеса Портильо стало проводить более умеренную и сдержанную внешнюю политику, избегая осложнений в отношениях с США и другими странами и уделяя особое внимание внешнеэкономическим интересам Мексики и эффективному сотрудничеству латиноамериканских государств. Но общие направления внешней политики Мексики остались неизменны. В 1979 г. Мексика поддержала революцию в Никарагуа и затем оказала экономическую помощь революционной республике, выступила против вмешательства извне в дела Центральной Америки. Продолжалось сотрудничество Мексики с СССР и Кубой, хотя торговля СССР с Мексикой не получила заметного развития. В 1978 г. состоялся визит Лопеса Портильо в Советский Союз. В 1980—1981 гг. взаимно обменялись визитами Лопес Портильо и Фидель Кастро.

Планы развития Мексики, рассчитанные на длительный рост доходов от нефти, были подорваны падением цен на нее с 1981 г. Одновременно сильно выросла выплата процентов по внешнему долгу, увеличившемуся с 3,8 млрд. долл. в 1970 г. до 80 млрд. в 1982 г. На выплату процентов пришлось потратить 70 % доходов от экспорта нефти. Обострился финансовый кризис. За несколько месяцев утечка национальных капиталов за границу достигла 3,5 млрд. долл., что побудило правительство Лопеса Портильо в августе 1982 г. национализировать частные банки. В 1982 г. наступил экономический спад, усилившийся в 1983 г. Почти на 100 % в 1982 г. подскочили цены. Начались массовые увольнения. В 1981—1983 гг. занятость в промышленности сократилась на 14,5 %. Вне стабильной занятости оказалось до 40 % экономически активного населения, чему способствовал и демографический «взрыв».

В Венесуэле правительство партии Демократическое действие (социал-демократической ориентации), возглавленное президентом Карлосом Андресом Пересом (1974—1979), также строило проекты экономического и социального развития, рассчитывая на доходы государства от нефти, тем более после ее национализации в январе 1976 г. Предполагалось широкомасштабное индустриальное строительство и высокие темпы роста экономики и занятости совместить с быстрым увеличением заработной платы и перераспределением доходов в пользу малоимущего населения. На службу развитию был поставлен мощный государственный сектор, доля которого в ВВП страны к 1980 г. достигла 43,6 %. Государство обеспечивало свыше половины всех инвестиций. Привлекались и иностранные капиталы, в основном в виде кредитов и займов. Добыча нефти была несколько сокращена — со 194 млн. т в 1970 г. до 113 млн. т к 1980 г., с тем

чтобы не допустить быстрого истощения нефтяных богатств страны и падения цен на нефть. Чрезвычайный рост мировых цен на нефть даже при уменьшении ее добычи позволил за 70-е годы увеличить доходы Венесуэлы от ее экспорта в 6 раз. Развернулось строительство крупных нефтехимических комплексов, металлургических заводов, гигантских электростанций, оснащенных современной техникой. Началась индустриализация неосвоенного богатого минеральными ресурсами района Гвианы. Среднегодовые темпы роста промышленности за 70-е годы достигли 6,9 % при росте населения страны на 3,5—3,6 % в год¹. Производство продукции обрабатывающей промышленности на душу населения в 70-е годы увеличилось в 2,2 раза. По ВВП на душу населения Венесуэла вышла на первое место в Латинской Америке. Поднялись уровень заработной платы и доходы всех слоев населения. Неграмотность уменьшилась с 25,5 % (1970) до 13 % (1985), в 4,5 раза возросло (почти до полумиллиона) количество студентов.

Но появились и негативные симптомы. Создалась довольно парадоксальная ситуация, когда Венесуэла стала страдать не от нехватки, а от избытка капиталов, будучи даже при развернувшихся стройках не в состоянии быстро вложить в производство скопившиеся финансовые средства из-за неразвитой инфраструктуры, узости внутреннего рынка, нехватки оборудования и современной технологии, квалифицированной рабочей силы. Начал расти отток капиталов за границу, что повлекло расширение экономической экспансии Венесуэлы в соседние страны. Сильно вырос внешний долг, достигший к концу 1982 г. 34 млрд. долл. Не удалось планы диверсификации экспорта, 95 % которого по-прежнему составляли нефть и нефтепродукты. С увеличением городского населения с 76 % в 1970 г. до 86 % в 1985 г. росли маргинальные его слои, социальное напряжение в городах.

В 1979 г. к власти в Венесуэле вторично после 1969—1974 гг. пришло правительство Социал-христианской партии (КОПЕЙ). Президентом стал Луис Эррера Кампинс (1979—1984). Его правительство попыталось традиционную десарролистскую стратегию развития совместить с рецептами «Чикагской школы». За государством по-прежнему признавалась роль главного стимулятора и финансиста развития, но началось ограничение его производственных функций и перераспределение средств в пользу частного капитала. Однако в начале 80-х годов падение доходов от нефти, рост выплат по внешней задолженности и экономический кризис свели на нет усилия правительства и осложнили обстановку в стране, как и в Мексике.

¹ За период с 1970 до 1986 г. население Венесуэлы увеличилось с 11 до 18 млн. чел.

Таким образом, реформистский мексиканский и венесуэльский вариант капиталистической модернизации также оказался уязвимым, несмотря на благоприятную конъюнктуру для этих стран как экспортеров нефти.

КРИЗИС И ЛИКВИДАЦИЯ ВОЕННЫХ ДИКТАТУР В ЮЖНОЙ АМЕРИКЕ

На рубеже 80-х годов обозначился кризис военно-диктаторских режимов в регионе. Этому способствовали углубление противоречий между модернизируемым и традиционными секторами экономики, большие социальные издержки неоконсервативного варианта капиталистической модернизации, усилившие напряжение в обществе. Еще более осложнили положение экономический кризис начала 80-х годов и обострившаяся проблема внешней задолженности с ее последствиями. Недовольство широких слоев населения вызывали отсутствие демократических свобод, нарушение прав человека, массовые репрессии.

В конце 70-х — начале 80-х годов стали быстро нарастать забастовки и уличные выступления трудящихся с требованиями изменения социальной и экономической политики, прекращения репрессий, восстановления прав профсоюзов и демократических свобод. В борьбу за демократические перемены и в защиту национальной экономики включились средние слои, мелкие и средние предприниматели. Активизировались правозащитные организации, церковные круги. Явочным порядком стали восстанавливать свою деятельность партии и профсоюзы. В Уругвае в 1980 г. 60 % участников организованного диктатурой референдума высказались против режима. Укрепившие свое положение господствующие классы также стали склоняться к либеральным формам правления, тяготясь опекой военных и ограничениями диктаторских режимов и стремясь предупредить дальнейшее обострение ситуации. Рост волны народных выступлений против диктатур снизу и встречные усилия сторонников либерализации сверху стали двумя составными частями начавшегося процесса демократизации. Правительственные круги США с 1977 г., с президентства Картера, также предпочли поддерживать новые конституционные правительства и подвергли критике террористические режимы.

Революционные события конца 70-х — рубежа 80-х годов в Центральной Америке, особенно свержение диктатуры Сомосы и победа революции в 1979 г. в Никарагуа, ускорили процесс демократизации в Южной Америке. В 1979 г. в Эквадоре и в 1980 г. в Перу умеренные военные режимы передали власть избранным конституционным правительствам. После нескольких лет острой политической борьбы, бурных выступлений трудящихся, переворотов и контрпереворотов в

1982 г. было восстановлено конституционное правление в Боливии, к власти пришло правительство коалиции левых сил с участием коммунистов.

Вскоре наступила очередь Аргентины, где на рубеже 80-х годов нарастало рабочее и демократическое движение против военной диктатуры. 27 апреля 1979 г. состоялась первая всеобщая забастовка против социально-экономической политики диктатуры, в которой участвовало полтора миллиона человек. Наряду с забастовками, несмотря на запреты, проводились уличные шествия, собрания и митинги. В конце 1980 г. явочным порядком были воссозданы два параллельных профцентра, оба под прежним названием «ВКТ». В дальнейшем, уже в начале 1984 г., они воссоединились, восстановив единый национальный профцентр. Перонисты и на этот раз удержали контроль над профсоюзным движением.

В 1981 г. антиправительственные выступления усилились. 26 февраля 1981 г. День протеста против экономической политики правительства провели организации предпринимателей. 22 июля состоялась новая всеобщая забастовка трудящихся с участием более 1,5 млн. человек. 7 ноября трудящиеся провели марш «За мир, хлеб и работу». В июне 1981 г. национальная конференция епископов присоединилась к требованиям прекращения репрессий и восстановления демократии. Явочным порядком стали восстанавливать свою деятельность политические партии.

В июле 1981 г. две крупнейшие партии Аргентины — Хустисиалистская (перонистская) и Радикальный гражданский союз (РГС) — радикалы и еще три небольшие партии создали Многопартийный союз. Поддержанный рядом других партий, в том числе коммунистами, Многопартийный союз от имени всех общественно-политических сил страны потребовал возврата к конституционному режиму, прекращения репрессий и освобождения политзаключенных. В программе союза, принятой 16 декабря 1981 г., содержались также требования защиты национальных интересов и национального производства, восстановления и расширения прав трудящихся, улучшения их положения, расширения жилищного строительства, принятия мер по развитию народного образования, здравоохранения, науки и культуры, проведения независимой и миролюбивой внешней политики. 30 марта 1982 г. состоялась манифестация трудящихся, организованная профсоюзами и поддержанная многими партиями, под лозунгом: «Хлеба, работы, мира и свободы!» Демонстранты были атакованы полицией, произведены аресты. Но профсоюзы и партии готовили новые акции борьбы.

Ставший по воле хунты президентом Аргентины с декабря 1981 г. генерал Леопольдо Гальтиери решил на авантюрную акцию, чтобы отвлечь внимание оппозиции, поднять престиж военных и самому предстать в роли национального героя: 2 апреля 1982 г. аргентинские

вооруженные силы заняли захваченные Великобританией у Аргентины еще в 1833 г. Фолклендские (Мальвинские) острова¹, а также острова Южная Георгия и Южные Сандвичевы в Южной Атлантике. Правительство объявило о восстановлении над ними аргентинского суверенитета.

Известие об этом вызвало взрыв общенародного патриотического энтузиазма, к которому присоединились все оппозиционные режиму силы, еще вчера выступавшие за мирное решение спора из-за островов с Великобританией и против возможного провоцирования военными вооруженного конфликта. События получили продолжение, на которое правительство не рассчитывало. Собравшийся перед президентским дворцом 100-тысячный митинг 10 апреля скандировал: «Мальвины — да, хлеб, труд, мир и свобода — тоже!» Не оправдались и надежды Гальтиери на то, что при содействии США удастся решить конфликт с Великобританией на основе компромисса. Правительство Великобритании во главе с «железной леди» Маргарет Тэтчер отказалось от каких-либо переговоров с Аргентиной и развернуло широкомасштабные боевые действия в районе Фолклендских (Мальвинских) островов. В мае британские войска с помощью военного флота и авиации высадились на островах, блокировав там аргентинский гарнизон и принудив его 14 июня к сдаче. США, будучи союзником как Аргентины (по договору Рио-де-Жанейро), так и Великобритании (по НАТО), оказали прямую поддержку последней, нарушив свои обязательства в отношении Аргентины. Великобританию поддержали и европейские страны НАТО. С осуждением действий Великобритании и поведения США выступили большинство латиноамериканских государств, Движение неприсоединения, социалистические страны.

Поражение военного правительства еще более дискредитировало его в глазах народа. Наследие 15 июня вышло на улицы, требуя отставки правительства, виновного в поражении, и восстановления демократии. 18 июня Гальтиери ушел в отставку. Новое военное правительство генерала Биньоне разрешило в ограниченных масштабах партийную деятельность и заявило о готовности к диалогу с оппозицией в поисках путей к восстановлению конституционного правления.

Народные выступления продолжались. 6 декабря 1982 г. прошла 6-миллионная всеобщая забастовка. А всего за 1982 год в забастовках участвовало 9 млн. чел. — больше, чем за предыдущие 6 лет. 16 декабря в Буэнос-Айресе состоялся 150-тысячный марш за демократию, организованный Многопартийным союзом в годовщину принятия его программы. Правительство назначило на 30 октября 1983 г. всеобщие выборы.

¹ Англичане называли их «Фолклендскими», аргентинцы — «Мальвинскими».

Предвыборная борьба развернулась главным образом между кандидатами двух ведущих партий — Итало Лудером от Хустисиалистской партии и Раулем Альфонсином от Радикального гражданского союза, что положило конец Многопартийному союзу, функции которого были исчерпаны. Оба кандидата обещали меры по демократизации страны, развитию экономики, улучшению положения трудящихся, независимую миролюбивую политику в духе Движения неприсоединения. Но в избирательной кампании перонистов сильнее звучали националистические и антиимпериалистические тона, в то время как радикалы больший акцент делали на проблемах демократии и прав человека. Профсоюзы и компартия поддержали перонистского кандидата.

Победу на выборах 30 октября 1983 г. одержал кандидат радикалов Рауль Альфонсин, получивший 52 % голосов. Кандидат перонистов Итало Лудер, поддержанный большинством рабочих, набрал 40 % голосов. Радикалы приобрели 128 из 254 мест в палате депутатов и 7 губернаторских постов в важнейших провинциях (Буэнос-Айрес, Кордова и др.). Перонисты добились 111 мест в палате депутатов, большинство в сенате и 12 губернаторских постов. Высокий процент голосов за Альфонсина объяснялся тем, что за него проголосовали многочисленные средние слои населения. Ему отдали голоса умеренные и правые силы, которые опасались победы непредсказуемых перонистов, опиравшихся на профсоюзы, но не имели шансов на собственный успех на выборах. Повлияли и еще свежие воспоминания о плачевных итогах недавнего второго пребывания перонистов у власти в середине 70-х годов. Результаты выборов показали также высокую концентрацию голосов вокруг двух партий — радикалов и перонистов (92 %), подтвердив их репутацию основных политических сил в республике. 10 декабря 1983 г. военный режим передал власть избранному конституционному президенту Р. Альфонсину.

В Бразилии начавшейся в 1978 г. при президенте Гайзеле либерализацией военного режима воспользовались рабочие организации. В мае 1978 г. забастовали 400 тыс. рабочих промышленного пояса Сан-Паулу, добиваясь повышения заработной платы, улучшения условий труда и восстановления профсоюзных свобод. Правительство не решилось на репрессии. Бастующие добились некоторых уступок. Всего за год (май 1978 — май 1979 г.) бастовало более 1 млн. человек.

Правительство генерала Ж.Б. Фигейреду (1979—1985) ускорило процесс либерализации. В августе 1979 г. была объявлена амнистия большинства политзаключенных и политэмигрантов. В январе 1980 г. начался переход к многопартийности. Партии АРЕНА и Бразильское демократическое действие (БДД) упразднились. Вместо прежней проправительственной АРЕНА была создана Социал-демократическая

партия (СДП), выражавшая интересы крупного капитала и не имевшая ничего общего, кроме названия, с социал-демократией. Тем не менее, чтобы успешнее конкурировать с оппозиционными силами, СДП восприняла лозунги демократических и социальных реформ.

Крупнейшей оппозиционной партией стала Партия Бразильское демократическое действие (ПБДД), объединившая большую часть членов прежней БДД. Она выступила за скорейшую демократизацию страны и широкий союз всех антидиктаторских сил. ПБДД была неоднородной, в ней присутствовали социал-демократические и умеренные либерально-реформистские течения.

Трабальисты, входившие прежде в БДД, создали две самостоятельные партии. Умеренное их крыло образовало Бразильскую трабальистскую партию (ДТП), возглавленную дочерью основоположника трабальизма Жетулио Варгаса Иветтой Варгас. Но большинство трабальистов пошло за популярным в прошлом левым трабальистским лидером Леонелем Бризолей, создавшим Демократическую трабальистскую партию (ДТП). Она стала левой партией социал-демократической ориентации с определенными популистскими чертами. ДТП требовала полного восстановления демократии, аграрной реформы, защиты национальной экономики и интересов трудящихся, антиимпериалистической внешней политики, высказывалась за участие трудящихся в управлении предприятиями и в органах местного самоуправления и за построение «демократического социализма».

Новым явлением было возникновение Партии трудящихся (ПТ), созданной на базе боевых профсоюзов промышленного пояса Сан-Паулу их лидером — руководителем металлистов и металлургов Сан-Паулу Лусио Инасиу да Силвой (р. 1946 г.), прозванным рабочими «Лула». Он получил известность и завоевал авторитет вожака рабочих во время забастовок 1978—1979 гг. Партия трудящихся отличалась боевым радикализмом. Она требовала глубоких демократических и социальных преобразований и построения общества без эксплуатации.

Что касается компартии Бразилии, понесшей большие потери от репрессий в годы диктатуры и юридически еще остававшейся нелегальной, то она после 1980 г. выступила за широкую солидарность всех демократических сил в борьбе за полную ликвидацию диктатуры. Старейший лидер партии, герой «тенентистского» движения 20-х годов Л.К. Престес, высказывавшийся за союз только левых, революционных сил, не получил поддержки и вышел из партии, обвинив ее новое руководство в оппортунизме (в 1990 г. в возрасте 92 лет он умер).

Заметную роль начали играть массовые непартийные движения, особенно низовые христианские общины, организации жителей «поселков нищеты», объединения студентов и интеллигенции.

Энергично выступила в поддержку требований демократических преобразований Национальная конференция епископов. Продолжала развиваться стачечная борьба трудящихся. Оживилось крестьянское движение. Требование аграрной реформы выдвинула Национальная конфедерация сельскохозяйственных трудящихся, объединившая 6 млн. человек. В августе 1981 г. в Сан-Паулу состоялась I Национальная конференция трудящихся классов, высказавшаяся за создание единого национального объединения профсоюзов, независимого от государства, за демократию и изменение социальной и экономической политики.

На рубеже 80-х годов экономическое положение в Бразилии ухудшилось. Инфляция в 1980 г. достигла 120 %. Впервые за многие годы в 1981 г. ВВП сократился на 3,5 %, а промышленное производство упало на 8,4 %. Это стимулировало дальнейший рост оппозиционных настроений. На парламентских выборах и впервые проводившихся прямых выборах губернаторов в ноябре 1982 г. оппозиционные силы набрали почти 60 % голосов. ПБДД завоевала 201 из 479 мест в нижней палате Национального конгресса и 9 губернаторских постов, в том числе в важнейших штатах Сан-Паулу и Минас-Жераис. Губернатором Рио-де-Жанейро стал Леонел Бризола, партия которого (ДТП) получила 23 места в палате депутатов. Партия трудящихся приобрела 8 мандатов. Правящая СДП получила 12 постов губернаторов менее населенных штатов. Она сохранила преобладание в сенате, но утратила абсолютное большинство в палате депутатов.

После выборов оппозиция усилила давление на правительство. Продолжались забастовки, марши протеста, демонстрации. В августе 1983 г. профсоюзы, находившиеся под влиянием Партии трудящихся, создали Единый профцентр трудящихся Бразилии. В ноябре того же года другие профсоюзы, находившиеся под влиянием ПБДД, коммунистов и других течений, образовали параллельный национальный профцентр — Национальный координационный комитет трудящихся, в 1986 г. переименованный во Всеобщий профцентр трудящихся (ВПТ). Оба профцентра активно боролись за интересы рабочих и служащих и за восстановление демократии, хотя раскол профсоюзного движения мешал организации единых выступлений.

С конца 1983 г. в Бразилии развернулась массовая кампания за прямые президентские выборы и скорейший переход к гражданскому правлению. Правительство же настаивало на избрании президента, как и прежде, коллегией выборщиков в составе членов Национального конгресса и представителей от штатов, всего 680 с лишним человек, где заранее было обеспечено правительственное большинство. Тем самым предполагалось переход к гражданскому правлению осуществить при сохранении власти в руках правящей группировки. Правительственным кандидатом в президенты был выдвинут депутат

от СДП П. Маллуф. В январе—апреле 1984 г. по многим городам прокатилась волна многолюдных митингов за введение прямых выборов, завершившаяся миллионными манифестациями в Рио-де-Жанейро (10 апреля) и Сан-Паулу (16 апреля) с участием всех оппозиционных сил. Однако правительство на ближайшие выборы сохранило прежний порядок избрания президента коллегией выборщиков. Требование оппозиции о немедленном введении прямых выборов 25 апреля 1984 г. было отклонено в Национальном конгрессе незначительным большинством.

Массовая кампания 1984 г. за прямые выборы всколыхнула страну и показала, что борьба за демократизацию вышла за рамки регулируемого властями процесса либерализации. Инициатива перешла к оппозиции. Партия Бразильское демократическое действие (ПБДД) добилась поддержки почти всех оппозиционных сил (кроме Партии трудящихся, отказавшейся участвовать в непрямых выборах) и решила вступить в борьбу за власть в условиях непрямых выборов. Под влиянием народного движения из проправительственной СДП вышла большая группировка, создавшая в декабре 1984 г. новую Партию либерального фронта (ПЛФ) во главе с сенатором Жозе Сарнейем. Партия либерального фронта перешла в оппозицию и объединила с ПБДД в блок под названием «Демократический союз». Кандидатом в президенты от Демократического союза был выдвинут известный в прошлом политический деятель, сотрудник Варгаса Танкредо Невис (ПБДД), а в вице-президенты — Жозе Сарней (ПЛФ). Это обрекло правительственного кандидата на поражение. 15 января 1985 г. голосами 480 из 686 выборщиков президентом и вице-президентом были избраны кандидаты демократической оппозиции. 15 марта 1985 г. власть была передана военными новому гражданскому правительству, хотя возникло непредвиденное осложнение: за несколько часов до вступления в должность президента 75-летний Т. Невис с приступом аппендицита был увезен в больницу. Исполнение его обязанностей было поручено избранному вице-президентом лидеру Партии либерального фронта Жозе Сарнею. 22 апреля Т. Невис умер в больнице, так и не вступив в должность. Президентом стал Ж. Сарней. 21-летний период военного режима в Бразилии закончился.

В ноябре 1984 г. состоялись выборы в Уругвае. И здесь в марте 1985 г. военные передали власть гражданскому конституционному правительству. В начале 1986 г. конституционные правительства пришли к власти в Гватемале и Гондурасе. В феврале 1986 г. пала мрачная диктатура Дювалье в Гаити. Правда, это не привело здесь к установлению конституционного правления из-за противодействия военных и слабости и раздробленности демократических сил. В январе 1989 г. в результате военного переворота была свергнута самая

долговечная в регионе диктатура А. Стресснера в Парагвае (1954—1989). В мае 1989 г. состоялись всеобщие выборы, на которых президентом был избран генерал Родригес — в прошлом сподвижник Стресснера, затем отошедший от него и возглавивший январский переворот. Начался переход Парагвая к конституционному правлению.

Дольше всех в Южной Америке продержалась диктатура в Чили, где демократическим силам пришлось выдержать упорную борьбу за ее ликвидацию. Переворот 1973 г. в Чили был поддержан широкими непролетарскими слоями населения, буржуазными партиями, в том числе самой влиятельной Христианско-демократической партией (ХДП). Но очень скоро они почувствовали, что режим Пиночета не собирается допускать их к власти. Значительные массы мелкой буржуазии и служащих ощутили негативные для них последствия политики хунты. Это привело к сужению социальной опоры военного режима. Перешла в оппозицию действовавшая полулегально ХДП. Однако руководство ХДП отказывалось от активных антиправительственных действий, тем более от сотрудничества с коммунистами и их союзниками. Умеренные лидеры ХДП — Эдуардо Фрей и его сторонники ограничивались критикой режима и давлением на него в пользу либерализации, надеясь, что это со временем откроет им путь к власти и в то же время предотвратит возможность возврата к власти левых сил.

Большую роль в спасении жертв репрессий, в разоблачении преступлений режима, в развитии правозащитного движения и солидарности с трудящимися сыграла чилийская католическая церковь, ряд лет бывшая единственной легальной оппозицией.

Рабочее движение и левые силы долго не могли оправиться от тяжелого поражения и жестоких преследований. В 1976 г. один за другим были раскрыты и физически уничтожены хунтой три подпольных руководящих центра компартии. Лишь к концу 70-х годов намечаются признаки оживления рабочего движения и нелегальной деятельности левых партий, первой из которых восстановила свою подпольную структуру компартия. Явочным порядком стали оформляться объединения лидеров бывших профсоюзных федераций, пытавшиеся восстановить связи с низовыми профсоюзами. Первым организовалось умеренное крыло христианско-демократических профсоюзных деятелей, которые имели больше возможностей полулегальной деятельности. В 1976 г. они создали «Группу десяти», преобразованную позднее в Демократический союз трудящихся (ДСТ). В 1978 г. возник Национальный координационный совет трудящихся (НКСТ), объединивший основное ядро профсоюзных деятелей прежнего Единого профцентра трудящихся (КУТ) Чили, главным образом коммунистов, социалистов и левых

христианских демократов. Предоставление в 1979 г. ограниченных прав легальной деятельности низовым профсоюзам привело к восстановлению в большинстве из них позиций левых сил, что облегчило возобновление связей между низовыми и высшими звеньями возрождавшегося профсоюзного движения. НКСТ стал наиболее влиятельным и представительным объединением промышленных рабочих. Но его позиции ослаблялись наличием нескольких параллельных объединений умеренной и даже проправительственной ориентации (последние, правда, не имели заметного влияния), а также тем, что значительная часть трудящихся, бывших традиционным оплотом левых, оказалась вытесненной из промышленного производства в ряды маргиналов. Кроме того, Социалистическая партия и некоторые другие прежние участники Народного единства раскололись на конкурирующие фракции, часть которых стала переходить на социал-демократические позиции и отдаляться от коммунистов. Тем не менее рабочее движение оживало. Начались производственные конфликты, в которых в 1979—1980 гг. участвовали десятки тысяч человек.

В конце 70-х годов военная хунта отказалась от установления корпоративного государства и выдвинула лозунг «либерализации» и перехода к «авторитарной демократии». Речь шла о придании диктатуре атрибутов «законности», с допуском к ограниченной легальной деятельности умеренных партий. Но и это предполагалось осуществить поэтапно. Прежде всего, в ответ на обвинения мировой общественности в узурпации власти Пиночетом и военной верхушкой хунта инсценировала «плебисцит» 4 января 1978 г., на котором, по данным властей, лишь 20 % участников высказались против режима. Однако итоги плебисцита, проведенного террористической диктатурой, мало кого убедили. Затем правительство разработало проект новой конституции Чили, вынесенный на плебисцит 11 сентября 1980 в., в седьмую годовщину переворота. Все оппозиционные силы осудили это как попытку узаконить диктатуру. Согласно объявленным властями результатам плебисцита, против конституции высказались 32,5 % голосовавших.

Конституция 1980 г. провозглашала восстановление институтов представительной демократии и гражданских свобод. Однако деятельность партий регламентировалась, запрещались партии, придерживавшиеся принципов классовой борьбы. Полномочия Национального конгресса ограничивались. Учреждалась авторитарная власть президента, избиравшегося всеобщим голосованием на 8 лет с правом повторного избрания. Президент был главой исполнительной власти, обладал важными законодательными функциями, правом издания декретов с силой законов, правом роспуска конгресса, проведения плебисцитов, введения чрезвычайного положения. Он контролировал вооруженные силы и корпус карабинеров, руководил

деятельностью созданного при нем Совета национальной безопасности, назначал четверть членов Сената.

Было объявлено о введении новой конституции с марта 1981 г. Однако осуществление ее основных статей — о выборах, о конгрессе и партиях — откладывалось на 8 лет. До тех пор полномочия конгресса исполняла хунта в составе четырех командующих родами войск и корпуса карабинеров. Пиночет без всяких выборов был объявлен ею с марта 1981 г. «конституционным» президентом на 8 лет, с правом переизбрания на последующие 8 лет.

Курс на институционализацию режима означал, что его устроители не намеревались в обозримом будущем уступать власть даже в пользу умеренной оппозиции. Это побудило ХДП усилить давление на правительство, хотя она по-прежнему отказывалась от насильственных форм борьбы. Компартия же в сентябре 1980 г. заявила о праве народа на массовое восстание против диктатуры, которую можно свергнуть только действиями снизу. Выдвижение этого лозунга осложнило ее отношения с умеренной оппозицией.

Экономический кризис начала 80-х годов обострил обстановку в стране и ускорил рост оппозиционного движения. В апреле 1983 г. Конфедерация трудящихся медной промышленности, в которой, как и в большинстве промышленных профсоюзов, преобладали левые христианские демократы, коммунисты и социалисты, обратилась с призывом к рабочим и к народу страны провести общенациональные выступления против диктатуры. При поддержке всех оппозиционных профсоюзов и партий 11 мая 1983 г. состоялся День национального протеста против диктатуры. Толпы трудящихся, безработных, жителей «поселков нищеты», студентов, представителей средних слоев населения вышли на улицы в разных районах Сантьяго и других городов. Произошли стычки демонстрантов с полицией и войсками, баррикадные бои в рабочих и университетских кварталах. Для дальнейшей руководства борьбой в июне 1983 г. был создан Национальный руководящий совет трудящихся (НРСТ), объединивший НКСТ, Конфедерацию трудящихся медной промышленности и другие профсоюзы. Дни национального протеста стали проводиться почти ежемесячно один за другим. В них участвовало каждый раз до полутора миллионов человек.

Левые силы намеревались перейти к всеобщей забастовке и народному неповиновению, вплоть до массового восстания и свержения диктатуры. Умеренные же участники движения ставили перед народными выступлениями более ограниченные задачи давления на правительство, чтобы принудить его к соглашению с оппозицией. Они надеялись добиться восстановления демократии, не прибегая к насильственным, вооруженным формам борьбы, чреватым большими жертвами и революционными эксцессами и выходом событий из-под контроля умеренно-реформистских сил. Их надежды вдохновлял

пример мирного перехода Испании в 1976—1977 г. от франкистского режима к демократии. В августе 1983 г. ХДП и другие буржуазные партии, а также ряд фракций социалистов, радикалов и некоторых других, отошедших от союза с компартией после принятия ею курса на «народное восстание (неповиновение)», создали широкий блок умеренной оппозиции — Демократический альянс. Компартия, значительная часть прежней Социалистической партии (соцпартия Клодомиро Альмейды, бывшего министром иностранных дел в правительстве Альенде) и Левое революционное движение (МИР) образовали в сентябре 1983 г. Народно-демократическое движение (НДД), отстаивавшее революционные позиции и курс на свержение диктатуры с помощью массовых действий.

Борьба с диктатурой в 1983—1986 гг. не раз приобретала острый характер. В октябре 1984 и в июле 1986 г. по призыву Национального руководящего совета трудящихся удалось организовать всеобщие забастовки против режима с участием значительных масс населения. Но дальнейшего развития движение не получило. Правительство сумело, предложив Демократическому альянсу переговоры, добиться его отхода от участия в массовых выступлениях. 4—6 сентября 1986 г. НДД своими силами организовало новую всеобщую забастовку, но она имела ограниченные масштабы. После более чем трехлетнего подъема массовых выступлений вера трудящихся в их эффективность стала иссякать, среди населения появилась усталость.

В декабре 1984 г. с участием молодых коммунистов была создана подпольная вооруженная организация «Патриотический фронт имени Мануэля Родригеса» (герой партизанской борьбы в годы войны за независимость начала XIX в.) для осуществления вооруженных акций против режима и подготовки отрядов защиты участников массовых выступлений. 7 сентября 1986 г. Фронт предпринял покушение на Пиночета, атаковав кавалькаду машин, в которой вместе с сопровождающими лицами ехал диктатор. Многие его спутники были убиты и ранены, но самому Пиночету удалось отделаться легкой царапиной. Неудачное покушение на диктатора имело негативные последствия. Режим использовал это событие для очередной волны репрессий. Умеренные и левоцентристские партии осудили покушение и вооруженные методы и отказались от дальнейших выступлений. Массовое движение против диктатуры пошло на спад.

Устоять режиму помогли и экономические успехи. После длительной полосы стагнации и спадов (1973—1983) на протяжении 5 лет (1984—1988) среднегодовые темпы роста ВВП достигли 6 %, а в 1989 г. — 8,5 %. Инфляция упала до 12,7 %. В 1988 г. Чили удалось выплатить по внешнему долгу 2 млрд. долл. и сократить его на 7 %. Несколько уменьшилась безработица, правда, вне стабильной занятости оставалось более трети населения. Стала повышаться реальная заработная плата, хотя она и оставалась заметно ниже

времен Альенде. Производство на душу населения также еще не достигло уровня начала 70-х годов. Удельный вес Чили в общей стоимости продукции обрабатывающей промышленности стран Латинской Америки уменьшился с 5,4 % в 1970 г. до 3 % в 1988 г.

Экономические успехи второй половины 80-х годов, разительно отличавшие Чили в эти годы от других стран региона, объяснялись рядом причин. Стали сказываться наконец результаты модернизации, особенно экспортных отраслей, включая начавшееся производство информативной техники. Помогла и благоприятная для Чили внешнеэкономическая конъюнктура (особенно рост цен на медь), доходы от экспорта возросли на $\frac{1}{3}$. Немаловажную роль сыграл приток иностранных капиталов (за один 1988 год — 1,9 млрд. долл.), привлеченных льготными условиями и дешевой рабочей силой. Дополнительные средства дала усилившаяся распродажа государственных компаний. Более эффективному развитию производства и некоторому ослаблению социальной напряженности способствовала продажа мелких акций компаний рабочим и служащим, охватившая 400 тыс. чел. В результате режиму удалось привлечь на свою сторону часть населения, стимулировать конформистские и реформистские настроения, хотя социальные контрасты, неустроенность, нищета и недовольство больших масс сохранялись. За чертой нищеты (по критериям ООН) в Чили в 1971 г. находилось 15—17 % чилийцев, а в конце 80-х годов — 45—48 %.

Неудача открытой конфронтации рабочего и народного движения с режимом в 1983—1986 гг. означала поражение левой, революционной альтернативы диктатуре. Но массовые выступления ослабили и расшатали режим, создав условия для реализации более умеренной, реформистской альтернативы перехода к демократии при гегемонии ХДП. Под давлением оппозиции начался процесс либерализации и эрозии режима. В марте 1987 г. была допущена легальная деятельность правых и умеренных партий. Левые партии успешно отвоевывали пространство для полулегальной деятельности. В июне 1987 г. на базе Народно-демократического движения они создали новую коалицию «Объединенные левые». Остальные партии оппозиции объединились с ХДП в группировку 16 партий, выступавшую за переход Чили к демократии путем сочетания давления с поиском соглашений с режимом, с тем чтобы избежать осложнений и больших жертв.

В августе 1988 г. явочным порядком был воссоздан Унитарный профцентр трудящихся (КУТ) Чили, объединивший профсоюзы страны, заметно поредевшие за годы диктатуры (300 тыс. чел.). Теперь в нем стали преобладать христианско-демократическое и социал-демократическое течения, потеснившие коммунистов. Председателем КУТ стал видный деятель профсоюзного движения конца 70—80-х годов левый христианский демократ Мануэль Бустос.

На 5 октября 1988 г. хунта назначила плебисцит, который должен был предоставить 73-летнему Пиночету президентские полномочия еще на 8 лет. В случае отрицательного исхода плебисцита в конце 1989 г. должны были наконец состояться президентские выборы. Но и тогда Пиночет оставался у власти более года и мог претендовать на выдвижение на этих выборах своей кандидатуры. «Нет» Пиночету высказали около 55 % участников плебисцита. Более 43 % поддержали диктатора.

После плебисцита оппозиционные силы неуклонно наращивали давление на диктатуру, ускоряя процесс ее демонтажа. На 14 декабря 1989 г. были назначены президентские выборы. Пиночет не стал выдвигать свою кандидатуру, но сохранил за собой право остаться командующим сухопутными силами еще на 8 лет (и соответственно сохранять контроль над армией). Оппозиция добилась в 1989 г. внесения в конституцию 1980 г. существенных поправок. Отменялся запрет партий по идеологическим мотивам, что открывало путь к легализации компартии. Срок полномочий президента сокращался с 8 до 4 лет, отменялся ряд его чрезвычайных полномочий, в частности право роспуска конгресса.

Ведущая партия оппозиции — ХДП выдвинула кандидатом в президенты своего лидера Патрисио Эйльвина (р. 1918 г.), давнего влиятельного деятеля партии, близкого соратника основателя и многолетнего руководителя ХДП Э. Фрея, умершего в 1982 г. Принадлежа к умеренному крылу христианских демократов, Эйльвин, как Фрей, в 1973 г. был противником правительства Альенде, но затем постоянно выступал с критикой диктатуры Пиночета, против репрессий, в защиту прав человека и за восстановление демократии. Он отстаивал ненасильственные методы борьбы, отвергая насилие справа и слева. Вокруг его кандидатуры в коалицию партий объединились все силы демократической оппозиции, кроме коммунистов.

В мае 1989 г. после 20-летнего перерыва компартия Чили провела свой XV съезд, обновивший ее руководство. Более 30 лет возглавлявший партию Луис Корвалан, которому был уже 73-й год, ушел с поста генерального секретаря. Съезд подтвердил приверженность партии курсу на использование всех форм борьбы за демократические преобразования, включая народное восстание, хотя лозунг «народного восстания» явно не отвечал новой обстановке, настроениям масс и изолировал коммунистов от других партий. Блок «Единых левых» развалился, социалисты — фракция К. Альмейды — покинули коммунистов и вошли в коалицию 17 партий. Вместе с тем XV съезд компартии решил поддержать кандидатуру П. Эйльвина, чтобы не раскалывать ряды противников диктатуры и не оказаться в полной изоляции.

От правых на пост президента претендовали два кандидата. Это облегчало задачу П. Эйльвина, успешно, с подъемом проведшего избирательную кампанию. На выборах 14 декабря 1989 г. Патрисио Эйльвин получил более 53 % голосов и был избран президентом Чили. Правда, объединенных усилий всех оппозиционных диктатуре партий едва хватило, чтобы получить немногим больше половины голосов избирателей, что свидетельствовало о сохранении значительных позиций у сторонников правых сил. И все же это была победа демократических сил. В палате депутатов оппозиция завоевала 72 места из 120. 11 марта 1990 г. военная хунта во главе с Пиночетом после 16 с половиной лет правления передала власть избранному президенту П. Эйльвину и возглавляемому им гражданскому правительству. В этот день с политической карты Южной Америки исчезла последняя диктатура.

* * *

Новыми успехами ознаменовался в конце 70-х — первой половине 80-х годов процесс деколонизации в Карибском бассейне. Независимость получили шесть бывших владений Великобритании: Доминика (1978), Сент-Люсия (1979), Сент-Винсент и Гренадины (1979), Белиз (1981), Антигуа и Барбуда (1981), Сент-Кристофер и Невис (1983). Общая площадь новых государств составила более 25 тыс. км² (из них Белиз 23 тыс. км²), а население — около 650 тыс. человек. В итоге количество независимых государств Латинской Америки и Карибского бассейна достигло 33 и осталось на этом уровне вплоть до 90-х годов. Всего теперь молодых суверенных государств Карибского субрегиона, получивших независимость в 1962—1983 гг., стало 13 (12 англоязычных, бывших британских владений, и одно — Суринам — бывшая нидерландская колония). Суммарная их территория достигла 435 тыс. км² (свыше 2 % площади Латинской Америки), а население (на 1986 г.) — около 6,2 млн. человек (1,5 % от населения региона). Под властью Великобритании в Карибском бассейне осталось лишь несколько мелких островных территорий и Фолклендские (Мальвинские) острова в Южной Атлантике. В целом сохранившиеся владения США («Свободно присоединившееся государство» Пуэрто-Рико и часть Виргинских островов), Франции («Заморские департаменты» Гваделупа, Мартиника и Французская Гвиана), Великобритании и Нидерландов занимали теперь 115 тыс. км² (из них 90 тыс. км² — Французская Гвиана), т.е. 0,5 % территории Латинской Америки. В них проживало 4,6 млн. человек (в том числе 3,4 млн. в Пуэрто-Рико) — немногим более 1 % населения региона, а без Пуэрто-Рико — менее 0,3 %.

НИКАРАГУАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ЦЕНТРАЛЬНОАМЕРИКАНСКИЙ КОНФЛИКТ

В конце 70-х — начале 80-х годов, когда в Южной Америке обозначился кризис военных диктатур и активизировалась борьба за демократию, в Центральной Америке также развернулось движение против консервативных диктаторских режимов. Но здесь оно приобрело характер нового революционного подъема, который привел к победе Никарагуанской революции и развитию повстанческих вооруженных действий революционных сил в других странах (Сальвадор, Гватемала). В Центральной Америке в предшествовавшие десятилетия традиционные устои общества претерпели меньше изменений, чем в ведущей группе латиноамериканских государств. Менее зрелой была здесь социальная и политическая структура общества, сильнее укоренились авторитарные формы власти (за исключением Коста-Рики). Местные диктатуры имели больше традиционных черт. Небольшие, слабые государства Центральной Америки рано стали объектом экспансии США и находились в сильной зависимости от связей с североамериканской державой. Вашингтон придавал особое значение защите своих стратегических интересов в субрегионе. Неудивительно, что борьба в Центральной Америке приняла особенно ожесточенный и упорный, революционный характер.

В событиях конца 70 — 80-х годов в Центральной Америке совпали, как бы наложились один на другой два этапа борьбы за преобразования. Первый из них — этап борьбы за преобразование традиционных устоев общества, который к середине 70-х годов в остальной Латинской Америке в основном остался позади, но здесь только теперь, с запозданием, достиг высшей точки. Второй — этап борьбы за демократизацию общества, охвативший Латинскую Америку в конце 70-х — 80-е годы. Совмещение обоих этапов привело к сочетанию противоборства сил революции и контрреволюции и одновременно сторонников демократии и авторитаризма, к противоречивому взаимодействию собственно революционных процессов с общедемократическими. Путь к общедемократическим переменам здесь проложил революционный подъем.

Сандинистская революция в Никарагуа. Главным событием революционного подъема в Центральной Америке стала победа революции в Никарагуа¹. Она явилась результатом обострения противоречий зависимого капиталистического развития, усугубленных существованием многолетней диктатуры семейства Сомосы (1936—1979).

¹ Площадь 130 тыс. км², население 3,9 млн. человек (1992).

В 60-е — первой половине 70-х годов Никарагуа отличалась высокими темпами развития экономики. ВВП в 60-е годы ежегодно рос в среднем на 7 %, а промышленность — более чем на 10 %. Городское население за 1960—1979 гг. увеличилось с 38,4 до 56,6 %. Но это развитие привело к углублению экономических диспропорций. Внешний долг Никарагуа увеличился с 41 млн. долл. (1960) до 1,2 млрд. (1979). Рост производства происходил в основном на базе экспортных отраслей и транснационального капитала. Сформировалась и укрепилась монополистическая группировка в лице клана Сомосы, связанная с ТНК и контролировавшая до $\frac{1}{3}$ национального достояния. Клан Сомосы занимал по сути монопольные позиции в экономике и в политической жизни страны. Мелкий и средний капитал (крупный местный капитал за пределами клана Сомосы практически отсутствовал) оказался в ущербном положении. Сохранялся высокий удельный вес кустарного производства. В сельском хозяйстве преобладал агроэкспортный латифундизм с докапиталистическими пережитками и наличием больших масс безземельного и малоземельного населения. Многие никарагуанцы жили в нищете и несправедливости. Велика была неграмотность (42,5 % в 1971 г.). Во второй половине 70-х годов темпы экономического роста застопорились, обозначились кризисные симптомы. В 1978—1979 гг. безработица достигла 40 % ЭАН.

В Никарагуа царил диктаторский режим, опиравшийся на Национальную гвардию (вооруженные силы), репрессивный полицейский аппарат, военную помощь США. С 1967 г. страной правил Анастасио Сомоса — второй сын убитого в 1956 г. основателя династии диктаторов Анастасио Сомосы-отца. Жестоко пресекались проявления оппозиции. Правительство Никарагуа активно поддерживало интервенционистские акции США в регионе (в Гватемале в 1954 г., на Кубе в 1961 г., в Доминиканской Республике в 1965 г.).

Диктатура ущемляла интересы и права подавляющего большинства населения, включая основную часть предпринимателей. Это усиливало изоляцию режима. Но национальная буржуазия ввиду ее слабых экономических и социально-политических позиций не была способна на успешную самостоятельную борьбу с диктатурой. Основной силой антидиктаторской борьбы стали наёмные трудящиеся города и деревни, составлявшие $\frac{3}{5}$ экономически активного населения, радикально настроенная молодежь¹. Правда, низкий уровень политического сознания, забитость, неграмотность или малограмотность большей части населения, узость интеллигентской прослойки, суровые репрессии затрудняли формирование массовой революционной организации.

¹ В 1980 г. в Никарагуа молодежь от 15 до 25 лет составляла 40 % взрослого населения.

Создать такую организацию и осуществить революцию поставила своей целью группа молодежи во главе с Карлосом Фонсекой (1936—1976), находившаяся под влиянием марксизма. В 1961 г. эта группа основала Сандинистский фронт национального освобождения (СФНО), названный так в честь А. Сандино, руководителя партизанской войны против американской интервенции в 1927—1933 гг. Поначалу это была узкая законспирированная организация. Сандинисты намеревались создать партизанские очаги и своими вооруженными акциями вместе с пропагандистско-организационной работой среди населения добиться вовлечения трудящихся города и деревни в борьбу с диктатурой. Программа СФНО, разработанная в 1969 г., предполагала свержение диктатуры, установление власти народа, ликвидацию эксплуатации и нищеты.

СФНО пришлось пройти долгий путь борьбы и лишений, испытать поражения и потери. В ноябре 1976 г. в бою погиб руководитель фронта Карлос Фонсека¹. Но в конце концов сандинистам удалось развернуть партизанское движение, укрепить связи с населением и превратиться в реальную силу.

В январе 1978 г. убийство правительственными агентами лидера либеральной оппозиции, редактора газеты «Ла Пренса» Педро Хоакина Чаморро послужило поводом для взрыва всеобщего недовольства диктатурой, положившего начало революции. Массовые протесты переросли 23 января во всеобщую политическую забастовку, длившуюся до 7 февраля. Забастовка охватила всю страну и в некоторых местах переросла в баррикадные бои с участием сандинистов. Правительство подавило забастовку, но вооруженная борьба сандинистов и народные выступления продолжались. В апреле 1978 г. был создан Широкий оппозиционный фронт (ШОФ), объединивший разные политические партии оппозиции, профсоюзы, предпринимательские организации. Он объявил своей целью свержение диктатуры и создание демократического правительства².

22 августа 1978 г. отряд сандинистов захватил Национальный дворец в Манагуа и добился от властей оглашения программы СФНО

¹ Из основателей СФНО дожил до победы только Томас Борхе, ставший министром внутренних дел революционного правительства Никарагуа.

² В ШОФ вступила и партия коммунистов — Никарагуанская социалистическая партия (НСП). Руководство НСП ориентировалось на союз с умеренной оппозицией диктатуре и долгое время относилось с предубеждением к сандинистам как к левым экстремистам. В дальнейшем НСП поддержала революцию, но в середине 80-х годов перешла в оппозицию к сандинистскому правительству, обвинив СФНО в монополизации власти и свертывании демократии. Другая фракция коммунистов — «Коммунистическая партия» (КП) занимала левачьи позиции и также оказалась в 80-е годы в оппозиции сандинистам. Обе эти партии были маловлиятельными, но имели под своим контролем некоторые профсоюзы. Многие участники НСП и ее сторонники еще до революции перешли в ряды СФНО.

и освобождения большой группы руководителей и активистов фронта. Эта дерзкая акция стала сигналом к новой всеобщей политической забастовке, которая началась 25 августа и к 9 сентября переросла в народное восстание, поддержанное отрядами сандинистов. Восставшие овладели городами Леон, Эстели, Чинандега и др. Лишь после упорных боев Национальная гвардия, используя свое военное превосходство, к 21 сентября сломала сопротивление восставших. Сандинисты отступили в горы и леса, вновь перейдя к партизанским действиям. Но режим Сомосы уже был в явной изоляции. В последующие месяцы вокруг СФНО, завоевавшего общее признание главной антидиктаторской силы, объединилась вся оппозиция, включая и либеральное крыло. СФНО получил поддержку Широкого оппозиционного фронта и растущую солидарную помощь демократических сил и некоторых правительств латиноамериканских республик (Мексика, Коста-Рика, Панама, Венесуэла).

4 июня 1979 г. отряды сандинистов предприняли генеральное наступление, слившееся с одновременной всеобщей политической стачкой и восстанием городского населения. 16 июня на территории соседней Коста-Рики в городе Сан-Хосе сандинисты совместно с другими оппозиционными силами создали **Руководящий совет Правительства национального возрождения**. США попытались организовать вмешательство в события в Никарагуа от имени ОАГ, чтобы предупредить приход к власти сандинистов. Но подавляющее большинство членов ОАГ воспротивились этому. В ходе 45-дневных боев Национальная гвардия Сомосы была разгромлена. Сам диктатор бежал в Парагвай, где в 1980 г. был убит агентами никарагуанских революционеров. 19 июля 1979 г. сандинисты заняли Манагуа. Революция победила. Власть перешла к Правительству национального возрождения.

Руководящей силой победившей революции стал Сандинистский фронт национального освобождения (СФНО), превратившийся в массовую политическую организацию и вдохновлявшийся революционно-демократическими и социалистическими идеалами. Руководство СФНО было коллегиальным. Оно состояло из 9 лиц. Военный разгром диктатуры открыл путь для быстрого формирования новой, революционной власти. Высшими ее органами стали Правительство национального возрождения и созданный в мае 1980 г. **Государственный совет** — консультативно-законодательный орган в составе представителей от разных партий, профсоюзов, массовых организаций, церкви. Во главе правительства стоял коллегиальный **Руководящий совет** из 5 человек. Кроме сандинистов, в правительство и Государственный совет первоначально вошли и другие участники антидиктаторской борьбы, в том числе от умеренной, либеральной оппозиции. Органами местной власти стали подчиненные правитель-

ству муниципальные советы (хунты). Новые власти объявили о намерении построить в Никарагуа демократическое плюралистическое общество.

На основе боевых отрядов сандинистов была создана Сандинистская народная армия. Возникла народная милиция. Опорой СФНО в массах стали Сандинистский профцентр трудящихся (более 100 тыс. человек), Ассоциация сельских трудящихся (свыше 40 тыс.), женские и молодежные организации. Большую роль приобрели Комитеты сандинистской защиты, мобилизовавшие население на поддержание порядка и защиту революции.

Революционное правительство провозгласило курс на создание смешанной экономики — с сосуществованием государственного, кооперативного, частного секторов и смешанных форм собственности. Сразу же после победы революции декретом от 20 июля 1979 г. была экспроприрована собственность клана Сомосы и на этой основе создан государственный сектор. Были национализированы банковская система, транспорт, энергетика, внешняя торговля. В руках государства сосредоточилось 35—40 % ВВП, 40 % сферы торговли и услуг. Государственные предприятия выпускали более $\frac{2}{3}$ продукции обрабатывающей промышленности. Экспроприация земельных владений клана Сомосы, а затем и земель других латифундистов привела к сокращению площади крупных частных землевладений (свыше 350 га) с 41,3 % угодий до 12 % в 1983 г. Земля передавалась государственным, кооперативным и индивидуальным хозяйствам. В 1983 г. 23 % угодий принадлежало государственному сектору, 7 % — производственным кооперативам. В последующие годы аграрные преобразования продолжались. Всего за 1979—1988 гг. было распределено в коллективное или индивидуальное владение 112 тыс. крестьянских семей 868 тыс. га.

Многое было сделано для развития социального законодательства, улучшения условий и оплаты труда, жилищного строительства, ликвидации неграмотности, которая уменьшилась с более чем 40 % до 13 %, сокращения безработицы (с 40 до 18 % в 1983 г.).

В первые годы удалось добиться успехов в восстановлении и развитии хозяйства. После спада 1978—1979 гг. ВВП в 1980 г. увеличился на 10,7 %, в 1981 г. — еще на 7,1 %. Затем рост производства застопорился под влиянием мирового экономического кризиса начала 80-х годов, но в 1983 г. ВВП увеличился на 5,3 %. Инфляция уменьшилась с 80 % в 1979 г. до 24 % в 1981 г.

В первые годы после свержения диктатуры расширилось сотрудничество Никарагуа со странами Западной Европы и Латинской Америки, которые предоставили республике значительную экономическую помощь. В сентябре 1979 г. Никарагуа вступила в Движение неприсоединения. Принцип неприсоединения был объявлен

основополагающим принципом внешней политики республики. С 1979 г. были установлены отношения с СССР, Кубой и другими социалистическими государствами, которые также оказывали растущую экономическую помощь.

Однако преобразования осуществлялись противоречиво. Не было найдено эффективных форм сотрудничества с частными предпринимателями. Чрезмерно разросся государственный сектор. Негативно сказались излишняя централизация управления, разбухание административного аппарата, слабая дисциплина на государственных предприятиях и их низкая рентабельность. Неоправданные по масштабам расходы на социальные мероприятия, акцент на перераспределительную политику привели к быстрому росту бюджетного дефицита и внешней задолженности. Недовольство крестьянства вызывало то, что в индивидуальное владение передавалась ничтожная доля экспроприированных земель, форсировалось создание гигантских агрокомплексов, производственных кооперативов. Экспроприации и обобществления задела часть крестьянских хозяйств. Непродуманное принудительное переселение в новые поселки индейцев¹, занимавших обширные малонаселенные и слабо освоенные восточные и северные территории республики, оттолкнуло их от революции. Все это осложнило последующее развитие Никарагуанской революции.

Необъявленная война против Никарагуа и обострение обстановки в республике. Уже с 1980 г. в оппозицию сандинистам начинают переходить предпринимательские организации и умеренные партии, представители которых в 1980—1981 гг. вышли из правительства и Государственного совета, где остались практически одни сандинисты. В 1981 г. руководителем («координатором») правительства стал член Национального руководства СФНО Даниэль Ортега (р. 1945 г.). Его брат Умберто Ортега, также член руководства СФНО, был назначен министром обороны и командующим Сандинистской армией.

Бывшие гвардейцы Сомосы и другие противники революции, получившие прозвище «контрас» (от слова «контрреволюционеры»), бежали из страны и стали сосредотачиваться в специальных лагерях в приграничных районах соседнего Гондураса и частично Коста-Рики. Правительство США, обеспокоенное, как и правительства других центральноамериканских стран, развитием событий в Никарагуа, предоставило отрядам контрас вооружение и материальную помощь, чтобы использовать их против сандинистского режима. Вашингтон начал оказывать экономическое давление на революционную республику. С 1981 г. контрас стали вторгаться на никарагуанскую территорию, устраивать диверсии, террористические акты, разрушая хозяйственные и стратегические объекты, вступать в бои с подраз-

¹ Всего индейские племена в Никарагуа насчитывали более 100 тыс. человек.

делениями народной милиции и сандинистской армии. Они привлекли на свою сторону индейцев и часть крестьян и создали опорные базы внутри страны. Эти вторжения превратились в необъявленную войну против революционной Никарагуа. В 1983—1986 гг. военные действия приняли особенно широкие масштабы. В 1982 г. произошло 78 вооруженных столкновений, в 1983 г.— 600, а в 1985 г.— уже более 1600. Численность контрас достигла 15—20 тыс. человек. Война сопровождалась ростом человеческих жертв и нанесла большой экономический и материальный ущерб стране.

Усиливалось вмешательство США в конфликт. Вашингтон официально ассигновал на военно-материальную помощь контрас ежегодно до 100 млн. долл. Кроме того, США оказывали дополнительно поддержку контрас по неофициальным каналам. В 1986—1987 гг. в связи с нашумевшим разоблачением нелегальной продажи Вашингтонским оружием Ирану, находившемуся в состоянии войны с Ираком, выяснилось, что на вырученные деньги была предоставлена тайная помощь оружием никарагуанским контрас на 30 млн. долл. С 1984 г. США стали минировать территориальные воды Никарагуа, чтобы преградить доступ в порты революционной республики судам других стран. В мае 1985 г. Вашингтон ввел эмбарго на все торгово-экономические связи США с Никарагуа. Возникла угроза прямой интервенции вооруженных сил США и соседних государств в Никарагуа.

Правительство Никарагуа резко увеличило расходы на оборону. Страна была переведена на военное положение, введена всеобщая воинская повинность. Численность регулярной Сандинистской армии увеличилась почти до 100 тыс. человек. До 40 % мужского населения было вооружено и в той или иной форме мобилизовано на вооруженную защиту революционной власти. Военную помощь республике предоставили СССР и Куба.

Чтобы сохранить поддержку сельского населения, сандинисты с 1984 г. расширили передачу земли в частное владение крестьянам. Прекратилось насильственное переселение индейцев. В 1987 г. им была предоставлена автономия. Правда, эти меры запоздали и имели лишь частичный эффект.

Чтобы отвести обвинения в диктатуре, сандинистское руководство осуществило переход к конституционно оформленным органам власти. 4 ноября 1984 г. в Никарагуа состоялись всеобщие выборы. Несмотря на призыв контрреволюционных сил бойкотировать их, партии умеренной оппозиции приняли в них участие. Всего проголосовало $\frac{2}{3}$ зарегистрированных избирателей, из которых 67,9 % поддержали сандинистов¹. Президентом республики был избран глава санди-

¹ Партии левой оппозиции сандинистам — НСП и КП в сумме получили 2,6 % голосов.

нистского правительства Даниэль Ортега, приступивший к новым обязанностям 10 января 1985 г. СФНО получил 61 место из 96 в открывшейся Национальной ассамблее (парламенте). Результаты выборов подтвердили преобладающие позиции СФНО. Но в то же время почти половина зарегистрированных избирателей либо не участвовала в выборах, либо проголосовала за оппозиционные партии. Национальная ассамблея приняла новую конституцию, вступившую в силу 9 января 1987 г. и закрепившую результаты революции. Главой государства и исполнительной власти по конституции являлся президент республики, избираемый всеобщим голосованием на 6 лет. Высшим законодательным органом стала Национальная ассамблея. Конституция подтверждала принципы смешанной экономики и политического плюрализма, предполагавшего свободу деятельности оппозиционных партий (за исключением сил вооруженной оппозиции).

Однако военное положение способствовало дальнейшему усилению централизации управления, огосударствлению экономики, ее истощению, свертыванию демократических свобод и деятельности оппозиции, хотя умеренные оппозиционные партии были представлены в парламенте. Обострились отношения правительства с церковью и предпринимателями. Чрезвычайно разрослась государственная администрация с присущей ей бюрократизацией управления, растущими привилегиями, с проникновением в ее ряды коррупции. Командно-бюрократические методы управления распространялись и на массовые организации, контролировавшиеся СФНО и превращенные в его опору.

Правительства США и большинства государств Латинской Америки и Западной Европы обвиняли руководство Никарагуа в нарушении демократических свобод и прав человека, в милитаризации власти. Даже Социнтерн и входившие в него партии, ранее солидаризовавшиеся с Никарагуанской революцией, стали критиковать сандинистский режим, хотя осуждали интервенционистскую политику США и необъявленную войну против Никарагуа. Вслед за США многие западноевропейские и латиноамериканские страны сократили связи с Никарагуа. Основная роль в помощи Никарагуа перешла к СССР, Кубе и другим социалистическим странам, приславшим специалистов и поставлявшим на льготных условиях в кредит, а частично и безвозмездно оружие, сырьевые товары, машины, оборудование.

Положение в Никарагуа быстро ухудшалось. В военных действиях за 1981—1988 гг. погибло более 50 тыс. человек, общий ущерб до 1990 г. достиг 17 млрд. долл. Внешний долг увеличился с 1,2 млрд. долл. в 1979 г. до 11 млрд. в 1990 г., многократно превысив ВВП республики. Доходы от экспорта покрывали лишь треть расходов на импорт. Национальное производство с 1984 г. неуклонно падало,

снизившись к 1989 г. на $\frac{1}{3}$ по сравнению с дореволюционным уровнем. Инфляция превратилась в гиперинфляцию: с 32 % в 1984 г. она выросла до 1161 % в 1987 г. и 34000 % в 1988 г., что свидетельствовало о полном расстройстве экономики. Сильно сократилась покупательная способность населения, заработная плата перестала быть основным источником жизнеобеспечения. Упали дисциплина и производительность труда. Уменьшилась занятость. Безработица охватила более половины населения. Разрослись черный рынок и «теневая» экономика.

В 1988—1989 гг. правительство приняло ряд чрезвычайных мер по стабилизации экономики и финансов, сокращению администрации и государственных расходов. Благодаря этому в 1989 г. удалось в 20 раз уменьшить инфляцию — до 1500 %, в 8 раз — дефицит бюджета, вдвое — государственные расходы. Замедлилось падение производства, наметился рост сельскохозяйственной продукции (на 4 %) и экспорта. Но ситуация оставалась крайне тяжелой. Тем не менее республика устояла и сумела нанести тяжелое поражение контраст, активность которых после 1986 г. быстро пошла на спад.

Революционная война в Сальвадоре и разрастание конфликтной ситуации в Центральной Америке. Победа Никарагуанской революции в 1979 г. стимулировала революционное движение в Сальвадоре, где в 60—70-е годы господствовал правоавторитарный, военный по сути, режим, прикрытый конституционными атрибутами и олицетворявший власть блока военной верхушки с промышленно-финансовой и землевладельческой олигархией. При очень большой плотности населения (свыше 200 человек на 1 км²) в этой самой малой по площади (21,4 тыс. км²), но второй по населению (4,4 млн. человек в 1986 г.) республике Центральноамериканского перешейка также остро стоял аграрный вопрос. В сельском хозяйстве была занята почти половина экономически активного населения. Одной тысяче помещиков (0,5 % хозяйств) принадлежало более трети земель, а половине хозяйств — всего 4 % земель. С 1960 по 1975 г. количество безземельных семей в деревне увеличилось с 30 тыс. до 167 тыс. При узком внутреннем рынке производство на экспорт росло.

Обстановка в стране вызывала недовольство разных слоев общества. С 1971 г. в Сальвадоре существовал Национальный союз оппозиции (НСО) с участием умеренно-реформистских сил, ведущей из которых была влиятельная Христианско-демократическая партия (ХДП), возглавлявшаяся Наполеоном Дуарте, а также левых, включая Коммунистическую партию Сальвадора. Объединенная левоцентристская оппозиция надеялась добиться успеха участием в выборах и мирными массовыми действиями. В 1972 г. на президентских выборах кандидат НСО Н. Дуарте опередил официального претендента. В 1977 г. НСО вновь вышел на первое место. Но оба

раза власти фальсифицировали итоги выборов и ответили репрессиями на протесты оппозиции.

Часть левых, в том числе коммунисты, вышедшие из компартии из-за несогласия с ее линией, предпочла уже с 1970 г. перейти к вооруженной партизанской борьбе, разуверившись в легальных способах. Возникло несколько партизанских военно-политических организаций. Самой первой по времени создания и крупнейшей из них была Народные силы освобождения имени Фарабундо Марти, названная так в честь основателя Компартии Сальвадора и соратника Сандино, погибшего в 1932 г.

В 1977—1979 гг. компартия тоже перешла на позиции признания необходимости вооруженной борьбы в сочетании с другими формами легальной и нелегальной работы в массах. Сплочение революционных левых сил Сальвадора на этой основе было ускорено победой сандинистов в Никарагуа. Оживились и силы реформистской оппозиции, более влиятельные и организованные в Сальвадоре, чем в Никарагуа.

15 октября 1979 г. группа молодых офицеров во главе с полковником А. Махано свергла реакционное правительство генерала Ромеро (1977—1979). Пришедшая к власти военная хунта объявила о намерении осуществить реформы и демократизацию страны. Среди участников переворота оказались как действительные сторонники серьезных перемен, так и умеренные и даже правые силы, надеявшиеся превентивным переворотом и обещаниями реформ изолировать левых и предупредить никарагуанский вариант. Левые партии и организации не сумели выработать единого определенного подхода к новому правительству, объединить усилия с его левоцентристским крылом. Благоприятный для этого шанс был упущен. Тем временем правые постепенно добились вытеснения из правительства левых и левоцентристов. А. Махано и его сторонники были удалены с постов в армии и в правительстве. В 1980 г. у власти оказался правоцентристский блок военных и ХДП. Главой правительства стал лидер ХДП Наполеон Дуарте.

Правительство Н. Дуарте намеревалось провести аграрную реформу и другие социальные мероприятия, установить демократический режим, с тем чтобы обеспечить прогресс страны и в то же время ослабить социальную базу революционной оппозиции. Эти планы были поддержаны Вашингтоном. Был установлен контроль государства над банками, национализированы и переданы крестьянским кооперативам 200 латифундий площадью 224 тыс. га, издан декрет о передаче арендаторам в собственность обрабатываемых ими участков. Однако развитие реформ застопорилось из-за ожесточенного сопротивления консервативных сил и противодействия военных. В обстановке глубокой классово-политической поляризации общества правительство все более попадало в зависимость от правых сил и

армии. Тайные военизированные ультраправые террористические группировки, «эскадроны смерти», расправлялись с левыми руководителями и активистами. В марте 1980 г. был убит архиепископ столицы Сан-Сальвадор Оскар Арнульфо Ромеро, выступавший против роста насилия в стране, против эксплуатации и угнетения народа власть имущими, за умиротворение и демократизацию Сальвадора и решение острых социальных проблем.

Наступление правых ускорило ответную консолидацию левых сил. В апреле 1980 г. был создан Революционно-демократический фронт (РДФ) — объединение политических, общественных, профсоюзных, крестьянских и студенческих организаций левого направления, включая и левые течения социал-демократической и христианско-демократической ориентации. Параллельно с РДФ в октябре 1980 г. оформился Фронт национального освобождения имени Фарабундо Марти (ФНОФМ) — военно-политическая организация, объединившая компартию, народные силы освобождения имени Ф. Марти и другие вооруженные революционные группировки. Между РДФ и ФНОФМ установилось сотрудничество. ФНОФМ ставил главной задачей развертывание революционной вооруженной борьбы. Программа фронта предусматривала революционное преобразование власти, глубокую аграрную реформу, ограничение иностранного капитала, национализацию собственности имущей верхушки, социальные мероприятия в пользу трудящихся.

10 января 1981 г. вооруженные отряды ФНОФМ предприняли общее наступление против правительственных войск в ряде районов страны. После упорных боев наступление было отбито, но оно положило начало затяжной и ожесточенной гражданской войне, в ходе которой силы ФНОФМ крепились, росла их численность, расширялись контролируемые ими зоны, влияние среди населения. Повстанцы сочетали действия регулярных частей, подвижных партизанских соединений и групп, а также отрядов народной милиции из гражданского населения. Военные действия дополнялись работой активистов фронта в массовых народных организациях.

В отличие от Никарагуа конца 70-х годов сальвадорским революционерам не удалось изолировать правые силы. Здесь активнее проявили себя на политической арене реформистские круги. Они, правда, не смогли обеспечить успех реформистского проекта и предотвратить раскол общества и гражданскую войну. Но их действия способствовали тому, что революционерам противостоял блок правых и умеренно-реформистских сил, привлечший на свою сторону часть колеблющихся, промежуточных слоев населения. Это предопределило глубокий раскол общества и затяжной и ожесточенный характер гражданской войны. Кроме того, начало войны в Сальвадоре совпало с приходом к власти в Вашингтоне правительства Рейгана, предоставившего широкую военную и экономическую помощь сальвадорско-

му правительству, что особенно осложнило борьбу сальвадорских революционеров. В 1980 г. помощь США сальвадорскому правительству составляла 65 млн. долл., в 1981 г. — 140 млн., в 1986 г. — более полумиллиарда, всего же за 1981—1988 гг. — 3,5 млрд. долл. В Сальвадор были направлены американские военные советники и инструкторы, поступило большое количество современного вооружения. Численность сальвадорской армии увеличилась с 15 тыс. человек в 1981 г. до 56 тыс. в 1985 г. Этим силам противостояли 7 тыс. бойцов регулярных соединений ФНОФМ. Кроме того, в подпольных и партизанских группах и организациях ФНОФМ среди гражданского населения насчитывалось до 40 тыс. человек. Помощь США позволила сальвадорскому режиму выстоять, но обе стороны оказались не в состоянии одержать военную победу друг над другом.

Были предприняты попытки укрепить престиж сальвадорского режима приданием ему облика представительной демократии. В марте 1982 г. состоялись всеобщие выборы, после которых военно-гражданская хунта была заменена конституционным коалиционным правительством, в котором преобладание получили правые партии. После выборов 1984 г. к власти уже в качестве избранного президента вернулся лидер центристской ХДП Н. Дуарте (1984—1989), получивший в первом туре более 43 % голосов, а во втором туре — 54 %. Н. Дуарте вновь попытался продолжить реформы. Но в условиях гражданской войны эти попытки не очень удавались, армия сохраняла роль решающего фактора власти, продолжался террор «эскадронов смерти», усилились правонационалистические партии. Гражданская война в Сальвадоре затянулась на долгие годы, принесла большие беды и лишения стране и населению. 75 тыс. человек погибли, около миллиона эмигрировали, сотни тысяч бежали из зон боевых действий.

С конца 70-х годов активизировалось партизанское движение против реакционного военно-авторитарного режима в Гватемале. В первой половине 80-х годов оно приняло значительные размеры. В вооруженной борьбе участвовали леворадикальные революционные организации и Гватемальская партия труда (ГПТ) — коммунисты. В 1981 г. было создано Национальное революционное единство Гватемалы (НРЕГ), в рамках которого установилось сотрудничество всех вооруженных революционных организаций. В боевых действиях участвовали крестьяне-индейцы, студенты, рабочие. Численность повстанческих отрядов достигла 3,5 тыс. человек (при наличии в стране почти 50-тысячной армии). Предпринимались попытки партизанских акций и в Гондурасе, но здесь они не получили заметного распространения.

Революционные события перекинулись и в зону Карибского бассейна, где 13 марта 1979 г. победила революция в маленькой островной стране Гренаде (площадь 344 км², население 110 тыс.

человек). Властью овладела группа революционеров во главе с Морисом Бишопом, поддержанная населением. На острове начались преобразования. Ведущие позиции в экономике занял государственный сектор, получила развитие производственная кооперация в сельском хозяйстве. Началось осуществление планов экономического развития, строился современный аэропорт, что должно было стимулировать и приток иностранных туристов. Прирост ВВП увеличился с 2,1 % в 1979 г. до 5,5 % в 1982 г. Безработица сократилась за те же годы с 49 % ЭАН до 14 %. Проводились широкие социальные мероприятия, ликвидировалась неграмотность.

Гренада вступила в Движение неприсоединения, развивала отношения с западноевропейскими странами, установила тесное сотрудничество с Кубой и Советским Союзом. Правящая партия Гренады («Новое движение ДЖУЭЛ») примкнула к Социнтерну. Революционные преобразования на Гренаде, вместе с событиями в Центральной Америке, курс Гренады на сближение с Кубой и СССР обеспокоили правительства соседних островных карибских государств и Вашингтон, отношения которых с Гренадой осложнились.

США расширили военную помощь не только противникам никарагуанской революции и сальвадорскому режиму, но и другим центральноамериканским правительствам, стремясь укрепить их и совместно с ними противостоять революционным силам на перешейке. Общая военно-экономическая помощь США правительствам Сальвадора, Гватемалы и Гондураса за 1981—1986 гг. составила 4,5 млрд. долл. Численность вооруженных сил этих трех стран увеличилась с 43,5 тыс. человек в 1981 г. до 149 тыс. в 1985 г.

Правительство президента Рональда Рейгана в США (1981—1989) усматривало в событиях в Центральной Америке и на Гренаде проявление глобального противоборства западного «свободного мира», возглавляемого США, с экспансией международного коммунизма в лице СССР и Кубы, к которым примкнули сандинистская Никарагуа и Гренада. Советский Союз и Куба, со своей стороны, видели в центральноамериканских событиях развитие одного из очагов противоборства мировых революционных сил с силами реакции и империализма. Это вело к опасной эскалации регионального конфликта.

Первое время правительство Рейгана делало ставку преимущественно на силовые методы ликвидации возникших революционных очагов. Проще оказалось разделаться с крошечной Гренадой, против которой США подготовили прямую военную интервенцию. Чтобы придать ей видимость коллективной акции, Вашингтон заручился поддержкой и символическим участием в интервенции правительств нескольких соседних карибских стран от имени Организации восточнокарибских государств. В качестве предлога для вмешательства США использовали возникший в октябре 1983 г. раскол в

революционном руководстве Гренады, отстранение его экстремистским крылом от власти, а затем и убийство лидера Гренадской революции Мориса Бишопа. 25 октября 1983 г. при поддержке морских и военно-воздушных сил США на острове высадились 1900 американских морских пехотинцев и 300 солдат, посланных правительствами Ямайки, Барбадоса и некоторых других карибских стран. Гренадские революционеры и работавшие на острове кубинские строители оказали сопротивление, но долго продержаться не смогли. В начале ноября оккупационные войска на Гренаде достигли 6 тыс. человек. В условиях оккупации у власти было поставлено угодное США правительство, революционные преобразования отменены. В дальнейшем на острове был восстановлен юридически конституционный режим. Экономическое и социальное положение на Гренаде в последующие годы было сложным. К 1986 г. безработица вновь поднялась до 40 % ЭАН. После подавления Гренадской революции в Карибском бассейне укрепились позиции США и местных консервативных сил, возросло экономическое и военнополитическое сотрудничество ряда карибских стран с США.

Предпринять «гренадский вариант» в Никарагуа и Сальвадоре было гораздо сложнее, и правительство Рейгана не решилось на это, хотя и усилило военное вмешательство в Центральной Америке и необъявленную войну против Никарагуа с помощью контрас. Акции, предпринятые США, осложнили развитие революционной борьбы в Центральной Америке, локализовали ее, но не смогли привести к поражению революционных сил. Становилось очевидным, что конфликт в субрегионе не может быть решен военным путем.

Поиски мирного урегулирования. Интервенционистская политика США в Центральной Америке вызвала не только противодействие социалистических государств, протесты левых сил разных стран, но и обеспокоенность многих правительств латиноамериканских республик, опасавшихся разрастания конфликта и угрозы со стороны США суверенитету стран региона, хотя революционный режим Никарагуа не внушал им симпатий. Курс Вашингтона осудили Движение неприсоединения, Социнтерн, Ватикан. Страны Западной Европы, кроме Великобритании и ФРГ, а также Япония отмежевались от поддержки интервенционистских акций США в Центральной Америке.

Инициатором поисков мирного урегулирования в соседнем с нею субрегионе выступила в 1981 г. Мексика. В августе 1981 г. в совместном заявлении президента Мексики Лопеса Портильо и президента Франции Франсуа Миттерана РДФ и ФНОФМ в Сальвадоре признавались представительной политической силой. Был высказан призыв к решению конфликтной ситуации в Центральной Америке с помощью переговоров. В феврале 1982 г. Лопес Портильо, посетив Никарагуа, заявил, что вооруженное вмешательство США

в Центральной Америке было бы огромной исторической ошибкой. Он выдвинул план мирного урегулирования конфликтной ситуации в субрегионе на основе отказа США от применения силы, сокращения вооружений в центральноамериканских странах и заключения ими между собой пактов о ненападении.

Вскоре к усилиям Мексики присоединились Венесуэла, а затем Колумбия и Панама. В январе 1983 г. министры иностранных дел этих стран провели встречу на панамском островке Контадора, создав Контадорскую группу в составе 4 государств — участников встречи. Они призвали центральноамериканские страны к диалогу и поискам взаимоприемлемого мирного решения конфликта на основе невмешательства, предложив свое содействие. В сентябре 1984 г. Контадорская группа представила проект Акт мира и сотрудничества в Центральной Америке, подготовленный ею. Это был план урегулирования конфликта политическими средствами. Акт предусматривал ликвидацию иностранных военных баз в субрегионе, высылку иностранных военных советников, прекращение поставок оружия и иной помощи антиправительственным группировкам. Однако страны Центральной Америки, не отвергая прямо предложенного Акта, но высказывая все новые поправки к нему, так и не подписали его.

В сентябре 1985 г. Бразилия, Аргентина, Перу и Уругвай образовали Группу поддержки Контадоры, присоединившись к усилиям Контадорской группы. Контадорская инициатива и ее широкая международная поддержка (со стороны большинства стран Латинской Америки, многих европейских государств, социалистических стран, Движения неприсоединения, Социтерна, ООН) сыграли немаловажную роль в том, что правительство Рейгана так и не решилось на прямое военное вторжение в Никарагуа. К тому же в самих США имелась значительная оппозиция планам эскалации военного вмешательства США, особенно среди демократов.

Приход к власти в январе 1986 г. в Гватемале и Гондурасе гражданских конституционных правительств создал более благоприятную обстановку для поисков соглашения. В мае 1986 г. в городе Эскипулас в Гватемале состоялось совещание глав пяти центральноамериканских республик — Никарагуа, Гватемалы, Гондураса, Сальвадора и Коста-Рики. Оно высказалось за мирное урегулирование в субрегионе, но разногласия между Никарагуа и остальными республиками не позволили достичь конкретных решений.

С новой инициативой выступил пришедший к власти в мае 1986 г. президент Коста-Рики Оскар Ариас (1986—1990), выдвинутый на этот пост ведущей в стране Партией национального освобождения (социал-демократической ориентации). В феврале 1987 г. он предложил План мира, предусматривавший прекращение

огня и амнистию в странах субрегиона, демократизацию, прекращение военной помощи других стран любым вооруженным группировкам в Центральной Америке, запрещение использования территории государств субрегиона для поддержки мятежных формирований. План Ариаса лег в основу соглашения, подписанного на втором совещании в г. Эскипуласе (Гватемала) президентов Никарагуа, Гватемалы, Гондураса, Коста-Рики и Сальвадора 7 августа 1987 г. Это был первый реальный шаг по пути мирного политического урегулирования, имевший международный резонанс. О. Ариасу была присуждена Нобелевская премия мира за 1987 г.

К концу 80-х годов стало очевидным поражение контрас. Стремление к мирному урегулированию в субрегионе усилилось. Все более тяготились присутствием лагерей контрас на территории Гондураса власти этой республики. Правительства Сальвадора и Гватемалы надеялись использовать соглашение для прекращения повстанческой борьбы в своих странах. Оказала влияние и общая тенденция к спаду напряженности на международной арене, к прекращению конфронтации и развитию сотрудничества между СССР и США и другими государствами, к разоружению, к политическому решению региональных конфликтов на компромиссной основе с учетом интересов всех стран. Готовность к компромиссу наметилась со стороны никарагуанского правительства. В этих условиях правительство США также склоняется к отказу от интервенционистских планов и ставки на контрас. Оно надеялось, что усиление давления на Никарагуа, с тем чтобы добиться расширения позиций противников сандинистов в политической жизни республики, в обстановке экономической разрухи и роста недовольства приведет к утрате власти сандинистами и без прямой интервенции. Несмотря на реальность подобной перспективы, сандинистское руководство Никарагуа пошло на существенные уступки своим оппонентам внутри и вне страны, чтобы добиться прекращения разорительной необъявленной войны, переключить усилия на мирное развитие, укрепить международные позиции республики.

На совещании президентов пяти стран в Коста-дель-Соль (Сальвадор) в феврале 1989 г. Д. Ортега обещал осуществить самую широкую демократизацию, провести досрочно всеобщие выборы, не позднее февраля 1990 г. (по конституции они предстояли в ноябре 1990 г.), предоставить полную свободу и равные права для всех оппозиционных партий в избирательной кампании под контролем Верховного избирательного совета с участием в нем представителей оппозиции и наблюдателей от ООН и ОАГ. Со своей стороны, остальные участники совещания обязались вместе с Никарагуа выработать и осуществить до выборов совместный план демобилизации и репатриации контрас, добиться прекращения им военной помощи. Совещание обратилось ко всем повстанческим силам

в субрегионе, в том числе в Сальвадоре, с призывом включиться в конституционные политические процессы. Была достигнута договоренность создать Центральноамериканский парламент и совместную комиссию по окружающей среде и развитию. Совещание призвало международное сообщество оказать поддержку восстановлению экономики и интеграции стран Центральной Америки.

Правительство Никарагуа выполнило взятые обязательства, хотя контраст так и не разоружился в намеченные сроки. В стране развернулась избирательная кампания под наблюдением тысяч представителей от разных стран, от ООН и ОАГ. СФНО и его кандидат в президенты на следующий срок Д. Ортега предлагали программу мира, восстановления и развития страны на основе примирения и сотрудничества разных слоев и групп населения. Сандинисты заявили о готовности вернуться к своим первоначально провозглашенным целям: политический плюрализм (демократический конституционный режим при наличии многопартийности), смешанная рыночная экономика с признанием важной роли частного сектора, неприсоединение и миролюбивая внешняя политика. Это создавало определенные предпосылки для сближения сандинистов со сторонниками демократического социализма и социал-демократии.

На всеобщих выборах сандинистам противостоял единый, хотя и пестрый блок — **Национальный союз оппозиции (НСО)** в составе 14 партий — от сторонников контраст до коммунистов (НСП и КП). Влиятельные позиции в блоке занимали **Либерально-реформистские** партии и течения. Кандидатом в президенты от НСО была выдвинута **Виолетта Барриос де Чаморро**, вдова убитого агентами диктатуры Сомосы в 1978 г. либерального деятеля П.Х. Чаморро. После победы революции в 1979—1980 гг. она входила в руководство республики, затем перешла в оппозицию. НСО обвинил сандинистов в измене первоначальным целям революции, в монополизации власти и подавлении демократии, в развале экономики и коррупции. В. Чаморро обещала полностью восстановить демократию и законность, разоружить контраст, резко сократить вооруженные силы, утвердить мир на никарагуанской земле, снизить государственные расходы, в кратчайшие сроки преодолеть инфляцию, возродить экономику, вернуть землю тем, у кого она была отобрана с нарушением закона.

Всеобщие выборы состоялись 25 февраля 1990 г. В них участвовало 86,3 % избирателей. НСО победил, получив 54,7 % голосов и абсолютное большинство мест в Национальной ассамблее (51 из 92). За СФНО проголосовали 40,8 % участников выборов, и он приобрел 39 мест в парламенте. Сандинисты получили наибольшую поддержку среди служащих и рабочих госсектора, студентов, военных. Оппозицию поддержали предприниматели, мелкие собственники, значительная часть трудящихся частного сектора, лиц, потерявших работу, крестьян. Сандинисты сохранили роль влиятель-

ной массовой политической силы, успешно противостоять которой остальные партии на выборах смогли лишь вместе. СФНО подтвердил свое обещание уважать итоги выборов и заявил, что будет отстаивать завоевания революции в рамках закона. 25 апреля 1990 г. Даниэль Ортега передал президентские полномочия Виолете Барриос де Чаморро.

После почти 11 лет пребывания у власти СФНО перешел в оппозицию, но сохранил влиятельнейшие позиции в стране. Армия осталась сандинистской, полиция, администрация государственных учреждений и предприятий, крупнейший профцентр, ряд других массовых организаций также оставались оплотом сандинистов. Это делало власть нового правительства довольно эфемерной. Умиротворение и нормализация обстановки в республике были невозможны без участия СФНО, что понимали В. Чаморро и ее окружение. Еще в марте было достигнуто соглашение между В. Чаморро и руководством СФНО об укреплении мира и демократического процесса в республике на основе взаимопонимания, с учетом осуществленных преобразований. Силы обороны и охраны порядка обязались подчиняться новому президенту. В. Чаморро, став президентом, взяла на себя функции министра обороны, но главнокомандующим армией оставила сандиниста Умберто Ортегу, несмотря на недовольство контрас и консервативного крыла НСО. Это должно было обеспечить сотрудничество нового правительства с сандинистской армией и национальное согласие.

В мае 1990 г. по настоянию В. Чаморро и сандинистов наконец началось разоружение контрас, завершившееся 29 июня их полной демобилизацией. Всего были разоружены 22 тыс. человек, которые трудоустраивались, получали право на приобретение земельных участков и политическую деятельность. Армия Никарагуа была сокращена с 96 тыс. до 28 тыс. человек к концу 1990 г. Были восстановлены нормальные торгово-экономические связи с США и другими западными странами, оказавшими финансовую помощь Никарагуа.

Новое правительство старалось поощрить частное предпринимательство. Заявляя о признании в основном итогов аграрной реформы, оно расширило передачу земель в индивидуальную собственность крестьянским семьям за счет государственного и кооперативного секторов. Часть земель, экспроприированных, по мнению новых властей, незаконно, правительство намеревалось вернуть прежним хозяевам.

С первых же дней правительство В. Чаморро приступило к осуществлению своего плана ликвидации бюджетного дефицита и гиперинфляции и стабилизации экономики путем резкого сокращения государственных расходов. С этой целью оно попыталось провести массовые увольнения работников государственных учреждений и

предприятий, провести широкую приватизацию государственной собственности. Были отменены субсидии на транспорт, в несколько раз повышены цены на коммунальные услуги.

Экономическая политика властей была воспринята сандинистами как наступление на завоевания революции и встретила их резкое противодействие. Трудящиеся государственного сектора в мае и июне 1990 г. дважды предприняли массовые забастовки с участием до 100 тыс. человек против социально-экономического курса правительства и намеченных увольнений, за обеспечение прав и стабильной занятости государственных рабочих и служащих и повышение зарплаты вслед за ростом цен. Не работали министерства и другие государственные учреждения, общественный транспорт, связь, банки, которые были заняты стачечниками. Улицы столицы и других городов покрылись баррикадами. Забастовки приобрели характер политического противоборства сандинистов с правительственным блоком НСО. Против бастовавших выступили мелкие собственники, предприниматели, трудящиеся частного сектора. Правое крыло НСО обвинило правительство В. Чаморро в бездействии. На улицах происходили вооруженные столкновения сандинистов и их противников, сопровождавшиеся жертвами. Республика оказалась в состоянии раскола и на грани гражданской войны. Армия и полиция, контролировавшиеся сандинистами, отказывались выступать против бастующих. В конце концов В. Чаморро согласилась повысить зарплату государственным рабочим и служащим и пообещала, что не будет массовых увольнений и впредь все конфликты будут решаться с помощью диалога.

Забастовки мая — июля 1990 г. и удовлетворение требований трудящихся госсектора еще больше осложнили экономическое положение. Правительственный план стабилизации экономики потерпел неудачу. Вновь возродилась гиперинфляция, составившая за 1990 год 13500 %. Торговый дефицит превысил 400 млн. долл. Производство в 1990 г. сократилось еще на 5 %. Полная и частичная безработица достигала 50 % рабочей силы, в нищете пребывало 80 % населения. Не оправдались надежды на получение новых займов и кредитов из США и других стран, ибо обстановка в Никарагуа отпугивала иностранных кредиторов.

В. Чаморро и ее правительство предприняли усилия по налаживанию диалога и сотрудничества с СФНО в поисках совместного решения проблем республики. В октябре 1990 г. правительством, организациями трудящихся и предпринимателей было подписано соглашение о взаимном сотрудничестве в нормализации социальной и экономической обстановки в стране. Предусматривалось сочетание борьбы против инфляции и бюджетного дефицита, политики оздоровления и оживления экономики с сохранением социальных завоеваний трудящихся (коллективный трудовой договор, право на

забастовку) и отказом от массовых увольнений в госсекторе. Предполагалось повышение минимума заработной платы в связи с ростом цен. Начав частичную приватизацию, правительство отказалось вернуть прежним владельцам всю собственность, экспропрированную сандинистами, предпочитая выдачу им компенсации или акций приватизируемых предприятий. Десятки тысяч крестьянских семей, получивших землю при сандинистском режиме, сохранили свои участки. В марте 1991 г. было объявлено о замораживании стремительно растущих цен. Расходы на оборону к 1993 г. были урезаны в 5 раз по сравнению с 1989 г. (со 182 до 36 млн. долл.) Правительство добилось отсрочки и льготных условий выплаты внешней задолженности и списания части долгов. В конце 1992 г. было списано 80 % трехмиллиардного долга Никарагуа России. Республика стала больше получать иностранной помощи, займов и кредитов (всего за 1990—1993 гг. более 2 млрд. долл.).

С помощью подобных мер удалось улучшить состояние финансов и практически покончить с инфляцией (2 % в 1992 г.). В 1992 г. наконец прекратилось дальнейшее падение производства, которое, однако, оставалось на очень низком уровне. Валовой внутренний продукт на душу населения за этот год составил всего 347 долл.— в 2,5 раза меньше, чем в 1987 г. По этому показателю Никарагуа оказалась на последнем месте в Латинской Америке, отстав даже от Гаити. Глубокий кризис переживало сельское хозяйство, пострадавшее от военных действий, социальной нестабильности и падения мировых цен на традиционную аграрную продукцию Никарагуа. Выручка от экспорта в 1992 г. оказалась в 5,5 раза меньше, чем в дореволюционном 1977 г.

По-прежнему крайне остро стояли социальные проблемы. В 1992 г. 54 % экономически активного населения не имело работы. 80 % никарагуанцев жили в нищете. Отчаянное положение обездоленных масс питало лево- и правозэкстремистские настроения. К тому же правительство оказалось не в состоянии в короткие сроки выполнить свое обещание наделить землей бывших контрас и демобилизованных бойцов Сандинистской народной армии, десятки тысяч которых оказались без средств к существованию. Часть из них вновь стала братья за оружие и нападать на сельскохозяйственные фермы и кооперативы, банки, частные дома, полицейские посты, блокировать дороги, грабить жителей, вступать в вооруженные стычки с посланными на их усмирение воинскими частями.

Развитие сотрудничества СФНО и правительства оказалось единственной возможностью предотвратить раскол страны на два непримиримых лагеря. Но компромисс давался нелегко и встречал противодействие справа и слева. Часть сандинистов выражала недовольство «примиренческим» курсом руководства СФНО и усилением социал-демократических тенденций в партии, усматривая

в этом отход от революционных позиций. С другой стороны, партии правящей коалиции, в том числе основная часть парламентариев от НСО во главе с председателем Национальной ассамблеи Никарагуа Альфредо Сесаром, требовали от правительства жесткой линии в отношении сандинистов, смещения Умберто Ортеги с поста командующего Сандинистской народной армии, чистки от сандинистов вооруженных сил, полиции, администрации, возврата всем прежним хозяевам отобранной у них в годы революции собственности. В. Чаморро отказалась пойти на это.

Обострение конфликта между сандинистами и их противниками из НСО в Национальной ассамблее привело к тому, что в сентябре 1992 г. все 39 депутатов-сандинистов, а вслед за ними и отколовшиеся от фракции НСО 8 депутатов — сторонников В. Чаморро покинули зал заседаний парламента. А. Сесар и оставшиеся депутаты от НСО продолжали заседать как высший законодательный орган республики, несмотря на отсутствие кворума (ушли 47 из 92 депутатов) и протест Верховного суда. В декабре по распоряжению президента В. Чаморро неправомочная сессия парламентского меньшинства была закрыта. 9 января 1993 г. открылась новая сессия Национальной ассамблеи с участием сандинистов и фракции В. Чаморро. В правительство В. Чаморро вошли три министра-сандиниста. НСО отказался участвовать в заседаниях парламента и перешел в открытую оппозицию левоцентристскому правительству. Участники НСО объявили о самороспуске коалиции и создании вместо нее Оппозиционного политического альянса. Однако обстановка в Никарагуа осталась напряженной, в дальнейшем отношения сандинистов со сторонниками В. Чаморро вновь осложнились. Среди самих сандинистов обострились разногласия между умеренным и более радикальным крылом.

Если в Никарагуа с разоружением контраст необъявленная война в 1990 г. закончилась, то в Сальвадоре гражданская война из-за непримиримости сторон продолжалась. Попытки христианско-демократического правительства Н. Дуарте в 1984 г. вступить в переговоры с повстанцами были сорваны реакционным армейским руководством. На всеобщих выборах в марте 1989 г. в Сальвадоре победил и с июня стал президентом лидер правой партии Националистический республиканский союз (НРС) А. Кристиани, получивший более 50 % поданных голосов. Христианские демократы приобрели 37 % голосов. Большинство левых сил бойкотировало выборы, в которых в условиях войны участвовала половина зарегистрированных избирателей. Новый президент постарался отмежеваться от экстремистского крыла правых, высказавшись за конституционные свободы и в поддержку решений, принятых совещаниями президентов центральноамериканских стран, за переговоры с повстанцами. В сентябре и октябре 1989 г. состоялись предварительные встречи представителей обеих сторон, но в ноябре в ответ на очередную террористическую акцию правых ФНОФМ

развернул широкомасштабные ожесточенные сражения по стране и в самой столице, с тем чтобы таким способом оказать давление на власти и побудить их к большей уступчивости. Бои привели к большим жертвам среди населения.

В апреле 1990 г. переговоры возобновились, затянувшись надолго. Правительство требовало от повстанцев сложить оружие и «включиться в демократический процесс». ФНОФМ соглашался на это только при условии чистки правительственной армии от реакционных элементов, наказания военных, виновных в нарушении прав человека, ликвидации карательных частей и осуществлении ряда других мер по демократизации республики. В 1991 г. в ходе переговоров при посредничестве ООН мучительно трудно, но все же стали намечаться с обеих сторон поиски компромиссных решений.

Наконец 16 января 1992 г. в Мехико было подписано соглашение о мире, положившее конец почти 12-летней гражданской войне, которая унесла 75 тыс. жизней. Боевые действия прекращались. В течение 9 месяцев повстанцы должны были разоружиться. Им гарантировались все гражданские и политические права. ФНОФМ преобразовался в легальную политическую партию. Вооруженные силы Сальвадора подлежали сокращению с 63 тыс. человек вдвое в течение двух лет и переходили под контроль гражданских властей. Репрессивные службы полиции и специальные карательные подразделения армии ликвидировались. Распускались военизированные гражданские организации. Предусматривалось создание национальной гражданской полиции с участием бывших бойцов ФНОФМ. Новая доктрина национальной безопасности должна была обеспечить невмешательство армии в политику и ограничить ее функции защитой суверенитета и территориальной целостности республики. Демократизировались избирательная и судебная системы. Правительство обязалось провести аграрную реформу, наделить землей крестьян и бывших бойцов ФНОФМ. Наблюдать за выполнением условий соглашения поручалось специальной миссии ООН.

Соглашение, таким образом, предусматривало демилитаризацию и глубокие демократические преобразования в Сальвадоре на основе широкого национального согласия и означало поражение правозэкстремистских сил. Это явилось важнейшим результатом гражданской войны 1980—1992 гг.

17 декабря 1992 г. в столице Сальвадора в присутствии Генерального секретаря ООН Бутроса Гали состоялась торжественная церемония национального примирения, констатирующая завершение выполнения основных положений о мире. Получив легальный статус в качестве политической партии, ФНОФМ определил себя как «революционная и демократическая» партия, которая намерена мирными средствами бороться за демократические преобразования и

социальную справедливость, имея конечной целью построение социализма. В марте 1994 г. состоялись всеобщие выборы, на которых победил правящий Националистический республиканский союз.

В Гватемале в начале 90-х годов все еще тлел очаг партизанской борьбы, которая велась с 1960 г., но так и не переросла в широкомасштабное движение. Тем не менее в результате карательной деятельности армии и военизированных организаций, вооруженных столкновений, террористических акций, действий репрессивных служб за 30 с небольшим лет в стране с 9-миллионным населением погибло свыше 150 тыс. человек, еще десятки тысяч пропали без вести, 1 млн. граждан стали беженцами. Были стерты с лица земли 440 населенных пунктов. Контроль гражданского правительства над всемогущими вооруженными силами был довольно эфемерным.

В апреле 1991 г. начались переговоры о прекращении вооруженной борьбы между повстанческими организациями и правительством. Однако они шли вяло и затянулись надолго без ощутимого прогресса из-за жесткой позиции армейского руководства, требовавшего одностороннего разоружения повстанцев, в то время как те настаивали на гарантиях своей легальной деятельности, мерах по демократизации страны, на реальном подчинении вооруженных сил гражданским властям и наказании виновных в преступлениях против прав человека.

С развязыванием главного узла центральноамериканского конфликта в Никарагуа процесс нормализации обстановки в субрегионе значительно продвинулся. Характерной чертой стали частые встречи президентов республик Центральной Америки. С 1990 г. в них участвовала и Панама. Совещание президентов в июне 1990 г. в г. Антигуа (Гватемала) констатировало, что насилие в субрегионе уходит в прошлое и на первый план встают задачи экономического развития и интеграции. В Антигуа президенты подписали План развития для Центральной Америки, предусматривавший совместные усилия в области научно-технического прогресса, в развитии инфраструктуры, в решении проблемы внешнего долга, координацию внешней торговли. Совещание высказалось за сокращение вооруженных сил стран-участниц, в поддержку конституционных форм правления и прав человека. В декабре 1990 г. были обсуждены планы соглашений о свободной торговле стран Центральной Америки с США и Мексикой. В рамках этих планов в январе 1991 г. президентами пяти центральноамериканских республик и Мексики принято решение об их экономической интеграции и создании к концу 1996 г. совместной зоны свободной торговли. Соответствующее соглашение было подписано в августе 1992 г. С этим связывались надежды на ускоренную модернизацию и достижение странами субрегиона достойного места в мирохозяйственном комплексе при сотрудничестве с Мексикой, а в перспективе и с США.

На совещании в Тегусигальпе в декабре 1991 г. президенты центральноамериканских республик высказали убеждение в том, что для превращения Центральной Америки в стабильную зону мира, свободы, демократии и развития необходимо добиваться ликвидации социального неравенства и решения острых социальных проблем, породивших конфликтную ситуацию в субрегионе. На этом совещании было решено создать Центральноамериканскую систему интеграции (ЦАСИ) в составе 6 стран перешейка (с Панамой). В июне 1992 г. созданы координирующие органы ЦАСИ с участием министров иностранных дел и экономических ведомств, принята программа действий по либерализации внутрizonальной торговли, введению общего внешнего таможенного тарифа, а также по реализации совместных проектов развития. Осуществление достигнутых договоренностей началось в 1993 г.

28 октября 1991 г. в столице Гватемалы торжественно открылась первая сессия Центральноамериканского парламента. На нее прибыли 68 депутатов от основных парламентских партий Гватемалы, Гондураса и Сальвадора. Никарагуа и Коста-Рика, подписавшие договор о Центральноамериканском парламенте, медлили с участием в его работе.

Более активно добивались всесторонней, в том числе политической, интеграции три республики «северного треугольника» на перешейке — Гватемала, Гондурас и Сальвадор. В октябре 1992 г. президенты трех республик выдвинули идею политического союза и создания Центральноамериканской федерации. В феврале 1993 г. они решили уже со следующего месяца приступить к ликвидации взаимных таможенных барьеров, осуществлению единой таможенной политики и интеграции финансовых систем. Определенный интерес к планам трех республик проявила Никарагуа, хотя ей мешали сложные внутренние проблемы. Коста-Рика поддержала лишь идею экономической интеграции. Панама же вообще скептически отнеслась к идее «единения в бедности» малых государств перешейка, соглашаясь на их интеграцию лишь как промежуточный этап к совместному сотрудничеству с США и Мексикой. Тем не менее, несмотря на некоторые расхождения и разные темпы, процессы интеграции стран перешейка друг с другом и развития их интеграционных связей с Мексикой и США обрели реальные очертания.

Новые условия в субрегионе способствовали росту притока сюда иностранных капиталов (в 1990 г. — 2,1 млрд. долл., в 1991 г. — 2,7 млрд.). Стала улучшаться экономическая ситуация, ежегодный прирост ВВП в среднем по странам Центральной Америки в 1990—1992 гг. составил 2—4 %, выросла внутрizonальная торговля.

ПАНАМСКИЙ КРИЗИС И ИНТЕРВЕНЦИЯ США В ПАНАМЕ

После гибели генерала Омара Торрихоса (1981) усилился отход панамского правительства и ведущей партии правящего блока — Революционно-демократической (РДП) от начатого им курса преобразований. Конституционная реформа 1983 г. заменила Национальное собрание народных представителей обычным парламентом — Законодательной ассамблеей. Формально в стране существовал многопартийный конституционный режим, но на деле реальная власть оказалась в руках генерала Мануэля Норьеги, занявшего в 1983 г. пост командующего Национальной гвардией Панамы (в 1984 г. преобразована в Силы национальной обороны). М. Норьега в прошлом был известен как сотрудник О. Торрихоса и старался представить себя продолжателем его дела. Он высказался в защиту суверенитета и за неукоснительное осуществление договора 1977 г. о канале. Панама выступала против вмешательства США в центральноамериканский конфликт, за мирное решение его и стала одним из инициаторов и участников Контадорской группы. В то же время Норьега все более подчинял своему контролю гражданское правительство и фактически утвердил режим личной диктатуры при опоре на Силы национальной обороны. В социально-экономической политике панамских властей произошла определенная переориентация на передачу ряда государственных предприятий частному капиталу и расформирование крестьянских производственных кооперативов, ограничение прав и завоеваний трудящихся, закрепленных в трудовом кодексе, что вызвало рост их недовольства.

С другой стороны, активизировалась оппозиция режиму отстраненных от власти в 1968 г. традиционных партий и других политических группировок, требовавших ликвидации особой роли вооруженных сил в политической жизни, ухода Норьеги с поста командующего, демократизации республики, оздоровления экономики путем сотрудничества с иностранным капиталом и поощрения частной инициативы, дальнейшего сокращения государственной собственности и государственных расходов. Оппозиция обвиняла Норьегу и возглавляемое им военное и гражданское руководство в диктатуре и коррупции, в нарушении прав человека. Оппозиция опиралась на большинство предпринимателей, мелкобуржуазные слои, либеральную интеллигенцию, часть трудящихся. Правящий блок во главе с РДП поддерживали, помимо военных, ряд националистических, реформистских и левых партий, в том числе Народная партия Панамы (коммунисты), влиятельные профсоюзы, которые критиковали отдельные аспекты социальной политики и авторитарные тенденции режима, но видели в Норьеге защитника национального суверенитета от империалистического вмешательства США и выступали против возврата к власти старых партий.

Оппозиция развернула кампанию забастовок, демонстраций, митингов. На улицах вспыхивали беспорядки. Сторонники властей предпринимали ответные действия. Общество раскололось, обстановка в Панаме накалялась.

По мере приближения срока полной передачи канала панамскому правительству и ликвидации американских военных баз в Панаме (конец 1999 г.) в США усиливались требования в пользу изменения договора, которое позволило бы сохранить в той или иной форме присутствие Вашингтона в зоне канала и после окончания этого срока. Норьега же занимал в этом вопросе твердую позицию. Осложнение внутривнутриполитической обстановки в Панаме побудило США выступить с обвинениями Норьеги в нарушении демократических свобод и прав человека, в коррупции и в причастности к международной торговле наркотиками. В связи с этими обвинениями сенат США в июне 1987 г. потребовал отставки Норьеги. ОАГ осудила это решение как вмешательство в дела Панамы.

В феврале 1988 г. президент Панамы Э. Дельвалье попытался освободиться от опеки Норьеги и объявил о его смещении с поста командующего Силами национальной обороны. Норьега отказался подчиниться и настоял на решении Законодательной ассамблеи об отставке Дельвалье и назначении другого президента. Дельвалье бежал в США в поисках поддержки. Вашингтон не признал нового президента, ввел экономические санкции против Панамы и блокировал панамские вклады в американских банках. В Панаме начались спад деловой активности, бегство капиталов из страны, усилились антиправительственные забастовки. Многие латиноамериканские правительства осудили действия Норьеги и присоединились к обвинениям в его адрес. Но одновременно они выступали против вмешательства в дела Панамы внешних сил, призывали к решению конфликта в Панаме между оппозицией и властями самими панамцами с помощью диалога.

Острая политическая борьба развернулась в Панаме в преддверии всеобщих выборов 7 мая 1989 г., на которых правительственной Коалиции национального освобождения противостоял Гражданский демократический альянс оппозиции. Выборы проходили в присутствии иностранных наблюдателей и увенчались победой оппозиции и ее кандидата Гильермо Эндары. Однако правительство объявило о победе с небольшим перевесом правительственной коалиции, что вызвало бурные протесты оппозиции, переросшие в уличные беспорядки и столкновения с силами порядка. Тогда 10 мая власти аннулировали итоги выборов как сопровождавшиеся нарушениями и спорные и заявили о необходимости повторных выборов. Но это не успокоило оппозицию, ряды которой ширились по мере ужесточения режима Норьеги и роста производства с его стороны. США усилили обвинения

в адрес панамских властей, угрожая применить силу для смещения и захвата Норьегги. ОАГ признала, что в ходе выборов правительство Панамы и его сторонники допустили нарушения, но в то же время вновь высказалась против вмешательства извне в дела Панамы. Попытки ОАГ организовать переговоры противоборствующих сторон в Панаме при своем посредничестве не увенчались успехом. Оппозиция настаивала на признании своей победы, смещении Норьегги и отстранении Сил национальной обороны от участия в политической жизни.

Положение в Панаме продолжало обостряться. Было раскрыто несколько заговоров против Норьегги. 3 октября 1989 г. группа военных подняла восстание с требованиями отставки диктатора, но оно было подавлено. Руководители и организаторы восстания были тут же расстреляны. 11 октября Норьегга был провозглашен «координатором народной власти», а 14 декабря — главой правительства, чем были закреплены его неограниченные полномочия. Норьегга обвинил Вашингтон в причастности к попыткам его свержения и в подготовке интервенции против Панамы. 15 декабря в Панаме было объявлено «военное положение для сопротивления американской агрессии».

В ночь на 20 декабря 1989 г. американские войска численностью свыше 20 тыс. человек атаковали позиции Сил национальной обороны Панамы в густонаселенных кварталах столицы. Целями вторжения были объявлены свержение диктатуры Норьегги, его захват для передачи судебным органам США, восстановление демократии и защита проживающих в Панаме американских граждан. Силы национальной обороны оказали сопротивление, но войска США, имевшие подавляющее преимущество, в течение 20 декабря овладели основными стратегическими позициями в столице. 25 декабря Норьегга явился в представительство Ватикана в Панаме. В начале января по настоянию Вашингтона он был выдан американцам и отправлен под арест в США. Там началась подготовка суда над ним по обвинению в нарушении прав человека, коррупции и причастности к контрабанде наркотиков в США.

21 декабря конституционным президентом Панамы был провозглашен победивший на аннулированных Норьеггой майских выборах кандидат Гражданского демократического альянса оппозиции Гильермо Эндара, сформировавший новое правительство республики. К середине февраля 1990 г. американские войска были выведены из Панамы, кроме 13,5 тыс. человек, постоянно находившихся на военных базах США в зоне Панамского канала.

Вторжение войск США в Панаму было осуществлено под благовидным предлогом устранения коррумпированного преступного диктатора, связанного с наркомафией, восстановления демократии и передачи власти законно избранному панамцами президенту. Но в

любом случае это было грубейшим нарушением норм международного права, прямой вооруженной интервенцией, показавшей, что и в новых условиях Вашингтон не отказался от рецидивов имперской политики в Латинской Америке. От бомбардировок, артобстрела и военных операций погибли несколько сотен панамцев и свыше 4 тыс. человек, преимущественно гражданское население, были ранены. В столице значительно пострадали жилые кварталы. США добились замены неугодного им режима на дружественный в стратегически важном для них районе Панамского канала. Многие латиноамериканские правительства и парламенты, ОАГ, Генеральная Ассамблея ООН выразили осуждение интервенции США в Панаме.

В сентябре 1991 г. в Майами в США наконец начался долго готовившийся американскими судебными органами процесс над Норвегой. В апреле 1992 г. он был признан виновным в причастности к контрабанде наркотиков и в других злоупотреблениях и приговорен к 40 годам заключения.

Правительство Гильермо Эндары восстановило конституционный режим, подвергло чистке Силы национальной обороны и подчинило их контролю гражданских властей. Были смещены и преданы суду по обвинению в коррупции и нарушении прав человека многие чиновники прежней администрации. Правительство высказалось за соблюдение условий договора 1977 г. о канале, за развитие сотрудничества с латиноамериканскими государствами и с США. В преддверии передачи канала Панаме в феврале 1993 г. был издан закон о создании панамского управления межокееанской зоны. После некоторых колебаний страны региона признали новое правительство Панамы, хотя высказывались и сомнения в законности полномочий Эндары без повторных выборов.

Программа правительства Эндары предусматривала сокращение госаппарата и государственных расходов, приватизацию госсектора, снижение таможенных пошлин на импорт и другие меры в духе рекомендаций международных финансовых организаций. В 1990—1991 гг. США предоставили Панаме 1 млрд. долл. в виде безвозмездной помощи и кредитов. Такая политика и помощь США содействовали стабилизации финансовой системы и экономическому росту (на 8 % в 1992 г.), но увольнения в госсекторе, снижение реальной заработной платы рабочих и служащих, беззащитность национальных мелких и средних предпринимателей перед экспансией иностранных товаров и капиталов вызвали нарастание недовольства в стране и падение авторитета правительства Эндары. Контрабанда наркотиков, коррупция и злоупотребления властей процветали и при новом правительстве. Активизировалась оппозиция. Революционно-демократическая партия, скомпрометированная сотрудничеством с Норвегой, постаралась отмежеваться от своего недавнего прошлого и вновь обратиться к наследию Торрихоса, стоявшего у истоков этой

партии. РДП имела 11 из 68 мандатов в парламенте. В 1991 г. в ряды оппозиции перешла Христианско-демократическая партия — крупнейший до того участник правительственного блока. В ноябре 1992 г. референдум по предложенным правительством Эндары поправкам к конституции, позволявшим, в частности, ликвидировать в стране по примеру Коста-Рики вооруженные силы, послужил поводом для выражения массового протеста против правительства Эндары и его политики. 60 % избирателей не явились на референдум, а $\frac{2}{3}$ проголосовавших высказались против предложений правительства. На президентских выборах 8 мая 1994 г. победил кандидат оппозиционной РДП Эрнесто Перес Бальядарес.

* * *

Центральноамериканский конфликт в 80-е годы был опасным очагом международной напряженности. Но в начале 90-х годов он был в основном урегулирован. Центральная Америка перестала быть объектом конфронтации между США и СССР с их союзниками. Прекратилась необъявленная война против Никарагуа, разоружены контрас, достигнуто мирное урегулирование в Сальвадоре, реализованы многие согласованные решения центральноамериканских республик. Реальные очертания приобрело сотрудничество государств, активизировались интеграционные усилия. На смену диктаторам пришли конституционные режимы, хотя в Гватемале и Гондурасе сохранялось значительное влияние в политической жизни вооруженных сил, имели место нарушения прав человека.

Ход событий в Центральной Америке в 80-е годы выявил бесперспективность в новых условиях дальнейшей революционной вооруженной борьбы в странах региона. Ее продолжение вело к новым человеческим жертвам, разрушению и дезорганизации экономики, усугублявшим бедствия населения, к встречной эскалации насилия справа, к опасному разрастанию и затяжке вооруженных конфликтов без явных шансов на решающий успех. Ситуация сложилась не в пользу революционной альтернативы, которая в итоге уступила место эволюционным процессам. Но революционный подъем, и в первую очередь Никарагуанская революция, а также борьба левых сил Сальвадора выполнили ближайшую историческую задачу, устранив накопившиеся на пути прогресса и демократизации преграды и ускорив позитивные перемены в субрегионе, дали стимул борьбе против диктатур в других странах Латинской Америки.

Сандинистская революция в Никарагуа потерпела неудачу в попытке найти быстрый и радикальный путь к созданию альтернативного капитализму общества социальной справедливости. Революционеры ушли от власти. Но непосредственные, ближайшие цели революции были достигнуты: свергнута многолетняя мрачная диктатура, в Никарагуа установлен в итоге конституционный режим,

хотя путь к нему оказался нелегким. Политический плюрализм, аграрная реформа, смешанная экономика, неприсоединение во внешней политике — эти программные лозунги СФНО стали реальностью и в основном сохранились при новом правительстве. Было нанесено военное поражение вооруженной контрреволюции. Сандинисты остались влиятельнейшей силой в общественно-политической жизни республики, гарантом революционных завоеваний.

В развитии Никарагуанской революции было много общего с происшедшей на 20 лет ранее Кубинской революцией. Это проявилось и на стадии антидиктаторской борьбы, и в свержении диктатуры, и во многих революционных преобразованиях, и в эволюции самого революционного режима вплоть до середины 80-х годов, и в нараставшем противоборстве с контрреволюцией и с США. Никарагуанская революция как бы замкнула цикл латиноамериканских революций, начатый Мексикой в 1910 г. Общими чертами этих революций были систематические насильственные вооруженные формы борьбы, острые проявления классового антагонизма, быстрая радикализация социальных и политических преобразований и перерастание революционной власти в диктатуру. Но одновременно Никарагуанская революция несла в себе новые черты, особенно проявившиеся к концу пребывания у власти сандинистов, которые сближали ее, как и Чилийскую революцию 1970—1973 гг., с позднейшими поисками левыми силами новых путей преобразования общества на основе конституционного развития, демократизации, политического плюрализма и смешанной экономики. В этом также проявилось историческое значение Никарагуанской революции и ее опыта.

КУБА: ОБОСТРЕНИЕ ТРУДНОСТЕЙ

Своими специфическими особенностями среди других стран Латинской Америки отличалась Куба, остававшаяся единственной страной континента, которая избрала путь построения альтернативного капитализму социалистического общества.

Во второй половине 70-х — первой половине 80-х годов на Кубе продолжалось начавшееся в предыдущий период упорядочение государственного управления экономикой. В декабре 1975 г. на I съезде Коммунистической партии Кубы были одобрены директивы по первому пятилетнему плану развития народного хозяйства на 1976—1980 гг. В январе 1976 г. началось внедрение единой системы управления и планирования экономики (СУПЭ), учрежден комитет по ценам. С 1978 г., впервые после 1966 г., возобновилось составление ежегодных госбюджетов.

Среднегодовые темпы роста экономики Кубы в 1976—1980 гг. (до 4 %) оказались ниже запланированных. Стали сказываться трудности нового этапа развития, требовавшего большей интенсификации производства, роста капиталовложений. Ухудшилась внешнеэкономическая конъюнктура — упали цены на сахар. Эти проблемы усугублялись неэффективностью самой командно-административной системы, господствовавшей на Кубе, как и в других социалистических странах. Но имелись и достижения. В полтора раза — до 10 млрд. кВт · ч — возросло производство электроэнергии, на 72 % — продукции машиностроения. За пятилетку среднегодовое производство сахара-сырца выросло на 25 % и составило 7 млн. т. Механизированная уборка сахарного тростника в 1980 г. составила 45 %.

Во второй пятилетке (1981—1985), основные направления которой были одобрены на II съезде партии в декабре 1980 г., среднегодовое производство сахара достигло 8 млн. т. Механизированная уборка тростника в 1985 г. поднялась до 62 % (в 1990 г. — до 71 %). За 5 лет (1981—1985) удалось сократить число рубщиков тростника с 350 тыс. до 72 тыс. человек. В целом среднегодовые темпы роста экономики Кубы за 1976—1985 гг. превышали 5 %.

В сельском хозяйстве государственный сектор сосредоточил с 70-х годов 80 % угодий и поставлял основную массу товарной продукции. 20 % угодий (1,5 млн. га) осталось в распоряжении почти 200 тыс. крестьянских хозяйств, объединенных в Национальную ассоциацию мелких землевладельцев (АНАП). На их долю в середине 80-х годов приходилось 50—75 % урожая табака, кофе, какао, овощей, 18 % сахарного тростника, 25 % скота. Среди них развивались разнообразные формы кооперации и кооперативных связей с государством. Со второй половины 70-х годов заметное распространение получила производственная кооперация, ранее практически отсутствовавшая. В 1985 г. уже имелось 1378 производственных кооперативов, объединивших 82 тыс. семей и располагавших 1 млн. га. К 1989 г. коллективным хозяйствам принадлежало 12 % земельных угодий. 8 % земли осталось в руках нескольких десятков тысяч самостоятельных семейных хозяйств. Размеры кооперативов были невелики: в среднем на каждый из них в 1985 г. приходилось 50 семей и 800 га земли. Это были объединения крестьянских семей для совместной деятельности, получавшие помощь от государства. В первой половине 80-х годов им удалось повысить урожайность и доходность своих хозяйств.

Много значили для Кубы экономические связи с другими социалистическими странами в рамках Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ). К концу 80-х годов 85 % внешней торговли острова приходилось на социалистические государства, в том числе 70 % — на СССР. Куба постоянно получала из Советского Союза

на безвалютной основе, часто в кредит, необходимые ей нефть, черные металлы, удобрения, трактора, грузовики, зерно. Взамен Куба обеспечивала $\frac{1}{3}$ потребления сахара в СССР, поставляла цитрусовые и другую продукцию. СССР покупал кубинский сахар по стабильным преференциальным ценам, значительно превышавшим мировые рыночные цены. Помощь Кубе оказывали советские специалисты. СССР и другие социалистические страны помогли Кубе в подготовке собственных квалифицированных кадров. В конце 80-х годов в СССР обучались 8 тыс. кубинских студентов. С участием Советского Союза на острове были построены или реконструированы сотни предприятий. В рамках Комплексной программы СЭВ, принятой в 1985 г., Куба специализировалась на развитии электроники и биотехнологии. В 1981 г. на Кубе с помощью Советского Союза началось строительство первой атомной электростанции «Хурагуа», затянувшееся, правда, вплоть до 90-х годов и оставшееся незавершенным. В 80-е годы был налажен выпуск продукции электронной промышленности. Куба стала поставлять в СССР дисплеи. В 1986 г. был открыт Центр генной инженерии и биотехнологии.

Приоритетное внимание уделялось социальной политике. Куба стала страной всеобщей занятости и грамотности, с обязательным бесплатным 6-летним образованием. К прежним нескольким техническим школам прибавились сотни новых. Количество университетских студентов за 30 послереволюционных лет увеличилось с 15 тыс. до 200 тыс. Численность научных работников превысила 40 тыс. Особенно заметных успехов Куба достигла в здравоохранении. Количество врачей возросло с 6 тыс. до 31 тыс., детская смертность (в возрасте до 1 года) сократилась с 6 до 1,2 %, средняя потенциальная продолжительность жизни достигла 74 лет. По обоим показателям Куба обогнала остальные страны Латинской Америки. Большой интерес в ряде стран вызвал опыт Кубы по введению обслуживания населения «семейными врачами», с закреплением определенных семей за конкретными врачами.

В феврале и ноябре — декабре 1986 г. состоялись две сессии III съезда Компартии Кубы, принявшего программу партии, рассчитанную на построение социализма, и директивы по третьему пятилетнему плану на 1986—1990 гг., по которому предусматривались среднегодовые темпы роста экономики — 5 % и производительности труда — 3,5 %.

Однако выполнить эти задания не удалось. В 80-е годы в развитии кубинской экономики выявились серьезные трудности и недостатки. Углубились хозяйственные диспропорции. Все очевидней становилась неэффективность сложившейся системы хозяйствования, что было общим явлением для всех социалистических стран. Большие средства были вложены в капитальное строительство, не приносящее отдачи

из-за растянутых сроков его завершения («долгострой»). В то же время недоиспользовались уже имевшиеся производственные мощности. В строительстве остро ощущалась нехватка рабочей силы, тогда как занятые в народном хозяйстве трудящиеся и их рабочее время использовались часто непродуктивно. Падала дисциплина труда. Рост заработной платы намного опередил темпы повышения производительности труда. Централизованное управление огосударственной экономикой становилось все более громоздким и неповоротливым. Чрезвычайно разросся административно-управленческий аппарат, достигший в 1984 г. полумиллиона человек, тогда как все население Кубы к концу 80-х годов насчитывало 10 млн. человек. Процветали расточительство, бесхозяйственность, потребительские, иждивенческие настроения. Прогрессировала коррупция.

Напряженные отношения с США побуждали Кубу много внимания и средств уделять обороне. Помимо хорошо обученных и оснащенных регулярных вооруженных сил численностью до 300 тыс. человек Куба в 80-е годы имела 1,5 млн. человек в составе территориального резервного народного ополчения. Большие средства расходовались на социальную политику, на экономическую и военную помощь развивающимся странам. Условия жизни населения оставались скудными. Сохранялась введенная еще в начале 60-х годов карточная система распределения основных продуктов и товаров широкого потребления. Правда, в отличие от остальных латиноамериканских стран, определенный скромный уровень потребления и социальной защищенности, образование, занятость были гарантированы для всего населения, что поддерживало веру масс в преимущества социализма.

После 1975 г. Куба воспользовалась отменой ограничений ОАГ на связи с островом других государств континента и получила кредиты на приобретение новой технологии, оборудования и другие цели, с тем чтобы с помощью полученных средств ускорить создание конкурентоспособного производства на экспорт. Вырученной затем от экспорта валютой предполагалось расплатиться за кредиты. Однако на этом пути Кубу постигла та же участь, что и другие латиноамериканские страны. Расчеты на выполнение намеченной программы создания новых конкурентоспособных производств и на рост доходов от экспорта не оправдались. В основной отрасли — производстве сахара, дававшего более 70 % выручки от экспорта, темпы роста оказались гораздо меньше предусмотренных, причиной чему помимо общей неэффективности экономики были засухи и ураганы 1983—1986 гг. К этому добавились падение цен на мировом рынке на сахар и другие товары кубинского экспорта, увеличение импорта нефти и нефтепродуктов. В связи с ростом потребления внутри страны, Кубе даже пришлось часть валюты затратить на

закупку на мировом рынке недостающего сахара, с тем чтобы выполнить договорные обязательства по поставкам сахара в СССР и другие страны. А тем временем с начала 80-х годов условия кредитования в мире ужесточились. Подскочили проценты и соответственно выплаты Кубы по внешней задолженности, достигшей к 1987 г. 5,7 млрд. долл. (не считая большой задолженности социалистическим странам). Куба оказалась вынужденной сократить расходы на импорт и прибегнуть к экономии получаемых из СССР нефтепродуктов и их частичному реэкспорту на мировой рынок ради получения дефицитной валюты. Выплата по процентам в 1986 г. превысила поступление на Кубу новых валютных средств.

Принадлежа к мировой социалистической системе и восприняв вслед за СССР и другими ее членами при их содействии образец государственно-бюрократического социализма, Куба на новом витке мирового развития оказалась втянутой вместе с ними в полосу растущих трудностей и проблем, завершившихся на рубеже 80-х и 90-х годов глубоким кризисом «реального социализма» и развалом социалистического содружества. Для Кубы это повлекло особенно тяжкие последствия ввиду чрезвычайной зависимости всей ее экономики от внешних факторов, от связей с СССР и другими социалистическими государствами, которые осложнились и стали свертываться.

Возникшие проблемы подверглись острому обсуждению на июльском пленуме ЦК Компартии Кубы в 1986 г. и на второй сессии III съезда партии (ноябрь — декабрь 1986 г.), принявших решения о начале процесса «исправления ошибок». Главное внимание в экономике обращалось на повышение эффективности труда, преодоление бюрократизма. Разрабатывались меры по совершенствованию хозяйственного механизма, экономии ресурсов, налаживанию дисциплины, сокращению административно-управленческого персонала, борьбе с бесхозяйственностью и хищениями.

Принятые меры не затрагивали основ командно-административной системы и «государственного социализма». Более того, кубинское руководство видело выход из осложнений и неудач в дальнейшем укреплении и развитии централизованной государственной собственности и директивных методов управления, контрольных функций, в недопущении частной собственности, свободного рынка и розничной торговли как ведущих к реставрации капитализма. На первый план выдвигались борьба против корыстных и эгоистических интересов, индивидуализма, стимулирование настроений коллективизма, трудового энтузиазма и «пролетарского интернационализма», веры в коммунистические идеалы. Вновь стали возрождаться лозунги и традиции 60-х годов, в частности массового добровольного труда. В 1987 г. в Гаване свыше 400 тыс. человек безвозмездно отработали на стройках не менее 40 часов каждый.

Кубинское руководство настаивало на сохранении и укреплении однопартийной политической системы с монополией на власть Коммунистической партии как выражающей интересы всех трудящихся. Компартия опиралась на сеть массовых организаций и являлась основой всей политической структуры общества. Она объединяла в своих рядах в начале 90-х годов свыше 600 тыс. коммунистов. В 1986 г. комсомольская организация насчитывала 600 тыс. членов, Профцентр трудящихся Кубы — 3 млн., комитеты защиты революции — 6,5 млн. человек. Почти поголовное вовлечение жителей острова через эти и другие организации, через выборные органы власти в экономическую, социальную и политическую жизнь страны при господстве общегосударственной собственности на средства производства рассматривалось как подлинное народовластие в противоположность буржуазной представительной демократии, отстраняющей основные массы населения от реального участия во власти. В действительности же это была интеграция всего народа в структуры тоталитарного режима с жестко централизованным и бюрократизированным партийно-государственным руководством. Оппозиционная политическая деятельность на острове была запрещена как враждебная народной власти. Непререкаемым авторитетом и неограниченными полномочиями верховного вождя революции продолжал пользоваться глава партии, государства и правительства Фидель Кастро.

С октября 1990 г. стали создаваться народные советы в городских кварталах. В их состав включились делегаты от муниципальных органов власти, промышленных предприятий, общественных и профсоюзных организаций. Основной их задачей должна была стать мобилизация жителей по кварталам на решение конкретных локальных проблем, контроль за деятельностью местных предприятий, бытовых служб, благоустройство территории.

Новые тенденции наметились в отношении партии и государства к церкви и христианству. Была признана необходимость полного включения верующих в общественно-политическую жизнь, обращалось внимание на совпадение социалистических и христианских идеалов. В 1991 г. верующим было разрешено вступать в компартию.

Однако улучшить положение на острове не удалось. Задания третьей пятилетки не были выполнены. ВВП в 1986 г. вырос лишь на 1,4 %, а в 1987 г. упал на 3,8 %. В 1988—1989 гг. экономические показатели росли на 1—2 % в год. В 1990 г. ВВП сократился на 3,6 %. Производство сахара в 1990 г. осталось на уровне начала 80-х годов (8 млн. т в год). Внешний долг в валюте к 1990 г. достиг 7,5 млрд. долл. С 1986 г. Куба вынуждена была приостановить выплату внешней задолженности из-за отсутствия наличных ресурсов. Приток новых кредитов практически прекратился. Куба пыталась стимулировать туризм, доход от которого в 1991 г. достиг 300 млн.,

в 1993 г.— 700 млн. долл. Но это не могло серьезно улучшить обстановку. Давала себя знать и экономическая блокада со стороны соседних США. Несмотря на льготные для Кубы условия товарооборота и экономического сотрудничества с СССР и другими социалистическими странами, Куба оказалась не в состоянии покрыть расходы на импорт из этих стран и к 1991 г. задолжала Советскому Союзу 19 млрд. руб.

Особо тяжкие последствия для Кубы имел крах дружественных ей режимов в СССР и в Восточной и Центральной Европе в 1989—1991 гг. Россия и бывшие социалистические страны Европы резко сократили торгово-экономические связи с островом — до 7 % от прежнего уровня в 1992 г. К тому же они перешли в торговле с Кубой на валютные расчеты по ценам мирового рынка. Для Кубы, экономика которой практически всецело зависела от внешнего рынка, главным образом от связей с данными государствами, это было катастрофическим ударом. Поставки нефти и нефтепродуктов на остров уменьшились с 13 млн. т в 1989 г. до 6 млн. т в 1992 г. В ноябре 1992 г. было подписано новое торгово-экономическое соглашение Кубы с Россией, по которому в 1993 г. Куба обязалась поставить в Россию 1,5 млн. т сахара в обмен на 2,5 млн. т нефти и нефтепродуктов. На острове стала остро ощущаться нехватка энергоносителей, горючего, запасных частей, оборудования, сырьевых и продовольственных товаров, которые страна получала до тех пор извне на льготных условиях. В результате в 1991 г. производство упало на 24 %, а в 1992 г. еще более, сократившись наполовину по сравнению с концом 80-х годов. Выработка сахара-сырца в 1992 г. уменьшилась до 7 млн. т. В 1993 г., когда ко всем бедам добавился разрушительный ураган, нанесший миллиардный ущерб хозяйству Кубы, удалось выработать лишь 4,2 млн. т сахара, а в 1994 г.— 4 млн. т. Это создало чрезвычайные трудности для выполнения республикой экспортных обязательств.

В новых условиях, когда Куба лишилась всякой поддержки извне, большую опасность приобрела для кубинского режима открытая враждебность к нему могущественнейшего северного соседа. США усилили давление на Кубу, ужесточили ее экономическую блокаду, настаивая на ликвидации режима Ф. Кастро. В октябре 1992 г. президент США Дж. Буш подписал принятый Конгрессом закон, согласно которому, помимо эмбарго на торговлю самих США с Кубой, запрещалось торговать с Кубой филиалам американских компаний, расположенным в других странах. Товарооборот этих филиалов с Кубой превышал 700 млн. долл. в год. Кроме того, Вашингтон отныне мог запретить на 6 месяцев заход в порты США судов любых стран, доставляющих грузы на Кубу или с Кубы. Новый закон задевал суверенитет государств, в которых имелись филиалы американских компаний и которые торговали с Кубой или посылали свои суда на остров.

Кубинское руководство прибегло к чрезвычайным мерам по мобилизации собственных усилий республики. В 1990 г. Фиделем Кастро был выдвинут лозунг «Социализм или смерть!». Многолюдные митинги выражали решимость их участников не отступить и отстаивать до конца идеалы социализма и суверенитет страны. Были проведены военные приготовления с участием миллионов кубинцев к защите острова от потенциального вооруженного вторжения США. Эти опасения оживились после интервенции Вашингтона в Панаме. Было объявлено о переходе к «особому периоду в мирное время» в связи с резким ухудшением внешнеэкономических условий и к стратегии «выживания». Предусматривались сокращение производства и распределения потребительских товаров, ассигнований на социальные расходы, жесткая экономия энергетических и топливных ресурсов, максимальная мобилизация трудовых усилий. Система нормирования распространилась практически на все виды продукции и товаров для населения. Нормы снабжения стали очень скудными. Ежедневная норма отпуска хлеба на одного человека в 1991 г. уменьшилась до 80 г. Развернулась кампания по самообеспечению населения продовольствием, в том числе предприятий, учебных заведений. Свободные городские территории, дворы, стадионы стали отдаваться под огороды. Масса горожан направлялась на сельхозработы. Была разрешена индивидуальная трудовая деятельность в свободное от работы время.

Куба старалась расширить торгово-экономические связи с капиталистическими странами, в том числе с государствами Латинской Америки, привлечь к сотрудничеству иностранный капитал в виде совместных предприятий. К 1993 г. на острове действовало более 80 таких предприятий.

Все эти меры имели ограниченный эффект. Они не могли вывести страну из тяжелого и все углубляющегося кризиса экономики и предотвратить дальнейшее ухудшение снабжения населения. В условиях тотального дефицита росли спекуляция и «черный» рынок.

Ужесточилась борьба с пустившей глубокие корни коррупцией. В 1989 г. к расстрелам и длительным срокам тюремного заключения были приговорены несколько высших руководителей армии и министерства внутренних дел по обвинению в коррупции и участии в международной контрабанде наркотиков. С октября 1990 г. начались широкие аресты административных работников и других лиц, обвиненных в хищениях государственной собственности, спекуляции, мошенничестве и взяточничестве. Число арестованных по этим обвинениям к апрелю 1991 г. достигло почти 2 тыс. человек. В 1991—1993 гг. были арестованы и преданы суду также небольшие группы лиц из интеллигенции и студенчества, пытавшихся явочным порядком создать оппозиционные организации и «правозащитное движение» и выступавших с обвинением существующего режима в

нарушении демократии и прав человека. Действия диссидентов были расценены как контрреволюционные, нацеленные на свержение народной власти.

В начале 90-х годов оживилась политическая активность враждебной режиму Ф. Кастро части кубинской эмиграции, главным образом в США, где проживало 2 млн. лиц кубинского происхождения. Основным центром их сосредоточения стал курортный город Майами во Флориде, в непосредственной близости от Кубы. В США и некоторых других странах действовали эмигрантские организации разной ориентации — от крайне правых до реформистских. Крах мировой системы социализма, распад СССР и углубление кризисной ситуации на Кубе стимулировали их надежды на скорые политические перемены на острове.

Оппозиционные режиму Ф. Кастро эмигрантские организации и группы объединились в две коалиции. Наиболее правые и консервативные силы составили Национальный фонд американцев кубинского происхождения со штаб-квартирой в Майами. Его возглавил лидер мощной финансовой группировки флоридских бизнесменов, кубинцев по происхождению Хорхе Мас Каноса. Фонд выступал за самые жестокие меры против режима Ф. Кастро и его насильственное свержение и готовился к роли будущей правящей элиты на острове. Члены Фонда добивались поддержки США и других стран Запада и надеялись, что блокада острова и голод очень скоро погубят режим Ф. Кастро.

В августе 1990 г. в Мадриде оформилась другая эмигрантская коалиция — Демократическая платформа Кубы, возглавленная лидером Либерального союза Кубы Карлосом Альберто Монтанером, в прошлом участником революции. Коалиция имела филиалы в США (Майами) и в других странах. В ней участвовали либералы, христианские демократы и социал-демократы. Демократическая платформа осуждала насильственные действия, выступала за мирный переход к представительной демократии. Ее участники полагали, что оппозицию режиму Ф. Кастро должны возглавить внутренние силы на самом острове, а не «освободители извне». Они надеялись путем переговоров с кубинским руководством добиться уступок оппозиции, которые бы открыли путь к постепенной либерализации и демонтажу тоталитарной системы и затем к свободным выборам под международным контролем (по примеру Никарагуа). К.А. Монтанер и его сторонники призывали к смягчению эмбарго США в отношении Кубы и к шагам по нормализации отношений между Вашингтоном и Гаваной, чтобы побудить кубинское правительство на встречные шаги и диалог.

На самом острове оппозиционное движение не выходило за рамки малочисленных диссидентских групп, изолированных от основного населения. Режим Ф. Кастро еще был довольно прочным и сохранял

определенную опору в массах, хотя росли настроения усталости и апатии, недовольство экономическими трудностями.

В октябре 1991 г. в Гаване под лозунгом «Спасти родину, революцию и социализм!» состоялся IV съезд Компартии Кубы, выразивший ее решимость продолжать «курс на построение социализма», сохранять верность марксизму-ленинизму. Съезд подтвердил монополию партии на власть, недопущение оппозиции, призвал давать отпор любым попыткам реставрации капитализма, частной собственности и рыночной экономики, готовиться к отражению возможной агрессии со стороны США. Фидель Кастро вновь был избран первым секретарем ЦК партии, а его брат Рауль — вторым секретарем.

Одним из немногих нововведений по итогам съезда стала замена двухступенчатых выборов провинциальных и Национальной ассамблеи народной власти прямым и тайным голосованием населения. 24 февраля 1993 г. такие выборы состоялись, правда, без выдвижения альтернативных кандидатур: на 589 мест в Национальной ассамблее было выдвинуто 589 кандидатов и все они получили более 90 % голосов. Всего в выборах участвовало 99,7 % избирателей. В марте 1993 г. на первой сессии Национальной ассамблеи народной власти нового состава вновь единогласно председателем Государственного совета и правительства был избран Фидель Кастро, а его первым заместителем — Рауль Кастро.

Во второй половине 1993 г. кубинское руководство все же приступило к пересмотру экономической политики. Было легализовано использование твердой валюты. Куба разрешила визиты эмигрантов-кубинцев к своим родственникам на остров. Был проявлен интерес к опыту Китая и Вьетнама по развитию рыночной экономики, взят курс на развитие мелкого частного хозяйства и розничной торговли, с тем чтобы смягчить кризисную ситуацию.

В 70—80-е годы Куба проявляла большую активность на мировой арене. Расширились масштабы ее поддержки тех развивающихся стран, которые выступали с лозунгами радикального антиимпериализма и построения социализма. В Анголе, Мозамбике, Эфиопии, Конго, Южном Йемене, Алжире, Никарагуа и других странах трудились десятки тысяч кубинских военных специалистов, строителей, врачей, преподавателей, специалистов народного хозяйства. До 20 тыс. студентов из этих государств ежегодно безвозмездно обучались на Кубе.

В критический для Анголы момент, в 1975—1976 гг., военная помощь Кубы позволила ей отразить агрессию Южно-Африканской Республики (ЮАР) и наступление враждебных правительству Анголы сил внутри страны. Кубинские войска надолго остались в стране, продолжая защищать власть ангольского правительства от новых вторжений войск ЮАР с территории контролировавшейся ЮАР Намибии и от вооруженных сил оппозиции, которую поддерживали

ЮАР и США. В 1988—1989 г. на многосторонних переговорах была достигнута договоренность об отводе войск ЮАР с территории Анголы и Намибии и предоставлении Намибии независимости. После этого начался поэтапный вывод кубинских воинских подразделений из Анголы, заверченный в 1991 г.

В 1977—1978 гг. военная помощь Кубы позволила Эфиопии нанести решительное поражение вторгшимся в страну и дошедшим до центральных ее районов войскам соседнего Сомали, правитель которой М. Сиад Барре пытался захватить обширную восточную часть эфиопской территории, частично населенную сомалийскими племенами.

Куба стремилась усилить антиимпериалистическую и антиамериканскую направленность Движения неприсоединения, выступала за льготные для развивающихся стран международные экономические отношения, за радикальное решение проблемы внешней задолженности развивающихся стран в их пользу, вплоть до полного списания долгов (что было явно нереалистично). В сентябре 1979 г. лидер Кубы Фидель Кастро на конференции Движения неприсоединения в Гаване был избран его председателем на период с 1979 по 1983 г.

В Латинской Америке Куба постоянно солидаризировалась с участниками революционной борьбы и антиимпериалистическими, антиамериканскими выступлениями. Большую помощь оказала она сандинистской Никарагуа, в том числе в налаживании обороны. Куба помогала революционной Гренаде в 1979—1983 гг., поддерживала сальвадорских повстанцев, Панаму в ее усилиях по восстановлению суверенитета над зоной Панамского канала. В 1982 г. кубинское правительство выразило готовность предоставить любую помощь Аргентине во время ее вооруженного конфликта с Великобританией. Гавана протестовала против вмешательства Вашингтона в Центральной Америке, против вооруженных интервенций США на Гренаде (1983) и в Панаме (1989). В 80-е годы кубинское руководство неоднократно выступало в поддержку совместных действий латиноамериканских республик по развитию их сотрудничества, по проблеме внешнего долга. Продолжалось участие страны в Латиноамериканской экономической системе (ЛАЭС). В 1988 г. дипломатические отношения с Кубой восстановили Бразилия и Уругвай.

В 70—80-е годы Куба тесно сотрудничала с Советским Союзом и другими социалистическими странами, активно участвовала в СЭВ. Она оказала помощь жертвам аварии 1986 г. на Чернобыльской АЭС и землетрясения 1988 г. в Армении, приняла на отдых и лечение пострадавших советских детей. В апреле 1989 г. состоялся визит на остров советского руководителя М.С. Горбачева, во время которого был подписан официальный договор о дружбе и сотрудничестве между обеими странами.

Ликвидация в 1989—1991 гг. дружественных Гаване социалистических режимов в Восточной и Центральной Европе, распад Советского Союза и приход к власти в России новых сил (1991) положили конец тесному экономическому, политическому и военному сотрудничеству Кубы с этими странами и резко ослабили ее позиции в противостоянии США. Более того, бывшие союзники Ф. Кастро, в том числе и Россия, присоединились к США и другим западным странам — членам ООН в осуждении режима Ф. Кастро за нарушения прав человека.

В новой ситуации Куба заявила о своей роли защитника идеалов социализма на мировой арене. Она старалась сохранить и расширить дружеские связи с уцелевшими социалистическими режимами Китая, Вьетнама и Северной Кореи. Но одновременно активизировались поиски путей к развитию торгово-экономических отношений с западноевропейскими и латиноамериканскими странами. Куба свернула свое военно-политическое присутствие за пределами национальной территории, прекратила активную поддержку вооруженных повстанческих движений в Центральной Америке. Тем не менее, несмотря на все трудности, Гавана продолжала оказывать помощь слаборазвитым странам в подготовке квалифицированных кадров. В 1993 г. в учебных заведениях на Кубе бесплатно обучались 12 тыс. молодых граждан африканских государств, а в самой Африке безвозмездно трудились 600 кубинских гражданских специалистов. Поддерживая интеграционные процессы в Латинской Америке и стремясь в них участвовать, Куба в то же время в планах создания зоны свободной торговли в Западном полушарии совместно с США усмотрела опасность усиления зависимости Латинской Америки от главной мировой империалистической державы. Осудив захват Кувейта Ираком в августе 1990 г., Гавана затем решительно выступила против военных акций в отношении Ирака, предпринятых в январе — феврале 1991 г. коалицией государств во главе с США с санкции Совета Безопасности ООН. Это было расценено как империалистическая агрессия против арабских народов.

По мере углубления кризиса на острове и ухудшения международных позиций Кубы проблема улучшения ее отношений с Вашингтоном приобретала все более первостепенное значение. Правительство Кубы в марте 1993 г. заявило о готовности к диалогу с США в целях нормализации двусторонних отношений, однако отказалось обсуждать внутривнутриполитические вопросы. Вашингтон же предварительным условием такого диалога ставил политические перемены на острове.

Куба, совершившая некогда овеянную романтизмом ореолом революцию, бросившая дерзкий вызов могущественному северному Голиафу и решительно вставшая под знамена социализма, после более чем трех десятилетий развития по избранному пути осталась

одинокой среди стран континента в стремлении построить альтернативное капитализму общество и, придя к тяжелой ситуации как внутри страны, так и на международной арене, утратила роль «притягательного маяка» для народов региона, хотя сама Кубинская революция оказала большое влияние на развитие Латинской Америки.

РАЗВИТИЕ АРГЕНТИНЫ, БРАЗИЛИИ И МЕКСИКИ В УСЛОВИЯХ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ (СЕРЕДИНА 80-Х — НАЧАЛО 90-Х ГОДОВ). ЧИЛИ ПОСЛЕ ДИКТАТУРЫ

Середина 80-х годов для Аргентины и Бразилии — ведущих стран Южной Америки — ознаменовалась переходом от диктатуры к демократической форме правления. В Аргентине это было связано с приходом к власти 10 декабря 1983 г. конституционного правительства радикалов во главе с Раулем Альфонсином (1983—1989). Новое правительство восстановило демократические свободы, действие конституции. Были официально легализованы партии, профсоюзы, общественные организации, отменены преследования по политическим мотивам, было разрешено вернуться на родину политэмигрантам. Начались реорганизация и сокращение вооруженных сил, были урезаны расходы на оборону. Члены трех военных хунт 1976—1982 гг. во главе с бывшими президентами — диктаторами Х. Виделой, Р. Виолой и Л. Гальтиери как главными виновниками репрессий и нарушений прав человека в период военного режима, а также ряд других высших офицеров были отданы под суд. В декабре 1985 г. большинство из них, в том числе и все три бывших президента, получили длительные сроки тюремного заключения (вплоть до пожизненного). Суд над руководителями военной диктатуры имел большой резонанс не только в Аргентине, но и за ее пределами.

Позитивные перемены произошли во внешней политике. Еще при президенте Биньоне после военного конфликта с Великобританией из-за Фолклендских (Мальвинских) островов возобновилось и теперь получило дальнейшее развитие деятельное участие Аргентины в Движении неприсоединения. В мае 1984 г. Альфонсин стал одним из учредителей совместно с президентами и главами правительств Мексики, Индии, Танзании, Швеции и Греции «Делийской шестерки». Ее участники взяли на себя инициативу выступлений за ядерное разоружение и разрядку напряженности в мире от имени представляемых ими регионов мира.

Видная роль принадлежала правительству Альфонсина в создании Группы поддержки Контадоры (сентябрь 1985 г.) и в ее выступлениях против военного вмешательства извне в дела Центральной Америки, за мирное решение центральноамериканского конфликта. Дости-

жением правительства явилось урегулирование в 1984—1985 гг. на основе взаимного компромисса многолетнего пограничного конфликта Аргентины с Чили в районе пролива Бигл около Огненной Земли.

Аргентина протестовала против милитаризации Великобританией Фолклендских (Мальвинских) островов и установления вокруг них Лондоном в 1987 г. 150-мильной «зоны безопасности», затрагивавшей права Аргентины на территориальные воды, что еще более обострило отношения двух стран. Правительство Альфонсина высказывалось за решение спора о принадлежности островов путем переговоров. Аргентине удалось добиться поддержки своей позиции странами Латинской Америки, Движением неприсоединения и Генеральной Ассамблеей ООН, но Великобритания категорически отказывалась обсуждать этот вопрос.

Давнее соперничество Аргентины с Бразилией сменилось при Альфонсине в августе 1986 г. соглашением об интеграционном союзе двух крупнейших стран Южной Америки. Эти страны совместно участвовали в более широкой Группе Рио-де-Жанейро, образованной в конце 1986 г. бывшими членами Контадорской группы и Группы поддержки Контадоры для координации усилий в области экономики и внешней политики. Общим для обоих государств стало требование превратить Южную Атлантику в зону мира.

Еще в годы военного режима стремительно расширилась торговля Аргентины с Советским Союзом — с 0,3 млрд. долл. в 1977 г. до 3,5 млрд. в 1981 г. СССР превратился в ведущего покупателя аргентинского зерна и мяса. Однако в связи с тем, что Аргентина делала незначительные закупки в СССР, дальнейшее развитие этих отношений застопорилось и объем торговли стал сокращаться. Правительство Альфонсина проявило заинтересованность в поисках путей к уменьшению дисбаланса и развитию установившихся связей. В октябре 1986 г. впервые в истории президент Аргентины посетил СССР. Были заключены соглашения об экономическом, научном и культурном сотрудничестве и договор о рыболовстве в Южной Атлантике.

С большими трудностями столкнулось правительство в экономической области из-за последствий кризиса 1980—1982 гг. и огромной внешней задолженности. ВВП в 1984 г. увеличился на 2,5 %, а в 1985 г. сократился на 4,5 %. Инфляция в 1984 г. подскочила до 688 %. Уровень заработной платы, повышенный с приходом к власти Альфонсина, стал отставать от цен, несмотря на распоряжение правительства о ее ежемесячной индексации соответственно росту цен. Сохранялась высокая безработица.

Не будучи в силах выплатить накопившуюся задолженность кредиторам по внешнему долгу, достигшему 53 млрд. долл., Аргентина была вынуждена пойти на соглашения с ними, по которым в обмен на льготные условия выплаты процентов и рефинансирование

задолженности власти страны обязались сократить дефицит бюджета и инфляцию. В июне 1985 г. правительство Альфонсина приняло соответствующий план оздоровления экономики «Аустраль». Был урезан госбюджет, началась распродажа некоторых государственных предприятий, замораживались цены и заработная плата, вводилась новая денежная единица — аустраль, равная 1 тыс. прежних песо. Прошла волна увольнений. Эффект этих мер оказался кратковременным. Инфляция в 1986 г. уменьшилась до 82 %, возобновился рост экономики: ВВП увеличился в 1986 г. на 6 %, а промышленное производство — на 12,8 %. Однако в 1987 г. ситуация вновь стала ухудшаться. В 1988 г. промышленное производство упало на 5,5 %, в 1989 г. — еще более. Занятость в промышленности в 1987 г. составила 95 % от уровня 1983 г. Инфляция в 1988 г. достигла 388 %, а в 1989 г. — почти 4000 %.

Нарастало недовольство рабочих. За 1984—1988 гг. состоялось 13 всеобщих забастовок против экономической и социальной политики правительства, в каждой из которых участвовало от 5 до 8 млн. человек. Возглавляло выступления перонистское руководство ВКТ.

Компартия Аргентины, ранее выступавшая за союз всех демократических сил, включая перонистов и радикалов, в 1985—1986 гг. осудила такой курс как оппортунистический и перешла на позиции острой критики правительства и буржуазных партий, поставив задачей создание фронта противостоящих им революционных сил. В конце 80-х годов коммунисты добились сотрудничества с рядом малочисленных крайне левых партий. Блок этих партий с участием коммунистов («Объединенные левые») получил на всеобщих выборах в мае 1989 г. 2,4 % голосов, не сумев расширить свою узкую социальную базу.

Неспокойно было в армии, недовольной судебными процессами против военных. Трижды предпринимались попытки военных мятежей (апрель 1987 г., январь и декабрь 1988 г.), заставившие правительство приостановить судебные процессы.

Ухудшение обстановки в стране и падение авторитета радикального правительства Альфонсина привели к поражению кандидата правящей партии «Радикальный гражданский союз» (РГС) на президентских выборах 14 мая 1989 г., получившего 32,5 % голосов. Победителем с 47,3 % голосов стал перонист Карлос Менем. Расширили свои позиции правоцентристские партии (до 11 %).

Карлос Менем, аргентинец арабского (сирийского) происхождения, в свое время пострадавший от репрессий при военном режиме, до выборов был губернатором небольшой заштатной провинции Ла-Рьоха. В избирательной кампании он удачно апеллировал к наследию Перона, умело использовал яркую националистическую риторику, критиковал политику правительства Альфонсина как не отвечающую интересам народа и нации, выступал за приостановку платежей по

внешнему долгу, обещал повысить заработную плату и снизить налоги. Менем старался выглядеть в глазах аргентинцев волевой «харизматической» личностью, способной осуществить чаяния различных слоев общества и вывести страну из кризисного состояния. В то же время он предпочитал не слишком конкретизировать, как он выполнит сделанные обещания. Личное обаяние придавали ему мужественная внешность, живописные бакенбарды, слава спортсмена. Несмотря на свой солидный уже возраст (57 лет в год выборов) и невысокий рост, Менем и после того, как стал президентом, часто демонстрировал свое мастерство прекрасного гонщика, авиапилота, теннисиста, играл в футбол и в баскетбол вместе с лучшими аргентинскими спортсменами, в том числе со знаменитым футболистом Диего Марадоной, что широко освещалось в прессе, приковывало внимание публики к экзотическому президенту.

После выборов обстановка в республике продолжала обостряться. Только за май 1989 г. цены выросли на 78,5 %. В конце мая вспыхнули продовольственные волнения, охватившие ряд городов. Толпы отчаявшихся людей нападали на магазины и захватывали продукты. 30 мая власти ввели на месяц осадное положение. Произошли столкновения полиции и войск с населением. Десятки человек были убиты и ранены. В июне цены подскочили еще почти на 200 %.

Сложившаяся ситуация заставила Альфонсина досрочно 8 июля 1989 г. (вместо 10 декабря) передать власть избранному президентом Менему. Впервые за долгие десятилетия власть в республике передавалась законным путем от одного конституционного президента другому. После 13-летнего перерыва снова, в третий раз, у власти в Аргентине оказались перонисты.

Политика перонистского правительства К. Менема разительно отличалась от традиционного перонистского курса и во многом противоречила его собственным предвыборным обещаниям. Вместо пероновских лозунгов «хустисиализма» (справедливого общества) и «национального социализма» Менем предпочел тезис о «гуманном капитализме». Он привлек к сотрудничеству с правительством правоцентристскую партию «Союз демократического центра» и ее лидера Альваро Альсогарая, представителей крупного капитала. Чтобы преодолеть гиперинфляцию и дезорганизацию экономики, правительство Менема сократило бюджетные ассигнования и установило контроль над ростом цен и зарплаты. Это привело к увеличению безработицы и падению реальной заработной платы, но инфляция уже в сентябре уменьшилась до 9 % за месяц. Разрабатывались дальнейшие шаги по снижению государственных расходов и стимулированию частных местных и иностранных капиталовложений. В августе 1989 г. был принят закон, предусматривавший приватизацию в ближайшие годы 35 крупнейших государственных

компаний: транспорта (в том числе железных дорог), средств связи, ряда нефтехимических заводов и других — как раз тех, что были созданы Пероном, но которые теперь стали малоэффективными и убыточными для государства (ежегодные убытки казны от госсектора достигали 5 млрд. долл.). Предусматривалось также значительное сокращение бюрократического аппарата и персонала оставшихся в руках государства компаний. Такой резкий отход от политики основателя перонизма вызвал недовольство не только левых сил, но и части правоверных перонистов. Зато эти меры встретили одобрение крупного капитала и правых партий.

Карлос Менем призвал рабочих и служащих поддержать предлагаемый им «социальный пакт» и ради стабилизации экономики и привлечения иностранных инвестиций отказаться на время от требований улучшения их положения. В перонистской ВКТ обострилась борьба между теми, кто поддержал такой призыв, и руководителем профцентра С. Убальдини и его сторонниками, настаивавшими на защите интересов трудящихся. В октябре 1989 г. ВКТ раскололась на две организации с аналогичным наименованием: оппозиционную ВКТ во главе с С. Убальдини и проправительственную во главе с Г. Андреони. Официальная ВКТ при поддержке правительства сумела укрепить свои позиции. Попытки оппозиционной ВКТ и ее лидера Убальдини организовать массовое противодействие политике Менема, в том числе всеобщие забастовки и манифестации, в условиях раскола большого успеха не получили. В дальнейшем этот профцентр не смог устоять и распался.

Уязвимыми сторонами в действиях оппозиционных Менему сил были их разобщенность и отсутствие конструктивной альтернативы правительственному курсу. Они делали акцент на критике негативных сторон социальной и экономической политики правительства, по сути оставшейся неоконсервативной, выдвигая «перераспределительные» социальные требования, лозунги возврата к государственному протекционизму и жесткой позиции в отношении ТНК и по вопросу выплаты внешней задолженности, что явно не отвечало новым реалиям и возможностям страны.

Строгая антиинфляционная политика помимо негативных социальных результатов углубила продолжавшийся экономический спад. Валовой внутренний продукт в 1990 г. сократился еще на 2%. В условиях либерализации экономики и усиления позиций крупного местного и транснационального капитала мелкие и средние национальные предприниматели разорялись. В конце 1989 — начале 1990 г. вновь выросла инфляция, возобновились нападения бедноты на магазины. Тем не менее правительство настаивало на своем курсе, на необходимости, по словам президента, «хирургической операции высшего класса без анестезий», с тем чтобы вывести страну из кризиса, осуществить в возможно кратчайшие сроки технологическую

модернизацию, интегрировать Аргентину в мировое хозяйство и в ряды развитых государств. В марте 1990 г. был принят новый пакет мер по стабилизации экономики и сдерживанию инфляции. Последовали дальнейшие сокращения государственных расходов, массовые увольнения служащих государственных учреждений и предприятий, широкая распродажа государственных компаний, среди них телефонная и авиакомпания. Некоторые нефтяные месторождения были переданы иностранным корпорациям, с тем чтобы с их помощью расширить нефтедобычу и не только полностью удовлетворить потребности страны в нефти и нефтепродуктах, но и превратить Аргентину в их экспортера. Были увеличены подоходные налоги, цены на горючее, электроэнергию, транспорт. Продолжалась линия на сдерживание заработной платы и ограничение прав трудящихся госсектора.

В марте 1991 г. новым, уже четвертым с начала президентства Менема министром экономики стал 45-летний Доминго Кавальо, предпринявший энергичные меры по исправлению финансового и экономического положения. В апреле 1991 г. правительство резко снизило импортные пошлины, чтобы сбить цены на внутреннем рынке и стимулировать конкурентоспособность национального производства. Это привело к росту импорта потребительских товаров в 3 раза в первой половине 1992 г. по сравнению с аналогичным периодом 1991 г. Был упразднен государственный контроль над ценами и валютным рынком, отменены субсидии на товары первой необходимости, введена конвертируемость аргентинской валюты. С января 1992 г. восстанавливалась существовавшая до 1985 г. традиционная аргентинская денежная единица — песо. 1 песо заменил 10 тыс. аустралей и приравнивался к 1 доллару. Такой паритетный курс оставался стабильным на протяжении 1992 и 1993 гг. Это ударило по валютным спекулянтам. Власти усилили контроль над сбором налогов, пригрозив суровыми санкциями уклонявшимся от их выплаты. В результате приток поступлений в казну от налогов увеличился в полтора раза. Еще более возросли масштабы приватизации и соответственно выручка от продажи государственных компаний. Передача части государственной собственности в счет долговых обязательств страны помогла сократить внешнюю задолженность Аргентины, достигшую к 1990 г. 64 млрд. долл.

Принятые меры дали плоды. Дефицит бюджета ликвидирован. Валютные резервы Центрального банка в 1992 г. достигли 11 млрд. долл. Инфляция упала с 4000 % в 1989 г. до 170 % в 1991 г. и 12 % в 1993 г. После длительного застоя и спада производства ВВП Аргентины в 1991—1994 гг. ежегодно увеличивался на 5—8 %. Стали возвращаться в страну вывезенные в предыдущие годы за рубеж национальные капиталы. Увеличился приток иностранных инвестиций и новых кредитов. В апреле 1993 г. Аргентине удалось, восстановив

доверие кредиторов, добиться от коммерческих банков отсрочек и льгот в выплатах по внешней задолженности и сокращения ее на 11 млрд. долл.

Однако достигнутые успехи имели свою оборотную сторону. Либерализация внешней торговли и резкое увеличение импорта привели не столько к росту конкурентоспособности местного производства, сколько к вытеснению на внутреннем потребительском рынке импортными товарами национальной продукции и разорению многих аргентинских предпринимателей. Другим следствием был рост внешнеторгового дефицита. Аргентинский экспорт сталкивался на мировом рынке с конкуренцией и оградительными протекционистскими заслонами со стороны ведущих стран Запада. Львиная доля доходов от приватизации шла на оплату внешней задолженности, которая, несмотря на это и на все скидки, не уменьшилась (в 1992 г. — 65 млрд. долл.) из-за непрерывно набегавших больших процентов и новых займов и кредитов. Сохранялась постоянная зависимость Аргентины от мировых финансовых центров, диктовавших стране-должнику свои условия и варианты экономической политики. К тому же приватизация не могла быть долгосрочным источником поступления средств в казну, ибо количество оставшихся государственных предприятий быстро уменьшалось. Кроме того, распродажа ключевых, стратегических звеньев национальной экономики вела к переходу контроля над ними к зарубежным транснациональным компаниям, что еще более усиливало зависимость страны от ведущих центров международного капитала, озабоченных в первую очередь собственными интересами. Это создавало потенциальную угрозу суверенитету республики.

Высокой оказалась социальная цена «шоковой терапии» по монетаристским неоконсервативным («неолиберальным», выражаясь языком экономистов, поскольку речь о «либерализации» экономики и торговли) рецептам, предпринятой правительством Менема. Сокращение государственных расходов привело к свертыванию социальных программ, снижению заработной платы работников бюджетной сферы, увольнениям в их среде. Ограничивались права профсоюзов. Численность ВКТ уменьшилась до 2 млн. человек. Усилились социальные контрасты. Сокращение реальной заработной платы продолжалось и при начавшемся с 1991 г. росте производства. Жизненный уровень большинства 33-миллионного населения Аргентины в 1992 г. оставался ниже середины 70-х годов. В условиях бедности проживало $\frac{2}{3}$ населения. 45 % аргентинцев не имели достаточных средств для приобретения элементарно необходимых продуктов, хотя магазины и рынки наполнились товарами. Учителя, государственные служащие, неквалифицированные рабочие получали зарплату, в 4 раза меньшую прожиточного семейного минимума.

Трудным было положение пенсионеров. Полная и частичная безработица в 1994 г. достигла 20 % ЭАН. В столице от хронического недоедания в год умирало до 50 тыс. детей.

Продолжающееся ухудшение условий жизни большинства на фоне начавшегося роста экономики воспринималось особенно болезненно. «Кредит доверия» президенту-перонисту, готовность населения на жертвы ради выхода из экономических трудностей истощались. В декабре 1992 г. 70 % опрошенных аргентинцев не одобряли социально-экономическую политику Менема. В 1992 г. участились забастовки, манифестации протеста трудящихся ряда категорий, особенно преподавателей, работников госсектора, пенсионеров. Даже лояльная правительству перонистская ВКТ пригрозила всеобщей забастовкой. Впрочем, ее лидеры не решились на прямую конфронтацию с властями и «своим» президентом. В декабре 1991 г. ассамблея аргентинских епископов подвергла критике правительство и власть имущих за отсутствие сострадания к наиболее бедным гражданам, высказавшись за то, чтобы реформы имели гуманные, а не сугубо технократические цели.

Престиж Менема подрывали разоблачения в коррупции, принявшей широкие масштабы, особенно в процессе приватизации, причастности к наркобизнесу высших эшелонов власти, в том числе друзей и родственников президента, а также скандальный разъезд его с женой. В конце 1993 г. массовые народные волнения произошли в северных провинциях.

Тем не менее в целом правительству удалось удерживать ситуацию в стране под контролем.

Менем старался обеспечить лояльность правительству и конституционному режиму вооруженных сил, способствовать созданию в стране атмосферы «забвения прошлого» и консолидации национального единства. С этой целью 10 октября 1989 г. был издан декрет об амнистии основной части осужденных за репрессии военных, а также активистов левых вооруженных организаций, боровшихся против военного режима. Решение было примечательно тем, что Менем амнистировал тех, по чьему приказу сам в годы диктатуры просидел несколько лет в тюрьме. Декрет об амнистии военных вызвал протесты левых сил, радикалов, правозащитных организаций, но не избавил правительство от проявления недовольства в рядах армии падением ее престижа и роли в жизни страны. Утром 3 декабря 1990 г. группа военных подняла мятеж и захватила главный штаб армии и некоторые другие объекты в столице. Мятежники потребовали смены военного руководства, полной амнистии всех военных, усиления внимания властей к армии. Менем принял энергичные меры против мятежа, который к ночи был подавлен верными правительству частями. В бою погибло 19 и было ранено 200 человек, 300 мятежников сдались. Зачинщики были

преданы суду военного трибунала. И все же в конце декабря Менем помиловал еще оставшихся в заключении бывших президентов генералов Х. Виделу и Р. Виолу и других деятелей военного режима 1976—1983 гг.

В 1994 г. была реформирована конституция Аргентины. Срок полномочий президента сокращался с 6 до 4 лет, но с правом повторного переизбрания. Это право распространялось и на Менема. Расширились полномочия Национального конгресса. Вводилась должность главы кабинета министров, назначаемого президентом, но ответственного и перед парламентом. Президентские выборы были назначены на май 1995 г.

В новых условиях признавалась нежизненность концепции Перона о «третьем пути», в том числе в международном плане. Основой внешней политики Менема стали прагматизм, приоритет экономических интересов, которые, по его мнению, требовали не «антиимпериализма», а поисков сотрудничества с высокоразвитыми державами и международными финансовыми организациями. В сентябре 1991 г. Аргентина вышла из Движения неприсоединения, стремясь отныне к максимальному сближению с США и странами Запада, чтобы со временем приобщиться к кругу «избранных».

В связи с этим определился новый подход к англо-аргентинскому конфликту из-за Фолклендских (Мальвинских) островов. Не отказываясь в принципе от прав на них Аргентины, Менем согласился отложить решение этого вопроса на неопределенное будущее, сосредоточив внимание на восстановлении дипломатических и торгово-экономических отношений с Великобританией и нормализации обстановки вокруг островов при сохранении британского контроля над ними. Переговоры по данным вопросам между Аргентиной и Великобританией увенчались в феврале 1990 г. нормализацией их отношений и положения в районе островов. В апреле 1990 г. было восстановлено прерванное в 1982 г. сотрудничество Аргентины с ЕЭС.

После захвата Ираком Кувейта (август 1990 г.) Аргентина присоединилась к международной коалиции во главе с США, предпринявшей с санкции Совета Безопасности ООН в январе — феврале 1991 г. боевые действия против Ирака с целью освобождения Кувейта. В сентябре 1990 г. Менем дал приказ об отправке в распоряжение коалиции в Персидский залив двух аргентинских военных кораблей, нескольких сухопутных подразделений и военно-транспортных самолетов, игнорируя протесты оппозиции, выступавшей против военных акций в отношении Ирака и тем более участия в них Аргентины. Аргентина оказалась единственной латиноамериканской страной, направившей свои воинские подразделения в район конфликта. Правда, непосредственно в боях они не участвовали, ограничившись вспомогательной ролью. Этой акцией Менем стремился продемонстрировать намерение Аргентины стать активным

участником мировой политики совместно с США и их союзниками по международной коалиции. В дальнейшем Аргентина приняла участие в миротворческих акциях международных вооруженных сил под эгидой ООН в бывшей Югославии и в Сомали.

При Менеме был продолжен курс на интеграцию с Бразилией и Уругваем. 26 марта 1991 г. президенты Аргентины, Бразилии, Уругвая и Парагвая подписали в Асунсьоне соглашение о создании Общего рынка Юга Америки (МЕРКОСУР) в составе 4 стран. Соглашение предполагало постепенную отмену к 1995 г. таможенных тарифов и введение свободной торговли между ними, осуществление согласованной экономической политики и совместных проектов развития. Для Менема МЕРКОСУР был трамплином к постепенному распространению интеграционных связей и свободной торговли на другие страны региона, вплоть до создания континентального интеграционного союза с участием США. В этом плане его интересовало расширение торгово-экономического сотрудничества с Чили и Мексикой и приобщение Аргентины к создаваемой США, Канадой и Мексикой Североамериканской зоне свободной торговли.

В начале 90-х годов резко сократились торгово-экономические отношения Аргентины с Россией из-за тяжелой кризисной ситуации на территории бывшего Советского Союза и ослабления интереса российских властей к сотрудничеству с латиноамериканскими странами. Правительство Менема солидаризировалось с Вашингтоном в осуждении режима Ф. Кастро в большей степени, чем другие правительства региона, призывая усилить давление на Кубу, чтобы ускорить политические перемены на острове. В то же время Аргентина высказывалась против прямого вмешательства во внутренние дела на Кубе и сохраняла торгово-экономические отношения с ней.

При Менеме Аргентина наконец ратифицировала Договор Глателолько 1967 г. о превращении Латинской Америки в зону, свободную от ядерного оружия, отказавшись от стратегических ракетно-ядерных программ и согласившись на международный контроль над ядерной технологией. Прекратилась продажа Аргентиной ядерных реакторов и военной технологии Ираку и Ирану.

В Бразилии гражданскому правительству Жозе Сарнея (1985—1990) предстояло завершить переход к конституционному режиму. Уйдя от власти, военные продолжали претендовать на роль охранителей политической стабильности. В правительстве консервативные элементы соседствовали с либеральными и левореформистскими политиками. Сам Ж. Сарней принадлежал к умеренному крылу и старался выступать в роли координатора правительственного блока.

Неотложного внимания требовали накопившиеся социальные и экономические проблемы. Правительство заявило о намерении решить вопросы внешней задолженности, инфляции, экономического разви-

тия без ущемления интересов народных масс. Чтобы обеспечить стабильность в стране и широкую поддержку намеченным мероприятиям, правительство предложило заключить «социальный пакт» между трудящимися, предпринимателями и властями. Были предприняты усилия по стабилизации цен и стимулированию экономического роста. Началось осуществление плана борьбы с голодом, мер по созданию новых рабочих мест, развитию отсталых районов, улучшению системы здравоохранения. Проект аграрной реформы предусматривал наделение землей за 15 лет 7 млн. семей. Было разработано новое трудовое законодательство, удовлетворявшее многие требования рабочих. На компромиссной основе решались трудовые конфликты.

В феврале 1986 г. началось осуществление плана экономической стабилизации «Крузадо», по которому замораживались цены и зарплата и вводилась новая денежная единица — крузадо, равная 1000 прежних крузейро. Выплаты по внешнему долгу удалось уменьшить.

Принятые конституционные поправки восстановили всеобщие прямые выборы президента и устранили последние ограничения демократических свобод, было предоставлено право голоса 20 млн. неграмотных. Полностью была легализована компартия, поддерживавшая с некоторыми оговорками политику правительства Сарнея. 15 ноября 1986 г. состоялись выборы в Национальный конгресс, наделенный правами Учредительной конституционной ассамблеи, и выборы губернаторов. Ведущая правящая Партия Бразильское демократическое движение (ПБДД) добилась 55 % мест в конгрессе и 22 из 23 губернаторских постов. Ее союзник по правительственной коалиции Партия Либерального фронта — 22 % мест. Партия трудящихся увеличила свое представительство в палате депутатов с 8 до 16 мест. Три мандата получили коммунисты. 1 февраля 1987 г. открылись заседания Учредительного Национального конгресса, а 3 октября 1988 г. была принята новая конституция Бразилии. По ней подтверждались уже завоеванные демократические права, право трудящихся на профсоюзы и забастовки, вводилась 44-часовая рабочая неделя (вместо 48-часовой). Отныне президент республики должен был избираться на 5 лет без права переизбрания на последующий период.

После спада 1981—1983 гг. вновь ускорилось экономическое развитие. ВВП увеличился в 1985 г. на 7 %, а в 1986 г. на 8,2 %, продукция обрабатывающей промышленности — соответственно на 7 % и 11,3 %. Добыча нефти за несколько лет возросла вдвое, превысив 30 млн. т в год. Это позволило сократить ее импорт. Производство стали увеличилось в полтора раза — до 22 млн. т в 1987 г. Бурное промышленное развитие позволило в 1986 г. создать 1 млн. новых рабочих мест. Развивалась энергетика. Производство электроэнергии

в 1985 г. превысило 190 млрд. кВт · ч. С 1977 г. в Бразилии действовала первая в стране атомная электростанция «Ангра-1». Началось строительство второй. Увеличилось производство сельскохозяйственной продукции.

Большое внимание уделялось самым передовым направлениям экономического и научно-технического прогресса. В 1986 г. была создана компания «Орбита» по производству ракет для запуска спутников Земли и военных ракет среднего и дальнего радиуса действия. В Алкантаре (штат Мараньян) началось строительство космодрома. Бразилия превратилась в крупного производителя и экспортера современных видов оружия и военной техники, от продажи которых в 1986 г. выручила 1,5 млрд. долл.

Быстрое развитие получило производство средств информатики, особенно компьютеров. В этой отрасли в 1986 г. было занято 250 тыс. человек. За несколько лет страна обеспечила свои потребности в компьютерах, прежде удовлетворявшиеся за счет импорта из США, и стала их экспортировать. В связи с этим в 1987 г. обострились торгово-экономические отношения США и Бразилии.

Однако стране трудно было совмещать выплату непомерно возросших процентов по внешнему долгу, составлявшему 110—120 млрд. долл. (первое место среди всех развивающихся государств) с высокими темпами роста экономики, большими капиталовложениями на модернизацию производства и социальный прогресс. Заметно сократился приток новых средств из-за рубежа. В ноябре 1986 г. был введен в действие новый план «Крузадо-2», ужесточивший меры по экономии. Это сказалось на положении трудящихся, ответивших ростом забастовок и несколькими всеобщими 24-часовыми и 48-часовыми национальными забастовками протеста с участием в каждой из них до 9 млн. человек. План кончился неудачей. Инфляция, составлявшая в 1986 г. 148 %, поднялась в 1988 г. до 816 %, а в 1989 г.— почти до 1500 %. В феврале 1987 г. Бразилия оказалась вынужденной ввести временный мораторий на выплату процентов по внешней задолженности. В конце 1987 г. удалось достигнуть соглашения с иностранными кредиторами о возобновлении выплаты процентов, частично за счет рефинансирования платежей кредиторами. В середине 1989 г. платежи вновь были приостановлены. Рост экономики в конце 80-х годов застыл, достигнув в 1988 г. нулевой отметки. Положение осложнял быстрый рост населения Бразилии (с 93 млн. человек в 1970 г. до 157 млн. в 1992 г.). Задуманная аграрная реформа из-за сильного противодействия латифундистов и экономических затруднений практически не состоялась. До конца 1987 г. землю получили лишь 30 тыс. семей. В октябре 1987 г. Сарней подписал декрет об экспроприации 30 млн. га необрабатываемых земель латифундистов и передаче их 1 млн. семей, но этот декрет не был реализован. В руках 2,6 %

землевладельцев оставалось 286 млн. га сельскохозяйственных угодий.

Престиж правительства и правящих партий упал. На муниципальных выборах в ноябре 1988 г. ПБДД и Партия Либерального фронта потерпели ошутимое поражение. Зато крупного успеха добились левые партии — Демократическая трабальстская партия (ДТП) Л. Бризолы и Партия трудящихся. Обострились разногласия и усилились центробежные тенденции внутри ПБДД, блок которой с Партией либерального фронта распался. От ПБДД откололась группа более радикально настроенных ее членов во главе с сенатором М. Ковасом, создавшая в 1988 г. Бразильскую социал-демократическую партию (БСДП).

На первых после почти 30-летнего перерыва прямых президентских выборах 15 ноября 1989 г. (в день 100-летия установления республики) неожиданным фаворитом стал независимый кандидат, до того малоизвестный в стране. Им оказался состоятельный предприниматель, губернатор небольшого штата Алагоас 40-летний Фернандо Коллор де Мелло, создавший собственную Партию национальной реконструкции. Он выступил под лозунгами борьбы с привилегиями и коррупцией, обуздания инфляции, приватизации убыточной государственной собственности и сокращения государственного вмешательства в экономику, усиленного привлечения иностранного капитала. Будучи представителем финансовой элиты и пользуясь ее доверием, Ф. Коллор де Мелло пытался в то же время предстать перед избирателями выразителем общенародных интересов, радеющим за нужды низов общества. Создание свободного рыночного хозяйства он обещал совместить с ликвидацией социальных язв общества, критиковал несправедливое распределение доходов, высказывался за торжество социальной справедливости над привилегиями, не уточняя конкретной программы действий. Он успешно применял популистские методы, завоевывал симпатии публики привлекательной внешностью и обаятельной улыбкой, элегантными манерами, а также черным поясом чемпиона столицы по каратэ, искусством авто- и мотогогонщика, авиапилота и парашютиста. Создать притягательный облик Ф. Коллору помогли и его связи с бразильской телекомпанией «Глобу», крупнейшей в Латинской Америке и четвертой в мире среди коммерческих телестанций, которая умело рекламировала претендента. На выборах Ф. Коллор занял первое место, получив 28,5 % голосов.

На второе место, тоже несколько неожиданно, вышел боевой лидер рабочего движения Бразилии, руководитель Партии трудящихся Луис Инасиу да Силва («Лула») с 16 % голосов. Немного отстал от него лидер трабальстов Л. Бризола. Руководитель основной правящей партии ПБДД набрал всего 4 % голосов, а кандидат

компартии — 1 %. Во втором туре 17 декабря все левые силы поддержали Л. Инасиу да Силву, который получил немногим менее половины голосов. Никогда левые в Бразилии не имели такой широкой поддержки. Ф. Коллор победил при поддержке правых и умеренных сил с небольшим перевесом и 15 марта 1990 г. стал президентом республики.

Своей стратегической целью новый президент объявил ликвидацию отсталости и модернизацию страны, с тем чтобы Бразилия вступила в XXI век современной нацией, составной частью развитого мира. Ближайшей первостепенной задачей он и его 37-летняя министр экономики, финансов и развития Зелия Кардозу де Мелло, профессор-экономист из университета Сан-Паулу, считали преодоление инфляции и бюджетного дефицита. Уже в марте 1990 г. были приняты чрезвычайные меры «шоковой терапии». На полтора года была заморожена основная масса банковских вкладов (кроме мелких сумм), благодаря чему из обращения сразу искусственно было изъято $\frac{2}{3}$ денежной массы (бразильцы метко окрестили эту меру «великой конфискацией»). Были заморожены цены и зарплата, введены новая денежная единица — крузейро и свободный рыночный курс доллара. Инфляция упала с 90 % в марте почти до нуля в апреле.

Параллельно началось сокращение государственных расходов путем приватизации убыточного государственного сектора и уменьшения государственной администрации. Количество министров сократилось с 23 до 12. Широко рекламировалось наступление на привилегии, коррупцию, спекуляцию. Продавались с аукционов тысячи лимузинов, служебных квартир и вилл высшей администрации.

Правительство Ф. Коллора отказалось от протекционистской политики. В 1990 г. были отменены государственные дотации, экспортно-импортные ограничения, намного сокращены или отменены налоги на импорт. В отношении иностранных товаров и капиталов стала проводиться политика «открытых дверей». Отныне удержаться на плаву национальные предприниматели могли только модернизируя производство и снижая себестоимость продукции.

Бразилия возобновила платежи по внешней задолженности, но в ограниченных масштабах, отстаивая приоритет экономического развития. В счет погашения задолженности продавались акции государственных предприятий.

Коллор высказался против засилья латифундизма. Были введены дополнительные налоги на необрабатываемые помещичьи земли. Правительство обещало за 5 лет наделить землей полмиллиона нуждающихся семей. Земля, на которой обитали индейские племена, передавалась в их собственность согласно конституции 1988 г.

Специальное внимание обращалось на защиту окружающей среды, особенно в бассейне Амазонки, приобретение экологически чистых технологий. В июне 1992 г. в Бразилии, в Рио-де-Жанейро, состоялась конференция ООН по окружающей среде и развитию.

Стремясь упрочить конституционный режим, правительство Ф. Коллора приняло меры, чтобы полностью отстранить военных от участия в политике. Была распущена Национальная служба безопасности, замененная специальным секретариатом при президенте.

Крутые правительственные меры, особенно изъятие из обращения основной части платежных средств, уменьшив инфляцию и дефицит госбюджета, в то же время привели к дезорганизации производства и падению реальной заработной платы, росту и без того значительной безработицы, бедственному положению многих бразильских предпринимателей. Промышленное производство в 1990 г. упало на 9 %, ВВП уменьшился на 4,6 %. Правительство натолкнулось на рост недовольства и забастовок рабочих и служащих, особенно государственного сектора. Усилилась оппозиция политике Коллора со стороны Партии трудящихся и других левых сил. В конце 1990 — начале 1991 г. инфляция увеличилась до 20 % в месяц, а всего за 1990 год достигла 2000 %.

«Железной» Зелии Кардозу, с именем которой были связаны суровые меры 1990—1991 гг. в области экономики, в мае 1991 г. пришлось подать в отставку. Новым министром экономики, финансов и планирования стал Марсилиу Маркис Морейра, бывший банкир и посол Бразилии в Вашингтоне. Экономическая политика была несколько смягчена. Начались либерализация цен и «размораживание» банковских вкладов. Удалось добиться рефинансирования и частичного сокращения внешней задолженности республики, увеличения притока иностранного капитала (с 5 млрд. долл. в 1990 г. до 11,2 млрд. в 1991 г.). Объем экспорта в 1992 г. достиг 36 млрд. долл. (на 14,5 % больше, чем в 1991 г.), в полтора раза вырос положительный баланс внешней торговли — до 15,6 млрд. долл. Правда, во многом это объяснялось сужением внутреннего рынка, что побуждало товаропроизводителей искать выхода на внешние рынки. Доля готовой промышленной продукции в бразильском экспорте выросла до 60 %, в то время как удельный вес кофе, спрос на который на мировом рынке упал, снизился до 5,5 %. Кофейные плантации сокращались.

Но вывести экономику страны из кризисного состояния так и не удалось. Сохранился большой дефицит бюджета. Инфляция за 1991 год составила 480 %, а в 1992 г. — 1142 %, тогда как нигде больше в Латинской Америке она уже не превышала двузначной цифры. Промышленное производство в 1992 г. снизилось на 4,7 %. Экономический спад продолжался третий год.

Причин плачевного состояния бразильской экономики было немало. Прежде всего, крутые финансовые меры правительства Коллора подорвали деловую активность и доверие предпринимателей и широких слоев населения к его политике. Высокие налоги препятствовали росту производства и потребления, но не помогли уменьшить дефицит госбюджета. 65 % бюджетных средств Бразилии расходовалось на оплату огромной внешней и внутренней задолженности, достигавшей соответственно 120 и 100 млрд. долл. Из-за слабого контроля не поступала половина налоговых сборов. Огромные суммы казна теряла вследствие коррупции государственной администрации — махинаций с распределением и реализацией госзаказов. Инфляцию подстегивало искусственное взвинчивание цен на потребительском рынке монополизировавшими торговлю картелями. Сужение внутреннего рынка из-за падения покупательной способности большинства потребителей и возросшая конкуренция импортной продукции разоряли местное производство. Особенно пострадали мелкие и средние предприниматели. Из-за углубления кризиса и изменения обстановки в мире после окончания «холодной войны» на грани банкротства оказался некогда мощный военно-промышленный комплекс, дававший большую валютную прибыль в 80-е годы.

В годы президентства Ф. Коллора были резко урезаны расходы на образование, здравоохранение и другие социальные нужды. Ассигнования на науку уменьшились в 5 раз, создав угрозу разрушения научного потенциала страны. Официально учтенная безработица за 1990—1992 гг. увеличилась с 8,7 % до 13 % ЭАН. Покупательная способность средней зарплаты оказалась вдвое ниже, чем в 1985 г. 45 % бразильцев проживали в условиях абсолютной бедности.

В стране зрело всеобщее недовольство. Даже совещание президентов крупнейших промышленных фирм Бразилии в сентябре 1992 г. заявило, что выполнение правительственной программы самоубийственно для национальной экономики.

Особое возмущение вызвал рост коррупции, спекулятивных махинаций, захвативших государственную администрацию, высшие эшелоны власти. За 2,5 года президентства Коллора было зафиксировано 570 тыс. случаев коррупции. В крупных финансовых аферах оказались замешанными ближайшее окружение президента, его жена и сам Коллор, пришедший к власти под лозунгами искоренения коррупции. Сведения об этом поступили в мае 1992 г. от брата президента и других лиц. В парламенте была создана комиссия по изучению предъявленных обвинений. В ходе расследования выявилась неприглядная картина на вершине бразильского олимпа. Только на обустройство личной резиденции Коллора было израсходовано 11 млн. долл. не из его кармана. 26 августа

парламентская комиссия признала действия Ф. Коллора «несовместимыми с достоинством и честью главы государства». Бразилию потрясли многотысячные манифестации с лозунгами «Долой Коллора!», «Воров за решетку!», «Импичмент президенту!». Против Коллора выступили почти все политические партии. 29 сентября 1992 г. палата депутатов подавляющим большинством голосов высказалась за возбуждение «импичмента» президенту (конституционного обвинения с отстранением от власти). Собравшиеся на улицах толпы бразильцев приветствовали это решение. 2 октября сенат отстранил Ф. Коллора на период рассмотрения дела об «импичменте» в верхней палате от исполнения обязанностей президента, которые, согласно конституции, были переданы вице-президенту Итамару Франку.

В случае подтверждения сенатом (в срок не более 180 дней) обвинения Коллор окончательно смещался с поста президента и мог быть привлечен к уголовной ответственности. Избежать такой перспективы он мог только добровольной отставкой. До самого последнего момента Коллор отказывался сделать это. И лишь утром в день, когда сенат уже готовился вынести обвинительное решение, 29 декабря 1992 г. Ф. Коллор заявил о «добровольной» отставке. В качестве нового президента 30 декабря к присяге был приведен Итамар Франку, который должен был занимать этот пост до истечения конституционного срока полномочий ушедшего в отставку президента — до 1 января 1995 г.

Впервые в истории Бразилии и всей Латинской Америки острый политический кризис разрешился досрочным отстранением президента от власти конституционными методами.

Новый президент, 63 лет, в прошлом администратор, затем сенатор, имел незапятнанную репутацию. В октябре 1992 г. И. Франку, будучи еще исполняющим обязанности президента, сформировал при поддержке парламента коалиционное правительство из представителей различных политических течений — от правых до левых. И. Франку обещал бороться против коррупции и преступности, за моральное оздоровление общества.

В социально-экономической политике нового правительства постепенно наметились существенные изменения. И. Франку заявил, что выступает за модернизацию и продолжение экономических реформ, но не ценой обнищания населения, за стабилизацию экономики без шока и экстремальных мер. Он высказался за перенесение акцента с сугубо финансовых мер на стимулирование производства и решение социальных проблем. Правительство И. Франку рассчитывало оживить производственную деятельность снижением налогов и процентных ставок, поощрением экспорта, поддержкой мелких и средних предпринимателей. Приватизация убыточных предприятий госсектора должна была продолжаться, за исключением стра-

тегических отраслей (энергетика, нефтедобыча, телекоммуникации), с более широким участием в приобретении акций и деятельности приватизируемых предприятий их персонала. Часть выручки от приватизации должна была пойти на создание новых рабочих мест и социальные программы. Намечалась аграрная реформа. Началось осуществление мер по усилению контроля за сбором налогов, введен временный налог на все банковские операции с целью пополнения казны. На основные продукты и предметы первой необходимости были установлены государственные цены, чтобы пресечь спекуляцию.

Это был явный отход от ортодоксальных монетаристских «неолиберальных» рецептов «шоковой терапии», неудачная попытка осуществления которых в Бразилии в 1990—1992 гг. привела к экономическому и социально-политическому кризису и падению президента — ее проводника. Решающая роль в осуществлении новой социально-экономической политики принадлежала министру экономики Фернанду Энрики Кардозу, известному экономисту и социологу, в прошлом левому радикалу. Многие специалисты и эксперты в стране и за рубежом предрекали неудачу нового курса. Действительно, инфляция в 1993 г. подскочила до 2500 %. Но зато правительству удалось после нескольких лет спада увеличить ВВП на 4,5 %, а промышленное производство на 9 %, обеспечить рост доходов от внешней торговли. Золотовалютные запасы достигли 30 млрд. долл. В 1994 г. рост экономики продолжался. Опираясь на эти достижения, в 1994 г. Кардозу усилил наступление на инфляцию серией бюджетных, налоговых и валютных мер. Крузейро был заменен реалом, курс которого, подкрепленный золотовалютными фондами государства, стал более стабильным. Инфляция упала с 50 % в месяц до 6 % в августе 1994 г. с тенденцией к дальнейшему понижению. Бразилия начала выходить из кризисной ситуации. Эти успехи обеспечили избрание Ф.Э. Кардозу президентом Бразилии 3 октября 1994 г.

Социально-политический кризис 1992 г. подорвал сам престиж президентской власти и обострил споры вокруг государственного устройства Бразилии: оставаться ли ей президентской республикой. Влиятельнейшие парламентские партии стали высказываться за парламентскую республику, хотя это и не было в традициях Латинской Америки. Среди части населения даже оживились настроения в пользу конституционной монархии, ностальгическое воспоминание о «старых добрых» временах Бразильской империи XIX в. 21 апреля 1993 г. по этим вопросам состоялся плебисцит, в котором участвовало 74,5 % избирателей. Более 55 % из них высказались все же за президентскую республику, около 25 % — за парламентскую. Свыше 10 % желали восстановления монархии.

Отказавшись, как и Аргентина, от мечты стать ядерной державой, Бразилия продолжила осуществление космической программы. Строительство бразильского космодрома «Алкантара» вступило в завершающую стадию. 9 февраля 1993 г. был выведен в космос первый бразильский (и латиноамериканский) спутник, пока с помощью американской ракеты. Но уже в конце марта 1993 г. в Алкантаре состоялся пробный запуск первой бразильской ракеты-носителя.

Переход Бразилии к демократическому режиму был отмечен ростом позитивных тенденций в ее внешней политике и ее активности на мировой арене. Правительство Ж. Сарнея восстановило дипломатические отношения с Кубой. Оно явилось одним из создателей Группы поддержки Контадоры, выступив против иностранного вмешательства в Центральной Америке, за мирное урегулирование центральноамериканского конфликта. Бразилия выдвинула проект создания зоны мира и сотрудничества в Южной Атлантике, развивала связи с Движением неприсоединения.

Первостепенное внимание Бразилия уделила интеграционным процессам в регионе, претендуя на влиятельную роль в них. Курс на интеграцию Бразилии с Аргентиной и Уругваем с 1986 г. позволил добиться больших успехов в их экономическом сотрудничестве. Аргентино-бразильский товарооборот достиг в 1988 г. 1,6 млрд. долл., а в 1990 г.— 2,3 млрд. Коллор подписал в 1990 г. ряд новых соглашений с президентом Аргентины Менемом о совместной предпринимательской деятельности.

В марте 1991 г. подписан договор о создании общего рынка Бразилии, Аргентины, Уругвая и Парагвая (МЕРКОСУР). Рост экономического сотрудничества и товарооборота со странами МЕРКОСУР помог преодолению Бразилией экономических трудностей. В декабре 1992 г. в Сан-Паулу в здании, сооруженном по проекту знаменитого бразильского архитектора Оскара Нимейера, была торжественно открыта штаб-квартира Латиноамериканского парламента.

В октябре 1988 г. состоялся первый в истории визит бразильского президента Ж. Сарнея в Советский Союз. Однако возможности эффективного экономического сотрудничества СССР, а затем России с Бразилией оказались ограниченными. В 1992 г. взаимный товарооборот достигал лишь 280 млн. долл.— менее 0,5 % внешней торговли Бразилии. Большое внимание уделялось развитию сотрудничества с Японией, Китаем и другими странами Юго-Восточной Азии.

В период кризиса в районе Персидского залива (1990—1991) Бразилия осудила захват Кувейта Ираком и солидаризовалась с мерами ООН и коалиции государств во главе с США по

освобождению Кувейта. Правда, Бразилия не принимала участия в коалиции и в войне, но она присоединилась к эмбарго Ирака, что стоило ей больших материальных потерь, ибо между Ираком и Бразилией до того существовали значительные экономические связи. Бразилия экспортировала в Ирак оружие на миллиарды долларов, получая взамен в больших количествах иракскую нефть. Разрыв этих связей побудил правительство Коллора переориентироваться на импорт нефти из Венесуэлы и Мексики.

Будучи крупнейшим государством Латинской Америки, Бразилия претендовала на более активную роль в ООН, особенно в связи с избранием ее членом Совета Безопасности ООН на двухлетний период. Начиная с 1 января 1993 г. Бразилия приняла участие в миротворческих акциях ООН на территории бывшей Югославии. Представитель Бразилии в феврале 1993 г. был назначен главой воинского контингента ООН по контролю за переходом к демократической форме правления в Мозамбике.

В развитии Мексики, не пережившей этапа военных диктатур, отличавшейся сравнительно стабильной политической структурой, которая характеризовалась сочетанием конституционности с монополией на власть правящей партии, демократии с авторитарно-бюрократическими тенденциями, имелись свои особенности. Здесь не было резких перепадов в социально-политическом развитии. Но и в Мексике 80-е годы характеризовались существенными изменениями в политике правящих кругов, общее направление которых совпадало с тем, что наблюдалось в целом в Латинской Америке и во многих странах мира. Пришедшее к власти в разгар финансового и экономического кризиса 1982—1983 гг. правительство Мигеля де ла Мадрида (1982—1988) выдвинуло в соответствии с рекомендациями международных финансовых организаций программу экономии и переориентации усилий в большей мере на частный сектор, поскольку, как считали эксперты, участие государства в мексиканской экономике стало чрезмерным, привело к государственному монополизму, ослаблению конкуренции и снижению эффективности производства. Началась приватизация некоторых государственных предприятий, особенно активизировавшаяся в 1984—1985 гг. Уменьшились государственные расходы, стал сокращаться административный персонал. Была предпринята частичная приватизация национализированной предыдущим правительством банковской системы. Некоторые предприятия приобрели профсоюзы, часть акций распространялась среди трудящихся. Был либерализован режим для иностранных инвестиций, сокращены ограничения на импорт. Закон, ограничивавший долю иностранного капитала 49 % акций, практически перестал соблюдаться.

В 1984—1985 гг. рост экономики возобновился. Строилась первая в стране АЭС. Но очень скоро новое падение цен на нефть опять ухудшило ситуацию. В 1986 г. ВВП сократился на 3,7 %. Инфляция в 1987 г. достигла 143,6 %. Быстрый рост населения (с 48 млн. человек в 1970 г. до 84 млн. в 1992 г.) создавал дополнительные трудности. Более половины экономически активного населения не имело стабильной занятости. За 1983—1987 гг. страна получила кредитов из-за рубежа на 31 млрд. долл., но за эти же годы выплатила по внешней задолженности 67,4 млрд. Несмотря на это, внешний долг к 1989 г. превысил 107 млрд. долл. Утечка национальных капиталов в США и другие страны за 1982—1987 гг. достигла 50 млрд. долл. Все это не позволило Мексике выйти из финансовых и экономических затруднений, которые отражались и на социально-политической обстановке.

Усилилось давление рабочего класса на правительство. Если в начале 70-х годов в забастовках участвовало крайне незначительное количество трудящихся (менее 10 тыс. в год), то в начале 80-х годов ежегодно бастовали сотни тысяч человек. Численность профсоюзов выросла в несколько раз — до 7,5 млн. человек в середине 80-х годов. Почти все они объединялись в конфедерации, входившие в контролируемый правящей Институционно-революционной партией (ИРП) Конгресс труда. Крупным профцентром оставалась Конфедерация трудящихся Мексики (5,5 млн. человек). Радикализация настроений рабочих и служащих привела к тому, что КТМ и Конгресс труда заняли более автономную и критическую позицию в отношении правительства, отстаивая интересы трудящихся.

Наметился отход значительной части избирателей от ИРП. Правая оппозиционная Партия национального действия (ПНД) в 1982 г. получила 15,7% голосов и 51 мандат (из 400) в палате депутатов. В 80-е годы ПНД стала занимать более умеренные позиции. Выступая против монополии ИРП на власть, против авторитаризма, за демократизацию режима и политический плюрализм, она по этим вопросам сблизилась с левой оппозицией. На левом фланге политической жизни в ноябре 1981 г. компартия и еще 4 небольшие партии создали Объединенную социалистическую партию Мексики (ОСПМ) на основе марксистско-ленинской платформы. Однако это не привело к увеличению массовой базы новой партии. На всеобщих выборах 1982 г. ОСПМ получила 4,4 % голосов и 17 мест в палате депутатов — меньше, чем бывшая компартия в 1979 г. (5,2 % и 18 мандатов). В ноябре 1987 г. ОСПМ и еще 5 малых левых партий объединились в Мексиканскую социалистическую партию (МСП).

В 1986 г. в Мексике была осуществлена новая политическая реформа. Был увеличен состав палаты депутатов с 400 до 500 мест,

расширены права оппозиции на пропорциональное представительство. Оппозиционным партиям предоставлялось финансовое обеспечение избирательной кампании за счет государства.

Накануне всеобщих выборов 1988 г. из рядов самой правящей партии выделилось сильное левое течение во главе с Каутемоком Карденасом, сыном президента-реформатора 30-х годов Ласаро Карденаса (получившим такое имя в честь последнего ацтекского правителя Каутемока, который в 1520—1521 гг. оказал упорное сопротивление испанским завоевателям). Движение К. Карденаса составило основу широкой коалиции левых сил — Национального демократического фронта (НДФ), в который вошла и МСП. На выборах в июле 1988 г. ИРП вместо привычного подавляющего большинства получила 50,3 % голосов (в 1982 г. — 70,9 %) и 263 мандата из 500 в палате депутатов. Укрепила свои позиции ПНД (более 17 % и 101 мандат). Национальный демократический фронт добился 31,1 % голосов и 136 мандатов. Никогда левые силы Мексики не достигали такого успеха. По утверждениям оппозиции, власти скорректировали данные об итогах голосования в свою пользу, с тем чтобы не дать доступа к власти своим оппонентам, которые в действительности получили больше голосов, чем правящая партия.

Перед новым президентом Карлосом Салинасом де Гортари, вступившим в должность 1 декабря 1988 г., встала непростая задача укрепить пошатнувшийся авторитет правящей партии и добиться решения социально-экономических проблем. Экономист по образованию, К. Салинас де Гортари в правительстве М. де ла Мадрида был министром программирования и бюджета. Его правительство предприняло новые шаги по распродаже государственных компаний и их акций, по поощрению частного капитала. Национализированные в 1982 г. банки в 1991—1992 гг. вновь были переданы в частные руки. Всего до 1992 г. было приватизировано $\frac{3}{4}$ государственных предприятий. Выручка от их продажи (за 1988—1992 гг. 21,5 млрд. долл.) шла на оплату внешней задолженности и социальных программ. Под контролем государства остались нефтяная и нефтеперерабатывающая, другие отрасли добывающей промышленности, энергетика. Принимались меры по их модернизации.

В 1989—1990 гг. Мексика достигла соглашений с коммерческими зарубежными банками о сокращении части огромной внешней задолженности (со 107 до 92 млрд. долл.) и снижении процентных ставок. Правда, поступление новых кредитов в начале 90-х годов вновь увеличило внешнюю задолженность до 101 млрд. долл. в 1992 г.

В декабре 1988 г. правительством, предпринимательскими организациями, профсоюзами и крестьянскими объединениями был подписан Пакт стабилизации и развития экономики и сельского хозяйства, затем ежегодно продлевавшийся. Он предусматривал сдер-

живание цен, сокращение налогов с населения, субсидии и гарантированные цены на ряд сельскохозяйственных продуктов.

Предметом беспокойства правительства стал аграрный сектор, пребывавший все 80-е годы в состоянии застоя, что повлекло рост импорта продовольственных товаров. С сельским хозяйством было связано 30 % населения Мексики. Его доля в общем национальном производстве составляла 8 %. Стагнация аграрного сектора объяснялась скованностью крестьянского хозяйства ограничительными рамками преобладавшей общинной собственности и дальнейшим дроблением и без того мелких и малоимущих крестьянских наделов, большинство которых не достигало 5 га и не могло обеспечить нормальный прожиточный уровень. Сказалось и то, что долгое время индустриализация проводилась за счет низких закупочных цен на сельскохозяйственные товары. Финансовая поддержка государством крестьянских общин — эхидо была недостаточной, они задолжали большие суммы банкам. Система управления сельским хозяйством и общинная администрация были поражены коррупцией.

В январе 1992 г. правительство добилось реформ конституции, в результате которой крестьяне-общинники приобрели право собственности на землю. Отныне они могли продавать свои наделы другим общинникам, сдавать их в аренду, создавать производственно-торговые объединения, в том числе с участием государства и посторонних лиц. Но запрет на образование латифундий оставался в силе. Ни один член общины не мог владеть более 5 % ее земли. Коллективные общинные угодья не могли продаваться или арендоваться. Государство обещало помочь общинам в ликвидации их долгов и продолжить осуществление социальных программ в деревне.

Аграрная реформа 1992 г. имела целью создать условия для роста крепких индивидуальных и ассоциированных хозяйств, привлечения в аграрный сектор частного капитала и внедрения новых технологий. Следствием реформы должны были стать усиление конкуренции и социальной дифференциации среди крестьян-общинников, высвобождение и отток в города избыточного сельского населения за счет разорения неэффективных мелких хозяйств, подрыв общинной системы.

Мерами строгой экономии правительству Салинаса удалось стабилизировать валютно-финансовое положение и курс песо к доллару. В январе 1993 г. был введен в оборот новый песо, равный 1000 старых. Инфляция уменьшилась со 158 % в 1987 г. до 30 % в 1990 г. и 12 % в 1992 г. Приток иностранных инвестиций увеличился с 2,7—2,9 млрд. долл. в 1989 и 1990 гг. до 23 млрд. в 1992 г. (половина всех зарубежных инвестиций в Латинской Америке). С 1989 г. неуклонно росло производство. Прирост ВВП в 1989—1991 гг. достигал 3,3—4,4 % в год при увеличении населения

на 2 % в год. В 1989 г. вошла в строй первая мексиканская атомная электростанция (АЭС). Выросли валютные запасы республики.

Правительство Салинаса де Гортари предприняло акции против наркомафии и коррупции. Была арестована коррумпированная группа лидеров влиятельнейшего профсоюза нефтяников. За 5 лет (до ноября 1993 г.) было уничтожено 100 тыс. га плантаций наркотических культур, задержано 89 тыс. лиц по подозрениям в причастности к наркобизнесу.

Проводя экономические реформы, Салинас выступал за сочетание рыночной экономики с сохранением некоторых регулирующих функций государства. Он выдвинул концепцию «социальной либерализации» — соединения идеалов свободы и социальной справедливости. Президентом была разработана и от его имени осуществлялась широко разрекламированная программа национальной солидарности. Она предусматривала жилищное строительство, строительство школ, больниц, дорог, систем водоснабжения, электрификацию в наиболее заброшенных и бедных районах республики. В 1993 г. на эту программу было выделено 2,5 млрд. долл.

При очевидных достижениях экономическая политика Салинаса имела изъяны и уязвимые моменты. Сходными с Аргентиной и Бразилией противоречиями были отмечены процессы приватизации и либерализации экономики и внешней торговли. Аналогичные другим странам проблемы порождала внешняя задолженность. Правда, большие выплаты по внешнему долгу к 1993 г. удалось несколько сократить. Стремительное вторжение иностранных товаров и капиталов привело к свертыванию национального производства в некоторых отраслях экономики. Рост объема импорта с 11—12 млрд. долл. в 1986—1987 гг. до 40 с лишним млрд. в 1992 г. сопровождался возникновением в 1989 г. негативного внешнеторгового баланса, который в 1993 г. достиг уже 21,6 млрд. долл. За счет обильного притока в страну капиталов извне Мексике удалось успешно покрывать возникший финансовый дефицит и даже обеспечивать значительные валютные резервы. Но уменьшение этого потока в любой момент могло поставить мексиканскую экономику под удар. С 1991 г. наметилась тенденция к снижению темпов экономического роста (с 4,4 % в 1990 г. до 2,8 % в 1992 г. и 0,4 % в 1993 г.).

Несмотря на принимавшиеся меры, расширились масштабы преступности и коррупции. За 8 месяцев в 1992 г. было уличено в коррупции 15 % персонала столичной полиции.

Хотя К. Салинас неоднократно подчеркивал социальную устремленность проводимых реформ, реальные масштабы социальной политики были весьма скромными. Рост экономики не принес улучшения в положении основной части населения. Средний уровень

жизни в стране в 1992 г. оставался ниже, чем в начале 80-х годов. Сохранялась тенденция к снижению реальной заработной платы в промышленности. Ограничивались права трудящихся и их организаций на приватизируемых предприятиях, особенно в филиалах ТНК. Официально учтенная безработица в 1992 г. охватывала 13,5 % рабочей силы. Около 70 % мексиканцев проживало в бедности. Зато в 1994 г. в Мексике уже было 24 миллиардера (в 1987 — только один), во всей остальной Латинской Америке их было 18.

По инициативе К. Салинаса принимались некоторые меры по демократизации правящей Институционно-революционной партии, чтобы поднять ее авторитет и престиж. Однако на практике суть правящей партии как сросшейся с государством авторитарной структуры, возглавляемой президентом, сохранилась.

Левой оппозиции после 1988 г. сблизить достигнутое единство не удалось, НДФ распался. Основные его участники — движение К. Карденаса и МСП в мае 1989 г. создали новую Партию демократической революции (ПДР), которую возглавил К. Карденас. Вскоре значительная часть социалистов вышла из ПДР, воссоздав несколько небольших самостоятельных партий. Тем не менее ПДР осталась крупнейшей силой левой оппозиции. Левые партии критиковали правительственный курс на приватизацию и либерализацию экономики, высказывались в защиту интересов трудящихся, за дальнейшую демократизацию страны, хотя и не выдвинули убедительного альтернативного социально-экономического проекта.

Деятельность правительства К. Салинаса на первых порах привела к укреплению доминирующей роли ИРП в политической жизни республики, пошатнувшейся было в 1988 г. На выборах в Национальный конгресс в августе 1991 г. правящая партия получила 61,4 % голосов и 320 мест из 500 в палате депутатов. На второе место вышла ПНД — 17,7 % и 89 мест. Партия демократической революции К. Карденаса понесла большие потери, получив 8,2 % голосов и 41 мандат. Еще 50 мандатов приобрели другие левые партии.

В ходе выборов в провинциальные и муниципальные органы власти в 1989—1993 гг. оппозиция возглавила массовые выступления с обвинениями властей и правящей партии в фальсификации итогов голосования и других нарушениях, обрекавших оппозиционные партии на роль вечных аутсайдеров избирательного процесса. Наиболее активную роль в этих выступлениях, сопровождавшихся жертвами, играла ПДР. Такие обвинения имели основания. Чтобы ослабить подобные упреки, власти попытались «приручить» ПНД признанием ее победы на выборах губернаторов двух штатов. Это произошло впервые за многие десятилетия монополии ИРП на политическую власть. 4 тыс. муниципалитетов из 19 тыс. оказались

под контролем оппозиционных партий. Но это мало изменило общую ситуацию в стране. В январе 1994 г. внимание всей страны привлекло внезапное массовое вооруженное восстание крестьян-индейцев на юге Мексики против политики властей. В марте был убит на митинге официальный кандидат в президенты от ИРП Луис Дональдо Колосо. Усилились требования демократизации политического режима, обвинения в адрес властей в коррупции и авторитаризме. Престиж Салинаса и его партии был поколеблен. Новый кандидат ИРП Эрнесто Седильо был избран президентом 21 августа 1994 г., но правящая партия получила лишь 50 % голосов. Главные оппозиционные партии — ПНД и РДП получили соответственно 27 и 17 % голосов — намного больше, чем в 1991 г.

Правительство Салинаса де Гортари вынашивало планы модернизации Мексики и ее приобщения к развитым странам. Особые надежды оно возлагало на создание Североамериканской зоны свободной торговли с участием США, Канады и Мексики, к которой бы со временем подключились и другие страны Латинской Америки. В этих процессах Мексика претендовала на роль связующего звена между США и Латинской Америкой. Решение создать Североамериканскую зону свободной торговли было принято правительствами трех стран в августе 1992 г. Оно предусматривало в течение 15 лет постепенное введение свободы передвижения товаров, услуг, капиталов и рабочей силы в рамках зоны. Вне сферы действия соглашения оставалась мексиканская нефть. В отличие от Европейского сообщества, не предусматривалось создания единой валюты и координации внешней политики. Мексика продолжала выступать за сохранение политического суверенитета и независимый внешнеполитический курс, хотя вынуждена была учитывать прекращение эпохи «двухполюсного мира», когда Мексика могла использовать противоречия двух сверхдержав для укрепления собственного суверенитета. После распада Советского Союза Мексика в большей степени должна была связывать свои национальные интересы с поддержанием гармоничных отношений с соседней ведущей державой мира.

Экономические связи Мексики с США были довольно тесными. На США приходилось 75 % внешнеторгового оборота Мексики. Объем взаимной торговли во время президентства Салинаса удвоился. В свою очередь, Мексика являлась третьим по значению торговым партнером США (после Канады и Японии). Американские капиталовложения в Мексике достигали $\frac{2}{3}$ всех иностранных инвестиций. Более четверти населения северных районов Мексики работало в Соединенных Штатах. Там находилось 5 — 6,6 млн. проникших туда в поисках заработков мексиканцев. Ежегодно более миллиона пытающихся нелегально пересечь границу США задерживались американской пограничной охраной. В Мексике на приграничных

сборочных предприятиях «макиладорас» — филиалах американских компаний — трудилось почти полмиллиона человек. В пограничной с США области складывалась своеобразная мексикано-американская экономика.

С созданием общей с США и Канадой зоны свободной торговли правительство Салинаса де Гортари связывало надежды на увеличение сбыта мексиканских товаров на рынок США, на рост в Мексике промышленных предприятий с передовой технологией и высоким качеством продукции, на увеличение квалифицированных кадров и занятости в целом, на устройство избыточной мексиканской рабочей силы в США и решение проблем миграции. В то же время часть мексиканских предпринимателей, организаций трудящихся, левые силы опасались, что соглашение с США о свободе торговли приведет к массированному вторжению в Мексику североамериканских товаров и ТНК, которое погубит мексиканское мелкое и среднее производство, увеличит безработицу и маргинализацию большей части населения, создаст угрозу суверенитету страны. Соглашение охватывало регион, составляющий $\frac{1}{6}$ обитаемой суши, превосходящий ЕЭС по населению (370 млн.) и ВВП (6 триллионов долл.).

Параллельно мексиканское правительство предпринимало шаги по расширению участия страны в интеграционных процессах в Латинской Америке. В 1991 г. Мексика заключила соглашения о свободе торговли со странами Центральной Америки и с Чили, предусматривавшие взаимную отмену торговых пошлин в течение 4 лет. Аналогичные переговоры велись с Венесуэлой, Колумбией, Аргентиной.

Усилился интерес Мексики к развитию экономических связей со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. В мае 1990 г. в Мексике побывал председатель КНР Ян Шанкунь. В июне того же года Салинас де Гортари посетил Японию, Сингапур и Австралию, заключив ряд выгодных соглашений. Экспорт Мексики в Японию в 1990 г. достиг 2 млрд. долл. (6 % мексиканского экспорта). Развивались экономические отношения с Европейским сообществом. В 1992 г. К. Салинас посетил ряд европейских стран. В июле 1991 г. он совершил визит в СССР, но последовавший вскоре распад Советского Союза не позволил закрепить достигнутые договоренности о расширении взаимных связей. В декабре 1992 г. было заключено соглашение об участии нефтяных компаний Мексики в инвестициях в нефтеперерабатывающую промышленность России.

В 80-е — начале 90-х годов Мексика настойчиво выступала за ядерное разоружение, в том числе в составе созданной в 1984 г. Делийской шестерки, в поддержку соглашений в этой области между СССР и США и вместе с тем за активное участие в решении

глобальных мировых проблем не только великих держав, но и развивающихся государств. Мексика стала инициатором создания Контадорской группы и поисков мирного решения Центральноамериканского конфликта, выступая против вмешательства извне в дела субрегиона. Она осудила интервенцию США в Панаме в конце 1989 г.

Высказавшись против захвата Кувейта Ираком, Салинас де Гортари в январе 1991 г. выразил глубокое беспокойство Мексики в связи с началом боевых действий коалиции государств во главе с США против Ирака, призвал к скорейшему прекращению войны и мирному решению конфликта.

Мексика продолжала поддерживать экономические связи с Кубой. Она осудила закон, принятый в октябре 1992 г. в США, который предусматривал возможность санкций Вашингтона в отношении стран, торговавших с Кубой. Правительство Мексики усматривало в этом нарушение международного права и суверенитета других государств.

В Чили пришедшее к власти 11 марта 1990 г. на смену военной диктатуре Пиночета демократическое правительство 72-летнего лидера Христианско-демократической партии (ХДП) Патрисио Эйлвина было коалиционным по составу. Помимо президента христианскими демократами были 10 министров (в том числе внутренних дел, обороны, финансов). В правительство входили также 6 министров-социалистов, 2 радикала, 2 министра от других политических сил. П. Эйлвин и его правительство опирались на широкий левоцентристский блок. Это укрепляло его позиции и должно было обеспечить консолидацию чилийского общества на демократической основе, что было особенно необходимо, поскольку правительство не обладало полной властью. Реальный контроль над вооруженными силами сохранялся в руках главнокомандующего армией А. Пиночета и других генералов — его соратников, полномочия которых были утверждены на 8 лет. Правительство не могло смещать основной состав чиновников госаппарата, провинциальные и муниципальные власти. Девять сенаторов, назначенных Пиночетом, лишали правящие партии большинства в сенате. Верховный суд республики состоял из консервативных судей старого состава, которых также нельзя было сменить. Продолжала действовать конституция 1980 г., хотя и существенно измененная, но сохранявшая ряд положений, которые сковывали возможности демократических сил. В тюрьмах оставалось несколько сотен политзаключенных, осужденных военным режимом по обвинениям в «терроризме» и «угрозе национальной безопасности» за их борьбу против диктатуры. По действовавшему законодательству новое правительство не могло их освободить.

В такой обстановке важнейшей задачей правительства Эйлвина стало завершение перехода страны к демократии, ликвидация пережитков диктатуры. Исходя из реальной расстановки сил и сложившихся условий и желая избежать резких политических осложнений, удержать процесс демократических преобразований в мирных рамках, П. Эйльвин и его правительство стремились сохранить и укрепить достигнутое с таким трудом согласие широких демократических сил и добиваться своих целей постепенно, избегая прямой конфронтации с военным руководством и правыми силами. Через Конгресс правительство добилось отмены военных трибуналов в гражданском судопроизводстве, запретов на антиправительственные демонстрации. Были предприняты юридические и парламентские расследования фактов коррупции, финансовых махинаций с участием военных в период диктатуры, в том числе старшего сына Пиночета. Эта кампания разоблачений широко освещалась средствами массовой информации. В апреле 1990 г. по декрету президента из видных юристов, историков и социологов была создана Национальная комиссия правды и примирения, подготовившая и представившая в феврале 1991 г. объемистый доклад, убедительными свидетельствами подтверждавший факт гибели 2279 человек от рук диктатуры. Родственники погибших получили компенсацию. Против некоторых конкретных виновников жестоких расправ были возбуждены судебные дела. Правительство не пошло по пути широкомасштабных судебных процессов в отношении военных, но умело использовало результаты расследований и их огласку для дискредитации и ослабления позиций Пиночета и военного руководства. Ряд скомпрометированных генералов были вынуждены подать в отставку. Возможности военной верхушки влиять на события и противодействовать демократическим преобразованиям резко уменьшились. Правительство при поддержке большинства Конгресса добилось амнистии оставшихся политзаключенных, разработало и передало в Конгресс проекты конституционной, судебной и муниципальной реформ, которые должны были устранить сохранившиеся еще преграды на пути демократизации Чили.

В социально-экономической области правительство Эйлвина также старалось избежать резких поворотов, сохранить достижения последних лет, отказавшись от «шоковых» вариантов. Оно продолжило политику модернизации промышленности, либерализации внешней торговли и привлечения иностранного капитала. Приток зарубежных инвестиций увеличился с 0,9 млрд. долл. в 1989 г. до 1,4 млрд. в 1992 г. Республика получила новые кредиты и льготные отсрочки выплат по внешней задолженности. Внешний долг стабилизировался на уровне 17,5 — 18,5 млрд. долл.

Но прежний курс был существенно скорректирован государственным регулированием. В валовом национальном продукте доля

государства сохранилась на уровне 30 %. Особое внимание уделялось производственным инвестициям, поддержке и обновлению средних и мелких предприятий. Значительные средства были выделены из госбюджета на развитие производственной инфраструктуры — строительство и обновление транспорта, шоссейных и железных дорог, портов, коммунального хозяйства, средств связи.

Важным отличием социально-экономической политики нового правительства было его стремление сочетать экономический рост с постепенным решением наболевших социальных проблем, избегая в то же время резких «перераспределительных» акций, которые бы вызвали конфликт с крупным частным капиталом и подорвали саму экономику. Расходы на социальные мероприятия были удвоены в 1990 г. и еще более увеличены в дальнейшем. Осуществлялись различные социальные программы по борьбе с бедностью и нищетой, по трудоустройству и повышению квалификации работников, по жилищному строительству, расширению и совершенствованию систем здравоохранения и народного образования, увеличены минимальные размеры заработной платы и пенсий. Средства на это государство черпало из постоянно увеличивавшихся доходов от экспорта, иностранных инвестиций, налогов. Ставки налогов на прибыль были увеличены с 10 до 15 %.

Поначалу при новом правительстве темпы прироста ВВП уменьшились с 6—6,5 % в среднем в год в конце правления Пиночета до 2 % в 1990 г. Но на фоне падения производства в большинстве стран региона в 1990 г. это выглядело неплохо, тем более в условиях смены режима и переориентации политики, при росте социальных расходов. Затем экономика набрала стремительные обороты: ВВП увеличился в 1991 г. на 5,5 %, а в 1992 г.— на 10,4 %. Чили уверенно вышла на первое место в Латинской Америке по темпам экономического роста. Промышленное производство в 1992 г. увеличилось на 11,8 %. Рост новых капиталовложений в производство в этом году на 20,2 % создавал основу для продолжения бурного экономического прогресса. Инфляция уменьшилась с 27 % в 1990 г. до 12,7 % в 1992 г. Выросли экспорт и импорт. Сохранялись положительный баланс внешней торговли и превышение бюджетных доходов над расходами. Валютные резервы Чили за три года утроились, достигнув 9 млрд. Чилийский капитал все настойчивее внедрялся в экономику других, в первую очередь соседних, стран.

Значительные массы населения по-прежнему оставались в бедственном положении, социальные проблемы стояли остро. Но все же наметились положительные сдвиги и в этой области. В 1991 г. было создано 140 тыс. новых рабочих мест, а в 1992 г.— еще 230 тыс. Это позволило сократить полную учтенную безработицу с 7,7 до 4,4 %. Реальная заработная плата ежегодно росла на 5—7 %. За счет государства в 1990 г. было построено 64 тыс. жилищ, в 1991 г.—

93 тыс., в 1992 г.— 100 тыс. В 1990 г. в условиях бедности проживало 5,2 млн. чилийцев, в 1992 г.— 4,5 млн. (из 14 млн. жителей республики). Наметилась тенденция к сокращению разрыва в доходах разных слоев населения, в то время как до 1989 г. этот разрыв увеличивался. Доля 40 % беднейшего населения республики в национальном доходе возросла с 12,6 % в 1989 г. до 14,7 % в 1991 г., а доля наиболее зажиточных 20 % — уменьшилась с 60,4 до 54,7 %. В 1992 г. эта тенденция продолжилась.

Правительству П. Эйвина удалось добиться социально-политической стабильности в республике и укрепления своих позиций. Силы крайне правой и левой оппозиции оказались в изоляции. От правящей коалиции — Объединения политических партий за демократию кандидатом в президенты на следующий срок был выдвинут сын основателя и многолетнего лидера Христианско-демократической партии, президента Чили в 1964—1970 гг. Эдуардо Фрея, также деятель ХДП Эдуардо Фрей (младший). На президентских выборах 11 декабря 1993 г. он получил около 58 % голосов, в то время как его основной конкурент — кандидат от правых сил Артуро Алессандри (внук Хорхе Алессандри, президента 1958—1964 гг.) — лишь 24 %.

Наряду с ХДП влиятельной партией правящей коалиции была Социалистическая партия Чили (СПЧ), включившая в 1990 г. почти все фракции социалистов и Партию левых христиан. Социалисты вместе с христианскими демократами доминировали в Унитарном профцентре трудящихся (КУТ). СПЧ выступала за сплочение сторонников социалистической ориентации и широкое согласие демократических сил. Она поддержала Э. Фрея на президентских выборах 1993 г.

Что касается Коммунистической партии Чили (КПЧ), то она переживала глубокий кризис и резкий спад своего влияния. На выборах 1989 и 1993 гг. она не смогла получить ни одного места в Национальном конгрессе. С запозданием и не в полной мере отказавшись от тезиса о правомерности в условиях Чили насильственных, вооруженных форм борьбы, от ряда не отвечающих обстановке революционных лозунгов и догм, компартия оказалась в изоляции. На президентских выборах 1993 г. кандидат компартии получил 4,4 % голосов.

Правительство Э. Фрея, сформированное 11 марта 1994 г., в основном продолжило политику предшественника, усилив акцент на социальной направленности своей деятельности. Активизировалась роль государства в поддержке национального предпринимательства, в развитии инфраструктуры, системы народного образования.

Разительные перемены произошли во внешней политике Чили, вышедшей из международной изоляции. В марте 1990 г. были восстановлены дипломатические отношения Чили с СССР и

Мексикой. В апреле 1990 г. было заключено соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве с Советским Союзом. В июне 1993 г. П. Эйлвин нанес визит в Москву, став первым латиноамериканским государственным лидером, посетившим новую Россию. Во время визита были подписаны соглашения о торговле, экономическом и культурном сотрудничестве между Чили и Россией. Позднее, в 1992 г., Чили восстановила дипломатические отношения с Вьетнамом и Северной Кореей. С Кубой дипломатические отношения восстановлены не были, но развивались торгово-экономические и научно-культурные связи.

Чили выступала в поддержку интеграционных процессов в Латинской Америке. Она развивала сотрудничество со странами МЕРКОСУР и Андской группы, но предпочитала на первых порах двусторонние связи. В мае 1990 г. П. Эйлвин совершил визит в Мексику. В сентябре 1991 г. было достигнуто соглашение о свободной торговле между Чили и Мексикой, в июле 1992 г. — о расширении экономического сотрудничества Чили с Аргентиной, в апреле 1993 г. — о свободной торговле с Венесуэлой.

Получили развитие чилийско-американские отношения, закрепленные поездкой президента США Дж. Буша в Чили в декабре 1990 г. Через договор о свободной торговле с Мексикой Чили надеялась в перспективе подключиться к Североамериканской зоне свободной торговли.

Особый интерес проявила Чили как тихоокеанская страна к развитию сотрудничества со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) — Японией, Китаем, Малайзией и др. В ноябре 1992 г. президент Чили П. Эйлвин посетил эти страны. Экспорт Чили в страны АТР превысил 30 % от общего экспорта республики. В мае 1991 г. Чили вступила в Конференцию по экономическому сотрудничеству государств Тихоокеанского бассейна.

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА В КОНЦЕ XX ВЕКА

Общая обстановка и социально-экономическое развитие. В развитии крупнейших стран региона — Аргентины, Бразилии и Мексики в 80-е — начале 90-х годов нашли отражение многие явления, характерные в целом для Латинской Америки этого периода. В событиях 80-х годов проявилась тенденция к расширению и укреплению конституционных форм правления в Латинской Америке. Но до консолидации установившихся демократических режимов было далеко. Сохранилась острая социальная и экономическая нестабильность, особенно из-за унаследованных проблем, к которым прибавлялись новые. Армия и консервативные силы, уйдя от непосредственных рычагов власти, удерживали влиятельные позиции. В ряде случаев оставалась и даже обострялась политическая

неустойчивость, чреватая непредвиденными поворотами. В целом все же произошли существенные позитивные сдвиги в социально-политическом развитии латиноамериканских республик.

Перед конституционными правительствами встала задача ликвидации негативных последствий господства диктатур и поиска путей выхода из кризиса, в котором оказалась политика модернизации. Добиться этого было нелегко. Нехватка валюты заставляла нередко ограничивать импорт, в том числе необходимого производственного оборудования. Продолжалось бегство местного капитала за границу. Сумма частных латиноамериканских капиталов за пределами региона в 1988 г. достигла 400 млрд. долл. Страны-должники вынуждены были обращаться за новыми займами для оплаты долгов и процентов по ним. Но из-за низкой платежеспособности государств региона приток займов и кредитов в Латинскую Америку в середине 80-х годов сократился в 4 раза. Международные финансовые организации соглашались на предоставление займов и отсрочку выплаты задолженности и процентов лишь при условии проведения латиноамериканскими правительствами политики строгой экономии, предусматривавшей распродажу предприятий госсектора, сокращение персонала, капиталовложений, социальных расходов, замораживание заработной платы. Это вело к торможению экономического роста, в том числе и из-за уменьшения платежеспособного спроса населения, сохранению высокого уровня безработицы и неполной занятости. В результате в большинстве случаев либерально-реформистские правительства не смогли внести существенных перемен в прежний неоконсервативный по сути социально-экономический курс и изменить ситуацию.

Все это сказалось на экономическом и финансовом состоянии стран региона. После спада 1981—1983 гг. ВВП Латинской Америки в 1984—1986 гг. рос в среднем в год на 3,6 %, а в 1987—1989 гг. — менее 1 %. В 1990 г. ВВП уменьшился почти на 1 %, особенно за счет Бразилии, Аргентины, Перу. В Венесуэле, Колумбии, Коста-Рике, Сальвадоре и Чили ВВП в 1990 г. увеличился. К началу 90-х годов объем производства на душу населения в большинстве стран был ниже уровня 1980 г. (за исключением Бразилии, Колумбии, Панамы и Чили). Не случайно 80-е годы латиноамериканцами оценивались как «потерянное десятилетие». По ВВП на душу населения Латинская Америка в 3 раза опережала развивающиеся государства Африки и Азии, но в 7—9 раз отставала от высокоразвитых стран мира. Беспрецедентных размеров достигла инфляция: в среднем по региону она увеличилась с 65 % в 1986 г. до 470 % в 1988 г. и 1200 % в 1989 г. Еще выше она поднялась в Аргентине, Перу и Бразилии. Зато в Мексике, Чили, Боливии инфляция была незначительной.

Определенные сдвиги на пути модернизации экономики все же происходили и в эти годы, особенно в производстве технологически сложной продукции. Развивались микроэлектроника, информатика, биотехнология, атомная энергетика. Бразилия и Мексика по общему объему ВВП вошли в первую десятку стран мира, занимая 8—10-е места. Менялась структура латиноамериканского экспорта. Агросырьевые товары все еще преобладали в экспорте, но все же изделия обрабатывающей промышленности и полуфабрикаты составили в 1988 г. 36 % его стоимости. Более трети из них были представлены продукцией машиностроения и электротехники. Некоторые республики в конце 80-х годов отличались сравнительно стабильным экономическим ростом (Чили, Коста-Рика, Венесуэла, Колумбия). Однако общая картина состояния латиноамериканской экономики к началу 90-х годов была далека от благополучия.

В конце 80-х — начале 90-х годов многие правительства латиноамериканских республик в поисках выхода из затяжной кризисной ситуации по настоянию международных финансовых организаций прибегли к еще более радикальной «либерализации» экономики и внешней торговли, к более суровым мерам экономии и борьбы с инфляцией, к форсированию дальнейшей приватизации и транснационализации производства. Таким путем они стремились быстрее преодолеть болезненный этап глубокой перестройки социально-экономических структур в соответствии с потребностями мировой технологической революции и процессами интернационализации экономики, принявшими глобальный характер, привлечь иностранный капитал к более активному содействию и со временем сблизиться с высокоразвитыми индустриальными державами. Однако в условиях Латинской Америки это оказалось гораздо более сложным делом, чем в развитых государствах, и не дало ожидаемого эффекта. Требовалось преодолеть значительный разрыв в уровнях развития между латиноамериканскими странами и ведущими мировыми центрами, притом при крайне скудных материальных возможностях и социальных резервах. Неизбежные социальные издержки политики модернизации, особенно ощутимые при жестких формах экономической перестройки по неоконсервативным рецептам при низком уровне жизни основной части населения и наличии многочисленных маргинальных слоев, были чреваты массовой пауперизацией, резким ростом социальной напряженности и подрывом самих устоев общества.

Меры экономии за счет населения и безудержный рост цен привели в 1988—1989 гг. в Венесуэле, Аргентине, Доминиканской Республике и других странах к массовым забастовкам и народным волнениям, сопровождавшимся уличными схватками населения с полицией и войсками, разгромом лавок и магазинов. В Перу наряду с забастовками широкие масштабы приобрела террористическая

деятельность экстремистской левацкой организации «Сендеро луминосо» («Светлый путь»), нашедшей опору среди части индейского населения.

В начале 90-х годов большинству латиноамериканских республик наконец удалось добиться определенных экономических успехов. Инфляция в среднем по Латинской Америке резко снизилась — до 49 % в 1991 г. и 41 % в 1992 г. Общий валовой внутренний продукт стран региона увеличился на 2 % в 1991 г. и продолжал расти в 1992—1994 гг. примерно на 3—3,4 % в год. Правда, это ненамного опережало рост населения (около 2 % в год) и едва приблизило ВВП на душу населения к уровню 1980 г. Оживление экономики в Латинской Америке пришлось на годы спада и стагнации производства в промышленно развитых странах мира.

Улучшить финансовое положение помогли не только жесткая экономия и доходы от приватизации, но и меры по контролю за сбором налогов, установление фиксированного курса национальных валют к доллару и обильный поток финансовых средств из-за рубежа. В 80-е годы в Латинскую Америку в среднем в год поступало иностранных инвестиций на сумму 6,5 — 7 млрд. долл. В 1990 г. эта цифра возросла до 14 млрд., в 1991 г. — до 40 млрд., а в 1992 г. — 43 млрд. долл. (половина из них — в Мексику, значительная доля — в Чили, где была наиболее стабильная и перспективная ситуация). Большую часть поступивших средств составили займы и кредиты, но и производственные капиталовложения заметно выросли. Прилив иностранных капиталов стимулировался поощрительной политикой латиноамериканских правительств, распродажей государственных предприятий, а также оживлением экономики в регионе и спадом активности в эти годы в высокоразвитых странах. Увеличился и возврат из-за рубежа национальных капиталов, вывезенных туда в неблагоприятные 80-е годы.

Важнейшей заботой правительств стран Латинской Америки был поиск решения проблемы внешней задолженности. Они добивались от кредиторов снижения и стабилизации уровня процентов, предоставления новых долгосрочных займов на льготных условиях для выплаты просроченной задолженности, безвозмездного списания части долга, временной приостановки выплат («мораторий»), ограничения их определенной долей доходов от экспорта. Гигантски выросшие размеры внешнего долга, практическая невозможность его выплаты латиноамериканскими странами, потенциальные непредвиденные осложнения для всего мирового хозяйства заставили развитые государства и международные финансовые организации искать компромиссные решения, которые бы смягчили ситуацию. В марте 1989 г. министр финансов США Н. Брейди предложил план,

ской церкви стали раздаваться упреки в пренебрежении властей к страданиям наиболее бедных, в том, что человек приносится в жертву ради реформ, имеющих сугубо технократический характер, выдвигались требования переориентации реформ на гуманистические цели.

О необходимости усилить внимание к социальным проблемам в процессе экономических реформ, придать самим реформам социальную направленность, без чего они не увенчаются успехом, заговорили многие государственные лидеры Латинской Америки (К. Салинас де Гортари, П. Эйлвин и др.), руководители Межамериканского банка развития, ЭКЛАК и других влиятельных организаций. Противоречивые последствия осуществления политики модернизации, ее негативные социальные результаты очень скоро привели к обострению политической обстановки в тех странах, где это проявилось в наибольшей степени (Перу, Бразилия, Венесуэла и др.).

Серьезнейшей проблемой латиноамериканского общества стала коррупция, пронизавшая практически все звенья государственной администрации.

Новой проблемой для континента стала растущая угроза разрушения окружающей среды. Это проявилось и в Латинской Америке в загрязнении атмосферы, воды, почвы, в истреблении лесов, особенно в бассейне Амазонки, тропические джунгли которого являются крупнейшей «фабрикой кислорода» на планете, в нарушении стабильности климата. В начале 90-х годов экологический кризис впервые привлек серьезное внимание не только общественности, но и правительственных сфер в странах региона. В июне 1991 г. была создана специальная комиссия ОАГ по охране окружающей среды. В Колумбии (август 1991 г.) и Бразилии (октябрь 1992 г.) образованы министерства по делам окружающей среды. Правительства Перу и Бразилии в 1991—1992 гг. приняли ряд решений по защите лесных массивов бассейна Амазонки от бесконтрольного истребления.

В июне 1992 г. в Рио-де-Жанейро состоялась конференция ООН по окружающей среде и развитию, где прозвучала критика латиноамериканскими лидерами индустриальных держав как главных виновников экологического кризиса и ответственных за решение экологических проблем. Со своей стороны, державы Запада призвали латиноамериканские страны к мобилизации собственных усилий в этой области. США на конференции объявили о выделении 5,5 млрд. долл. на экологические программы, осуществляемые в Бразилии (среди них — энергоснабжение от солнечных батарей, разработка дешевого производства спирта из сахарного тростника в качестве экологически чистого топлива для автомобилей).

Опасной болезнью латиноамериканского общества стало распространившееся в районах Андского нагорья, в джунглях бассейна Амазонки и в некоторых других местах нелегальное производство

наркотиков, прежде всего кокаина и марихуаны, для сбыта главным образом в США. В сферу наркобизнеса оказались вовлеченными большие массы населения города и деревни. Под плантациями коки, основного сырья для производства кокаина, было занято в начале 90-х годов 350 тыс. га в Перу и 70—60 тыс. га в Боливии. На них трудились сотни тысяч крестьян. «Кокаиновые бароны» сконцентрировали в своих руках огромные финансовые средства, использовали самолеты, компьютеры и даже спутниковую связь. Объем их операций превосходил возможности легальной экономики таких стран, как Боливия и Колумбия. В 1992 г. в Латинской Америке было произведено 1200 т кокаина стоимостью в 130 млрд. долл. Крупнейшей группой «кокаиновых баронов» стал «Медельинский картель» в Колумбии (в районе г. Медельина). Личное состояние его главаря Пабло Эскобара оценивалось в 3 млрд. долл.

Различные звенья латиноамериканской наркомафии были связаны друг с другом, с наркомафией США и других стран. «Кокаиновые бароны» распространили свое влияние на многие сферы легальной экономики. Их агентура проникла в ряды государственной администрации, армии и полиции. Наибольшую силу наркомафия приобрела в Боливии, Колумбии и Перу.

В Боливии связанный с наркомафией генерал Гарсиа Меса с помощью военного переворота в 1980 г. стал президентом-диктатором. Его министр внутренних дел Луис Арсе Гомес лично контролировал наркобизнес в стране. Созданные им «эскадроны смерти» терроризировали население. После падения диктатуры (1982) Гарсиа Меса и Л. Арсе Гомес долго скрывались от правосудия. В конце 1990 г. Арсе Гомес был схвачен боливийскими властями и выдан в США, где в 1991 г. его приговорили к 30 годам тюрьмы. Гарсиа Меса в 1993 г. был заочно приговорен к тому же сроку Верховным судом Боливии, за его поимку объявлена высокая награда.

Стал складываться зловещий союз наркомафии с ультраправыми и ультралевыми террористами. В Колумбии жертвами этого террора оказались тысячи лидеров и активистов левых партий и организаций, а также пытавшиеся бороться с наркомафией представители властей, суда и полиции. В августе 1989 г., после убийства кандидата в президенты от ведущей в стране Либеральной партии, правительство Колумбии, поддержанное общественностью, начало крупномасштабные операции с участием армии и полиции по всей республике против наркомафии. Развернулась ожесточенная борьба. Финансовую и техническую помощь Колумбии оказало обеспокоенное ростом наркомании и подпольного наркобизнеса правительство США. Усилия Колумбии поддержали Перу и Боливия. По «Медельинскому картелю» был нанесен ощутимый удар, многие его руководители погибли или были арестованы.

В июне 1991 г. сам главарь «Медельинского картеля» Пабло Эскобар добровольно сдался колумбийским властям на условиях сохранения ему жизни, невыдачи в США и создания для него в тюрьме сравнительно комфортной обстановки. Однако в июле 1992 г., получив известия о готовящемся переводе его в другую тюрьму, встревоженный Эскобар с помощью подкупленной им тюремной администрации бежал. Вновь уйдя в подполье, он возобновил отчаянную борьбу, терроризировав полицию и жителей Медельина. Но и Эскобар, и его организация несли большие потери, ему все труднее становилось уходить от преследования. Пострадавшие от террористических акций Эскобара стали создавать тайные организации, которые выслеживали и убивали агентов Эскобара. Всего в Медельине в 1992 г. погибло 6600 человек. Эскобар вновь предложил сдаться властям на определенных условиях, но теперь правительство требовало безоговорочной сдачи. Борьба продолжалась. 2 декабря 1993 г. во время полицейской операции по его поимке Пабло Эскобар был убит в перестрелке.

Ослаблением «Медельинского картеля» воспользовался для расширения своей деятельности в сфере наркобизнеса другой мощный «картель» города Кали.

Активизировалась борьба с наркобизнесом в Боливии. Здесь в 1992 г. было ликвидировано около 1400 подпольных нарколабораторий, десятки тайных взлетно-посадочных полос в джунглях, конфисковано 48 самолетов. Площади под кокой в Боливии с 1989 по 1993 г. были сокращены в 3 раза — до 22 тыс. га.

Правительства Боливии, Перу, Колумбии и других стран стали осуществлять «программы альтернативного развития», с тем чтобы добиться постепенного перевода населения, занятого на плантациях коки и в производстве наркотиков, на производство иной продукции при помощи государственных дотаций и создания выгодных условий. Власти латиноамериканских республик считали, что без этого, одними репрессиями, достичь успехов в борьбе с наркобизнесом невозможно. В связи с этим они добивались от США не столько содействия в военно-полицейских мероприятиях, сколько финансирования альтернативных экономических программ. В декабре 1991 г. президент США Джордж Буш выдвинул программу предоставления Колумбии, Боливии и Перу таможенных льгот на 10 лет в качестве компенсации за их борьбу с наркобизнесом.

Интеграционные процессы. Экономическая интеграция в Латинской Америке несколько изменила свое содержание и получила новые стимулы в связи с переходом от сковывавшей ее развитие политики «импортзамещающей индустриализации» и государственного протекционизма к «либерализации» экономики и внешней торговли. Теперь интеграционные процессы, отражая новые потребности мирового развития, все более становились не путем к созданию

обособленных группировок, а способом подключения региона к складывающемуся единому мирохозяйственному комплексу.

Процессы интеграции в Латинской Америке развивались в разных формах. Латиноамериканская ассоциация свободной торговли (ЛАСТ), объединявшая 10 южноамериканских республик и Мексику, в 1980 г. была преобразована в Латиноамериканскую ассоциацию интеграции (ЛАИ). Главное внимание было теперь обращено на промышленное кооперирование по конкретным отраслям и совместные программы развития экономики и экспорта при продолжении «либерализации» внутрizonальной торговли. Доля внутрорегионального экспорта в середине 80-х годов достигла 16 % от общего экспорта Латинской Америки. В июне 1990 г. члены ЛАИ решили сократить взаимные таможенные пошлины на 10—20 % и отменить ряд протекционистских мер. Функционировал Латиноамериканский парламент. В декабре 1992 г. открылась его штаб-квартира в Сан-Паулу.

Центральноамериканский общий рынок (ЦАОР) в 80-е годы из-за конфликтной ситуации в субрегионе практически бездействовал. Но на рубеже 80—90-х годов интеграционные связи в Центральной Америке оживились.

Развивалось сотрудничество в рамках Латиноамериканской экономической системы (ЛАЭС). Действовали ее комитеты и международные компании по производству и сбыту продовольствия и других товаров, по водным ресурсам, судоходству, энергетике. ЛАЭС выступала против проявлений неравноправия в экономических отношениях с развитыми странами.

Субрегиональная Андская группа, из которой в 1976 г. вышла Чили, осталась в составе 5 государств (Венесуэла, Колумбия, Эквадор, Перу и Боливия). Она смягчила ограничения для иностранного капитала. В конце 80-х годов наблюдалось новое оживление ее деятельности, увеличилась взаимная торговля ее участников. В ноябре 1990 г. президенты пяти андских стран договорились создать зону свободной торговли, ликвидировать таможенные барьеры, образовать единый таможенный союз и координировать экономическое развитие. Осуществить это планировалось к 1995 г. Они высказались за совместную борьбу с наркобизнесом и защиту окружающей среды. Андская группа объединяла страны с общей площадью 4,7 млн. км², населением 95 млн. человек, ВВП — 145 млрд. долл. (1990).

В 1978 г. возник Амазонский пакт в составе Бразилии, андских стран, а также Гайаны и Суринама с целью сотрудничества в освоении и экологической защите огромного и жизненно важного для поддержания климатического равновесия на Земле, богатого ресурсами бассейна Амазонки.

В июне 1984 г. в Картахене (Колумбия) состоялась конференция министров экономики, финансов и иностранных дел 11 государств

(Аргентина, Бразилия, Мексика, Чили, Венесуэла, Колумбия, Перу, Эквадор, Боливия, Уругвай и Доминиканская Республика) по проблемам внешнего долга и другим экономическим и политическим вопросам. Встречи членов Картахенской группы стали регулярными. Однако ее деятельность оказалась малоэффективной. Это побудило 7 ее участников — Аргентину, Бразилию, Мексику, Венесуэлу, Колумбию, Перу и Уругвай, а также Панаму создать параллельно ей в декабре 1986 г. в Рио-де-Жанейро Группу Рио-де-Жанейро. Именно эти 8 государств до того уже были членами групп Контадоры и поддержки Контадоры, созданных в связи с Центральноамериканским конфликтом, и приобрели опыт сотрудничества, подтолкнувший их к созданию Группы Рио-де-Жанейро. Она высказалась за совместные действия по ряду экономических и политических вопросов. В 1990 г. в Группу вступили Чили, Эквадор, Боливия и Парагвай, после чего ее состав практически дублировал ЛАИ. Группа Рио-де-Жанейро постаралась затем привлечь к сотрудничеству страны Центральной Америки и Карибского бассейна. Она превратилась в важный форум совместного обсуждения вопросов экономического и политического сотрудничества государств Латинской Америки.

В августе 1986 г. оформилась Аргентино-Бразильская интеграция, к которой примкнул Уругвай. Она поставила целью заменить давнюю конкуренцию двух крупнейших республик Южной Америки объединением их экономических усилий, что закрепило бы их ведущую роль в регионе. В Аргентино-Бразильской интеграции преимущественное развитие получили производственная кооперация в области ядерной энергии и гидроэнергетике, автомобилестроении, электронике и некоторых других отраслях, а также взаимные беспошлинные поставки отдельных товаров. Свой интеграционный союз Бразилия и Аргентина рассматривали как ядро будущего еще более широкого сообщества государств, которое могло занять влиятельные позиции на мировой арене. 26 марта 1991 г. президенты Аргентины, Бразилии, Уругвая и Парагвая подписали в Асунсьоне соглашение о создании Общего рынка стран юга Америки (МЕРКОСУР) в составе четырех государств с общим населением 200 млн. человек, территорией в 11 млн. км² (почти $\frac{2}{3}$ Южной Америки) и ВВП — 460 млрд. долл. (1992). Начиная с 1991 г. предусматривались постепенное снижение взаимных таможенных тарифов вплоть до их полной отмены к 1995 г., введение единых внешних тарифов, выработка совместно согласованных позиций на мировой арене по экономическим и политическим вопросам.

Участники МЕРКОСУР предполагали со временем подключить к этой организации другие южноамериканские страны, превратить ее

в основное интеграционное объединение Южной Америки. Чили, Боливия, Перу проявили интерес к сотрудничеству с МЕРКОСУР.

Венесуэла и Колумбия вместе с Мексикой образовали «Группу трех», приступив с 1992 г. к снижению взаимных торговых пошлин, чтобы постепенно создать зону свободной торговли.

Таким образом, возникло несколько субрегиональных объединений, частично пересекавшихся друг с другом. В этих условиях ЛАИ, Группа Рио-де-Жанейро и ЛАЭС старалась осуществлять координацию их усилий.

Интеграционные процессы развивались и в Карибском бассейне, где с 1973 г. существовало Карибское сообщество. В него вошли англоязычные государства и принадлежавшие Великобритании территории Карибского бассейна. В рамках Карибского сообщества действовал Карибский общий рынок, целью которого было постепенное снижение и ликвидация таможенных пошлин между его участниками, выработка единой таможенной политики и координация планов развития. Внутри Карибского общего рынка существовал более локальный Восточнокарибский общий рынок, объединявший наименее развитые и самые малые островные страны субрегиона. Четыре из них — Гренада, Доминика, Сент-Винсент и Гренадины, Сент-Люсия (общее население менее полумиллиона человек, территория — 2,3 тыс. км²) решили в 1991 г. создать политический интеграционный союз.

Быстрый прогресс западноевропейской интеграции, завоевание влиятельных позиций в мировой экономике Европейским экономическим сообществом и странами Азиатско-Тихоокеанского региона во главе с Японией побуждали латиноамериканские государства наряду с региональной интеграцией добиваться подключения к высокоразвитой экономике США и Канады, с тем чтобы ускорить собственное развитие и в перспективе стать частью мощного интеграционного объединения в масштабах всего Западного полушария, способного занять ведущие позиции в мировом хозяйстве. В этом были заинтересованы со своей стороны США и Канада. Идея экономического сближения с северными соседями стала оживленно обсуждаться в Латинской Америке в 1990 г. Президент США Джордж Буш 27 июня 1990 г. выступил с идеей «нового экономического партнерства» в Западном полушарии. Он предложил создать зону свободной торговли и инвестиций в составе США, Канады и Латинской Америки, которая бы заложила основы Межамериканского общего рынка. В Межамериканском банке развития предполагалось создать специальный фонд для финансирования экономических программ в латиноамериканских странах и частично списать долг тех стран, которые энергично встанут на путь «либерализации» экономики и внешней торговли. Инициатива Буша встретила позитивные отклики многих латиноамериканских правительств.

Мексика в 1990—1991 гг. начала переговоры с США о создании Североамериканской зоны свободной торговли (НАФТА) с участием Мексики, США и Канады. Договоренность об этом была достигнута в 1992 г. и вступила в силу с 1 января 1994 г.

Ряд латиноамериканских республик изъявил намерение подключиться к этой зоне через систему двусторонних и многосторонних договоров о свободе торговли с Мексикой и друг с другом и в перспективе с США. В 1991 г. были подписаны соглашения о свободе торговли Мексики и Центральной Америки, между Мексикой и Чили, а в 1993 г. между Мексикой и Венесуэлой. Зона свободной торговли должна была объединить участников «Группы трех» (Мексика, Венесуэла, Колумбия). В декабре 1992 г. аргентинский президент Менем заявил, что приоритетной целью МЕРКОСУР должна стать интеграция этой организации с Североамериканской зоной свободной торговли и создание в дальнейшем общеконтинентального интеграционного объединения. Бразилия же предпочитала не спешить с реализацией таких планов, сосредоточив усилия на укреплении МЕРКОСУР и интеграции Южной Америки, где Бразилия смогла бы играть доминирующую роль.

Развитие социально-политической борьбы в новых условиях. Сложные процессы происходили в 80-е — начале 90-х годов в общественно-политической жизни латиноамериканских государств, в партийно-политической борьбе, в развитии массовых движений. Организации трудящихся, левые и революционные силы активно участвовали в борьбе, приведшей к падению военных режимов, но не смогли стать ее ведущей силой. Сказались последствия стратегического поражения революционных движений в 70-е годы, урон от репрессий, а также изменение ситуации в регионе и в мире. Основные массы населения поддержали умеренные реформистские и демократические партии. Реформизм, ненасильственные действия, поиски национального согласия оказались эффективными в переходе к представительной демократии и укреплении конституционных институтов.

Однако негативные последствия политики капиталистической модернизации чувствительно отражались на уровне жизни и социальных правах трудящихся и стимулировали забастовочное движение. Основными центрами массовой стачечной борьбы во второй половине 80-х годов были Аргентина, Бразилия, Перу и Уругвай, где ежегодно бастовали свыше 20 млн. человек (не считая повторных выступлений). Частым явлением здесь были всеобщие забастовки. Значительными масштабами стачечной борьбы отличались также Эквадор, Доминиканская Республика, Боливия. В странах с более стабильной обстановкой, устойчивым конституционным режимом и широким влиянием идей классового сотрудничества (Мексика, Венесуэла) забастовка как форма борьбы применялась меньше.

Упорное стачечное движение в ряде случаев вело к смягчению социальной политики правительств, заставляло их считаться с

интересами и правами трудящихся. Оно побуждало правящие круги более настойчиво сопротивляться давлению международного финансового капитала, добиваться удовлетворительного решения проблем внешнего долга. Однако нередко бастующие выдвигали экономические требования, в принципе справедливые, но завышенные по сравнению с реальными возможностями, и тогда забастовочная борьба и принятие требований рабочих усиливали дестабилизацию обстановки. Это было характерно для Боливии периода правительства левых сил (1982—1985), для Уругвая в 1988—1990 гг.

Ведущим по численности региональным профсоюзным объединением оставалась реформистская Межамериканская региональная организация трудящихся (ОРИТ). Общая численность ее профсоюзов (включая США и Канаду) в 1985 г. достигала 32 млн. человек, из них в Латинской Америке — около 13—14 млн. В нее входили крупнейшие национальные профцентры — Конфедерация трудящихся Мексики (5,5 млн. членов), Всеобщая конфедерация труда Аргентины (4 млн.), Конфедерация трудящихся Венесуэлы (1,5 млн.) и др. В латиноамериканских профсоюзах ОРИТ в 70—80-е годы получили преобладание национал-реформистское и социал-демократическое течения, хотя определенное влияние сохранила и американская АФТ — КПП. Усилилась политизация профсоюзов ОРИТ, сыгравших важную роль в борьбе против диктаторских режимов, за демократию и права трудящихся.

Более 5 млн. человек объединял Латиноамериканский профцентр трудящихся (ЛАПТ), в который входил ряд профсоюзов Бразилии, Венесуэлы, Колумбии, Гондураса, Коста-Рики и других стран. В условиях спада революционного движения с середины 70-х годов ЛАПТ стал склоняться к более умеренным позициям, в нем усилилось влияние христианско-демократического движения.

Постоянный конгресс профсоюзного единства трудящихся Латинской Америки (ПКПЕТЛА), объединявший левые профсоюзы и переживавший в середине 70-х годов трудные времена, в 1985 г. насчитывал 6 млн. членов, из которых 3 млн. приходилось на профсоюзы Кубы. Из остальных крупнейшими были Всеобщая конфедерация труда Перу (1 млн.), Боливийский рабочий центр (0,7 млн.), профсоюзы Никарагуа.

Все три профсоюзных объединения выступали в защиту интересов трудящихся, за расширение их прав, против диктатур, за демократические свободы, решение проблем внешнего долга с учетом интересов рабочего класса, участие трудящихся в планах экономического и социального развития. Но организационный и идеологический раскол мешал их совместным действиям. При этом ОРИТ и ЛАПТ делали акцент на достижении взаимопонимания между трудящимися, государством и предпринимателями, ПКПЕТЛА — на активных классовых выступлениях и радикальных решениях стоящих проблем.

Некоторые крупные национальные профцентры и отдельные федерации были автономными, что облегчило им задачу объединения трудящихся независимо от идеологических различий. Среди них были Единый профцентр трудящихся Колумбии (0,7 млн. членов), образованный в 1986 г. в результате объединения руководимой коммунистами конфедерации с автономными профсоюзами, уругвайский профцентр (250 тыс.), воссозданный под руководством коммунистов и их союзников после восстановления конституционного режима, унитарный профцентр трудящихся Чили (300 тыс.), восстановленный в 1988 г., в котором сотрудничали христианские демократы, социалисты и коммунисты. Имелись крупные автономные профсоюзы умеренного тред-юнионистского направления.

В результате осуществления жестких экономических реформ в начале 90-х годов позиции профсоюзов оказались ослабленными. Уменьшилась их численность, снизилась эффективность рабочих выступлений. Среди значительной части трудящихся росли апатия и чувство безысходности. Перестала быть центром массовых общенациональных забастовок Аргентина. Тем не менее в ряде стран политика решения экономических проблем за счет трудящихся встречала их упорное сопротивление. Всеобщие забастовки за пересмотр политики приватизации, против массовых увольнений и сокращения реальной заработной платы в 1992—1993 гг. состоялись в Боливии, Перу, Эквадоре, Сальвадоре. В Уругвае в 1992 г. прошло 6 всеобщих забастовок.

В сложном положении оказались левые партии после поражений и репрессий, испытанных ими в 70-е годы. Большие потери понесли крупнейшие коммунистические партии региона — Чили, Уругвая. Во второй половине 80-х годов условия деятельности левых партий почти повсюду стали более благоприятными. Но в то же время неудачи революционных попыток, определенные успехи политики модернизации, изменения в составе рабочего класса и в социальной структуре населения, переход к демократическим формам правления стимулировали реформистские настроения. К тому же с революцией и острыми проявлениями классовой борьбы связывались представления о неизбежных осложнениях и жертвах, что подтверждал накопленный опыт. Негативные аспекты развития и кризисные явления в социалистических странах на рубеже 80-х и 90-х годов подрывали веру в социализм, порождали растерянность и замешательство в рядах коммунистов. Критикуя, порой очень жестко, политику правящих кругов, в том числе реформистских правительств, неоконсервативный вариант модернизации экономики, коммунисты и другие революционные силы не сумели своевременно оценить новую обстановку в регионе и в мире и выдвинуть реалистическую альтернативу. Реформистские партии укрепили позиции и благодаря

своему участию в борьбе против диктатур, за права человека и демократические свободы.

С другой стороны, возросли удельный вес и социальная активность низов общества, многоликой и многочисленной массы безработных, жителей «поселков нищеты», трудящихся «теневого» экономики, пролетаризированных слоев мелкой буржуазии, маргинального населения, которые оказались на обочине общественного прогресса. Эти многочисленные слои были базой для проявлений бунтарства, революционного нетерпения, анархизма и могли стать разрушительной для общества силой. Но они же порой склонны были ринуться за обещаниями умеренных или даже консервативно настроенных лидеров «харизматического» толка, как это было на президентских выборах в Аргентине и в Бразилии в 1989 г., а затем в 1990 г. в Перу, где совершенно неожиданно, опрокинув все прогнозы, победителем и президентом стал сын японского иммигранта, ректор аграрного института Альберто Фухимори, которого все считали аутсайдером. Он сумел завоевать голоса избирателей, представ перед ними выразителем воли народа, оставшего от дискредитировавших себя традиционных партий. Фухимори привлек избирателей обещаниями преодолеть коррупцию, инфляцию, терроризм и безработицу и осуществить модернизацию страны в интересах простого человека.

В итоге гамма настроений народных масс оказывалась очень пестрой, что отражалось на составе и позициях левых сил, затрудняло достижение ими единства, поиски соответствующих конкретным условиям стратегии и тактики и программных требований.

Борьба традиционных левых сил развивалась с переменным успехом. Влиятельными их позиции в 80-е годы были в Уругвае, Чили, Перу, Боливии. В Уругвае на всеобщих выборах 1984 г. Широкий фронт, в котором участвовали коммунисты, социалисты и другие левые партии, получил 21 % голосов, восстановив и даже усилив свои позиции по сравнению с периодом до установления диктатуры. Во время избирательной кампании 1989 г. умеренное крыло Широкого фронта вышло из его рядов. Но и в уменьшенном составе Широкий фронт в ноябре 1989 г. вновь получил 21 % голосов и победил в Монтевидео. Его кандидат стал мэром столицы.

В Боливии ход событий был иным, с более резкими перепадами. В октябре 1982 г. к власти пришло правительство блока левых сил во главе с президентом Эрнаном Силесом Суасо, участником революции 1952 г. и президентом Боливии в 1956—1960 гг., теперь стоявшим на левых позициях. В правительство вошли и коммунисты. В сложной экономической и политической обстановке, не имея твердого большинства, правительство Силеса Суасо пыталось стимулировать экономическое и социальное развитие страны, ук-

репить государственный сектор, расширить права трудящихся и привлечь их к управлению производством, бороться с наркомафией.

Однако правительству сразу же пришлось столкнуться с растущим противодействием крупного местного и иностранного капитала, наркомафии, нарастанием экономических трудностей, нехваткой средств. Обострились отношения правительства с профсоюзами, требовавшими радикального улучшения положения трудящихся, не считаясь с реальными возможностями властей. Профсоюзы организовали серию длительных всеобщих забастовок, парализовавших производство. Правительство пошло на уступки рабочим, которые не были обеспечены материально. Это стимулировало инфляцию, подскочившую до 25000 % в год. Экономика и финансы пришли в полное расстройство. Блок левых сил распался. Коммунисты вышли из правительства (1984). Не в силах умиротворить противоборствующие стороны, отчаявшийся президент даже объявил свою голодовку и пошел в 1985 г. на досрочные всеобщие выборы, на которых левые силы потерпели поражение.

В августе 1985 г. к власти пришло правоцентристское правительство 78-летнего Виктора Паса Эстенсоро, лидера Националистического революционного движения (НРД) и революции 1952 г., президента республики в 1952—1956 и 1960—1964 гг. Крутыми мерами ему удалось нормализовать экономику и почти ликвидировать инфляцию (10—20 % в 1987—1988 гг.). Но его политика вызвала новую волну забастовок. В августе 1989 г. после очередных выборов у власти оказалось правительство Паса Саморы. Новый президент являлся руководителем Левого революционного движения (МИР), в прошлом стоявшего на леворадикальных революционных позициях, затем эволюционировавшего в сторону социал-демократического курса. В 1982—1984 гг. МИР входил в правительство левых сил. Весьма необычным было то, что эта партия пришла к власти в союзе с Национальным демократическим действием (НДД), основанным и возглавлявшимся бывшим диктатором Уго Бансером, против которого когда-то боролся МИР, и стоявшим на правом фланге политической жизни. Такая неожиданная комбинация расширила поддержку правительства и слева, и справа. Обе стороны проявили готовность к поискам практических решений в духе взаимного компромисса и национального согласия. Это позволило сохранить экономическую и политическую стабильность в стране, вся история которой до 1985 г. отличалась особой неустойчивостью, бурными событиями, частой сменой режимов, переворотами и контрпереворотами. Во второй половине 80-х — начале 90-х годов наблюдается непривычная для Боливии консолидация демократического конституционного режима.

В Перу в 1980 г. возникла коалиция Единство левых сил (ЕЛС), получившая на муниципальных выборах 1983 г. 31 % голосов и

победившая в столице. На всеобщих выборах 1985 г. коалиция набрала 23 % голосов, заняв второе место после победившей апристской партии. Однако в 1989 г. среди перуанских левых усилились разногласия. От ЕЛС отделилась новая группировка — Социалистическая левая. Выступив на всеобщих выборах в апреле 1990 г. раздельно, оба левых блока в сумме получили лишь 11 % голосов: разочарование значительных масс избирателей в традиционных партиях распространилось и на левые силы, оказавшиеся в кризисе.

В 1985 г. на смену умеренным буржуазным партиям к власти в Перу пришла Перуанская апристская партия, придерживавшаяся социал-демократических позиций. Ее молодой и динамичный лидер Алан Гарсиа стал президентом (1985—1990). Однако его левореформистская политика оказалась в противоречии с реальной ситуацией в стране и в мире и после первых успехов кончилась провалом и углублением кризиса. За 1990 год инфляция достигла 7650 %, национальное производство с 1988 г. неуклонно падало, вне стабильной занятости оказалось большинство населения, усилился терроризм. Новому президенту Фухимори (с августа 1990 г.) досталось тяжелое наследство. Не принадлежа ни к одной из традиционных партий, он создал коалиционное правительство. Разработанный правительством чрезвычайный план стабилизации экономики сочетал суровые антиинфляционные меры и «либерализацию» экономики с увеличением налогов, таможенных пошлин, коммунальных платежей. Инфляция в месячном исчислении упала с 400 % в августе до 8 % в октябре 1990 г. Но правительственная политика вызвала дальнейшее свертывание производства и забастовки трудящихся госсектора.

В Колумбии в 1985 г. была создана коалиция левых сил — Патриотический союз, в которой ведущую роль играли коммунисты и сторонники руководимых ими Революционных вооруженных сил Колумбии (РВСК), действовавших с давних пор в районах вооруженной борьбы крестьян за землю и насчитывавших до 7 тыс. бойцов. На всеобщих выборах в июне 1986 г. Патриотический союз вышел на третье место после двух главных партий страны — либералов и консерваторов, получив 4,5 % голосов и 14 мест в Конгрессе. Однако вскоре левые организации стали жертвой террора ультраправых сил, связанных с наркомафией. Погибли тысячи активистов левых партий и организаций, в том числе один за другим два руководителя Патриотического союза. В дальнейшем влияние компартии и Патриотического союза стало падать, усилились внутренние разногласия, многие участники коалиции вышли из ее состава. На выборах в Национальную конституционную ассамблею Колумбии в декабре 1990 г. Патриотический союз получил лишь 2,34 % голосов и 2 мандата.

На первый план на левом фланге политической жизни Колумбии выдвинулось Движение 19 апреля (М-19). Это была леворадикальная вооруженная организация, возникшая в 1974 г. и названная так в память о всеобщих выборах 19 апреля 1970 г., когда оппозиционные силы, выступившие с левонационалистических позиций, едва не добились победы. М-19 предпринимало дерзкие вооруженные акции. Наибольшую известность получил захват его участниками в декабре 1985 г. Дворца правосудия, закончившийся гибелью 115 человек. В марте 1990 г. Движение 19 апреля отказалось от вооруженной борьбы и разоружилось, круто изменив свои позиции в пользу социал-демократической ориентации, выступив за неприменение насилия и демократический путь к социализму. На основе М-19 возникла новая левая коалиция, в которую перешли и многие прежние сторонники Патриотического союза. В апреле 1990 г. лидер М-19 Карлос Писарро был убит правыми террористами, но сменивший его Антонио Наварро Вольф совершенно неожиданно получил на президентских выборах 12,6 % голосов, выйдя на третье место. В правительстве либерала Сесара Гавириа в августе 1990 г. А. Наварро занял пост министра просвещения. В декабре 1990 г. новая левая коалиция на выборах в Национальную конституционную ассамблею приобрела 28 % голосов и 20 из 70 мандатов, заняв первое место. Но позже, на парламентских выборах 1994 г. Демократический альянс М-19 потерпел неудачу.

В Венесуэле на всеобщих выборах 1988 г. союз традиционных левых сил с участием компартии получил менее 1 % голосов, зато левая партия «Движение к социализму» (МАС) добилась более 10 % голосов, заняв третье место, а победила партия социал-демократического направления «Демократическое действие». В Мексике в 1988 г., в Бразилии и в Чили в 1989 г. больших успехов на выборах добились левые силы.

Во всех случаях, за исключением Уругвая, это были успехи левых, социалистических партий и движений, непосредственно не связанных с компартиями и традиционными левыми коалициями,— либо новых, недавно появившихся на политической арене, либо радикально изменивших свои прежние позиции в пользу эволюционного пути к социализму и тесной связи его с демократией как неотъемлемой его основой. Что касается компартий, то они почти везде на рубеже 80-х и 90-х годов оказались в серьезном кризисе и в большей или меньшей изоляции от основных масс избирателей. Большинство компартий не сумело освободиться от ряда догматических стереотипов и приспособиться к новым реалиям. Часть коммунистов, решившихся на радикальное переосмысление прежних взглядов, вышла из этих партий и либо присоединилась к другим левым организациям, либо создала новые. В Мексике компартия еще раньше начала отход от ортодоксальных позиций и растворилась в более широком спектре социалистических сил. В Сальвадоре компартия стала влиятельнейшим участником Фронта национального

освобождения имени Фарабундо Марти (ФНОФМ), который в 1992 г. был реорганизован в единую левую партию. Компартия Бразилии в январе 1992 г. была преобразована в Народную социалистическую партию (НСП), приблизившись к социал-демократическим позициям. Несогласная с этим фракция во главе с 84-летним архитектором Оскаром Нимейером, творцом новой бразильской столицы, воссоздала прежнюю компартию Бразилии. Уругвайская компартия, придерживавшаяся гибких позиций, сохранила влиятельные позиции в Широким фронте и в профсоюзах. Партия коммунистов Гайаны — Народная прогрессивная партия смогла успешно адаптировать свою платформу и действия к новым реалиям и стать правящей. Ее давний лидер Чедди Джаган в октябре 1992 г. был избран президентом Гайаны, получив 55 % голосов.

Важнейшей задачей для всех левых сил стала разработка конструктивной демократической, прогрессивной альтернативы неоконсервативному варианту модернизации латиноамериканского общества и интеграции стран региона в мировое хозяйство. Такая альтернатива пока практически отсутствовала, что было ахиллесовой пятой левых. Эти вопросы горячо обсуждались на совещании левых партий региона с участием коммунистов, левых социалистов и некоторых других партий в Сан-Паулу в июле 1990 г. Встречи «Форума Сан-Паулу» стали регулярными (раз в год). Дискуссии были продолжены в 1991 г. в Мехико и в 1992 г. в Манагуа. В них был представлен широкий диапазон точек зрения, от ультралевых до умеренных.

Укрепили и расширили свои позиции в рабочем и демократическом движении Латинской Америки в 70—80-е годы партии социал-демократического направления. Они выступали против диктатур и авторитарных форм правления, за демократические преобразования, политические и социальные реформы в духе «демократического социализма». Социал-демократы критиковали капитализм за дефицит социальной справедливости, а реальный «государственный» социализм — за отсутствие политических свобод. Они отрицали насильственные формы борьбы и ставили своей целью добиваться в рамках существующего общества постепенного расширения политической представительной демократии до рамок более полной социальной демократии, совмещения свободы с социальной справедливостью и создания в конечном итоге нового солидарного и кооперированного общества. На первый план выдвигалось признание самоценности демократии как неперменной основы социализма. Имелось в виду достичь эффективного участия народа в разных сферах общественной жизни и на разных уровнях. Социализм понимался не как конкретное общество, которое нужно построить, разрушив капитализм, а как общая направленность движения по пути реформ, с тем чтобы постепенное накопление количественных

изменений привело в итоге на каком-то этапе эволюции к качественному преобразованию существующего общества. В этом смысле социал-демократы считали свои цели революционными. Они выступали за рыночную смешанную экономику и сочетание важной роли государства в экономическом и социальном развитии с сохранением и уважением частной собственности. Путь к социализму они связывали с приобщением трудящихся к частной и другим формам собственности. В отличие от многих неоконсервативных политиков, специалистов-технократов, социал-демократы утверждали, что экономический и технический прогресс имеет смысл, только если он осуществляется во имя повышения материального и духовного уровня жизни большинства населения. Они выступали за политический и идеологический плюрализм, диалог с другими левыми и демократическими силами.

Латиноамериканские социал-демократы признавали важность глобальных проблем — борьбы за мир и разоружение, экологической и др. Взрывоопасную ситуацию видели они в слаборазвитости стран «третьего мира», в том числе Латинской Америки, и считали, что в решении этой проблемы должны участвовать все государства земного шара.

Заинтересованность в распространении влияния социал-демократии в Латинской Америке проявлял Социнтерн. Финансовую поддержку и помощь местным социал-демократам оказывал Фонд Фридриха Эберта, связанный с Социал-демократической партией Германии¹. При его содействии в 1974 г. в Каракасе начал издаваться журнал «Нуэва сосьедад» («Новое общество»), превратившийся, по сути, в теоретический орган латиноамериканских социал-демократов и социалистов. В 1980 г. был создан Специальный комитет Социнтерна по Латинской Америке и Карибскому бассейну. В 1986 г. конгресс Социнтерна состоялся в Южной Америке — в Лиме. К концу 80-х годов в Социнтерн входила уже 21 латиноамериканская партия. Генеральный секретарь и 7 из 28 вице-председателей Интернационала являлись латиноамериканцами.

Наиболее влиятельными партиями социал-демократического направления в регионе были находившиеся в разное время в 70—90-е годы у власти партия «Демократическое действие» в Венесуэле (1974—1979 и 1984—1993 гг.), Партия национального освобождения Коста-Рики (до 1978 г., в 1982—1990 гг. и с 1994 г.), Перуанская апристская партия (1985—1990), Доминиканская революционная партия (1978—1986), Народная национальная партия Ямайки (1972—1980 и с 1989 г.). В 1988—1992 гг. социал-демократическое

¹ Назван так в честь видного лидера этой партии, главы первого в истории Германии социал-демократического правительства во время революции 1918—1919 гг., президента Германии в 1919—1925 гг.

правительство находилось у власти в Эквадоре. Значительным было влияние социал-демократических течений в правительствах Боливии 80-х — начала 90-х годов.

Социал-демократические правительства укрепляли и отстаивали демократию, пытались обеспечить экономическую и политическую модернизацию общества с учетом интересов широких слоев населения, добивались усиления роли латиноамериканских государств в решении мировых проблем. Однако успехи такой политики оказались скромными. Под бременем внешней задолженности, финансовых и экономических затруднений социал-демократические правительства часто сами оказывались вынуждены проводить политику строгой экономии, вызывавшую рост массового недовольства, уступать давлению крупного местного и иностранного капитала, не находя удовлетворительной альтернативы неоконсервативному варианту решения проблем. И тем не менее значительные массы населения предпочитали поддерживать социал-демократические партии, нежели открытых защитников неоконсервативной политики или явных революционеров с их рискованными и сомнительными проектами коренной ломки общества.

В ряде стран ведущую роль в политической жизни продолжали играть демократические либерально-реформистские и национал-реформистские партии — Институционно-революционная партия в Мексике, Либеральная партия в Колумбии, радикалы и перонисты в Аргентине. Влиятельные позиции имели Христианско-демократическая партия в Чили и Социал-христианская партия (КОПЕЙ) в Венесуэле. Эти партии и их правительства проводили политику укрепления конституционного режима и демократических свобод.

Сравнительно новым явлением в политической жизни региона стало усиление левых социалистических партий, отчасти традиционных (социалистические партии Чили и Уругвая), но в большинстве возникших в 70-е и 80-е годы (Партия трудящихся и Демократическая гребальстская партия в Бразилии, Движение к социализму в Венесуэле, Социалистическая революционная партия в Перу, Партия демократической революции К. Карденаса в Мексике и др.). В 1986 г. более полутора десятков левых социалистических партий объединились в Латиноамериканскую социалистическую координацию (ЛАСК). В основном именно с этими партиями были связаны успехи левых сил в ряде стран в конце 80-х — начале 90-х годов. Большинство их участвовало в «Форуме Сан-Паулу». Характерной чертой эволюции партий ЛАСК в 80-е годы был быстрый, иногда резкий отход от левореволюционных, леворадикальных позиций в сторону социал-демократии. Они стали как бы ее левым флангом, также перейдя на платформу «демократического социализма» и эволюционного пути его достижения. Они тоже теперь делали акцент на неразрывности демократии и социализма, само-

ценности демократии как основы социализма. Социалисты ЛАСК несколько определеннее, чем собственно социал-демократы, ставили вопрос о построении социализма как нового общества, связывая его с завоеванием власти трудящимися, народом, хотя в главном их представления о социализме и путях его достижения были сходными. Они тоже были сторонниками смешанной рыночной экономики, сохранения частной собственности в сочетании с государственным регулированием и программированием, с участием производителей и потребителей во владении собственностью и в управлении. Но социалисты больший упор делали на развитии кооперативного, самоуправленческого сектора как приоритетного для социализма. Высшей целью нового общества они провозглашали гармоничное развитие человека, человеческой личности.

Нетрадиционно ставили латиноамериканские социалисты вопрос о власти. Суть вопроса они видели не в захвате государственной власти своей партией или блоком левых сил, а в завоевании гегемонии, влияния в гражданском обществе, в развитии общественного самоуправления снизу, расширении участия народных организаций в принятии решений на разных уровнях, в том числе в жилых кварталах и на производстве. Таким путем, утверждали они, в недрах существующего общества будет создаваться альтернативная, народная, социалистическая власть, которая со временем возобладает в масштабах всего общества. Социалисты проявляли большой интерес к Грамши и Мариатеги, подчеркивали свою приверженность к учету специфики Латинской Америки и к автономной роли латиноамериканского социалистического движения. Сотрудничество левых и демократических сил они представляли не столько в виде единых фронтов или коалиций с общей программой, сколько в поисках соприкосновений, консенсуса, параллельных действий в одном направлении разных партий, движений и течений.

В 1979 г. была создана Постоянная конференция политических партий Латинской Америки, в рамках которой сотрудничали левые и демократические партии разных направлений — социалистические, социал-демократические, либеральные и национал-реформистские. В 1989 г. она уже объединяла 52 партии из 23 стран.

Эволюция в сторону более умеренных, реалистичных позиций была характерна и для левого радикализма и левозкстремистских течений Латинской Америки. Многие поборники и участники вооруженной повстанческой борьбы и террористических акций, в том числе троцкисты и маоисты, по мере своих неудач, ухода со сцены военных диктатур и консолидации конституционных режимов стали отходить от вооруженной борьбы, от намерений немедленно осуществить социалистическую революцию. Они признали необходимость переходных этапов к социализму, важное значение демократии, избирательной борьбы, возможность союзов и коалиций с другими

левыми силами. Такую эволюцию в 80-е годы претерпели уругвайские «Тупамарос», аргентинские «Монтонерос», Революционная партия трудящихся и Движение к социализму (МАС) в Аргентине, Левое революционное движение (МИР) в Чили. В 1990—1991 гг. отказались от вооруженной борьбы несколько военно-политических организаций Колумбии, включившихся в легальную партийно-политическую жизнь. Повстанческая организация Эквадора «Альфарио виве» («Альфарио жив») — по имени президента-реформатора начала века, погибшего от рук реакции) в 1991 г. также пришла к выводу, что вооруженная борьба «не находит поддержки народных масс и потому потеряла всякий смысл». Отход революционеров от вооруженной борьбы на более умеренные позиции наметился и в Центральной Америке в начале 90-х годов в связи с урегулированием конфликта в субрегионе. Некоторые из бывших леворадикальных организаций, совершив крутой поворот, перешли на социал-демократические позиции и быстро завоевали влияние и даже вошли в правительства (МИР Боливии, Движение 19 апреля в Колумбии).

Ряд леворадикальных партий и групп, отказавшись от вооруженной борьбы и включившись в партийно-политическую деятельность, не сумели преодолеть в полной мере сектантские и левацкие тенденции и стать массовыми движениями. Часть из них превратилась в небольшие партии, занявшие крайний левый фланг политической борьбы, другие остались узкими, замкнутыми группами, третьи распались, а их участники либо отошли от политической борьбы, либо перешли в другие организации.

Но и к началу 90-х годов сохранились левацкие вооруженные подпольные организации и группы, чаще всего малочисленные, появились и новые. Их тактика вооруженной борьбы свелась главным образом к террористическим акциям и другим деструктивным действиям, встречавшим негативную реакцию у основной части населения. В то же время левый терроризм (в какой-то мере и встречный правый терроризм) находил приверженцев среди отчаявшихся маргиналов, неустроенных, увлеченных революционной романтикой представителей молодежи и совсем юных подростков, ряды которых множились в результате негативных социальных последствий политики правящих кругов.

Особое место среди новых левозстремистских вооруженных организаций заняло движение «Сендеро луминосо» («Светлый путь») в Перу, социальной базой которого стали жители «поселков нищеты» и молодые крестьяне-индейцы. Оно возникло на базе группы молодых коммунистов в университетской среде г. Аякучо в конце 60-х годов, воспринявшей маоистские идеи и отделившейся от традиционной Компартии Перу. Теоретиком и организатором, верховным вождем движения стал Абимаэль Гусман («Председатель Гонсало»), придавший ему жесткую вертикальную структуру военизированной

организации с железной дисциплиной и культом «Председателя Гонсало». В 1980 г. «Сендеро луминосо» приступило к вооруженным террористическим акциям, постепенно охватившим обширные внутренние районы, а затем распространившимся также на столицу и другие крупные города.

«Сендеро луминосо» выступило под знаменем «всемирной пролетарской революции» и «народной войны» с целью утверждения во всем мире «коммунизма» тоталитарно-казарменного типа в его самом примитивном выражении. Сендеристы апеллировали к индейскому расизму, обвиняя во всех бедах белых европейских поработителей и призывая уничтожить утвержденное ими в Перу европеизированное эксплуататорское капиталистическое государство и воссоздать образцовое индейское «коммунистическое» общество. Движение «Сендеро луминосо» имело сходные черты с полпотовским движением «красных кхмеров» в Камбодже в 70-е годы.

Вооруженные столкновения с армейскими и полицейскими подразделениями, взрывы банков, магазинов, административных зданий, линий электропередач, помещений партий, убийства представителей власти, армии и полиции, активистов профсоюзов и политических партий правого и левого толка, простых сельских и городских жителей, отказывавшихся повиноваться и служить сендеристам, стали повседневной действительностью в Перу. Все новые и новые провинции и департаменты переводились на военное положение. Развернулась беспощадная война между «Сендеро луминосо» и армией и полицией. Сендеристы вели борьбу с предельной жестокостью, убивая жертвы самым мучительным образом, с соблюдением инкских ритуалов, никого не щадя. Целью борьбы были подрыв, дезорганизация и затем полное уничтожение существующей системы. Число жертв этой войны с 1980 до 1993 г. достигло 29 тыс. человек, а материальный ущерб от нее — 21 млрд. долл. Большинство населения осуждало действия сендеристов, выступало в защиту конституционного строя. В ряде мест сами крестьяне стали создавать отряды самообороны, чтобы противостоять террористам. Но движение «Сендеро луминосо» сумело надолго укорениться в перуанском обществе, где удельный вес выбитого из колеи маргинального населения к концу 80-х — началу 90-х годов достигал 70 % жителей республики. Расширилось сотрудничество сендеристов с наркомафией, что усилило опасность стране со стороны тех и других.

В движении «Сендеро луминосо» как в фокусе проявилась взрывоопасная разрушительная потенциальная угроза для всего общества, которой было чревато обнищание больших масс населения. На рубеже 90-х годов сендеристские группы объявились в Боливии, Чили и Аргентине. В 1992 г. в Аргентине, Венесуэле, Эквадоре, Уругвае и других странах дали знать о себе левачьи террористические организации. В 1992 г. Революционные вооружен-

ные силы Колумбии совместно с несколькими более малочисленными партизанскими «армиями» (общая численность до 10 тыс. человек) сорвали мирные переговоры с правительством, предприняв серию нападений на подразделения армии и полиции, на гражданские объекты, взрывов в городах. Они выводили из строя гидроэнергетические комплексы, нефтепроводы. Эти акции повлекли значительные человеческие жертвы и причинили большой экономический ущерб стране. В Колумбии также наметилось смыкание левых экстремистов с уголовными элементами, с наркомафией.

Чрезвычайно широкие масштабы, которые приобрела деятельность наркомафии в андских странах, в Центральной Америке, в Мексике, также коренились в процессах социальной деградации значительной части латиноамериканского общества.

Недовольство широких слоев населения политикой правящих кругов, разочарование в традиционных партиях проявились в массовых голосованиях за новых деятелей, выдвигавших популистские лозунги и не связанных с этими партиями (Бразилия в 1989 г., Перу в 1990 г.), или за новые левые партии и движения социалистического направления (Движение К. Карденаса в Мексике и Движение к социализму в Венесуэле в 1988 г., Партия трудящихся в Бразилии и МИР в Боливии в 1989 г., Движение 19 апреля в Колумбии в 1990 г.). Быстрое усиление новой левой оппозиции традиционным партиям в конце 80-х — начале 90-х годов было непосредственным следствием кризиса, в котором к этому времени оказалась политика модернизации в Латинской Америке, и обострения социальных проблем.

Видную роль в защите прав человека и демократических свобод, в спасении жертв террора и в разоблачении репрессивной политики военных режимов 70—80-х годов сыграла церковь. Продолжалось движение «мятежной», или «народной», церкви, выступавшей от имени рядовых христиан. Усилилась социальная направленность и значительно расширились масштабы движения христианских низовых общин (Бразилия, Центральная Америка). Немало священников приняло участие в революционной борьбе в Никарагуа и Сальвадоре. Революционеры-священники заняли ответственные посты в сандинистском правительстве Никарагуа.

Курс официальной католической церкви также претерпел изменения. Энциклика папы Иоанна-Павла II 1988 г. отразила стремление представить церковь защитником чаяний стран «третьего мира», взять на себя роль посредника в решении острых социальных конфликтов, морального и духовного арбитра, стоящего над миром, интегрировать «теологию освобождения» в официальное вероучение и восстановить единство католической церкви. Она сыграла видную роль в национальном примирении в Никарагуа и в поддержке мирового урегулирования в Центральной Америке.

В октябре 1992 г. IV конференция епископов Латинской Америки в Санто-Доминго почти единодушно осудила «неолиберальную» экономическую политику латиноамериканских правительств как отвечающую «потребительскому и эгоистическому образу мышления и жизни» и приводящую к «растущему обнищанию все более широких слоев населения». Конференция высказалась за превалирование общего блага над привилегиями немногих, в защиту законных интересов трудящихся, за приоритетное внимание к социальным, этническим и культурным проблемам, которыми пренебрегают политики и политические партии.

Новым моментом стало расширение влияния протестантского христианства, особенно активно приобщившегося к социальным движениям, к движению низовых христианских общин, хотя протестанты не могли конкурировать по влиянию с католиками в католических в своей цивилизационной основе государствах региона. В странах Карибского бассейна протестантская церковь преобладала.

Важнейшей новой чертой в социально-политической жизни латиноамериканских государств стало бурное развитие внепартийных народных социальных движений на низовом уровне, альтернативных традиционным партийно-политическим структурам и традиционной классово-борьбе. Наряду с христианскими низовыми общинами, это были правозащитные, экологические, кооперативные, индейские движения, комитеты жителей народных кварталов и «поселков нищеты», безработных и бездомных, женские, материнские и молодежные организации. Через них в социальную, общественно-политическую жизнь вовлекались массы населения, не принимавшие активного участия в партийно-политической борьбе. Рост этих движений, зародившихся еще в 60-е годы, приобрел большие масштабы в 80-е — начале 90-х годов. Это в известной мере отражало разочарование народных масс в эффективности политических партий и государственной политики, поиски новых направлений для выхода их скрытой энергии, попытки изменить устоявшуюся систему социальных отношений в ее низовом, фундаментальном звене, выдвинуть снизу альтернативные нормы и ценности жизни. Это были новые формы социального протеста, не вписывавшиеся в традиционную социальную и политическую борьбу. В таких движениях проявлялось стремление осуществить чаяния простых людей, далеких от «большой политики», в повседневной деятельности на уровне квартала, микрорайона, общины, населенного пункта, города, т.е. на «микроуровне» обычной жизни обычных людей. Сильной, эффективной стороной таких движений были их доступность «малым людям», реальная осязаемость непосредственных результатов, возможность для широкого круга лиц активно проявить себя в общественной деятельности, преобладание практики над идеологическими и политическими разногласиями. Такие движения

способны были приобщить к общественной активности, к конструктивным социальным действиям ранее пассивные и далекие от политики или разочаровавшиеся в ней слои населения. Уязвимой стороной их являлись отстраненность от общенациональных социальных и политических проблем, недоверие к политическим партиям вообще, обособление от партийно-государственных структур, атомизация. Они отрицали важность и необходимость централизованных структур, перенося центр внимания на решение конкретных вопросов на микроуровне и признавая лишь горизонтальную координацию усилий автономных низовых ячеек и организаций.

Совершенно новым явлением в данном плане явилось развитие экологических движений, возникших на рубеже 70-х и 80-х годов. Они боролись против «грязных производств» и хищнического разграбления природы, особенно в бассейне Амазонки. Предпринимались усилия по вовлечению населения в решение экологических проблем, по созданию экологически чистых производств, утилизации отходов, по охране парков, лесов, рек и озер. Развивалась борьба против пагубных последствий урбанизации и индустриализации, создавались экологически здоровые очаги обитания в сельской местности. В 1989 г. в Бразилии состоялся I Национальный конгресс по спасению Амазонки с участием специалистов разных стран, в том числе из СССР. Был создан общественный экологический трибунал.

Одним из новых движений стало «гуманистическое», возникшее в интеллигентской и студенческой среде Аргентины, затем распространившееся на Чили, другие государства Латинской Америки и Западной Европы. В 1989 г. оформился Гуманистический интернационал. В центре внимания гуманистов стоял конкретный человек с его жизненными интересами, условиями, устремлениями. Они выступили за то, чтобы через самоусовершенствование личности, гуманизацию отношений между людьми, восстановление гармонии человека с природой в конечном счете добиться переустройства общества на основе идеалов доброты, совести и человечности. Во имя этого они призывали развернуть каждодневную работу по улучшению жизни людей, совершенствованию их самих и их взаимоотношений в пределах семьи, близких, квартала, района, города. Гуманистическая партия Чили вошла в 1990 г. в правящую коалицию и имела одно место в коалиционном правительстве П. Эйлвина.

Особенно широкие размеры приобрело движение ассоциаций жителей городских кварталов, зародившееся в «поселках нищеты» и распространившееся и на остальные городские районы, вплоть до кварталов средних слоев. Ассоциации жителей организовали взаимопомощь, поддержку особо нуждающихся. Совместными усилиями они создавали социальную микроструктуру (народные библиотеки, сто-

ловые, оздоровительные спортивные комплексы, детские учреждения), решали вопросы благоустройства территории, снабжения населения, улучшения окружающей среды, озеленения, рационального досуга жителей, развития культурных учреждений и т.д. Защищались права жителей на землю и жилища. В связи с движением ассоциаций жителей получила развитие идея народного самоуправления. В ряде случаев возникли очаги социального экспериментирования в виде самоуправляющихся общин, автономных от государственно-бюрократических структур власти. Крупнейшей из таких общин была община округа Вилья Эль-Сальвадор в Лиме с 300 тыс. жителей, с собственным управлением и федерацией 4 тыс. низовых организаций разного рода. Община организовала ассоциацию мелких и средних предприятий по снабжению продукцией населения округа, которая позволяла обеспечить и занятость жителей.

Особое место занимало движение индейских общин, отстаивавших свое право на землю, на самобытность и автономию. Это движение объединяло индейские племена главным образом сельвы Анд и бассейна Амазонки, сохранившие многовековые устои традиционного индейского общества. Хозяйственное освоение этих территорий грозило полной утратой их самобытности, что вызвало ответную реакцию индейцев. Движение федераций индейских общин имело целью интеграцию их в современную цивилизацию с сохранением автономии от внешнего мира и развитием на собственной традиционной основе, коренным образом отличающейся от европейской и креольской цивилизаций, невосприимчивой к капиталистическому развитию. Федерации индейских общин сельвы активизировались в 80-е годы в Перу, Эквадоре, Боливии, Бразилии и других странах. В июне 1990 г. произошли массовые выступления горных индейцев в Эквадоре. В декабре в Гуаякиле состоялся съезд Национальной конфедерации индейцев, потребовавших бесплатной передачи земли индейским общинам, материальной и финансовой помощи им, признания Эквадора многонациональным государством и введения автономии для индейцев. В ответ на отказ правительства в полном объеме удовлетворить эти требования, особенно по последним пунктам, индейские лидеры прервали диалог и призвали своих соплеменников перейти к самочинным действиям по захвату земель и не признавать республиканские власти. Аналогичные требования полных прав на территории их обитания предъявили властям индейцы Боливии, Перу, Бразилии.

500-летие открытия Америки Колумбом отмечалось в 1992 г. индейскими организациями как «500-летие горя, крови и бедствий», нищеты, эксплуатации коренного населения Америки, лишения его собственной культуры и самобытности. В сентябре 1992 г. собрание представителей коренных народов континента в Каракасе — «Индейский парламент Америки» — высказалось в защиту интересов

индейских народов, их самобытной культуры, «против уподобления Западному миру», за право на самоопределение и представительство в правительствах.

Бурное развитие массовых низовых народных социальных движений привлекло внимание ряда политических партий, особенно социалистов и социал-демократов, постаравшихся завязать с ними взаимные связи и учесть их устремления в своих программах и деятельности. Идея развития самоуправления и альтернативной народной власти, выдвинутая социалистами, в значительной мере явилась реакцией на эти движения и попыткой соединить их с социалистической перспективой развития общества, с партийно-политической борьбой левых сил, не нарушая их автономии и многообразия.

В начале 90-х годов усилилось недоверие широких масс населения к властям, к традиционным партиям и к политике вообще, разочарование в эффективности институтов представительной демократии. Это проявлялось по-разному. В Колумбии, Венесуэле, в ряде других стран на выборы в 1991—1994 гг. не являлось до половины и более избирателей. В Перу избиратели «прокатили» на выборах все основные традиционные партии. В Бразилии и в Венесуэле в 1992 г. до половины опрошенных готовы были поддержать приход к власти недемократического режима, если он покончит с нищетой. В Уругвае в декабре 1992 г. 72 % участников общенационального референдума отвергли закон о приватизации предприятий госсектора, принятый ранее парламентом по настоянию правительства.

В 1992—1993 гг. в ряде стран (Бразилия, Перу, Венесуэла, Гватемала) развитие ситуации переросло в острый социально-политический кризис. В Бразилии дело кончилось беспрецедентным для Латинской Америки досрочным отстранением от власти Ф. Коллора с помощью конституционных процедур и корректировкой экономической политики.

В Перу события развивались иначе. Здесь конфликт президента Альберто Фухимори с парламентом и основными политическими партиями вылился в «конституционный переворот», осуществленный главой исполнительной власти: 5 апреля 1992 г. А. Фухимори ввел чрезвычайное положение и прямое президентское правление, приостановив действие конституции и распустив Национальный конгресс и Верховный суд. Он обвинил парламент и оппозицию в противодействии реформам по выводу страны из кризиса. Протесты основных партий и распущенного парламента, их попытки создать параллельное правительство и низложить президента-«путчиста» успеха не имели. Осуждение действий Фухимори со стороны США, ОАГ, приостановка поступлений займов и кредитов также не изменили ход событий. Президента поддержали вооруженные силы и большинство населения. 22 ноября 1992 г. Фухимори организовал выборы в Конституционную

ассамблею, которая наряду с выработкой новой конституции получила и полномочия парламента до конца срока президентства Фухимори (28 июля 1995 г.). Хотя ведущие партии страны бойкотировали выборы, в них участвовало 75 % избирателей, большинство которых поддержало Фухимори. Конституционный режим был восстановлен, но по сценарию президента. Международная атмосфера вокруг Перу нормализовалась.

На состоявшихся в январе 1993 г. муниципальных выборах все традиционные партии в сумме набрали чуть более четверти голосов (апристы — 10 %, сторонники главного соперника Фухимори на президентских выборах 1990 г. М. Варгаса Льюсы — 2 %, Единство левых сил — 2 %). 60 % избирателей проголосовали за независимых кандидатов — сторонников Фухимори. Согласно новой конституции, одобренной на референдуме 31 октября 1993 г. 55,3 % голосов, усиливались полномочия президента. Он получал право объявлять референдум и мог отныне переизбираться на второй срок подряд (правда, Фухимори заявил, что сам он этим не воспользуется). Национальный конгресс превращался в однопалатный (100 депутатов). Сенат ликвидировался. Вводилась смертная казнь за терроризм.

То, что в Перу ситуация и настроения населения обернулись не против президента, проводившего жесткую антикризисную политику и совершившего «конституционный переворот», а против его критиков и парламента, выступавших с лозунгами защиты демократии, объяснялось особенностями обстановки в этой стране. В Перу вследствие общего низкого уровня жизни и чрезвычайно разрушительных последствий глубокого экономического кризиса нищета основных масс населения достигла, по признанию самого министра экономики, «невиданного размаха». Стабильную занятость имели лишь 1,5 млн. человек из 8 млн. экономически активного населения. Уже ряд лет бушевала жестокая и разорительная война с «Сендеро луминосо», масштабы которой непрерывно расширялись. Кровавый террор «сендеристов» и ответные карательные акции армии и полиции держали в напряжении и страхе население. Разрослись наркобизнес и коррупция. Виновниками всех этих бед в глазах большинства перуанцев были традиционные партии и их лидеры, стоявшие у власти до 1990 г., при которых страна была доведена до такого состояния. Потому и победил на президентских выборах 1990 г. «аутсайдер» Фухимори и было поддержано его намерение усилить исполнительную власть, укрепить порядок и вывести страну из кризиса. Правда, его политика не улучшила положение народных масс. Удалось сбить инфляцию с 7650 % в 1990 г. до 56,7 % в 1992 г., но падение производства продолжалось (—5 %). В 1993 г. возобновился наконец экономический рост (+7 %). Естественно, что намерение президента укрепить порядок в стране поддержала и армия.

В сентябре 1992 г. в результате энергичных действий армии и полиции удалось, наконец, нанести чувствительный удар по «Сендеро луминосо»: были выслежены и схвачены главный лидер этой организации Абимаэль Гусман и около 100 его сподвижников. Это подняло престиж Фухимори и его правительства. Абимаэль Гусман в октябре 1992 г. был приговорен к пожизненному заключению. Активность «сендеристов» пошла на спад. Политические позиции Фухимори укрепились.

В Венесуэле, в отличие от Перу и Бразилии, социально-политический кризис возник в условиях начавшегося быстрого экономического роста. В стране, получающей значительные доходы от экспорта нефти (13 млрд. долларов в 1991 г.), это выглядело несколько неожиданным. Более 30 лет в республике существовал довольно устойчивый конституционный режим с чередованием у власти двух основных партий — Демократическое действие (социал-демократы) и КОПЕЙ (социал-христианская). В разгар экономического кризиса в декабре 1988 г. здесь вторично был избран президентом видный социал-демократический деятель Карлос Андрес Перес. Он приобрел большую популярность во время первого своего президентства (1974—1979)¹, когда К.А. Перес, используя нефтяной бум и национализировав нефть, проводил активную политику экономического и социального развития и страна была на подъеме. Это контрастировало с кризисной ситуацией конца 80-х годов, и население связывало с именем К.А. Переса новые надежды.

Однако Карлос Андрес Перес, вступив 2 февраля 1989 г. в должность президента, тотчас приступил к политике жесткой экономии и «либерализации» экономики, приватизации госсектора, сокращения социальных расходов, что было диаметрально противоположно его курсу во время первого президентства и противоречило предвыборным обещаниям. Он оправдывал такой крутой для правоверного социал-демократа поворот новыми условиями в мире и в стране, необходимостью вывода из кризиса и модернизации экономики. Сразу же произошло падение жизненного уровня населения при росте дороговизны, увеличении цен на транспорт и коммунальные услуги. Уже в конце февраля 1989 г. вспыхнули стихийные массовые волнения и беспорядки, сурово подавленные властями. Сотни человек были убиты и ранены. В мае 1989 г., впервые за 30 лет, профцентр страны провел 12-часовую всеобщую забастовку против социально-экономической политики правительства.

Президент проявил твердость и продолжил разработанный курс. За короткие сроки ему удалось не только остановить спад

¹ По венесуэльской конституции вторично баллотироваться в президенты можно было лишь по истечении 10 лет после срока первого президентства.

производства (в 1989 г. ВВП сократился на 8,3 %, а уже в 1990 г. вырос на 4,4 %), но и обеспечить высокие темпы роста ВВП (9,2 % в 1991 г. и 7,3 % в 1992 г.). Инфляция снизилась с 80 % до 30 %. По новым соглашениям с кредиторами было улучшено положение с внешней задолженностью.

Однако социальная цена успехов оказалась непосильной для большинства венесуэльцев, уровень жизни которых резко снизился. Доходы 41 % населения не достигали официального минимума заработной платы. Полная зарегистрированная безработица в 1991—1992 гг. составляла 8—9,5 % ЭАН. Особенно раздражало население то, что дальнейшее падение реальной заработной платы и рост нищеты большинства продолжались в условиях роста производства и усилившейся концентрации богатств в руках немногих. Широкое недовольство вызывали распространение коррупции в структурах власти и рост преступности.

4 февраля 1992 г. вспыхнул военный мятеж против правительства, возглавленный лидером тайной офицерской организации левонационалистического толка подполковником Уго Чавесом. Он заявил, что цель выступления — не установление диктатуры, а отстранение от власти коррумпированного политического руководства, прекращение антинародной «неолиберальной» политики и массового обнищания. Мятеж был подавлен, У. Чавес и его товарищи арестованы.

Ликвидация мятежа не внесла успокоения. Напротив, критика президента и политики его правительства в обществе усилилась. Большинство опрошенных выразило симпатии мятежникам и их лидеру Чавесу, а против Переса высказалось 77 %. Были выдвинуты обвинения в причастности к коррупции самого президента.

27 ноября 1992 г. вспыхнул новый военный мятеж, еще более широкий. В уличных боях часть жителей столицы примкнула к восставшим. Мятеж и на этот раз был подавлен, но изоляция президента усилилась. На выборах в местные органы власти в декабре 1992 г., на которые явилась лишь половина избирателей, а в столице менее трети, правящая партия Демократическое действие потерпела сокрушительное поражение, сохранив всего 4 из 22 губернаторских постов. От оппозиционной партии КОПЕЙ было избрано 12 губернаторов. 13,2 % голосов получила левая партия Движение к социализму. В стране нарастали массовые манифестации за отставку Переса. Пример с Коллором в Бразилии вдохновил оппозицию и подтолкнул ход событий в подобном направлении. Правящая партия Демократическое действие также стала упрекать президента в отказе от социал-демократических принципов.

В конце мая 1993 г. Верховный суд республики возбудил уголовное дело по обвинению К.А. Переса в финансовых махинациях и причастности к коррупции. До завершения дела Перес был

отстранен от власти. Исполнение полномочий президента было передано, согласно конституции, председателю сената. В итоге кризис в Венесуэле разрешился, как в Бразилии, конституционным путем.

На президентских выборах в декабре 1993 г. победил 78-летний Рафаэль Кальдера, в прошлом основатель и лидер партии КОПЕЙ, президент в 1969—1974 гг. Теперь он выступил против кандидатов обеих главных партий страны как кандидат от левых сил. Придя к власти 2 февраля 1994 г., он отказался от прежнего курса, высказавшись в пользу политики экономического развития в интересах большинства населения и борьбы с бедностью.

В мае 1993 г. политический кризис разразился в Гватемале, где политика «финансового оздоровления» избранного в 1991 г. президентом Хорхе Серрано больно ударила по условиям жизни населения. К этому добавлялись неурегулированность конфликта с партизанами, пронизавшая все общество коррупция, проявления насилия в разных формах, при зыбкости представительных форм правления. Весной 1993 г. участились массовые демонстрации за отмену мер жесткой экономии. Обострились отношения между президентом и парламентом.

25 мая 1993 г. президент Хорхе Серрано решил повторить перуанский вариант Фухимори — ввел чрезвычайное положение и прямое президентское правление с приостановкой действия конституции и роспуском парламента и Верховного суда. Однако результат получился иной. Против президентского «конституционного переворота» сплотились парламентарии, большинство партий, профсоюзы, предпринимательские организации, церковь. США и Япония приостановили экономическую помощь, ОАГ занялась рассмотрением ситуации в Гватемале. Депутаты распущенного парламента призвали армию отказать Серрано в поддержке и восстановить конституционный порядок, что и было сделано 1 июня. Серрано бежал из страны, Национальный конгресс избрал нового президента.

В Гаити после свержения диктатуры Дювалье (1986) реакционные, консервативные силы стремились с помощью армии сохранить режим диктатуры. Левым и демократическим силам мешали их слабость, аморфность и раздробленность, низкий уровень политической культуры населения в этой самой отсталой латиноамериканской стране, хотя стихийный порыв обездоленных масс против диктатуры и попыток сохранить ее наследие был велик. После серии переворотов и контрпереворотов в 1990 г. военные уступили власть временному гражданскому правительству, которое в декабре 1990 г. провело всеобщие выборы. На них, получив $\frac{2}{3}$ голосов, победил 37-летний левый священник Жан-Бертран Аристид, завоевавший необычную популярность в негритянских массах и прозвище «идола бедняков». В феврале 1991 г. он стал конституционным

президентом Гаити. Но его попытки провести прогрессивные реформы и очистить армию, полицию, государственную администрацию от реакционеров, дювальистов кончились неудачей. В конце сентября 1991 г. он был свергнут военными. В Гаити вновь утвердился террористический военно-диктаторский режим. Десятки тысяч гаитян подверглись арестам и избиениям, 7 тыс. было убито.

Все латиноамериканские республики и США не признали новый режим, который осудила и ООН. ОАГ объявила экономическую блокаду острова и потребовала восстановления власти законного президента Аристиды. Только высадка с согласия ООН и ОАГ на остров американских войск в сентябре 1994 г. заставила военную хунту уступить власть Аристиду.

Ход событий в начале 90-х годов в Латинской Америке свидетельствовал о наличии сложной, противоречивой ситуации, чреватой социально-политической нестабильностью и хрупкостью конституционных структур. Тем не менее разразившиеся в эти годы политические конфликты в конечном счете были урегулированы в русле конституционных решений.

Латиноамериканские страны на международной арене. Дальнейшее развитие получила тенденция к активизации внешней политики стран региона. В межамериканских отношениях США были вынуждены в большей мере считаться с коллективной позицией государств Латинской Америки в защиту своего суверенитета. Солидарность их с Панамой помогла успеху переговоров Панамы с США о канале и заключению договора 1977 г. В июне 1979 г. страны региона — члены ОАГ воспрепятствовали попытке США с участием ОАГ вмешаться в дела Никарагуа. В 1982 г. республики Латинской Америки солидаризировались с Аргентиной во время англо-аргентинского военного конфликта из-за Фолклендских (Мальвинских) островов. Поддержка в этом конфликте Соединенными Штатами Великобритании, как и военная интервенция США против Гренады в 1983 г., осужденная правительствами большинства латиноамериканских стран, вызвала рост антиамериканских настроений на континенте. В 1985 г. латиноамериканские участники ОАГ добились принятия реформ Устава ОАГ, предусматривавших идеологический плюрализм, запрещение экономической агрессии, приверженность демократии.

Экономическая блокада Никарагуа и необъявленная война против нее с участием США, затем вооруженная интервенция США в Панаме в декабре 1989 г. и свержение существовавшего там правительства показали, что США не отказались от проявлений империалистического диктата в отношении малых стран континента. Эти действия Вашингтона также вызвали протесты латиноамериканских правительств.

В то же время объективные потребности развития стран Латинской Америки и интересы США диктовали необходимость расширения экономического и политического сотрудничества между ними. В связи с этим латиноамериканские страны выступили за повышение роли ОАГ как органа равноправного диалога всех государств континента. В январе 1990 г. Канада стала 32-м участником ОАГ. В 1993 г. в ОАГ входили 34 из 35 государств Западного полушария (без Кубы).

В связи с коренными переменами на мировой арене на рубеже 80—90-х годов Латинская Америка перестала быть объектом противоборства двух сверхдержав. Конец «холодной войны» привел к тому, что военно-стратегические аспекты межамериканского сотрудничества, региональной и национальной безопасности утратили прежнее значение, уступив приоритет экономическим и социальным проблемам, а также вопросам укрепления демократических институтов в странах континента. Усиление гегемонии США в мире и в Западном полушарии как единственной после распада СССР сверхдержавы еще более увеличило значимость сотрудничества с США для их южных соседей. Но одновременно, с исчезновением противовеса северному гиганту, сужались возможности маневра для латиноамериканских государств во взаимоотношениях с Вашингтоном.

Все это отразилось и на дальнейшем развитии ОАГ. В июне 1990 г. Генеральная ассамблея ОАГ в Асунсьоне высказалась в поддержку демократического развития и против применения силы в межгосударственных отношениях, за усиление борьбы против нищеты и социального неравенства, искоренение совместными усилиями наркобизнеса, за усиление роли ОАГ в решении проблем континента и в международных делах. США старались придать ОАГ в первую очередь функции хранителя и защитника демократии на континенте. При этом Вашингтон брал на себя, как заявил на сессии Генеральной ассамблеи ОАГ в июне 1991 г. госсекретарь США Иглбергер, «глобальную ответственность за создание демократического полушария». Сессия 1991 г. уполномочила Совет ОАГ на созыв чрезвычайного заседания Генеральной ассамблеи или совещания министров иностранных дел в 10-дневный срок в случае угрозы демократии в одной из стран-членов ОАГ. Принятая в декабре 1992 г. поправка к уставу ОАГ дала право применять санкции против страны, в которой произойдет переворот. Такие меры были предприняты в отношении Гаити. Мексика и ряд других латиноамериканских стран выступали за то, чтобы подобные санкции не имели характера военных акций и не перерастали в прямое вмешательство во внутренние дела.

Латиноамериканские участники ОАГ делали акцент на решении экономических и социальных проблем как решающем факторе

укрепления демократии. На сессии Генеральной ассамблеи ОАГ в июне 1993 г. в Манагуа генеральный секретарь организации Баэна Соарис подверг критике негативные последствия «неолиберальных» экономических реформ, способствовавших, по его мнению, росту нищеты и тем создавших угрозу подрыва режимов представительной демократии. Ряд решений 1991—1993 гг. усиливал роль ОАГ как органа сотрудничества в осуществлении программ экономического и социального развития стран региона. Главное внимание созданной в 1992 г. комиссии ОАГ по безопасности также должно было уделяться не сугубо военным вопросам, а проблемам развития.

Важное значение для дальнейшего развития межамериканских отношений имели выдвинутые президентом США Дж. Бушем (1989—1993) предложения «О новом экономическом партнерстве», «Инициатива для Америк» от 27 июня 1990 г. о создании зоны свободы торговли и инвестиций в Западном полушарии и мерах по смягчению проблемы внешней задолженности латиноамериканских государств, а также поездки Буша в ноябре—декабре 1990 г. в Мексику, Бразилию, Аргентину, Чили, Уругвай и Венесуэлу, во время которых обсуждалась эта инициатива и возможные пути ее реализации с учетом взаимных интересов. В частности, речь шла о том, чтобы с помощью континентальной интеграции успешно конкурировать с Юго-Восточной Азией и будущей единой Западной Европой. Встреча Буша с руководителями Аргентины, Бразилии и Чили помогла оживить отношения США с этими странами, которые охладели в период военных диктатур.

Сменивший республиканца Дж. Буша на посту президента США в январе 1993 г. демократ Билл Клинтон подтвердил, что курс на укрепление демократии и развитие режима свободной торговли в Западном полушарии будет продолжен Вашингтоном при условии активизации странами региона экономических реформ и открытия внутренних рынков.

Добиваясь более тесного сотрудничества с США, южные соседи в то же время высказывались против тех акций Вашингтона, которые, по их мнению, ущемляли суверенитет других государств. В 1992 г. латиноамериканские республики и межамериканский юридический комитет ОАГ осудили как противоречащее нормам международного права разрешение Верховным судом США агентам американских спецслужб разыскивать на территории других стран и доставлять в США лиц, обвиняющихся органами правосудия США. Довольно дружно осудили с аналогичных позиций латиноамериканские страны и закон, принятый в октябре 1992 г. в США и предусматривавший возможность санкций в отношении зарубежных филиалов компаний США и кораблей тех стран, которые участвуют в торговле с Кубой. Большинство государств Латинской Америки на сессии Генеральной ассамблеи ОАГ в июне 1993 г. высказалось за смягчение эмбарго

США против Кубы. Бразилия, Мексика, Венесуэла, Колумбия, Перу, Эквадор в декабре 1992 г. воздержались от поддержки резолюции с осуждением нарушений прав человека на Кубе, посчитав, что она должна быть дополнена критикой санкций США против Кубы. Однако аргентинское правительство Менема занимало более близкую США позицию в пользу применения санкций против режима Ф. Кастро как способ ускорить его замену режимом представительной демократии.

Сотрудничество СССР со странами Латинской Америки развивалось неровно и было незначительно по масштабам. Правда, объем взаимной торговли (без Кубы) увеличился с 78,7 млн. рублей в 1970 г. до 2,2 млрд. в 1985 г. Но и эта цифра была мала по сравнению с другими странами, притом $\frac{3}{4}$ ее приходилось на Аргентину и Бразилию. Главное же — рост произошел за счет конъюнктурного увеличения экспорта в СССР продовольственных товаров. Импорт из СССР оставался крайне незначительным. В дальнейшие годы, с сокращением закупок Советским Союзом продовольствия в Латинской Америке, объем взаимной торговли уменьшился (к 1990 г. почти в 3 раза по сравнению с началом 80-х годов). Экономическое и научно-техническое сотрудничество было слабым. В 1986—1989 гг. состоялись первые в истории визиты президентов Аргентины, Уругвая и Бразилии, а в 1991 г. — Мексики в СССР. В 1990—1991 гг. налажены дипломатические отношения СССР с Чили и республиками Центральной Америки. В 1991 г. дипломатические отношения с СССР имели 22 латиноамериканские республики, с 16 из них состоялся обмен посольствами. Однако после распада СССР и из-за обострения обстановки на его территории связи между образовавшимися на месте СССР республиками и странами Латинской Америки стали совсем незначительными.

18 латиноамериканских государств имели дипломатические отношения с Китаем, а взаимный их товарооборот в 1989 г. превысил 3 млрд. долларов. Первый в истории визит председателя КНР Ян Шанкуня в Мексику, Бразилию, Аргентину, Чили и Уругвай (май 1990 г.) укрепил сотрудничество Китая с Латинской Америкой. Росли связи с Японией и другими государствами Азиатско-Тихоокеанского региона.

Страны Латинской Америки в 70—80-е годы превратились в активных участников Движения неприсоединения, новыми членами которого стали Никарагуа, Боливия, Колумбия, Эквадор, Венесуэла и другие. Всего к рубежу 90-х годов в Движение входило 17 латиноамериканских государств. Еще 7 сотрудничали с ним в качестве наблюдателей (Мексика, Бразилия, Уругвай и др.). Все они вместе с остальными участниками Движения выступали за решение общих проблем экономического развития, внешней задолженности, за установление более равноправных международных отношений, за

мир и разоружение. По этим и другим вопросам координировались позиции государств Латинской Америки в ООН. Однако в начале 90-х годов в связи с глобальными переменами в мире и утратой былой роли Движения неприсоединения интерес латиноамериканских стран к нему уменьшился. Аргентина вообще вышла из его рядов.

Новым явлением стали ежегодные встречи лидеров Иbero-американских стран с участием Испании, Португалии, Бразилии и 18 испаноязычных государств Латинской Америки, которых объединили общие исторические и этнокультурные корни, родственные испанский и португальский языки, католическая религия. Первая такая встреча состоялась в июле 1991 г. в Гвадалахаре (Мексика), затем через год — в Мадриде и в июле 1993 г. — в Салвадоре (Бразилия). Выступая за развитие разностороннего, в том числе экономического и политического сотрудничества, участники иbero-американских встреч особое внимание уделили разработке совместных проектов в области образования, культуры, здравоохранения, развития индейских народов, за которыми признавалась важная роль в формировании иbero-американской общности.

Латиноамериканские страны добивались эффективного соблюдения договора Тлателолко о безъядерной зоне в Латинской Америке, который до конца 80-х годов уже был подписан 27 государствами региона. В начале 90-х годов объявили о намерении присоединиться к нему Аргентина, Бразилия и Чили. В 1991 г. Аргентина и Бразилия подписали двусторонний договор об отказе от производства, приобретения и размещения на своей территории ядерного оружия. Во второй половине 80-х годов правительства Бразилии, Аргентины и Уругвая выступили за превращение Южной Атлантики в безъядерную зону мира и сотрудничества. Аргентина и Мексика приняли участие в деятельности Делийской шестерки в пользу мер по ядерному разоружению (1984—1988).

Латиноамериканские государства единодушно осудило военный захват Ираком Кувейта в августе 1990 г. как агрессию, потребовали вывода иракских войск из Кувейта и восстановления его суверенитета. Они солидаризировались с соответствующими резолюциями Совета Безопасности ООН. Однако в оценке военной акции многосторонней коалиции государств во главе с США по освобождению Кувейта (январь—февраль 1991 г.) имелись различия. Правительство Аргентины не только полностью поддержало эту акцию, но и приняло в ней участие. Одобрены применение военной силы правительства Колумбии, Бразилии, Боливии и в целом большинства стран региона, хотя и воздержались от посылки своих подразделений. В конце января 1991 г. совещание министров иностранных дел стран-участниц Группы Рио-де-Жанейро осудило эскалацию военных действий с обеих сторон. Правительства Мексики и Венесуэлы делали акцент на скорейшем прекращении войны и мирном урегулировании.

Оппозиционные левые и левоцентристские партии и движения выступили против войны и организовали массовые акции протеста, обвиняя США в империалистических устремлениях в этом конфликте.

Новым направлением внешнеполитической активности латиноамериканских государств стала экология. Они участвовали в обсуждении экологических вопросов и проектов на международных форумах. Страны региона настаивали на том, чтобы решение экологических проблем учитывало интересы развития народов Латинской Америки, Азии и Африки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

За 75 лет после первой мировой войны облик Латинской Америки заметно преобразился. Ее население выросло с 95 до 442 млн. человек (на конец 1992 г.). Количество горожан, в начале века еще немногочисленное, к 90-м годам превысило 70 % всего населения. К 20 традиционным латиноамериканским республикам в 60—80-е годы прибавилось еще 13 политически независимых государств за счет бывших колониальных территорий Карибского бассейна.

Латинская Америка значительно продвинулась по пути превращения из аграрно-сырьевой окраины мирового хозяйства в регион с довольно зрелой индустрией и производственной инфраструктурой. Крупнейшие латиноамериканские государства — Бразилия и Мексика — оказались на пороге первой десятки стран мира по валовому производству.

Существенные изменения произошли в деревне. Аграрные преобразования, начатые Мексиканской революцией и принявшие широкие масштабы в 50—70-е годы, подорвали доминирующие позиции латифундизма, привели к росту фермерского, крестьянского хозяйства, стимулировали модернизацию крупного землевладения. Повысился агротехнический уровень сельского хозяйства.

Развитие и усложнение социальной структуры, рост грамотности, общей и политической культуры населения сопровождались переменами в социально-политической сфере. Повысилась роль в общественно-политической жизни широких масс населения благодаря их все более заметному участию в деятельности партий, профсоюзов, других общественных организаций и движений. Трудящиеся добились важных социальных завоеваний. Более активно стали заявлять о своих правах индейские народы. Отошли в прошлое традиционные диктаторы — каудильо и олигархические элитарные режимы, уступая дорогу демократическим переменам. Военно-авторитарные режимы 60—80-х годов XX в., в отличие от прежних диктатур, больше были связаны с новыми социальными и экономическими реалиями, с националистическими и модернистскими тенденциями. Но и эти режимы к концу века сошли со сцены. Разрушительные, насильственные формы политической борьбы, столь характерные для латино-

американской истории, все более оттеснялись и заменялись конструктивными, демократическими, хотя этот процесс к 90-м годам XX в. был далек от завершения и конституционные, демократические формы правления еще не обрели достаточной полноты и устойчивости. И все же в последнее десятилетие XX в. Латинская Америка вступила, впервые за свою историю, практически без диктатур¹.

Возросли роль и активность латиноамериканских государств на международном арене. С изменениями в регионе и в мире постепенно менялось и отношение к странам Латинской Америки ведущих мировых держав, в том числе США, которые все больше вынуждены были считаться с новой ситуацией и переходить от открытой интервенционистской и откровенно имперской политики первой трети века к более взвешенным и гибким взаимоотношениям сотрудничества с латиноамериканскими государствами, хотя рецидивы имперского диктата сохранились.

Все эти перемены не были простым результатом естественного, как бы заранее предопределенного развития. Во многом они явились итогом долгих десятилетий упорной, драматической борьбы левых и демократических сил, революционных и реформистских партий и движений за экономическое, социальное и политическое обновление общества, которой наполнена вся новейшая история региона. Умеренно-консервативные силы также сыграли позитивную роль в этих процессах в той мере, в какой им удавалось обеспечить преемственность и стабильность в эволюции общества.

Однако многие коренные, насущные проблемы не были решены к концу века. Неравномерный, часто противоречивый характер перемен имел своим следствием то, что с решением или смягчением некоторых традиционных проблем латиноамериканского общества обострялись другие, прибавлялись новые. За истекшие десятилетия изменился облик не только Латинской Америки, но и всего мира. Далеко ушли в своем развитии ведущие индустриальные державы. Несмотря на достигнутый латиноамериканскими странами прогресс, сохранилось заметное отставание их от передовых в экономическом и научно-техническом отношении государств, зависимое, все еще периферийное положение в мировом хозяйстве, низкий уровень жизни большей части населения.

Недостаточная материальная база, груз большой внешней задолженности, крайне ограниченные социальные резервы не позволили латиноамериканским странам в последней четверти XX в. выдержать без серьезных сбоев форсированную модернизаторскую политику неоконсервативного толка. Такая политика в значительной мере была

---

¹ Особый случай представляла Куба, социальная и политическая система которой не вписывалась в общую панораму региона.

вынужденной, навязанной государствам региона извне, подчинявшей задачи их развития и интеграции в мирохозяйственный комплекс в первую очередь интересам ведущих центров мирового транснационального капитала. Увеличился разрыв между модернизируемыми, технологически обновляемыми секторами производства и остальной экономикой, с которой все еще была связана основная часть населения и которая в условиях «либерализации» и транснационализации экономики оказалась в кризисном состоянии. «Неолиберальная» перестройка хозяйства тяжело отразилась на положении большинства латиноамериканцев, привела к снижению его уровня жизни, обнищанию широких масс, к росту социальных контрастов. Серьезными дестабилизирующими факторами стали коррупция, наркобизнес, терроризм. Усилились настроения неприятия экономических реформ, осуществляемых такой ценой, недоверия к проводящим их политикам, к традиционным партиям и политике вообще.

Главной задачей общественно-политических сил Латинской Америки на пороге XXI века становится поиск и осуществление таких вариантов развития, которые отвечали бы местным условиям и позволили бы странам региона совместить обновление экономики с интересами большинства общества, с решением наиболее насущных социальных и политических проблем, сочетать интеграцию в мировое сообщество с сохранением оригинальной самобытности, собственных цивилизационных основ, характерных для народов Латинской Америки.

ХРОНОЛОГИЯ ВАЖНЕЙШИХ СОБЫТИЙ

- 1916, октябрь — 1922, октябрь — Первое президентство Иполито Иригойена в Аргентине.
- 1917—1921 — Подъем забастовочной борьбы и массовых выступлений в Аргентине, Бразилии, Чили, Уругвае, Перу, на Кубе.
- 1920, декабрь—1924, декабрь — Президентство Альваро Обрегона в Мексике.
- 1920, декабрь—1924, сентябрь, 1925, март—октябрь — Первое президентство Артуро Алессандри в Чили.
- 1922, июль—1927, февраль — Восстания «тенентистов» в Бразилии.
- 1924, декабрь—1928, декабрь — Президентство Плутарко Элиаса Кальеса в Мексике.
- 1925, май—1933, август — Диктатура Херардо Мачадо на Кубе.
- 1927, апрель—1931, июль — Диктатура Карлоса Ибаньеса дель Кампо в Чили.
- 1927—1933 — Повстанческая борьба в Никарагуа под руководством Аугусто-Сесара Сандино против американских интервентов.
- 1928, октябрь—1930, сентябрь — Второе президентство И. Иригойена в Аргентине.
- 1930, 6 сентября — Военный переворот в Аргентине.
- 1930, 3 октября—3 ноября — Восстание Либерального альянса и «тенентистов» против режима «кофейной олигархии» в Бразилии.
- 1930, ноябрь—1945, октябрь — Диктатура Жетулио Варгаса в Бразилии.
- 1931, июль—1932, июнь — Революционный кризис в Чили. «Социалистическая республика» (4—16 июня 1932 г.).
- 1932, декабрь—1938, декабрь — Второе президентство А. Алессандри в Чили.
- 1933, 4 марта — Провозглашение президентом США Ф. Рузвельтом политики «Доброго соседа» в отношении стран Латинской Америки.
- 1933, август—1934, январь — Революция на Кубе.
- 1934, декабрь—1940, декабрь — Президентство Ласаро Карденаса в Мексике.
- 1936, март — Образование Народного фронта в Чили.
- 1938, март — Национализация нефти в Мексике. Образование Партии Мексиканской революции (с 1946 г. — Институционно-революционная партия).
- 1938, декабрь—1941, ноябрь — Правительство Народного фронта в Чили во главе с президентом Педро Агирре Сердой.

- 1941, декабрь—1945, сентябрь — Участие латиноамериканских республик во второй мировой войне.
- 1942, январь — Создание Межамериканского совета обороны.
- 1943, 4 июня — Военный переворот в Аргентине.
- 1944, октябрь—1954, июнь — Гватемальская революция
- 1945, февраль—март — Чапультепекская конференция американских государств (в Мехико).
- 1945, 17 октября — Массовое выступление аргентинских трудящихся в Буэнос-Айресе в поддержку Хуана Доминго Перона. Начало перонистского движения.
- 1946, июнь—1955, сентябрь — Президентство Х.Д. Перона в Аргентине.
- 1946, ноябрь—1947, апрель — Правительство Демократического альянса в Чили.
- 1947, 2 сентября — Подписание Межамериканского договора о взаимопомощи (Договор Рио-де-Жанейро).
- 1947 — Создание Перонистской (Хустисиалистской) партии в Аргентине.
- 1948, 30 апреля — Образование Организации американских государств (ОАГ)
- 1951, январь—1954, август — Президентство Жетулио Варгаса в Бразилии.
- 1952, 10 марта — Военный переворот и установление диктатуры Фульхенсио Батисты (март 1952—январь 1959) на Кубе.
- 1952, 9—11 апреля — Народное восстание, начало революции в Боливии.
- 1953, 26 июля — Нападение отряда Фиделя Кастро на военную казарму «Монкада» в г. Сантьяго на Кубе.
- 1954, июнь — Подавление Гватемальской революции.
- 1954, 24 августа — Самоубийство президента Бразилии Ж. Варгаса.
- 1955, сентябрь — Свержение Перона и установление военного режима в Аргентине.
- 1956, январь—1961, январь — Президентство Жуселино Кубичека в Бразилии.
- 1956, 2 декабря — Высадка отряда Ф. Кастро на Кубе. Начало партизанской войны против диктатуры Батисты.
- 1957 — Образование Христианско-демократической партии в Чили.
- 1958, май—1962, март — Президентство Артуро Фрондиси в Аргентине.
- 1958, ноябрь—1964, ноябрь — Президентство Хорхе Алессандри в Чили.
- 1958, декабрь—1964, декабрь — Президентство Лопеса Матеоса в Мексике.
- 1959, 1—2 января — Победа революции на Кубе.
- 1960, февраль — Создание Латиноамериканской ассоциации свободной торговли (с 1980 г. — Латиноамериканская ассоциация интеграции).
- 1960, 21 апреля — Торжественное открытие новой столицы Бразилии (г. Бразилиа).
- 1960, июнь—октябрь — Национализация ведущих отраслей экономики на Кубе.
- 1961, 17—19 апреля — Высадка и разгром на Кубе в районе Плайя-Хирон отрядов кубинских эмигрантов, подготовленных и поддержанных США.
- 1961, август — Принятие программы «Союза ради прогресса» на меж-американской экономической конференции в Пунта-дель-Эсте (Уругвай).

- 1961, 21 августа—7 сентября — Политический кризис в Бразилии. Приход к власти президента Жоао Гуларта (сентябрь 1961—апрель 1964).
- 1962, 29 марта — Свержение военными президента Аргентины А. Фрондиси.
- 1962, 22 октября—20 ноября — Карибский кризис.
- 1963, октябрь—1966, июнь — Президентство Артуро Ильяи в Аргентине.
- 1964, 1 апреля — Установление военного режима в Бразилии (апрель 1964—март 1985).
- 1964, ноябрь—1970, ноябрь — Президентство Эдуардо Фрея в Чили.
- 1964, декабрь—1970, декабрь — Президентство Диаса Ордаса в Мексике.
- 1965, 28 апреля — Начало интервенции США в Доминиканской Республике.
- 1966, 28 июня — Установление военной диктатуры в Аргентине (июнь 1966—май 1973).
- 1967, 21 февраля — Подписание Договора Тлателолько (г. Мехико) о создании безъядерной зоны в Латинской Америке.
- 1967, июль — Закон об аграрной реформе в Чили.
- 1967, 9 октября — Гибель Эрнесто Че Гевары в Боливии.
- 1968, октябрь—1975, август — Военное правительство Веласко Альварадо в Перу. Перуанская революция.
- 1969 — Образование Андской группы.
- 1969, май—июнь — Массовые антидиктаторские выступления аргентинских трудящихся («Кордобасо»).
- 1970, 4 сентября — Победа кандидата Народного единства Сальвадора Альенде на президентских выборах в Чили.
- 1970, 3 ноября—1973, 11 сентября — Правительство Народного единства в Чили.
- 1970, декабрь—1976, декабрь — Президентство Луиса Эчеверриа в Мексике.
- 1971, июль — Национализация меди в Чили.
- 1973, 25 мая — Приход к власти в Аргентине конституционного правительства перонистов (хустисиалистов).
- 1973, 11 сентября — Военный переворот в Чили.
- 1973, сентябрь—1990, март — Военно-диктаторский режим Аугусто Пиночета в Чили.
- 1973, октябрь—1974, июль — Президентство Х.Д. Перона в Аргентине.
- 1974 — Вступление в строй первой атомной электростанции в Латинской Америке (в Аргентине).
- 1974, 1 июля — Смерть Х.Д. Перона.
- 1975 — Образование Latinoамериканской экономической системы (ЛАЭС).
- 1975, декабрь — I съезд компартии Кубы.
- 1976, январь — Национализация нефти в Венесуэле.
- 1976, 24 февраля — Вступление в силу Конституции Кубы.
- 1976, 24 марта — Установление военной диктатуры (март 1976—декабрь 1983) в Аргентине.
- 1976, декабрь—1982, декабрь — Президентство Хосе Лопеса Портильо в Мексике.
- 1977, 7 сентября — Договор между США и Панамой о Панамском канале.
- 1979, 19 июля — Победа Сандинистской революции в Никарагуа.

- 1979, июль—1990, апрель — Революционный сандинистский режим в Никарагуа.
1980 — Создание Специального комитета Социнтерна по Латинской Америке. Начало вооруженной борьбы «Сендеро луминосо» в Перу.
- 1980—1992 — Гражданская война в Сальвадоре.
1981—1990 — «Необъявленная война» в Никарагуа.
1982, 2 апреля—14 июня — Мальвинский (Фолклендский) кризис.
1982, декабрь—1988, декабрь — Президентство Мигеля де ла Мадрида в Мексике.
- 1983, май—1986, сентябрь — Массовое движение национального протеста против диктатуры Пиночета в Чили.
1983, октябрь — Интервенция США на Гренаде.
1983, 10 декабря — Переход к конституционному правлению в Аргентине.
1983, декабрь—1989, июль — Президентство Рауля Альфонсина в Аргентине.
1985, 15 марта — Переход власти к гражданскому правительству в Бразилии.
- 1985, апрель—1990, март — Президентство Жозе Сарнея в Бразилии (март—апрель 1985 г. — и.о. президента).
1986, август — Соглашение об интеграционном союзе Аргентины и Бразилии.
1986, декабрь — Образование Группы Рио-де-Жанейро.
1987, 7 августа — Принятие плана мирного урегулирования в Центральной Америке на совещании в верхах в Эскипуласе (Гватемала).
1988, 3 октября — Принятие новой конституции в Бразилии.
1988, 5 октября — Поражение Пиночета на плебисците в Чили.
1988, декабрь—1994, декабрь — Президентство Карлоса Салинаса де Гортари в Мексике.
- 1989, январь — Свержение диктатуры Альфредо Стресснера в Парагвае.
1989, июль — Начало президентства Карлоса Менема в Аргентине.
1989, 20 декабря — Начало интервенции США в Панаме.
1990, 11 марта — Передача власти в Чили конституционному правительству президента Патрисио Эйльвина.
- 1990, март—1992, октябрь — Президентство Фернандо Коллора де Мелло в Бразилии.
1990, 25 апреля — Приход к власти в Никарагуа правительства президента Виолеты Барриос де Чаморро.
1990, 27 июня — Выступление президента США Джорджа Буша с предложением «нового экономического партнерства» в Западном полушарии.
- 1990 — Провозглашение «особого периода в мирное время» на Кубе.
1991, 26 марта — Соглашение о создании Общего рынка Юга Америки (МЕРКОСУР).
1991, июль — Первая Иberoамериканская встреча в верхах (в Гвадалахаре, Мексика).
1991—1993 — Создание Центральноамериканской системы интеграции.
1992, 16 января — Соглашение о мире в Сальвадоре.
1992, апрель—ноябрь — Политический кризис в Перу.
1992, июнь — Конференция ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро.

- 1992, 2 октября — Отстранение Ф. Коллора от исполнения президентских полномочий Национальным конгрессом Бразилии.
- 1992, 30 декабря — Вступление в должность президента Бразилии Итамара Франку (со 2 октября 1992 г. — и.о. президента).
- 1993, 9 февраля — Вывод в космос (с помощью ракеты США) первого латиноамериканского (бразильского) спутника.
- 1993, конец мая — Отстранение от исполнения полномочий президента Венесуэлы Карлоса Андреса Переса.
- 1994, 1 января — Вступление в силу договора о создании Североамериканской зоны свободной торговли (НАФТА).
- 1994, январь — Восстание крестьян-индейцев на юге Мексики.
- 1994, 11 марта — Начало президентства Эдуардо Фрея в Чили.
- 1994, сентябрь—октябрь — Высадка войск США в Гаити и отстранение от власти военной хунты.
- 1994, 3 октября — Избрание Ф.Э. Кардозу президентом Бразилии.
- 1994, 1 декабря — Начало президентства Эрнесто Седильо в Мексике.
- 1994 — Реформа конституции в Аргентине.

**ПРЕЗИДЕНТЫ (ВЕРХОВНЫЕ ПРАВИТЕЛИ)
СТРАН ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ В НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ
(С 1918 ПО 1994 Г.)**

I. АРГЕНТИНА

Иполито Иригойен	— октябрь 1916 — октябрь 1922 г.
Марсело Торкуато де Альвеар	— октябрь 1922 — октябрь 1928 г.
Иполито Иригойен,	— октябрь 1928 — сентябрь 1930 г.
Хосе Феликс Урибуру	— сентябрь 1930 — февраль 1932 г.
Агустин Педро Хусто	— февраль 1932 — февраль 1938 г.
Роберто Марселино Ортис	— февраль 1938 — июнь 1940 г.
Рамон Кастильо	— июнь 1940 — июнь 1943 г.
Артуро Раусон	— июнь 1943 г.
Педро Пабло Рамирес	— июнь 1943 — февраль 1944 г.
Эдельмиро Фаррель	— февраль 1944 — июнь 1946 г.
Хуан Доминго Перон	— июнь 1946 — сентябрь 1955 г.
Эдуардо Лонарди	— сентябрь — ноябрь 1955 г.
Педро Эухенио Арамбуру	— ноябрь 1955 — май 1958 г.
Артуро Фрондиси	— май 1958 — март 1962 г.
Хосе Мариа Гидо	— март 1962 — октябрь 1963 г.
Артуро Умберто Ильяи	— октябрь 1963 — июнь 1966 г.
Хуан Карлос Онганиа	— июнь 1966 — июнь 1970 г.
Роберто Марсело Левицстон	— июнь 1970 — март 1971 г.
Александро Агустин Лануссе	— март 1971 — май 1973 г.
Эктор Кампоров	— май—июль 1973 г.
Рауль Ластири (и.о. президента)	— июль—октябрь 1973 г.
Хуан Доминго Перон	— октябрь 1973 — июль 1974 г.
Мария Эстела Мартинес де Перон	— июль 1974 — март 1976 г.
Хорхе Рафаэль Видела	— март 1976 — март 1981 г.
Роберто Эдуардо Виола	— март—декабрь 1981 г.
Карлос Альберто Лакосте (врем. президент)	— декабрь 1981 г.
Леопольдо Гальтиери	— декабрь 1981 — июнь 1982 г.
Р. Биньоне	— июнь 1982 — декабрь 1983 г.
Рауль Альфонсин	— декабрь 1983 — июль 1989 г.
Карлос Менем	— с июля 1989 г.

II. БРАЗИЛИЯ.

Венеслао Браз Перейра Гомис	— ноябрь 1914 — ноябрь 1918 г.
Франсиско ди Паула Родригис Алвис	— ноябрь 1918 — январь 1919 г. (из-за болезни фактически не исполнял обязанности президента и умер в январе 1919 г.).
Делфин Морейра да Коста Рибейро	— ноябрь 1918 — июль 1919 г. (до января 1919 г.— и.о. президента).
Эпитасио да Силва Песоа	— июль 1919 — ноябрь 1922 г.

Артур да Силва Бернардис	— ноябрь 1922 — ноябрь 1926 г.
Вашингтон Луиш Перейра ди Соуза	— ноябрь 1926 — октябрь 1930 г.
Военная хунта	— октябрь—ноябрь 1930 г.
Жетулио Дорнелис Варгас	— ноябрь 1930 — октябрь 1945 г.
Жозе Линьярес	— октябрь 1945 — январь 1946 г.
Эурико Гаспар Дутра	— январь 1946 — январь 1951 г.
Жетулио Дорнелис Варгас	— январь 1951 — август 1954 г.
Жуан Кафе Фильо	— август 1954 — ноябрь 1955 г.
Карлос Коимбра да Луз	— ноябрь 1955 г.
Нерео Рамус	— ноябрь 1955 — январь 1956 г.
Жуселино Кубичек ди Оливейра	— январь 1956 — январь 1961 г.
Жанио Куадрос	— январь—август 1961 г.
Паскоал Раньери Мадзилли	— август—сентябрь 1961 г.
Жоао Маркис Гуларт	— сентябрь 1961 — апрель 1964 г.
Паскоал Раньери Мадзилли	— апрель 1964 г.
Умберто Аленкар Кастело Бранко	— апрель 1964 — март 1967 г.
Артуро да Коста-и-Силва	— март 1967 — август 1969 г.
Военный триумвират (А. да Лира Таварис, А. Радемакер Груневалд, М. ди Соуза-и-Мелло)	— август—октябрь 1969 г.
Эмилиу Гаррастазу Медиси	— октябрь 1969 — март 1974 г.
Эрнесту Гайзел Бекман	— март 1974 — март 1979 г.
Жуан Батиста да Оливейра Фигейреду	— март 1979 — март 1985 г.
Танкредо Невис	— март—апрель 1985 г. (из-за болезни фактически не приступил к исполнению обязанностей президента и умер в апреле 1985 г.).
Жозе Сарней	— март 1985 — март 1990 г. (до апреля 1985 г.— и.о. президента).
Фернандо Коллор де Мелло	— март 1990 — декабрь 1992 г. (фактически отстранен от исполнения обязанностей президента в октябре 1992 г.).
Итамар Франку	— с октября 1992 г.— и.о. президента, с декабря 1992 г. президент).

III. МЕКСИКА

Венустиано Карранса	— август 1914 — май 1920 г. (до ноября 1914 г.— временный глава правительства с чрезвычайными полномочиями, с ноября 1914 до июля 1915 г.— глава правительства в г. Вера-Крус, с июля 1915 г.— временный президент, с мая 1917 г.— конституционный президент).
Адольфо де ла Уэрта	— май—декабрь 1920 г.
Альваро Обрегон	— декабрь 1920 — декабрь 1924 г.
Плутарко Элиас Кальес	— декабрь 1924 — декабрь 1928 г.
Эмилио Портес Хиль	— декабрь 1928 — февраль 1930 г.
Паскуаль Ортис Рубио	— февраль 1930 — сентябрь 1932 г.
Абелярдо Лухан Родригес	— сентябрь 1932 — декабрь 1934 г.
Ласаро Карденас-и-дель-Рио	— декабрь 1934 — декабрь 1940 г.
Мануэль Авида Камачо	— декабрь 1940 — декабрь 1946 г.
Мигель Алеман Вальдес	— декабрь 1946 — декабрь 1952 г.
Адольфо Руис Кортинес	— декабрь 1952 — декабрь 1958 г.
Адольфо Лонес Матеос	— декабрь 1958 — декабрь 1964 г.

- Густаво Диас Фрдас — декабрь 1964 — декабрь 1970 г.
 Луис Эчевеерриа Альварес — декабрь 1970 — декабрь 1976 г.
 Хосе Лопес Портгильо-и-Пачеко — декабрь 1976 — декабрь 1982 г.
 Мигель де ла Мадрид — декабрь 1982 — декабрь 1988 г.
 Карлос Салинас де Гортари — декабрь 1988 — декабрь 1994 г.
 Эрнесто Седильо Понсе де Леон — с декабря 1994 г.

IV. ЧИЛИ

- Хуан Луис Санфуэнтес Андоиаэги — декабрь 1915 — декабрь 1920 г.
 Артуро Алессандри Пальма — декабрь 1920 — сентябрь 1924 г.
 Луис Альтамирано (глава военной хунты) — сентябрь 1924 — январь 1925 г.
 Эмилио Бельо Кондесидо (номинальный временный президент, фактически власть у военной хунты во главе с полковником Карлосом Ибаньесом дель Кампо) — январь—март 1925 г.
 Артуро Алессандри Пальма — март—октябрь 1925 г.
 Луис Баррос Боргрньо — октябрь—декабрь 1925 г.
 Эмилиано Фигероа Ларраин — декабрь 1925 — апрель 1927 (формально — до мая 1927 г.).
 Карлос Ибаньес дель Кампо — апрель 1927 (формально — с мая 1927 г.) — июль 1931 г.
 Педро Оцасо Летельер — июль 1931 г.
 Хуан Эстебан Монтеро Родригес — июль—август 1931 г.
 Мануэль Трукко — август—декабрь 1931 г.
 Хуац Эстебан Монтеро Родригес — декабрь 1931 — июнь 1932 г.
 А. Пуга (председатель правительственной хунты Социалистической республики) — июнь 1932 г.
 Мармадуке Грове Вальехо (председатель второй правительственной хунты Социалистической республики) — июнь—сентябрь 1932 г.
 Карлос Гильермо Давида (директор) — сентябрь—октябрь 1932 г.
 Бартоломе Бланче Эспехр — октябрь—декабрь 1932 г.
 Абрахам Ойянедель Урутиа — декабрь 1932 — декабрь 1938 г.
 Артуро Алессандри Пальма — декабрь 1938 — ноябрь 1941 г.
 Педро Агирре Серда — ноябрь 1941 — апрель 1942 г.
 Херонимо Мендес — апрель 1942 — январь 1946 г.
 Хуан Антонио Риос Моралес — январь—ноябрь 1946 г.
 Альфредо Дуальде — ноябрь 1946 — ноябрь 1952 г.
 Габриэль Гонсалес Видела — ноябрь 1952 — ноябрь 1958 г.
 Карлос Ибаньес дель Кампо — ноябрь 1958 — ноябрь 1964 г.
 Хорхе Алессандри Рдрригес — ноябрь 1964 — ноябрь 1970 г.
 Эдуардо Фрей Монтадьва — ноябрь 1970 — сентябрь 1973 г.
 Сальвадор Альенде Госсенс — сентябрь 1973 — март 1990 г. (до декабря 1974 г. — глава правительственной хунты).
 Аугусто Пиночет — март 1990 — март 1994 г.
 Патрисио Эйльвин — с марта 1994 г.
 Эдуардо Фрей Руис-Тагле — с марта 1994 г.

V. КУБА

- Марио Гарсиа Менокаль, — май 1913 — май 1921 г.
 Альфредо Сайяс-и-Альфонсо — май 1921 — май 1925 г.
 Херардо Мачадо-и-Моралес — май 1925 — августа 1933 г.
 Альберто Эррера — август 1933 г.
 Карлос Мануэль де Сеспедес-и-Кесада — август—сентябрь 1933 г.
 Рамон Грау Сан-Мартин — Глава революционной хунты — сентябрь 1933 г., президент — сентябрь 1933 — январь 1934 г.
 Карлос Мануэль Эвиа — январь 1934 г.
 Карлос Мендиета-и-Монтефур (реальная власть у, Фульхенсио Батисты) — январь 1934 — декабрь 1935 г.
 Хосе Агрипино Барнет-и-Вицатерас — декабрь 1935 — май 1936 г.
 Мигель Мариано Гомес-и-Ариас — май—декабрь 1936 г.
 Федерико Ларедо Бру — декабрь 1936—октябрь 1940 г.
 Рубен Фульхенсио Батиста-и-Сальдивар — октябрь 1940 — октябрь 1944 г.
 Рамон Грау Сан-Мартин — октябрь 1944 — октябрь 1948 г.
 Карлос Прио Сокаррас — октябрь 1948 — март 1952 г.
 Фульхенсио Батиста-и-Сальдивар — март 1952 — июль 1954 г.
 Андрес Доминго Моралес-и-Кастильо — июль 1954 — февраль 1955 г.
 (номинальный временный президент при сохранении реальной власти у Ф. Батисты)
 Фульхенсио Батиста-и-Сальдивар — февраль 1955 — январь 1959 г.
 Карлос Мануэль Пьедра (фактически военная хунта во главе с Эулохио Кантильо) — 1—2 января 1959 г.
 Мауэль Уррутиа Льео — январь—июль 1959 г.
 Освальдо Дортикос Торрадо — июль 1959 — декабрь 1976 г.

Премьер-министры Революционного правительства Кубы:

- Хосе Мирро Кардона — январь—февраль 1959 г.
 Фидель Кастро Рус — с февраля 1959 г. (с декабря 1976 г. — председатель Государственного совета и Совета Министров).

VI. КОЛУМБИЯ

- Хосе Висенте Конча — август 1914 — август 1918 г.
 Маркос Фидель Суарес — август 1918 — ноябрь 1921 г.
 Хорхе Ольгин — ноябрь 1921 — август 1922 г.
 Педро Нель Оспица — август 1922 — август 1926 г.
 Мигель Абадиа Мендес — август 1926 — август 1930 г.
 Энрике Олафия Эррера — август 1930 — август 1934 г.
 Альфонсо Лопес Пумарехо — август 1934 — август 1938 г.
 Эдуардо Сантос Монтехо — август 1938 — август 1942 г.
 Альфонсо Лопес Пумарехо — август 1942 — июль 1945 г. (с перерывами с октября 1943 до мая 1944 г. и с ноября 1944 до мая 1945 г.).
 Дарио Эчандиа (и.о. президента) — октябрь 1943 — май 1944 г., июль 1944 г., ноябрь 1944 — май 1945 г.

Альберто Льерас Камарго
Мариано Оспина Перес
Лауреано Элеутерио Гомес Кастро

Роберто Урданета Арбелаз

Лауреано Элеутерио Гомес Кастро
Густаво Рохас Пинилья
Г. Парис (глава военной хунты)
Альберто Льерас Камарго
Леон Валенсия Гильермо
Карлос Льерас Рестрепо
Мисаэль Эдуардо Пастрана Борреро
Альфонсо Лопес Микельсен
Хулио Сесар Турбай Айяла
Белисарио Бетанкур
Вирхилио Барко
Сесар Гавириа
Эрнесто Сампер Писано

— июль 1945 — август 1946 г.
— август 1946 — август 1950 г.
— август 1950 — ноябрь 1951 (фактически у власти до июня 1953 г.)
— ноябрь 1951 — июнь 1953 г. (при сохранении реальной власти у Л. Гомеса).
— июнь 1953 г.
— июнь 1953 — май 1957 г.
— май 1957 — август 1958 г.
— август 1958 — август 1962 г.
— август 1962 — август 1966 г.
— август 1966 — август 1970 г.
— август 1970 — август 1974 г.
— август 1974 — август 1978 г.
— август 1978 — август 1982 г.
— август 1982 — август 1986 г.
— август 1986 — август 1990 г.
— август 1990 — август 1994 г.
— с августа 1994 г.

VII. ВЕНЕСУЭЛА

Хуан Висенте Гомес

— март 1909 — апрель 1914 г. (фактически у власти с декабря 1908 г. до декабря 1935 г.).
— апрель 1914 — май 1922 г.

Викторино Маркес Бустильос
(номинальный президент при сохранении реальной власти у Х.В. Гомеса)

— май 1922 — май 1929 г.
— май 1929 — июль 1931 г.

Хуан Висенте Гомес

Хуан Баутиста Перес (номинальный президент при сохранении реальной власти у Х.В. Гомеса)

Хуан Висенте Гомес

— июль 1931 — декабрь 1935 г.
— декабрь 1935 — май 1941 г.
— май 1941 — октябрь 1945 г.

Элеасар Лопес Контрерас

Исайяс Медина Ангарита

— июль—август 1943 г. и январь—февраль 1945 г.

Караччиоло Парра Перес (временный президент в связи с болезнью И. Медины Ангариты)

Ромуло Бетанкур (глава Правительственной революционной хунты)

— октябрь 1945 — февраль 1948 г.

Ромуло Гальегос

— февраль — ноябрь 1948 г.

Карлос Дельгадо Чальбо (президент и глава Военно-правительственной хунты; члены хунты — Луис Фелипе Льовеера Паэс и Маркос Перес Хименес)

— ноябрь 1948 — ноябрь 1950 г.

Х. Суарес Фламерич (глава военной хунты; члены хунты — Маркос Перес Хименес и Луис Фелипе Льовеера Паэс)

— ноябрь 1950 — декабрь 1952 г.

Маркос Перес Хименес

— декабрь 1952 — январь 1958 г.
— январь—ноябрь 1958 г.

Вольфганг Ларрасабаль (глава Временной, правительственной хунты)

Эдгар Санабрия (глава Временной правительственной хунты)

— ноябрь 1958 — февраль 1959 г.

Ромуло Бетанкур

— февраль 1959 — март 1964 г.

Рауль Леони	— март 1964 — март 1969 г.
Рафаэль Кальдера	— март 1969 — март 1974 г.
Карлос Андрес Перес	— март 1974 — март 1979 г.
Луис Антонио Эррера Кампинс	— март 1979 — март 1984 г.
Хайме Лусинчи	— март 1984 — февраль 1989 г.
Карлос Андрес Перес	— февраль 1989 — май 1993 г.
Рамон Веласкес	— май 1993 — февраль 1994 г.
Рафаэль Кальдера	— с февраля 1994 г.

VIII. ПЕРУ

Хосе Пардо-и-Барреда	— август 1915 — июль 1919 г. (формально — до октября 1919 г.).
Аугусто Бернардино Легиа-и-Сальседо	— июль 1919 г. (формально с октября 1919 г.) — август 1930 г.
Луис Санчес Серро	— август 1930 — апрель 1933 г. (в августе 1930 г. и с марта по декабрь 1931 г. формально не президент). — август 1930 г.
Мануэль Понсе (номинальный президент при сохранении реальной власти у Л. Санчеса Серро)	
Рикардо Леонсио Элиас (—«—)	— март 1931 г.
Густаво Хименес (—«—)	— март 1931 г.
Давид Саманес Окампо, (—«—)	— март—декабрь 1931 г.
Оскар Раймундо Бенавидес	— апрель 1933 — декабрь 1939 г.
Мануэль Прадо-и-Угартече	— декабрь 1939 — июль 1945 г.
Хосе Луис Бустаманте Риццо	— июль 1945 — октябрь 1948 г.
Мануэль Аполинарио Одриа	— октябрь 1948 (до ноября 1948 г. — глава хунты) — июль 1956 г.
Зенон Норьегга (номинальный президент при сохранении реальной власти у М. Одриа)	— июль—июль 1950 г.
Мануэль Прадо-и-Угартече	— июль 1956 — июль 1962 г.
Р.П. Перес Годой (глава воснной хунты)	— июль 1962 — март 1963 г.
Николас Линдлей Лопес (глава военной хунты)	— март—июль 1963 г.
Фернандо Белаунде Терри	— июль 1963 — октябрь 1968 г.
Хуан Франсиско Веласко Альвараво	— октябрь 1968 — август 1975 г.
Франсиско Моралес Бермудес	— август 1975 — июль 1980 г.
Фернандо Белаунде Терри	— июль 1980 — июль 1985 г.
Алан Гарсиа	— июль 1985 — июль 1990 г.
Альберто Фухимори	— с июля 1990 г.

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Общая литература

- Андропова В. П.* Церковь и просвещение в Латинской Америке. М., 1972.
- Бойко П. Н.* Латинская Америка: экспансия империализма и кризис капиталистического пути развития. М., 1973.
- Бушуев В. Г.* Латинская Америка — США: Революция и контрреволюция. М., 1987.
- Галеано Э.* Вскрытые вены Латинской Америки. М., 1986.
- Гвоздарев Б. И.* Эволюция и кризис межамериканской системы. М., 1976.
- Глинкин А. Н., Мартынов Б. Ф., Яковлев П. П.* Эволюция латиноамериканской политики США. М., 1982.
- Гонсионский С. А.* Латинская Америка и США. 1939—1959. М., 1960.
- Гонсионский С. А.* Очерки новейшей истории стран Латинской Америки. М., 1964.
- Гончарова Т. В.* Индеанизм: идеология и политика. М., 1979.
- Григорьян Ю. М.* Германский империализм в Латинской Америке (1933—1945). М., 1974.
- Григулевич И. Р.* Латинская Америка: церковь и революционное движение. 1960 — начало 1980-х годов. М., 1989.
- Зайцев Н. Г.* Латинская Америка: региональное сотрудничество и борьба за экономическую самостоятельность. М., 1977.
- Капитализм в Латинской Америке. Очерки генезиса, эволюции и кризиса. М., 1983.
- Ковалев Е. В.* Латинская Америка: аграрные реформы и экономическое развитие. М., 1982.
- Коваль Б. И.* Латинская Америка: революция и современность. М., 1981.
- Коваль Б. И.* Рабочее движение в Латинской Америке (1917—1959). М., 1979.
- Королев Ю. Н., Кудачкин М. Ф.* Латинская Америка: революции XX века. М., 1986.
- Косарев Е. А.* Экономическая интеграция Латинской Америки и США. М., 1979.
- Кутейщикова В. Н., Тертерян И. А.* Концепции историко-культурной самобытности Латинской Америки. М., 1978.
- Латинская Америка в международных отношениях. М., 1988. Т. I—II.
- Латинская Америка 80-х годов: партийно-политическая структура стран региона.* М., 1989.
- Латинская Америка 80-х годов: страны Южного конуса: современное положение и перспективы развития. М., 1989.
- Латинская Америка: структурная перестройка хозяйства. М., 1994.
- Матлина А. А.* Критика концепции «мирной регулируемой революции» для Латинской Америки. М., 1971.
- Матлина А. А.* Латинская Америка в меняющемся мире. М., 1992.
- Национализм в Латинской Америке: политические и идеологические течения. М., 1976.
- Политическая система общества в Латинской Америке. М., 1982.
- Посконина Л. С.* Латинская Америка: критика леворадикальных концепций. М., 1988.
- Ревуненков В. Г.* История стран Латинской Америки в новейшее время. М., 1963.
- Сеа, Леопольдо.* Философия латиноамериканской истории. М., 1984.
- Семенов С. И.* Христианская демократия и революционный процесс в Латинской Америке. М., 1971.

Сизоненко А.И. Очерки истории советско-латиноамериканских отношений (1924—1970). М., 1971.

Современные идеологические течения в Латинской Америке. М., 1983.

Социальные сдвиги в Латинской Америке. М., 1986.

Томас А.Б. История Латинской Америки. М., 1960.

Шемякин Я.Г. Латинская Америка: традиции и современность. М., 1987.

Шульговский А.Ф. Армия и политика в Латинской Америке. М., 1979.

Янчук И.И. Политика США в Латинской Америке. 1918—1928. М., 1982.

Янчук И.И. Политика США в Латинской Америке (1939—1945). М., 1975.

Аргентина

Аргентина после Мальвин. М., 1987.

Аргентина: тенденции экономического и социально-политического развития. М., 1980.

Кузнка Э. Военные в Аргентине. М., 1973.

Очерки истории Аргентины. М., 1981.

Романова З.И. Развитие капитализма в Аргентине. М., 1985.

Рубенс Искарро. Рабочее и профсоюзное движение Аргентины: история и развитие. М., 1978.

Строганов А.И. Борьба за единый рабочий и народный фронт в Аргентине в 1933—1936 гг. М., 1969.

Строганова Е.Д. Рабочее движение Аргентины (60-е годы). М., 1975.

Шокина И.Е. Перонистское движение в современной Аргентине. М., 1969.

Бразилия

Антонов Ю.А. Бразилия: армия и политика. М., 1973.

Бразилия: тенденции экономического и социально-политического развития. М., 1983.

Глинкин А.Н. Новейшая история Бразилии (1939—1959). М., 1961.

Глинкин А.Н. Современная Бразилия. М., 1980.

Забелина Т.Ю., Сосновский А.А. Бразилия до и после «чуда». М., 1986.

Калмыков Н.П. Диктатура Варгаса и бразильский рабочий класс. (1930—1945). М., 1981.

Караваев А.П. Капитализм в Бразилии: прошлое и настоящее. М., 1987.

Коваль Б.И. Бразилия вчера и сегодня. М., 1975.

Коваль Б.И. История бразильского пролетариата (1857—1967). М., 1968.

Очерки истории Бразилии. М., 1962.

Хенкин С.М. Мелкобуржуазная демократия в Бразилии. 20—30-е годы XX века. М., 1985.

Мексика

Бороздина Р.И. Аграрная реформа в Мексике. М., 1976.

Визгунова Ю.И. Рабочий класс в освободительном движении Мексики. М., 1989.

Ларин Н.С. Борьба церкви с государством в Мексике (Восстание «кристерос» в 1926—1929 гг.). М., 1965.

Мексика: тенденции экономического и социально-политического развития. М., 1983.

Очерки новой и новейшей истории Мексики (1810—1945). М., 1960.

Пестковская Е.С. Эволюция классовой структуры Мексики в период стабильного развития (40—60-е годы XX в.). М., 1979.

Соколов А.А. Рабочее движение Мексики (1917—1929). М., 1978.

Шульговский А.Ф. Мексика на крутом повороте своей истории. М., 1967.

Куба

- Абреу Р.* Куба: канун революции. М., 1987.
Алексеев В. А. Скромный кондотьер: феномен Че Гевары. М., 1991.
Гевара Э. Че. Партизанская война. М., 1961.
Гевара Э. Че. Эпизоды революционной войны (воспоминания). М., 1973.
Зуйков Г. Н. Социально-экономические предпосылки кубинской революции. М., 1980.
Кастро Ф. Избранные произведения. 1952—1986 гг. М., 1986.
Ларин Е. А. Повстанческая армия в кубинской революции (декабрь 1956 — январь 1959 года). М., 1977.
Ле Риверенд Х. Кубинская республика. Зависимость и революция. М., 1970.
Никифоров Б. С. Куба: крах буржуазных политических партий (1945—1958). М., 1973.
Нитобург Э. Л. Похищение жемчужины. Полтора века экспансионистской политики США на Кубе. М., 1968.
Ожунева М. А. Рабочий класс в кубинской революции. М., 1985.
Очерки истории Кубы. М., 1978.
Погосов Ю. В. Мелья. М., 1968.
Рафа Н. К. Крестьянство в кубинской революции. М., 1974.
Слезкин Л. Ю. История Кубинской республики. М., 1966.
Соколова З. И. Опыт организации крестьянских масс на Кубе. 1961—1967 гг. М., 1973.
Табарес дель Реаль Х. Л. Кубинская революция 30-х годов, ее последние два годв. М., 1974.

Чили

- Альенде С.* История принадлежит нам. Речи и статьи 1970—1973 гг. М., 1974.
Галкина А. Д. Чили: борьба за аграрную реформу. М., 1972.
Гаранин Ф. А. Народный фронт в Чили. 1936—1941 гг. М., 1973.
Ермолаев В. И., Королев Ю. Н. Рекабаррен — великий гражданин Чили. М., 1970.
Зорина И. Н. Революция или реформа в Латинской Америке. Критика реформизма чилийской христианской демократии. М., 1971.
Корвалан Л. Путь победы. М., 1971.
Корвалан Л. Нас ждут новые битвы. М., 1978.
Королев Ю. Н. Чилийская революция. М., 1982.
Королев Ю. Н. Чили: проблемы единства демократических и антиимпериалистических сил (1956—1970 гг.). М., 1973.
Лаврецкий И. Р. Сальвадор Альенде. М., 1975.
Очерки истории Чили. М., 1967.
Рекабаррен Л. Э. Избранные статьи и речи. М., 1977.
Уроки Чили. М., 1977.

Венесуэла

- Венесуэла: тенденции экономического и социально-политического развития. М., 1984.
Дабаян Э. С. Национал-реформизм в современной Венесуэле. М., 1972.
Демущкина Е. В. Венесуэла после второй мировой войны. 1945—1958 гг. М., 1969.

Колумбия

- Андропова В. П.* Колумбия: церковь и общество. М., 1970.
Гавриков Ю. П. История изумрудной страны. М., 1985.
Гонимский С. А. Колумбия. Историко-этнографические очерки. М., 1973.
Ильина Н. Г. Политическая борьба в Колумбии (1946—1957). М., 1968.
Колумбия: тенденции экономического и социально-политического развития. М., 1986.

Перу

Гавриков Ю.П. Перу: от инков до наших дней. М., 1977.

Мариатеги Х.К. Семь очерков истолкования перуанской действительности. М., 1963.

Перу: социально-экономическое и политическое развитие (1968—1980). М., 1982.

Самаркина И.К. Община в Перу. М., 1974.

Боливия

Сашин Г.З. Боливия. Очерк новейшей истории. М., 1976.

Фадеев Ю.А. Революция и контрреволюция в Боливии. М., 1969.

Уругвай

Пинтос Ф.Р. Батлье и процесс исторического развития Уругвая. М., 1962.

Парагвай

Харитонов В.А. Парагвай: военно-полицейская диктатура и политическая борьба. М., 1970.

Центральная Америка

Бульчев И.М. Никарагуанская революция. М., 1986.

Гонионский С.А. Сандино. М., 1965.

Диас Россотто Х. Характер гватемальской революции. М., 1962.

Леонов Н.С. Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975.

Мерин Б.М. Центральная Америка: проблемы социально-политического развития. М., 1973.

Страны Центральной Америки: тенденции экономического и социально-политического развития. М., 1986.

Торизельо Г. Битва за Гватемалу. М., 1956.

Доминиканская Республика и Гаити

Горохов Ю.П. Доминиканская республика и американский империализм. М., 1970.

Кремер Т.И. Доминиканская республика: очерк политической истории (60—70-е годы). М., 1980.

Гонионский С.А. Гаитянская трагедия. М., 1974.

Страны Карибского бассейна

Дридзо А.Д. Этнокультурные процессы в Вест-Индии. Л., 1978.

Ковальская А.С. На пути к свободе. (Борьба за независимость народов колоний и зависимых территорий Западного полушария после второй мировой войны). М., 1973.

Москаленко А.П. Пуэрто-Рико и США. М., 1974

Страны Карибского бассейна: тенденции экономического и социально-политического развития. М., 1985.

Журнал «Латинская Америка». М., 1969—1994 гг.

Справочные издания

Латинская Америка. Энциклопедический справочник. М., 1979. Т. I., М., 1982. Т. II.

Латинская Америка в цифрах. М., 1979.

Латинская Америка в цифрах. М., 1989.

Латинская Америка. Справочник. М., 1990.

Атлас Латинской Америки. М., 1968.

Предисловие.....	3
<i>Введение.</i> Особенности исторического развития Латинской Америки. Латинская Америка в начале XX в.	5
<i>Глава I.</i> Латинская Америка между первой и второй мировыми войнами (с конца 10-х до конца 30-х годов XX в.)	26
Влияние первой мировой войны на Латинскую Америку. Массовые движения и либеральный реформизм в конце 10-х — начале 20-х годов	26
Страны региона в середине и второй половине 20-х годов	37
«Великая депрессия» 1929—1933 гг. и обострение обстановки в регионе ...	47
В поисках перемен (1933—1939)	55
<i>Глава II.</i> Латинская Америка во время и после второй мировой войны (от рубежа 30—40-х до второй половины 50-х годов XX в.)	74
Участие стран Латинской Америки в войне и развитие межамериканского сотрудничества в 1939—1945 гг.	74
Основные тенденции социально-экономического и политического развития государств региона в 40—50-е годы	78
Революции в Гватемале и Боливии	93
Национал-реформизм. Особенности национал-реформистской политики в Мексике, Аргентине и Бразилии	100
Чили и Куба в военные и послевоенные годы.....	119
<i>Глава III.</i> Латинская Америка во второй половине 50-х — первой половине 70-х годов.....	133
Кубинская революция.....	134
Активизация левых и демократических сил в остальных странах Латинской Америки во второй половине 50-х — первой половине 60-х годов.....	150
Реформистская альтернатива. «Союз ради прогресса»	179
Обстановка в Латинской Америке во второй половине 60-х годов.....	193
Борьба за демократические и социальные преобразования в конце 60-х — первой половине 70-х годов.....	215
<i>Глава IV.</i> Латинская Америка перед новыми проблемами (от середины 70-х до начала 90-х годов)	248
Неоконсервативный вариант экономического развития. Военные режимы 70—80-х годов	248
Кризис и ликвидация военных диктатур в Южной Америке	270
Никарагуанская революция и центральноамериканский конфликт	284
Панамский кризис и интервенция США в Панаме	308

Куба: обострение трудностей.....	313
Развитие Аргентины, Бразилии и Мексики в условиях представительной демократии (середина 80-х — начало 90-х годов). Чили после диктатуры.....	325
Латинская Америка в конце XX века.....	356
<i>Заключение</i>	396
<i>Хронология важнейших событий</i>	399
Президенты (верховные правители) стран Латинской Америки в новейшее время (с 1918 по 1994 г.).....	403
Основная литература.....	410

Учебное издание

Строганов Александр Иванович

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ СТРАН ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

Редактор *С. А. Юшина*

Мл. редактор *М. В. Колосова*

Художественный редактор *Е. Д. Косырева*

Художник *В. Н. Хомяков*

Технические редакторы *Л. А. Овчинникова, Г. А. Шестакова*

Оператор *Г. А. Цветкова*

ИБ № 9845

ЛР № 010146 от 25.12.91. Изд. № РИФ-30. Сдано в набор 04.10.94. Подп. в печать 15.02.95. Формат 60×88¹/₁₆. Бум. офс. № 2. Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Объем 25,48 усл. печ. л. 25,48 усл. кр.-отт. 28,21 уч.-изд.л. Тираж 15000 экз. Заказ № 410.

Издательство «Высшая школа», 101430, Москва, ГСП-4, Неглинная ул., д. 29/14.

Набрано на персональном компьютере издательства.

Отпечатано в АООТ «Оригинал», 101898, Москва, Центр, Хохловский пер., 7.

А. И. Строганов НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ СТРАН ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ